Вячеслав КАЛИКИНСКИЙ

ЛЕГИОНЕР-2

Об авторе: Вячеслав Каликинский – писатель, историк и журналист. Живет и работает на Сахалине. Член Союза писателей РФ.

693006 Южно-Сахалинск, пр.Мира, 288, кв. 66.Сайт: www.kalikinskiy.ru Телефон (сот): +7 (914) 757 85 00. E-mail: slavasakhalin51@mail.ru Скайп: legioner8791

От автора. Несколько лет назад я написал и издал в издательстве «Рубеж» (Владивосток, 2012 г.) историко-приключенческий роман (ретро-детектив) «Легионер».

Главный герой (как, впрочем, и практически все остальные персонажи произведения) – реальная личность, Карл Ландсберг. Герой двух войн, гвардейский офицер Саперного Лейб-Гвардии батальона, совершает в Санкт-Петербурге двойное убийство и попадает на страшную Сахалинскую каторгу.

Надо заметить, что в XVIII–XIX веках офицерство было привилегированным «сословием», и на подобные «шалости» императорский двор смотрел весьма снисходительно, а у полиции был негласный запрет на расследование и привлечение к судебной ответственности офицеров гвардейских частей Его Императорского Величества. Однако Карлу Ландсбергу тут «не повезло»: его преступление наделало в Северной столице много шума и практически сорвало крупный займ у германских банкиров, на который весьма рассчитывал Александр II. Разъяренный император, еще не зная, что преступник – офицер элитного батальона, отдает приказ градоначальнику непременно разыскать и примерно наказать убийцу. И только после того, как главный сыщик империи Путилин выполняет царский приказ и арестовывает Ландсберга, Александр II узнает, что тот – не только офицер особо отмечаемого при Дворе Саперного батальона, но и нареченный жених фрейлины Ее Величества Марии Тотлебен, дочери прославленного инженер-генерала.

Но поделать уже ничего нельзя. Ландсберг попадает под суд и получает 14 лет каторжных работ в рудниках самой дальней и страшной каторги империи на острове Сахалин.

В романе автор повествует о борьбе за выживание Карла Ландсберга на каторге, о его участии в русско-японской войне 1904-05 гг., о полученном им в конце концов полном императорском прощении и возвращении в Петербург. Взявшись за мемуары, Карл Ландсберг нечаянно прокалывает палец руки пером, получает заражение крови и…

Автор работал над «Легионером» почти 8 лет, и у него просто не хватило духа «убить» Карла, как это произошло на самом деле в марте 1909 года. Роман заканчивается попыткой друзей Карла спасти его, сделав рискованную и запрещенную в России того времени операцию по переливанию крови.

Со времени выхода произведения в свет и до нынешних дней автор получил не только множество хороших отзывов о «Легионере», но и требований читателей написать продолжение романа. Ну, что ж… «Быть по сему» - такова была излюбленная резолюция последнего императора России, Николая II. Он, кстати говоря, и стал одним из героев нового романа «Легионер-2».

Его действие разворачивается в царствие Николая II. Над последним императором России, еще за много лет до его рождения, висит дамоклов меч страшных пророчеств. Об одном предсказании будущий самодержец узнает еще в юности, совершая по повелению отца, Александра III, «морскую кругосветку». Во время пребывания в Японии, накануне попытки убийства наследника русского престола в городе Оцу, монах-отшельник Теракуто предсказывает великому князю Николаю кровавый финиш его царствования. Через несколько лет, взойдя на престол и женившись на принцессе Гессенской, он получает послание из «глубины веков», адресованное ему императором Павлом I. В этом послании содержится пророчество русского монаха Авеля, практически не оставляющее Николаю шансов на долгое и счастливое царствие. Пройдет еще несколько лет – и русский император получит третье пророческое предупреждение от британского экстрасенса с греческими корнями, некоего Кейро.

А над Россией начала XX века веют революционные вихри. Опьяненные кровью молодые революционеры отстреливают царских чиновников, бросают бомбы в дома сановников и всех тех, кто носит белые перчатки. Нет покоя императору и в охраняемых дворцах: его ближайшие родственники, включая и мать, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, не только злословят по его адресу. Они «подставляют» Николая своей алчностью, бездарностью, нежеланием и неумением быть главе дома Романовых надеждой и верной опорой. Едины духом и помыслами только Николай и императрица Александра, Ники и Аликс. Но и их трудно назвать счастливыми: царица одну за другой рожает дочерей, а наследника престола все нет и нет…

Утопающий хватается за соломинку. Так и у Николая II, прослышавшего про тибетское путешествие сектантов, называемых «бегунами» или «странниками», рождается отчаянная надежда остановить хаос в России и изменить страшную историю царской семьи. Однако «странники» не желают делиться великими тайными знаниями, обретенными ими в Тибете. Оставляя за собой кровавый след, глава «странников», старец Никитин, бесследно исчезает. Разочаровывают императора и итоги тайной экспедиции в Тибет военных калмыков-буддистов. И тогда он вспоминает досье помилованного им еще в 1906 году каторжника Карла Ландсберга. Его родственник, Ганс Ландсберг, бывал на Тибете и хорошо его знает. Предки Ландсбергов, придя на Русь еще в XVI веке, предложили свои мечи царю Василию и верно служили ему и новой родине.

Император отдает приказ разыскать потомков тех самых Ландсбергов. Но Карл уже умер в немецкой клинике, несмотря на отчаянные попытки своего друга и однополчанина Марка Ивелича и доктора Климова спасти его непризнанной в России операцией по переливанию крови. Но его друзья живы!

Проникнувшись человеческой трагедией русского самодержца, британской подданный Ганс Ландсберг, отставной полковник русской армии Марк Ивелич и космополит доктор Илья Климов отправляются в Тибет. Вместе с ними следует верный слуга Ганса, странный карлик по имени Арюунэрэл.

Как и во всех моих предыдущих книгах, в этом романе много реальных персонажей и событий, имевших место быть. Тем читателям, кто никогда не интересовался Страной Снегов, тибетские главы романа могут показаться плодом буйной фантазии автора. Но это не так: мне пришлось «перелопатить» десятки трудов по истории и современности этой таинственной страны, изучить отчеты о тибетских впечатлениях русских и зарубежных путешественников. Ну, а в итоге - удалось собрать под одной обложкой многие тайны Тибета. Чем грешен автор – так это тем, что, пользуясь правом на вымысел, несколько изменил время и хронологию тибетских открытий

Ну, а что касается невероятного способа возвращения героев в Россию… Тут можно сказать одно: далеко не все тибетские тайны еще разгаданы.

Закрученный сюжет, масса знакомых и малоизвестных фактов российской истории, неожиданная развязка – вот что ждет читателей «Легионера-2».

В заключение можно добавить: моя новая книга неожиданна еще и потому, что этот роман - полифонический. Проще говоря, в романе нет ярко выраженного главного героя. Таковыми становятся почти все действующие лица этого произведения, по мере их появления на страницах «Легионера-2». Они исполняют свою «арию» и уступают место другим персонажам. Эту разновидность жанра принес в отечественную литературу своим «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевский. У классика русской литературы этот роман трактуется философским. Насколько полифония созвучна с жанром ретро-триллера – судить вам, мой читатель…

Автор.

Часть первая

ПРОЛОГ Ave, Caesar! Morituri te salutant!

Сознание возвращалось к Карлу медленно. Сначала он почувствовал острую боль в предплечье и догадался, что боль вызвана уколом. Потом вернулся слух, и он осознал, что в ушах звучит ритмический стук вагонных колес. Еще не открывая глаз, Карл нахмурился: откуда стук? Почему стук? Ведь он уже вернулся в Петербург, встретился со своей Олюшкой и сыном.

Потом невидимые мягкие и сильные пальцы разлепили ему слипшиеся веки, и по глазам ударил яркий узкий луч электрического фонаря. Чей-то далекий и смутно знакомый голос произнес:

- Марк, через пару минут наш друг окончательно придет в себя. Сходи, позови мадам Дитятеву! Только не веди ее сразу в санитарное купе – оживший супруг будет слишком большим ударом для нее.

- Сходил бы ты сам, Илья! Ты же доктор, как-никак… Ну, что я ей скажу? Пардон, Ольга Владимировна, ошибочка с вашим мужем вышла… А похороны, мол, вам причудились… И потом: ты же сам говоришь, что для Карла твоя вторая трансфузия - всего один шанс из трех. Может – Боже, упаси, конечно! - не будем спешить с оповещением несчастной Ольги с радостным событием?

- Замолчи, Марк! К твоему сведению, пациент в настоящую минуту все слышит и все осознает!

Карл Ландсберг застонал: вместе с сознанием к нему возвращалась боль во всем теле. Он с трудом открыл глаза, увидел два смутных силуэта рядом.

- Где… Где я? – прохрипел он.

- Ага, очнулся! – один из силуэтов склонился над ним, ощупал пылающий лоб, заменил холодный компресс на голове. – Вы меня слышите, господин Ландсберг?

- Да… Кто вы?

- Вот новости! Он еще спрашивает! Позвольте, в таком случае, представиться: ваш спаситель, доктор Климов! Давайте-ка я вам еще инъекцию сделаю – будет полегче, обещаю! Марк, а ты иди! Кому сказано? Утром мы будем уже в Берлине – ты можешь представить реакцию супруги твоего друга на вокзале? Пусть уж лучше сейчас – до утра успокоим, ежели что…

Граф Ивелич, покачав в сомнении головой, направился к переходному тамбуру.

В руку Карла вонзилась еще одна игла шприца, и он поморщился.

- Ага! – почему-то обрадовался доктор Климов. – Ага! Вы чувствуете боль – это же замечательно, голубчик! Раз есть боль – значит, живы нервные окончания!

- Где я? – повторил Карл.

- В вагоне поезда, зафрахтованного нами из Петербурга в Берлин, барон.

- А… А зачем? – слова давались Карлу трудно, язык был словно чужим.

- В Петербурге я сделал вам операцию трансфузии, голубчик. То есть, основательно разбавил вашу отравленную кровь здоровой. В Берлине мы повторим эту операцию: болезнь зашла слишком глубоко.

- А почему?.. Почему Берлин?

- Потому что, строго говоря, подобные операции незаконны и не рекомендованы российскими медиками. Если бы мы с вашим другом Ивеличем не вывезли вас из больницы и не спрятали бы, вашего покорного слуг могли бы арестовать, а вы бы просто умерли… Извольте-ка вдохнуть нашатыря – это прочистит вам мозги, барон. Сейчас сюда

придет ваша супруга, которая полагала до сих пор, что вы уже отдали Богу душу и лежите себе на Волковом кладбище!

- Олюшка, бедная моя… Столько ждать, столько мучиться… А как Георгий?

- Ваш сын отправлен к вашей матушке в Шавли, барон.

- Доктор, скажите… Положа руку на сердце: у меня есть шанс поправиться?

- Честно? Гм… Знаете, если бы у меня была возможность сделать вам трансфузию вчера или сегодня, шансов было бы больше. Но положение не безнадежное, верно вам говорю! Организм у вас крепкий, Бог даст – все обойдется!

- И все-таки?

- Вот неуемный пациент! Ну, хорошо: один к трем. Это вас устраивает?

Громко хлопнула стальная межвагонная дверь, по салону прокатилась волна холодного воздуха. Карл приподнял голову, но из-за ширмы были слышны только голоса.

- Учтите, свидание будет коротким! – предупредил Климов. – Вы еще слишком слабы, да и супруге надо привыкнуть к мысли, что вы живы…

Плача и смеясь одновременно, в санитарный отсек ворвалась Ольга Владимировна, упала на колени перед постелью с мужем.

- Карл, я не верю своим глазам! Ты жив! Жив! – она на мгновение обернулась на Ивелича и Климова. - Господа, какое невероятное и… жестокое чудо вы сотворили!

Вены на лбу Карла вздулись, лицо стало багровым. Он явно хотел что-то сказать, открывал и закрывал рот.

- Позвольте! – не слишком деликатно отстранив Дитятеву, доктор Климов измерил пульс Карла и бросил через плечо. – Я вынужден просить вас немедленно покинуть санитарный отсек, а еще лучше – вагон. Простите, конечно, но это в интересах нашего пациента! Слишком сильное душевное потрясение вызвало резкий подъем артериального давления. Марк, Ольга Владимировна, прошу вас!

* * *

Через полчаса упорной борьбы за жизнь Карла Климов устало разогнулся, помял обеими руками занемевшую спину. Приоткрыв окно, закурил свою излюбленную египетскую папиросу. Выкурив одну, зажег другую и обернулся на стук двери. Ивелич, озабоченно почесывая щеку, с тревогой поглядел на затихшего Карла, перевел вопросительный взгляд на доктора.

- С Карлом пока все в порядке – насколько это возможно, - отрывисто ответил на немой вопрос Климов. – Но у него сильный жар, и горячая кровь быстрее поникает в органы его тела. А поскольку она отравлена…

- Я, конечно, не медик, Илья, - кашлянул Ивелич. – Но в холодильнике проводника до черта льда. Может?..

- Я и сам сейчас сомневаюсь в своих медицинских способностях, - признался Климов. – Я просто не решаюсь принять одно из двух возможных решений. Я могу сбить Карлу жар, но тогда он неминуемо уснет. Или впадет в забытье, из которого может уже не выйти! У него сейчас пограничное состояние, если ты понимаешь, о чем я говорю.

- Может, мы используем для дополнительного переливания мою кровь? Она ведь подходит для Карла, и разбавит его отравленную…

- Перестань, Марк! – резко оборвал Климов. – Твое предложение, конечно, весьма благородно, но у меня с собой нет ни подходящего инструментария, ни помощника. Кстати, как там его супруга?

- Снадобье, которое ты для нее приготовил, и слона, вероятно, с ног сшибет. Уснула.

Закурив третью папиросу, Климов задумался, и, наконец, решился:

- Когда не знаешь, что делать, стало быть, и не нужно ничего делать! Вот что, Марк: попробуй поговорить с ним. Просто поговорить! Вспомни что-нибудь, что вызовет его

интерес. Заставь отвечать на вопросы! Только постарайся не волновать! Хочу предупредить: он не сразу начнет реагировать на твой разговор и вопросы. Не обращай на сие внимания и продолжай работать языком!

* * *

Карл действительно был в том момент между жизнью и смертью. Он лежал с закрытыми глазами и едва удерживался от того, чтобы не сжать руками пульсирующие на висках вены.

Почувствовав на своей ладони прохладную руку, он приоткрыл глаза. Ивелич. Марк Ивелич.

- Что, Марк? Плохие дела у меня, стало быть? Попрощаться пришел?

- Что за дурость? – возмутился тот. – Просто поболтать решил: в Петербурге-то почти и не поговорили. Мы расскажи-ка, легионер, как ты по самой длинной железной дороге в мире ехал? Две недели на колесах –это ж с ума сойти можно!

- Как видишь, не сошел… Зато заразу какую-то подхватил…

- Ну-у, в отличие от сумасшествия, твоя зараза лечится. Во Владивостоке знакомствами не обзавелся?

- Знакомствами? – Карл помолчал. – Сыщика встретил…

- Сыщика? Какого сыщика?

- Долго рассказывать. Впрочем… Шесть лет назад, еще до войны, схлестнулся я, брат, с Сонькой Золотой Ручкой.

- Да ты что?! С той самой?

- Да… И она поставила мне условие: я должен был привезти ей из Владивостока «сменщицу».

Ивелич недоуменно поглядел на Климова, тот пожал плечами и сделал гримасу: бредит, мол!

- Ну и что? Привез?

- Неважно. Я про сыщика… Нанял его, чтобы навести кое-какие справки…

Последние слова Карл почти прошептал, делая между ними все увеличивающие перерывы. Ивелич попробовал продолжить расспросы, но через несколько минут разогнулся и беспомощно поглядел на Климова.

* * *

Доктор Климов подал знак своим немецким помощникам, и те, быстро завершив свои дела, молча и бесшумно покинули больничную палату, перегороженную раздвижной перегородкой. Поплотнее притянув за ними дверь, Климов дошаркал до свободного дивана и устало рухнул на него. Достал коробку египетских сигарет, закурил и только после поднял на друзей, занявших два оставшихся дивана, покрасневшие от бессонных ночей глаза:

- Дамы и господа, друзья… Впрочем, друзей у меня никогда не было, и, наверное, уже не будет. Я слишком резок и прям, чтобы говорить друзьям комплименты, чтобы с улыбкой врать и успокаивать. Впрочем, не буду отвлекаться! Мы собрались здесь не для разбора моего отвратительного характера! Ольга Владимировна, Марк, мистер Ландсберг… Я хочу сообщить вам совершенно безрадостную весть: через несколько минут Карл умрет… На сей раз, Ольга Владимировна, уже по-настоящему…

Дитятева порывисто отвернулась, уткнулась лицом в плечо Марка Ивелича. Ее плечи беззвучно затряслись от сдерживаемых рыданий. Сам Ивелич, успокаивающе поглаживая ее плечи, заморгал глазами, кашлянул и отвернулся от чуть колышущейся перегородки. Ганс Ландсберг, единственный из присутствующих не пожелавший присесть, так и стоял у стенки, прислонившись к ней широкой спиной и не меняя каменного выражения лица.

- Процесс перехода нашего Карла в мир иной, к сожалению, необратим, - продолжил Климов. – Я и мои немецкие коллеги сделали все, что могли, но… У меня остался ко всем вам единственный вопрос, который может показаться бестактным или кощунственным. Тем не менее, я его задам: можно ничего не делать и дождаться, пока сердце нашего друга остановится само. Как вариант, я могу сделать пациенту инъекцию адреналина, которая, не изменив конечный итог, подарит всем нам еще минут 10-15 времени для прощания с Карлом. Может, кто-то из вас желает сказать ему нечто важное? Либо услышать последнее «прощай» от близкого человека?

-Мы поняли вас, доктор, - прогудел Ганс. – Но, скажите, не принесет ли это дополнительных страданий моему брату?

- Если бы существовала такая вероятность, я не стал бы предлагать эту инъекцию, - грустно улыбнулся Климов. – Но прошу решать поставленный мной вопрос быстрее: у нас почти не осталось времени! Да или нет?

Дитятева порывисто вскочила с дивана, стиснула на груди побелевшие пальцы:

- Дайте! Дайте мне эти последние мгновения прощания с мужем! Я хочу еще раз заглянуть в его глаза, ощутить пожатие его руки. Я хочу сказать ему, чтобы он не беспокоился за сына, что его мы его бесконечно любим и никогда не забудем!

Климов кивнул и, вопросительно приподняв брови, перевел взгляд на мужчин. Марк Ивелич, чуть помедлив, тоже кивнул. Ганс Ландсберг, не сводя тяжелого взгляда с полотняной перегородки, за которой лежал умирающий, отрывисто произнес:

- Да, конечно, доктор…

- Что ж, решение принято, прошу следовать за мной! – доктор отдернул белую ткань.

Тело Карла сотрясала мелкая дрожь, по лицу стекали капли пота, пальцы рук еле приметно шевелились, словно он хотел удержать что-то ускользающее… Глаза присутствующих невольно были прикованы к шприцу, чуть покачивающемуся на длинной игле, уходящей прямо в грудь умирающего.

Доктор Климов бестрепетными пальцами обхватил трубку шприца, большой палец лег на поршень.

- И последнее, господа! – произнес он. – Я не знаю, сколько времени подарит нам судьба и адреналин, поэтому предлагаю быть в общении с умирающим краткими. Первым, на мой взгляд, должен попрощаться с Карлом его верный друг, его сиятельство Ивелич – минуты три, не более! Прошу вас, граф! Столько же времени есть у мистера Ландсберга – для краткости буду, если не возражаете, называть его братом Карла. Все оставшееся время, полагаю, принадлежит супруге пациента, Ольге Владимировне Дитятевой. Нет возражений, господа?

Окинув присутствующих быстрым взглядом, Климов нажал на поршень, введя в сердце Карла около половины содержимого шприца. Умирающий вздрогнул всем телом, пальцы рук сжались в кулаки, из груди вырвался тихий стон.

- Не спеши, Марк, препарат еще не дошел до мозга! – остановил Климов ринувшегося было к другу Ивелича. – Вот когда он откроет глаза и повернет голову, с ним можно будет говорить…

Словно услышав доктора, Карл открыл глаза, поморгал. Повинуясь жесту доктора, Ивелич шагнул вперед, взял друга за руку.

- Это ты, мой легионер? – слегка раздвинул губы в улыбке Карл. – А я уже было подумал, что все… Начал скользить в какую-то мягкую серую трубу, пытался удержаться за ее стенки – и не мог… Да, скользкие стенки…

- Помолчи, Карл! – ласково оборвал его Ивелич. – Я пришел, чтобы сказать тебе последнее «прости». Попросить прощения за все, что не смог для тебя сделать. Клянусь,

что не оставлю твою супругу и сына, они ни в чем не будут знать нужды! Я воспитаю из Георгия настоящего легионера – такого, какими были мы с тобой. Прощай, брат!

Не скрывая слез, Ивелич отступил, давая место шагнувшему вперед Гансу. Тот тоже взял Карла за руку, пожал широкими плечами:

- Вот ведь как в жизни бывает, брат! Видеться виделись несколько раз, а поговорить удалось только сейчас…

- Несколько раз? – удивился Карл. – А разве не единственный, тогда, в Сингапуре? Когда ты попросил подойти к иллюминатору человека, говорящего по-немецки?

Ганс с улыбкой покачал головой:

- Шесть лет спустя, купив клипер и наняв отчаянных молодцов, я помчался на Сахалин, чтобы увезти тебя с проклятой каторги. И надо же такому случиться, Карл, что в день моего прибытия во Владивосток ты уезжал по коммерческим делам в Японию. Я видел твое лицо через призмы бинокля – ты показался мне спокойным, но чем-то озабоченным…

Доктор Климов тронул Ганса за плечо, давая ему понять, что лимит времени исчерпан.

- Прощай, брат! – отступая, Ганс поднял сжатую в кулак руку. – Я могу только повторить то, что только что сказал тебе Марк Ивелич! Не беспокойся за супругу и сына, уходи спокойно!

Дитятева бросилась перед ложем супруга на колени, стала целовать его бессильно сложенные на простыне руки, гладить лицо.

- Карл, Карл, я второй раз прощаюсь с тобой! Это, наверное, жестоко – но все равно я благодарю Бога за возможность снова обнять тебя! Сказать, что бесконечно люблю!

Приникнувший ухом к груди умирающего Климов, сжав зубы, покачал головой и вдавил поршень шприца до упора.

Карл снова вздрогнул, с явным усилием поднял непослушную правую руку и положил ее на затылок Ольги Владимировны.

- Прощай, майн либе Олюшка! Прощай и спасибо судьбе, что она подарила мне на каторжном острове встречу с тобой. Я не знаю, что со мной случилось бы, если б не ты…

Рука Карла соскользнула с шеи супруги, он замолк и вытянулся. Доктор выдернул ставший бесполезым шприц, и без особых церемоний вытолкал всех в свободную половину палаты, задернул занавеску.

- Марк, немедленно уведи отсюда Ольгу Владимировну, Ганса и убирайся сам! Я позову всех попозже.

* * *

Когда обычную суматоху вокруг новопреставившегося сменила вязкая отупляющая усталось, граф Ивелич нашел повод уединиться с доктором Климовым в одном из помещений клиники.

- Свиньи мы с тобой все же, Климов! – Ивелич с силой раздавил в пепельнице только что раскуренную сигару и машинально достал новую. – За неделю заставили бедную женщину дважды потерять мужа! Такое даже в страшном сне не приснится!

Доктор Климов помолчал, поднял на собеседника прищуренные глаза:

- Марк, я сделал все, что мог! И, надеюсь, ты не думаешь, что действовал ради медицинского эксперимента? Я искренне хотел спасти Карла, но… Время было потеряно: сделай я второе переливание через день после первого, шансов выкарабкаться у твоего друга было бы гораздо больше!

- Не надо оправдываться, я тебе верю! – Ивелич с силой сжал локоть доктора. –И не надо напоминать, что в Петербурге после доноса эскулапов из Свято-Евгеньевской больницы по твоим следам шла полиция. Еще несколько часов – и тебя могли арестовать!

Я имею в виду другое: похороны вместо Карла безродного чухонца. Мадам Дитятева и слышать не желает о том, чтобы похоронить мужа в Берлине! И она не в том состоянии, чтобы я мог спросить у нее: а как, собственно, она это себе представляет? У бедного Карла уже есть усыпальница на Волковом кладбище – прикажете ночью вскрыть могилу, выкопать гроб и заменить чухонца несчастным Карлом?!

Климов согласился:

- Это ужасно, конечно. К тому же, это была моя идея. И не самая лучшая, как оказалось, признаю! Но ты же помнишь, из чего мы с тобой исходили? По моим следам шла полиция, и мне ничего не оставалось делать, как тайно выехать из России, не оставляя при этом без присмотра Карла! Помнишь, мы уговаривали его супругу похоронить мужа в Германии? Она же ни в какую не соглашалась! А когда зафрахтованный тобой литерный поезд вырвался из России, и мы с тобой показали Ольге Владимировне живого Карла, она чуть с ума не сошла от счастья! Черт! Черт! Черт! – Климов с силой бил кулаком в раскрытую ладонь. – Право, Марк, я просто не знаю, что теперь делать!

Дверь в комнату для посетителей без стука отворилась, и в проеме показалась высокая фигура Ганса Ландсберга.

- А, вот вы где, господа заговорщики! – мрачно пошутил он. – Прячетесь от Kriminalpolizei[1]?

Ивелич и Климов переглянулись:

- Что вы имеете в виду, господин Ландсберг? Мы, признаться, говорили о полиции, но о русской! Ломали себе головы над тем, как подменить безродное тело в российской могиле бренными останками Карла…

- Сначала нужно отделаться от местной «Kripo», - отмахнулся Ганс. – Насколько я понял, нынешние немцы просто помешаны на доносительстве. И кто-то из персонала этой клиники, бьюсь об заклад, получает русские газеты. В одной из них наш «доброжелатель», готов поспорить, нашел некролог, посвященный кончине несчастного Карла и его похоронам в Петербурге. И немедленно сообщил в «Kripo» об «ожившем» покойнике в их клинике. А в полиции наверняка вообразили, что имеют дело с какими-то происками русских революционеров, и нынче сюда явилась целая орда стражей порядка.

Ивелич и Климов снова переглянулись.

- Я с моими телохранителями-китайцами потеснил наглецов и увел от них Ольгу, она теперь под надежной охраной, - буркнул Ландсберг. – Однако, думаю, что люди из «Kripo» не отстанут! Теперь они ищут тех, кто привез сюда несчастного Карла.

- Наши соболезнования по этому поводу, - поклонился граф Ивелич. – Что же касается немецкой полиции, то, смею заверить, это наименьшая из бед, свалившихся на наши головы. Немцы из «Kripo» быстренько свяжутся со своими русскими коллегами[2] в Берлине, удостоверятся, что мы все не имеем никакого отношения к русским революционерам и террористам, и быстренько вышвырнут всю нашу компанию в Россию.

Ганс недоверчиво покачал головой и хотел что-то возразить, однако в это время снаружи послышался топот, и в комнату для посетителей ворвались пятеро или шестеро агентов «Kripo», одетых в партикулярное платье.

---

[1] Kriminaipolizei, разг. «Kripo» - уголовная полиция немецкая полиция, задействованная в случаях совершений тяжких преступлений, организованной преступности, преступлениях против детей и молодёжи, экономических, имущественных и политически мотивированных преступлениях.

[2] Когда царские спецслужбы России начали формировать свою агентурную сеть в Берлине, местная полиция поначалу увидела в этом угрозу своему государству. Русские, однако, убедили немцев, что намерены лишь следить за своими неблагонадежными гражданами, выезжающими за границу, а не строить козни против Второго рейха. Отношения с местной полицией установились настолько «дружеские», что полицейский комиссар Винен из Берлина стал оказывать русским негласные услуги – разумеется, за денежное вознаграждение».

- Ваше сиятельство граф Ивелич? Господин доктор Климов? – быстро заговорил один из полицейских по-русски. – Вам придется проследовать за нами в полицейский участок.

- Мы арестованы?

- О-о, разумеется, нет! – сладко улыбнулся полицейский. И тут же уточнил. – Пока нет. Просто господин комиссар хотел бы получить объяснения по этому поводу…

Он вынул из кармана сложенную русскую газету

+

Ночью с 18 на 19 марта въ Петербургъ скончался
К А Р Л Ъ Х Р И С Т О Ф О Р О В И Ч Ъ

ФОНЪ-ЛАНДСБЕРГЪ

о чем жена и сынъ покойнаго извещают родныхъ и знакомыхъ. Погребеніе в Петербургъ, панихида по усопшемъ сегодня, 21 марта въ 11 съ полов. ч. дня въ Римско-Католической церкви. 2-я Портовая

- Господин комиссар хотел бы получить вразумительные объяснения по поводу того, каким образом покойный и, если верить газетам, погребенный фон Ландсберг очутился в Германии живым и умер только здесь. Потом мы свяжемся с русскими чинами Заграничной полиции и вы, скорее всего, будете депортированы в Россию.

- Но я вовсе не желаю возвращаться в вашу Россию! –зашептал Ганс Ландсберг Ивеличу. – Признаться, в свое время я «наследил» в вашей стране, и во время последнего визита в Петербург попал под плотную «опеку» политической полиции. Меня даже вежливо приглашали к начальнику департамента, но я успел скрыться. И снова в Россию? Благодарю покорно!

- Вы имеете в виду вашу попытку прорваться на Сахалин на клипере? – проявил осведомленность граф Ивелич. – Или то, что ваши китайцы-телохранители слегка покалечили несколько чинов наружного наблюдения, когда вы разыскивали в Петербурге господина Стронского? Поверьте, мистер Ландсберг, подобные пустяки недостойны внимания начальника полицейского департамента! Скорее всего, вы и вправду потребовались ему для чего-то более важного!

Разговор довольно бесцеремонно прервал старший полицейский агент:

- А вы, если не ошибаюсь, господин Ландсберг? Брат дважды… гм… Дважды усопшего Карла фон Ландсберга?

- Вы не ошибаетесь, - буркнул тот.

- Вам тоже придется проследовать с нами, - заявил полицейский.

- Это еще почему?

- Ваши телохранители не дали моим агентам возможности побеседовать со вдовой усопшего, вышвырнули их из больничной палаты и нанесли им некоторые телесные повреждения. Дело серьезное, герр Ландсберг: сопротивление чинам полиции при исполнении ими должностных обязанностей!

- Вы разрешите поговорить с вами приватно? –вежливо обратился граф Ивелич к бригадиру «крипо», отвел его в угол и что-то быстро зашептал на ухо.

Потом послышался характерный шелест купюр. Немец, не слишком скрываясь, с довольным видом упрятал поглубже в карман полученную мзду, шутливо погрозил Ивеличу пальцем и повернулся к Гансу Ландсбергу:

- Мое приглашение в участок относительно вас отменяется, герр Ландсберг! Я принимаю во внимание незнание вашими телохранителями немецкого языка и то, что мои люди, возможно, действовали чересчур жестко. Однако предупредите их на сей счет, прошу вас!

- Вот и все! – подмигнул Ивелич Гансу. – Оставайтесь в клинике, найдите мадам Дитятеву и сообщите, что мы с доктором Климовым вернемся часа через два.

- Погоди, Марк! – запротестовал на сей раз Климов. – Но я тоже не рвусь в Россию! Меня ждет там обвинение в нарушении запрета на медицинскую практику, проведение незаконных операционных процедур под чужим именем и еще Бог знает что! Нет уж, уволь! Здесь же мне предлагают немецкое гражданство и место в лучшей клинике Берлина, либо полную свободу в научной деятельности.

- Не паникуйте раньше времени, господа! – взмолился граф. – Пока речь идет только о визите в Полицейский комиссариат Берлина и политической проверке со стороны русской службы Заграничной охраны! Я отчего-то убежден, что все образуется!

- «Отчего-то убежден»? – хмыкнул Ландсберг. – Насчет убеждений я предпочел бы гадание своего Предсказателя, но его с нами, увы, нет!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ларец Павла I

– Ники, право, может, нам все же лучше дождаться возвращения твоей матушки? Мне кажется, она не будет рада нашей затее! Не век же она, в конце концов, будет гостить у своих датских родственников!

Молодой император рассмеялся, поцеловал супругу в висок и упрямо покачал головой:

- Милая Аликс, ты, видимо, все еще принимаешь меня за гимназиста, который, дождавшись отлучки *maman*, норовит забраться в буфет с ее любимыми вареньями! Твой грозный муж не больше и не меньше, как русский царь и повелитель России! – Николай нарочито нахмурил брови и постарался сделать страшную гримасу, но не выдержал и снова рассмеялся. – Нам незачем дожидаться приезда *maman*, чтобы отправиться в ее любимую Гатчину. К тому же, не забывай, милая, с каким нетерпением я ждал этого для!

Императрица, поняв, что все аргументы в споре с супругом исчерпаны, лишь вздохнула: накануне она пожаловалась было Ники на слабость в ногах и трудно переносимую в связи с этим поездку в экипаже – и супруг тотчас же распорядился приготовить царский поезд. Ну как отказать такому галантному кавалеру? Который, к тому же, носит фамилию династии Романовых

К тому же, и нынешний день был для царской династии особенным: в марте 1901 года исполнялось ровно 100 лет со дня страшной гибели Павла Первого – гибели, которую он предчувствовал! Все семейство Романовых знало, что в Гатчинском дворце его вдова, Мария Федоровна, оставила особый ларец с письмом монаха-провидца Авеля. Ларец был опечатан личной печатью Павла. И надпись: «Вскрыть потомку моему в 100-летний день моей кончины» - будила воображение. Конечно же, нынешнему молодому императору не терпелось поскорее добраться до этого ларца.

Он неоднократно вспоминал то таинственное послание «из тьмы веков» в разговорах со своей матерью, но та не разделяла нетерпеливости сына. Всякий раз она спешила перевести беседу на другую тему, и по всему было видно, что упоминание о

существовании ларца Павла ей крайне неприятно. Наблюдательный Николай не мог не видеть этого, и не раз, то в шутку, то всерьез жаловался своей супруге:

- Право, милая Аликс, мне отчего-то кажется, что maman, давно вскрыла тот ларец, знает о его содержимом и отчего-то не желает, чтобы я узнал сию тайну!

Его догадки были недалеки от истины. Вдова Александра III действительно давненько вскрыла ларец, и оттого страстно не желала, чтобы пророчества «сумасшедшего монаха-расстриги» стали известны сыну, расстроили его. А если б она знала, что наследник скрыл от нее свою встречу с неким астрологом в августе 1896 года?

Тогда, вскоре после коронации Николая, молодожены делали по Европе «турне вежливости». Побывали они и в Англии, у бабушки Аликс – Британской королевы Виктории. В Лондоне и случилась первая встреча русского царя с астрологом Луисом Хамоном.

Поначалу общение с европейским провидцем была заочной. По наущению принца Уэльского Николай записал на листе бумаги дату своего рождения и рождения своих родителей, и передал запись астрологу. Через несколько дней ему доставили ответ. Не догадываясь, что составляет гороскоп самому русскому царю, астролог тогда написал:

«Кто бы ни был этот человек, дата его рождения, числа и другие данные показывают, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с опасностью ужасов войны и кровопролития; что он сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его Судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и что в конце второй войны он потеряет все, что он любил больше всего; его семья будет вырезана, и сам он будет насильственно убит».

Получив такой нелицеприятное пророчество, Николай, разумеется, показал его принцу. И тот, чувствуя, что его совет «развлечься» астрологическим прогнозом оказался сродни медвежьей услуге, стал горячо уверять своего дальнего русского родича, что вся эта «ворожба» - чепуха. А для успокоения посоветовал лично встретиться с Хаммоном.

22 сентября 1896 года, будучи проездом в Оксфорде, Николай II инкогнито пришел в дом астролога и попросил объяснить, отчего тот сделал ему такие страшные предсказания. Астролог, опять-таки не зная, с кем беседует, снисходительно разъяснил посетителю – «что и как». Николай II оплатил ему «консультацию», и ушел от Хаммона, надо полагать, в соответствующем настроении.

Что именно сказал русскому императору астролог – так и осталось тайной: вопреки обыкновению записывать все свои встречи и события минувшего дня в личный дневник, на сей раз Николай не сделал этого.

* * *

Несмотря на короткое расстояние от Царского Села до Гатчины - всего-навсего около двух с половиною верст – регламент царского путешествия был довольно-таки хлопотным и пышным, соответствующим малому выходу монарха в свет. Все четыре вагона короткого состава была старательно отмыты до блеска. Первый вагон предназначался для личной охраны государя, во втором ехал сам Николай с супругой. Третий вагон совмещал в себе столовую и походную кухню с дюжиной поваров и официантов. Четвертый был отдан свите русского монарха – штату Министерства Двора его императорского величества, а также фрейлинам императрицы .

За два часа до отправления поезда павильон вокзала был оцеплен и очищен от просителей и визитеров, ежедневно приезжающих в Царское Село со своими прошениями и жалобами. Помимо городовых, стоящих вдоль всего дебаркадера, по обе стороны железнодорожной колеи, невидимые для всех, в кустах таились два-три десятка чинов и агентов Дворцовой охраны. За четверть часа до отъезда все пассажиры царского поезда

выстроились у предназначенных для них вагонов, и встретили монаршую чату глубокими поклонами, после чего поспешили занять свои места согласно регламенту.

Получив от государя разрешение на отправление поезда, дежурный флигель-адъютант махнул платком начальнику вокзала, тот подал сигнал старшему кондуктору. Подвижное крыло семафора поднялось, сменив красный глазок фонаря на зеленый, машинист перекрестился и плавно передвинул рычаг хода, пуская пар к огромным поршням. Паровая машина дала гудок и, набирая ход, императорский поезд тронулся.

Чувствуя напряжение, в котором отчего-то пребывала супруга, Николай изо всех сил пытался развеселить ее, и к концу короткого пути небольшая морщинка на переносице Аликс практически исчезла.

На Александровском вокзале в Гатчине дежурили опять-таки городовые и агенты Дворцовой стражи. Единственным отличием встречи царского поезда было присутствие на дебаркадере начальника Гатчинского дворцового управления, генерала от инфантерии Константина Карловича Гернета. В отсутствие вдовствующей императрицы Гернет был полновластным хозяином не только дворца, но и комендантом всей Гатчины.

Николай принял доклад коменданта, подал ему руку. Выслушав рапот о том, что комнаты для отдыха царской четы приготовлены, император от души посмеялся:

- Какой тут может быть отдых, Гернет? Мы с Аликс сюда ненадолго, через часик-другой, глядишь, обратно отправимся.

-Как будет угодно вашему величеству, - комендант с поклоном сделал наш назад и в сторону, давая дорогу высокому гостю. – Коляска для ее величества приготовлена, государь!

- Да-да, нынче Аликс неважно себя чувствует, - благодарно улыбнулся Николай. – А я, пожалуй, ноги разомну, рядом с экипажем пройдусь…

Во дворце, где почти безвыездно прожил всю свою жизнь его отец, Николай с супругой, нигде не задерживаясь, проследовал через анфиладу залов и остановился только в одной из комнат, небольшой. Заботливо усадив супругу на диван и усевшись рядом, Николай кивнул Гернету на стоящий посередине залы пьедестал, на котором возвышался довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан…

- Будь любезен, генерал, переставь-ка этот ларец на столик, поближе ко мне, - распорядился император. – Сегодня, как ты, наверное, помнишь, ровно сто лет, как в бозе почивший император Павел распорядился вскрыть его царствующему потомку. То бишь мне, как ты, видимо, догадался!

- Да простит мне ваше величество мою дерзость, - Гернет вытер платком лоб. – Но его императорское величество Мария Александровна… Словом, не лучше ли дождаться ее возвращения, кое ожидается примерно через месяц, ваше величество?

Николай нахмурился и уже открыл было рот, однако министр Двора барон Фредерикс, опережая его, шагнул к коменданту и зло рявкнул, совсем по-унтерски:

- Ты что, генерал, совсем, сидючи в своей Гатчине, одичал? Не сознаешь, кто перед тобой? Изволь выполнить пожелание его императорского величества! Жи-ва!

Словно очнувшись, комендант бросился к пьедесталу, с усилием поднял тяжелый ларец и с поклоном поставил его перед Николаем, бормоча слова извинения.

Словно не слыша его, император разглядывал личную печать супруги Павла I, выдавленную в красном сургуче. Сургучная блямба носила явные следы вскрытия, и Николай подумал, что в своих предположениях оказался прав: его мать была наверняка знакома с хранимым в ларце документом.

- Сними-ка печать, Гернет! – распорядился царь.

Комендант бросился к письменному столу у окна, схватил серебряный нож для вскрытия конвертов и двумя ударами сбил печать, предупредив:

- Ларец, должно, заперт, ваше величество!

Николай поднял на него холодный взгляд, и после короткой паузы распорядился:

- Коли нет ключа, изволь позвать человека с инструментом, генерал!

Аликс положила руку на локоть супруга:

- Ники, разве ты не чувствуешь, что сама судьба против? Может, действительно стоит дождаться возвращения твоей матушки, Ники? Какой-то месяц, и…

Тот заколебался, однако барон Фредерикс тем временем заглянул в покрытое парчой углубление на пьедестале и издал торжествующий крик:

- Тут ключ, ваше величество! – и с поклоном подал императору сложный ключ с головкой-вензелем.

Через минуту тяжелая крышка ларца была поднята, и Николай, привстав, достал из него чуть побуревший от старости и влаги большой конверт – опечатанный, на сей раз, личной печатью самого Павла. Как и наружная, эта печать тоже носила на себе следы вскрытия. Император взвесил конверт на руках и срывающимся от волнения голосом, обращаясь к присутствующим, произнес:

- Вот, господа, послание ко мне императора Павла, моего предка! Надо полагать, он передал конверт своей супруге, императрице Марии Федоровне незадолго до… До своей кончины[1]. И вот это послание из глубины веков в руках у адресата! Господа, надеюсь, вы понимаете мои чувства: я хочу остаться один! Аликс, тебя это не касается, - он удержал привставшую было супругу.

Придворные торопливо покинули залу и разбрелись по дворцу. Император читал часа полтора, и когда вышел из залы с ларцом, многие заметили печать угрюмости на его лице. Императрица же, не стесняясь, вытирала углы глаз платком.

- Не угодно ли перекусить, ваше величество? – осмелился предложить Фредерикс.

- Перекусить? – Николай несколько мгновений смотрел на старика, словно не понимая его. – Ах, да, перекусить! Ты как, Аликс?

Императрица пожала плечами.

Однако старания поваров пропали даром. Николай за столом был мрачен и задумчив. Поковыряв вилкой в тарелках, он скомкал салфетку и поднялся:

- Пожалуй, пойду прогуляюсь, - возвестил он.

Главный егермейстер, зная пристрастие государя к хорошей охоте, робко кашлянул:

- Ежели позволите, ваше величество… Дичь тут, на Гатчинских озерах, непуганая. Так в руки сама и идет! Может, соизволите с ружьишком побаловаться, государь?

- Пожалуй, - равнодушно согласился Николай.

Сопровождаемый егерями, он направился к ближайшему озеру. Однако напрасно придворная челядь и сама императрица ожидали звуков выстрелов. Выждав с час, Аликс попросила одного из адъютантов:

- Не сходите ли за государем, голубчик? Как он там?

Посланец нашел императора сидящим на большом камне у воды. На его коленях лежало ружье, а в темной воде, у самых его ног, безбоязненно плавали дикие утки и даже пара лебедей. Позади Николая, на почтительном расстоянии, топтались обескураженные егеря.

Адъютант сбавил шаг, шепотом спросил у старшего егеря:

- Что государь?

---

[1] Павел I был убит в результате заговора с участием гвардейских офицеров в здании Михайловского замка в марте 1801 года. В половине первого ночи группа из 12 офицеров ворвалась в спальню императора и, в результате возникшего конфликта император получил удар в висок тяжелой золотой табакеркой, и был окончательно задушен шарфом.

Тот пожал плечами:

- Как пришли сюда, так и изволили сесть на камень. Не стреляют-с, думают-с!

Николай действительно думал. Он вспоминал слова отца, сказанные сыну за два дня до смерти. Великолепная тренированная память Николая позволили ему запомнить эти слова отца почти дословно.

- Тебе предстоит взять с моих плеч тяжелый груз государственной власти, сын мой, и нести его до могилы. Так же, как нес его я… И как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное, - умирающий закашлялся, с отвращение глотнул что-то из пузырька. - Я принял его тринадцать лет тому назад, от истекающего кровью своего отца… Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа, а в «награду» за все это получил бомбу и смерть… В тот трагический день, Николай, передо мной встал вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало «передовое» общество, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть? Я избрал мой путь, Ники... Либералы окрестили его реакционным. Но меня, поверь, интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать им внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие есть дух России, сын мой. Рухнет самодержавие, а с ним рухнет и Россия. И откроется бесконечная эра смут и кровавых междоусобиц… Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни… Выслушивай всех, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни: у России нет друзей: нашей огромности всегда боялись и будут боятся. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годины бед. И семью укрепляй, потому что она основа всякого государства...

* * *

Николай пошевелился, и испуганные птицы с опаской отплыли подальше. Адъютант, потоптавшись на месте, так и не решился окликнуть государя, и на цыпочках удалился во дворец, чтобы доложить императрице о том, что видел.

Обеспокоенная Аликс, отказавшись от коляски[1], пошла за супругом сама, отыскала его и положила на плечо руку. Николай резко обернулся, и Аликс увидела в его глазах слезы. Она обняла супруга, и, плача, принялась утешать:

- Ники, милый Ники, ну не принимай ты бредни этого полоумного старика Авеля близко к своему сердечку! Мало ли что он понаписал в своих безумных книгах!

- Полоумный старик? – Николай недоверчиво покачал головой. – Безумные книги? Ты, наверное, плохо меня слушала, милая Аликс! Ах, да, я же читал на русском языке, в котором моя милая женушка еще «плавает»!

- Но тогда прочти еще раз, Ники! В переводе на английский или немецкий…

Николай через силу рассмеялся, усадил супругу себе на колени:

- Стоит ли терять время и попусту расстраиваться, милая Аликс? Думаю, что этот Авель, напророчивший всю историю грядущих царств, и впрямь немножко сумасшедший! Меня самого, если верить этом старику, ждут две страшные войны, и смерть…

- Не надо о смерти, Ники! Прошу тебя!

---

[1] Супруга Николая II, особа весьма болезненная, часто использовала для передвижений инвалидную коляску, которую катила одна из фрейлин или дежурный адъютант.

- Нет, но откуда бы ему знать все? Откуда? – Николай с силой провел руками по лицу, словно умываясь. - Чепуха! Все это положительно чепуха, милая Аликс!

- Ники! Но у тебя такое лицо, будто ты увидел привидение! Зачем ты меня пугаешь, Ники? Бог мой, зачем мы поехали сюда, Ники? Зачем открыли этот ужасный ларец?

- Это судьба, Аликс! Это судьба, и я всего лишь следовал ее указаниям…

Император встал с камня, переложив ружье в одну руку, а второй привлек к себе супругу. Невидяще глядя через плечо Аликс на темные спокойные воды озера, он продолжал вспоминать пророчества монаха-расстриги, записанные сто лет назад:

- Вот он пишет: война, мол, будет, великая война, мировая. По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, аки рыбы, плавать… Это он про аэропланы и подводные корабли, я полагаю… И всё это уже есть, создано людьми, сердце мое! Есть всё то, о чем 100 лет назад никто и помыслить не смел! А как это еще у него писано? «Серой зловонною люди друг друга истреблять начнут» – а мне докладывали, что в лабораториях немецких ученых идут опыты по разработке отравляющих газов… Значит, знал Авель!

- Ники, Бог не допустит! Надо верить!

Словно не слыша супругу, Николай продолжал вспоминать строки из пророчества монаха Авеля:

- Как он дальше пишет? «Накануне победы в страшной второй войне рухнет престол царский. Измена же будет расти и умножаться. И предан будет правнук твой, многие потомки твои убелят одежду кровию агнца такожде, мужик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская…»

- Нет, нет, Ники! Надо горячо молиться Всевышнему и верить, что он не допустит!

- Верить и ждать? А как же английский астролог?

- Какой астролог, Ники? – от неожиданности Аликс отступилась от супруга, с тревогой глядя ему в глаза.

- В Англии… Помнишь, мы ездили в Англию? Я ходил к знаменитому астрологу… Извини, я ничего тебе тогда не сказал, не хотел расстраивать. Да и не очень поверил - тогда, да и сейчас, признаться, полон сомнений…

- Пойдем, милый Ники! Сейчас мы вернемся в Царское Село, и ты успокоишься. Эта Гатчина мне никогда не нравилась! Это место словно пропитано мраком и смертью, Ники!

- Да-да, Аликс, надо ехать! – засуетился вдруг Николай, передавая ружье егерю. – Только не ждать надобно, Аликс! Ждут слабые! А мне ждать никак нельзя! Я – царь!

Николай увлек супругу по тропинке к дворцу, но, почувствовав, что у нее подгибаются от слабости и страха ноги, остановился, мельком, через плечо, распорядился егерю:

- Беги-ка вперед, милейший! Скажи, чтобы подали государыне ее коляску!

Однако фрейлины с коляской императрицы уже ждали царскую чету на опушке. По знаку Николая коляска была поспешно подвезена поближе, и император, усадив в нее Аликс, самолично покатил ее ко дворцу.

Словно заразившись мрачностью государя, придворные молчали, ожидая его распоряжений. Лишь один министр Двора барон Фредерикс выступил вперед и своим зычным голосом предположил:

- Я полагаю, ваше величество пожелает немедленно вернуться в Царское Село?

Николай с благодарностью посмотрел на старика. Не доверяя с детства придворным, для него он делал исключение, всегда верил в правильность его советов. К тому же, моральное одиночество, наложенное на себя царём с юного возраста, было тем более опасным, что Николай II относился недоверчиво даже к лицам ближайшего окружения.

- Да-да, конечно, Владимир Борисович! Распорядись, пожалуйста!

- Все распоряжения уже отданы, государь! – отрапортовал тот. – Позволю себе осведомиться лишь о судьбе того ларца: прикажете взять его с собой в Царское?

Николай покачал головой:

- Пусть остается здесь… Впрочем…

Вспомнив про властолюбивую мать, способную на самые неожиданные поступки, он тут же скорректировал свое решение:

- Ларец пусть остается, а письмо Павла Петровича я, пожалуй, захвачу с собой!

Когда царь и его свита разместились в вагонах и поезд тронулся, император долго молчал – то глядя в окна вагона на убегающие назад столбы и деревья, то бесшумно шагая по ковру мимо прилегшей на диван Аликс.

- Помнишь, милая Аликс, что говорила моя *maman* перед коронацией? Она называла меня слабым, царем-тряпкой… Нет-нет, не отрицай, я все прекрасно помню! А вот отец в меня верил! Он внушал мне, что я не один, что за мной – вся Россия! Я не имею права ждать, как агнец на заклании! И время у меня есть – почти 17 лет, понимаешь, Аликс? У меня есть время, чтобы изменить судьбу, спасти себя, тебя и Россию. Провидцы имеют власть над временем и способны видеть сквозь годы. Наверняка можно каким-то образом изменить самое время, возыметь власть над будущим, Аликс! Только я пока не знаю – как! Но я узнаю, обязательно узнаю! Мне нужно думать, много думать… Думать и искать!

Слышала своего супруга императрица или нет? Скорее всего, нет: она горько плакала, снова и снова сожалея о том, что согласилась ехать в эту страшную Гатчину.

Через месяц после визита в Гатчину многие посланники России в разных странах получили из министерства иностранных дел секретную директиву за подписью Ламсдорфа: разыскивать и пересылать в МИД книги по астрологии и эзотерике[1]. Со временем множество таких книг заняли место на полках кабинетов Николая II, рядом с фолиантами по истории и роскошными изданиями, посвященные дому Романовых. Только, в отличие от исторической и династической литературы, новые книжные поступления носили на себе явный интерес последнего императора России: они пестрели многочисленными закладками, а на полях многих их них были сделаны царские пометки.

В личном дневнике императора стало явно больше заметок типа: «Нынче много читал», «на прогулке размышлял о прочитанном». С того же времени начинаются свидетельства о том, что Николай II ничего не боится до 1918 года.

Что же касается мрачного пророка Авеля, то надо сказать, что его имя было довольно популярно в России во второй половине Х1Х века, а его рукописи были частично опубликованы. Однако менее, чем через год после знакомства с пророчествами монаха-расстриги, Николай II дал распоряжение Цензурному комитету запретить даже упоминание имя Авеля в печати. Очень вероятно, что этот запрет был связан с прочитанными царем предсказаниями…

В 1902 году Николай точно определил для себя цель и точку приложения усилий для изменения будущего. Это был загадочный и таинственный Тибет. Однако император, опасаясь насмешек, тщательно скрывал свой интерес к дальней и таинсвенной стране даже от большинства своих министров, родни и придворных. А если и упоминал тибетскую тему, то старался замаскировать ее политическими либо военными интересами.

[1]Эзотерика — учения о скрытой мистической сути объектов мира и человека; область изучения эзотерики — процессы, происходящие во Вселенной, синхронно отражающиеся в глубинах человеческой души. Эзотерическая психопрактика, отчасти сохранившаяся в рамках некоторых мистических традиций, используется ограниченным числом людей и носит преимущественно прикладной характер.

РЕТРОСПЕКТИВА -1 Последние часы Вещего Авеля

Тишина в тюремном корпусе Спасо-Евфимиева монастыря не могла называться полной. Даже сюда, в последний приют бессрочных узников, через толстые глухие стены и тройные рамы доносились перезвоны монастырских колоколов, а чаще того – вопли соседей по заключению. Многие доставлены были сюда, на левый берег реки Каменки, в северной части города Суздаля, уже безумными. Большая часть остальных узников сошла с ума здесь…

Вещий Авель, когда-то в миру народившийся Василием Васильевым, умирал. Ему минул 83-й год от рождения, и 21 год он провел в этом монастыре, в строгом заточении.

Здешним узникам не давали ни чернил, ни карандашей, ни бумаги: действовала старинная, еще Великой Екатериной начертанная инструкция по содержанию «безумных колодников». Многие теряли здесь счет дням, месяцам и годам – ибо караульным солдатам было строжайше запрещено разговаривать с обитателями камер-одиночек. Одно время Авель даже думал, что и караульные здесь особые, глухонемые, ибо они никогда не переговаривались между собой даже в коридоре. И никогда не отвечали на самые простые вопросы здешних сидельцев – ровно не слышали их. И только когда один из них, занеся в камеру-келью Авеля охапку дров для печки, крепко прищемил себе руку поленом и сдержанно выругался, стало ясно: нет, по крайней мере – не немой!

Но старику не нужны были чернила и бумага. Крепкая память позволяла ему помнить будние и праздничные дни, считать месяцы и складывать их в годы. И еще он знал, что умрет нынче к вечеру.

Большую часть времени Авель проводил, лежа на кровати и сцепив на груди руки, ощущая лишь шорох мышки, неустанно возившейся у него в густой бороде. Мышка искала в бороде крошки, оставшиеся от обеда или ужина. Она была совсем ручной, и тоже наверняка страшно скучала, и оттого иногда слегка мелко покусывала авелев подбородок, словно привлекала к себя внимание.

Тогда старик, опираясь на локти, с трудом подымался, садился и брал мышку в свои широкие ладони. Таким его и застал нынешний караульный солдат – сидящего на краешке кровати сутулого старика с шустрым серым комочком в руках. С грохотом сбросив у печи охапку дров, солдат покосился на узника и скривился: он не любил и боялся мышей. Он уже почти дошел до двери, в проеме которой маячил второй солдат, когда старик подал голос:

- Служивый, сделай милость божецкую: доложи архимандриту: Авель, мол, перед смертью в саду погулять покорнейше просит. Землю под ногами последний раз почуять…

Караульный ничего не ответил, однако о том, что впервые услыхал голос сидельца, доложил разводящему офицеру.

Офицер солдата обругал и велел идти прочь, однако мало времени спустя все же отправился к архимандриту.

Тот, не подымая глаз, густым басом осведомился:

- Ты что, сын мой, чин тюремный забыл? В монастырском саду прогулки дозволены лишь в летние месяцы. А нынче у нас что? Ноябрь, сын мой… Ступай себе с Богом.

Офицер ушел, посеяв в душе архимандрита такую-то тоску. Он много раз читал «Дело Авеля» и знал, что вещий старик много напророчествовал сильным мира сего. И что пророчества его, что самое удивительное, сбываются. Отложив амбарную книгу, архимандрит встал, достал из запертого шкапа нужную папку, раскрыл и начал листать. Дойдя до нужной страницы, уперся карандашом в подчеркнутую кем-то строку:

«Сей Авель утверждает, что Бог, в неисчерпаемой милости своей, назвал ему и дату смертного дня: день 29 ноября года 1841 от рождества Христова».

Пожевав губами, архимандрит звякнул колокольчиком, почистил перо и написал размашисто на четвертушке бумаги:

«Сим дозволяется караульной службе разрешить прогулку в монастырском саду сидельцу из кельи нумер 29. Божией милостью Архимандрит Тихон».

Не оглядываясь, протянул четвертушку бесшумно возникшему прислужнику:

- Ступай, отдай сие караульному офицеру.

Успев чмокнуть на лету руку пастыря, прислужник также бесшумно, как и появился, исчез.

Вскоре в тюремном коридоре неурочно загремели сапоги караульных, дверь кельи № 29 отворилась.

- Дедушка, ты встать-то способен? Дай-кось, я тебе пособлю! Иван, тулуп из караулки принеси – зябко нынче, а дедок-то в одной рясе.

После долгой болезни ноги держали Авеля плохо, подгибались. Караульный, вдохновленной неожиданной милостью, проявленной к узнику архимандритом, одной рукой придерживал старика за пояс, второй за высохшую кисть. Балагурил, подбадривая старика:

- Да ты еще крепкий дедушка! Чего на тот свет-то собрался? Поскрипишь, чай, еще…

Миновав последнюю тяжелую дверь, ведущую из узилища на волю, Авель едва не задохнулся от свежего воздуха, закашлялся, освободился от поддержки караульного:

- Погоди, служивый, сам пойду, по стеночке…

Сделал несколько шагов, глядя куда-то ввысь и беззвучно шевеля губами. Кивал, словно соглашался с кем-то невидимым. Пегая с рыжинкой борода растрепалась веником. Постояв несколько минут у старой осины, погладил Авель высохшей рукой корявый ствол и протянул караульному руку:

- Бог не забудет милости твоей, служивый… Веди обратно, а то упаду. Воздуси тут словно пьяные…

Будучи уже снова усажен на кровать, Авель перекрестил караульного, улыбнулся ему:

- А за сынка свово не кручинься, служивый! Поправится он скоро, Бог – он все видит! Душа у тебя мягкая, людолюбивая…

- Откуда ты про сына моего болезного знаешь, дедушка? – встрепенулся солдат.

Не отвечая, Авель повалился на подушку, тихо что-то забормотал. Наклонившись над ним, караульный только и разобрал:

- Я, нижайший монах Авель, обошел все страны и пустыни, был и в царских палатах, и в великолепных чертогах, и видел в них дивная и предивная, а наипаче видел и обрел в пустынных местах великия и тайныя и всему роду полезныя знания…

Второй караульный потянул товарища за рукав:

- Пошли, Филя. Путь дедок отдыхает: он ведь и вправду как пьяный с воздуха-то! Два месяца, почитай, не вставал с кровати. Садился только, и то не кажинный день!

Уже заперев дверь кельи, караульный Иван бережно спрятал клочок бумаги с запиской архимандрита за обшлаг рукава, истово перекрестился:

- Услыхал бы Боженька дедушку нашего, Филька! Услыхал бы - глядишь, и сыночек мой от хвори избавился бы! Ежели на поправку пойдет – буду дедка по энтой писульке кажинный день на улицу водить. Тошнехонько ему здесь, наверное. Душно, смрадно!

- Выводить его думаешь, Ванька? – хмыкнул второй солдат. - Нешто не слыхал: помрет он нонеча! Смерть свою видит приближающую, вот и попросился попрощаться с землей-то! Наш-то архимандрит, думаешь, просто так устав бы нарушил?

- С чего бы он помирал? – насупился Филька. – Сам-то крепкий, в руку вцепился, как клещами ухватил!

- Дурак ты, братец! – вздохнул Иван. – Это же Авель Вещий, он все знает! И про царей земных, и про нас, сирых… Ну, и про себя, конечно.

- Мало ли… Кто про себя такое знать может – чтобы день даже? Разве что Отец наш небесный…

Лениво и беззлобно переругиваясь, караульные ушли в свою каморку.

* * *

Полежав с закрытыми глазами и отдышавшись, Авель привычно надел давно ненужные ему очки, сложил руки на груди. Воспоминания давно минувших дней наплывали на него, словно короткие летние облака на солнце. Отчего-то припомнилась ему женка, Алевтина, трое взрослых детей, которые встретили его совсем как чужого… Да он и был им чужим, променял семью на Божью службу. Когда это свидание-то было? Посчитав на пальцах, без труда припомнил: без двух месяцев 21 год назад.

Много тюрем и острогов прошел за свою жизнь Авель, и последнее заключение выпало ему самым длинным и самым зряшным. Можно сказать, ни за что наказал вещего провидца Александр Освободитель. И так уже стерегся Авель, никому не пророчествовал, а вот поди-ка, накануне коронации нового монарха не удержался! И что обидно – не самому новому царю пророчествовал, а благодетельнице своей, графине Каменской. Та все беспокоилась – Авелю то ведомо было! – получит ли фаворитка предшествующего монарха приглашение на коронационные торжества нового царя?

- Не будет тебе, раба Божия, коронации, - ответил тогда Авель.

Он-то, грешный, имел в виду, что не получит графиня приглашения на торжества, но злые языки немедленно понесли, что не быть самой коронации императора. Архимандрит Высотского монастыря Амвросий, где смиренно доживал свои годы 65-летний старец, немедленно написал на него ложный донос митрополиту Филарету. И до нового царя дошло, конечно.

Узнав о сем, Авель собрал свои скудные пожитки, и в начале июня 1826 года, накануне предполагавшейся коронации, самовольно покинул монастырь. Куда он направился, никто не знал, однако разыскать его труда не составило. Не прятался Авель – да и куда спрячешься на седьмом десятке? Сыновей своих захотел повидать, проститься с ними – родителей-то его давно Бог прибрал. Вот и ушел в родную деревню Акулово, что при Соломенных заводах Тульской губернии. Там его и взяли розыскники, оттуда и направили, согласно указу Священного Синода, со ссылкой на обер-прокурора князя Мещерского, в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.

Да, 21 год назад он попал в эту свою последнюю темницу, в этот монастырь, который и был предназначен для тюремного заключения таких, как он – без суда без приговора, без срока. Особенность Спасо-Евфимиева монастыря была в том, что здесь содержали без конкретного срока, а с формулировками: "до исправления", "бессрочно" или "навсегда"…

На груди старика снова почуялось ему привычное шевеление и возня: стало быть, мышка его вернулась. Авель хотел засмеяться, но вместо смеха из груди вырвался лишь короткий хрип, перешедший в надрывный кашель.

- Дурочка, - наконец, прошептал он. – Чего ищешь-то? Я ж третий день хлеб не вкушаю, пред лицом Господа нашего предстать готовлюсь…

А ведь была у старика последняя краюха хлеба, припрятанная под перевернутой миской. Для мышонка своего и оставлял он гостинец свой, но совсем недавно было ему видение нехорошее, и не захотел Авель прикармливать маленькую мышку-проказницу, гнать ее стал в надежде, что уйдет из камеры божья тварь, и избегнет участи быть раздавленной солдатским сапогом.

Меж тем, короткий ноябрьский день за мутным от грязи окном стал гаснуть. По келье-камере потянулись длинные тени. Сгустились они отчего-то в одном углу, а другой

светлым остался. Авель лежал спокойно, слушая сердце свое и дивясь тому, что нынче оно, в день его кончины, бьется ровно, без ставших привычными замираний и вспыхивающей временами боли под ребрами.

Скоро, совсем уж скоро, без боязни и трепета подумал Авель. И впервые в жизни вдруг посетили его греховные мысли. Ту ли дорогу он выбрал, по которой всю жизнь прошагал?

Осознанно начал размышлять он о Божестве и о Божественных судьбах лет десяти от роду. Тогда-то впервые и пришла задумка оставить дом отца своего с тем, чтобы идти в пустынь, на службу Богу. Страшно было, совсем ведь мальцом был. Лишь позже услышал во Евангелии слово Христа Спасителя: «И всякий, кто оставил... или отца, или мать, или детей, или земли, ради имени Моего, во сто раз больше получит, и жизнь вечную наследует». Подивился тогда малолетний Василий, но, внемля услышанному, еще больше начал думать об уходе из дома, искать случая исполнить свое намерение.

В семнадцать лет, под брань и насмешки отца, начал Василий с прочей деревенской мелюзгой обучаться грамоте, освоил плотницкие работы. Освоив ремесло, взял у родителей благословение для работ по разным городам и после недолгого странствия попал в Херсон, на корабельные верфи. Может, и работал бы там по сей день, но накинулась на Херсон страшная заразительная болезнь, которую называли холерой.

Многие люди, и в их числе из его артели товарищи начали умирать. Попал в холерный барак и Василий. И там, мечась в жару, дал он Богу обещание: коли будет угодно Всевышнему исцелить его, то он пойдет вечно в монастырь работать в преподобии и правде. Услыхал Господь, видимо, его молитвы, и выздоровел деревенский парнишка. По возвращении же в свой дом стал он проситься у своего отца и матери в монастырь, сказав им про клятву свою; они же кормильца от себя не отпускать не желали. Пришлось уходить тайно. Через Тулу, Алексин, Серпухов и Москву Василий пришел в Новгород, к острову Валааму, с коего и переехал в Валаамский монастырь. Здесь и принял первый свой постриг в монахи.

Через год, вникнув в монастырскую жизнь, в духовный чин и познав благочестие, взял новый монах благословение от игумена и ушел из монастыря в пустынь. Раз в неделю собратья-монахи приносили к пещере, в которой поселился отшельник, каравай хлеба. Воду же он собирал в небольших бочагах. Монахи допытывались у отшельника: были ли ему явления? Тот долго отмалчивался, а потом признался: испытав его многими искусами и темными духами, Господь явился к нему, поведал ему тайны будущего и повелел пророчествовать об этих тайнах всему миру…

Размышления и воспоминания Авеля снова прервали неурочные шаги в коридоре. Скрипнул в скважине ключ, и в келью заглянули давешние солдаты. Долго моргали глазами, всматриваясь в сгустившуюся темень, наконец, окликнули:

- Дедушка, ты живой тут?

- Живой пока, не прибрал еще Господь…

- Дедушка, может, лампу засветить тебе?

- Не нужен мне более свет, служивые. За заботу благодарствую, а не надо…

Пошушукавшись, солдаты решили двери в нумер 29 против монастырского устава не запирать, держать приоткрытой, а керосиновую лампу повесить в коридоре, на стенке.

- А куды он денется, Иван? – то ли приятеля, то ли себя рассудительно успокаивал Филимон. – Евонные ноги уже и не держат, Господи, прости…

Теперь через всю келью Авеля легла полоса желтого света, а все остальное потонуло во тьме. Старик моргал редко, и не слышал далеких отзвуков голосов других узников. Жизнь постепенно уходила из его хилого тела. Свет и тень… Тень и свет… И мысли замедляли ход, думалось вяло и как-то отрешенно.

Всю жизнь свою, ныне вытекающую из тела, Авель пророчествовал беду сильным мира сего. А как он сам-то видел его? Многие пытали его о том же - уговаривали, улещивали, сажали на цепь, вышибали зубы. Может, ошибся Вещий Авель? Может, не так видение свое, или откровение Господне толкуешь?

Старик упрямо качал головой: нет ошибок в моем предвидении!

Иной раз он предрекал беду высоким людям, знакомым ему только по портретам – так было с Екатериной II Великой, чей апоплексический удар он назвал за год, с точностью до часа. Авеля водили тогда и к самому генерал-прокурору графу Самойлову. Когда тот прочел в дознании, что Авель через год предсказывает скоропостижную смерть царствовавшей Екатерине II, от души вдарил его покрытыми перстнями пальцами в лицо и заорал:

- Как ты, пес смрадный, смел писать такие слова на земного бога?

Отец Авель вынул пальцами выбитый зуб и упрямо ответил:

- Научил писать эту книгу Тот, Кто сотворил небо и землю, и вся еже в них.

Услышав про год и даже день своей смерти, Екатерина впала в истерику. Царица, хоть простому монаху и не поверила, но в острог определила. Самолично, брызгая чернилами и ломая перья, настрочила указ:

«Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял от самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблемость, а паче, что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ея Императорского Величества… и за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти, по государственным законам, заслуживает смертную казнь. Но Ея Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева вместо заслуженного ему наказания посадить в Шлиссельбургскую крепость с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтоб он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел, а вышесказанные, писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурора и хранить в Тайной экспедиции. Екатерина».

Иной раз Авелю доводилось беседовать с тем, чья смерть уже стояла у человека за плечами – а тот не верил, сердился - либо криво улыбался, словно с юродивым безумным говорил. Так было с императором Павлом I, упокой, Господь, его душу! Про золотую табакерку, коей в висок удар получит, про шарф, которым додавливать государя предатели будут – ровно и не слыхал! Улыбался провидцу, о последующих царствованиях спрашивал.

И заметил тогда Авель, что при пророчествах царским персонам, кои еще на свет не родились, встают перед его внутренним оком тени смутные, но различимые. Про Александра Освободителя Павлу сказал – причудился ему саженного роста царь при коне. Про Миротворца сказал, будущее его назвал и сущность его определил – мерещилась ему вроде и не царская особа, а мужик простой, в одежонке потрепанной – но с короной на челе.

А когда Павел про его наследника Миротворца спросил, про Николая, родиться который должен ровно день в день Иова Многострадального – запнулся Авель. Совсем вьюношей был несчастный, не родившийся еще царь. И личность его Авелю ясно видна была – ну, прямо ангельской кротости. Хотел, Господи прости, даже соврать про него – мол, все хорошо у последнего Романова сложится… И не посмел, потому как ясно понимал, что не от себя пророчествует. Гнева Господнего убоялся – и, помолчав, сквозь слезы из себя выдавил:

— Миротворец истинный передаст наследие царское Николаю Второму — Святому Царю, Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание: псалмы 90, 10 и 20 открыли мне всю судьбу его. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Искупителем будет, искупит собой народ свой — бескровной жертве подобно. Война будет, великая война, мировая. По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон царский. Мужик с топором возымет в безумии власть, но и сам опосля восплачется…

Задремал Авель, чутким разумом понимая, что не в сон впадает, а вступает на светлую полосу, от двери темницы протянутую. А тут мышка, будь неладна, из бороды выскочила, в самый подбородок ткнулась, на задние лапки поднялась – то ли присматривалась, то ли принюхивалась. Хотел Авель снова неразумную тварь от себя прогнать, чтобы спасти. Рот открыл - а слова вымолвить не в силах. Рукой хотел мышку сбросить на пол – недвижной рука осталась, ровно чужая.

А сердце по-прежнему стучало громко и отчетливо, и было то Авелю премного удивительно! Набрался сил, в коридоре опять сапоги солдатские заслышав, чтобы вздохнуть глубоко – а выдохнуть не смог. И только тут сердечко, словно часы без завода, хрипнуло как-то по-особому – и стучать перестало.

Солдаты с лампою заглянули опять в келью, Авеля окликнули:

- Дедушка, живой ли?

Не услыхав ответа, подошли, крестясь, ближе, Филимон руку положил на грудь старцу.

- Не дышит вроде… А глаза живые, ворочаются, мыргают… Иван, духом беги к архимандриту! Доложи, отходит старец, без Святых Даров, без причастия пасторского – грех!

Когда Иван убежал, второй караульный попросил Авеля:

- Не умирай пока, старче! Счас всё тебе будет…

Авель глядел на солдата, улыбался еле заметно, зашевелил губами. Филька наклонился над ним совсем близко, чтобы услышать – но не было слов, а лишь легкое дуновение. Тут солдат мышонка заметил, сбросил на пол, сапогом наступил:

- Тебя еще тут, поганки, не хватало…

И почудилось Авелю, что поднимается он над ложем своим. И – о чудо предивное – не только солдата, но и себя сверху зрил он. И понесло его легким сквозняком к светлой полоске, все выше и выше, сквозь потолок, сквозь крышу куда-то наверх…

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шкатулка императора

…Несмотря на строжайший запрет императрицы о недопущении попадания на глаза весьма чувствительного Николая II иностранных газет, пестревших злобными карикатурами на русского царя, эти газеты довольно часто все же просачивались в царские покои и надолго портили настроение императору. Вот и нынче утром, раскрыв бювар со свежими телеграфными донесениями российских послов из Европы, император обнаружил там заботливо подложенную кем-то целую подборку из гнусных карикатур. На одной из них злобно оскалившийся и весьма узнаваемый бородатый мужик с царской короной на голове, подобно кукловоду, дергал за ниточки, привязанные к целому «оркестру» европейских монархов.

Императрица, как смогла, успокоила донельзя расстроенного Николая. И сама предложила:

- Ники, отложи хоть на два-три часа свою нескончаемую работу! Пожалей, милый, своих егерей[1]: они от безделья скоро уже распухнут как подушки!

Николай через силу рассмеялся: сравнение с подушками позабавило его. Впрочем, ненадолго: учиненное царицей «тайное следствие» довольно быстро обнаружило источник попадания газет с карикатурами на глаза императора. Это были, как и следовало предполагать, его же собственные дядья, великие князья и ближайшие родственники… Смотреть на их нарочито удивленные лица («Ники, но это же просто шутка!») было невыносимо, и император счел совет супруги вполне подходящим.

Было удивительно тихое сентябрьское утро. Конские копыта глухо шлепали по усыпанным желто-багряным ковром упавших листьев дорожкам, устроенным вдоль многочисленных прудов и озерцов Царского Села. Два ружья Николай держал под рукой в чересседельных кобурах, однако стрелял нынче изредка, особо не целясь – будто исполняя какую-то надоевшую повинность. Да и то сказать: попадалась нынче сплошная мелочь вроде воробьев и вездесущих сорок.

Старший егерь, держась чуть позади, зорко следил за тратой патронов, и вовремя подавал царю перезаряженные ружья. Он и его помощник, видя, что государь нынче не в духе, помалкивали, и только с надеждой поглядывали по сторонам: на случай царской нынешней невезучести где-то в кустах, как они точно знали, таилась еще парочка егерей с полудюжиной шевелящихся мешков с заранее пойманной дичью. Клювы у цапель и чирков были до поры до времени предусмотрительно крепко перевязаны бечевкой, кою снимали в последний момент, перед выпуском. «Скрытники» ждали тайного сигнала от старшего егеря, но тот, не наблюдая государева интереса, медлил. И, не зная истинных причин мрачного настроения государя, порожденного очередной бесцеремонностью ближайших родственников, находился в некоторой прострации.

Николай был старшим из четырех сыновей Александра III, но, вследствие целого ряда печальных обстоятельств, не получил от братьев поддержки, которую те могли бы оказать брату-монарху. Александр умер во младенчестве, второй брат, Георгий, был любимым товарищем детских игр, но к несчастью, в отрочестве у него развился двусторонний туберкулез легких, и его вместе с немногочисленной прислугой отправили на Кавказ, где «Жорж» и умер летом 1899 года. В детстве Николай восхищался искрометным юмором Георгия, и всякий раз, когда брат говорил что-то смешное, он аккуратно записывал шутку на клочке бумаги и прятал его в шкатулку. Много лет спустя, когда Николай стал императором, домашние не раз слыхали, как он тихо смеется у себя в кабинете, перечитывая «собрание острот» Георгия.

Эта же шкатулка с памятными для Николая клочками бумаги со временем превратилась в некое тайное хранилище важных для императора раритетов – и к этому хранилищу не было доступа никому, включая любимую жену.

Речь шла не о недоверии к ней – просто Николай не желал расстраивать впечатлительную царицу темными сторонами своей жизни. Как нетрудно догадаться, речь шла о страшных предсказаниях, полученных Николаем в разное время, в разных уголках света и от разных людей.

Первым место в шкатулке занял перевод пророчества японского монаха-отшельника Теракуто, случайная встреча с которым у Николая состоялась еще в бытность наследником престола, во время его кругосветного путешествия.

* * *

[1] За царские охоты отвечало одно из «подразделений» Министерства Двора и уделов- одно из самых небольших. На постоянной основе там служило 5 обер-егерей, 11 охотников, 15 егерей, 30 сторожей и 4 подсобных работника. Однако большинство из перечисленных специалистов привлекалось для больших царских охот, как правило – с выездом в Петергоф, Гатчину. Для «баловства с ружьишком», как именовал Николай охотничьи вылазки в самом Царском Селе, довольно было и пары егерей.

Монарший его отец, Александр III, своих детей держал, как говорится, в «черном теле». Сам он имел привычку ежедневно подниматься в семь часов утра, умываться холодной водой, облачаться в крестьянское платье и, сварив себе кофе, усаживаться за письменный стол. Позднее, когда просыпалась царица, оба завтракали – отнюдь не пирожными и осетринкой, как можно было бы предположить – а ржаным хлебом и яйцами вкрутую.

Хотя в Гатчинском Большом дворце насчитывалось девятьсот комнат, Николай, его братья и сестры воспитывались со спартанской простотой. Дети спали на простых и довольно жестких походных кроватях с волосяными подушками. По утрам, следуя приказанию отца, они так же принимали холодную ванну, а на завтрак ели простую кашу. С родителями царские дети встречались только за обедом. Еды было достаточно, однако детей кормили в последнюю очередь, после взрослых гостей. Между тем, вставать из-за стола полагалось вместе с отцом, в результате чего дети зачастую ходили до ужина голодными.

Зная непоколебимый нрав Александра III, дворня потихоньку от него совала царским детям куски с кухни. Однако такая оказия представлялась не всегда, и однажды будущий император с голоду набросился на полый золотой крест, в который, как он знал, был помещен пчелиный воск с кусочком животворящего Креста.

Позднее его сестра, великая княжна Ольга, с грустной улыбкой вспоминала, что мальчик Ники был настолько голоден, что открыл крест и съел почти все его содержимое вместе с реликвией. Потом ему стало стыдно, но он никогда не отрицал, что малосъедобный воск показался ему "невероятно вкусным"…

К великому расстройству Николая, сестра Ольга имела неосторожность рассказать об этом случае в широком семейном кругу, чем безмерно порадовала завистливую родню императора. Николай избавился от ехидных напоминаний о своем детском конфузе только после того, как Александр III отправил Наследника и Георгия в кругосветное путешествие, имевшее целью положить конец «шалостям» братьев, чрезмерно увлекшихся дамским обществом. Александру III не раз докладывали, что отношения Наследника и заезжей дивы, балерины Амалии Кшесинской, зашли далеко за рамки невинного флирта, и он, не желая скандала, принял решение отправить детей «поглядеть мир».

С унынием в душе покинув Петербург, Николай и Георгий, который тогда почти оправился от чахотки, отправились в Афины, где была назначена встреча великих князей с их двоюродным братом, греческим принцем Георгием. Там три кузена, сопровождаемые свитой молодых аристократов, князьями Барятинским, Оболенским и Ухтомским, взошли на борт русского фрегата "Память Азова".

К тому времени, как фрегат достиг берегов Египта, юные путешественники подружились, и настроение у Николая по поводу разлуки с Малечкой Кшесинской значительно улучшилось. Сев на яхту египетского хедива[1] , они совершили плавание вверх по Нилу. Изнемогая от жары, цесаревич разглядывал однообразные селения да кущи пальм, выстроившиеся вдоль берега. Останавливаясь в прибрежных городах, молодые аристократы заинтересовались искусством местных полураздетых танцовщиц.

- И ничего тут особенного я не вижу! - громко пожаловался Наследник после первого представления.

Хедив принял разочарование русского принца на свой счет, понимающе улыбнулся и отдал соответствующее распоряжение. И уже на следующий вечер в дневнике Николая появилась запись:

---

[1] Хедив (перс. — господин, государь) — титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Турции в 1867—1914 годах.

"Этот раз было лучше. Они разделись и выделывали всякие штуки".

- Погодите, - с загадочной улыбкой настраивал компанию высокопоставленных русских друзей греческий принц. – Вот доберемся до Сингапура, и там местные шалавы покажут вам настоящие чудеса! Например, более тридцати способов восточной любви!

В ожидании отплытия в Сингапур путешественники поднимались на две пирамиды, ели, как арабы, руками, катались на верблюдах.

В Индии князья Барятинский и Ухтомский убили по тигру, Наследник же, к его большому огорчению, остался без царственного трофея. Стояла невыносимая жара, и цесаревич стал раздражителен. А тут еще как-то брат Георгий, который не упускал случая позлословить, принялся поддразнивать Николая воспоминаниями о балерине Кшесинской. Николай знал, что Георгий раньше него «забрался к ней в постель», и поддразнивание брата довело его буквально до греха. В порыве ревнивой злобы он сильно толкнул брата – позабыв, что позади того находится открытый люк трюма. Брат со сдавленным криком рухнул вниз с пятиметровой высоты…

Георгия немедленно извлекли из трюма и отправили к местным докторам. Но их «приговор» был однозначен: залеченная было чахотка от сильнейшего удара вернулась. О несчастном случае по телеграфу доложили императору. В ответной депеше тот приказал Георгию немедленно возвращаться домой… Дальше Николай и его греческий родственник путешествовали уже без Георгия, начавшего кашлять кровью. Падение великого князя в трюм было представлено императору как случайность, и о роли в Николая он так никогда и не узнал…

А потом была Япония, оставившая в памяти и на теле наследника русского престола несколько неизгладимых воспоминаний. Именно в Японии Николай сделал свои первые шаги к фатализму – это случилось буквально накануне покушения на его особу.

Первым шагом было посещение лачуги японского художника-татуировщика в городе Инаса, где в то время проживала большая колония русских моряков с «Аскольда»[1]. Заметив на руках и телах многих соотечественников цветные татуировки, наследник поинтересовался их природой.

Сопровождавший высокого гостя японский принц Арисугава рассказал ему, что рисунки на теле имеют для японцев мистическое значение, и часто охраняют их владельцев от беды. Николай тут же решительно снял сюртук и закатал правый рукав сорочки. Принц пробовал остановить высокого гостя: несмотря на мистичность, в самой Японии татуировки считались принадлежностью людей невысокого социального статуса. Но цесаревич не слушал увещеваний. Так на его предплечье появилось изображение дракона с чёрным телом, красным брюхом, жёлтыми рожками и зелёными лапами.

А заветная шкатулка, взятая Николаем с собой, приняла в себя сначала эскиз татуировки, сделанной Наследником, а чуть позже пророчество буддийского монаха-отшельника. Во время посещения кладбища русских моряков, по пути в Киото, старый японец, хранитель кладбища, сказал Наследнику:

– Высокий гость собирается посетить нашу древнюю столицу? По пути туда ему наверняка будет интересно послушать монаха Теракуто, известного отшельника и предсказателя людских судеб. Это подвижник, взору которого открыты судьбы людей. Для него не существует понятия времени.

По прибытии в Киото Николай осмотрел город, нанес визит вежливости местному губернатору. Вместе с Георгием они накупили массу экзотических безделушек в городских лавочках. В числе прочего, Георгием была куплена изящная бамбуковая трость с

[1] С прибытием в Нагасаки в 1858 году русского фрегата «Аскольд» началась новая эра в русско-японских отношениях. Особую роль в этих отношениях сыграло мужество русских моряков при тушении пожара в Нагасаки. Отведенная им для жительство деревенька Инаса скоро «обросла» японскими домами и лавками, здесь же появилось одно из самых больших русских кладбищ в Японии.

набалдашником слоновой кости, покрытом загадочными иероглифами. Выспросив у сопровождающих про прочие места, которые было бы интересно посетить европейскому путешественнику, Николай вдруг вспомнил совет хранителя кладбища и выразил пожелание встретиться с монахом-отшельником. В статском платье, сопровождаемый греческим принцем Георгом и японским переводчиком, маркизом Ито, он пешком отправился в пригородную рощу, в которой жил Теракуто…

В тыквенную чашу старца была щедро высыпана горсть русских золотых червонцев, и тот разговорился так, что маркиз едва успевал переводить. Начав слушать велеречивого старца со скептической улыбкой на лице, к концу «сеанса» Николай помрачнел. И еще весьма наблюдательный с детства Наследник заметил, что маркиз Ито говорит гораздо меньше, чем старый отшельник – зато секретари и помощники маркиза вовсю скрипят тростниковыми перьями. По окончанию «сеанса», Николай счел долгом досыпать золота в тыкву у ног Теракуто, и тут же поинтересовался у маркиза: нельзя ли ему получить полный текст предсказания – на японском и фламандском языках? Письменным русским языком, как выяснилось, сам маркиз и его помощники владели хуже. Ито, поклонившись, пообещал по возвращению в Киото предоставить просимое, выполненное профессиональным художником-каллиграфом.

Маркиз сдержал слово, и к вечеру того же дня наследнику русского престола доставили два свитка великолепной рисовой бумаги – оригинал предсказания на японском и перевод на русском языках. На словах марких добавил, что высокородным господам не стоит принимать все, что наговорил полубезумный старец, всерьез.

Посмеиваясь, Николай и Георгий принялись читать и комментировать предсказание, соревнуясь в остроумии:

> ***«Все народы мира поклоняются одному и тому же Единому Богу-Творцу, только на разных языках. Благословенна милость Неба за счастье, о котором не мог и в мечтах помыслить старый Теракуто. Два венца суждены тебе – земной и небесный. Играют самоцветные камни на короне твоей, владыка могущественной державы. Но слава мира проходит, и померкнут камни на земном венце – но сияние венца небесного пребудет вовеки. Великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою. Ты будешь бороться за всех, и все будут против тебя. На краю бездны цветут красивые цветы, дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают предупреждений отца. Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель его безрассудства.***
> ***Вижу огненные языки над главой твоей. Это – посвящение. Вижу бесчисленные огни в алтарях пред тобою. Это исполнение. Здесь мудрость и часть тайны Создателя, подтверждение которым ты получишь в самом скором времени.***
> ***Опасность витает над твоей главой, но смерть отступит, ибо бамбуковая палка превзойдет силу стального меча. И палка та воссияет блеском. Смерть и бессмертие, миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который ты пришел к старому Теракуто».***

Вынув из ножен одну из подаренных ему во время пребывания в Японии старинных мечей-катан, Николай повторил показанный ему ранее «фокус»: уронил на сверкающее лезвие самурайского меча тонкий шелковый платок. Порхая, как птица, платок медленно опустился на катану и распался на две части – такова была необычайная острота заточки.

- Это, Георгий, пожалуй, почище нашего булата будет! – констатировал Николай, осторожно пряча катану в ножны. – А старик из рощи говорил, что бамбук будет сильнее стали? Воистину, он просто безумен!

Однако уже на следующий день жизнь подтвердила слова «безумного» старца. Самурай Цуда Сэндзо, лишенный указом японского императора Мацухито этого именования, как и прочие самураи, имел право носить катану лишь в том случае, если бы он стал полицейским…

Ничто, казалось, в тот день не предвещало беды. Посетив местное озеро, цесаревич с сопровождающими его лицами на рикшах возвращался в город, когда внезапно полицейский Цудо Сэндзо, бросился с поднятым мечом на высокопоставленного гэйдзина[1], ехавшего в пятой по счету коляске. Заметив занесенный меч, рикша рванул коляску в сторону. Николай, заметив покушавшегося, сколько мог уклонился, и острое как бритва лезвие самурайского меча лишь скользнуло по его голове, покрытой венским котелком. Зарычав от ярости, нападавший перехватил меч поудобнее и снова поднял его.

Но тут не растерялся принц Георгий: он пулей вылетел из своей коляски и отбил поднятый меч – да-да, той самой купленной буквально накануне бамбуковой тростью. Цесаревич, меж тем, бросился бежать по узкой улочке, не дожидаясь, пока рикши и толпа схватят злодея.

К этому времени опомнился и окаменевший от ужаса народ. На Сандзо насели сначала рикши, отобрали у него катану и попытались свершить самосуд[2]. Подоспели и другие полицейские, и злоумышленник был мгновенно опутан веревками.

Наследнику, успевшему добежать до дверей какой-то лавчонки, ее хозяйка, старая японка, что-то бормоча, обрабатывала рану. Потом, конечно, старуху оттерли, и за высокородного иностранца взялись примчавшиеся личные лекари императора Японии. Последовавший медицинский осмотр показал, что наследник воистину родился под счастливой звездой: занесенный высоко над его головой меч убийцы при первом ударе зацепился за мачту столба, украшенного разноцветными фонариками. Катана легко разрубила щегольскую шляпу-котелок Наследника, и на излете срезала кожу и даже кусочек кости черепа Наследника. Рана оказалась далеко не смертельной, однако перемежающиеся головные боли напоминали императору о Стране Восходящего солнца до конца его дней.

Это нападение взбудоражило всю Японию, высоким гостям выражали соболезнования бесчисленные делегации. И только поздно вечером Николай и Георгий смогли остаться наедине.

- Слушайте, ваше высочество, а ведь старик-то кое-в-чем оказался прав! – заметил Георгий, рассматривая выщербленную в месте удара катаны трость. – Бамбук оказался сильнее стали!

Николай впился взглядом в перевод предсказания: да, так и есть! Старик не ошибся даже в малом: он, наследник русского престола, получил подтверждающий знак ожидающих его в будущем бед. Однако рассуждать об этом будущий император не стал – лишь посоветовал Георгию беречь трость как зеницу ока!

- Зачем? – удивился Георгий.

- А ты вспомни предсказание! – усмехнулся Наследник. И процитировал. – «И палка та воссияет блеском»! Думаю, что, вернувшись в Петербург, ты все поймешь.[3]

Таким образом, десять дней, проведенные Наследником на японской земле, были омрачены событием, потрясшим не только всю Японию и грозившим привести к самым непредсказуемым мировым последствиям.

До сих пор многое неясно в этой истории: и то, с какой настойчивостью японский двор добивался включения в программу кругосветного путешествия наследника русского престола пребывание в Японии: изначально это вовсе не планировалось. До сих пор всех

---

[1] Так в Японии презрительно называли всех иностранцев. «Гэйдзин» - букв. «неяпонец».

[2] Указом Александра III оба дзен-рикши, как и все их потомки по мужской линии, получили пожизненный пенсион. Этот пенсион выплачивается потомкам тех рикш и поныне.

[3] Наследник оказался прав. Узнав подробности покушения на сына, Александр III велел усыпать драгоценную безделушку, спасшую жизнь наследника, драгоценными камнями. Оказался прав и старик Теракуто: «та бамбуковая палка воссияла блеском»!

поражал пафос устроителей этого визита, заявивших в ответ на высказанные российским посольством опасения в безопасности визита, что японский император берет обеспечение сохранности цесаревича Николая «под свою личную ответственность». И, наконец, та легкость, с которой это покушение произошло.

Николая тогда спасло поистине чудо, а русский двор избежал реальной перспективы оказаться перед угрозой возникновения борьбы за престол, ибо Александр III был уже тогда смертельно болен, его второй сын Георгий, страдавший от туберкулеза и переживший отца лишь на пять лет, не мог жить в столице из-за сырого петербургского климата, а третьему, Михаилу, было в 1891 году всего двенадцать лет.

* * *

Следующее мрачное предсказание Николай получил через пять с половиной лет, уже став к тому времени императором великой России. То был гороскоп уже упомянутого Луиса Хаммона.

На листе с данными рождения Николая II было написано:

> ***«Кто бы ни был этот человек, дата его рождения, числа и другие данные показывают, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с опасностью ужасов войны и кровопролития; что он сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его Судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и что в конце второй войны он потеряет все, что он любил больше всего. Его семья будет вырезана и сам он будет насильственно убит».***

Пройдет еще два года, и, словно джин из сосуда, из ларца Павла I «выползет» зловещее предсказание Вещего Авеля. Оно будет гораздо конкретнее предыдущих: Авель назовет год гибели императорской фамилии и всей России – 1918-й…

* * *

Позже шкатулка императора пополнится газетными вырезками о поистине мистическом случае с императором на водосвятии в январе 1905 года. Перечитывая время от времени эти вырезки, педантичный по складу своего характера Николай счел необходимым позже присовокупить к вырезкам собственноручные пояснения.

* * *

Императору тогда было доложено: полиция осмотрела все чердаки и закоулки на Васильевском Острове, откуда могли быть произведены выстрелы. Осмотр окрестностей не дал никаких результатов, но зато перед тем местом, откуда стреляла конная батарея, был найден «картуз»[1] от разорвавшейся картечи, а ряд очевидцев показал, что одно из орудий после первого же выстрела сильно откатилось назад, чего при холостых выстрелах не должно иметь место.

Таким образом, доклад не оставлял сомнения в том, что картечь была выпущена салютовавшей батареей. Тут только впервые можно было заметить, что случай этот повлиял на царя. Узнав о ранении городового, он пожелал навестить его в госпитале и поинтересовался именем служивого. Ему доложили:

- Городовой Петр Романов, ваше величество!

Император еле заметно вздрогнул от такого совпадения, но быстро оправившись, лишь горько усмехнулся и заметил:

---

[1] Зарядный картуз — специальная оболочка, сделанная из сырцового шёлка, плотной хлопчатобумажной, ацетатной или другой ткани мешок, обычно цилиндрической формы, в котором размещается метательный заряд артиллерийских и миномётных выстрелов.

- Моя же батарея меня и расстреливает! Вот только плохо стреляет! Целят в одного Романова, попадают в другого…

Государя спросили, как подействовало на него происшествие. Он ответил с долей рассеянности:

- Да никак, господа! До 1918 года я ничего не боюсь...

Эта таинственная фраза Николая не обратила на себя внимания присутствующих. Лишь императрица, вздрогнув, смертельно побледнела и бросила на супруга понимающий взгляд.

Спокойствие, с которым Николай II отнесся к происшествию, грозившему ему смертью, было до того поразительно, что обратило на себя внимание ближайших к нему лиц окружавшей его свиты. Однако император, как говорится, и бровью не повел, и только спросил: кто командовал батареей? И когда ему назвали имя, то он участливо и с сожалением промолвил, зная, какому наказанию должен быть подвержен командовавший офицер:

- Ах, бедный, бедный Карцев, как же мне жаль его!

Командира батареи и офицера Карцева, распоряжавшегося стрельбой, государь простил, так как раненых, по особой милости Божией, не оказалось, за исключением одного городового, получившего ранение. Звали же того городового, как уже упоминалось, Петр Романов…

…Может, тот «нечаянный» заряд, направленный чьим-то злым умыслом, и впрямь был адресован императору Романову, но задел не того, на кого был нацелен? Если так, то не оттого ли, что «назначенные» провидцами сроки гибели царя были еще далеки?..

* * *

Шкатулка была надежно упрятана в одном из книжных шкапов рабочего кабинета, за толстыми фолиантами по истории дома Романовых. Император доставал ее лишь тогда, когда двери в кабинет были заперты на замок.

* * *

Говорят, что утопающий готов ухватиться за соломинку – лишь бы спастись. Такой соломинкой для Николая II стали упорные слухи о сектантах, которые якобы не только сумели проникнуть в таинственную страну Тибет, но и вернулись оттуда обогащенными некими таинственными, далеко опережающими время знаниями и мощными артефактами, при помощи которых можно было, как утверждалось, если не изменить историю всего человечества, то «скорректировать» малую его часть.

Император пожелал встретиться с тибетскими «ходоками», но посылаемые к ним гонцы и депутации возвращались ни с чем: «странники» упорно избегали общения с «главным Антихристом» и его слугами. Оставалось прибегнуть к помощи всесильного министра внутренних дел – именно для этого нынче и был вызван в Царское Село фон Плеве.

* * *

Между тем, время шло к обеду, а глубоко ушедший в свои мысли император все реже менял разряженные ружья и рассеянно поглядывал по сторонам, словно желая найти предлог для прекращения охоты. Может, именно поэтому он с надеждой оглянулся на приближающийся частый стук копыт? Однако государя разыскивал «всего-навсего» дежурный флигель-адъютант, полковник Николай Тотлебен[1].

Разочарованно отвернувшись, Николай все же придержал своего коня и развернул его.

---

[1] Сын знаменитого инженер-генерала графа Э.И. Тотлебена

Подскакав поближе, флигель-адъютант на ходу спешился и кинул правую руку в белоснежной перчатке к козырьку:

- Желаю здравствовать, ваше величество! И покорнейше прошу прощения за то, что вынужден прервать своим появлением ваши августейшие занятия…

- Да ладно тебе, Николай Эдуардович! – с усмешкой прервал его словоизлияния император, которого всегда забавлял неистребимый южно-немецкий акцент, передавшийся от отца к сыну. – Ну, докладывай, что там стряслось, в доме?

- Во дворце все в порядке, ваше величество! – отрапортовал Тотлебен. – Из Гатчины прибыла ее императорское величество, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она уже дважды осведомлялась о времени окончания вашей охоты, государь! И еще прибыл его высокопревосходительство господин министр внутренних дел…

Педантичный Николай глянул на часы и поднял левую бровь:

- Но до назначенного ему времени для доклада остается почти час, - удивился он. – Или у фон Плеве какие-то неотложные новости?

- Не могу знать, ваше величество! Однако господин министр нижайше просил передать вам, государь, что его новости столь «горячи», что он готов присоединиться к вашей охоте!

Император на несколько мгновений задумался. Фон Плеве получил министерское кресло только четыре месяца назад, после злодейского убийства своего предшественника, Сипягина, и не был пока искушен в придворном этикете. В его преждевременном появлении, тем не менее, был какой-то знак, и Николай, поразмыслив, тут же разгадал его. Все дело было в прибытии в Царское Село его матери, вдовствующей императрицы. Она непременно пожелает присутствовать при докладе, и не удержится от резкого высказывания своих убеждений. Между тем, тема доклада была весьма щепетильной, и Николай вовсе не желал, чтобы его высокопоставленные родственники, включая его мать, принялись «чесать языки» по этому вопросу.

Он кивнул флигель-адъютанту:

- Не возражаю, Тотлебен! Проводи господина министра ко мне…

РЕТРОСПЕКТИВА – 2 Чудак из Сингапура

Человек, которого в Сингапуре прозвали Сумасшедшим Гансом, проснулся в свое обычное время и звякнул серебряным колокольчиком в виде причудливой рыбки. Не успел стихнуть мелодичный звон, как внутренняя дверь спальни, обтянутая желтоватым пергаментом, отодвинулась, пропуская слугу-китайца с маленьким подносом, на котором красовалась миниатюрная, не более половины гусиного яйца, чашка чаю. Поставив подношение на край резного столика у кровати, слуга склонился в поклоне, отошел к раздвижной двери и замер в ожидании дальнейших распоряжений.

Накинув халат, Сумасшедший Ганс мелкими глотками, с глубоким наслаждением, выпил свой утренний чай, сунул ноги в шлепанцы и направился мимо пребывающего в неподвижности слуги в сад.

Прогулка по саду была традиционным утренним ритуалом хозяина поместья на окраине Сингапура и, пожалуй, самого богатого человека в этой британской колонии. Гансу минуло 30 лет, его шаги были упруги, а походка никак не походила на степенную поступь солидного человека. Пройдя несколькими извилистыми дорожками, усыпанными дробленым белоснежным ракушечником, Ганс приветливо кивнул садовникам-китайцам, торопливо склонившимся при его приближении, и на несколько минут присел на скамейку, сделанную из куска исполинского ствола заморского дерева. Концы ствола, уходящие в землю, покрывал бурый мох, а по стесанной середине были разбросаны небольшие

подушки. Здесь Ганс обычно делал традиционные дыхательные упражнения, после чего следовал завтрак.

Завтрак… Ганс слегка нахмурился, представив себе традиционный китайский завтрак: рис, паровые и кунжутные хлебцы, сладкое соевое молоко, в которое окунают жареные кусочки хлеба. Но ведь он же европеец, черт подери! Иногда Ганс распоряжался позвать уличных торговцев, которые продают различные горячие закуски, часто жареные во фритюре. Обычно это рисовые клецки, жареные блины, булочки с мясной начинкой, лапша и супы. И все равно ему часто хотелось чего-нибудь европейского – например, большой, подрумяненный на углях кусок истекающего жиром мяса. Но такое следовало всегда заказывать повару заранее. Не ждать же теперь, пока проворные китайцы раздобудут ему свежего мяса! Слегка нахмурившись от того, что нынешнее его желание несбыточно, Ганс слегка хлопнул в ладоши.

Через несколько мгновений перед ним возник, словно материализовавшись из воздуха, повар в белоснежном колпаке и фартуке, надетом на традиционную китайскую одежду.

- Ваш завтрак готов, господин Лян, - повар сломался в глубоком поклоне. – Где вы прикажете нынче накрыть стол? В саду или в доме?

Ганс внимательно поглядел в затылок и бритую шею согнувшегося повара:

- Пожалуй, в столовой. Но в чем дело, Люй? – он не спускал глаз с повара. – Неужели ты нынче пережёг паром кунжутные хлебцы?

- У вас нынче не кунжутные хлебцы, господин! – с оттенком неодобрительности ответил повар. – Следуя указаниям вашего Провидца, я приготовил для вас европейское блюдо. Жареное мясо…

- Жареное мясо? – живо переспросил Ганс. – Но откуда ты… То есть, откуда он сумел узнать о моих тайных желаниях?

- Это мне неведомо, господин, - снова сломался в поклоне повар. – Ваш Провидец еще вчера велел мне раздобыть парное мясо молодой телки, замариновать его на ночь в красном вине, и утром поджарить на углях…

- Хорошо, Люй. Провидец и ты не ошиблись, - широко улыбнулся Ганс. – Сегодня я с удовольствием отведаю мясо на углях… И впредь не, полагаю, не стоит сомневаться в словах Провидца! Кстати, я хотел бы нынче разделить свой завтрак с ним…

- Он ожидает вас в столовой, господин…

Прожив всю жизнь в Сингапуре, как и многие его предки, Ганс не мог не впитать многих китайских обыкновений. От прадеда ему досталась глубоко почитаемая «Книга перемен», называемая здесь «Идзин». Копии этих книг можно было найти в лачуге самого бедного китайца. Считается, что владение этой книгой приносит удачу. И это не простое суеверие. Ведь тот, кому доступна истинная мудрость, может считать себя счастливым. Эта уникальное произведение, имеющее все права на первое место в китайской классической литературе, гораздо старше прочих распространенных в этой стране «книг мудрости», а по времени своего составления вообще может считаться древнейшей книгой мира.

Впервые Ганс взял «Идзин» в руки еще подростком, от скуки. В юности он не слишком верил разным предсказаниям, а тех, что занимался ими, считал шарлатанами. В этом не было ничего удивительного: европейцы-учителя, которых нанимал для него отец, занимались с мальчишкой точными науками. Однако, когда обучение дошло до основ китайской философии, очередной учитель достал из своего мешка «Книгу перемен». И юный Ганс с удивлением узнал, что «Идзин» - это не просто книга судьбы и гадательный оракул. Что это - источник глубокой мудрости, из которого можно почерпнуть много полезных сведений о китайском фольклоре и философии. «Книга перемен» на протяжении столетий оказывала огромное влияние на жизнь китайцев, и играла важную роль в

сохранении сущностной структуры китайского общества. И не удивительно, что эта книга - самая читаемая в Китае и столь же почитаема там, как христианская Библия у жителей Европы.

Предсказания, содержащиеся в «Идзин», сверхъестественно точны, что свидетельствует о необыкновенной проницательности их составителей. И остается только удивляться, как мудрецам Древнего Китая стало доступно знание, которым не владел ни один даже самый ученый муж на Западе.

Древние императоры Китая, желая знать, что уготовило им будущее, держали у себя на службе множество прорицателей. Конечно же, они руководствовались при этом уже упомянутым принципом: кто предупрежден, тот вооружен. Некоторые предсказатели пользовались особым благоволением императоров и занимали высокое положение при дворе. Правда, очень часто подобное возвышение было недолгим - пока их предсказания сбывались. Казнь была обычной участью тех, кто разочаровал императора. И все равно многие из придворных прорицателей искушали судьбу, и в стремлении угодить своему господину давали ему сомнительные прогнозы.

Самым известным из придворных прорицателей был Лю Цзи, занимавший должность советника при первом императоре династии Мин. Лю Цзи нередко называют китайским Нострадамусом, так как ряд его предсказаний, сбывшихся впоследствии, до сей поры удивляет потомков своей точностью. По преданию, Лю Цзы был казнен, несмотря на свои заслуги и обещание императорской защиты, - однако не потому, что ошибся в своих предсказаниях. Причина была иной: император позавидовал его славе, и, возможно, даже устрашился масштаба знаний и влияния этого человека на судьбы мира.

Домашний Провидец, родившийся и воспитанный в Тибете, появился в доме Ганса несколько лет назад. Ганс случайно услышал о нем от ловца жемчуга, которым жители небольшой рыбацкой деревеньки по традиции снабжали все поколения сингапурских Ланов. Появление Провидца столь далеко от Пекина было странным, и Ганс захотел познакомиться с этим человеком поближе.

Ожидая увидеть перед собой седобородого старца, Ганс был удивлен, когда к нему привели миниатюрного человечка, практически карлика, самого неопределенного возраста – ему можно было дать и 40, и 70 лет. Одет человечек был в традиционную китайскую куртку– разве что ее рукава были настолько длинны, что целиком закрывали кисти рук.

Чем больше всматривался Ганс в стоящего перед ним Провидца, тем большее удивление тот у него вызывал. У человечка было необычным все – начиная с лица, не луноподобного, как у большинства азиатов, а сильно вытянутым, чего не могла скрыть затейливо вышитая лицевая повязка. Глаза были тоже странными – не щелочками, а, скорее, на индийский манер, с поднимающимися к вискам уголками. Голову гостя венчала необычная шапка – темно-красного колпак, вытянутый вверх и увенчанный шариком.

- Ты удивлен моей необычной внешностью, отсутствием седой бороды, которую многие считают признаком мудрости, мой господин? Что касается бороды, то при дворе императора жизнь провидцев никогда не бывает слишком долгой. Сильные мира сего не любят, когда истина расходится с их пожеланиями. Кроме того, я вырос в Тибете, приобщен к многим тайнам Вершины Мира, и на самом деле гораздо старше, чем выгляжу…

- Вот как? И сколько же тебе на самом деле лет?

- Позволь мне пока не отвечать на этот вопрос, господин. Придет время, и ты сам все узнаешь.

- Хм… А почему ты не снял шапку, войдя в мой дом? Зачем тебе эта повязка на лице? Ты изуродован скверной болезнью?

- Я здоров, насколько это возможно в моем возрасте. Что же касается шапки и повязки на лице, то это обычай моего народа…

- Ты говоришь загадками, Провидец, - усмехнулся Ганс. –Я прочел множество книг о Тибете, и нигде не встречал описания людей, похожих на тебя.

- Мое племя, вернее, его остатки, живет в труднодоступной долине, на юго-западе Китая. Мы считаем эту землю тибетской, но не все разделяют это мнение. Ты слыхал о деревне карликов, хозяин?

- Кое-что слышал. Говорят, вас почему-то не любят жители других окрестных деревень… Не любят и боятся.

- Они боятся мощи, от которой уже ничего не осталось. Когда-то мое племя наводило страх на весь Тибет… Впрочем, зачем говорить о минувшем?

- А как мне называть тебя, тибетец?

- Мое настоящее имя сложно и труднопроизносимо, господин. Арюунэрэл.Ты и твои домочадцы могут называть меня Арюлом – если ты, конечно, оставишь меня при себе.

Поговорив с гостем около часа, Ганс предложил ему остаться в его доме в роли учителя и наставника.

Арюунэрэл впервые поднял на хозяина дома глаза, и Ганс убедился, что они и впрямь ничуть не азиатские – необычно большие. И, к тому же, почти лишены ресниц.

- Ты предлагаешь мне остаться учителем и наставником, господин? Разве тебе не нужен Провидец?

- Сначала ты должен убедить меня в своих провидческих способностях, Арюл, - снова усмехнулся Ганс Ландсберг.

* * *

Отрезав первый кусочек дымящегося ароматным паром мяса, Ганс по-мальчишечьи не удержался:

- Арюунэрэл, как ты узнал о моем желании? Мне захотелось отведать жареного на углях мяса только нынче утром.

- Вчера я помогал тебе разбирать твою коллекцию жемчуга, господин. Ты был рассеян и сложил на столике из новой партии жемчужин фигурку коровы. Потом ты долго думал о чем-то, и ноздри твои раздувались, как при обонянии чего-то необыкновенно вкусного. Ты европеец и потомок воинов. А они любят мясо… Вот и все, господин!

- Это делает честь твоей наблюдательности.

- Прорицательство на домашнем уровне несложно, господин. Помнишь, я рассказывал тебе о «Бисквитной поэме» великого прорицателя Лю Бо Вэня? Император, желая поразить гостей способностями своего главного Прорицателя, воспользовался тем, что тот отлучился из пиршественного зала, и положил в чашу кусочек недоеденного бисквита, накрыв его другой чашей. А когда Лю Бо Вэнь вернулся, предложил ему угадать: что сокрыто под чашей? И Прорицатель без труда угадал…

- Да, я помню, - кивнул Ганс. – Эта поэма с легкомысленным названием была написана, кажется, около 1735 года. Она довольно загадочна и трудна для понимания. Тем более, что в ней содержатся пророчества о завоевании Китая монголами, о возвышении императорского евнуха Чжэна Хэ, об основании маньчжурской династии Цин, об «Опиумных» сражениях и войне Китая с Японией…

- Будущее сокрыто для большинства людей, но не для Прорицателей, господин!

- Чжен, а ведь ты еще никогда не прорицал для меня, - припомнил Ганс. – Наверное, потому, что во мне нет императорской крови?

- Дело не в крови, господин. Прорицания могут поссорить даже друзей, а я не хочу ссориться с тобой!

- Ну, хоть немножко! – поддразнил Ганс. – Обещаю, что не обижусь! И назови, прошу, свое настоящее имя – я запомню, клянусь! Запомнил же я твое имя!

- В моем племени имя ребенка выбирают не родители, а тот, кто его носит.

- Ну, ладно, сам так сам. Так как насчет прорицания, Арюунэрэл?

Тибетец немного подумал, вынул из мешочка на поясе два кубика, похожие на те, которые используют для игры в кости. Только вместо точек на каждой стороне кубика был выжжен иероглиф. Прорицатель трижды бросил кубики на стол, запоминая выпавшие иероглифы. Спрятав кубики, он прикрыл глаза и несколько минут просидел неподвижно.

- Я вижу два корабля, которые направляются к этим берегам. Один из них несет с собой смерть, но коварным замыслам не суждено осуществиться. А на втором корабле я вижу много горестей, лжи и обмана.

- Ну, насчет второго корабля все понятно, Арюунэрэл. Наступила весна, а в это время с недавних пор русские корабли везут на свою самую дальнюю каторгу осужденных арестантов. Но меня смущает первый упомянутый тобой корабль: кому угрожает плывущая на нем смерть? Мне?

- Если бы это было так, я непременно предупредил бы тебя, господин, - поклонился Провидец.

- Могу я рассчитывать, что когда-нибудь ты расскажешь о себе немножко побольше, Арюунэрэл? Что когда-нибудь ты снимешь свою странную шапку в моем доме, снимешь повязку, закрывающую половину лица?

- Всему свое время, господин…

* * *

На следующий день после появления на рейде Сингапуре греческой шхуны «Клеопатра», доставившей сюда жандармского агента Войду, он был зарезан в собственном номере гостиницы. Эту весть о смерти странного пассажира первыми принесли в дом Ганса слуги-китайцы. Позже полисмен доставил Гансу казенную бумагу, в которой глава Королевской полиции Сингапура в цветистой и вежливой форме осведомлялся: не найдет ли многоуважаемый господин несколько минут для того, чтобы зайти в полицейское управление и прояснить один небольшой вопрос, имеющий к нему прямое отношение? Впрочем, если господин занят или не расположен выходить из дома – не соблаговолит ли он назначить день и час для короткого, совсем короткого визита полицейского детектива?

* * *

Еще в феврале 1819 сэр Томас Стамфорд Раффлз, представитель «Британской Ост-Индской компании», заключил договор с султаном Джохора, чьим владением был Сингапур, об организации там торговой зоны с разрешением иммиграции разных этнических групп. А поскольку англичане придавали Сингапуру большое значение как важному опорному пункту на пути в Китай, через полсотни лет город-государство стал одной из колоний Британской империи. Со временем на побережье обосновались немецкие, голландские и китайские торговцы, однако заправляла всем колониальная администрация Британии.

Англичане с присущим им высокомерием смотрели на разноплеменное население города, однако к Лану-Бергу отношение ее было особым. Во-первых, его предки появились здесь в незапамятные времена, задолго до британского владычества. Во-вторых, немец по происхождению, Берг пользовался у местного китайского населения непререкаемым почтением и авторитетом. К тому же, как уже упоминалось, он был одним из богатейших людей этого уголка земли.

Немаловажную роль в почтительном отношении к Бергу администрации играл взрывной характер этого человека. В Сингапуре хорошо помнили, как однажды малайские

пираты, бесцеремонно промышлявшие в узких проливах, попытались было взять под контроль сам город-колонию, а британский экспедиционный корпус ввиду численного превосходства противника, поспешил запереться в казармах и заявить о своем невмешательстве «во внутренние дела». Порядок в Сингапуре тогда навел Берг: собрав под свое начало несколько десятков китайских рыбаков и ловцов жемчуга, он во главе своего воинства, с одним старинным мечом, навел на пиратов такой ужас, что те, бросив оружие и узкие «джонки», удирали из Сингапура вплавь. Позже отношения Берга с окрестными пиратами наладились: те зареклись трогать принадлежащие ему и его китайским подопечным корабли и лодки, а Берг делал вид, что не замечает их.

Иногда Лан - Берг покидал Сингапур и отправлялся в путешествия. Куда и зачем он ездил – никто не знал. В городе лишь ходили сплетни о том, что Берг, как и его предки, желая сохранить в своих жилах немецкий доминант, ездил в Европу в поисках невесты. Так это было на самом деле или нет – никто не знал.

* * *

Прочитав письмо, главы Сингапурской полиции, Ганс усмехнулся, облачился в костюм европейского покроя, и, не чинясь, посетил контору главного констебля Королевской полиции Сингапурской колонии Британской короны Эдуарда Голдсмита.

Главный констебль принял посетителя с показным радушием, предложил, по здешнему обыкновению, стакан ледяной воды, и завел было светскую беседу на деловые темы. Собирается ли господин Берг принять участие в ближайшем аукционе жемчуга в Гонконге или Шанхае? Нет? Очень, очень жаль! Знатоки жемчуга уверяют, что любая часть коллекции господина Берга привлекла бы на подобный аукцион полмира!

Посетитель вежливо прервал констебля, напомнив ему, что явился не для обсуждения достоинств местного жемчуга. У господина констебля наверняка есть более насущные вопросы, требующие разрешения. Итак?

Голдсмит извинился: действительно, он взял на себя смелость оторвать мистера Берга от важных дел не по поводу жемчуга. Не слышал ли мистер Берг о вчерашнем пожаре на рейде?

- Горела некая греческая шхуна, а пожару, по уверению шкипера шхуны, предшествовал взрыв на борту, - уточнил Голдсмит, не сводя внимательного взгляда с лица посетителя.

Берг признался, что слышал от слуг о пожаре, но о взрыве не имеет ни малейшего представления.

- Между тем, шкипер уверяет, что взрыв и последующий за ним пожар – дело рук его пассажира, сошедшего на берег здесь, в Сингапуре, - продолжил Голдсмит.

- Ну так в чем же дело, господин главный констебль? – начал терять терпение посетитель. – Допросите этого пассажира, устройте ему очную ставку с хозяином судна… Почему вы говорите об этом досадном происшествии со мной?

- Терпение, мистер Берг! Минуту терпения! Я бы так и поступил, знаете ли. К несчастью, пассажир этой шхуны вчера вечером умер. Точнее – был зарезан слугами некоего господина Вапсаранаи. Вы, конечно, слышали это имя?

- Да, я слышал про этого проходимца, - Берг решительно встал. – И даже как-то встречался с ним – когда этот господинчик предложил купить у него по дешевке партию жемчуга. Жемчуг был явно украден, и я просто вышвырнул мистера Вапсаранаи за дверь моего дома. У вас всё, констебль?

- К сожалению, нет, мистер Берг! Хозяин гостиницы, где остановился приезжий, показал, что тот наводил справки о вас. И встретился с Вапсаранаи именно для того, чтобы побольше узнать о вас и, возможно, познакомиться с вами!

Ганс нахмурился:

- Кем бы ни был погибший, рекомендант для знакомства со мной был выбрана им явно неудачно! А кого зарезали, собственно говоря?

- Вот мы и подошли к делу, по которому я осмелился побеспокоить уважаемого господина Берга, - обрадовался Голдсмит, вынимая из ящика стола фотографию и пододвигая ее к посетителю. – Вам не знаком этот человек, мистер Берг?

Тот снова поморщился:

- Он был сфотографирован уже мертвым? Нет, я никогда прежде не видел его, господин констебль!

- У погибшего были русские документы на имя Власова, - подсказал Голдсмит. – Может, во время одного из ваших путешествий?.. Вам не доводилось бывать в России, мистер Берг?

Посетитель еще раз бросил взгляд на фотографию и направился к двери. Взявшись за ручку, он обернулся к констеблю:

- Первый Ландсберг, которого здешние аборигены называли Однорукий Лян, прибыл на эти берега действительно из России. Что же касается меня, то я никогда не был в этой стране. Индия, Непал, Италия, Германия – вот полный список моих странствий. И ни в одной из этих стран я не видел этого несчастного, констебль! Даю вам в этом слово. А негодяю Вапсаранаи можете передать: если он еще раз попадется на моем пути, я просто сверну ему шею! Всего доброго, господин констебль!

* * *

Через два дня на внешнем рейде Сингапура бросил якорь русский пароход «Нижний Новгород». С него была спущена шлюпка, на которой трое дюжих матросов-гребцов сноровисто доставили к берегу старшего помощника капитана Стронского с бумагами и рундучком, в котором хранилась корабельная касса. Встретивший русского моряка портовый чиновник любезно пояснил, что начальник порта уже отбыл из конторы в свою резиденцию, и все вопросы, связанные со швартовкой судна и его бункеровкой углем и пресной водой, могут быть решены только завтра утром.

Детектив Лауден, давно уже топтавшийся на причале, с интересом наблюдал, как русский моряк, нимало не смущенный огорчительной новостью, ловко сунул чиновнику в жилетный кармашек блеснувшую в закатных лучах золотую монету, и на отличном английском языке заявил, что у него к начальнику порта есть неотложное дело. И что капитан русского парохода в его лице покорнейше просит начальника порта ненадолго прервать свой отдых. Он также готов, разумеется, компенсировать хлопоты и беспокойство властей, связанные со скорейшим оформлением всех надлежащих бумаг.

Портовый чиновник, вмиг ставший любезным и предупредительным, тут же развил бурную деятельность. Один из отиравшихся поблизости портовых оборванцев был отправлен с запиской к начальнику порта, второй послан на поиски конной коляски – чтобы доставить русского моряка в контору порта. Не желает ли господин моряк в ожидании ответа поужинать? Или, по крайней мере, глотнуть холодного пива в таверне?

Стронский, отказавшись от пива, тут же заметил, что идея насчет ужина кажется ему заманчивой. И он тут же от имени русского флота пригласил портового чиновника откушать на борту парохода «чем Бог послал» – только попозже, после завершения всех необходимых формальностей. «Нижний Новгород» перевозит особый груз, заявил чиновнику русский моряк. Поэтому время стоянки парохода во всех портах предельно сокращено. А ему, старшему помощнику капитана, еще предстоит закупить здесь потребное количество угля и пресной воды и организовать их бункеровку. Вот если бы господин чиновник был настолько любезен и подсказал адреса и имена честных торговцев, которые готовы, не мешкая, продать уголь и воду, а также организовать ночную бункеровку

судна… При этих словах русский моряк несколько раз встряхнул своим рундучком, и в нем что-то звонко забрякало…

Нет проблем, горячо уверил моряка чиновник. И тут же написал еще пару записок, которые очередная пара оборванцев помчалась доставлять адресатам. К тому времени на причале появились и конные коляски. Один из матросов остался охранять шлюпку, двое других уселись в одну коляску, Стронский с чиновником в другую, и процессия укатила в портовую контору.

Проводив коляски глазами, Лауден в задумчивости почесал в затылке: если русские решили потратиться на ночную бункеровку судна, то, пожалуй, могут сняться с якоря с утренним приливом. Значит, времени для приватного разговора с капитаном может и не оказаться. Поразмыслив, Лауден решил попросить русского капитана о встрече через его старшего помощника, когда тот вернется на причал. Оглянувшись, он кивком головы подозвал к себе ближайшего портового оборванца:

- Эй, ты! Да-да, ты!

Оборванец приблизился к полицейскому, мгновенно опознанному всеми портовыми аборигенами – несмотря на отсутствие форменного мундира. Приблизился с опаской: он справедливо не ожидал от полицейского ничего для себя хорошего.

- Отправляйся к конторе порта, и как только русские моряки выйдут от начальника, бегом ко мне. Найдешь меня здесь, в таверне, понял? И не дай тебе твой китайский бог опоздать или промедлить! – сурово предупредил посыльного Лауден. – Если моряки уплывут на шлюпке до моего разговора с ними, ты до конца своих дней будешь дробить камни вместе с каторжниками! Я запомнил твою рожу, так и знай! Отправляйся!

Оборванец уныло кивнул и мелкой рысью побежал прочь. На заработок у полицейского можно было и не рассчитывать – хорошо еще, если тот расплатится пинком или подзатыльником и не поволочет в участок.

В таверне Лауден спросил пинту темного пива и расположился в ожидании своего гонца на открытой террасе. Здесь он окончательно продумал детали предстоящего непростого разговора с русскими моряками.

Он отдаст им под расписку багаж погибшего Власова-Мюллера – не весь, разумеется. Документы, одежда, личные вещи, целый чемодан каких-то древних кувшинов, амфор и черепков. Про взрывчатку и оружие русским будет только сообщено. Любопытно будет поглядеть и на реакцию моряков на сообщение о том, что Власов намеревался убить кого-то с «Нижнего Новгорода».

Дождавшись гонца-оборванца, Лауден мигом покончил с пивом, бросил на стол монету и отправился на причал. Там он легко перехватил русского моряка, и, против ожидания, легко договорился с ним о рандеву с капитаном судна. Если русский и удивился неофициальной просьбе о встрече полицейских властей Сингапура с капитаном, то виду не подал. И от себя радушно пообещал угостить Лаудена на борту «Нижнего Новгорода» настоящей русской водкой.

Оставалось только ждать. И Лауден в сгущающихся сумерках, в числе прочих праздных зевак, долго наблюдал за шлюпкой, удаляющейся от берега, а потом за маневрами русского корабля, вскоре поднявшего якорь и осторожно пробирающегося с рейда к самому дальнему и глухому углу причала.

К этому времени уже совсем стемнело, и по всему причалу уже горели огни, разведенные в поставленных шеренгой железных бочках.

Лауден вздохнул, поправил лихо сдвинутый котелок и решительно зашагал к трапу «Нижнего Новгорода». Давнишний офицер уже поджидал его у поручней и махнул рукой караульным и вахтенному матросу: пропустить!

* * *

- Об этом нее может быть и речи, господин полицейский! – решительно заявил капитан Кази, щедро наполняя рюмку гостя в четвертый раз. – О том, чтобы взять на борт тело нашего погибшего соотечественника, чтобы доставить его в Россию, не может быть и речи! «Нижний Новгород», к вашему сведению, не имеет лишнего ледника, а тот, что имеется, загружен скоропортящейся провизией. Вы же понимаете – не считая экипажа, у меня на борту шесть с половиной сотен душ арестантов, которые, между прочим, едят, как все прочие люди, три раза в день! Я уже не говорю о санитарных нормах, не позволяющих перевозить в одном леднике продовольствие и тела усопших. Пейте, господин Лауден! Это, как я уже упоминал, настоящая русская водка! Ваше здоровье! Рекомендую также вашему вниманию традиционную русскую закуску – вот тут, рядом с вашим прибором!

Лауден с удовольствием опрокинул в рот обжигающую жидкость, невольно крякнул и с жадностью набросился на маринованные огурчики.

Капитан, помедлив, пригубил свой коньяк и покосился на хронометр. Чертовы англичане! Втридорога дерут за уголь, пресную воду продают чуть ли не цене «Мозельского», а теперь еще и развели какие-то малопонятные интриги с телом невесть откуда взявшегося в Сингапуре русского подданного.

Между тем детектив Лауден отдышался после крепкой водки, вытер платком вспотевший лоб и покивал головой:

- Вы правы, господин капитан! Не имеете возможности забрать тело – ради Бога! Разумеется, его предадут земле и здесь: при господине Власове, как выяснилось, была с собой весьма значительная сумма и в фунтах стерлингов, и в валюте других стран. Эти деньги по завершении следствия будут переданы в канцелярию господина губернатора, и если родственники усопшего в дальнейшем заявят на них свои права, то их претензии будут удовлетворены – за вычетом расходов на похороны, разумеется. Вот это я и прошу довести до сведения соответствующих русских властей. И присовокупляю к этому просьбу передать русским властям бумаги и личные вещи покойного.

- Так в чем же тогда проблемы, милейший? – капитан Кази начал терять терпение. – Бумаги и личные вещи покойного надворного советника Власова будут мной переданы русским властям по прибытию судна во Владивосток. Расписку в их получении я напишу тотчас по их получению… Что же касается сообщенной вами конфиденциальной информации о том, что господин Власов ожидал здесь, в Сингапуре, именно мой пароход и якобы намеревался убить кого-то с «Нижнего Новгорода», то увы! Ничем не могу быть полезен! Более того: как мне кажется, это чисто полицейское дело! Дело властей Сингапура, а никак не моё-с! Да, голубчик!

Почувствовав раздражение русского капитана, Лауден пошел на попятную.

- Боже упаси, господин капитан! –он молитвенно прижал руки к груди. – Боже упаси, я вовсе и не имел в виду перекладывать на вас, либо на экипаж парохода свои полицейские обязанности! Просто я думал, что моя информация заинтересует вас…

- Ни в малейшей степени, любезный! – Кази, отбросив всяческую дипломатию, решительно убрал графинчик с водкой в шкаф и демонстративно щелкнул крышкой дорогого брегета. – Ни в малейшей степени! В настоящий момент, господин детектив, меня больше интересуют вопрос бункеровки трюмов моего парохода углем и пополнение судовых запасов пресной воды. А мой старший помощник, которому, кстати говоря, тоже надо бы быть на палубе, роется для вас в статейных списках арестантов. А-а, вот, кстати, и он! Заходите, голубчик! Ну-с, Роман Александрович, нашли что-нибудь? Нет? Тогда попрошу вас проводить нашего гостя на берег.

Проводив англичанина, Стронский тут же с таинственным видом пригласил капитана на верхнюю палубу, а там украдкой показал на высокого европейца с китайскими чертами

лица, который в сопровождении двух слуг с объемистыми корзинами раздавал каторжникам нехитрые гостинцы – табак, фрукты, конверты с писчей бумагой.

- Почему возле парохода посторонние? – возмутился капитан. – Куда смотрят караульные?!

- Успокойтесь, Сергей Ильич! Этого местного чудака тут знают все. У него пунктик: встречает все корабли с каторжанами и раздает им гостинцы. Совершенно безобиден, уверяю вас! А вот имя у него интересное, господин капитан: то ли Лан, то ли Берг – по разному его тут кличут. А чаще всего называют - за глаза, разумеется - Сумасшедшим Гансом. Между прочим, если англичанин не соврал, именно с этим Гансом искал знакомство убиенный здесь надворный советник Власов!

Стронский протянул капитану бумагу, отчеркнув ногтем нужное место. Кази, нахмурившись, быстро пробежал глазами документ, потом принялся читать второй раз, уже внимательнее.

- Расскажите своими словами, голубчик! – попросил он. - Тем паче, я вижу, у вас есть сообщить нечто такое, чего нет в документах…

- Ландсберг, господин капитан! - негромко доложил Стронский. – Снова Ландсберг! Человек, из-за убийства которого Ландсберг попал под суд и получил каторгу на Сахалине, звался Власовым. Надворным советником Власовым.

Капитан в растерянности уставился на старшего помощника.

- Речь, полагаю, идет о брате убитого Лансбергом чиновника в отставке, Сергей Ильич, - Стронский улыбнулся углами рта. – Дело Ландсберга, ежели помните, прогремело после этого убийства на всю Россию. О нем писали все газеты – а я, грешник, собираю подобные публикации.

Капитан Кази помолчал, осмысливая услышанное:

-Выходит, брат убиенного Лансбергом чиновника решил отомстить и подкарауливал здесь, в Сингапуре, наш пароход? Святые угодники, ушам своим не верю, Роман Александрович! Чтобы человек, влекомый жаждой мести, предпринял этакую «одиссею» через полмира! Опера прямо! Шекспировские страсти, ей-богу!

- Да не шекспировские тут страсти, Сергей Ильич! – вздохнул Стронский. – Сюжетец здесь покруче рисуется! Завещание убитого в Петербурге Власова в пользу Ландсберга судом было аннулировано, и деньги достались именно брату покойного! Так что, получается, не было у Власова никакого резона мстить убийце своего брата! И третье: газеты по завершению процесса писали, что, получив наследство, Власов-младший немедленно пустился во все тяжкие, завел содержанку-хористку, и укатил с ней в Европу. Там он быстро все спустил, наделал долгов, попал в долговую тюрьму и «благополучно» допился до гробовой доски. Так что не наш это братец, Сергей Ильич!

- Тогда чей же? – простонал Кази. – То есть, кто он вообще?

– Англичане уверены, что убитый иностранец имеет самое прямое касательство к русскому Жандармскому корпусу.

- Час от часу не легче! – капитан взялся за голову. – Что за фантазии этим британцам в их бедовые головы взбрели? С чего они взяли про Жандармский корпус? Только потому, что у убитого оказались русские документы на имя Власова?

- Может, вернуть детектива и получше угостить? Он почти дошел до кондиции…

- Нет уж, батенька, увольте-с! – капитан встал, показывая, что разговор окончен. – Увольте! Вы приняли всё по описи – вы и храните у себя, до передачи русским властям во Владивостоке. И хватит об этом! Что у нас с бункеровкой? С пресной водой?

- К семи утра никак не поспеваем, Сергей Ильич! – развел руками Стронский. – Вода в потребных количествах уже на борту, а вот уголька маловато на портовых складах у них

оказалось, ждем-с еще поставщиков. Так что, имея в виду прилив, раньше полудня никак в море не выйдем.

- Ну, сие беда невеликая, - махнул рукой Кази. – До Сахалина нагоним отставание, путь не близкий.

- А у меня тут, кстати, и мыслишка появилась: не навестить ли мне завтра утречком здешнего немчика, Ганса этого?

- Помилуйте – это еще зачем? Как я понял из объяснений полисмена, наш соотечественник добраться до него не успел…

- И все ж дозвольте провести небольшую разведку, господин капитан! Любопытство, знаете ли, разбирает. Да и все одно до полудня стоять будем тут.

- Идите, коли любопытно! – пожал плечами Кази. – Только, прошу, поосторожнее там, Роман Александрович!

* * *

Найти Сумасшедшего Ганса в Сингапуре Стронскому труда не составило. Первый же извозчик, которому моряк изложил свое пожелание, кивнул головой: да, он знает дом господина Берга. А знает ли господин моряк, что местные китайцы почему-то называют Берга иначе, Ляном? О-о, этот господин вовсе не сумасшедший. Это англичане так называют господина Берга. Англичане, да будет известно господину моряку, считают сумасшедшими вообще всех, кто не ест по утрам их отвратительную овсянку и думает иначе, чем британцы. А господин Берг – очень порядочный человек, добрый и рассудительный. Особо почитает его местное китайское население. Свой монолог возница-индиец произносил на бегу, держась рядом с одноместной коляской, нанятой Стронским – чем немало того позабавил.

- Неужели вы из самой России? – хозяин встретил гостя приветливо, но не подобострастно. – Стакан холодной воды? Лимонаду? Или предпочитаете пиво? Должен признаться, я впервые принимаю гостя из далекой России. Это большая честь для меня, господин Стронский! Хотя я подозреваю, что ваш интерес к моей персоне может быть вызван одной из моих безобидных причуд. Не так ли?

- И этим тоже! – улыбнулся в ответ Стронский. – И если это не тайна…

- Это не тайна, господин Стронский. Но двумя словами тут не обойтись. Скажите, вы располагаете временем, чтобы я распорядился насчет обеда на двоих?

- К полудню я должен вернуться на свой пароход.

Хозяин кивнул, звякнул колокольчиком и по-китайски отдал распоряжение появившемуся слуге. Тот что-то переспросил, Берг терпеливо произнес на том же языке несколько фраз.

- А вы прекрасно говорите и по-китайски! – заметил Стронский, провожая взглядом пятившегося с поклонами слугу.

- Что ж тут удивительного? – серьезно пожал плечами Берг. – Я всю жизнь прожил здесь – как мой отец, дед и прадед. Кстати, мой прадед и женат был на китаянке – правда, потомкам своим он завещал искать невест только в Германии. Или в России…

- Опять Россия! – рассмеялся гость.

- Я ни разу не был в вашей стране, однако испытываю к ней какую-то ностальгическую тоску, - признался Берг. – Я тоскую и ненавижу ее одновременно. Мои предки жили в Германии, и считали свой род от крестоносцев. Потом там, в Вестфалии, случился бунт черни. Поместье пришло в упадок, и двое братьев подались в русские земли. Оба предложили свои мечи царю Василию, и стали наемными гвардейцами… Как это будет по-русски? Иностранного полка, что ли…. Я потомок младшего брата, Гуго, который прогневал царя Василия, и был им сослан из Московии куда-то за Уральские горы, в страну Сьибыр… Я правильно назвал ее, господин Стронский?

- Сибирь – это, собственно, не страна, а далекая окраина Российской империи. Да-да, правильно!

- Так вот, младший брат был отправлен в распоряжение наместника царя Василия и служил при нем. Вскоре этот наместник, по повелению своего московского сюзерена, отправил в Китай посольство, а наемник-немец из далекой Московии получил приказ охранять посольство в пути. Мои предки, знаете ли, виртуозно владели мечами, тем и были славны! Не желаете ли взглянуть, господин Стронский?

Не дожидаясь ответа, Берг снова брякнул колокольчиком, и вскоре слуги почтительно принесли откуда-то видавший виды древний меч и небольшую шкатулку.

- Это меч моего прадеда. С его помощью в долгом пути он отражал нападения диких орд кочевников. Однако, по дороге в Китай мой предок был тяжело ранен в одной из стычек, посольская дружина довезла его до Пекина и вынуждена была оставить в тамошнем монастыре. Он не перенес бы тяготы обратного пути. А в этой шкатулке, господин Стронский, памятные записи, которые мой прадед продиктовал своим потомкам, в том числе и мне, стало быть...

Берг бережно достал из шкатулки несколько свитков желтоватой толстой бумаги, скрепленных по одному краю шнуровой прошивкой, приложил письмена ко лбу, немного подержал и столь же бережно положил обратно в шкатулку.

- Тогда китайские лекари спасли умирающего иностранца. Правда, одну руку Бергу пришлось ампутировать. Поправившись, он хотел вернуться либо на Русь, либо в Германию, однако не смог этого сделать. Он добрался только до моря - этого самого, но так и не дождался нужного ему корабля. И остался здесь, в рыбацкой деревушке. Тут его стали называть Ляном, или Ланом. Так теперь называют и меня – кто Берг, кто Лан. Хотите узнать мое настоящее имя, господин Стронский? Настоящее имя моих предков – Ландсберг. По-видимому, оно было трудным для произношения и на Руси, и здесь, в Китае – и его сократили. Но что с вами, господин Стронский? Вы услышали от меня нечто неприятное?

- Нет-нет, что вы мистер Ландсберг! Просто я заговорился с вами и совсем позабыл о своих служебных обязанностях, - Стронский встал и поклонился хозяину. – И ваш рассказ, и искусство вашего повара – выше всяких похвал! К сожалению, мне пора возвращаться на пароход. Если вы ничего не имеете против, мистер Ландсберг, я бы еще раз навестил ваш гостеприимный дом, когда «Нижний Новгород» будет возвращаться с Сахалина в Европейскую Россию. Мне кажется, я смогу сообщить вам кое-что интересное о ваших родственниках.

- Вы меня заинтриговали, господин Стронский! Буду с нетерпением ожидать вашего нового визита.

* * *

- Ну, уж нет! – бормотал себе под нос Стронский, без конца поглядывая на часы и все ускоряя свой шаг. – Ну уж нет! Скажи я Сумасшедшему Гансу о его единокровном родственнике, томящемся в трюме – он, чего доброго, соберет команду своих китайских молодцов и нападет на «Нижний Новгород»! Успеется! Скажу ему о Карле фон Ландсберге на обратном пути. Надеюсь, меня не придушат за такое промедление!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поручение Николая

Не прошло и 10 минут, как тучная фигура министра внутренних дел показалась на повороте дорожки. Николай едва заметно усмехнулся: не будучи «военной косточкой», министр не рискнул сэкономить время и подъехать к императору верхом: в седле он держался плохо. Император спешился, и когда фон Плеве приблизился и поклонился, звякнув звездами орденов и наград, протянул ему одно из ружей:

- Здравствуй, господин министр! Не желаешь ли показать мне умение без промаха стрелять по врагу?

Плеве с сомнением взял в руки карабин бельгийской работы, с опаской оглядел его, покачал головой и протянул ружье ближайшему егерю:

- Простите, государь, но пером и мозгами я добываю «дичи» больше, нежели ваше величество! А охотничьи забавы, увы, не для меня!

- Как знаешь, Плеве, как знаешь, - не стал спорить император. – Тогда сразу предлагаю перейти к делу. Я просил тебя подготовить возможно полное донесение о старообрядчестве, уделив особое внимание секте «странников».

- Подробная справка уже на вашем рабочем столе, ваше величество. Но основные тезисы я готов изложить прямо сейчас, по возможности кратко – ибо ваше величество прекрасно знает историю церкви на Руси!

- Я слушаю, Плеве, - подбодрил Николай.

- Необходимо обратиться к событиям мировой истории, государь, чтобы иметь возможность понять некоторые спорные до сих пор моменты истории собственной страны и своего народа. Русь приняла православное христианство от Византии, и считала себя ее духовной дочерью вплоть до XV века, пока византийская церковь не объединилась с римской католической церковью, чтобы избежать гибели от турецких полчищ. Московский митрополит Исидор, по происхождению грек, подписал это соглашение. Москва же восприняла поступок митрополита как предательство по отношению к истинному православию. Исидор был смещен, а вместо него Собор иерархов выбрал русского митрополита. Поэтому к середине XVII века в русском православном мире утвердилось представление о том, что только Русская православная церковь осталась единственной преемницей и хранительницей истинного, подлинного благочестия и веры. К этому времени Москва присваивает себе эпитет – третий Рим…

- Служба проводилась по переводам с греческих книг, - кивнул Николай. - Уже в XVI веке грамотные люди узрели множество расхождений и противоречий в церковных книгах, кои возникали из-за неточности переводов или плохого знания как греческого, так и русского языков. Стоглавый собор принял решение сверить действующие церковные книги и привести их к правильному единообразию, что оказалось очень сложно осуществить на практике.

- Совершенно верно, ваше величество! Большая часть православных народов, приняв греческие нововведения, крестилась тремя перстами. По традиции Москвы, для крещения использовались только два перста. Можно было либо навязать собственные традиции, либо подчиниться канону, принятому всем православным миром. Алексей Михайлович и патриарх Никон избрали второй вариант.

Николай украдкой поглядел на часы: было совершенно очевидно, что тезисы Плеве весьма обширны и грозят превратить короткий доклад в многословный рассказ. Он кашлянул:

- Господин министр, я полагал бы более уместным рассмотреть историю раскола в более удобное время. Нынче меня интересует разделение старообрядчества на церкви, толки, согласия, отдельные общины - то, что можно назвать вторичным расколом…

- Слушаюсь, государь! Реформа патриарха Никона породили в умах тогдашнего верующего народа тревогу и брожение. Многие христиане стали думать, что пришли последние времена и что скоро наступит конец мира. Вместе с новым понятием об антихристе возникло и новое учение о священстве. Некоторые из старообрядцев стали учить свою паству, что священство окончательно прекратилось, что истинные священники стали слугами антихриста. Таким образом, в старообрядческой среде стало оформляться течение, которое получило название «беспоповщина». Беспоповцы отвергли церковную

иерархию, выдвинули положение, что каждый мирянин есть священник. Роль священнослужителей у них исполняют выборные наставники…

- «Странники», господин министр! «Странники»: откуда они взялись? Что это такое?

- Идеи ранних «странников» были развиты более 100 лет назад бывшим филипповским иноком, отставным солдатом Евфимием, который стал учить, что все российские императоры являются воплощениями Антихриста, а правительственные чиновники и духовные власти - это слуги сатаны. Евфимий утверждал, что только перешедшие на нелегальное существование могут считаться истинными христианами и удостоиться крещения. Евфимий характеризовал представителей других толков старообрядчества как еретиков, которых необходимо перекрещивать, так же, как и никониан. Вскоре община Евфимия выросла в мощное и влиятельное «странническое», или «бегунское» согласие. Принцип «странствования» - необходимость жить нелегально. Лжеучением «странников», или «бегунов», как часто они себя именуют, наиболее заражены Ярославская, Костромская, Олонецкая и Владимирская губернии. Есть также последователи этой секты в Сибири и прочих местах.

- Довольно широко, - заметил Николай. Однако по лицу императора было видно, что пока он не услыхал того, чего жаждал.

- Секта сия состоит из двоякого рода членов: из действительных «странников» и так называемых «жилых христиан», или «странноприимцев». Последними у «странников» называются субъекты, которым не воспрещается ходить в церковь, бывать у исповеди, повиноваться властям, жениться, вообще грешить сколько угодно, потому что поступление в действительные «странники» смоет все грехи протекшей жизни. «Странноприимцы» обязаны принимать и укрывать у себя «странников» в нарочно устраиваемых потаенных помещениях, а в случае смерти зарывать их, где случится: в сарае, погребе или в лесу, но отнюдь не на кладбище и не в гробу, а просто в саване или рогоже. «Странники» обоего пола, особенно молодые, помещаясь в одних тайниках при обязательном у них безбрачии, ведут, согласно своему возрасту и убеждениям, совершенно безнравственную жизнь, государь!

Император осуждающе покачал головой, но прерывать министра не стал.

- В последние годы обнаружилось ряд документов о том, русские «странники» ещё более столетия назад наладили достаточно тесную связь с тибетскими монастырями, и старались всеми силами приобщиться к тайным знаниям, которыми владели ламы. Вот и недавно, примерно год назад, группа «бегунов» под главенством старца Никитина, вернулась из очередного похода в Тибет – причем на сей раз ламы позволили приобщиться им к тайнам, доселе незнакомым Европе и всему миру. Более того: на молитвенных собраниях старец и его приближенные «апостолы» показывают единоверцам некие артефакты, якобы привезенные из Тибета. Сии артефакты, по утверждению «странников», обладают магическими свойствами, и с их помощью можно управлять огромными массами людей.

- У меня пока два вопроса, фон Плеве: ты упомянул некоего старца, побывавшего в Тибете. Между тем, дорога туда, согласно утверждениям путешественников, настолько трудна и тяжела, что не под силу и молодым здоровым людям. Как же так?

- У «бегунов», ваше величество, понятие старчества не связано с возрастом. Тому же Никитину, по нашим данным, нынче не минуло и 40 лет. Кроме того…

Министр смущенно примолк.

- Ну, говори! Не стесняйся, Вячеслав Константинович! – подбодрил Николай.

- В среде «странников» бытует утверждение, что полученные ими в Тибете знания позволяют наиболее просвещенным преодолевать пространство и время, государь!

- Ну, это уже сказки! – фыркнул император.

- Не знаю, ваше величество, - задумчиво покачал головой фон Плеве. – Похоже на сказки, но… Судите сами: последнее отсутствие «бегунов» длилось около трех лет. Из этого времени, уверяет Никитин, 26 месяцев ушло на познание тайных истин, и еще 4 месяца – на трудный переход в горную страну. Вернулись же они оттуда, по утверждению того же Никитина, практически мгновенно, потратив перед этим лишь пару месяцев на некие тибетские медитации, перестав есть и пить и замуровавшись в каких-то таинственных древних пещерах. Эти пещеры, по убеждению тибетских лам, являются своего рода «окнами» в пространстве.

- Чудесные сказания, прямо из «1000 и одной ночи», - буркнул Николай. – Неужели ты сам, Плеве, веришь в этот бред на пороге нынешнего века?

- Я не знаю, чему верить, государь!

- Тогда я задам второй вопрос, господин министр! Нельзя ли подослать к этим «странникам» толкового разведчика, который проверил бы, внедрившись в их сообщество, справедливость всех этих утверждений?

- Короткий ответ – да, ваше величество! В принципе, это не очень сложно и схоже с засылом лазутчика во вражеский тыл. Тем более, что «бегуны» заинтересованы в увеличении своей паствы и, как и прочие сектанты, постоянно вербуют новых членов своего сообщества.

- Ты сказал – «короткий ответ». Есть и более длинный?

Не прерывая беседы, Николай бросил повод коня ближайшему егерю и в глубокой задумчивости двинулся по дорожке в сторону Александровского дворца. Фон Плеве следовал за ним, отстав всего на полшага.

- Да, ваше величество. Многие приверженцы прочих толков и верований, по утверждению и наущению их старцев, пытались подослать к никитинцам своих шпионов. Чтобы либо публично разоблачить конкурентов, либо без хлопот овладеть тайными знаниями.

- И что же?

- Помимо всего прочего, «странники» обладают секретами проникновения в тайны человеческого мозга и являются незаурядными гипнологами. Лазутчиков разоблачают, и те просто исчезают.

* * *

Главный егерь, увидев, что государь намерен прекратить охоту, подал тайный знак засевшим в кустах помощникам. Те засуетились, торопливо выпрастывая из мешка цаплю.

- Не мешкай, тюхтя! – пошипел один другому. – Уйдет ведь сейчас государь! Выпущать?

- Погоди! – пыхтел второй, пытаясь снять с клюва перепуганной и рассерженной птицы путы. – Не с воровиной же пускать! А она клюется, п-подлая! Счас так клювом махнула, что чуть без глаза не оставила! Вот, все, пущай!

* * *

Заслышав громкий шорох в кустах, Николай обернулся и увидел взлетающую цаплю. Ружье все еще было в его руках.

- Тем не менее, стоит попробовать! – поведя стволом, Николай мгновенно спустил курок.

Грянул выстрел, и цапля, словно сломавшись в воздухе, теряя перья, упала в воду.

- Вот так – раз, и все! – констатировал Николай. – Свяжись со Зволянским, а он подключит начальника Петербургского охранного отделения. Я полагаю, что «охранка» сумеет подобрать нужного человечка и подсунуть его старцу Никитину.

- Ваше величество, сектантов «страннического согласия» нынче хватает, - заметил министр. – Взять тех же «бегунов»-христофоровцев: они едины с Никитиным в своей вере,

однако являются большими приверженцами ритуальных убийств своей же паствы! Дальние странствия и поиск «земли обетованной» без Антихриста – сие не для них! Особенно это страшное поветрие распространено в Вятской губернии…

- Какая мерзость! – заметил Николай, подавая знак своим егерям. – Ты имеешь в виду случаи самосожжения, утопления и прочие дикости, Плеве?

- Совершенно верно, государь!

- Кстати, а как с этим делом у толка Никитина?

- По слухам, они убивают народившихся во грехе младенцев. Однако взрослую паству, тем паче приобщенную к великим тайнам вселенной, Никитин бережет. Но при этом поговаривают, что сие бережение не распространяется на тех, кто выдал или может выдать чужим великие тибетские тайны! С такими он беспощаден!

- Значит, так и передай Зволянскому: не надо спешить: пусть он подберет грамотного и сообразительного человечка – чтобы тот сначала приобщился бы к никитинскому толку «бегунов», заслужил бы полное у них доверие, и только потом начал бы свою разведочную деятельность!

- Это не быстрое дело, государь! – счел своим делом предупредить министр. – Ждать результата через месяц-другой я бы не стал!

- Пока у меня есть время, - помолчав, сумрачно ответил Николай. – В конце концов, я могу ждать до 1918 года…

Министр поднял было брови, ожидая царских пояснений по поводу названной даты, но так их и не дождался.

- И последнее, Вячеслав Константинович! – Николай остановился и круто повернулся к министру. – Данное поручение относительно «странников» полагаю считать сугубо конфиденциальным! Более того: считай сей вопрос государственной тайной!

Фон Плеве молча поклонился.

Предоставив министру самому выбираться из «охотничьих угодий», Николай передал ружья егерям и пришпорил коня, торопясь во дворец: его матушка не любила ждать.

* * *

Николай горячо любил свою мать – но ее горькие слова, сказанные перед коронацией, слова, которые слышал весь двор – про неспособность Николая править Россией, про слабость тела и духа Николая – занозой сидели в его сердце. Он старался спрятать обиду и несогласие с матушкой поглубже, и с первых месяцев своего правления советовался с вдовствующей императрицей по всем государственным делам. Он обращался к ней как к человеку более опытному: тринадцать лет она участвовала в управлении государством, будучи помощницей и советчицей императора Александра III.

И мать щедро давала советы и сыну, не думая о том, что такое ее снисходительно-поучительное отношение к Николаю может прийтись не по нраву невестке. В глазах Марии Федоровны Аликс по-прежнему была неуклюжей немецкой девушкой, совсем недавно прибывшей в Россию и не имеющей ни знаний, ни опыта ведения государственных дел.

Искренне жалея внезапно овдовевшую мать, Николай пытался утешить ее своим постоянным присутствием, ужинал в ее обществе и часто оставался у матери после трапез.

Покойный отец и после своей смерти вызывал в душе сына благоговейный трепет. Николай хорошо помнил страшный случай в октябре 1881 года, когда в Борках императорский поезд упал под откос и несколько человек получили увечья. Во время крушения государь с семьей находился в столовом вагоне; вся крыша вагона упала на императора, и он лишь благодаря своей гигантской силе удержал ее на спине, пока дети и жена не сумели выбраться, и никого не задавило. Затем, со свойственным ему

спокойствием, Александр III и сам выбрался из вагона, всех успокоил, а раненым оказал помощь.

Что касается Аликс, то она в сложившейся ситуации чувствовала себя так, как чувствовала бы на ее месте любая молодая жена. Она была потрясена смертью свекра, внезапным ударом, обрушившемся на свекровь, и первой ее реакцией было сочувствие. Однако вскоре совместное проживание под одной крышей и начавшаяся напряженность в борьбе за внимание Николая начали вытеснять из ее сердца жалость и сочувствие. Во время совместных трапез Аликс чувствовала себя оскорбленной вдвойне. Пренебрегали не только ею. С возлюбленным ею Ники императрица обращалась, словно со школьником. Между матерью императора и его женой возникло и стало утверждаться глухое соперничество, со временем их отношения стал стремительно ухудшаться.

Когда траур по Александру III закончился, вдовствующая императрица вернулась к прежней яркой светской жизни, занялась нарядами, драгоценностями. Всем этим она восполняла и то, в чем часто была вынуждена отказывать себе при жизни вечно насупленного и озабоченного супруга. Ее часто стали видеть на Невском - в открытом экипаже или в санях, запряженных парой холеных вороных коней, в сопровождении рослого чернобрового казака, стоящего на запятках.

Согласно протоколу русского Двора, вдовствующая императрица во многих вещах имела преимущество перед молодой царицей. Во время церемоний Мария Федоровна, облаченная в белое платье, украшенное бриллиантами, выступала впереди, опираясь на руку сына, а молодая государыня, поддерживаемая кем-нибудь из великих князей, шла сзади. Ведущая роль матери Николая резала глаза молодой императрице, а, Мария Федоровна, узнав, насколько ее лидерство огорчает невестку, не только втайне злорадствовала, но и чисто по-женски усугубляла ситуацию..

Особенно раздосадовал молодую царицу эпизод с драгоценными украшениями: по традиции русского Двора они переходили от вдовствующей императрицы к новой государыне, да и придворный протокол обязывал Аликс надевать их для официальных церемоний. Однако у императрицы-матери была страсть к драгоценностям, и когда Николай обратился к матери с просьбой передать их невестке, напомнив о регламенте, та ощетинилась и отказалась это сделать:

- Твоя мать, Ники, выше всех этих старых глупых регламентов! – заявила она.

Узнав об отказе свекрови, уязвленная Аликс заявила супругу, что вообще не станет надевать на официальные церемонии никаких украшений. Никакие уговоры подождать, пока все образуется «само собой», не помогали.

…Начинался очередной официальный прием зарубежных послов, а Аликс, глядя в окно, отказывалась покидать свои покои. В царской семье назревал скандал, и чтобы избежать его, Николаю пришлось снова идти к родительнице и на сей раз показать свою твердость. Чтобы избежать скандала, Мария Федоровна уступила. Отношений между двумя императрицами это, разумеется, не наладило. Внешне обе были очень любезны друг с другом: «дорогая Аликс» и «милая мама», но вскоре их взаимная неприязнь стала очевидной для всех придворных и приближенных.

Между тем, время после смерти царя-Миротворца шло своим чередом. Николай быстро учился управлению огромной державой. Однако его мать полагала, что без ее ценных советов и пожеланий «колесики государственного механизма не станут крутиться». Советы и пожелания матери Николая стали больше походить на приказы. И молодому императору, который видел порой явные злоупотребления матери, пришлось вежливо, но твердо ставить ее на место. Особо – когда та попыталась использовать свое влияние на сына и оказывать за счет государственной казны материальную поддержку своим заграничным родственникам. Тут уж император выказал железную твердость. Когда та

обратилась к сыну с «пустяшной», по ее словам, просьбой выдать одной княгине из казны миллион рублей вспомоществования, Николай строго отчитал августейшую родительницу:

- Я должен поговорить с тобой, милая мама, о скучных вещах... Что касается прошения или желания княгини Л. о прощении ее долга, да еще и ссуде из банка размером в 1 миллион, то я по совести должен сказать, что обе просьбы ее удовлетворить невозможно. Я хотел бы видеть, осмелилась бы она заикнуться об этом папе при его жизни… Во всяком случае, я знаю ответ, который он бы дал ей. Да и ты, maman, знаешь…

- Но, Ники…

- Милая мама, самое большое облегчение, которое можно оказать твоей княгине, это простить долг. Но подарить ей еще миллион – это, прости, просто сумасшествие... Хороши были бы порядки в государственном Казначействе, если бы я за спиной Витте раздавал бы тому миллион тому, два другому… Таким способом все то, что было накоплено и что составляет одну из самых блестящих страниц истории царствования моего дорогого и любимого отца, а именно финансы, будут уничтожены весьма быстро.

Мать встала и молча вышла из залы. Этот день стал окончанием ее безграничного влияния на сына-императора, и она это сразу поняла…

Что же качается Аликс, то первые приемы молодой императрицей петербургских дам омрачались все той же ее застенчивостью. Ожидавшие представления дамы оказывались лицом к лицу с высокого роста особой, молча и безучастно смотревшей перед собой. Александра Федоровна редко улыбалась и приветствовала приглашенных словно автомат, неловким жестом протягивая для поцелуя руку. Сжатые губы, взгляд, изредка бросаемый на дам с целью выяснить, сколько их еще ждет своей очереди быть представленными - все это свидетельствовало о том, что единственное желание молодой императрицы - как можно скорее освободиться от этой муки.

Очень скоро нервозность и неуверенность как светских дам, так и царицы привели к весьма натянутым между ними отношениям. Ни детство, проведенное молодой царицей в Дармштадте, ни строгое викторианское воспитание в Виндзорском замке, не подготовили ее к жизни веселого и легкомысленного петербургского света. Ее шокировали продолжавшиеся до утра балы, любовные интрижки, злые сплетни.

- Русские барышни не знают ни хозяйства, ни рукоделия, - сетовала мужу императрица. - И ничем, кроме офицеров, не интересуются!

Возмущенная легкомысленностью аристократии, она принялась вычеркивать из списка приглашенных во дворец одно имя за другим, заметно сократив количество именитых гостей.

Однажды, заметив среди танцующих на балу во дворце даму с чересчур откровенным декольте, императрица направила к ней одну из своих фрейлин. В ответ на слова: "Мадам, ее императорское величество поручила мне сообщить вам, что в Гессен-Дармштадте такие платья не носят", дама с декольте не растерялась, тут же опустила вырез на платье еще ниже, практически обнажив соски, и дерзко сделала книксен:

- Прошу уведомить ее императорское величество, что в России, где она живет, носят именно такие платья.

Набожность недавно обращенной в православие царицы смущала представителей светского общества. Родившись в православии, они находили странным страсть государыни к собиранию редких икон, изучению истории церкви, поездкам по святым местам, беседам с настоятелями монастырей и святыми отшельниками. Императрице не нравилась пустая атмосфера петербургского света, и она все надеялась привить русским дамам вкус к труду... Она основала "Общество Рукоделия", члены которого, дамы и барышни, обязаны были сработать для бедных не менее трех вещей в год.

Но большинство петербургских дам заявляли, что у них нет времени на такие пустяки. Скоро многие представители светского общества Петербурга окончательно решили, что молодая царица – просто «ханжа и вообще скучная особа».

Были недовольны молодой царицей и члены императорской фамилии. Они искренне полагали, что Аликс пытается отдалить их от государя. Хотя императорская фамилия была многочисленна и, подобно большинству русских семей, разбросана повсюду, члены ее были тесно сплочены. Дяди, тети и двоюродные братья царя привыкли к частым визитам и приглашениям к обеду. Стремясь как можно чаще остаться наедине с молодым супругом, императрица не слишком охотно рассылала такие приглашения. Родственники государя негодовали. Великие княгини и княжны, которые сами были царскими сестрами или дочерями, возмущались тем, что какая-то немецкая принцесса пытается лишить их законных привилегий!

При виде трений между вдовствующей императрицей и молодой государыней свет радовался, не скрывая симпатии к Марии Федоровне и вспоминая веселые времена. По-видимому, из-за робости, с детства отличавшей молодую государыню, ей все равно не удалось бы справиться с ролью, какую ей следовало играть.

Помимо особенностей натуры Аликс, существовали и другие обстоятельства, осложнявшие ее положение. Между помолвкой принцессы Дагмары с будущим русским царем и его коронованием протекло семнадцать лет. С Александрой Федоровной это произошло спустя всего лишь месяц. Молодая императрица с трудом говорила по-русски. Еще далекая от сложных взаимоотношений придворной жизни, императрица делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным проступкам в глазах петербургского высшего света. Это запугало ее и создавало известную натянутость в ее обращении с окружающими". Ей было трудно найти себе подруг, дамы высшего света не могли или не желали запросто навестить ее или пригласить к себе на чашку чая. К тому же, планы Аликс устраивать званные обеды нарушались ее частыми беременностями и длительными послеродовыми периодами. А поскольку роды у нее всегда были трудными, то задолго до них императрица отменяла все приглашения и строго соблюдала постельный режим. Детей она кормила сама, и не любила удаляться от детской.

* * *

Остановив коня у парадного крыльца Александровского дворца, Николай передал поводья подскочившему конюху и торопливо направился в Сиреневую комнату, излюбленное место пребывания императрицы-матери. По мере приближения его шаги невольно замедлились: зная о натянутых отношениях между женой и милой maman, он не ожидал от ее нынешнего визита ничего для себя доброго.

Так оно и оказалось. За время его отсутствия вдовствующая императрица без стеснения заглянула в рабочий кабинет сына-императора и пробежала глазами оставленный на его рабочем столе доклад министра внутренних дел фон Плеве.

Подставляя Николаю щеку для поцелуя, старая императрица тут же не преминула ехидно заметить:

- Ники, дорогой мой мальчик! С каких это пор русского самодержца стали интересовать эти мерзкие сектанты? Или ими заинтересовался не ты, а твоя милая Аликс? Вот чему я бы не удивилась…

Николай еле удержался от ответной резкости. Усевшись напротив матери на козетку, он демонстративно закурил, выпустил несколько облачков дыма, и лишь после этого ответил:

- Когда-то, милая мама, ты учила меня о том, что заглядывать в чужие бумаги некрасиво. Или к тебе это правило не относится?

РЕТРОСПЕКТИВА -3 Ганс Ландсберг в Петербурге

Курьерский поезд из Одессы причалил к дебаркадеру Николаевского вокзала Петербурга строго по расписанию. Его прибытие вызвало обычный взрыв суеты железнодорожной обслуги, носильщиков и пристанционных жандармов. Заслышав шипение паровоза, повылезали из-под меховых полостей, где дремали в ожидании пассажиров, и извозчики – все как один, лихачи.

Однако пассажиров в ранне-весеннее время года было не слишком много, причем большая их половина, схлынув с дощатого помоста дебаркадера, и, пряча носы от колкого пронизывающего мартовского ветерка в воротники шинелей, в башлыки и шали, устремились к линии конки, где синело двухэтажное сооружение предка трамвая, с парой унылых коняг, лениво отворачивающих морды от налетающих снежных зарядов.

Оживились лихачи, лишь завидя необычную процессию, покинувшую единственный в прибывшем составе вагон 1-го класса. Впереди важно вышагивал высокий офицер явно иностранного обличья. Чуть сзади семенил кутавшийся в шубу поверх желтого шелкового одеяния китаец, а замыкали шествие два дюжих капрала британской пехоты, присматривающие за носильщиками, обремененными полудюжиной объемистых чемоданов. Присмотревшись к ним, можно было также без труда определить китайское происхождение капралов.

К генералу подскочили, откозыряв, двое станционных жандармов, однако, не зная английского языка, на котором к ним отрывисто обратился гость Северной столицы, они тут же в смущении отступили, сообразив лишь указать в сторону биржи извозчиков.

- А вот пожа, пожа! – привычно зарокотали лихачи, возглавлявшие короткую очередь на бирже. – В любой конец Петербурха за полтинничек, с ветерком! Пожа…

Офицер в форме бригадного генерала важно кивнул и поместился в первые розвальни. Вслед за ним туда же юркнул китаец в шубе. Капралы с чемоданами решительно полезли во вторые сани.

- Hotel de l’Europe! – решительно скомандовал офицер.

Лихачи со значением переглянулись, и оставшиеся не у дел лишь с завистью сплюнули, поглядывая на осчастливленных выгодной ездкой товарищей. Ну как же! Hotel de l’Europe, или гостиница «Гранд Отель Европа», считался одним из лучших отелей не только Санкт-Петербурга, но и всего, по слухам, и всего христианского мира. Помимо всего прочего, эта гостиница на Михайловской отличалась удачной близостью к Невскому проспекту, Дворцовой площади, Адмиралтейству и храму Воскресения Христова. Такая ездка, да еще на двух санных экипажах, обойдется не понимающему ни слова по-русски иностранцу не менее, чем в «пятерик».

Когда пара розвальней под молодецкий посвист счастливчиков-лихачей отъехала, оставшиеся извозчики, прежде чем разойтись по своим саням, где у многих были припрятаны в полостях «мерзавчики» с «перцовой» или «калганной», перебросились впечатлениями.

- Слышь, Евдоким, а охфицер-то в аглицком генеральском мундире тоже немного на китайца «машет»! Удивительное дело! Ну, прислуга и солдаты там – понятное дело! Но сам-то генерал! Нешто Британия на офицеров европейского обличья оскудела?

- Британия – она владычица морей, - со знанием дела откликнулся Евдоким, решительно залезая под свою полость. – Оне, англичашки, то исть, и в Индии хозяева, и до Китая, чай, добрались. А энтот генерал, хоть и скуластый, а все одно не чистый китаец. И рослый, что твой медведь, да мосластый… Помесь, должно…

В «Гранд Отеле» вышколенные швейцары и портье, выскочив навстречу приметным гостям, также обратили внимание на необычную внешность британского генерала и

сопровождающих его лиц. Генерал потребовал лучший номер для себя и два попроще – для сопровождающих его капралов и маленького китайца в чудной желтой одежде. Развернув его паспорт – необычного вида, более похожий на какую-то старинную грамоту, украшенную сверху британским гербом и флагом, с висячей сургучной блямбой на шелковой шнурке, старший портье озадачился.

- Excuse me, sir, but there is no your photo! In addition, I would like to see the passport accompanying persons…[1]

Не удостоив портье ответом, британец сначала ткнул пальцем куда-то в самый низ своей грамоты, а потом бесцеремонно похлопал по плечу коридорного, обремененного багажом путников: давай, мол, пошел, не задерживай!

Портье не осталось ничего другого, как проводить неразговорчивого генерала глубоким поклоном и вновь уставиться в «грамоту».

Государственный Секретарь Ее Величества королевы Великобритании от имени Ее Величества просит всех, кого это может касаться, обеспечить свободный и беспрепятственный проезд владельцу настоящего паспорта, а также оказать ему необходимую помощь и защиту.

Настоящий паспорт действителен в течение десяти лет, если явным образом не указано иное. Паспорт с истекшим сроком действия или паспорт, в котором не осталось места для проставления виз, подлежит замене.

Граждане Великобритании обладают правом проживания на территории Соединенного Королевства. Наличие правого статуса Британского соотечественника, в том числе наличие гражданства Британских Зависимых Территорий, Британской Заморской Территории, статуса Британского соотечественника (за границей), Британского заморского гражданства, а также статуса лица под британской защитой и статуса британского подданного не является основанием для обладания правом проживания на территории Соединенного Королевства.

Обладание паспортом не освобождает его владельца от соблюдения требований иммиграционного законодательства, действующего на любой территории, а также от необходимости получения визы или разрешения, если таковые требуются. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в большинстве Британских заморских территорий действуют иммиграционные ограничения для Британских соотечественников и иностранцев.

Граждане Великобритании, находящиеся за рубежом, имеющие право на защиту со стороны властей Соединенного Королевства, обязаны обратиться в ближайшее Посольство или Консульство для регистрации их имени и места нахождения. Несоблюдение этого требования может стать причиной неоказания им помощи и защиты в чрезвычайной ситуации.

Предъявитель сего: сэр **Грегори Пэйн, бригадный генерал**

Сопровождающие лица: **Арюунэрэл** (консультант)

Жонг (капрал 2-го сухопутного полка)

Бохай (капрал 2-го сухопутного полка)

Цель визита в Россию – консультации в области тюремно-исправительной системы.

[1]Простите, сэр, но здесь нет вашей фотографии! Кроме то, я хотел бы видеть паспорта сопровождающих вас лиц…

Когда гости в сопровождении портье, коридорных и посыльных удалились из вестибюля, человек в необычном для Петербурга клетчатом пиджаке, старательно читавший до сих пор газету под одной из пальм просторного вестибюля, неторопливо сложил лист и подошел к стойке, за которой продолжал пребывать в задумчивости старший портье.

«Клетчатый» бесцеремонно взял из его рук паспорт и тут же поморщился: с английским языком у сыскных Департамента полиции, в отличие от служащих лучшего в Северной столицы отеля, было из рук вон плохо.

- Переведи-ка мне, Петрович, что тут про генерала писано! – потребовал он. – Да не тарахти, как сорока, мне ж пометки в блокноте делать надобно.

Сделав короткие пометки в пухлой книжице, он упрятал ее в карман и покачал головой:

- Стало быть, британского генерала к нам занесло… А по морде лица и не скажешь: рожа у него не шибко от китайских отличается. Откуда прибыли? На Варшавский вокзал курьерский вроде только вечером приходит.

- Извозчики, я приметил, с Николаевского, - встрял в разговор вернувшийся коридорный. – Стало быть, не через Европу, а морем, полагаю, приплыл его высокоблагородие, в Одессу. А уж оттель – поездом…

- Из Одессы, поездом... Поездом, - бормотал сыскной, постукивая в задумчивости кончиком карандаша по зубам. – По тюремным делам - стало быть, вроде не чужие. А все равно – англичане! Должно, в Департаменте полиции и Главном тюремном управлении им не миновать появиться… Вот пущай там и решают… А инструкция, меж тем, имеется: за англичанами – особый присмотр! Так что ты, Петрович, поглядывай тут!

Портье с готовностью наклонил голову в коротком поклоне, но все ж заметил:

- Флаг меня второй смущает. К чему бы он тут? Один-то английский, без сомнений! А вот второй – к чему бы он тут?

Сыщик снова бесцеремонно выхватил паспорт английского генерала, даже поколупал оттиснутое изображение герба и флагов желтым ногтем.

- Дай-кося я его срисую, Петрович. Пущай начальство разбирает, ему за это деньги плотют.

Старательно высунув язык, он, как мог, перенес в блокнот изображение загадочного второго флага и вернул бумагу портье, предупредив еще раз – чтобы поглядывал. И ежели что – он, Петрович, знает, что делать… С тем дежурный сыскной и ушел – на доклад начальству.

- Не извольте беспокоиться, господин хороший,- крикнул вслед портье. – Гости, скорее всего, по такой собачьей погоде никуда из отеля до обеда не тронутся. Оне, англичане, к невскому ветерку зимнему непривычны! Шубы спервоначалу покупать пойдут!

* * *

Однако и сыщик, и портье ошиблись. Британские гости и не думали жаться к каминам и теплым бокам печек-голландок, коими были оборудованы все номера в «Гранд Отеле Европа».

- Бохай, Жонг, вы знаете, что вам надлежит делать. Начните с прачечной этого отеля: здесь наверняка есть ваши соотечественники. Мундиры пока поменяйте на штаны и блузы. И воспользуйтесь черной лестницей. Арюунэрэл остается в гостинице.

- Я мог бы оказаться полезен господину, если бы пошел с ними, - поклонился маленький тибетец.

Бригадный генерал покачал головой:

- Твоя одежда не слишком подходит для здешней погоды, Провидец. Кроме того, она привлекает излишнее внимание. Ты еще пригодишься, не расстраивайся! Тем более, что первый визит мне предстоит совершить в посольство Британии: было бы странно, если англичанин, будучи за границей, не зарегистрировался бы в «родном» посольстве!

Генерал решительно дернул сонетку звонка, вызывая коридорного.

К удовольствию генерала, тот, не зная английского языка, на немецком все же мог с горем пополам объясниться. Да и просьба гостя была, в общем-то, несложной: тот попросил вызвать мотор.

- Мотор в Петербурге – изрядная редкость, ваше превосходительство, - почтительно покачал головой коридорный. – Вот ежели ваша милость помирится на извозчике – с нашим превеликим удовольствием! Вам на разовую поездку или как? Может, вашему высокоблагородию удобнее будет на цельный день хорошего извозчика нанять?

- Хорошая мысль, - кивнул англичанин. – Пусть будет на целый день. И у меня есть еще важное пожелание, любезный: желательно, чтобы извозчик знал либо немецкий, либо английский языки. Иначе мне трудно будет объясниться с ним.

- Сей момент! – отчего-то обрадовался коридорный. – Через пять минут извольте спуститься вниз, ваше высокоблагородие! Вот только насчет знания ентой публикой языков сомнение берет, ваше высокопревосходительство: навряд ли петербургские извозчики владеют иностранными языками… Разве что поискать Пашу Магазинского[1]… Но нынче сыскать его трудно будет: он на биржах извозчичьих гость редкий…

- Магазинского? – удивленно переспросил британец. – Кто есть этот человек?

- А-а, местная знаменитость, ваше высокоблагородие. Чудак, одним словом. Пьяных купцов принципиально не возит, ему подавай седока благородного происхождения. Лучшая пара гнедых во всем Петербурге, ваше превосходительство! Но сразу хочу предупредить: разыскать его трудновато будет! Нарочного придется на розыски посылать. Да и то сказать: найдет ли сегодня?

- Постарайтесь, любезный! – британец извлек из жилетного кармана золотую полугинею, и она моментально исчезла в руке коридорного.

- Премного благодарен, господин генерал!

- Это аванс, разумеется. Найдете этого Магазинского до завтрашнего дня – получите еще столько же! Пока же мне надо получить аккредитацию в британском посольстве – кстати, для этого мне придется забрать оставленный у портье мой паспорт!

- Паспорт выдадут без проблем. А что касаемо Магазинского – то оченно постараюсь, ваша светлость, - ранг щедрого гостя в устах коридорного мгновенно повысился. - А насчет обеда прикажете сейчас распорядиться? Или вы намерены пообедать в городе?

- Поглядим по обстоятельствам, любезный, - генерал выжидательно поглядел на коридорного, явно удивляясь, что тот не торопится выполнять пожелание гостя, а тратит время на пустопорожние разговоры. Наконец, догадавшись, генерал хмыкнул и сунул в руку коридорного вторую монету, помельче первой, и тот мгновенно исчез.

* * *

Не прошло и получаса, как извозчик высадил английского гостя у огромного здания на Дворцовой набережной, 4, у здания британского посольства в Петербурге. Часовые у парадного подъезда не посмели остановить выбравшегося из розвальней человека в форме британского бригадного генерала, и тот беспрепятственно проник в огромный холл. Генералу почтительно указали на дверь кабинета, где чиновник в статском занимался вопросами временной регистрации соотечественников в русской столице.

---

[1] Реальная личность, извозчик-«самородок», как его именовали, жил на рубеже XIX – XX столетий.

Чиновник же едва сдержал удивленное восклицание, увидев предъявленную ему «грамоту». Однако традиционная английская сдержанность сыграла свою роль, и он, усадив гостя у камина, рассыпался в извинениях: господину генералу придется немного подождать, пока с формальностями будет покончено. Генерал важно кивнул, и на американский манер немедленно забросил ноги в кресло напротив.

«Паспорт» британского генерала начал путешествие по кабинетам посольства, и в конце концов лег на стол Чрезвычайного и Полномочного посла Британии в России сэра Чарлза Стюарта Скотта. Тот позволил себе изумленно поморгать:

- Какого черта, Стивен? Они что, в своем Сингапуре, совсем с ума посходили? Выдать человеку паспорт старого образца, да еще без фотокарточки?

- Не могу знать, сэр!

- И тут написано: «консультации по вопросам тюремной системы» – при чем тут Сингапур?

- Позволю себе заметить, сэр, что это наверняка дело рук господ с Бродвей Билдингс[1], не иначе!

Посол Скотт не любил разведку своей страны, и всю ее деятельность считал чепухой. Поджав губы, он согласился с высказанным предположением, однако порекомендовал чиновнику заменить паспорт бригадного генерала современным: как никак, нельзя допускать, чтобы над соотечественником посмеялись даже в такой дремучей стране, как Россия.

Вернувшись в свой кабинет, чиновник пояснил начавшему терять терпение генералу, что, пока тот плыл морем в Россию, в британской паспортной системе произошли некоторые изменения.

- Сейчас я приглашу фотографа, он сделает ваш фотопортрет, а я тем временем спишу данные с вашего… гм… паспорта, господин генерал. Послезавтра – добро пожаловать за паспортом нового образца.

- А сопровождающие меня лица? – нахмурился генерал. – Прикажете терять время и на оформление их новых паспортов?!

На столе перед изумленным чиновником появилась стопка тускло блестящих золотых монет с профилем королевы Виктории. Оглянувшись на дверь, тот торопливо сгреб свое годовое жалованье в ящик стола и искательно улыбнулся:

- Думаю, это необязательного, господин генерал! Вряд ли русская полиция осмелится предъявить какие-то пустячные претензии к эскорту британского бригадного генерала! И еще: настоятельно рекомендую господину генералу обзавестись теплой русской шубой: если вы успели заметить, то местный климат несколько – хи-хи-хи – отличается от сингапурского.

* * *

Забравшись в сани, генерал приказал ехать в министерство юстиции, и вскоре розвальни притормозили у парадного подъезда дома на улице Итальянской, 25. Огромный дом по-старинке именовался особняком графа Шувалова, несмотря на то, что без малого сто лет здесь разместилось министерство юстиции Российской империи.

Появление в особняке британского бригадного генерала при всех его регалиях произвело среди служащих министерства легкий переполох, однако в аудиенции с министром гостю было категорически отказано: его высокопревосходительство господин тайный советник чрезвычайно занят: важные государственные дела!

---

[1] Зданием на Бродвей-Билдингс, что у станции лондонского метро «Сент-Джеймс-парк», чиновник именует штаб-квартиру Секретной разведывательной службы Британии, основанной в качестве иностранного отдела «Бюро секретной службы», совместного органа Адмиралтейства и Военного министерства Англии. На самом деле это объединение произошло несколько позже, чем описываемые события – **вольность автора.**

Столоначальник, к которому британский гость был допущен, прекрасно говорил на английском. Бессчетное количество раз поминая занятость министра, он, тем не менее, выразил легкое вежливое недоумение по поводу способа действий британского гостя.

- Простите великодушно, господин генерал, но в России, к сожалению, сильны старые традиции, - поигрывая пенсне, пояснил чиновник. – Любой официальный контакт на межгосударственном уровне предусматривает своим регламентом предварительное сношение Британского правительства и Двора его императорского величества на уровне министерств иностранных дел, кои и согласуют дату визита и круг обсуждаемых вопросов…

- Однако, господин столоначальник, у мня и в мыслях не было привлекать внимание вашего министра юстиции к обсуждению интересующего меня, довольно узкого вопроса. Мне вполне достаточно рандеву с начальником Главного тюремного управления министерства, его высокопревосходительством камергером Саломоном, - пробовал возразить англичанин. – Надеюсь, у него-то найдется немного времени для человека, который совершил столь дальний путь и готов поделиться своим опытом наблюдения за пенитенциарной системой Британии? Настолько мне известно, международная пенитенциарная деятельность является очень ответственным участком в работе Главного тюремного управления России по изучению и обобщению зарубежного опыта, начало которой было положено еще до создания центрального тюремного ведомства.

Столоначальник развел руками:

- Увы, господин бригадный генерал: его высокопревосходительство камергер Саломон не имеет права вступать в сношения с иностранными коллегами без ведома и соизволения господина министра юстиции…

- И что же мне теперь делать? – брюзгливо осведомился британец, всем своим видом выражая недовольство русской бюрократией.

- Смею подсказать самый короткий путь, ваше высокоблагородие, - почтительно склонил голову столоначальник. – Вы можете письменно обратиться в канцелярию министерства юстиции, изложить свое дело и ждать ответа. Рассмотрев ваше ходатайство, господин министр, я убежден, примет удовлетворяющее всех решение. Правда, не обещаю, что это произойдет скоро: опыт подсказывает мне, что ответа из министерства ваше превосходительство может ожидать в течение двух-трех недель…

- Две-три недели! – воскликнул визитер. – Что же мне прикажете делать в России все это время?!

- Уверен, что любой любознательный человек сможет потратить это время в Санкт-Петербурге с пользой для себя. В Российской Северной столице немало привлекательных и любопытных для любого иностранца мест, - столоначальник встал, показывая тем самым, что истратил на визитера все свое свободное время.

- Почтительнейше рекомендую по дороге в отель заехать в писчебумажную лавку и обзавестись нужным сортом «министерской» бумаги и гербовыми марками, ваше превосходительство, - напутствовал на прощанье британского гостя столоначальник.

Буркнув в ответ нечто среднее между «благодарю покорно» и «пошел в черту», англичанин уселся в розвальни дожидающегося его у крыльца извозчика и ткнул его тростью в толстую ватную спину: «Пошел!»

Лишь отъехав с полквартала, британец неизвестно отчего громко расхохотался и посмеивался, не обращая внимания на испуганно оглядывающегося извозчика, до самого отеля.

В гостинице он был встречен «консультантом» со сложным для всякого русского именем Арюунэрэл. Впрочем, англичанин называл его иначе – Провидцем. Тот доложил, что посланные в разведку капралы еще не возвращались. Англичанин кивнул, сбросил опостылевший китель и устроился поближе к жарко пылающему

камину. Своего адреса в Петербурге Стронский ему не оставил, лишь упомянул, что приличный дом почти в центре Северной столицы, доставшийся ему в наследство от скончавшейся тетушки, оказался отставному моряку не по карману, и к тому же был несколько раз заложен.

> «Und außerdem, mein lieber Freund, Gott hat mir gegeben Kindern und der heutigen Zeit, und meine Erinnerung an den verstorbenen Ehegatten lässt mich hoffen, dass dieses große Haus eines Tages mit dem Lachen der Kinder gefüllt werden. Also habe ich jetzt suchen Schutz bescheiden. Und ihn wahrscheinlich feststellen, weit von Nikolski-Tempel[1]».

Ганс знал, что святой Николай являлся почитаемым покровителем русских моряков, и намерение Стронского давало ему в руки кончик ниточки и надежду на успех в его поисках. Что же касается финансовой стороны, то тут Сумасшедший Ганс даже не беспокоился. За пару недель до отплытия в далекую Россию он пустил по Сингапуру слух о своей предполагаемой поездке в Гонконг, на очередной международный аукцион жемчуга. «Наживка» сработала: к дому Ганса немедленно зачастили британские колониальные чиновники и местные голландские торговцы, наслышанные о великолепной коллекции жемчуга. Ганс никому не отказывал и продал несколько десятков дюжин великолепных даров моря с немалой скидкой.

Лишь с одного человека он не взял за три великолепные жемчужины ни фартинга. Это был письмоводитель и начальник канцелярии местного губернатора, расплатившийся за жемчуг британо-сингапурским паспортом на имя бригадного генерала Грегори Пэйна, собственноручно выписанном на подлинном консульском бланке – правда, старого образца. Служащий поклялся, что паспорт не вызовет в России ни малейших сомнений, однако счел долгом предупредить, что из-за напряженных англо-русских отношений русская полиция наверняка устроит за британским генералом нешуточную слежку. Предупредил клиента начальник канцелярии губернатора и о чрезвычайно развитой в России бюрократии и алчности тамошних чиновников, готовых за подношение оказать любую услугу.

Предупреждение о возможной слежке мало обеспокоило Ганса: у него уже был разработанный план на сей счет. А склонность русских к «хапен зи гевезен» даже могла сыграть ему на руку. Ганс не сомневался в том, что поиски в Петербурге отставного русского моряка могут привлечь внимание властей, и для этого захватил с собой под видом капралов двух дюжих китайцев. Они не только владели древними способами боевых единоборств, и вдвоем могли бы, почти шутя, противостоять дюжине вооруженных противников. Ганс возлагал на «капралов» основные надежды в поисках Стронского: он был наслышан о том, что подавляющее число прачек в русской столице являются китайцами, объединенные в сообщества «танжэнь»[2]. Именно «капралы» и должны были через соотечественников разыскать живущего вблизи Никольского Морского храма Стронского: ни один человек, а тем более привыкший к стерильно чистой одежде моряк не мог бы обойтись без услуг по стирке белья.

* * *

Направив в министерство юстиции официальное письмо с изложенной в нем просьбой, Ганс принялся ждать добрых вестей от своих помощников-китайцев. Они

---

[1] «Да и к тому же, мой дорогой друг, Бог не дал мне деток, а нынешний мой возраст и память об усопшей супруге не оставляют мне надежды на то, что этот большой дом когда-нибудь наполнится детским смехом. Поэтому я нынче ищу жилище поскромнее. И, вероятно, найду его неподалеку от Никольского Морского храма» (**нем**).

[2] Китайцы начали расселяться по миру еще в эпоху династии Тан, и с тех пор именуют себя «танжэнь», то есть таньские люди. Таньцы всегда отличались сплоченностью и стремлением помочь попавшим в трудные обстоятельства соотечественникам.

ежедневно отправлялись на поиски «танжэней», которым было бы знакомо имя капитана Стронского, однако, к немалой досаде «бригадного» генерала», Никольских соборов и церквей в Петербурге оказалось больше полудюжины, что, безусловно, осложняло поиски. К тому же, Стронский мог изменить свои планы и поселиться где-нибудь в уездном пригороде Северной столицы – там храмов Святителя Николая было тоже достаточно.

По прошествии двух недель Ганс решился на отчаянный шаг – на посещение правления Общества Добровольного Флота под патронажем одного из великих князей. Поскольку за британским генералом, как и предсказывал сингапурский чиновник, был установлен полицейский присмотр, пришлось принять некоторые меры предосторожности. С очередным визитом в министерство юстиции был отправлен один из «капралов», переодетый ради такого случая в генеральскую форму. За его коляской, как и предполагалось, устремились дежурившие возле отеля сани с парой сыщиков. Сам же Ганс, переодевшись в статское, покинул отель с черного хода, сел в заранее вызванную вторую коляску русского лихача-оригинала Паши Магазинского и велел ехать по нужному адресу.

В правлении Общества генерала в статском, разумеется, не приняли из-за отсутствия предварительной договоренности. Собственно, Ганс на это и не рассчитывал. Высмотрев среди множества письмоводителей в присутствии Общества чиновника с желтыми бегающими глазками на оплывшем лице, он присел рядом и задал несколько пустяковых вопросов, поигрывая при этом тремя великолепными жемчужинами. «Желтые глаза» немедленно установили вблизи присутствие жемчуга, и спустя некоторое время осторожно поинтересовались: настоящий ли он?

- Разумеется, любезный! – снисходительно оттопырил нижнюю губу посетитель. – Более того: этот жемчуг может стать вашей собственностью, если вы удовлетворите мое любопытство.

После четверти часа осторожных переговоров желтоглазый удостоверился, что просьба иностранца и вправду невинна: он всего-навсего разыскивал некоего отставного моряка, в свое время плававшего на пароходе-«добровольце» «Нижний Новгород» в качестве старшего помощника капитана. Некогда господин Стронский оказал гостю важную услугу, и нынче он, случайно оказавшись в Петербурге, желал отблагодарить его за сию услугу.

Взяв одну жемчужину в качестве аванса, желтоглазый обещал навести кое-какие справки и явиться в отель к бригадному генералу за остальными жемчужинами, имея при себе точный адрес отставного моряка Стронского.

Таким образом, уже к вечеру того же для Ганс имел адрес места проживания Стронского, ушедшего в отставку, как выяснилось, в чине контр-адмирала.

- Надеюсь, мой дорогой друг, что вы принесли мне правильный адрес, - с нехорошей улыбкой предупредил гостя Ганс, сгибая и разгибая тремя пальцами золотую гинею. – Иначе я вынужден буду снова посетить вас – и посетить весьма недовольным!

Желтоглазый, глядя на словно гуттаперчевую монету, лишь судорожно вздохнул и перекрестился: верьте слову, господин генерал!

Получив оставшиеся жемчужины, чиновник поспешил покинуть отель, с опаской протиснувшись мимо двух угрюмых китайцев у входа в номер и благодаря Создателя за то, что решил не хитрить при сделке.

* * *

Вечером того же дня, соблюдая те же предосторожности, Ганс отправился по добытому адресу. Однако на сей раз русские «сыскари» не оплошали, и, несмотря на все попытки Паши Магазинского «сбросить хвост», упорно маячили позади. Вздохнув, Ганс решил, что пора пойти на вынужденный контакт с русскими соглядатаями. Он бросил

несколько слов «капралам» и попросил возницу сколько можно увеличить скорость, а за крутым поворотом на минутку притормозить.

За поворотом китайцы выскользнули из саней и прижались к стене дома. Как только из-за угла появился экипаж преследователей, «капралы» ринулись в молчаливую неожиданную атаку. Один остановил лошадей и придерживал их, второй, не обращая внимание на обнаженные револьверы «сыскарей», вытащил их всех из экипажа, отобрал оружие и хотел было с миром отпустить. Однако один из сыщиков попытался ударить противника кастетом, и тут же пожалел о своей попытке, будучи отброшен в сточную канаву с переломанными руками. Оглушив возницу и второго сыщика, китайцы мгновенно порезали ножами упряжь и отпустили лошадей на волю, придав им пинками соответствующее «ускорение».

* * *

Приняв от посетителя визитную карточку с английским гербом, отставной матрос с искалеченной ногой, выполнявший при контр-адмирале роль прислуги за все, поспешил к его высокоблагородию, добавив от себя шепотом:

- Подозрительный народец, ваше высокоблагородие! Все китайцы – и начальник в статском и волчьей дохе, и англицкие капралы при нем. Может, прикажете сказать, что не принимаете нынче?

- Британский бригадный генерал сэр Грегори Пэйн, - близоруко прищурился на визитку Стронский. – И два флага на карточке – британский и сингапурский… Странно… Странно и любопытно: никогда не имел дело с господами этакого ранга. Проси, Артемий! Чего нам, старым морякам, опасаться?

Скинув в прихожей доху и велев капралам ждать, Ганс шагнул в небольшую гостиную, навстречу поднимающемуся из кресла Стронскому.

- Желаю здравствовать, господин контр-адмирал, - произнес гость по-английски.

Стронский вглядывался в его лицо, переводя время от времени глаза на карточку.

- Господин бригадный генерал? Позвольте, позвольте… Побей меня Бог, если я ошибаюсь, господин генерал, но вы чрезвычайно…

- Вы не ошибаетесь, господин Стронский! – прервал его посетитель. – Да, я Ганс Ландсберг, которого в Сингапуре чопорные англичане прозвали Сумасшедшим Гансом! Прошу прощения за этот маскарад, но иначе, поверьте, было нельзя!

- Бог мой, сколько лет прошло, - пробормотал Стронский, и, спохватившись, указал гостю на кресло у огня.

- Не будем терять времени, господин Стронский! Я допускаю, что не выполнить данное мне обещание и заглянуть в мой дом на обратном пути в Россию вы не смогли по уважительным причинам. Но держать втуне крайне важные сведения про моего единственного родственника около 5 лет – это, согласитесь, по меньшей мере неучтиво! Это чересчур! Я сердит на вас, господин Стронский!

- Позвольте, господин Ландсберг! Да, обстоятельства сложились так, что что «Нижний Новгород» на обратном пути с Сахалина миновал Сингапур, но по возвращению в Россию я нашел верного человека, отправляющегося тем же маршрутом на остров, и передал ему письмецо для вас! Вы должны были получить его никак не позднее октября – ноября 1880 года!

- А получил только пару месяцев назад, - холодно заметил посетитель. – Правда, с припиской, извиняющей гонца – если он не солгал, конечно! Вот она!

Прочитав извинения и объяснения Валериана Сорокина, Стронский опустил голову.

- Да, вы имеете право сердиться на меня, господин Ландсберг! – покаялся он. - Но целый ряд обстоятельств, поверьте, снимает с меня вину.

- Бедный Карл! Его кости, должно быть, давным-давно гниют на проклятом острове Сахалин, а вы ссылаетесь на какие-то обстоятельства, господин Стронский!

- А вот тут вы изволите ошибаться, господин Ландсберг! – грустно улыбнулся хозяин. – Во-первых, в моем письме сказано, что еще до высадки Карла Ландсберга на остров я нашел способ пристроить его при особе начальника острова Сахалин, князе Шаховском…

Визитер покачал головой:

- Милость сильных мира сего – вещь преходящая, господин контр-адмирал!

- Хм! Ну, а что вы тогда скажете на это, господин Ландсберг? – Стронский вскочил с места и вынул из бюро небольшую шкатулку, раскрыл ее и поставил перед сердитым гостем. – Извольте прочесть! Но прежде позвольте сказать пару слов, господин Ландсберг!

Тот кивнул, перебирая руками небольшую стопку писем.

- Надо сказать, господин Ландсберг, что, несмотря на тяжкое преступление, совершенное им, на протяжении плавания от Одессы до Сахалина я проникся к нему чувством сострадания. К тому же, Карл Ландсберг вел себя на корабле весьма достойно, особенно во время страшной аварии в Красном море, когда каторжники были на грани бунта. Я видел, что Карл глубоко переживает совершенный им грех, и полон решимости понести за это все отмеренное ему наказание. Именно поэтому я нашел ему по прибытию на Сахалин место инженера при начальнике острова. А спустя полгода, узнав о переводе князя в Петербург, позволил себе поинтересоваться него судьбой своего протеже. Князь поклялся мне, что Карл Ландсберг исполняет на Сахалине должность инженера-архитектора и предложил в дальнейшем писать самому ему. Я так и сделал, и получил в ответном письме подтверждение словам князя. Здесь, в шкатулке, я сохранил все его письма, и вы сами сможете убедиться в том, что моя помощь оказалась для него и, смею думать, для каторжного острова, счастливым выигрышным билетом. Треть срока каторги от отбыл в конторе инженером-строителем. Он возводил дома на острове, проектировал телеграфные линии, делал промеры Татарского пролива… В общем, как мог, облагораживал Сахалин и приближал его к цивилизации. Совсем недавно, выйдя на поселение, он занялся коммерцией, и, насколько я понял, уже значительно в этом преуспел. Правда, в силу приговора, он никогда не сможет покинуть этот остров, но… Там он любит и любим прекрасной женщиной, там родился его сын…

Раскрыв первое письмо, Ганс предостерегающе поднял широкую ладонь, призывая хозяина дома к молчанию. Взял второе, третье… Опустошив шкатулку, Ганс в задумчивости уставился на огонь в камине.

- Смею заметить, что я не только вступил в переписку с вашим родственником. Узнав из одного из его писем имя его лучшего друга и однополчанина по Саперному Лейб-Гвардии батальону, графа Ивелича, я позволил себе найти его.

- Зачем? – отрывисто поинтересовался гость.

- Видите ли, господин Ландсберг, хотя мой «протеже» ни разу не упомянул о причине, толкнувшего его на страшный поступок, я интуитивно чувствовал, что тут что-то не то! Что должна была быть какая-то причина, толкнувшая Карла на смертоубийство. Я желал докопаться до истины - и я узнал ее! Граф Марк Ивелич, сослуживец Карла, как выяснилось, уже после осуждения и отправки его в каторгу, нашел у денщика вашего родственника личный дневник. И все встало на свои места! У Карла были причины поднять руку на человека, доводившего его до исступления много лет.

- И что же это были за причины?

Выслушав недлинный рассказ Стронского о дневнике, Ганс замолчал, барабаня пальцами по столу.

- Это проклятие. Это все же то самое родовое проклятие, о котором говорится в записках моего далекого предка, - пробормотал он. – Помнится, я упоминал о них при нашей первой встрече…

Стронский деликатно помолчал.

- Что ж, господин контр-адмирал, - Ганс откашлялся и впервые за весь вечер скупо улыбнулся. – Должен признаться, что я разыскивал вас в Петербурге, имея целью сурово наказать, возможно, даже убить… Но то, что я услышал, изменило мои планы. Я не стану наказывать вас!

- Благодарю покорно! – пробормотал Стронский, разжимая затекшие на рукоятке револьвера под углом скатерти пальцы.

- Однако я полагаю, что вы должны помочь мне, господин Стронский. Более того: это ваша обязанность, долг чести, если хотите! Я принял вас в своем доме как дорогого гостя, а вы отплатили тем, что скрыли от меня правду о Карле. Подумать только: увидеть его в иллюминаторе парохода, среди каторжников, и не узнать, что это единственный на свете близкий родственник по крови!

- Вот-вот, господин Ландсберг! А если бы я рассказал вам в тот день всю правду? В Сингапуре знают не только про ваши безобидные чудачества, но и про буйный нрав и вспышки ярости. Я всерьез опасался, что, узнав про родственника в трюме «Нижнего Новгорода», вы вполне способны собрать команду отчаянных молодцов, напасть на мой корабль, перебить охрану и выпустить на волю вместе с вашим Карлом всех каторжников! Разве не так, господин Ландсберг? И потом: чем я могу помочь вам нынче, спустя 5 с лишком лет?

- Нынче вы не связаны присягой, находитесь в отставке, и вам нет нужды бояться за судьбы своих матросов, - криво усмехнулся Ганс и мельком оглянулся по сторонам. – Кроме того, я вижу по обстановке, что пенсион контр-адмирала в России весьма скуден и не позволяет вам на склоне лет выбрать достойное жилище. Более того: вы бедны, простите за прямоту! Иначе я сыскал бы вас неделю назад!

- Простите, не понимаю…

- Мои молодцы перетрясли этот район Петербурга, но никто из окрестных китайцев-прачек не мог вспомнить вашего имени. Теперь я понимаю – почему! У вас нет даже средств на стирку, и ваше белье наверняка стирает этот колченогий матрос!

- Попрошу вас воздержаться от оскорблений, господин Ландсберг!

- Да ладно вам! – махнул рукой Сумасшедший Ганс. - А я весьма обеспечен, господин Стронский! Богат и могу сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться! Помогите мне и своей совести – и я куплю для вас целый квартал в Петербурге! Или небольшой остров где-нибудь в теплых греческих морях! Хотите?

- И что я должен сделать? – угрюмо поинтересовался Стронский.

- Я немедленно отправляюсь в Италию, где куплю подходящее для задуманной мной экспедиции быстроходное судно. Вы прибудете в Неаполь не позже, чем через два месяца. Сами подберете команду палубных матросов, опробуете в заливе ходовые качества судна, и мы отправимся в Сингапур. Там мы частично сменим команду и поплывем на ваш проклятый Сахалин. Если Карл пользуется на этом острове относительной свободой, как вы утверждаете, то нам не составит труда увезти его оттуда вместе с семьей куда, куда он захочет!

Стронский встал и прошелся по комнате, постоял у занавешенного окна и круто повернулся к гостю:

- Я уже упоминал, господин Ландсберг, что ваш родственник нынче и сам достаточно богат. Во всяком случае, чтобы без труда сбежать с Сахалина. Более того: в одном из писем он пишет, что местное начальство стало отпускать его в деловые поездки с Сахалина. Он

мог бы просто не вернуться на остров из одной такой поездки. Его держит на Сахалине паспорт с «каиновой печатью» мещанина из ссыльнокаторжных. Если он сбежит, то его будет искать вся полиция России! И рано или поздно найдет – и тогда он вернется на Сахалин в кандалах и с новым сроком каторги!

- Ерунда, господин контр-адмирал! Мы уедем туда, где русская полиция будет бессильна! Новый паспорт, иностранное подданство – это тоже не проблема!

- Но зачем, в таком случае, вам я?

- Во-первых, вы хорошо знаете воды и нрав Татарского пролива. Во-вторых, я хочу, чтобы вы исправили свою давнюю ошибку и кончили свои дни в мире, достатке и покое, с чистой совестью.

- А если я откажусь?

- Вы не откажетесь, господин Стронский! – улыбнулся Ганс Ландсберг. – Я хорошо знаю людей – вы не из тех, кто отказывается от подобных предложений! Сменить эту полутемную конуру, которую вы называете квартирой… Снова очутиться на капитанском мостике, полной грудью вдохнуть запах моря… Ну, и все прочее.

- Мне надо подумать.

- И думать тут нечего! – прервал его посетитель и что-то крикнул в сторону прихожей по-китайски.

Штора немедленно распахнулась, и капрал, почтительно поклонившись хозяину, поставил на стол тяжело брякнувшую шкатулку, накрыл ее объемистым портмоне.

- Здесь столько, сколько не получает и главнокомандующий всем флотом России за всю свою жизнь, господин Стронский!

- И все же мне надо подумать, - упрямо повторил Стронский, и встал, всем своим видом показывая, что рандеву закончено…

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тайка Крюкова

Прокопий Крюков вечером молился очень долго, держа рядом с собой всю порядком уставшую семью. Так долго, что даже жена попыталась робко возмутиться:

- Детишков-то, Прокоп, чего умучиваешь? И так цельный день у старца рожь молотили! Погляди – на коленках-то еле стоят!

Прокопий покосился на жену, перекосил рот:

- А ты не понимашь, дура, что я завтра «мирщиться» должон ехать? Греха-то антихристовова вкруг на базаре сколько будет!

Наконец, глава семейства и сам, видать, устал, колени заколодели. Встал, пошел к столу. Вслед за ним, морщась и втихую, чтобы не заметил батя, растирая колени, потянулась ребятня – их у Прокопия было пятеро. Анисья еле встала – и то с помощью старшей, Тайки.

Похлебали из общей чаши, остерегаясь окунать в хлебово ложку чаще бати – не любил он этого! Хоть и не следил вроде, в стол перед собой глядел, а попробуй почасти ложкой-то: так своей в лоб вдарит, что яркие брызги из глаз сыплются!

Семейство Крюкова ушло к странникам-христофоровцам пять лет назад. Почти четверть деревни Шишково к истинной вере тогда подалось. Прокопий – тот всегда хитрый был: знал, что при его ремесле в «скрытники» либо в «странники» старец не назначит. Хоть и пытались убежать от Антихриста новые «божьи люди», а понимали: есть-пить всем тварям, на земле живущим, надобно. Вот и делились «бегуны» на «благодетелей» и всех прочих – «странников», «скрытников» и «последователей».

Прокопий был гончаром, первым на деревне. То ли глину добывал в особых местах, то ли руки и впрямь золотыми были – только на его заборе всегда больше, чем у всех

прочих, горшков сушилось. Анисья на подхвате у мужа была – глину с водой таскала, месила. А когда горшки подсыхали, со старшей дочкой, Тайкой, узоры нехитрые на них выводила. Можно, конечно, было и без лишней колготни, как ее Прокопий обзывал, те горшки продавать – звонкие, крепкие были. Окрестный народ на уездном базаре никогда не спешил у кого попало посуду глиняную брать – шишковского умельца-гончара всегда поджидали. И разбирали у него горшки у первого: соседний воз еще наполовину полон, а Прокопий уже деньгу в кушак прячет, лошаденку в обратной дороге готовит.

Его первого старец тогда, наверное, и высмотрел. Стал едва не каждый день в избу захаживать, скорым пришествием Антихриста (вот-вот, дескать) пугать и в свой толк христианский звать. А соблазнил всегда скуповатого Прокопия клятвенным обещанием, что дозволит ему «мирщиться». То бишь, жить вроде как по-прежнему, работать на Сатану, паспорт иметь, с прочим миром якшаться и деньгу на горшках заколачивать. Из тех денег, кои прочим христофоровцам и брать-то в руки никак невозможно, потому как на них главная печать антихристова, часть нужно, конечно, на нужды «скрытников» и «странников» жертвовать. Прокопий прикинул – все равно выгодно получается! Тем более, что все грехи от «мирщения» старец сулил простить, когда время придет и настанет черед Прокопию из «благодетелей» в «бегуны» подаваться. Иначе говоря, когда стареньким станет, и толку от него, как от первостатейного гончара, будет никакого.

А у Анисьи никто и не спрашивал – желает ли бабонька перекрещиваться, или как прежде, в церковку сельскую поклоны бить ходить. Прокоп сказал – туда ни ногой, и все!

Анисье-то, положа руку на сердце, все равно было. Говорят люди и муж, Богом данный, что Антихрист в миру уже, спасаться надо от его смрада в новом толке – значит, так тому и быть!

Только стала скоро замечать Анисья, что грешит-то муж больше, чем до перехода к христофоровцам. С базара приедет – а от него дух винный, хоть святых выноси! Да еще и посудинку сатанинскую с вином прихватит. Постыдить попробовала – побил ее Прокопий так, что неделю на печи отлеживалась. Дурой назвал не единый раз, и словами же старца пристыдил: не понимаешь ничего, бабонька! Спишется мой грех, как и все прочие, со временем.

Да ладно вино! Примечать стала Анисья, что стал муж на Тайку масляными глазками поглядывать. А той – семнадцатый годок, девка как налитая, все при ней, как говорится. То в бане щупать да тискать начнет – и глаза от блаженства прикрывает.

- Прокопий, это же дочь твоя! – пробовала охолонить мужнину похоть, а тот снова за палку.

Не стерпела Анисья, к старцу сходила, про мужнины «забавы» рассказала. А тот опять пристыдил: то не блуд, неразумная твоя голова! А благость отцовская. Вроде как ласка. И Прокопию про визит тот рассказал, хоть старцу, как Анисья понимала, не ябедничать бы, а поговорить с Прокопием. Удивительнее всего то, что муж после ябеды той бить ее не стал, поглядел только нехорошо и в чулан на неделю запер. Ни крошки хлеба, ни глоточка воды не оставил.

От жажды язык у Анисьи распух так, что во рту не помещался. Спасалась тем, что под утро, когда роса выпадала, щели меж досками потолочными лизала. Да Тайка, хоть и страшилась отца, через ночку по крынке воды приносила матери. Дверь плотная, крынка не проходит – так Анисья приспособилась соломинку в щель просовывать и сосать, сосать, сосать… Только много ли насосешь? А тут собаки еще, словно мужем подученные, стали тую воду из крынки вылакивать. Хвостами машут – узнают, стало быть – а водички-то все равно уж и нету.

Но все проходит на свете – прошла и неделя Анисьиного заточения. Выпустил Прокопий жену из кладовки, поглядел тяжело, и без слов кинул под ноги мешки, в коих

глину носить надобно, да ведра. Хватит, мол, отдохнула! Подхватила ведра с мешками Анисья, да бегом, бегом за деревню. До чистого бочажка не добежала, сил не было – упала на землю возле лужицы, из которой свиньи да собаки не всегда пьют. Ко второй переползла, напилась так, что рвать стало. Оклемавшись, вспомнила про мужа, плюнула в сторону деревни и давай быстрее глину копать: а ну, опять осерчает?

Натаскала глины да воды сколько надо, и без отдыху месить давай. А кожа-то меж пальцами ног потрескалась за неделю, розовой от крови глина становится.

Полдня Прокопий молчал, потом буркнул:

- Старец велел Таисию к нему завтра утром привести… Сказал: пора ее к вере нашей приобщать сурьезно! Не то быть беде: Антихрист-то, считай, дома у нас уже ликует!

- Как ликует? – не поняла Анисья. – А Тайка-то причем?

- Вырастили доченьку! – сплюнул Прокопий, не переставая вертеть ногами гончарный круг. - Взял ее вчера на базар – там-то ее Сатана и поджидал! Копеечку на земле подняла, говорит: пойду юродивому отдам! И так быстро умотнула, что я и сказать-то ничо не успел. А потом мужик с соседнего воза подходит, зубы скалит. Твоя Тайка, говорит, «сахарно морожено» жрет у приказчиков. Я пошел – и верно! На копейку сатанинскую усладу взяла, а приказчик, на ее титьки глядючи, слюни распустил, уже второй кулек тестяной этого «морожена» накладывает. За счет заведения, грит! Ну, я бить прилюдно дуру не стал, а тут она с телеги, не доезжая до деревни, спрыгнула и бегом в лесок стреканула! Пришлось к старцу идти, каяться…

- К старцу каяться?! – не стерпела Анисья. – А про вино, которое хлещешь всякий раз на базаре, не забыл старцу помянуть, ирод?! Не отдам дочь в «скрытницы»!

- У тебя спрашивали! – хмыкнул Прокопий.

Анисья – на колени:

- Прокофьюшка, милый! Не отдавай Таисию!

- Отстань, судорога! Окромя пользы, ничего не станет с Тайкой твоей!

- Прокофьюшка, мы с тобой, помнишь, крышу поправляли в балке, где старцевы скрытники прячутся! Мне бабы жалились: вместе с мужиками, на одних досках спят! Сильничают девок там, Прокофьюшка!

Видя, что слезы и просьбы не помогают, Анисья, словно воздуху перед омутом побольше в тощую грудь набрала, глаза от страха прижмурила и последний аргумент мужу выложила:

- Не отдавай, говорю, девку старцу! Не то к уряднику пойду, так и знай!

Не говоря ни слова, Прокопий вскочил, схватил саженную доску, на которую сырые горшки выставлял, и с размаху опустил на голову жены так, что там у нее что-то хрустнуло. Побелела Анисья, упала в чан с мятой глиной и замерла.

Четверть часа прошло - лежит. Прокопий ее ногой пихнул: вставай, хватит придуриваться. Пихнул и обмер: из расколотой черепушки жены уже и кровь не бежит, вся в чану кровь-то…

Прикрыл чан с женой Прокопий куском рогожи, да и рванул к старцу: что делать-то?

Старец обедал. Хрустел огурцами, отрывал крепкими зубами куски мяса (хоть и пост был!). Прожевав, научил:

- Не было у тебя с бабой согласия – стало быть, и не жена она тебе была. Антихристов соблазн! Ты вот что, Прокопий: заверни-ка рабу божью в рогожу, какую не жалко, и никому не говори. Пришлю вскорости помощника, ямку выкопаете на лугу, да в ночь и закопаете.

- Без креста?!

- Своих «странников» Боженька и без креста опознает, Прокопий! А станут соседи спрашивать про Анисью – скажешь, ушла на богомолье.

Когда Прокопий, поцеловав руку старцу, пятясь, уходить стал, тот напомнил:

- А Таисию свою завтра все ж пришли! Возьму ее, твоего усердия ради, в ближние помощницы…

Как ему велено было, так Прокопий и сделал. Слава Господу, ребятня под ногами не крутилась – бегала где-то. Завернул Анисью в рваный рогожный мешок, под тын оттащил, собак на привязь посадил. А тут и помощник от старца объявился. В четверть часа выкопали за околицей неглубокую ямку. Помощник только и спросил:

- Сам-то допрешь по темноте, али помочь?

Детям, как вечером прибежали, Прокопий объявил:

- Бросила нас наша мамка. Ушла с бабами на богомолье. Раньше осени приказала не ждать…

* * *

На следующий день, поутру, как и было велено старцем, отвел Прокопий к нему старшую дочь Таисию. Велел слушаться, как отца родного и ушел, даже не оглянулся.

. - Готовой к суду Божьему надо быть кажную минуту, девка. Отрешиться от всех мирских дел и посвятить себя посту и молитве. А ты, отец твой сказывал, от нечистивцев подачку приняла, Антихритом благословленную и его же руками сотворенную.

- Так то же было только сахарно морожено! – заплакала Таисия. – Кой в нем грех? Все люди едят, оно сла-адкое такое…

- «Сладкое»! Ты подумай только, - внушал он. - ты подумай только, что случится, ежели второе Пришествие застанет тебя погрязшей во грехе?! Пойдем, девка, в рощу. Грехи твои замаливать стану!

- А почему в рощу, благочинный? – насторожилась та.

- А потому, что «странники», или, иначе, «бегуны», только в чистом поле и безлюдье обретают истинную свободу и только там они далеки от ересей и заблуждений сатанинских… Пошли, девонька!

В рощице старец остановился и громко, словно проповедуя, протрубил:

- Нагим человек в сей мир приходит, и в землю сырую таким же уходит! Ибо в наготе есть подлинная святость и свобода от скверны людской… Раздевайся девонька!

- Ой! Зачем же раздеваться?

- Не понимаешь, дитя, - сокрушенно помотал изрядной бородой старец и сам начал расстегивать на себе камзол старинного покроя. – Должен я убедиться, что на теле твоем нету печати Антихриста. Давай, девонька, не задерживай обряда!

Сам он, между тем, продолжал проворно раздеваться и вскоре предстал перед обомлевшей Тайкой совсем голышом. Только борода прикрывала и грудь, и живот, и срам мужской, каковой, Тайка знала, у мужчин имеется как раз там, где ноги раздваиваются.

- Чую, чую близость Антихриста! –заблажил старец. – Чую и смрад его ощущаю! Раздевайся ж скорее!

Хоть и ходила Таисия в баню общую, семейную, и привыкла вроде к наготе, но тут было что-то другое. Пунцовая от стыда, они медленно скинула сарафан, взялась за подол нижней рубахи.

- Ну же, девка! – прикрикнул старец. – Или ты не чуешь Сатаны зловонное дыхание?!

Таисия и сама не помнила, как скинула рубашку, и, опустив голову, стояла в двух шагах от старца.

- Подойди ближе, дочь моя! – приказал он. – Смилуюсь я нынче над тобой и освобожу от греха твоего!

Не помня себя, девушка сделала пару шагов вперед.

- Ну, смелее! - приказал старец. – А теперь скажи мне, грешница: ты куда сатанинскую сладость на базаре пихала? А?

- Известно, в рот, благочинный, - вслипнула Тайка.

- Теперь опустись на колени. И если тебя Господь наш тя простит, то и знак даст. Ну!

От немытого тела старца тошнотворно пахло, и Таисия почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Она крепко сцепила зубы и закрыла, подвывая, глаза. Старец же в волосы ей крепко вцепился, чтоб не шарашилась назад.

* * *

Наконец, старец замычал от наслаждения:

- Ну, вот, девка, ты и сподобилась благости моей! Погоди вставать! Сатана внутри тя притаиться мог!

Он навалился на нее, грубо мял, а второй что-то делал внизу, ругаясь сквозь зубы совсем не по чину. Тело Тайки пронзила острая боль, а старец встал, как ни в чем ни бывало, стал натягивать исподнее. Тайка села, закрыв лицо руками.

- Ничего, девка, ничего! - «утешил» ее старец. – Все бабы через евину боль проходят! Какая же ты сладкая, да упругая, девка! Только делать ничего не умеешь, да это не беда!

Тайка плакала, а старец, поглядывая на нее, не забывал учить:

- Вставай, девка, одевайся! - приказывал старец. – А пока одеваться будешь, слушай внимательно! Намечал я тебя в яму к «скрытникам» направить. Там, девка, тебя быстро научат, как адамово племя правильно ублажать следует, хе-хе-хе! Там же, кстати, через два дня на третий, три бабоньки подвиг совершать изготовились. Под присмотром помощницы моей, Филипеи Плеховой. Слыхала про такую?

Таисия слыхала про нее и даже видела несколько раз в деревне страшную, сухую, как жердь, старуху. Когда та шла по улице, матери старались либо поскорее увести с улицы детей, или закрывали им глаза подолами. «Славилась» Филипея тем, что сталкивала в болото или бочаг желающих поскорее уйти от Антихриста. Сталкивала и не давала им всплыть или поднять голову. А когда совершившая «подвиг» переставала дергаться, вытаскивала ее с помощью заранее обмотанных вокруг тела и шеи полотенец.

- Но больно уж сладкая ты, девка, - продолжал старец. – Коли хорошо попросишь, оставлю при себе, в чине «благодетеля» - хоть бы и посыльной. Кому-то же надо оповещать наших братьев по истинной вере в других местностях о событиях разных. Ну, что ж ты молчишь и не одеваешься, девка? Куда пойдем отсель? В яму, аль ко мне? Хе-хе-хе!

Кровь ударила Таисию в голову, бешенство захлестнуло ее от головы до пяток. Не засмейся старец противным хехеканьем – может, и смирилась бы с судьбой. Что бы выбрала – неведомо. Но тут, схватив одежонку в комок, набросилась на старца как дикая фурия, стала хлестать его по лицу сарафаном, плевать в лицо.

- Ах ты, старый козел бородатый! Да лучше я смерть лютую приму, чем ублажать тебя стану! Ты сам Антихрист и есть, только святостью и прикрываешься! Вот тебе, тварь бородатая! Вот тебе!

Опешивший от неожиданности старец отступил назад, споткнулся о корень, упал навзничь, изрядно приложившись головой о березу. Пока он ошалело крутил шеей, прогоняя круги перед глазами, Тайка так и побежала, голая, в сторону деревни. И уже возле самой околицы, опомнившись, наспех оделась. Погрозила кулачком назад, и бегом к дому.

Прокопий, как всегда, крутил пятками станок, мрачно размышляя о том, что теперь ему трудно будет обходиться без взрослых помощниц. Про смерть жены он и не вспоминал, и думал лишь о том, что ежели старец почувствует убытки от его «мирщения», то тут же переведет из «благодетелей» в «скрытники». Погруженный в тягостные размышления, он вздрогнул, увидев перед собой старшую дочь. Открыл было рот, чтобы рявкнуть, как бывалочи, но тут же получил сильный удар тяжелым вальком в висок и молча свалился вбок.

- Это тебе за маменьку, старая паскуда! – крикнула Таисия и стала громко звать братишек с сестренками. По счастью, никем сегодня не кормленные, они оказались дома, ища по сусекам завалявшуюся луковицу или хлебную корку.

- Собирайтесь поживее! – крикнула Тайка. – А я пока лошадь запрягу! В город поедем, к тетке Устинье!

- А лошадку папаня нынче на луг отвел, - подсказал старшой братик, Тимка. – А че это с папкой?

- Вина напился, дрыхает! – наспех придумала Таисия, мечась по избе и хватая все, что может пригодиться в чужом доме. – Тимоха, бегом за лошадью и сюда! Скорее!

Однако далеко уехать беглецы не успели. Вскоре позади на пыльной дороге послышался нарастающий стук копыт, и телегу с ребятней окружили трое всадников. Это были «апостолы» старца – то бишь ближние к нему, особо доверенные людишки, готовые исполнить любой его приказ.

- А ну, девка, поворачивай свою дохлятину! – распорядился один.

Изловчившись, Таисия достала его кончиком кнута по физиономии и попыталась объехать всадников. Но все было бесполезно: один из них, не слезая с коня, схватил под уздцы кобылу и грубо стал поворачивать ее морду назад.

- Дяденька Ануфрий, ты же крестный мой! Отпусти, а? – попробовала Таисия последний аргумент.

Вместо ответа крестный, изловчившись, ухватил за платье самую маленькую, полуторагодовалую девчушку, вытянул ее из телеги и потряс над дорогой.

- Поворачивай, семя антихристово! – крикнул он. – А то я сейчас эту маленькую гадюку под копыта брошу!

- Не надо, дяденька крестный! – сквозь слезы попросила Таисия. – Я уже поворачиваю! Положи ее в телегу, родненький! Выпадет же из платья!

- До деревни доедем – отдам, - буркнул Ануфрий, кладя девчушку, поднявшую рев, поперек седла.

Встречала беглецов если не вся деревня, то большая ее часть, из христофорова «воинства». Таисия с надеждой вглядывалась в лица односельчан, пытаясь уловить хоть отблеск сочувствия. Но лица встречающих были, в лучшем случае, равнодушными. Слышались и злые выкрики:

- Иродово племя! На отца родного руку подняла!

- Всю семейству под корень извести!

Возле молельной избы стоял старец – с самым сокрушенным видом. Когда телега остановилась рядом с крыльцом, он поднял обе руки, обращаясь к толпе:

- Кому сказано было, и не раз! – что совсем рядом Антихрист?! Сумневались, не верили – глядите теперь! Рядом с вами жила, по одним улицам с вами ходила!

Многие бабы заплакали – не из сочувствия в Таисии, а из страха за себя.

- Куда ее, благочинный? – сняв шапку, поклонился Ануфрий.

- Как куда? – удивился старец. - В яму ее, к «скрытникам». И матушку Филипею предупредите, что не трое подвиг нынче совершать будут, а четверо. А, может, и больше, - добавил старец, встретившись глазами с ненавидящим взглядом младшего брата Тайки, Тимохи.

Таисию Крюкову поволокли к балку на окраине деревни. Овраг был хорошо замаскирован, и посторонний человек мог ходить по его крыше и не догадываться, что под ним – нора «скрытников». В случае полицейской облавы, либо другой опасности обитатели норы могли незаметно выбраться из своего убежища по подземным ходам, достигавшим в длину полуверсты и имеющих замаскированные крышки-выходы в рощицах или безлюдных местах.

Старец Харитон представил «скрытникам» новоприбывшую как отказницу от «истинной» веры и ближайшую пособницу Антихриста. Народ шарахнулся от Тайки, гневно загомонил, посыпались проклятия.

- Зачем же, твое благочиние, эту прислужницу антихристову к нам, мученикам, определил? – робко спросил кто-то.

- А затем, что нужно попытаться, стадо мое, спасти неразумную. Чтобы была достойна подвига, который примет вместе с тремя назначенными. А для сего выбить из нее Антихриста следует!

Насчет старания Христофор не упомянул – это сделал один из его «апостолов», шепнув нескольким мужикам помоложе на ухо приказание старца.

- То не грех, не блуд будет для вас, - завершил свой визит старец. – А богоугодное стремление помочь заблудшей душе…

…Таисию насиловали больше суток. Мужики сменяли друг друга и старались «выбить Антихриста» из растерзанной девушки изо всех сил, уповая на благословение старца. Когда Таисия теряла сознание, обливали ее водой, и тут же начинали снова. Лишь вечером, в канун «подвига», бросили почти сошедшую с ума Тайку в грязный угол, где «скрытники» справляли нужду. Филипея Плехова с огарком свечи наклонилась над Тайкой, осмотрела, велела помощницам обмыть тело грешницы сколько можно, и надеть на нее серую мученическую рубаху.

- Ночка у тебя для молений осталась, девка! – каркнула она. – Бога благодари, да старца нашего, что разрешил тебе с истинными мученицами венец принять…

Ночь прошла для Таисии в полузабытье. Из головы не выходила боль от неизвестности за судьбу братишек и сестренок. А под утро кто-то потряс Тайку за плечо. Не сомневаясь, что это явились ее мучители-насильники, чтобы напоследок «позабавиться», она со стоном попыталась свернуться в калачик, но спину пронзила тянущая боль. Она открыла глаза и увидела рядом с собой лишь чью-то тень.

- Тайка, не бойся, это я, Ленка Лузянина. Через два двора наше семейство жило от вас… Помнишь меня?

Таисия кивнула: она помнила эту некогда веселую хохотушку – до перекрещения, конечно. Сейчас ей должно было быть лет 25.

- Меня утром должны на «подвиг» отвесть… Тебя-то за что, Таисия?

- Сахарно морожено на базаре из рук мирянина приняла и съела, а батюшка увидел и старцу донес. Старец меня в рощу увел, стыдное делать заставил, козел старый… А потом в помощницы звал, - от отчаяния разговорилась Тайка. - А на меня нашло что-то – ругалась и плевала в него. Убежать хотела с братиками и сестрами из деревни… Отца-изверга вальком по голове до смерти убила – он ведь и сам меня домогался сколько…

- И меня старец сильничал, - вздохнула тень. – Карточки срамные показывал, требовал учиться. Я ему говорю: мол, мужняя я женка, с супругом своим такое не позволяю. Отказалась и убежала. А он на молитвенном собрании объявил, что видел за мной тень антихристову, с рогами… И ребятеночек мой единственный помер вскорости. Муж смертным боем бить начал – вот и согласилась на «подвиг». Пропащие мы с тобой, Тайка! Одна нам дорога – в омут… Только и радости, что в Царствие Небесное попадем…

В дальнем конце «скрытня» кто-то затеплил свечу, и Лузянина забеспокоилась, что это ее ищут. Соскользнула с полатей на пол и канула в темень.

* * *

Утром явился старец. Его напутственная речь была короткой:

- Не можно допустить, чтобы второе Пришествие застало бы вас погрязшими во грехе! Уж лучше не искушать себя напрасными надеждами на вечное блаженство в царствии Небесном, а самим смиренно принять смерть! Было мне откровение божие, и не

раз: до конца света совсем немного осталось. Стоит ли вам, овцы неразумные, жалеть, что не дожили несколько лет или даже дней до гробовой доски? Уж лучше умереть, чем жить в пороке, вместе с безбожниками. Кто не надеется устоять, пусть умертвит себя - и будет спасен! А кто любит детей своих - так пусть убьёт их поскорее, дабы не вышли из них поклонники Антихриста!

Обреченных на смерть женщин вывели из убежища в длинных холщовых одеяниях. Безжизненно-серыми были их лица, как и надетый на них холст смертных рубах. "Совершению подвига" и "принятию венца мученического" предшествовала десятидневная голодовка. «Скрытницы» еле держались на ногах, их заботливо поддерживали под руки помощницы старца, который степенно шествовал во главе процессии. Таисию Крюкову почти несли – идти она не могла вовсе. Вслед за обреченными шли прочие обитатели норы и деревенский люд.

У края глубокой ямы «скрытниц» обвязали полотенцами, чтобы потом было легче выволочь на берег. И по одной стали сталкивать в грязную, гнилую жижу. Лузянина нашла глазами Таисию, пошевелила губами, будто что-то хотела сказать, да та не поняла.

Несчастные сразу не тонули, бились в жидкой грязи, как пойманные в невод рыбы.

- Смотрите, братия, сколь силы Антихристом набрано! Не желает Господь наш избранных принимать! – возвысил голос старец. – Филипея, помоги-ка им до Царствия Небесного добраться!

Старуха Плехова, подобрав подол, засуетилась. Стала, наступая обеими ногами на шею жертвам, удерживать их головы в воде. Вскоре тела перестали биться, и их выволокли на бережок.

- Теперь ее! – кивнул старец на Тайку Крюкову, и той почудилась на бородатом лице усмешка.

Знать, специально напоследок ее оставил, чтобы поглядела сначала на утопление, догадалась Тайка. Злость придала ей силы: брошенная в воду, она стала биться – откуда только и силы взялись? Уже начав захлебываться, она вдруг уцепилась за осклизлый берег и стала судорожно выкарабкиваться наверх. Филиппея ногами пинала девушку, потом, не жалея нарядного платья, схватила ее за волосы и попыталась погрузить в воду с головой. Как бедняге удалось вырваться из цепких лап старухи, оставив в них пряди волос, Таисия не помнила. Но все же вырвалась и вылезла из ямы с другого бережка, где никого не было.

Убежать сил уже не осталась – так и сидела в мокрой жиже, с ненавистью глядя на мучителей. Народ глухо загомонил. Старцу что-то прошептали на ухо, указывая на бегущих от деревни мужиков. Тот, едва скрывая озлобление, заговорил смиренно:

- Смотрите, братия, столь силен Антихрист! Не желает, чтобы спаслась раба божия. Попутчики в Царствие Небесное ей требуются. Ты, ты и ты! – он указал скрюченным пальцем на трех молодых женщин. – Без поста благословляю вас на подвиг! Отведите всех в баню, пусть отдохнут, да готовятся венец принять терновый!

Обмерших от неожиданной «милости» старца женщин повлекли в баню – чтобы «отмыли грехи напоследок». Следом поволокли Таисию.

Никто их обреченных не знал, что банька была с «хитростью». Угарная была та банька: убоялся старец досужих слухов о втором публичном утоплении в один день старец.

Девушки, обреченные на смерть, сами наололи и наносили дров, натопили баню. В предбаннике Таисия углядела забытые кем-то ножницы под лавкой, и, сама не зная для чего, спрятала их в длинным волосах.

Филиппея, между тем, подперла дверь бани поленом. Поискала глазами в толпе верного человечка, кивнула и осенила крестом. Тот понял, проворно забрался на крышу баньки, заткнул дымоход мокрой рогожей.

Старец с Филиппеей громко творили молитвы, остро поглядывая на редкую толпу вокруг. Из бани вскоре послышались крики, стоны, мольбы выпустить. Потом все стихло… Никто и додуматься не мог, чтоТайка найденными ножницами выковыряла кусок мха из щели меж бревен нижнего венца сруба, и дышала воздухом. А когда баню отперли, из последних сил заткнула дырку мхом и затихла, изображая мертвую.

Рогожные мешки для покойниц и мелкие ямки на лужке неподалеку были уже приготовлены. Старец поторапливал: не приведи, Господи, принесет кого-нибудь чужого в деревню…

Мешки наспех зашили, отволокли на лужок и наспех забросали землей. Таисии Крюковой и тут повезло: в яму ее бросили лицом вниз, а когда начали закапывать, она изо все оставшихся сил уперлась локтями в дно, оставляя под собой побольше воздуха. Выждав сколько могла, она разрезала схороненными ножницами мешок и стала извиваться, выбираясь наружу. Вот ей удалось ухватить рукой пук травы на краю могилы, выпростать наверх голову, жадно вдохнуть вечерний воздух. Отдышавшись, она выбралась из ямы совсем, пугливо оглядываясь – не идет ли кто?

Но христофоровцы на могилы своих жертв не ходили.

Таисия догадалась скрыть следы своего освобождения: обдирая руки, собрала вокруг остатки глинистой земли, забросала ей предательскую вмятину на своей «могиле». Крадучись, обежала деревню кругом и углубилась в лесок. Мельком подумала: скажи ей раньше кто пойти ночью в лес – ни за какое Царствие Небесное не решилась бы!

Путаясь в длинной рубашке, забралась сколь могла высоко на раскидистое дерево. Оторвала от подола несклько полос и привязала себя к толстой ветке, чтобы не свалиться ненароком, если уснет. И провалилась то ли в сон, то ли в обморок…

РЕТРОСПЕКТИВА – 4 Приключения старого моряка

Как выяснилось позже, диковинный паспорт бригадного генерала Пэйна заинтересовал не только русских, но и посла Британии в России Скотта. Перехваченная русской контрразведкой шифрованные запросы в Лондон и Сингапур были без труда «расколоты», и из них выяснилось истинное имя «бригадного генерала» - Ганс Ландсберг, которого за причуды именовали в Сингапуре не иначе, как Сумасшедший Ганс. Там же, в далеком заморском владении «владычицы морей», Сумасшедший Ганс без труда купил и генеральский чин. Великой бури по этому поводу британский посол поднимать не стал, и лишь распорядился выдать Пэйну нормальный английский паспорт – соотечественник, как-никак. К тому же, возможно, как-то связанный с Секретной службой Ее величества.

«Сыскари» из Охранного отделения, присматривающие за приезжим «генералом», тоже не дремали. И через желтоглазого мелкого чиновника из правления Общества Добровольного флота быстро выяснили – кого ищет англичанин в северной столице?

О контр-адмирале Романе Александровиче Стронском быстренько навели все возможные справки еще до визита к нему «британского генерала». Ничего интересного о нем узнать не удалось – кроме того, что моряк-отставник время от времени пишет на далекую российскую окраину, остров Сахалин, и оттуда же получает корреспонденцию.

Телохранители Сумасшедшего Ганса напрасно ломали кости русским сыщикам, висящим у них на «хвосте»: те знали, к кому направился в мартовский вечер англичанин. Лишившись лошадей и проклиная молчаливых, но весьма шустрых в драке «китаез», сыскные доковыляли до домика отставного контр-адмирала Стронского пешим маршем. Пока «британский генерал» беседовал с хозяином домишки, «сыскари» вызвали подкрепление, дождались, пока британец покинет моряка, и нагрянули к контр-адмиралу в «гости».

Не видя за собой никаких грехов, Стронский чистосердечно рассказал об эпизоде из своей морской биографии 5-летней давности. Утаить от сингапурского Ганса сведения о его родственнике-арестанте показалось моряку непорядочным, и он принял «соломоново решение»: открыть тайну сингапурскому чудаку лишь на обратном пути «Нижнего Новгорода» с Сахалина, снова навестив Ганса при заходе в Сингапур. Однако петербургское начальство из общества Добровольного Флота имело на «Нижний Новгород» свои виды. И телеграфной депешей приказало капитану по пути с Сахалина зайти в китайский Шанхай, где судно и загрузилось «под завязку» чаем и тканями. Таким образом, на обратном пути «Нижний Новгород» в Сингапур заходить не стал. Стронского это расстроило, и, он решил написать Гансу откровенное письмо.

Учитывая напряженность в отношениях между Британией и Россией, Стронский счел неуместным доверять почтовой бумаге каторжную тайну человеку, которого в Сингапуре называли Сумасшедшим Гансом. Письмо следовало передать адресату если не лично, то с верным человеком. И он нашел-таки надежную оказию – однокашника по морскому училищу, получившему назначение на другой пароход Общества добровольного флота, «Москва». Сей пароход был назначен на перевозку очередного «каторжного груза», и, стало быть, миновать Сингапур никак не мог. Старпом «Москвы» Сорокин согласился выполнить пустяковое, но деликатное поручение, и лично вручить в Сингапуре письмецо господину Бергу.

Но моряки не всегда вольны распоряжаться своими судьбами. Кто мог знать, что при заходе «Москвы» на Цейлон Сорокин получит тяжелую травму от удара концом швартовочного каната и попадет в местный госпиталь? «Москва» ушла на Сахалин без старпома, а тропики внесли в долгое выздоровление русского моряка свою «поправку»: на Цейлоне Сорокин подцепил лихорадку, от которой едва не отдал Богу душу. Вернувшись все же через несколько лет в родную Одессу, Сорокин и думать забыл о каком-то письме в конверте без адреса, затерявшемся среди прочих бумаг. Нашел он его случайно, лишь через несколько лет, разбирая свои старые архивы. В общем, письмо попало к адресату в Сингапур почти через 5 лет после отправления…

- Я остался живым только потому, что сохранил письма и князя Шаховского, и самого Карла Ландсберга, из которых Сумасшедший Ганс узнал, что его родственник не только остался на каторге живым и здоровым, но и сумел сколотить изрядное состояние, - пояснил допросчикам Стронский, предъявив в качестве доказательства своей искренности шкатулку с письмами. О необычном предложении, сделанном ему Гансом, он рассказывать сыщикам не стал.

Короткое полицейское следствие подтвердило все, о чем поведал Стронский. Сам британский лже-генерал через день убрался из Петербурга, и его «дело» в Сыскном отделении было положено на дальнюю полку. Пролежав на ней много лет, при очередной ревизии архивов дело было извлечено и едва не отправилось в печь. Однако широко известная русская бюрократия помешала это сделать: на обложке изрядно пропыленной и попорченной мышами папки стояла только дата начала дела, окончания же не было утверждено.

Это был непорядок, однако старший архивариус и письмоводитель «охранки» быстро сообразили, как можно выйти из положения. Поскольку в «деле» был замешан «липовый» британский генерал, бумаги удалось удачно «спихнуть» недавно открывшемуся при Главном штабе Разведочному отделению.

Поскольку все формальности при передаче дела были соблюдены, архивариус Разведочного отделения с кислым видом был вынужден принять от «конкурентов» дело, должным образом зарегистрировать его, составить по делу короткую справку-«бегунок» и определить его в «алфавит» .

* * *

Что же касается контр-адмирала Романа Стронского, то у него из головы никак не шло соблазнительное предложение Сумасшедшего Ганса. Не то, чтобы Роман Александрович был завзятым авантюристом, однако выданный ему Гансом аванс сулил старому моряку возможность снова полной грудью вдохнуть соленые морские ветра, ощутить под ногами качающуюся палубу и вообще «тряхнуть стариной». Да и с самим авансом надо было что-то решать. Купить приличный дом где-нибудь на побережье Черного моря и обзавестись на старости лет небольшой яхтой очень хотелось, однако бессовестно потратить деньги, не выполнив условий Ганса, щепетильный Стронский не мог.

Спустя полтора месяца после визита лже-генерала, он написал в правление Общества Добровольного Флота прошение о необходимости подлечить застарелый ревматизм на водах в Швейцарии, получил благосклонное согласие и без особого труда исхлопотал себе заграничный паспорт. Стронского немного беспокоило лишь то, что, по его сведениям, «охранка» зорко следила за личностями, пересекающими границы империи, и там могли вспомнить его недавний контакт с британским лже-генералом.

Однако разгул «революционной заразы» в России, а также имеющийся и в Охранном отделении МВД, и в департаменте пограничной стражи «алфавит» подозрительных личностей его никак не коснулся. Лишь в Цюрихе местный агент Заграничной «охранки» прилежно записал имя контр-адмирала в список новоприбывших из России и… забыл о нем.

С отвращением попив пару недель противную воду из местных источников и убедившись, что никто не проявляет к нему интереса, Стронский через железнодорожного агента в отеле купил билет в вагон 2-го класса до Генуи, а оттуда почтовым дилижансом добрался до Неаполя. Предупрежденный депешей о приезде гостя из России, Ганс прислал на почтовую станцию одного из своих «капралов», и тот тут же отвел новоприбывшего в Пансион Carafa Suite, расположенном на верхнем этаже здания не менее, чем двухвековой постройки.

Первое, что удивило Стронского в номере, куда привел его «капрал», было наличие дразнящих кухонных ароматов. Ароматы были столь густы, что напоминали обыкновенную харчевню. Недоразумение выяснилось, впрочем, тут же: встретивший моряка Ганс объяснил ему, что специально выбрал отель, где при каждом номере непременно была своя кухня.

- Я не могу есть то, что подают в местных «забегаловках», - без обиняков пояснил Сумасшедший Ганс. - Между тем, рыба здесь, в Италии, хороша! Поэтому, хоть я и приехал из Сингапура без своего повара, Провидец прекрасно может его заменить. Давайте пообедаем, господин Стронский, а потом я поведу вас на осмотр красавца-клипера, который я перекупил у какого-то греческого аристократа. Надеюсь, останетесь довольны – и стряпней, и самим кораблем!

Едва Стронский успел проглотить последний кусок, как хозяин немедленно потащил его в порт и издали показал своего «красавца», притянутого канатами к лучшему месту на причале. Кораблем русский моряк остался доволен: клипер был похож на вытянутую стрелу. Кроме богатой парусной оснастки, судно был оснащено и новинкой – паровым двигателем новейшей конструкции.

- Моя «Жемчужина» никому не позволит пылить себе в нос, - похвастался Ганс. – 18-20 узлов при неполном ветре – каково, господин Стронский?

- Кораблик с виду хорош, - согласился моряк. – Правда, окончательное суждение дадут ходовые испытания в море… А скажите-ка, мистер Ландсберг, для чего вы собираетесь установить на носу и корме своего красавца пушки?

- Заметили усиленную палубу и специальные подпорки в трюме? – улыбнулся Ландсберг. – В жизни, дорогой господин Стронский, все может пригодиться!

Покашляв, контр-адмирал ничего на это не сказал, хотя в душе у него возникло первое сомнение в правильности своего согласия на эту и без того безумную экспедицию.

В первом же местном агентстве по вербовке флотских экипажей оказалось полно желающих подписать контракт на плавание в любую часть света. Однако, следуя многозначительным намекам Ганса, Стронский набрал палубную команду с некоторым дефицитом и только до Сингапура. Нанятый тут же, в Неаполе, боцман ворчал по этому поводу, однако судовладелец был непреклонен:

- Пока мы идем в Сингапур, милейший! – заявил он. – Посмотрим в деле на нынешних морячков, а если что – то там у меня есть на примете десятка два-три матросов хоть куда!

«Жемчужина» с честью выдержала пробное плавание в заливе, загрузилась припасами, водой и балластом, и через неделю ушла в плавание, а вскоре бросила якорь на сингапурском рейде. Здесь Ганс Ландсберг, как и сулил, рассчитал две трети команды, не тронув только механиков и кочегаров. Вместо них на борту появилось два десятка матросов, наполовину китайцев, наполовину малайцев с такими свирепыми физиономиями, что, по утверждению Стронского, в России за одни морды каждый бы получил каторжную «пятерку».

Перед тем, как взять курс на Владивосток, «Жемчужина» совершила короткое плавание в местных проливах, где, по утверждению моряков, кишмя кишели местные пираты. Однако Ганс только посмеивался и даже предложил Стронскому остаться на время небольшой экспедиции на берегу. Догадываясь кое о чем, старый моряк так и сделал, доверив на пару дней штурвал клипера своему первому помощнику, нанятому тоже в Сингапуре.

После догрузки припасов и воды у Стронского и Ганса состоялся серьезный разговор.

- Прошу понять меня правильно, господин Ландсберг. Я согласился на участие в вашей экспедиции, имея в виду, что конечной цели мы добьемся тихо и мирно. Однако, судя по арсеналу, который вы загрузили на борт «Жемчужины» где-то в проливах, вы намерены добиться освобождения Карла любым путем. Не дай Бог что – с вами, как с британским подданным, русские власти связываться не будут. А вот русский шкипер, принявший участие в штурме сахалинской каторги, имеет все шансы там до конца жизни и остаться.

Судовладелец согласился с доводами своего шкипера. У британского нотариуса была подписана некая бумага, согласно которой Роман Александрович стал таким же наемным работником, как и весь его экипаж. А его обязанности на борту «Жемчужины» были ограничены чисто шкиперскими.

В Сингапуре же никто не сомневался, что Сумасшедшему Гансу надоело сидеть на берегу, и он решил, забавы ради, составить конкуренцию Британской Ост-Индской компании. Как бы там ни было, в одно прекрасное утро сингапурские обыватели, спешащие по холодку в портовые таверны, обратили внимание на то, что «Жемчужины» у пирса нет…

* * *

…В середине июня того же года на рейде Владивостока бросил якорь ранее невиданный здесь клипер «Жемчужина» с портом приписки Сингапур. Все надлежащие судовые документы у «Жемчужины» были в порядке. На борту, кроме шкипера, российского подданного Романа Стронского, присутствовал и арматор, крупный коммерсант из Сингапура. Судя по бумагам, конечной целью плавания был остров Сахалин:

судовладелец объяснил свой интерес к острову оценкой перспектив вложения капиталов в разработку тамошних угольных месторождений.

В тот же день в порт практически одновременно зашли еще два парохода – каботажник с Сахалина и пассажирский пароход «Палермо» под итальянским флагом, совершающий регулярные рейсы между Владивостоком и японским портом Нагасаки. Взяв на борт пассажиров, среди которых был и прибывший с Сахалина некий коммерсант, «Палермо» ближе к вечеру отправился обратно в Японию. Если кто и заметил, что с борта подозрительного клипера за пассажирским судном внимательно следят линзы сильного бинокля, то значения этому не придал.

Когда дым «Палермо» скрылся за горизонтом, с клипера спустили шлюпку, и вскоре на берег в сопровождении нескольких матросов сошел арматор. Нанеся визит вежливости капитану порта, судовладелец направил стопы в крупнейшую торговую фирму Владивостока – торговый дом «Кунст и Албертс». Жемчужного «короля» из Сингапура господина Лана здесь, хоть и понаслышке, но знали, и владельцы торгового дома, вопреки своим привычкам к уединению, немедленно его приняли. Беседа продлилась около часа, а потом гостю оказали невиданную во Владивостоке честь – пригласили отобедать в собственный, закрытый для посторонних клуб компании, получить приглашение в который мечтали все местные коммерсанты.

Вернувшись на «Жемчужину», арматор пригласил в свою роскошную каюту шкипера.

- Каюсь и снимаю перед вами шляпу, господин Стронский, - без обиняков заявил Ганс. – Вы сказали мне в Петербурге чистую правду: Карл, как выяснилось, с вашей легкой руки прекрасно устроился на Сахалине. Оба владельца компании, господа Кунст и Албертс, наперебой расхваливали мне его деловую хватку и коммерческие способности. Оказывается, они сделали его своим торговым представителем на Сахалине еще пару лет назад, и уже подумывают предложить ему пакет акций своей фирмы.

- Ну, а я что говорил вам, господин Ландсберг? – с оттенком укоризны улыбнулся Стронский. – А вы собрались брать казармы острова штурмом, припасли целый арсенал! Ну, берем курс на Сахалин?

- А вот с этим, похоже, придется подождать, - сокрушенно признался Ганс. – Помните итальянское грузопассажирское «корыто», которое три часа назад ушло в Японию? Так вот, на нем мой брат с ведома и согласия тюремной администрации отправился в деловую поездку минимум на две недели! Эх, что бы нам не прибыть сюда вчера или позавчера! Опять разминулись! Пять лет назад – по вашей милости, господин Стронский, а нынче – по воле судьбы!

- И экипаж весь на берегу, - покивал головой шкипер. – Пока их соберешь, пока протрезвишь – ваш брат будет уже в Японии. Что будем делать, господин Ландсберг? Ждать две недели здесь?

- В этой «дыре»? – фыркнул Ландсберг. – Уж лучше потратить время на обследование западного побережья Сахалина и нанести визит вежливости тамошнему генерал-губернатору. Кстати, господин Албертс упомянул, что немного южнее каторжной столицы Сахалина, поста Дуэ, есть фактория деловых партнеров «Кунста и Албертса». Какая-то Маука, или Маока… Там заправляет компания «Семенов, Дембри и Ко». Занимаются рыбным промыслом и какими-то водорослями, которые, по словам моих новых друзей, приносят огромные доходы!

- Вы собираетесь заняться тем же самым? – удивился Стронский.

- Разумеется, мне это ни к чему, - отмахнулся тот. – Но было бы странным, если бы приезжий коммерсант не поинтересовался всяким прибыльным делом. Да и время убить надо. Итак, шкипер, завтра берем курс на Сахалин!

Однако недаром говорят, что человек только предполагает, а Бог располагает. И задумкам Ганса не суждено было сбыться.

Его «Жемчужина», надо заметить, вызвала у портовых властей Владивостока некоторые подозрения. Во-первых, на клипере было слишком много оружия, включая две легкие пушки и несколько пулеметов новейшей конструкции. Во-вторых – сам экипаж судна: палубная команда для управления парусами клипера показалась русским слишком уж многочисленной. Но из подозрений шубу не сошьешь, как говорится.

* * *

Экипаж, состоящий из итальянцев, китайцев и малайцев, как уже упоминалось, был почти в полном составе отпущен на берег. И оказался явно разочарован необычно малым для портовых городов и поселений числом таверн и кабаков. Что же касается увеселительных заведений, то единственными полулегальными борделями тут были две слободки - «сахалинская» и «китайская». В первой обосновались отбывшие каторгу островные арестанты, у которых не было средств для дальнейшего путешествия в материковскую Россию. Туда местные обыватели избегали заходить даже в светлое время суток. Вторая была населена поденными рабочими и огородниками, и ее тоже старались обходить стороной.

К вечеру первого же дня пребывания «Жемчужины» на рейде к капитану порта прибежала взволнованная делегация моряков немецкого торгового судна, вторую неделю чинившегося во Владивостоке. Немцы клялись и божились, что несколько человек с клипера, несомненно, являются пиратами, пару месяцев назад захватившими их судно в плен. Пираты Сингапурского пролива, по уверению немцев, основательно «почистили» трюмы захваченного ими корабля, и отпустили плененный экипаж только после солидного выкупа.

По заявленной жалобе немцев, опознанные ими малайцы-пираты были задержаны до выяснения обстоятельств, а шкипер Стронский был вызван к капитану порта статскому советнику Русакову для объяснений. Шкипер принес капитану порта все морские билеты членов своего экипажа, но счел нужным пояснить, что к набору команды не имеет никакого отношения, и что сам был нанят в Сингапуре судовладельцем.

Обвинение в пиратстве – серьезное дело. Между тем, арматор, также приглашенный к капитану порта, категорически отказался покидать борт своего клипера и лишь передал на словах, что сингапурскую часть команды нанимал тамошний местный агент, а он и понятия не имеет о прошлом своих моряков.

Изучив морские билеты экипажа, русские власти пришли к выводу, что часть их являются довольно грубой подделкой. Судовладельца вторично пригласили к капитану порта – и получили вторичный категорический отказ.

Ситуация становилась тупиковой: портовые власти категорически отказались отпускать задержанных, включая шкипера Стронского, и возвращать судовые документы «Жемчужины» для продолжения плавания.

Только тогда арматор, едва сдерживая ярость, соизволил покинуть борт «Жемчужины». Он направился прямо к капитану порта и, не тратя время на выслушивание претензий, предложил статскому советнику Русакову компромиссное решение. Судовладелец был готов выкупить своих шкипера и матросов, и предложил для этого изрядную сумму денег в английской валюте. А когда капитан порта категорически отказался от предложенной мзды, арматор пожал плечами, и, ни слова больше не говоря, вернулся на свой клипер.

Перед рассветом следующего дня капитана порта разбудил перепуганный вахтенный матрос. Он сообщил, что клипер «Жемчужина» исчез с рейда. А вместе с ним исчезли находящиеся под арестом матросы и задержанный русский шкипер с «залетного»

корабля. Чуть позже обнаружилось, что из сейфа конторы порта исчезли также судовые документы «Жемчужины». Караульные и вахтенные моряки клялись, что ничего не видели и ничего не слыхали.

Дерзкое происшествие с «Жемчужиной» наделало во Владивостоке много шума. Повторный допрос караульных, охранявших задержанных по подозрению в пиратстве матросов с клипера и русского по происхождению шкипера, отставного контр-адмирала Стронского, позволил выявить кое-какие нестыковки в их рапортах о таинственном исчезновении задержанных. Рундуки караульных были тщательно обысканы, и в них обнаружилось то самое английское золото, которое арматор «Жемчужины» предлагал капитану порта в качестве выкупа за матросов.

Разумеется, караульные были арестованы и уже официально допрошены. Они, в конце концов, признались, что под утро были подвергнуты бесшумной атаке малайцев, вооруженных огромными кривыми ножами. Караульных быстро обезоружили, выпустили узников, а главарь нападавших, лицо которого было закрыто повязкой с дырками для глаз, под конец атаки якобы заставил их принять мзду в английских гинеях – так сказать, за беспокойство.

Консультацию по поводу сейфа, откуда таинственным образом исчезли все документы по «Жемчужине» и ее экипажу, по совету знающих людей попросили дать «специалиста» - экс-каторжанина из «сахалинской слободки». Осмотрев замок сейфа, бывший «медвежатник» расхохотался и заявил, что «жестянка» - дрянь, а ее замок только ленивый не откроет. В доказательство своих слов «специалист» попросил кусок проволоки, согнул ее конец в тисках, постучал молотком и «на раз-два» легко открыл и закрыл доселе «надежный» замок.

Умельца хотели на всякий случай сдать местной полиции и вернуть на Сахалин с новым сроком каторги, но у него, по счастью, оказалось надежное алиби.

Разъяренный наглостью англичан и своего соотечественника, капитан порта целый день строчил рапорты в Министерство иностранных дел и Морское министерство. Ему деятельно помогал офицер-контрразведчик, опухший во Владивостоке от безделья и пьянства. Рапорта отправились в долгий путь, и через 4 месяца прибыли адресатам, в Петербург. Английскому послу была вручена нота протеста – к вящей досаде российской стороны, оставшаяся без ответа. А военный контрразведчик из Морского министерства, недолго думая, переслал бумаги из Владивостока в Разведочное отделение Главного штаба: вы, мол, жалуетесь на ведомственные барьеры и несогласованность – извольте, согласовывайте!

У архивариуса Разведотделения, сидящего на «алфавите», оказалась профессиональная память. Он мгновенно припомнил имя контр-адмирала Стронского, нашел его дело в нужном шкапу – и все встало на свои места. А приложенные к рапорту морского контрразведчика протоколы допросов двух мичманов, охранявших шкипера «Жемчужины» контр-адмирала в отставке Стронского позволили сделать еще один, крайне любопытный вывод.

Впрочем, делать выводы и анализировать имеющиеся документы – удел начальства. В данном случае – начальника Разведочного отделения ротмистра Лаврова. Сопоставив допрос Стронского сыщиками Охранного отделения и беседы «скуки ради» шкипера «Жемчужины» с охранниками-мичманами во Владивостоке, Лавров отправил на «краешек земли» две телеграфные депеши с уточняющими вопросами, дождался ответов и сделал для будущего рапорта военному министру Куропаткину несколько пометок.

1. Старший помощник капитана «Нижнего Новгорода» Р.А.Стронский заведывал каторжным контингентом на своем пароходе-тюрьме, был лично знаком с

осужденным Карлом Ландсбергом, причем весьма сочувствовал ему и даже замолвил за бывшего офицера-гвардейца словечко начальнику тюремной части острова.

2. Он же во время стоянки парохода в Сингапуре познакомился (видимо, случайно) с родственником Карла Ландсберга, с Сумасшедшим Гансом (кем его считала британская администрация колонии). И сообщил упомянутому Гансу Лану (он же Берг, он же Ландсберг) о Карле, отбывающем наказание на Сахалине.

3. Получив это известие, Ганс Ландсберг прибыл в Петербург под именем бригадного генерала Пэйна и встретился со Стронским.

4. Через полтора месяца после этой встречи отставной контр-адмирал выхлопотал заграничный паспорт и уехал в Швейцарию на воды. А оттуда, видимо, по договоренности с Гансом, выехал в Неаполь и встал за штурвал купленного Гансом быстроходного клипера.

5. Еще через полтора месяца клипер «Жемчужина» был замечен во Владивостоке, где «засветился» самым неприятным образом. Судя по вооружению корабля и «бравой» команде (в том числе и пиратам???), господин Лан, жемчужный «король» Дальнего Востока, намеревался силой освободить своего брата (?) Карла с Сахалинской каторги.

6. Однако, побеседовав с владельцами крупной торговой компании «Кунст и Альбертс» (подтверждено депешей), мистер Лан (он же Ганс Ландсберг) убедился, что его брат вполне прилично устроен на Сахалине. И даже может совершать деловые поездки в Николаевск, Владивосток и Японию. Ганс отказался от своего намерения, чему способствовал и скандал с «Жемчужиной», и скрылся вместе со Стронским. Надо полагать, что оба нынче пребывают в Сингапуре.

7. С беседах с караульными Стронский упомянул о порядочности господина Берга (Ганса Ландсберга), а также о его страсти к путешествиям. В частности, было упомянуто и то, что Ганс по меньшей мере два года пробыл в Индии (не исключено, что и в Тибете), владеет китайским языком и имеет слугу – тибетца.

8. Государь император по каким-то причинам, ведомым ему одному, ищет людей, готовых отправиться в Тибет по его личному заданию. Почему бы не использовать для этой цели Ганса Ландсберга – разумеется, после соответствующей оперативной разработки?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Провал Медникова

Не успела паровая машина, подтащившая к дебаркадеру вокзала короткий состав курьерского поезда из Северной столицы, остановиться в тучах пара у края платформы, как к третьему вагону первого класса энергично зашагал один из самых известных в Москве людей. Это был начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве Сергей Васильевич Зубатов. Нынче он встречал своего непосредственного шефа, начальника Департамента полиции тайного советника Зволянского.

Хотя визит шефа был для москвичей, как и предполагалось, был неожиданный, Зубатов не был бы начальником «охранки» первопрестольной, если бы не сумел через верных людишек в Петербурге разузнать как о самом визите, так и о главной цели приезда тайного советника, и этой целью был чрезвычайно расстроен. Зубатову шепнули, что шеф приехал за главой «Летучего отряда филеров Евстратием Медниковым. Этого человека Зубатов чрезвычайно ценил.

Пройдя через все ступени филерской школы, Медников сделал скорую карьеру на своей нелегкой службе, и, несмотря на отсутствие образованности, быстро сделался в московской «охранке» сначала нарядчиком, а малое время спустя - инструктором и контролёром. А вскоре он возглавил всю филёрскую работу Московского охранного

отделения, где создал лучшую в России школу, которая получила название «медниковской». За успехи по службе Медников, несмотря на принадлежность к сектантам-беспоповцам, сумел выслужить чин старшего чиновника для особых поручений, и даже был представлен к ордену св. Владимира, дававшего право на личное дворянство.

Само собой, расставаться с таким незаурядным человеком было крайне жалко, и Зубатов для себя уже решил использовать все свои связи для того чтобы оставить Медникова в Москве.

Встретил шефа Зубатов улыбчиво, ловко кинул к козырьку два пальца в белоснежной перчатке, а второй рукой заботливо поддержал приезжее начальство под локоток.

- Желаю здравствовать, Сергей Эрастович! Как доехалось?

Зволянский помедлил с ответом, протер стеклышки пенсне, бросил быстрый взгляд вдоль дебаркадера и только потом ответно улыбнулся начальнику московской «охранки»:

- Здравствуй, Зубатов. Как доехалось, спрашиваешь? А хорошо, слава Богу! Ты, я погляжу, приезжее начальство бережешь – ишь, сколько агентов на вокзал пригнал! С такою охраною плохо ездить грешно…

Зубатов через силу рассмеялся: агентуры он для спокойствия нагнал на вокзал действительно прилично, но охрана не стояла столбами, все были вроде как при делах. Носильщики, кондуктора, дворники, «праздные зеваки» - все вроде занимались обычными вокзальными хлопотами, в сторону приезжего начальства даже не глядели. Но у того глаз набит, не замаскируешься.

- А как же без этого, Сергей Эрастович? У нас хоть и не Петербург, где бомбист на террористе сидит и ЭсДеком[1] погоняет, но смутьянов тоже хватает… Ну, как прикажете, ваше превосходительство? К нам сразу, в Гнездиковский переулок?

- Нет, брат, не туда! – покачал головой Зволянский. – Во-первых, коли ты о моем приезде разузнал, ревизию проводить бесполезно, все должно быть в ажуре! А, во-вторых, дело у меня в Белокаменной нынче настолько секретное, что с нужным человечком в «охранке» встречаться никак невозможно. Да и уеду я нынче же вечером, коли сговорюсь с человечком этим.

- Знаю, знаю, на кого ваше превосходительство глаз положил! – обидчиво повел носом Зубатов. – Последних толковых специалистов столица отбирает! Но учтите, Сергей Эрастович, что Медникова я вам не отдам! Хотите – обижайтесь, хотите - наказывайте, а не отдам! До генерал-губернатора, до Сергея Александровича[2] дойду, а не отдам!

- Эка, какой колючий! У великого князя он правды и защиты искать собрался! – от души рассмеялся Зволянский. И, тут же словно стерев смех с узких губ, притянул к себе оппонента за начищенную пуговицу мундира. – А ежели я тебе сейчас доложу, что за мной сам государь? Что его волею я все дела к чертям собачьим в Петербурге бросил и помчался, как наскипидаренный, в Москву?

У Зубатова от неожиданности слегка отвисла нижняя челюсть. И пока от приходил в себя от неожиданности услышанного, шеф департамента вздохнул и деликатно поправил пальцами подбородок единственному статскому начальнику политического сыска России.

- Успокойся, Сергей Владимирович! Успокойся и давай не будем уподобляться гимназистам, которые пыжатся в состязании типа «кто писнет дальше?» Тем более, что Медникова я забираю из Москвы не насовсем, а разово, для выполнения ответственнейшего задания, результатов которого действительно ждет государь! Два-три дня – и обнимете, коллега, своего дражайшего протеже и звезду на московском сыскном

[1] Имеется в виду боевые группы социал-демократов.

[2] Имеется в виду великий князь Сергей Александрович, брат царствующего монарха Николая II.

небосводе! Пока же благоволи отправить меня в «Лоскутную», а сам, никому не перепоручая, разыщи Медникова и прикажи ему прибыть ко мне часов этак в пять пополудни. О том, что нужно держать язык за зубами, даже не предупреждаю! Само собой, как и насчет соблюдения всех мер разумной предосторожности.

- Слушаюсь, ваше превосходительство!

- Ну, а мы с тобой покамест отобедаем в гостинице, и что возможно, тебе, голубок, будет сказано! Да, и протелефонируйте в «Лоскутную», чтобы держали наготове человека у бокового входа. Обойдемся без имен и чинов, понятно?

Сгорая от нетерпения услышать от шефа свежие столичные новости, Зубатов махнул рукой, давая знать неприметному экипажу, затесавшемуся в ряды омнибусов с горластыми агентами-зазывалами московских гостиниц.

Отвезя шефа в «Лоскутную», Зубатов, не отпуская экипажа, ринулся на поиски Евстратия Медникова.

Головокружительная карьера Медникова на поприще наружного наблюдения была постоянным предметом зависти не только коллег – «топтунов», но и многих высокопоставленных чинов Департамента полиции. Внушал он уважение к себе и своим высочайшим профессионализмом. Говаривали, что происхождение Евстратий имел из ярославских торговцев, известных своей смекалкой, пронырливостью и хитростью.

Что же касается степенности и трезвого образа жизни Медникова, то сие определялось принадлежностью к старообрядцам, не допускавшим употребления вина и табака. После солдатской службы, которую он закончил унтер-офицером, Евстратий обосновался в Москве. Служил городовым, полицейским надзирателем, имел свой домик и приусадебное хозяйство. Служи – не хочу - все как у сотен и тысяч подобных ему.

Но Медников не желал быть как все, и вскоре уже был принят рядовым филером на службу в Московское охранное отделение. Опять же ничего необычного здесь не было: начальство охотно брало бывших солдат агентами «наружки». Здесь-то и произошла его встреча с Зубатовым.

Сергей Васильевич Зубатов был назначен начальником Московского охранного отделения в зеленом, как говорится, возрасте: на тот момент ему не исполнилось еще и 32 лет. У нового руководителя было множество свежих идей по реформированию политического розыска, в том числе и наружного наблюдения. Вскоре после своего назначения Зубатов создает «Особый отряд наблюдательных агентов», в просторечии именуемый «Летучим отрядом», для осуществления слежки и производства арестов не только в Москве, но и в Одессе, Петербурге и Харькове. Руководителем этого подразделения и стал Медников. Таланты Евстратия позволил Зубатову закрывать глаза на формальные в том назначении помехи – отсутствие образования, малый чин и тому подобные препоны.

Выбор Зубатова оказался исключительно удачным. Уже в самом начале своей деятельности «Летучий отряд» провел ряд успешных операций, сделавших имя Медникова известным в кругах Департамента полиции.

Выскочив на ходу из коляски в Гнездиковском переулке, Зубатов, не утруждая себя поисками, сразу же спустился в полуподвальное помещение, в «филерскую». Это была огромная, почти во весь этаж низкая комната с большим дубовым столом посредине. Молодые и старые, с обветренными лицами, филеры стояли кругом по стенам в обычной позе — расставив ноги и заложив руки назад. Каждый по очереди докладывал сидящему у стола в одиночестве Медникову данные вчерашнего наблюдения и подавал короткий письменный отчет, где сказанное устно подкреплялось часами и минутами наблюдения, с упоминанием израсходованных по службе денег.

Как раз в момент появления в «филерской» начальства Медников был занят и не сразу обратил внимание на появление Зубатова. Багровый от злости, Евстратий одной рукой подтянул к себе за воротник провинившегося филера, а второй нешутейно начал «учить» того службе оплеухами и зуботычинами. Филер, хоть и был на голову выше старшого, да и в плечах пошире, только мычал и всхлипывал:

- Евстратий Павлович, простите, виноват!

- Виноват, мерзавец, так и говори, что виноват, а не ври! Молод ты, чтоб мне врать.— с расстановкой чеканил Медников. И, уже овладевши собой, спокойно заканчил «учебу». - По пятерику штрафа и тебе, и напарнику! А на следующий раз — вон выгоню! На нашей службе врать нельзя. Не доделал — винись, кайся, а не ври!

Наконец, заметив Зубатова, «беспоповец» отпустил «грешника» и шагнул навстречу начальству – спокойный человек плотного телосложения, среднего роста, полное здоровое румяное лицо, негустая бородка, усики, Длинные русые волосы зачесаны назад и блестят от льняного масла.

- Желаю здравствовать, ваше превосходительство! Извините, что не сразу заметил: как изволите видеть, я тут маненько своих дурней учу. Вы не в претензиях, полагаю?

Голос у главного филера был певучим, речь простоватой, голубые спокойные глаза… Знавшие Медникова сходились на том, что своим выдвижением он обязан природному уму, сметке, хитрости и добросовестности. К наружному наблюдению он относился как к работе, которую следовало выполнять честно, используя навыки торговца, солдата и охотника. Для рядовых филеров он был своим, понятным для них человеком, умевшим разговаривать на их языке. В результате Медников создал свою, как говорили тогда, «Евстраткину» школу. Филеры знали, что их начальнику невозможно «вешать лапшу на уши». И если он при проверке финансовых отчетов спокойно предлагал: «Скидай полтинник: больно дорого платишь извозчику», то агент без разговоров «сбрасывал», зная, что всякие споры со старшим бесполезны.

- Твои кадры, тебе и учить, - сверкнул зубами Зубатов, оглядел шеренги замерших «топтунов» и, круто повернувшись, на пути к выходу бросил через плечо. – Загляни-ка ко мне, Палыч. Потом «доучишь»…

Медников пожал плечами, велел своему «воинству», ждать и направился следом за начальством наверх.

У себя в кабинете Зубатов коротко рассказал о неожиданном визите начальства из Петербурга, счел нужным предупредить:

- Зайдешь в гостиницу черным ходом, выйдешь парадным. Захвати сюртучок двухсторонний, саквояжик какой поплоше из реквизита – чтобы бросить не жалко было. Ну, котелок, само собой. Его превосходительство просил принять все меры предосторожности – так что не исключаю, что своих сыскарей он с собой привез, для контроля. Понял, Евстратий?

Тот молча кивнул.

- Обещался его высокопревосходительство господин Зволянский насовсем в Петербург тебя не переманивать. Но начальство, сам знаешь, говорит одно, думает другое, а делает третье. Смотри, Палыч, не поддавайся: мы с тобой не все дела еще в Белокаменной переделали. Не пробросайся: уедешь – кто за хозяйством присматривать будет?

Намек Медникову был более чем понятен. Его оклад на нынешнем месте составлял 6000 рублей в год, что превышало жалованье многих чиновников гораздо более высокого ранга. Знал Зубатов и то, что Евстратий ранее был содержателем трактира, и нажитое там немалое состояние на службе весьма преумножил. Тут в ведении Медникова находился и извозчий филерский двор, где было несколько выездов. И вся филерская касса была у

Евстратия… Работая за десятерых и проводя нередко ночь в отделении на кожаном казенном диване, он в то же время не упускал и своих интересов. Под Москвой у него было именьице с бычками, коровками и уточками, был и домик изрядной величины. Рабочие руки были даровые, — делай, что хочешь: те же провинившиеся филеры часто штрафы свои у него на подворье отрабатывали.

Поняв намек, Медников глаза постно потупил, потом выпрямился. Обеими руками пригладил жидкие волосы на макушке, поинтересовался:

- Все я понимаю, Сергей Владимирович. Понимаю и помню доброту вашу. А не говорил петербургский «ходок», что за поручение он мне «навялить» желает? Даже не намекал?

Зубатов покачал головой:

- Молчит, скрывается. Ну, тебе к 5 часам назначено, а я его пораньше увижу. Думаю, что хоть намеками, но в курс введет. Как же так? Забрать лучшего сыскаря и не сказать куда и для какой цели? Ну, а тебе придется, полагаю, потерпеть до самого свидания с высоким начальством. Давай пока, Евстратий, передавай временно дела кому потолковее – думаю, что вечером он тебя и увезет… Дай-то Бог, чтобы как обещался, дня на два-три. Но кто знает?

* * *

«Лоскутную» Медников знал досконально: немало тайных встреч у него здесь было. Предшественником этой московской гостиницы в доме № 5 по Тверской улице был «Лоскутный трактир», с известной на всю Москву биллиардной. Гостиница была открыта при трактире купцами Мамонтовыми еще в начале 1870-х годов.

Фасад «Лоскутной» делился на две части: правая сторона — новый корпус, красный; левая — оштукатуренная, выкрашенная в тёмно-серый цвет. Вдоль левой части тянулся чугунный, с такой же узорной решёткой на чугунных же колонках балкон, средняя часть которого над подъездом выступала вперед и покрывала собой весь тротуар. Летом на балконе стояли четыре большие кадки с лавровыми деревьями.

Говорили, что непрезентабельным своим названием гостиница обязана какому-то господину ученому-историку. Мамонтовы хотели назвать её на европейский лад, ну хоть бы «Монополь», или «Националь», но якобы историк уговорил их дать гостинице наименование „Лоскутной“, чтобы этим сохранить название той местности, где она находилась. С двух сторон от гостиницы находились Обжорный и Лоскутный переулки, получившие свои названия от лавок Охотного ряда, торговавших соответственно провизией и обрезками всевозможных мехов, старым и новым суконным лоскутом.

Гостиницу Мамонтовы обставили богато. В ней было 145 номеров в трёх этажах. Для дорогих номеров не пожалели шелковых французских обоев, мебели светлого ясеня работы лучшего мебельного фабриканта Москвы Шмидта. Швейцарская, коридоры, ресторан (небольшой, во втором этаже гостиницы) и служебные помещения освещались газом.

В отличие от большинства гостиниц того времени, «Лоскутная» имела собственный телефон — вначале один на всю гостиницу, известный всей деловой Москве: № 77-34. Позже «Лоскутная» обзавелась своей подстанцией, и телефонные аппараты появились во всех номерах. В конце 1880-х гостиница была оснащена электрическим освещением, а «через контору Гринберга» правление установило там и лифт немецкой фирмы „Карлфлор“».

В первых двух этажах гостиницы ложки, ножи и вилки подавались серебряные, работы известного фабриканта Фаберже, а в третьем — из белого металла, фабрики Артура Круппа. Надо заметить, что серебро из «Лоскутной», в отличие от дешёвых чайные ложек и грошовых салфеток, никогда не пропадало.

* * *

Как ему и было сказано, Медников проник в гостиницу с черного хода, постучав условной дробью. Открывший ему помощник швейцара визиту знаменитого сыскаря ничуть не удивился, молча поклонился и даже проводить куда надо не предложил: догадывался, что не надо этого делать.

Встретил шеф департамента своего тайного гостя как равного. Усадил в кресло, коньяку, изрядная бутылка которого стояла перед ним, предлагать не стал – стало быть, наслышан был о сектантской «закалке» сыскаря-«скорохвата».

«Дежурная» вступительная часть беседы не затянулась: петербургское начальство было в курсе успехов Московской «охранки» и лично Медникова. Похвалил только за рьяное служение Государю и Отечеству и сразу же перешел к тому делу, по которому прибыл в Белокаменную. Надо сказать, что это начало изрядно удивило Медникова: у него спросили, известно ли ему что-нибудь о предсказаниях монаха-расстриги Авеля?

Медников отрицательно покачал головой:

- Не знаю таковского, ваше превосходительство. Извините великодушно – но сия кличка по моим делам не проходила…

Зволянский криво усмехнулся, понюхал коньяк в бокале, но пить пока не стал.

- Сие не кличка, Евстратий, а имя реального исторического персонажа. И имел сей персонаж редкостный, прямо поразительный дар провидения будущего. Призван он был как-то, к примеру, ко двору императора Павла I, и напророчествовал такого, что немедля был сослан в монастырь навечно. А предсказал он не только ужасную и скорую смерть императора[1], но и будущую войну с Наполеоном, и сожжение Москвы, и даже судьбы будущих царей. Самое же интересное, что в дальнейшем все свершалось в строгом соответствии с предсказаниями черноризца, которого то отпускали на волю, то снова прятали за решетку. И вот два года назад, в столетнюю годовщину смерти Павла, согласно его завещанию, государь Николай II высочайше соизволил вскрыть шкатулку, адресованную ему как наследнику престола. И то, что государь узнал о своей судьбе, никак его не порадовало.

Зволянский залпом выпил-таки коньяк из бокала, бросил в рот ломтик лимона. Медников, до которого запах спиртного докатился даже через широкий стол, только недовольно пошевелил ноздрями, но промолчал, скрывая недоумение: зачем ему рассказывают о каких-то предсказаниях? Глубоко материалистичным человеком был Евстратий, и категориями привык мыслить конкретными: один донес, другой приказал произвести арест.

Почувствовав недовольство сыщика, Зволянский пояснил свое «творческое отступление»:

- Надеюсь, ты не думаешь, брат Медников, что шефу полиции более делать нечего, кроме как просвещать своих работничков историческими изысками? Сия присказка – необходимая мотивировка для твоего задания, Евстратий. Само же задание таково: надлежит тебе через двое суток быть в городе Костроме, и встретиться там с тайным агентом, внедренным нами с великими трудами в секту «Странников». Детали мы еще обговорим, а пока такой вопросец: ты про «странников» этих слыхал?

Если рассказ шефа полицейского департамента о каком-то Авеле вызвал у Медникова недоумение, то поручение Зволянского, которое он приготовил для знаменитого начальника «Летучего отряда», Евстратия поначалу даже покоробило. Ему,

---

[1] Павел I был задушен в собственной спальне 11 марта 1801 в Михайловском замке. По одной версии он был убит зятем Суворова, старшим братом Платона Зубова , который ударил его массивной золотой табакеркой. Согласно другой версии, Павел был задушен шарфом или задавлен заговорщиками, с негласного согласия своего собственного сына, ставшего впоследствии императором Александром I.

грозе революционеров России, надлежала всего-то навсего тайная короткая встреча с внедренным в секту «странников» агентом?!

Сдерживая обиду, Медников неопределенно пожал плечами:

- Слышал, есть такое людское сообщество. Но я-то больше по бомбистам, да по революционерам специалист. Чего в них особенного, в «странниках» этих? Божьи люди, полагаю, в Бога по-своему верят – что с того? Или они к социалистам каким-то боком, ваше превосходительство?

Зволянский, будучи неплохим физиономистом, выражение лица Евстратия мгновенно расшифровал, коротко усмехнулся:

- Не переживай, Медников! Очень важное сие задание! Сам государь к этим «странникам» интерес имеет. Ты-то, я знаю, тоже беспоповец – а про этих, повторю вопрос, слыхал что-нибудь?

- Своих делов по горло, ваше превосходительство, - не слишком вежливо буркнул сыщик. – Нешто никого другого не могли найти для такого пустяшного задания?

- Пустяшного, полагаешь? Не скажи, брат, не скажи! У «странников» этих так служба внутренней безопасности поставлена, что революционерам-бомбистам и не снилась! Два года мы внедряли к ним агента своего! Завербовать кого из секты этой – совершенно немыслимо, а чужого человека они за версту чуют. Нашли вроде кандидата подходящего для внедрения, а тот уперся – и ни в какую! Для задания веру менять надо, а кандидат этот оказался ярым приверженцем христианского православия. Пришлось архиепископа на подмогу призывать, чтобы благословил пасечника нашего на такой временный грех. А ведь и не всякий архиепископ на подобное благословение свое дать согласится! Тоже сомневаются!

Медников невольно улыбнулся:

- Так надо было к кандидату вашему не настоящего столпа православия подвести, а подсадного, ваше превосходительство! Мало ли расстриг!

- Тебя спросить забыли! – Зволянский снова наполнил свой бокал, выцедил его и с интересом поглядел на собеседника. Признался, криво усмехаясь. – Так, в конце концов, и пришлось сделать, Евстратий, догадливый ты мой! Ну не в Священном же Синоде специальное разрешение брать! Дело сугубо конспиративное, а разведка у «бегунов» поставлена дай Бог всякому… В общем, обломали пасечника, сразу два греха на душу взяв.

- А почему именно пасечника? – заинтересовался Медников.

- Долго рассказывать! На-ка, лучше почитай! – Зволянский извлек из своего саквояжа небольшую картонную папку. – Может, хоть первоначальное понятие о сих «бегунах» поимеешь…

Строго секретно! **Только для пользования уполномоченных на то лиц!**

Секта «Странников» или «Бегунов», основанная отщепенцем Филипповского согласия Ефимием в Ярославской губернии, начало свое берет из деревни Сопелки и распространяется до сих пор в Костромской губернии. Главным наставником этого согласия Федором Ивановым, беглым кантонистом, который, по слухам, имеет пристанище у купцов-раскольников в Кинешемском и Костромском уездах, а иногда отправляется и в Нижегородскую губернию для привлечения в Странническое согласие желающих из других сект.

В Костроме, по примеру Ярославля, по распоряжению министра внутренних дел для поимки Федора Иванова и его сообщников, была учреждена особая Комиссия, и 18 человек были тогда же пойманы и преданы суду, а Федор Иванов до сих пор еще остается не пойманным, хотя слухи о появлении его то тут, то там продолжают ходить в народе, а быстрое распространение «Странников» в Костромской губернии свидетельствует о необыкновенной деятельности весьма популярного Наставника. «Странники», принимая все учения раскольников секты «Перекрещиванцев», полагают еще, что для достижения царствия небесного необходимо разорвать всякую связь с миром, быть гонимому, угнетаемому на земле и не признавать над собою никакой земной власти. А потому по примеру Апостолов и святых отцов церкви,

всяк поступающий в секту «Странников» должен прежде всего уничтожить паспорт и все свои документы о звании, должен оставить свой дом, своих родных, скитаться в пустынях, скрываться на чужой стороне и быть вечно одержимым страхом преследования и наказания. Земная власть считается, по их учению, властью Антихриста, а признающий эту власть — его слугою.

Кроме «Бегунов», к этой-же секте принадлежат так называемые «Странноприимцы», то есть люди, укрывающие у себя беглых и готовящиеся поступить со временем в «Странствие». В последнее время в Костромской губернии раскольники всех беспоповщицких сект стали укрывать у себя «Бегунов», и для того устраивают в своих домах тайники, в которых скрываются «Странники» во время обыска или приезда в дом незнакомых людей. Тайники эти устраиваются так искусно, что обнаружить их можно только по тщательном осмотре всей избы.

Замечено также, что многие и не по расколу, а из корыстолюбия дают у себя приют Христовым людям (так называют себя «Странники»). К числу последних пристанодержателей надобно причислить и «Белопашцев», которые пользуются особыми правами, дарованными потомству Сусанина царем Михаилом Феодоровичем, подтвержденными в последствии отдельными грамотами императрицы Екатерины II и ныне благополучно царствующего государя императора и избавлены от платежа всех податей и повинностей, а также от надзора Земской полиции и местного губернского начальства. Вообще все они («Белопашцы») чуждаются Православной церкви, предаются пьянству, не радеют о своем хозяйстве, и, владея многими десятинами земли и не платя никаких податей, живут довольно бедно.

Дочитав до этого места, Медников откровенно зевнул и попросил директора департамента:

- Ваше превосходительство, а нельзя ли как-нибудь на словах, покороче? Я человек простой, глаза от буквиц всяких быстро устают. Как я должен с этим агентом встретиться, чтобы его, не приведи, Господи, не провалить при этом? Сами же толкуете: разведка, служба внутренней безопасности…

- Ага, вникать начал? – обрадовался Зволянский. – Первым делом мы агента нашего в тюрьму определили, в одну камеру со «странником». Чтобы присмотрелся, стало быть, к новым «единоверцам». Пока он сидел, искали основание для его «легенды» - и нашли все же! Агент-то питерский, а дед его пасеку держал в Костромской губернии, в деревне Сундемирово. И был, естественно, «странноприимцем». Помер дед в свое время, вот мы «наследника» туда и отправили – в расчете на то, что никак не смогут упустить «бегуны» такого места для пристанодержательства, как пасека. Ну, и начали те, естественно, к мужичку нашему сначала присматриваться, а потом и в свою веру «вербовать». «Пасечник» новый сопротивляться не стал, начал беглых у себя прятать.

- Деду-то «помогли», поди, вовремя на тот свет отправиться? – Медников дерзко поглядел в глаза начальству.

Зволянскому вопрос не понравился, насупился, хотел одернуть зарвавшегося «сыскаря», но поостерегся: кто их, беспоповцев, знает?

- Я точно не знаю, - осторожно ответил он. – Может, и не без этого дело делать пришлось. Да тебе-то какая разница, Евстратий? Никакой, верно? Так вот, насчет «пасечника»: пчелиное хозяйство ему досталось немалое, медок куда-то девать надо. Вот он с позволения и благословения старца Никитина этот мед периодически в Кострому и возит. Возит и сдает купцу тамошнему Вострикову –тоже сектанту, естественно. Вот и получили мы от него недавно тайный сигнал, что скоро он в Кострому снова поедет. И есть у него важная информация, за которой, собственно, его и послали в это «сундемировское гнездо».

- У купца того каждый новый человек на виду, - почесал подбородок Медников. – Как бы не напортачить…

- Не напортачишь! У купца Вострикова, кроме магазинов и лабазов, трактир имеется, с нумерами для чистой публики. Ты по «легенде» землемером в Кострому поедешь. В трактире за день до появления нашего Кондратия появишься, будешь оказию искать, чтобы добраться до села Зубцово – это как раз чуть подалее от Сундемирова будет. Полагаю,

непременно человечек найдется, который тебе про «пасечника» расскажет. К нему и напросишься пассажиром. Ну, а по дороге – это верст 30 будет – и поговорите с Кондратием. Знак ему условный подашь: птичку, заранее купленную, из садка выпустишь. Мол, племяннику подарок вез, да жалко божью тварь в клетке держать. Понял, Евстратий?

- Все понял, кроме одного, ваше высокопревосходительство, - Медников в упор поглядел в глаза полицейскому начальству. – Вы про интерес государя к «странникам» поминали, а я про то пока ничего не услышал!

Зволянский кивнул, вертя перед собой пустой бокал:

- Умный ты, Евстратий! Умный, а того понять не можешь, что есть вопросы, которые лучше не задавать. Для тебя же лучше, - уточнил он. – Поговорка есть такая: меньше знаешь –лучше спишь! Вот я тебе про предсказания Авеля рассказал, хотя и не имел права. Думаешь, случайно его псалмы из печати изъяты и к публикации запрещены? Много там страшного и для государя, и про судьбы России сказано. Как инок проклятый до всего дошел – не знаю. Но сбываются все его предсказания, черт его подери! Ежели настаиваешь – и последнее расскажу, про связь этих предсказаний со «странниками». Но поверь: лучше не знать!

- Ваше превосходительство! Я, когда своих агентов на опасные задания посылаю, ничего от них не скрываю! – набычился Медников. – Толку от людей больше, когда знают, на что идут, что их впереди ждет. Вот вы меня, ваше превосходительство, для сего задания не просто так назначили. Приехали из Петербурга специально. А всей правды говорить не желаете – это как? Я свою преданность службе нашей не раз доказывал, на пули шел, когда надо было, и людишек своих из «Летучего отряда» посылал. Говорите все, чего уж там!

- Что ж… Коли настаиваешь, то слушай. «Странники» эти не только по России бегают, Евстратий! Дважды – по крайней мере! – до Тибета добирались. Есть такая страна в горном Китае – слышал?

- Слышал. И что?

- А то, что тамошние священнослужители, ламы, многие тайны нашего мироздания ведают. Особая та страна – Тибет. Чужих там не любят, не пускают к себе, знаниями своими не делятся. А вот «бегуны» наши им отчего-то по душе, видать, пришлись: ламы не только пустили их к себе, но и учиться тайным знаниям позволили, - пошарив в жилетном кармане, Зволянский достал из него бумажку и медленно, спотыкаясь, прочел. – Дюнхор–Калачакра, вот! Язык сломаешь, пока выговоришь. Очень долго старец Никитин проживал в тибетских монастырях, монахи которых и открыли ему некоторые таинственные учения Дюнхор-Калачакры.

Бросив на шефа полиции недоверчивый взгляд, Медников беззвучно, одними губами пожевал трудное слово, повторить, видать, не смог, беззвучно выругался и тут же осенил себя двоеперстным крестом.

- Данное учение заключается в изучении космоса, скрытых явлений природы, уникальных способностей каждого человека, а также методов, дающих власть над людьми, - закончил Зволянский, пряча бумажку на место. –Осознаешь, брат Медников? Власть над людьми! А ты погляди, что в России нашей деется: сплошной бедлам и революционная зараза! Вот и надеется, видно, государь с помощью тех знаний и Россию образумить, и пророчества Авеля переломить. А недавно наш «засланец», Кондратий-«пасечник», сумел весточку передать, что вернулся зловредный старец из очередного своего похода в Тибет. Что именно он там добыл – тебе и предстоит узнать.

Медников повеселел, хмыкнул:

- Так, может, ваше превосходительство, мне с помощью Кондратия этого старца разыскать, в мешок его, и в Петербург доставить? Там, сами знаете, мастера на все руки есть: революционеров с их идеями ломают! А уж старца какого-то…

- Старцем Никитина не по возрасту называют, - возразил Зволянский. – По нашим данным, он «сороковник» только недавно разменял. Так что в мешок он может и не захотеть. Потом – охрана у него такая, что не приведи Господи! Сподвижников и единоверцев у него – вагон и маленькая тележка. Уезд поднимется! А если даже и доставишь в Петербург, то навряд ли он добровольно знаниями тибетскими делится захочет. Честно говоря, пробовали уже к «бегунам» наши методы проверенные применять – бесполезно все! Так что не пыжься, Медников! Гораздо больше пользы будет, коли ты информацию от нашего агента получишь и живым сможешь сам вернутся. Ну, и Кондратия не «спалишь» преждевременно, конечно…

* * *

Через два дня Медников вышел на перрон станции Кострома из вагона второго класса. По квитанции получил в багажной конторе обшитый рогожей мешок с инструментами землемера – сложенным двухаршинным циркулем, мерными лентами и несколькими сотнями «шпилек», связанных пучками. Выбрав извозчика, долго пытал его насчет чистых и «особливо без клопов и прочей ползучей дряни» нумеров, добился-таки, чтобы «ванька» сам назвал ему трактир купца Вострикова, и велел везти туда.

В кармане у Медникова была быстренько, но чисто «сварганенная» копия диплома Константиновского межевого института и такое же «липовое» приказание министерства юстиции, коему подчинялись все российские землемеры. В нумерах при трактире Вострикова он потребовал лучшую комнату во втором этаже, а в трактире, к явному разочарованию трактирщика, спросил постных вчерашних щей без водки.

Пообедав, «землемер» вернулся в нумер, где с удовольствием убедился, что что все его вещи были подвергнуты тщательному осмотру. Отдохнувши, «землемер» направил стопы в местную земскую управу, предъявил жалобу крестьян Макарьевского уезда на неправильный землеотвод с резолюцией начальства, и потребовал телегу с трезвым возчиком для доставки его на место, в деревню Зубцово.

Как и предполагалось, в гужевом транспорте землемеру (а хоть бы и из самого Петербурга!) было отказано. И был лишь дан совет поспрошать местных купцов и скупщиков льна: те регулярно отправляли телеги за товаром в окрестные деревни и села.

Медников добросовестно обошел несколько торговых домов, и в конце концов, сунув двугривенный половому в трактире, получил дельный совет дождаться скорой оказии прямо по месту своего проживания. Как выяснилось, купец Востриков был действительно из раскольников, и, углядев в приезжем собрата, крестившегося двоеперстно, сообщил, что давно поджидает пасечника с грузом меда и обещал замолвить за своего постояльца словечко.

Таким образом, малое время спустя Медников со своим мешком удобно устроился на охапке сена в телеге пасечника Кондратия – угрюмого мужика лет 30 с небольшим. Правда, подвезти пассажира до родной деревеньки Кондратий согласился крайне неохотно, и совсем замкнулся, когда в тронувшуюся телегу на ходу запрыгнул еще один, незваный пассажир. Как оказалось, односельчанин пасечника. Одет второй пассажир был как-то чудно, а из густой бороды, покрывавшей все лицо, сверкали одни глаза.

Односельчанин оказался не в меру любопытным, и бесконечно расспрашивал петербургского «землемера» о столичной жизни, семье и даже учебе в Константиновском институте. Его любопытство простерлось до того, что он попросил разрешения заглянуть в мешок с инструментарием, и успокоился только после этого. С Кондратием второй пассажир говорил с пренебрежительным оттенком – так хозяин говорит с провинившимся в чем-то работником. В общем, быстро сложив в уме два и два, петербургский «сыскарь» пришел к выводу о том, что агенту Кондратию местные «бегуны» пока не слишком доверяют.

Не доверяют – вот и подсадили в последний момент соглядатая, чтобы пасечник чего лишнего незнакомцу не ляпнул, - мрачно рассуждал Медников. Присутствие постороннего делало откровенный разговор с агентом невозможным.

К счастью, соглядатай оказался не чуждым винопитию. Это выяснилось случайно, когда путешественники к полудню решили сделать небольшой привал, и, кстати же, дать лошаденке отдохнуть и пощипать травы. Доставая из саквояжа нехитрые дорожные припасы, Медников звякнул бутылкой «казенки»: не употребляя зелья сам, бутылку он на всякий случай возил с собой всегда.

Услыхав характерный звук, соглядатай насторожился как сеттер, и помявшись, спросил: почему господин землемер пренебрегает имеющимся горячительным?

- Сам не пью, да и попутчики мои, гляжу, из беспоповцев, - буркнул Медников. – Ты ж не пьешь зелья, Кондратий? Ну, вот видишь, друг?

- А мне моя вера не мешает! – слегка раздвинул бороду в улыбке соглядатай. – Да и у вдовушки одной вчера, признаться, засиделся. Головку бы «поправить» – не уважишь, господин землемер?

- Отчего не уважить хорошего человека? Бери, наливай, сколько душа просит, да пей! – доставая «казенку», Медников заодно вынул из саквояжа небольшую клетку-садок со снулой птахой. – Эх, не довезу, наверное, птичку до племяша! Выпущу-ка я ее лучше на волю!

Услышав про последнее, Кондратий живо обернулся: видно, подав весточку о встрече, он полагал, что она не дошла по назначению. Однако надежда, мелькнувшая в его глазах, быстро погасла, когда агент сопоставил комплекцию соглядатая и количество водки в бутылке.

Медников про себя усмехнулся: не знаешь ты, мил-человек, что бутылочка-то с секретом – заранее «заправлена» изрядным количеством сильнодействующего снотворного.

С жадностью выпив почти полный стакан, соглядатай захрустел луковицей, засунул в бороду шмат хлеба и потянулся было налить по второй. Однако Медников уже прятал «казенку» в саквояж: все содержимое «заправленной» бутылки, употребленное за раз, могло и убить.

- Хватит пока, уважаемый! – улыбнулся он. – А то разморит на жаре, голова еще сильнее болеть будет!

Минут через 15 соглядатай осоловел, начал клевать носом и громко икать. И, наконец, решительно полез под телегу с намерением вздремнуть в теньке. Вскоре оттуда донесся мощный храп.

- Ну, здравствуй, Константин! – «сыскарь» назвал пасечника его настоящим именем и протянул руку. – Заждался, поди? Привет тебе от Сергея Эрастовича…

- Ну, слава Богу! – перекрестился пасечник. – Эх, господин землемер, знали бы вы, как мне все это осточертело! И машкерад с двоеперстием, и догляд постоянный. Старец, гад ушлый, до конца мне по-настоящему, чую, так и не верит! И сам следит, и «апостолов» своих подсылает…

- Константин, у нас минут пятнадцать, - перебил Медников. – Может, и больше, конечно, но точно сказать не могу. Дохтур говорил, что действие этой бутылочки зависит от многих факторов. Так что давай, рассказывай – что сообщить-то хотел?

- Главное – вернулся старец Никитин из своего Тибета две недели назад. Вернулся вместе с десятком «странников», среди коих два ближних «апостола», чтоб им сдохнуть! Черные все от солнца, исхудалые, но вроде довольные. С неделю отсыпались у меня на пасеке, в схроне. Почти два года в Тибете этом были, в монастыре каком-то, учились.

Отоспались – сход свой собрали, отчитались о поездке. Меня, конечно, никто не звал, но кое-что подслушать удалось. Вернулись они не «пустые», а с какими-то… анте.. арту…

- Артефактами, - подсказал Медников. – А почему ты спутников старца «апостолами» зовешь?

- Во-во, артефактами! Хотя что это за штука – я так и не знаю. Свитки какие-то видел у старца, деревянные чурбаки с непонятными письменами, да фигурки вроде как из глины и железа чудного.

- «Апостолы»! –напомнил «сыскарь».

- А-а, это Никитин так помощников своих ближайших называет. Они и спутники, и разведчики, и палачи. Натуральные палачи, господин хороший!

- Палачи?

- Я гляжу, господин землемер, что вы про веру-то нашу – то есть, тьфу, ихнюю – совсем ничего не знаете? Жуткая у них вера, нелюдская! По-ихнему, всякое служение является открытым поклонением дьяволу, от чего благочестивые люди должны уклоняться посредством бегства от мира и неустанного странствования. Праведники нигде не должны иметь родины, бегство от мира — их ремесло, единственное средство спасения души. Даже с приближением смертного часа каждый праведник должен быть отнесен в чистое поле или в лес с тем, чтобы он мог рассматриваться как умерший «в бегстве». А кто быстро умереть не может, того «апостолы» душат, либо в болото головой окунают. Так же и с теми поступают, кого в отступничестве подозревают. На моих глазах, господин хороший, девицу вот так-то утопили – хотя никакая она не отступница была: просто отказалась под старца лечь. Ей самой утопиться велели – она не смогла. Тогда «апостолы» ее и придержали головой в бочажине.

- М-да, «весело» живешь, Константин! – покачал головой Медников. – Ну, а в чем главный смысл их веры-то?

- За ихним внешне безобидным именованием скрывается нечто гораздо более зловещее, господин землемер! Члены секты в тибетском странствии обучались, помимо прочего, тонкому искусству обмана и уловок. Сам слыхал: они стали особо ушлыми в том, чтобы скрытно внедряться в миры, населенные какими-то иными формами жизни, смуту туды вносить и порабощать целые народы. А воопще"странники" энти стремятся привлекать к себе как можно меньше внимания. Их людишки искушенные скрытно перемещаются на территорию противника, и тогда в дело вступают Владыки Иллюзий. Эти нелюди в течение нескольких дней берут под свой полный контроль все народонаселение там, куды залетели.

- Погоди, Константин! – взмолился Медников. – Как это ты говоришь: «скрытно внедряться в миры»? «Скрытно перемещаться»? С шапкой-невидимкой, что ли?

- С какой шапкой?! Многие из «странников» обладают сатанинским даром внушения. Только тот дар посильнее, чем заезжие циркачи в Петербурге показывали, когда я там учился. Вот пример тебе приведу, господин хороший: идешь ты зимой в лес и попадаешь в стаю голодных волков. Что с тобой будет?

- Известно, что! – усмехнулся Медников. – Вмиг порвут и косточки обглодают…

- То тебя или меня, - перебил Константин. – А просвещенные «странники», особенно Владыки Иллюзий, сделают так, что волки их и не тронут, за своих сородичей примут. Или еще: не пробовал ли, господин землемер, по молодости в женскую помывочную заходить? Что бабы делают, коли мужик к ним сунется? Шайкой по голове шарахнут, визг поднимут, городового покличут. А эти заходят – и никто на них внимания не обращает.

- М-да, - только и мог протянуть «сыскарь», представив себя в женской бане.

- А нынче в Тибете этом "странники" получили от учителей новое оружие повеления, сам слышал! Посмотрит Владыка Иллюзий на толпу особенным образом –и это невидимое

и неосязаемое оружие вселяется прямо в их головенки. Пораженные этим оружием жертвы и сами получают способности к гипнозу - но лишь ценой абсолютного подчинения Владыкам Иллюзий.

- Бежать тебе отсель надо, Константин, - после некоторого молчания покачал головой Медников. – Если хотя бы половина того, что ты мне наговорил, правда, то «странники» эти люди опасные! Если они в чужие головы влезть могут, то и в твою тоже! Залезут, узнают, что ты агент – и утопят в болоте.

- Куда мне теперь бежать? – с тоской вздохнул Константин. – Они везде отыщут. Вот ты знаешь, господин землемер, смотрит на меня иной раз старец, а я прямо чувствую, как он в голове у меня щупает, шарит… Я ведь за два года кой-чему и научился у них, проклятых! Хочешь, твое имя назову?

- Ну, попробуй! – усмехнулся Медников, ощупывая в кармане документы на чужое имя. – Или фокус не удастся по причине выпивки «факира» - подсказчика?

- Почему не удастся? – невесело хмыкнул пасечник. Глаза у него стали какими-то мутными, отрешенными. – Евлампий твое имя. Или Евстратий, точно понять не могу.

Наверное, впервые в жизни знаменитый «сыскарь» почувствовал себя неуютно. И очень захотелось выхватить браунинг, который он после прочтения какого-то американского романа носил на щиколотке правой ноги.

Храп под телегой внезапно прекратился. Его сменил надрывный кашель, рвотные позывы и тихая ругань.

Вот вылезет сейчас, попросит опохмелиться и помрет, - спохватился Медников.

Он торопливо расстегнул саквояж, вынул из шкалика пробку и уложил бутылку на дно сака, боком: плохо закрыл, разлилась – ну что тут поделаешь?

Соглядатай тут же вылез из-под телеги, держась за голову обеими руками.

- Извиняйте, господин землемер… Развезло-то меня как… Сделайте божецкую милость, дайте хоть глоточек поправиться.

Радуясь своей придумке, Медников погрозил бородатому пальцем и расстегнул саквояж. Озабоченно пошарив в нем, он со сконфуженным видом вынул пустой шкалик и пробку:

- Наверное, плохо закрыл: все вылилось! Так что придется потерпеть, любезный, до первого трактира!

Соглядатай еле вскарабкался на телегу, со стонами лег ничком, пробубнил:

- Поехали, что ли, Кондратий! Нешто не наговорились еще с господином землемером?

Медников хотел было возмутиться, но Кондратий отрицательно покачал головой и встряхнул вожжами. Телега, скрипнув всеми колесами, двинулась дальше.

* * *

- И это весь твой рапорт, Медников? – Зволянский, словно брезгуя брать одинокую бумагу в руки, приподнял один ее угол кончиком карандаша. – Ты что, первый день в сыскном служишь?! Или вовсе не ездил в Кострому?

- Ездил, ваше превосходительство, - горячо зашептал «сыскарь». – И в Кострому ездил, и агента-пасечника» зрил вот как вас сейчас. И все слышал, что он про «странников» своих рассказывал, пока соглядатай под телегой спал!

- Какой соглядатай? Чего ты несешь, Евстратий?

- Был, был такой бородатый, в последний момент в попутчики напросился. Я ему пол-шкалика выпоил, чтобы поговорить можно было с пасечником.

- Так писать надо в подробностях, о чем речь шла, Медников!

- Не могу, ваше превосходительство! Хочу – и не могу! Карандаш, словно лом чугунный, сдвинуть невозможно…

- Слушай, Евстратий, если бы я тебя не знал много лет, то подумал бы, что ты пьян!

- И имя он мое узнал, пасечник-то. Откуда, ваше превосходительство?

Зволянский только беззвучно, одними губами, выругался, что позволял себе нечасто.

- А соглядатай? – зачастил Медников, сползая со стула. – Проехали мы немного, а он вдруг велит Кондратию: останови, мол! И мне командует: слезай с телеги! Я было возмущаться, а он мне кланяться начал, благодарить. Спасибо, мол, благодетель, что не весь шкалик дозволил выпить! Спасибо тебе и всей твоей «Летучей бригаде»! Откуда он узнал про бригаду-то, ваше превосходительство?!

- Я ж говорил тебе: разведка у них поставлена, Евстратий… Может, видел тебя в Москве.

- Я глаза прикрыл, открываю – один я в поле! Один! Ни лошади, ни телеги, ни агента… Один мой мешок с инструментом валяется в колее.

Зволянский покосился на замершего за угловым столиком начальника московской охранки Зубатова. Тот, поймал взгляд, многозначительно покрутил у виска пальцем, выразительно пожал плечами: бывает, мол. Следствие переутомления и прочее… Психиатр разберется!

- Туда не агентов засылать надо! – закричал вдруг Медников. – Все мою «летучую бригаду»! А лучше – войсковую часть! Все схроны прочесать. Всех «странников» - к стенке, без суда и следствия! И государь хочет этому учиться?!

Поняв, что ждать более просто нельзя, Зволянский вдавил в столешницу кнопку звонка, вызывая усиленный конвой.

Когда Медникова со всем возможным бережением вывели из кабинета, Зволянский злобно пошевелил губами, беззвучно ругаясь, и повернулся к притихшим Зубатову и Герасимову:

- Угробили лучшего «следака», пустозвоны!

- Да кто ж мог подумать, Сергей Эрастович! – попробовал сгладить атмосферу полковник Герасимов. – Медников известный беспоповец, старовер! Не курит, зелья на дух не переносит. Кому ж лучше своих «братьев-беспоповцев» знать, как не староверу.

- Не ты полковничьи погоны, назвал бы тебя дурнем, - вздохнул шеф. – И я-то знаю, что староверы разного толка бывают! Медников-то какого толка, а? Не знаешь? Вот и я не знаю, грешник. А там, в Костромской губернии, староверы-«странники» особого, видать, «розлива»… В общем, так: через два дня предоставить мне подробную справку о всех староверских сектах в России. И особенно – о «бегунах» этих! Понятно, соколики?

Зубатов и Герасимов переглянулись с непередаваемым выражением на физиономиях. Однако спорить с начальством поостереглись, хоть и могли сослаться на валом валившую работу с террористами и революционерами – за которую то же начальство в первую очередь и спрашивает…

РЕТРОСПЕКТИВА -5 Рождение контрразведки

Рождения первого российского контрразведывательного органа произошло в январе 1903 года. В тот день военный министр генерал Алексей Куропаткин представил молодому императору Николаю II доклад, который несколько раз пытался утвердить у прежнего императора, Александра III Миротворца. Однако тот, обуреваемый желанием реорганизации Русской армии, и слушать не желал о каком-либо ее увеличении. Более того: Александр III полагал, что создание Разведочного отделение противоречит всей его политике, ориентированной не на войну, а на мир в Европе. Никакие доводы, о том, что

совершенствующаяся с каждым годом система боевой подготовки армии, а равно разработка Генштабом стратегических планов приобретают действительное значение лишь в том случае, когда они остаются тайною для предполагаемого противника, в расчет Миротворцем не принимались. Он и слушать не желал. И не считал охранение этой тайны и обнаружение преступной деятельности лиц, выдающих ее иностранным правительствам, делом первостепенной важности.

Отсутствие «централизации» - создание одного специального контрразведывательного ведомства - было одной из особенностей России. На политической карте мира она оставалась абсолютной монархией с самодержавной формой правления. В России не было законодательных органов, а наличествовал лишь законосовещательный Госсовет. Исполнительную власть осуществляли 11 министерств – причем каждый руководитель ведомства ревниво сохранял полную самостоятельность и докладывал о своих успехах и неудачах самому царю. При этом для «всеохватности» руководители министерств вынуждены были постоянно увеличивать свою административный аппарат. Считается, что на рубеже XX-XXI веков Россия имела самую большую в мире бюрократическую аппаратную прослойку во всем мире – около полумиллиона чиновников!

Почти все высокопоставленные военные и главы силовых структур из окружения генерала Куропаткина осознавали необходимость создания единого контр-шпионского ведомства. Каждый, разумеется, видел эту борьбу со своей «колокольни». Но чаще всего понимание было близким к общему.

Задача специального органа, по мнению Куропаткина, должна была заключаться в установлении негласного надзора за путями тайной военной разведки и лицами, состоящими на государственной службе. Когда после смерти Александра Миротворца на престол взошел Николай II, генерал не сразу представил ему на рассмотрение многострадальный доклад. Он дождался очередного, достаточно громкого скандала с утечкой военных секретов России и только тогда, перекрестясь, понес мотивированные выкладки в пользу создания единого разведывательного органа при Главном штабе Русской армии новому государю.

Николай внимательно прочел доклад, ознакомился с многочисленными справками и мотивациями в пользу создания новой военной структуры и неожиданно пробормотал пару строк из завещания своего монаршего отца:

- «Помни, сын мой, что у России нет друзей. Нашей огромности просто боятся…» Тонко подмечено, неправда ли, генерал?

Куропаткин, не зная, «откуда подул этот ветер», лихорадочно подыскивал слова для ответа.

Николай по привычке дотронулся до шрама на затылке, оставленного японской катаной и вдруг спросил:

- А каким видится моему военному министру название сего особого органа?

Указанный особый орган военный министр предложил назвать "Разведочным отделением Главного штаба".

Николай II немного подумал и спросил:

- А почему решение контрразведывательных задач нельзя поручить Департаменту полиции, чей Особый отдел достаточно эффективно занимался разработкой политических партий как в России, так и за ее пределами? Ах да, вы же сами пишете на четвертой, если не ошибаюсь, странице! Как это там? "...Возложить принятие мер к обнаружению лиц, занимающихся антигосударственной преступною деятельностью, на Департамент полиции не представлялось бы соответственным. Во-первых, потому, что названное учреждение имеет свои собственные задачи и не может уделить новым достаточно сил, ни средств, а,

во-вторых, потому, что в этом деле, касающемся исключительно военного ведомства, от исполнителей требуется полная и разносторонняя компетентность в военных вопросах".

- У вас прекрасная память, ваше величество, - искренне восхитился Куропаткин.

Но Николай медлил, не говоря ни «да», ни «нет»

«Сейчас он скажет: оставьте доклад, я посоветуюсь кое с кем», - в отчаянии подумал Куропаткин. Он не сомневался, что этот «кое-кто» будет вдовствующей императрицей Марией Федоровной, к советам которой наследник трона Романовых в первые годы царствования прибегал весьма часто. В таком случае новый отказ неминуем!

Однако на сей раз советов матери Николаю не потребовалось. Придвинув к себе бювар, он размашисто написал в верхнем левом углу первого листа доклада:

«***Быть по сему. Николай***»

* * *

Кандидатура главы нового органа была Куропаткиным давно намечена. Этим главой стал 34-летний жандармский ротмистр Владимир Лавров, бывший начальник Тифлисского охранного отделения, выходец из семьи небогатого служилого дворянина, окончивший Второе Константиновское юнкерское училище весной в Санкт-Петербурге, а затем после нескольких лет службы - курсы при штабе Отдельного корпуса жандармов.

Главным и определяющим принципом работы Разведочного отделения являлась конспирация. Куропаткин в своем докладе справедливо указывал: "Официальное учреждение сего отделения представлялось бы неудобным в том отношении, что при этом теряется главный шанс на успешность деятельности, а именно - тайна его существования". В этих же целях ротмистр Лавров, возглавив фактически одно из подразделений Главного штаба, по всем документам проходил как "состоящий в прикомандировании к Штабу Отдельного корпуса жандармов", то есть подразумевалось его служба в Министерстве внутренних дел.

Костяк Разведочного отделения образовали бывшие сотрудники Тифлисской охранки: унтер-офицеры сверхсрочники Анисим Исаенко и Александр Зацаринский. Ими была сформирована бригада наружного наблюдения в составе Михаила Воронова, Александра Харитонова, Александра Зайцева, Николая Трофимова, посыльного Матвея Буканова, а также двух филеров (для собирания справок и проведения установок по месту жительства наблюдаемых) - Михаила Петрова и еще одного проходившего по отчетам под псевдонимом Вернов. Впоследствии в октябре 1903 г. к этим людям присоединился бывший старший наблюдательный агент того же Тифлисского охранного отделения губернский секретарь Перешивкин. Он занялся подбором внутренней агентуры, которая в целях конспирации проходила в документах под псевдонимами Ефимов, Жданов, Болотов, Иван, Королев, Осипов, Сидоров, Анфисов, Ларионов.

Первоочередной задачей отделения стала организация наружной агентуры, проводившаяся в условиях строжайшей секретности. Трудность этой работы состояла в том, что при наборе агентов необходимо было тщательно скрывать сам факт существования отделения. Для выхода из создавшегося прибегли к содействию охранных учреждений столицы. Первый набор составили лица, рекомендованные местной сыскной полицией. Несмотря на то что привлекались коллеги-профессионалы, они по возможности не посвящались в суть дела, так как предвиделось, что часть их в «боевых условиях» окажется несоответствующими поставленным задачам, и с ними придется расстаться.

Следующей задачей явилось формирование внутренней агентуры. И Лавров, и его непосредственный начальник генерал Куропаткин прекрасно понимали, что она должна иметь совершенно особый характер и коренным образом отличаться от агентов Департамента полиции, склонных, по оценке его директора, "к использованию

провокационных приемов". В обязанности внутренней агентуры Разведочного отделения входило пока лишь наблюдение за теми действиями и контактами лиц, которые не могут быть замечены наружными агентами. Согласно инструкции, наружные агенты действовали на улице, а внутренние - на квартирах, в учреждениях, гостиницах, ресторанах и пр. В круг обязанностей внутренней агентуры входило также наблюдение за почтовой корреспонденцией объекта.

Дополнительную трудность представляло то, что в состав наружной агентуры входили кадровые сотрудники охранных отделений Департамента полиции. Внутренняя же агентура вербовалась из окружения объекта оперативной разработки - швейцаров, дворников, лакеев, а также из лиц, находившихся с ним в постоянном или периодическом контакте. Контактов было особенно много - почтовые служащие, рассыльные, официанты, извозчики и даже любовницы «объектов» .Основополагающим принципом и здесь являлась конспирация. По мнению ротмистра Лаврова, нужно было не только подыскивать лиц, полезных для дела по своему общественному положению, но и выбирать вполне подходящих по своим качествам. И только потом, подвергнув всесторонней проверкам и даже испытаниям, склонить их к работе на отделение. Причем вести вербовку настолько ювелирно, чтобы в случае категорического несогласия «объекта» работать, или признания его неподходящим, ничем не обнаружить существование самого отделения.

Уже в июне 1903 г. отделение приступило к официальным, задокументированным операциям[1]. По данным первого отчета за этот год, плотное наблюдение установили прежде всего за военными агентами (атташе) Германии, Австро-Венгрии и Японии.

Первым был взят в разработку военный агент Австро-Венгрии князь Готфрид Гогенлоэ-Шиллингсфюрст. Выяснилось, что лично он разведкой практически не занимается, ограничиваясь периодическим сбором политической информации в дипломатическом корпусе. Однако руководство отделения исходило из того, что если не сам князь, то кто-то из его ближайшего окружения должен вести активную разведывательную деятельность. Таким человеком оказался помощник Гогенлоэ - поручик Антон Лостер. Воспользовавшись его отъездом за границу, сотрудники отделения устроили негласный осмотр квартиры австрийского офицера, находившейся в одном из зданий посольства. Прямых улик получить не удалось, но целый ряд косвенных признаков указывал на явную причастность Лостера к шпионажу.

Японский военный агент подполковник Мотоиро Акаши оказался под плотным наблюдением в сентябре 1903 года. По донесениям агентуры, он, собирая сведения по мелочам, не пренебрегал ничем. Часто посещал посольство Великобритании, контактируя с военным агентом полковником Непиром. Сбор информации Акаши осуществлял главным образом с помощью соотечественников. В частности, один из них, некий Хэда, числившийся вольным слушателем Санкт-Петербургского университета, но, как докладывала агентура, заходящим в университет замечен не был.

Делая упор на иностранцев, отделение занималось «разработкой» и российских граждан. Основанием для этого являлись, как правило, агентурные сведения об их противоправной деятельности, поступавшие от закордонных источников российской разведки. Так, на некоего Васильева, служащего Департамента торговли и мануфактур поступила информация, согласно которой он осенью 1902 г. продал одной из иностранных держав чертежи из конструкторского бюро Главного артиллерийского управления Военного министерства. За этим «торговцем» учредили слежку, добрались до его записной

[1] На самом деле, с благословения военного министра генерала Куропаткина Разведочное отделение начало формировать свой костяк и тайно проводить операции в России и за рубежом полутора годами раньше.

книжки, где удалось обнаружить шифрованные записи и список центральных военных учреждений. Вывод был однозначен: Васильев – предатель!

Аналогичным образом проводилось расследование преступной деятельности начальника 9-го отделения Главного интендантского управления действительного статского советника Петра Есипова. Как следует из отчета, он был взят под наблюдение ввиду установленной тождественности его с тем лицом, которое по указанию заграничного источника продает секретные военные сведения в Австрию. И, между прочим, доставило в текущем году в Вену 440 листов одноверстной карты. В ходе разработки сотрудники отделения установили и задокументировали связь Есипова с австрийским разведчиком.

Таким образом, менее чем через полгода после начала работы, отделение не только достигло стабильного уровня в своей деятельности, но и добилось конкретных оперативных результатов.

В конце декабря 1903 года японский военный агент Акаши получил по городской почте письмо, до которого агенты Лаврова добрались раньше получателя. Письмо было совсем коротким: "***Буду на другой день в то же время. Ваш N 1***". Было принято решение усилить наружную агентуру и срочно организовать внутреннюю. В результате проведенных мероприятий выяснилось, что квартиру помощника Акаши, капитана Тано посещает неизвестный русский офицер. Приходил он регулярно, по субботам, во второй половине дня, и оставался в квартире остается примерно час. В это же время туда приезжал и сам Акаши.

В середине января 1904 года Тано, за которым установили плотное наружное наблюдение, получил по почте записку: "***Завтра в 4 часа буду у вас***". Следующим днем было воскресенье. С учетом того, что незнакомец обычно навещал Тано по субботам, наблюдение решили продолжать два дня. И в тот же день был зафиксирован визит в квартиру Тано некоего офицера. В результате проведенной установки выяснилось, что это был штаб-офицер по особым поручениям при главном интенданте ротмистр Ивков.

Уже к концу февраля было принято решение задержать Ивкова по обвинению в шпионаже в пользу иностранной державы. На ход событий повлияло и начало в ночь на 27 января Русско-японской войны. 26 января японские дипломаты, в том числе и военный агент, покинули Петербург и выехали в Стокгольм, откуда Акаши продолжил свою разведывательную деятельность против России.

26 февраля Лавров под благовидным предлогом пригласил Ивкова в Санкт-Петербургское охранное отделение и предъявил ему обвинение в государственной измене. Как следует из протоколов допроса, Ивков после некоторого колебания признал себя виновным показав, что он передавал Акаши и Тано различные секретные сведения военного характера. Это был мобилизационный план, дополненный другими «разнокалиберными» данными. В ходе допроса были получены и другие факты шпионажа, подтвержденные наружной агентурой. Так, 2 февраля Ивков передал секретные сведения германскому военному агенту барону фон Лютвицу, получив за них 2000 руб. На квартире Ивкова в ходе обыска контрразведчики обнаружили копии частей мобилизационного плана русской армии.

Дело ротмистра Ивкова получило непредвиденную развязку. В докладной записке отмечалось, что ко времени окончания предварительного следствия Ивков, находясь в заключении, окончил свою жизнь самоубийством. Принимая во внимание высокий уровень организации тюремной системы Российской империи и строгий контроль за заключенными, проходящими по столь серьезной статье, как государственная измена, такое казалось маловероятным. К тому же, ни одно из ведомств, причастных к расследованию, не было заинтересовано в доведении дела до суда, в ходе которого пришлось бы предавать гласности факт работы Разведочного отделения против военных

агентов иностранных государств. Совокупность фактов позволяла с большой долей вероятности утверждать, что Ивкову или «помогли», или не помешали уйти из жизни.

Позже высокую оценку этому делу и роли в нем ротмистра Лаврова дал начальник Главного штаба генерал Сахаров в письме на имя министра внутренних дел Вячеслава Федоровича Плеве: В служебной записке на имя Плеве было отмечено, что, несмотря на равенство в чине и звании, начальник Разведочного отделения сумел задержать Ивкова без всякого с его стороны сопротивления и без огласки. А позже вынудил его сразу же признать свою виновность и дать подробные предварительные показания. Письмо заканчивалось ходатайством о присвоении Лаврову звания подполковника.

Успехи отделения вызвали вспышку зависти в Департаменте полиции, считавшем контрразведывательную работу одним из своих направлений. В начале 1904 года при Санкт-Петербургском охранном отделении "устроилось", по изящному выражению одного из его учредителей, "специальное отделение по разведке военного шпионства". Основной его целью, как указывалось в документе, являлось наблюдение за иностранными морскими военными агентами.

Сейчас уже трудно установить, чьему решению обязана своим рождением эта дублирующая служба. Скорее всего, ее образование стало следствием деятельности сотрудника Департамента полиции Ивана Манасевича-Мануйлова, организовавшего агентурную сеть для разработки японских миссий в Стокгольме, Гааге, Лондоне, Париже в связи с началом Русско-японской войны. Сперва Мануйлову удалось добиться определенных успехов, однако общая оценка его трудов со стороны руководства Департамента полиции оказалась достаточно сдержанной. Поэтому неудивительно, что по возвращении в Петербург Мануйлов решил компенсировать отсутствие оперативно значимых результатов за границей активной разработкой военных атташе иностранных держав в России. Но здесь он не мог не войти в достаточно жесткую конфронтацию с Разведочным отделением.

Поначалу соперничество не переходило в откровенное противоборство. В мае 1904 года сотрудниками новоявленного органа контрразведки было установлено наружное наблюдение за английским подданным Джоном Маршаллом, служащим Санкт-Петербургских морских верфей. К тому времени отделение Лаврова успело собрать о нем достаточно сведений, позволявших сделать вывод о шпионаже в пользу военного атташе Великобритании полковника Непира и военно-морского атташе капитана Кальторна. Когда Лаврову доложили, что за британцем ходят «топтуны» из Департамента полиции, он, стремясь избежать недоразумений между своей и чужой бригадами наружного наблюдения, слежку за Маршаллом велел прекратить.

Однако этот жест профессиональной вежливости был, видимо, расценен коллегами из МВД как признак слабости. В середине августа Лаврову доложили, что сотрудники Департамента полиции предпринимают попытку вербовки доверенного лакея барона Лейонхювуда, военного атташе Швейцарии, давно уже завербованного агентами Разведочного отделения. Через неделю была зафиксирована новая попытка вербовки прислуги полковника Непира. Тот, будучи на связи у одного из сотрудников Лаврова, доложил, как и его коллега-лакей, о случившемся. Подобная деятельность сотрудников политического сыска документировалась Разведочным отделением и неоднократно докладывалось начальнику военно-статистического отделения ГУГШ. Но это не остановило ретивых конкурентов.

В конце августа Лавров был вежливо приглашен в Департамент полиции, где сам Мануйлов сообщил о якобы данном ему «с самого верха» поручении преобразовать существующее четыре месяца Разведочное отделение в более масштабный орган по

образцу Парижского разведочного бюро. Но Лавров, сославшись на отсутствие надлежащих полномочий, наотрез отказался даже обсуждать этот вопрос.

Конфронтация двух служб продолжалась до конца 1904 года, а к январю следующего едва окончательно не парализовала Разведочное отделение. В одном из рапортов того периода Лавров докладывал Куропаткину: "***При таких условиях Отделение не может выполнять возложенных на него задач, а потому прошу указания относительно направлений дальнейшей деятельности*** ". Реакция на этот доклад Главного штаба не известна, но показательно, что годовой отчет за этот год начинается с горького признания Лаврова о том, что нынче Разведочное отделение осталось все в том же стесненном положении, которое создал ему Департамент полиции в предшествующем году. Сотрудники Департамента полиции, уже без Мануйлова и Лопухина, по-прежнему продолжали разработку тех «объектов», которых считали нужными, при этом постоянно вторгаясь в сферу деятельности отделения. Так продолжалось до конца июня 1906 года, когда существовавшее в полиции «специальное отделение по разведке военного шпионства», коим стал заведовать ротмистр Комиссаров, было упразднено.

После «устранения конкурента» Разведочное отделение получило новый импульс, о чем наглядно свидетельствует оценка работы Лаврова руководством Военного министерства. В декабре 1908 года ему присвоили звание полковника, а через два года за разоблачение разведывательной деятельности австро-венгерского военного атташе, приведшее к его выдворению из России, он был награжден орденом Святого Владимира.

Любопытно, что, будучи в прошлом жандармским офицером, Лавров твердо и последовательно отстаивал возглавляемое им новое подразделение военного ведомства, зачастую действуя наперекор своим бывшим коллегам, наталкиваясь порой на непонимание и равнодушие в высших правительственных кругах, но при этом неуклонно проводя порученную ему государственное дело.

* * *

Активизация иностранных разведслужб в России, порожденная как политической обстановкой того времени, так и несовершенством российского законодательства, заставила в конце концов верхушку империи предпринять усилия по созданию эффективной системы контрразведывательных органов, выработке единого "Положения о контрразведке", а также пересмотру соответствующих статей Свода законов Российской империи. В 1908-1909 годах в Петербурге прошли два совещания на весьма высоком уровне, в ходе которых были определены меры по реализации намеченного. Но только в 1910 году принимается решение об организации единой службы контрразведки при Военном министерстве. Тогда же его сотрудники приступили к написанию "Положения о контрразведывательных отделениях", утвержденного военным министром Владимиром Сухомлиновым в июне 1911 года. В этом основополагающем документе задачи контрразведки были сформулированы четко и ясно: контрразведывательные отделения в войсках учреждаются для борьбы с военным шпионажем и вообще для препятствия тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам обороны империи.

Таким образом, если Разведочное отделение Главного штаба являлось немногочисленной, хорошо законспирированной службой, не имевшей в империи филиалов, то контрразведывательные отделения в десяти военных округах в 1911 году были в состоянии оказать существенное противодействие иностранным спецслужбам не только в столице, но и во всех стратегически важных регионах Российской империи.

* * *

На Таврической «лихач» притормозил лошадь, получил положенную мзду и умчался. Потопав затекшими ногами и по привычке бросив незаметный взгляд по сторонам Лавров

со скрытым удовольствием отметил вывеску на доме под номером «17», которой еще три дня назад не было:

Перестраховочное товарищество на паяхъ

«ЗЛОБИНЪ и компания»

Все віды страхованія!

За застекленной на европейский манер дверью маячила чья-то любопытная физиономия в фуражке с синей ленточкой и надписью «Курьеръ».

Улица была небойкой, прохожих немного. В соседнем доме в разобранном дверном проеме возились рабочие. На огороженной части тротуара громоздились штабеля кирпичей, лежали инструменты и высился ящик с цементом, заботливо прикрытым от сырости мешковиной.

Хмыкнув, ротмистр, одетый нынче в цивильное, толкнул дверь «перестраховочного товарищества», с удовольствием огляделся: контора как контора. Четыре письменных стола за традиционным невысоким барьером, пальма в кадке. Для посетителей – казенного вида диван с небольшим столиком и несколько стульев.

Навстречу ротмистру уже спешил оставленный за главного в отсутствие начальства старый знакомец Евстратий Медников. После потрясшего главу «летучего отряда» контакта со «странниками» Евстратий некоторое время лечился у профессора Бехтерева, поправился и вошел было в обычную колею, однако Лавров уже имел на него свои виды и без особых усилий переманил «сыщика от Бога» в свое отделение.

- Ежели не ошибаюсь, господин Перешивкин? – явно дурачась, поклонился вошедшему «посетителю» Медников. – По делу о пропавшем на станции грузе, ваше степенство? Ваши бумаги уже у начальства, извольте следовать за мной!

Евстратий торжественно провел «коммерсанта» мимо четверых «конторщиков» в белых сорочках с сатиновыми нарукавниками, которые усердно перекладывали какие-то бумажки, с треском крутили ручки ставших модными арифмометров «Odnner[1]». Пятый, в черном сюртуке и за столом побольше – очевидно, старший конторщик – говорил по телефону. Курьер на табуретке под пальмой – помнится, тоже из «летучего отряда» Медникова - Матвей, кажется - усердно зевал во весь рот и лениво листал газету.

Лицо одного из конторщиков тоже было ротмистру Лаврову знакомым. Прищурившись, он вгляделся, и тут же узнал Михаила Петрова, славившегося феноменальной памятью на лица агента из «охранки» – ставшего нынче архивариусом РО. Михаил тоже поднял голову, равнодушно взглянул на «посетителей», и, неожиданно, прикрывшись бумагой от соседа, заговорщицки подмигнул Лаврову в знак узнавания.

- Нам туда, - Медников кивнул на дверь в глубине зала, над которой висела табличка «Служебное помещение».

В задней комнате, как и предполагалось, были отгорожены две кабинки с надписями «WC», причем на одной висело предупреждение «Просим простить! Удобства временно не работают!»

Медников, тем не менее, направился к «нерабочей» кабинке, нажал на неприметную кнопку, и боковая панель отъехала в сторону, открывая ход на освещенную лестницу. На верхней площадке лестницы Медников, сам нынче одетый в модное статском платье американского образца, исправно щелкнул каблуками и поклонился:

---

[1] Механическая вычислительная машина, предназначенная для точного умножения и деления, а также для сложения и вычитания. Вильгодт Однер – шведско-русский механик, изобретатель ряда машин, в том числе и удачного арифмометра «Однер».

- Ну, как вам вид нынешней конторы, ваше благородие? Соответствует? Тогда добро пожаловать в свой кабинет, господин ротмистр!

- Молодец, Евстратий, постарался! –дружески похлопав его по плечу, Лавров мимоходом провел пальцем по свежему «шраму» на левой щеке, мимоходом заметил. – Поправить бы надо шрамик: вчера он у тебя ближе к уху был и чуть пошире внизу. И про прическу не забудь – колер потемнее нужен! Ну, показывай наше хозяйство далее, Евстратий!

- Я здесь, ваше благородие, не Медников, а наблюдательный агент первого класса Александр Харитонов, - поправил начальника старый «сыскарь». – А вы, господин Лавров, мой непосредственный начальник, вице-директор Перестраховочного товарищества Семен Семеныч Перешивкин!

- Мог бы и поприличнее имечко подобрать, Евстратий! – хмыкнул Лавров, проходя в предупредительно распахнутые «Харитоновым» двери.

Тот поднял плечи в клетчатом пиджаке и развел сокрушенно руками, словно говоря: вам, начальству, сроду не угодишь! Имя как имя…

Скромный кабинет директора Разведочного отделения был самым обычным. Письменный стол, ряд шкапов во всю стену, уголок отдыха с небольшим диваном и журнальным столиком. Усевшись за свой рабочий стол, Лавров кивнул Медникову, и тот немедленно опустился в кресло напротив, тут же словно стерев с лица улыбчивую доброжелательность:

- Ничего не понимаю! – обидчиво начал старый сыщик. – Мне от вашего имени передали, ваше благородие, что личина Медникова в столице пока вообще non grata[1]. Чем вашему благородию имя Евстратия не угодило? И как мне в дальнейшем жительство в Петербурге иметь, ежели перечень лиц на службе Разведочного отделения высочайше утверждается поименно?

- А он действительно утверждается поименно! – с улыбкой заметил Лавров. – Только нам с генералом Куропаткиным удалось убедить Николая Александровича[2], что ни в одной цивилизованной стране мира подлинных фамилий в подобных перечнях по соображениям конспирации нет. Вот он и утвердил псевдонимы!

- Лихо! – покрутил головой «Харитонов». – Так у меня, господин «Перешивкин», половина столицы в знакомцах числится! А ежели опознают как Медникова и донесут?

- Выкрутимся! – небрежно махнул рукой Лавров. – Значит, будем работать, господин Харитонов! Прямо с сегодняшнего дня! Нынче у вас встреча с господином фон Люциусом. Желательно – в том же Яхт-Клубе: тамошняя обслуга, видевшая вас в обличье Полонского не столь давно, никаких сомнений не испытает! Так что телефонируйте ему – и с Богом! Карты он Соломону передал –тебе ведь сказали?

- Но почему я, Владимир Николаевич? Какое же из меня его благородие, хоть и в этом клетчатом американском «лапсердаке»[3]? Вмиг раскусят!

- Может, и раскусят, только виду не попадут, Евстратий! Ты для Люциуса – управляющий имением господина Полонского. И этому образу твоя внешность вполне соответствует, – серьезно поправил Лавров. – Не старческий же маразм у Люциуса, в конце концов! Он ведет какую-то игру, но ее правил мы пока не знаем! Надеюсь, после сегодняшнего свидания с ним что-нибудь прояснится…

---

[1] Латинское выражение «non grata» – нежелательная персона, применяется, в основном, как дипломатический термин.

[2] Император Николай II.

[3] Вообще-то лапсердаком в те времена называли старинный долгополый сюртук у польских и галицийских евреев. Именуя так клетчатый пиджак, Медников вкладывает в это слово насмешливую пренебрежительность.

- А ежели он просто заманивает «липового» управляющего Полонского этими картами, а меня просто застрелят, чтобы Люциус мог реабилитироваться, так сказать? - вставил слово Медников.

- Если Люциус вышел, таким образом, из доверия, то хоть кого он застрели – доверия не вернешь! Кстати: «хвоста» за вами с вокзала не было, господин Харитонов?

- Обижаете, Владимир Николаевич! – оскорбился Медников. – Сколько лет в этом «котле» варюсь…

- Не надо обижаться! Как и расслабляться никогда не надо. Ладно, позже подробнее поговорим. Поезжай к Архипову, Евстратий, и телефонируй Люциусу из его дома! Отсюда – ни Боже мой! Я не исключаю, что у него могут быть свои люди на телефонной станции.

Медников пожал плечами, встал, подошел к одному из шкафов, тронул неприметный рычаг – и шкаф мягко «выехал» из стены, открыв за собой лестницу, ведущую куда-то вниз.

Заметив удивленно поднявшиеся брови начальства, он объяснил:

- Вы, ваше благородие, верно думали, что мы тут всего за девять дней вашего отсутствия такую работу по обустройству «конторы» провели? Ан нет, господин ротмистр! По этому адресу тут раньше любовное гнездышко неких высокопоставленных особ числилось, и все эти ходы-выходы нам в наследство остались. Еще один выход сейчас только делается, из соседнего дома – видели рабочих на тротуаре? Там откроем еще одну безобидную контору и будем «нырять», в случае чего, через нее!

- А сейчас куда ты через эту лестницу выйдешь? – не утерпел начальник.

- На соседнюю улицу, через квартиру, которая вечно сдается, но никогда не будет сдана. Тоже в наследство нам досталось! – довольно рассмеялся Медников. – Только вооруженную охрану там свою поставили, под видом консьержа с женой – чтобы с тылу к нам никто не подобрался! Ну, благословите, ваше благородие!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дипломатия начальника «охранки»

Вызов начальства, тем более неожиданный, как правило, не сулит нижнему чину никаких радостей. То ли старый грех какой вскрылся, то ли доносец враги подкинули, то ли задумало начальство неожиданным заданием «осчастливить» - да еще таким, что не приведи, Господи! Поэтому и шли матерые сыскари к начальнику «охранного отделения» без всякой радости. Шушукались: то ли умишком тронулось начальство, то ли мир изменился настолько, что и не разобрать – для чего их нелегкая служба назначена.

Подумать только: словно забыло начальство про социалистов и террористов. На первый план у него вышел интерес к сектантам всяким. Отчего, почему – Бог весть! Может, революционная дрянь под бородатых беспоповцев «косить» начала?

Вот и Серафиму Козлову, «сыскарю» пятого года службы, имеющему немалый опыт и зубы на бомбистах съевшему, полковник Герасимов поручил разыскать в столице – ну, кого бы вы думали? Сходку социал-демократов? Типографию подпольную? Фигушки! Товарищам и сказать-то стыдно: поручено Серафиму в трое суток сыскать в Северной столице старца «филипонов», который, по сведениям его высокопревосходительства, нынче в Петербурге объявился.

Собственно говоря, Серафиму все равно, кого сыскать требуется – хоть дьявола с рогами, лишь бы сведения о его местопребывании точны были. Посоветовался, конечно, Козлов с Евстратием Медниковым, который пока в видах сильнейшего нервного потрясения от оперативной работы был начальством пока отстранен и перебирал бумажки в канцелярии.

Тот и присоветовал Серафиму – куда пойти, кого спросить. Мастак, даром что сам беспоповец, у кого еще тогда и спрашивать?

В общем, нашел Козлов того старца, который на вид и вовсе не старцем оказался, а вполне крепким мужичком лет этак 50. Получив через Серафима приглашение – то было особо начальством подчеркнуто: не за шиворот волочь в участок, а бережно обращаться – тот «филипон» сопротивляться не стал, сел рядом с Серафимом в пролетку и чинно-мирно был доставлен на Гороховую.

Робяты-товарищи, конечно, зубы над Серафимом помыли. С деланным беспокойством спрашивали: не слишком ли много хлопот задержанный «филипон» доставил? Не опасно ли, мол, этакую «добычу» без браслетиков в приемной у начальства оставлять?

Стерпел насмешки Серафим, отрапортовал адъютанту-порученцу в приемной комнате полковника: так и так, человечек по приказанию его высокопревосходительства доставлен.

Нырнул порученец в дверь начальственную, доложил и тут же выскочил обратно, подмигнул даже: не дрейфь, мол, брат! Все в полном порядке! И «пятерик» премиальных от полковника передал: спасибо, мол! Спасибо, и три дня отгулов за верную службу!

«Филипона» же адъютант без особого почтения пихнул в спину: походи, мол, не засти тут! Серафим в приемной потоптался и с досады, что не пригласили его с сектантом, пошел «пятерик» начальственный пропивать, пару товарищей-«сыскарей» даже позвал для компании.

Полковник же встретил «филипона» тоже радостно, будто приятеля.

- А-а, беспоповец! Заходи, заходи, чего стесняешься! Садись! Другому бы рюмаху предложил – но ты же ведь не употребляешь! Чайку, может, тогда спросить у порученца? Чай-то по вашей вере не запрещен, поди?

- Никак нет, ваше превосходительство! От чайку бы не отказался.

Герасимов звякнул колокольцем, приказал: два чая! Помедлив, добавил:

- И одну рюмку «шустовского», штабс-капитан…

Опрокинув рюмку, кинул в рот следом ломтик лимона и в упор уставился на гостя:

- Как тебя звать-величать, любезный? Агафоном, говоришь? Ну, пусть будет Агафон! Ну, а я кто таков – тебе мой «сыскарь» по дороге растолковал, поди? Не обижал он тебя действием, или словом плохим, Агафон? Нет? Ну и ладно! А велел я найти тебя, друг любезный, вот по какой причине: желаю я с тобой посоветоваться! Как с первым специалистом по «беспоповству», ха-ха-ха! Своим, так сказать, доморощенным!

Гость позволил себе слегка насупиться: разговоров, а тем паче подначек о своей вере он не любил. Но начальству все позволительно, да и никогда Герасимов не позволял себе зубы скалить над сектантами. А то, что беспоповцем называл – так оно так и есть, ничего обидного. Размышляя над этим, Агафон терпеливо ждал, когда же полковник перейдет к сути дела? Сердчишко екало, конечно – слаб человек, ничего не поделать тут…

Человеком, меж тем, приглашенный «филипон» был весьма весьма образованным. И знал, спроси-ка его! - что исходной формой религиозного сектантства в России явилось старообрядчество – целый ряд религиозных течений, отрицавших обрядовую форму русской православной церкви, осуществленную еще патриархом Никоном две сотни лет назад. Знал он и то, что старообрядчество жестоко преследовалось царской администрацией и официальной церковью. Спасаясь от репрессий, старообрядцы всех толков бежали в труднодоступные малозаселенные местности – кто в Поморье и Заволжье, кто на Дон или Яик, кто в Сибирь, а то и вовсе за рубежи России. Тем не менее, крупнейшим духовным и организационным центром старообрядчества была Москва.

К старообрядчеству издавна примыкали различные слои общества: две сотни лет назад среди ревнителей старой веры и боярство, и стрельцы, ну, и крестьянство с посадским населением были. Именно неоднородность приверженцев старой веры и

обусловила наличие большого числа толков, на которые разделилось старообрядчество. Основными же течениями старообрядчества являются беспоповщина и беглопоповщина.

- Открою тебе, Агафоша, секрет: нынче Государственный совет совместно со Святейшим Синодом обсуждают проект Высочайшего Указа "Об укреплении начал веротерпимости". Оно, наверное, и вправду пора. Тем паче, что даже беглое знакомство с вероучением старообрядческих течений и толков всякого умного человека приведет к выводу, что религиозная догматика у всех направлений едина. Более того: по своей догматике старообрядчество почти ничем не отличается от православия. Так ведь?

Гость молча кивнул, теряясь в догадках: зачем же его, собственно, позвали? А Герасимов, изредка все ж поглядывая в свои пометки, продолжал:

- Все толки и согласия старообрядчества признают непререкаемой истиной христианский "символ веры". Как и все христиане, приверженцы старообрядчества следуют букве Священного Писания, разделяют библейские представления, верят в богооткровенность Ветхого и Нового заветов. Так, Агафоша? А коли так, то и обсуждать, собственно говоря, вроде как и нечего, верно? Ан нет, любезный! Споткнулись наши ученые и государственные мужи, - Герасимов открыто скосил глаза на малоупотребительное в его практике слово. – На эсхатологии, вот! То бишь, на религиозных мифах о скором конце мира. Готовясь к этому концу света, одни умирали голодной смертью, другие сжигали себя, третьи строили гробы, чтобы лечь в них перед Вторым пришествием, читали друг над другом молитвы, отпевали друг друга. Были еще и омут, и топор, и нож…

- Так такое раньше было, господин полковник, - позволил вставить гость Агафон. – И то не все толки заранее к концу света готовились. Мой толк, к примеру, хоть скорый конец света тоже зрит, а ускорять его смертоубийствами отвергает напрочь!

- Правильно, Агафоша, - стал серьезным Герасимов. - Иначе я бы с тобой, брат, и вовсе не так разговаривал! Да и сам бы ты к «слугам антихристовым» на разговор не пошел бы, верно? На веревке тащить пришлось бы! Однако в другом ты неправ, гость мой дорогой! Не все костры еще потухли, братец! Да что костры – и топят своих же, единоверцев, и душат специальными «красносмертными» подушками. Сейчас, пока мы с тобой беседы беседуем, наверняка где-то на Волге или за Уралом старцы разные свой авторитет укрепляют и гнобят людей! Что, не слыхал никогда о таком, Агафон? Честно?

- Ежели честно? Доходят иной раз слушки подобные. Да верить ли им?

- Ты христофоровцев знаешь ли, Евстратий?

- Слыхал, конечно. Из «страннического» толка, безпоповцы. Но знакомства с ними не водил никогда, вот те крест

- А если я тебе скажу, Агафон, что только за последние три года эти самые христофоровцы умертвили не менее 60 человек? Причем, имена 47 из убитых были недавно подтверждены розыскными мероприятиями и следствием? Ежели добавлю, что около половины умерщвленных - моложе 30 лет, из последних половина - молодежь от 15 до 23 лет, да трое и вовсе детей? Христофоровское подполье истребляет людей, которым жить бы да жить, братец!

«Филипон» поерзал на краешке кресла и опустил голову, будто сам имел какое-то отношение к христофоровцам. Герасимов вытянул из кипы папок на столе нужную, раскрыл на заложенной странице и подвинул к нему:

- Вот секретное донесение Вятского губернатора на имя министра внутренних дел – тот его мне поспешил переслать, разумеется! Читай, Агафоша, тебе можно, дозволяю!

Прочитав, Агафон осторожно положил казенную бумагу, пестревшую страшными цифрами, на краешек стола. Перекрестился двоеперстно, пошептал что-то одними губами.

- Прочел? А теперь меня послушай, на словах-то оно интереснее всегда – как все это открылось! Месяц назад к земскому врачу Фельдману обратился крестьянин вятской губернии Иван Ситников. Как уже потом выяснилось – из «бегунов», но с чином «благодетеля». Им, благодетелям, дозволяется и Антихристу служить, и с прочим миром общаться. Не за красивые бороды, конечно, а по нужде сектантской. «Бегунам»-христофоровцам тоже ведь есть-пить надо, верно? И прятаться от мира надобно – вот «благодетелям» сие и поручено – их всем потребным обеспечивать. Но я отвлекся, Агафон: про все это ты и сам знать должен. Так вот, горе было у того крестьянина: внучок десятилетний ослеп внезапно…

Герасимов еще раз брякнул колокольцем, и приученный к порядку адъютант, не спрашивая, занес в кабинет на подносике цельную бутылку «шустовского» и тарелку с нарезанным лимоном. Налил начальнику рюмку, пожелал вполголоса приятного аппетита, и выскользнул прочь. Герасимов рюмку в пальцах покрутил, но пить пока не стал.

- Так вот, ослеп, стало быть, внучок… Врач дотошным оказался, мальчонку осмотрел и старика Ситникова обнадежил. Приводи, мол, через недельку мальца – а я кой-какие журналы медицинские новейшие погляжу, посоветуюсь с коллегами: сдается мне, что вылечить мальчишку вполне возможно! Зарылся в книги Фельман тот, даже на депеши учителям своим в Петербург и в Женеву разорился, и понял доподлинно, что болезнь у мальчонки того вполне излечима! А дед все не едет, да не едет – будто все едино ему: слыпым мальчонка останется, либо свет белый снова узреет.

Фельдман, недолго думая, телегу с лошадью у кого-то выпросил, да и поехал в Шишково – свой адрес дед ему успел дать. Приезжает, находит дедка, говорит ему: хочу тебя, старик, порадовать! Могу я твоему внуку снова свет белый показать! С гарантией, так сказать! А Ситников в слезы: некого, мол, больше лечить: помер внучок! - Как помер?! Здоров же был, я ж его самолично осматривал! Дед на своем стоит: помер, и все! Что Фельдману делать осталось? Поехал обратно. Через несколько верст чувствует – вроде как следит за ним кто-то из леса, кустами перебегает, а близко не подходит. Доктор сначала испугался: может, волк или лиса бешеная? Стал внимательнее посматривать, револьвер приготовил. Глядит – человеческая вроде фигура мелькает, бабья – волосы ниже пояса. Фельдмана словно кто надоумил: лошадь остановил, припасы достал и начал перекусывать. Тут оно из кустов и выбралось!

- Кто – оно? -подался вперед «филипон».

- Баба одичавшая, худая да грязная, в рванине немыслимой. На колени стала, хлебца кусочек попросила. Доктор один кусок ей, как собаке, кинул – проглотила. Еще просит, а близко не подпускает. Ну, Фельман-то ученый человек. Видит, дело тут нечисто. И хлеб давать боится: знает, что от долгого голодания заворот кишок у человека получиться может. В следующий кусок порошку сонного пальцами намял – баба-то немного погодя и уснула! Доктор ее на телегу – и в земскую больницу. Там все постепенно и выяснилось – когда бабенка молодая успокоилась и соображать стала, что худого ей никто делать не собирается. Месяц, оказывается, в лесу пряталась от старца своего и его «апостолов». Ее Харитон и «подвиг» утопления делать заставлял, и в баньку угарную с тремя бабами запирал, и похоронил заживо.

- Как же она в лесу месяц выжила-то, господи?

- Кору драла, ягодки кое-где попадались. Зайца как-то в силке нашла – тот давно подох, а все одно сырым съела, - Герасимов передернулся от отвращения, рюмку поскорее в рот опрокинул. Отдышался и продолжил. - Иногда бабенка та ближе к Шишково подбиралась, и пока пастух спал, у коровы своей бывшей молоко прямо из вымени сосала. Другие-то коровы не подпускали ее, лесом от нее пахло, да и вид дикий был… В общем, доктор ее показания на бумагу заносил – когда у бабы той просветление в мозгах

наступало. А потом к становому отправился. Тот не верит – к полицмейстеру пошел вятскому доктор, до губернатора добрался. Евреи – они ведь упрямые! И губернатор вроде как вилять начал, а доктор посулил в Петербург ехать: родня у него в столице, как оказалось, именитая, в большие кабинеты вхожая. Губернатору только и осталось, чтобы отдать приказ подведомственным ему полицейским силам, воинской команде и пожарникам проверить страшные показания, доктором от бабы одичалой записанные.

Выпив еще рюмку, Герасимов продолжил:

- Таисия Крюкова – ну, та, кого доктор в лесу нашел – хоть умом маленько и тронулась, а все до тонкостей рассказала и даже на схеме показала «скрытню», луг, на котором тела убиенных закапывали, фамилии перечислила, кои знала – чьи гробы-то пустыми на погосте похоронили. Да! Забыл сказать про внучка: позже выяснилось, что кто-то старцу донес про визит старика Ситникова к врачу. Забрал старец мальчонку и утопил в бочаге. И свидетельница позже нашлась, некто Зоя Чазова – из «странниц», исполняющих роль курьера. Посулив мальчику "райские яблоки" на том свете, старец отвел его к болоту, обвязал полотенцем и погрузил в воду с головой. Да еще толпу собрал, кричал: смотрите, дескать! Мальчонка несмышленый совершил подвиг, чтобы получить венцы небесные, а вы, взрослые, не решаетесь! Смотри, Агафон!

Потрясенный сектант листал толстый альбом с фотографиями, на которых были запечатлены мертвые тела в разной степени разложения.

- Это солдаты с полицейскими по лугу со щупами стальными прошли, - пояснил Герасимов. – Всех ли выкопали, не знаю. Многим, говорят, плохо стало. А на погосте, там, где Крюкова указала, пустые гробы закопанные нашли. Народ-то там дикий, фанатичный, все больше молчал и про старца, и его дела. Двоих, кроме Крюковой, только и удалось «разговорить». Старца арестовали поначалу, но доказать причастие к массовым убийствам не смогли. Свидетелей не сыскали, а кого сыскали, тех адвокаты сумасшедшими объявили. Так и отпустили ирода – нынче он, говорят, в двадцати верстах всего, на речке Лузе новый Починок организовал. Так-то, брат!

- Зачем вы мне все это рассказали и ужас сей показали, ваше превосходительство? – с надрывом простонал «филипон». – Отдайте приказ, пусть ваша команда мелким чёсом по тем местам еще раз пройдет. Сыщите Харитона… Его и прихвостней ближних, чтобы «аблакаты» опять невинными не признали, пострелять можно – при оказании сопротивления, али попытке к бегству. Оно грех, конечно - так иначе ведь всех-то не переловить! Новый «гнойник» откроется…

- Да и найдут ли, Агафон, тех злыдней мои «волчары-сыскари»? – вздохнул полковник. – За две сотни лет ваш брат, старообрядцы то есть, прятаться научились будь здоров! А позвал я тебя вот для чего: хочу необычное дело поручить, дипломатического, скажем так, свойства.

- Да какой же из меня дипломат, господин полковник!

- Помолчи, Агафон! Заберешь этот альбом, другие бумаги, которые я тебе дам и своему старцу-наставнику снесешь. На словах скажешь: так и так, мол, собираются власти послабление дать всем иноверцам. Дозволить им не прятаться, а открыто переходить в свою веру, отправлять свои службы и не получать от властей никаких препятствий. Но не за просто так: изуверства и человекоубийства, как у Христофора, власти не потерпят. Выход один: собрать старцев на тайный собор… Помолчи, говорю, Агафон! Твое дело – передать! Так вот: собрать тайный собор всех толков, и на том соборе от Христофора отмежеваться. Признать его толк вредным для старообрядчества. Когда вести об умерщвлении «скрытниц» в вятском пределе, подтвержденные документально, дойдут до вашего центра, старцы непременно встревожатся. Паства их, тайно рассеянная на огромной территории, не столь уж и велика, чтобы можно было одобрять ее истребление – это

первое. А второе, и главное: старцы-наставники далеко не дураки, и прекрасно поймут тяжесть последствий этих преступлений. Передашь: не отмежуются от Христофора, не объявят еретиком, а его смертоносные проповеди не имеющими общих корней с древнеправославной верой – тогда будет настоящая война! Сейчас вашего брата, сектанта, преследуют – а потом вдесятеро больше гонять станут! Высочайшего Указа "Об укреплении начал веротерпимости" вам не видать, как своих ушей! Да что там Указа! Синод Священный все свои религиозные ресурсы бросит на старообрядцев. С амвонов анафеме предавать будут, натравливать прихожан… Оно вам надо?

- Не знаю, господин полковник… Не ведаю – послушает ли меня наставник мой? Не усмотрит ли в призыве о собрании тайного собора ловушки? Почем знать: вдруг власти того и желают – собрать всех старцев разных толков в едином месте, да и прихлопнуть!

Полковник рассмеялся:

- Прельстительно, конечно, такое сотворить. Но глупо! Сам подумай: пойдя на такое, власти сделают из старцев-наставников мучеников веры. Тогда их именами будут от Антихриста спасаться. Нам, власть предержащим, этого надо? То-то! Ступай, Агафон! Честью офицера клянусь, что никто не пойдет ни по твоему следу, ни по следам гонцов-курьеров, кои, в случае согласия старца твоего, отправятся к прочим старцам, народ на собор собирать!

- В таком разе из Петербурга мне выехать на несколько дней надобно будет, господин полковник!

- В Москву? – понимающе подмигнул Герасимов. – Думаешь, Агафоша, я не знаю заветного адреса? Смотри!

Оторвав клочок бумаги, он размашисто написал московский адрес, показал бумагу гостю-«филипону» и тут же бросил ее в камин.

- Так что смело отправляйся, братец! Билет на поезд тебе уж заказан, прогонные по моему приказанию получишь в нашей кассе…

- Казенных денег на сие дело не возьму, - набычился Агафон. – За великим Божьим делом поеду, слава Господу нашему!

- Твое дело, - пожал плечами начальник «охранки». – А вот грамотку охранную – или как она у вас там называется? – захвати! Белокаменная большая, и дураков в ней хватает. Дело не афишируется – вдруг кто выслужиться из полиции захочет? А ты ему бумагу от меня – в зубы!

Подумав, «филипон» кивнул.

* * *

Все, в конечно итоге, вышло по задумке Герасимова - хотя сначала Агафона к старцу-наставнику и допускать не хотели ближние люди. Пробился он все ж в заветную горницу, где тот от грешного мира укрывался. Смиренно выслушал гневные слова старца, покаялся в грехах. Выгнан был, но сундучок с альбомами и бумагами оставил – как и свой адрес временного в Белокаменной проживания.

Нашли его по этому адресу посланцы наставника через пару дней, пригласили для нового разговора. Как и предсказывал Герасимов, встревожились старцы гнусностями Христофора в Вятской губернии, и решили собраться. Агафону же было велено передать сие решение тому, кем он был послан.

Часть вторая

ПРОЛОГ Тибетский поход Никитина

Среди тех, кто отказался признать Христофора еретиком на тайном старообрядческом соборе, был и довольно молодой старец «странического» толка Никитин, которому в ту пору едва исполнилось 35 лет. Никто не знал, откуда он появился в Костромской губернии. Никто не знал, что не только Священное Писание держал в руках Никитин. В поисках истины не считал он грехом читать и «мирские» книги. Особенно те, где рассказывалось о путешествиях русских первопроходцев в неизведанные земли.

Его воображение воспламенили отчеты путешественника господина Пржевальского, побывавшего несколько раз в далекой горной стране Тибете. С удивлением Никитин узнал, что не он первый из «странников» обратил свое внимание на это земной придел. В книге другого путешественника он вычитал, что тот встречал в далеком Тибете русских «странников»-одиночек, отправившихся туда на поиски истины и ставшихся там навсегда.

Приняв решение попытаться достичь Тибета, Никитин понимал, что туда должны отправиться далеко не все его единоверцы. Трудный путь через горные хребты смогут одолеть лишь сильные, крепкие мужчины. Отобрав себе восьмерых спутников, он распрощался с остальными «бегунами», пообещав вернуться за ними позже, когда будет найдена земля, свободная от Антихриста, когда первопроходцы найдут путь в Тибет, доступный для слабосильных стариков и женщин.

«Странники» из Костромской земли во главе с Никитиным, ориентируясь сначала на Алтай, попали в бескрайние степи, где после долгих поисков повстречали калмыков-буддистов, которые в своих храмах-хурулах возносили молитвы богам Гималаев и Тибета. Русских искателей «приделов без Антихриста» буддисты приняли не враждебно и не радушно – а так, будто их появление в бескрайних степях было предначертано судьбой и давно тем калмыкам известно.

Повстречавшиеся «бегунам» инородцы-буддисты как раз собирались в паломничество на Тибетское нагорье, и ждали лишь счастливых по их понятиям дней для начала трудного пути. Ни костромские «странники», ни калмыки не знали языков друг друга. Информацией обменивались жестами и рисунками на пыльной земле, и не были уверены, что при этом правильно понимают друг друга.

Впрочем, кое-что «странникам» стало понятно и без языка. Свой толк они всегда считали иноческим, и потому все «бегуны» не только брали на себя обязательства вести безбрачную и целомудренную жизнь, но и питаться только постной пищей и вообще жить по древнему уставу Соловецкого монастыря. Ко времени встречи с калмыками скудные запасы зерна и сухарей у «странников», которыми их снабдили в дорогу единоверцы-странноприимцы, которым дозволялось общаться с прочими мирянами и выменивать или покупать нужное, закончились. Вера запрещала «странникам» вообще брать в руки деньги со «знаками и письменами Сатаны». Один Никитин перед выходом публично взял на себя «грех мирщения» и положил в свою котомку кисет с серебром и медью. Но дорожные мешки «странников» опустели еще до встречи с калмыками, а в заветном кисете главы «экспедиции» осталась лишь скудная горсточка медных монет: чем дальше «бегуны» продвигались на юго-запад, тем реже встречались им людские поселения. Их обитатели

брали в обмен на продукты только серебро, а на медь и глядеть не желали. Не попадалось им по пути и единоверцев, а подаяние местные жители давали скудно, ибо и сами по большей части голодали. Странники пробовали ловить и заготавливать в попутных речках и озерах рыбу, искать съедобные корешки. Но незнакомая рыба ловилась плохо, а корешки были по большей части незнакомые, и от них маялись животами. Скудная еда довела «странников» до истощения, от которого пухли ноги и замедлялось само движение к заветной цели. Все это создавало для собравшихся в далекий и трудный путь костромчан серьезную проблему еще до встречи с калмыками. А впереди на горизонте мутно синели горные цепи, там были снега и неизбежные осенние снежные бури.

Купить у калмыков постную пищу было просто не на что. Да и не было у буддистов столько проса, чтобы хватило на прокорм свалившихся им на головы «гостей». Сами они ежедневно охотились, по вечерам варили в котлах мясо, и поначалу гостеприимно звали пришельцев к своим кострам, но те от скоромного категорически отказывались.

Кое-кто из калмыков мог с грехом пополам объясниться на русском языке – а иного «странники» и не знали вовсе. Заметив, что «бегуны» истощены и слабеют от голода с каждым днем, они прямо спрашивали их о том, как они собираются выжить без еды в далеком пути в Тибет? Им объяснили, что вера не позволяет им есть плоть убитых животных.

После очередного «допроса» калмыки о чем-то быстро поговорили меж собой на своем языке, а потом старший жестом позвал Никитина к себе и указал на огромную полную луну, висевшую, казалось, прямо над головами. С трудом подбирая русские слова и помогая себе жестами, старик рассказал, что «бегуны» оказались среди калмыцких буддистов как раз в ту пору, когда собирались в паломничество в сердце Азии – за «новой верой» и «истинными знаниями» – в таинственную страну Шамбалу.

-Твоя хочет идти с нами Тибет? Тогда тебе придется научиться есть нашу пищу. Иначе вы никогда не доберетесь даже до подножия Гималаев и умрете с голоду гораздо раньше…

Показав на луну, старик объяснил, что скоро та начнет уменьшаться и превращаться в узкий «серп», а потом снова будет «полнеть» и станет круглой, как лепешка. Если к этому времени «урусы» не откормятся и не наберут сил для трудного пути, калмыки уйдут в Гималаи без них.

- Горы забирают много сил, путь труден, и вы все равно умрете, - объяснил старик.

Никитин кивнул: он понимал, что старик прав. Посидев у костра в одиночестве и глядя, как спутники его пытаются жевать траву и корешки, он принял решение. Собрав единоверцев, он напомнил им библейское сказание об Авеле и Каине.

- Братия, все мы помним эту ветхозаветную притчу. Каин и Авель были сыновьями Адама и Евы. И был Авель пастырем овец, а Каин был земледельцем. Однажды Каин принес господу дары от плодов земли, и Авель также принес дары от стада своего. И принял Господь дары от Авеля, а на Каина и его дары его даже не поглядел. Каин сильно разгневался, и когда братья были в поле, Каин убил Авеля. Прошло сколько-то времени, и вскоре Господь спросил у Каина: где Авель, брат твой? Тот же ответил: разве я сторож брату моему? И сказал Господь: что ты наделал? Отныне проклят ты от земли, которая приняла кровь брата твоего... Она не станет более давать силы для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. И возразил Каин Господу: наказание твое слишком сурово. Ты сгоняешь меня с лица земли, и прогоняешь от лица Твоего. И буду я изгнанником и скитальцем на земле, и всякий, кто встретиться со мной, убьет меня. И тогда сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмерится всемеро. И сделал Господь Каину во лбу печать, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня...

Спутники переглянулись, не понимая, куда клонит старец. А тот продолжил:

- Ставши «странниками», мы породнились с Каином. Мы все носим на челе своем печать бегства от мира. Разве не убивали мы младенцев и детей , зачатых во грехе? Разве не носим мы ножи за голенищами своих сапог? Нам надо научиться есть мясо убитых животных, и самим убивать их для собственного пропитания. Этот грех искупится в конце нашего путешествия, когда мы достигнем Страны Снегов и будем свободны от Антихриста. Пойдем же к кострам инородцев, братия! Что толку, что иначе мы все умрем здесь от голода? Не достигнем цели, ради которой уже покинули свои дома и земли, прошли столь долгий путь?

Не все приняли слова своего наставника на «ура». Никитин давно уже приметил «шептунов», которые горько раскаивались в своем согласии отправиться на поиски свободных от Антихриста приделов. Они уверяли, что трудный путь и голод – не испытание господнее, а его предупреждение. Подговаривали слабых духом повернуть, пока не поздно, назад.

Подбадривая спутников, Никитин первым пошел к костру калмыков и показал единоверцам пример, обещая принять общий грех мясоедения на себя. Четверо «бегунов» категорически отказались есть «трупы» подстреленных сайгаков, и пару дней продолжали питаться зеленью и хилыми корешками местных злаков. Их шатало на ходу от истощения, зубы начали крошиться и выпадать – некоторые легко выдергивали их руками.

Зато остальные, преодолев отвращение, быстро привыкли к легкой и питательной пище. Никитин по себе чувствовал, как ослабевшие мышцы наливаются силой. Глядя на поедающих мясо «грешников», остальные странники мало-помалу начали сдаваться. Самому упрямому Никитин велел насильно заливать в глотку крепкий мясной бульон.

По прошествии месяца старик-калмык самолично ощупал окрепшие мышцы «странников» и велел им собираться в дорогу.

Наконец, паломники снялись с места, навьючив на верблюдов и лошадей свой скудный скарб, и двинулись на юго-восток, в сторону далеких гор. Никитин со своими единомышленниками отправился вслед за ними… Калмыки дали «урусам» трех вьючных лошадей. Две из них несли на себе огромные вязанки дров и хвороста для костров: в горах лес, как известно, не растет.

Дни шли за днями, и далекая полоска на горизонте начала расти и обретать вид горных вершин. За первыми холмами, поросшими выжженной солнцем травой и мелким кустарником, появились остроконечные пики с «языками» спускающихся ледников. Прошло еще немного времени, и «странники», наконец, обнаружили, что холмы и невысокие горы остались позади, а впереди зловеще вздыбился до самого неба горный хребет. Оттуда налетали холодные ветры, несущие с собой снег.

«Бегуны» были плохо одеты, обувь их не подходила для каменистых и крутых троп, а одежда была летней и не могла согреть их в осенних горах. Калмыки, посовещавшись, выдали им куски толстой валеной ткани, из которой у себя на равнине они мастерили жилища-юрты. Две ночи напролет «странники делали себе теплую одежду и обувь.

С одеждой было проще: в большом куске войлока прорезалась дыра для головы, а то, что свисало, опоясывалось веревками. Хуже было с обувью: грубую и неудобную обувку, которую «бегуны», бывало, мастерили для себя по полночи, к середине следующего дня на каменистых тропах превращалась в лохмотья.

Вскоре путники вступили в полосу вечных снегов, и с обувкой стало полегче: на снегу она рвалась не так часто, как на голых острых камнях. Но со снежным покровом пришла новая беда: еле видная извилистая тропа стала более крутой и узкой. Занесенные снегом камни выскальзывали из-под ног и падали вниз. Только теперь «странники» поняли, для чего старый калмык еще на равнине заставил их заготовить длинные шесты: ими можно

было прощупывать дорогу. Тем не менее, один из «бегунов», поскользнувшись на большом камне, в вихре снежной пыли с криком скатился с тропы на этом же валуне.

Никитин остановил своих спутников, и они стали думать, как помочь упавшему в расщелину товарищу. Однако вернувшийся старик-калмык, узнав, в чем дело, покачал головой:

- Ваш шеловек сапсем пропал! Скала высокий, и он, когда падал, сломал кости. Он не сможет идти с нами и задержит всех. Помолитесь своему Богу, попросите, чтобы он послал ему быстрый смерть - и пошли вперед!

Старик был прав. Помолившись, «бегуны» пошли вслед за калмыками, стараясь не прислушиваться к затихающим воплям товарища.

И чем дальше они шли, тем уже становилась тропа и тем круче и обрывистее скала. Никто из путников не разговаривал между собой: все внимание было поглощено тому, куда поставить ногу и сделать очередной шаг. «Странникам» еще повезло: они осторожно ступали в следы шедших впереди калмыков. И все равно, вспоминая упавшего товарища, боялись оступиться и упасть со скалы в пропасть.

Обитатели равнин и лесов, они пугались высоты, боялись глядеть вниз, а внимательно смотрели на дорогу, стараясь не ступать на большие камни, чтобы не поскользнуться. Калмыки шли в связке из длинной веревки. Если кто-то из них падал, то остальные не давали ему скатиться в пропасть. Подумав, Никитин решил: то, что хорошо для опытных скалолазов, подойдет и для его группы. Он попросил у вожака-калмыка аркан, и тот довольно кивнул: его спутники кое-чему научились!

Но всё же иногда занесенный снегом камень предательски скользил вниз, увлекая за собой другие, и сердца путников замирали. Падающий в пропасть камень увлекал за собой другие, и вниз уже с грохотом и в туче снега летела лавина.

Теперь уже никто из «бегунов» не просил повернуть обратно: пути назад не было! Ветер продувал насквозь, он неистовствовал, выл и стонал, то вдруг, затихая, то вновь с новой силой обрушивался на путников. Они задыхались в разреженном воздухе, у многих из носов и ушей шла кровь. Калмыки утверждали, что так и должно быть: значит, они уже прошли большую половину пути, и поднялись достаточно высоко.

Когда на горы спускались сумерки, вожак приказывал становиться на ночлег. Иногда это была выемка в скале, иногда неглубокая пещера – тогда считалось, что им повезло. Но чаще ночевать приходилось на открытом месте, под гребнем скалы. По примеру паломников, «бегуны» прислоняли к отвесной скале длинные жерди, накрывали их кусками кошмы и разводили костер. Никитин бросал в котелок горсть-другую пшена и закаменевшие на холоде ленты заготовленного еще на равнине вяленого мяса. Вода в котелке закипала удивительно быстро, однако приходилось ждать, пока пшено разварится, а вяленое мясо хоть чуть-чуть разбухнет и его можно будет жевать. Потом, завернувшись во все, что могло хоть немного согреть, «странники» сдвигали костер и торопливо укладывались на хранившие тепло камни. Но стоило, как им казалось, только закрыть глаза, как появлялся проклятый калмык и бесцеремонно будил «урусов»: пора было двигаться дальше.

Дорога становилась ещё уже, и шаг в сторону было сделать уже невозможно: пропасть была совсем рядом. Изнурённые и замёрзшие люди уже перестали надеяться, что эта дорога, все время ведущая вверх, когда-то закончится. Они потеряли счёт времени, им казалось, что они идут уже много месяцев, ибо не могли отличить дня от ночи. Их мучил страх: они боялись смерти, боялись, что проводники оставят их в этих жутких горах и уйдут вперед. Страх заставлял их быть внимательными и терпеливыми. Стиснув зубы, чтобы не стонать, и, сомкнув губы, чтобы не завыть, они медленно поднимались вверх, сгибаясь от

ветра, который пытался сбить их с дороги. Они шли и шли, все реже вспоминая Бога и греховно думая, что жить в царстве Антихриста было не так уж и скверно.

Их путь лежал через Памир, Гиндукуш, через неприступные хребты Гималаев. Они в изнеможении падали в снег от разреженного воздуха, помогали друг другу подняться и шли дальше. Снежные бури они пережидали, закопавшись в снег. «Странники» научились спасаться от снежных лавин…

Но вот в один день они заметили, что узкая тропа уже не заставляет карабкаться вверх, а ведет вниз. Калмык-вожак кивнул: да, они поднялись на Тибетское плато и теперь им предстоит искать дорогу к ближайшему монастырю, чтобы немного отдохнуть, набраться сил для долгого перехода по высокогорной равнине к священной столице – Лхасе.

Никитин промолчал: паломничество в Лхасу не входило в его планы. Но добраться до ближайшего монастыря хотелось бы.

Иззубренная лента гор осталась позади. Путники шли по равнине, им все чаще и чаще попадался низкорослый кустарник. За время долгого подъема Никитин и его товарищи немного выучились языку своих проводников и уже могли с грехом пополам объясниться с ними. Теперь по вечерам калмыки и «урусы» собирались у одного костра, и Никитин засыпал старика множеством вопросов. Старик охотно рассказывал все, что знал об этой высокогорной стране.

Он утверждал, что когда-то давным-давно, много тысяч лет назад, на месте нынешней пустыни было дно гигантского моря. Но потом «подземные боги» подняли плато на своих плечах, оно вздыбилось, и большая часть воды ушла в горные расщелины на равнины. Теперь в Гоби мало песков, гораздо больше камня. Высокие холмы барханов тянутся полосами между параллельными горными кряжами по направлению наиболее сильных ветров. Каменные массы — округленные, ступенчатые или иззубренные, точно гигантские пилы, покрыты блестящей черной коркой. Они выглядят грозно для путника и в то же время по-своему красивы. Широко раскрыта здесь для глаз человека земная твердь, ее не требуется раскапывать, чтобы проникнуть в тайны ее строения. Низкие кряжи и отроги расползаются во все стороны и рассыпаются на отдельные скалы силами выветривания. «Кости Матери» — так называли древние греки большие камни, подразумевая под матерью всю планету, Гею — Землю.

Все чаще и чаще на своем пути «странники» стали находить чудовищной величины «кости дракона» — окаменелые скелеты вымерших животных, исполинских ящеров-динозавров, странных и огромных древнейших пресмыкающихся; разбросаны там и сям стволы деревьев, превратившихся под действием солнца и ветров в кремень. А по сухим руслам некогда бывших потоков путники нередко находили кремневые орудия первых здешних людей, обитателей гобийских просторов, населявших ее еще в те времена, когда каменистое сердце Азии не было столь сухим.

Старик рассказывал, что тогда Гоби была страной охотничьего изобилия с высокой травой, что здесь паслись огромные птицы и странные звери. Ему верили и не верили, но черепа антилоп с загнутыми спиралями рогов и скелеты страусов говорили сами за себя. Так же, как и обломки чашек, сделанные древними людьми из скорлупы яиц тех самых исполинских птиц. С дальнейшим поднятием азиатского высокогорья климат здесь изменился, а степь высохла. Гоби стала запретной для человека до тех пор, пока не приручил он лучшего своего друга — лошадь да могучего, приспособленного для еще более суровых пустынь верблюда.

Тогда снова заселилась Гоби и осталась домом человека. Долины, заполненные могильниками из тяжких камней, встречаются повсюду, отмечая расселение древнего народа.

Однажды старик рассказал и вовсе невероятную историю – правда, признался, что и сам ее слышал от просвещенных лам много лет назад.

Для начала он расчистил широкой ладонью песок перед своими коленями и нарисовал на расчищенном месте неровный овал – примитивный план Тибетского нагорья. Ткнув палочкой в левый верхний край овала, он пометил место, где они все находятся сейчас. Благоговейно показал этой же палочкой священную гору Кайлас и расположенную недалеко от горы столицу Тибета. Вокруг Кайласа он нарисовал множество точек, которые от назвал Зеркалами Тибета.

Зеркала эти, как с грехом пополам смог объяснить калмык, представляют из себя каменные черные скалы, высота которых доходит до тысячи шагов вверх. Калмык утверждал, что Зеркала эти не простые: одна сторона, обращенная в священной горе Кайласу, словно отполирована какими-то гигантами. Во-вторых, само время течет между ними быстрее, чем в других местах. И человек, попавший в окружение Зеркал, может за неделю умереть от старости.

Но это не единственная тайна Черных Зеркал, утверждал старик. Многие из них – полые внутри и вход в них лишь заложен небольшими камнями. Кое-где в этих скалах еще сохранились живые древние животные, которых нигде больше на земле нет. Почему именно там? А потому, что если возле Зеркал время бежит быстро, то внутри них оно словно замирает. А еще некоторые скалы, полые внутри, являются своего рода дверями в другие пространства. Достаточно залезть внутрь, заложить вход камнями, съесть несколько пригоршней листьев, которые выращивают монахи некоторых монастырей – и человек уснет и проснется там, где пожелает.

Это и вовсе походило на сказку, но Никитин сделал незаметный предостерегающий знак своим спутникам, уже готовым поднять старика на смех.

Заканчивая рассказ, старик ткнул палочкой в самый верх овала: там, по его утверждению, находится целая цепь пустынь и степей, пройдя по которым, можно снова вернуться к людям. Однако путь этот открыт только зимой – летом смельчаков быстро сожжет яростное солнце. А зимой в этих пространствах, бывших когда-то дном моря, найдут пищу лошади и верблюды – это оживающие под действием воды и снега древние водоросли.

Никитина очень интересовало – согласятся ли ламы тибетских монастырей дать приют «странникам», а самое главное – согласятся ли поделиться с ними своими великими знаниями?

Старик пожал плечами: ламы, как и все люди, бывают злыми и добрыми. Некоторые из них поклоняются только черной магии. Старик слышал, что они гостеприимнее других, ибо им всегда нужны работники: простые тибетцы боятся «черных лам», которые якобы умеют превращаться в медведей и горных тигров и пожирают всех, кто им не понравится. И люди редко приходят в такие монастыри. А ламы, как и прочие люди, должны кушать каждый день. А для этого нужно возделывать землю, выращивать растения. Самим «черным ламам» это запрещает их религия.

- Что же тут может вырасти без воды, в голом песке? – усомнился один из «бегунов».

У старика нашелся ответ и на этот вопрос. Тибетские монастыри, сказал он, как правило, «прилеплены» к подножию гор. А в ущельях рядом с монастырями есть и ручьи, и там особый теплый климат с плодородной землей, укрытой от ветров скалами или искусственными стенами, построенными в незапамятные времена.

Первый монастырь «странники» нашли уже через три дня. Местные обитатели приняли их с удивлением, но вполне доброжелательно. Они внимательно выслушали старого проводника, выступившего в роли переводчика и согласились приютить путников. «Странники» были готовы работать и одновременно учить тибетский язык.

«Пристроив», таким образом, попутчиков, калмыки распрощались с ними и пошли дальше на юг, к священной горе Кайласу и городу Лхасе, где обитает сам живой Бог тибетцев, далай-лама.

Восьмерых «бегунов» обитатели монастыря разделили на две группы. Каждую поселили в опрятных и чистых помещениях, наполовину выдолбленных в толще горы. Спали они на толстых циновках, похожих на матрасы.

Дав путникам пару дней на отдых, взявший над пришельцами «шефство» то ли китаец, то ли тибетец после завтрака повел их на монастырский «огород», куда надо было спускаться по широкой тропе. Калмык оказался прав: подножье горы походило на небольшую огороженную скалами долину, где шумели несколько ручьев. Здесь росли какие-то деревья, множество кустов. На широких грядках росли и спели овощи, по большей части незнакомые пришельцам из далекой костромщины. На ровных участках земли были разбиты небольшие поля, где колосился ячмень, рожь и незнакомые «бегунам» злаки.

На самом краю маленькой плодородной долины стояло десятка полтора хижин. Китаец-наставник знаками пояснил, что там живут наемные слуги-тибетцы.

К удивлению пришельцев, их не заставляли работать от рассвета до заката. Когда солнце поднималось в зенит, китаец знаками звал никитинцев в крохотный садик, разбитый у самой тропы наверх. Здесь их ждал обед и учеба.

Увидев первый раз порции «тсампы», разложенные в небольшие, словно игрушечные чашки, «бегуны» было возмутились: таким количеством еды и курица сыта не будет! Но китаец знаками показал, что все в порядке, только вместе с мукой надо жевать побольше каких-то странных свежих листьев, которые усмиряют голод. Так оно и вышло.

После обеда китаец сажал «бегунов» в кружок и раскрывал толстую книгу, страницы которой были покрыты незнакомыми значками. Было в книге и множество рисунков – животные, птицы, орудия труда и кухонная утварь. «Учитель» называл тибетское название изображения несколько раз и заставлял повторять «учеников». Потом показывал на значки, которые означали тот или иной предмет или животное.

Через два-три часа занятий «бегунов» отводили в библиотеку и оставляли одних. К удивлению старца, здесь были сотни томов на разных языках - от современных до древних манускриптов. В этих книгах были совсем непонятные «странникам» рисунки и изображения. Нашлось в библиотеке даже две книги на русском и древнеславянском языке. Скуки ради «бегуны» листали эти и другие книги, а когда надоедало, то пытались поспать где-нибудь в тихом уголке.

Со временем никитинцы поняли, что чести видеть самих лам, тем более старших, они еще долго не будут удостоены. С «гостями» имели дело те, кто хотел стать ламой – для них общение с пришельцами было тоже своеобразным экзаменом.

Месяц проходил за месяцем. Никитин, самый образованный из своей «команды», старался как можно больше преуспеть в знакомстве с новым языком. Вместе с тем, он видел, что при выборе спутников в эту дальнюю экспедицию он совершил серьезную ошибку. Ориентируясь на трудность восхождения, он выбрал самых физически сильных спутников. Между тем, семеро оставшихся после гибели в горах товарища «бегунов» были совершенно безграмотны. Не умея читать и писать по-русски, как они могли освоить мудрость на чужом языке?!

И Никитин, с позволения китайца-наставника, открыл дополнительную «школу».

Безграмотные «бегуны» поначалу было воспротивились и даже пытались устроить что-то вроде бунта, обвиняя Никитина в следовании Антихристу. Пришлось вооружиться тяжелой палкой и до полусмерти избить пару «оппонентов», приказав им учиться по единственной русской книге в монастыре. Китаец, ставший свидетелем наказания, только многозначительно посмеивался в жидкие усишки и не вмешивался. Скорее наоборот: ни

слова не говоря, он принес Никитину стопку неровных листов рисовой бумаги и, к его удивлению, несколько обычных карандашей, невесть как попавших в эту заоблачную страну.

«Школа» Никитина была гораздо суровей монастырской. Взяв в помощники единственного, кроме него, грамотного «бегуна», старец задал в обучении невиданный темп. «Ученикам» было велено за три дня выучить весь русский алфавит и сдать по нему «экзамен». Буквы Никитин сначала спрашивал подряд, потом вразброс. На неусердных сразу обрушивалась палка помощника, стоявшего наготове.

Научить безграмотных складывать буквы в слова и читать оказалось сложнее. И тут опять помог наставник-китаец. Сам Никитин уже мог с грехом пополам говорить и понимать тибетский диалект – китаец принес ему чашу с какой-то странно пахнущей кашицей и объяснил, что это средство помогает запоминанию. Кроме того, он предложил Никитину своего рода стимул для тех, кто делал успехи. Стимулом были женщины-огородницы их тех самых отдаленных хижин на краю долины. Выучил урок, ответил на дополнительные вопросы – вот тебе и разрешение посетить местный «публичный дом».

Некоторое время спустя Никитин поразился, насколько «пряник» эффективнее тяжелой дубины. Стремясь получить разрешение на посещение женских хижин, «бегуны» осваивали чтение и письмо даже ночью.

* * *

Спустя полтора года, как-то ночью, китаец-наставник разбудил Никитина и свистящим шепотом сообщил ему великую весть: его хочет видеть главный лама сего монастыря. Когда? Прямо сейчас!

Никитин покосился на бездонное черное небо, усыпанное мириадами звезд.

- Но сейчас глубокая ночь, уважаемый.

- Для лам нет разницы между солнечным днем и ночной теменью. Пошли скорее!

Только теперь Никитин заметил рядом с китайцем еще какую-то смутную тень, и на всякий случай глубоко ей поклонился.

Китаец хихикнул:

- Это всего-навсего доверенный прислужник главного ламы. Он проводит тебя к главному ламе в его келью. Ни в коем случае не садись сразу, если он предложит тебе! Поклонись и жди, когда приглашение прозвучит трижды… Мне туда, к сожалению, вход воспрещен…

Накинув на себя рубище, Никитин перекрестил пупок и последовал за провожатым. Тот молча открыл дверь в отвесной стене, к которой пришельцам раньше запрещали даже приближаться. За дверью оказалась лестница, вырубленная в скале. Поднявшись по лестнице, Никитин оказался в широком коридоре, куда не проникал дневной свет. Направо и налево по коридору были запертые двери, над каждой горел светильник. Он догадался, что попал в обиталище продвинутых лам.

В конце коридора провожатый сделал знак Никитину остановиться, а сам тихо постучал в последнюю дверь и исчез за ней. Не успел старец осмотреться, как дверь широко распахнулась, и слуга велел ему заходить.

Никитин с волнением переступил порог и очутился в келье, больше похожей на европейскую комнату. На невысоком постаменте, украшенном тканями, неподвижно сидел на коленях и пятках человек неопределенного возраста. Ему можно было дать и 50, и 100 лет – мерцающий свет от множества светильников, укрепленных на стенах, сохранял лицо главного ламы в тени.

- Садись, пришелец из другого мира! – наконец тихо проговорил лама, указал рукой на самый настоящий европейский стул.

- Я не смею садиться в присутствии высокородного ламы, - отказался Никитин и глубоко поклонившись, встал на колени, как учил его наставник-китаец.

- У меня настало время пить чай, пришелец. Надеюсь, ты выпьешь чашечку со мной? Садись же!

В это время двое слуг внесли в келью поднос, на котором рядом с миниатюрными чашечками стояли какие-то графинчики, кувшины и чаши.

- Ты учтив и приятен на вид, пришелец. Теперь ты и вправду можешь сесть, - разрешил лама.

В руках у Никитина оказалась чашка чуть побольше половины куриного яйца. То, что бережно, с почтением плеснул туда слуга, мало походило на чай – так, чуть подкрашенная жидкость со слабым ароматом то ли фруктов, то ли цветов.

Никитин мог бы осушить чашечку одним глотком, однако, следуя примеру ламы, он пил обжигающую и чуть отдающую какими-то цветами жидкость мелкими глотками. Таким образом, «удовольствие» растянулось на добрые четверть часа.

Когда слуги унесли пробор для чаепития, главный лама, сидя в прежней позе, заговорил:

- Мне рассказывали, что ты и твои спутники послушны и трудолюбивы. Правда, они не сразу прониклись духом послушания, - заперхал старец. – Но учение пошло им во благо. Но я совсем ничего не знаю о тебе, о стране, из которой ты пришел, не знаю твоих целей. Расскажи мне, кто ты, откуда, каким богам поклоняешься и зачем ты преодолел столько трудностей, чтобы попасть в Тибет.

Тихонько откашлявшись, Никитин начал рассказывать о России, изложил основы христианства, упомянул о великом расколе в церкви и о гонениях, которым подвергаются на Руси его единоверцы.

Старик не шевельнулся в течение всего рассказа, лишь один раз тронул пальцем колокольчик под своим балдахином и велел появившемуся слуге принести Карту Мироздания.

Когда тот с помощью товарища принес огромный фолиант, лама попросил Никитина показать ему свою страну.

Карта было, видимо, очень старой и составленной какими-то путешественниками по Руси не одну сотню лет назад. Тем не менее, Европа и Азия там присутствовали.

Лама явно был поражен размерами страны Никитина, но сдержал свое удивление.

- Что ты ищешь в моей стране, чужеземец? – спросил он.

- Знаний, о высокородный! С твоего позволения, конечно, - поспешно добавил он.

- Знаний на свете великое множество, - возразил старик. – Ты хочешь стать великим лекарем? Хочешь познать тайны вселенной? Или научиться управлять своим телом?

- Я хочу изгнать из своей страны Антихриста, о высокородный! А для этого мне нужно научиться подчинять себе великое множество людей. Ибо Антихрист велик и могуч, и справиться с ним можно только всем миром!

- Мне кажется, я понял твое желание, чужеземец, - кивнул лама. – Но, чтобы научиться управлять великим множеством людей, тебе нужно научиться управлять собой, своими помыслами и желаниями. Я могу велеть своим монахам открыть тебе и твоим спутникам основы учения Дюнхор-Каланчакра. Данное учение заключается в изучении знаний космоса, скрытых явлений природы, уникальных способностей человека, а также методов, дающих власть над людской массой. Но учти, чужеземец: твой разум пуст, как пересохший колодец, и чтобы наполнить его знаниями, потребуется не менее 10-15 лет, а то и больше. К этому времени ты станешь глубоким стариком, и не сможешь вернуться в свой мир!

Помолчав, главный лама продолжил:

- Я вижу в твоих глазах отчаяние, чужестранец. Что ж, есть и другой способ ускорить твое обучение. Но для этого тебе придется покинуть мой монастырь и найти другой.

- Какой же?

- Тибет - страна демонов. Численность злых духов намного превышает население всей моей страны. Эти зловредные создания, принимая различные обличья, или будучи совсем невидимыми, обитают на деревьях, скалах, в долинах, озерах, источниках. Они охотятся за людьми и животными, похищая у них "дыхание жизни", чтобы насытиться им. Демоны селятся по полям и лесам, и человек всегда рискует столкнуться с кем-нибудь из них лицом к лицу. Эта опасность вынуждает тибетцев постоянно вступать в сношения со злыми духами. В догмы ламаизма входит умение сожительствовать с демонами, даже подчинять их, перевоспитывать их в покорных слуг, а в случае непокорности человеку – обезвреживать или уничтожать их.

Словно задохнувшись от столь продолжительного монолога, лама позвал слугу, и тот принес ему чашечку с темной жидкостью – очевидно, какой-то травяной настой. Опорожнив чашу, лама продолжил:

- В контактах с демонами с нашим духовенством соперничают колдуны. Но обычно они стремятся поработить одного или нескольких демонов для недобрых дел. Если у колдуна не хватает умения и знаний, чтобы заставить демонов повиноваться, они заискивают перед ними, стремясь лестью вкрасться в доверие духов и добиться от них помощи.

Никитин слушал неторопливый рассказ собеседника как завороженный. Из его дальнейшего повествования он узнал, что помимо совершаемых ламами магических обрядов, изучаемых в монастырских школах, и черной магии колдунов, тибетцы находят особый способ сношения со злыми духами, требующий некоторой духовной подготовки. Он заключается в том, что ученик сам ищет встречи с демонами с намерением предложить им подаяние или померяться с ними силами. Эти обряды преследуют полезные или возвышенные цели, например, избавиться от страха, вызвать чувство любви к ближнему, стремление отрешиться от своего "Я" и, в конце концов, прийти к духовному озарению.

Лама сделал новую паузу в разговоре и впился взглядом в лицо сидящего напротив чужестранца:

- Ты готов учиться черной магии, чужестранец? Научившись справляться с мелкими демонами моей страны, ты наверняка узнаешь, как подчинить или изгнать великого демона, которого ты называешь Антихристом, из своей. Или поймешь, что поставил перед собой невыполнимую задачу и откажешься от нее, посвятив годы познанию тайн мироздания.

- А сколько на это потребуется времени, о высокородный?

- Если ты и твои спутники проявят усердие и наберутся мужества, то, думаю, обучение черной магии займет не более двух-трех лет.

Никитин вздохнул: ну, раз быстрее научиться управлять людьми и противостоять Антихристу быстрее никак нельзя, то надо, видимо, соглашаться.

Словно подслушав его мысли, главный лама добавил:

- Кроме того, если ты понравишься черным магам, они могут показать тебе короткую и легкую дорогу домой. Ты сможешь перенестись в свою страну в мгновение ока…

- Вот это было бы хорошо, высокородный! – обрадовался Никитин. – Но где мне искать этих черных магов и колдунов?

- Их монастыри и обиталища расположены на юге Тибета, у Черного Зазеркалья, неподалеку от священной горы Кайлас. Но сейчас ступай к себе, чужестранец, ибо я утомлен долгой беседой и удручен твоим желанием иметь дело с колдунами.

- Но как же…

- Завтра я позову тебя в это же время, чужестранец. К этому времени я надеюсь связаться с духами верховных лам Зазеркалья и спросить совета у них. Ступай!

Вернувшись к спутникам, Никитин разбудил их, усадил в тесный кружок и шепотом поведал о только что состоявшейся беседе с главным ламой монастыря.

Костромчане полезли чесать заросшие затылки. Конечно, оставаться здесь на 10-15 лет мало кому хотелось – хотя нашлись и такие «бегуны», которых вполне устраивала нынешняя тихая и спокойная жизнь. Но они благоразумно промолчали об этом, памятуя о тяжелой руке старца.

Два-три года – это, конечно, гораздо лучше. Но при этом придется иметь дело с какими-то местными демонами и колдунами. Одно было привлекательно: возможность после обучения очутиться в родных краях в мгновение ока.

* * *

На следующую ночь китаец-наставник позвал к главному ламе всех «странников». По пути в его келью Никитин шепотом торопливо объяснил товарищам правила местного «этикета». Но на сей раз лама никого не пригласил сесть, никого не стал угощать чаем. Он лишь сделал повелительный жест, призывая к полному молчанию. Сам он неподвижно сидел на подушках, уперевшись иссохшими ладонями в колени и смежив веки.

Вскоре келья наполнилась неясным шумом, голосами, шепотом, хихиканьем и даже повизгиванием. Оглядываясь, «бегуны» невольно крестились: было полное впечатление, что кроме них и главного ламы, помещение полно невидимых людей. Однако никого не было видно, а сам старик сидел с плотно сжатыми губами, лишь иногда открывая рот, чтобы бросить невидимому собеседнику короткую реплику.

Наконец, лама повелительно поднял обе руки, и шум и звуки вокруг тут же смолкли. Помолчав, старик тихо проговорил:

- Как вы все видели, я общался с духами лам многих монастырей и даже колдунами. Поначалу никто не хотел принимать вас, только колдуны очень радовались.

- А почему, о высокородный, нас не хотели принимать? – отважился спросить Никитин. – Приняли же нас в твоем монастыре…

- Вы способны на черные дела, чужестранцы. Поэтому я хочу предупредить вас: никогда не желайте зла Белому царю, который правит вашей страной! Он – одно из перевоплощений Великого Будды. И всякий из вас, кто посягнет на него, умрет страшной смертью. А теперь идите. Завтра вам дадут припасов на дорогу.

- Высокородный! – взмолился Никитин. – У тебя наверняка есть карта Тибета. Не сделаешь ли божескую милость показать ее нам, чтобы мы не плутали? Я слышал, в Тибете около 500 монастырей…

- Шестьсот двадцать четыре, - поправил главный лама. – Но нет ни одной карты, на которой эти монастыри обозначены. Мои прислужники покажут вам направление. Скоро вы увидите священную гору Кайлас, и будете искать нужный вам монастырь сами. А теперь ступайте, пока я не передумал!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Операция «Кострома»

Николай выбрался из-за рабочего стола в своем парадном кабинете, вяло махнул рукой в сторону подскочившего было вслед за государем с кресла министра внутренних дел Плеве: сиди, мол, не мельтеши перед глазами! Подойдя к книжным стеллажам, покрывающим всю восточную стену кабинета, провел пальцем по корешкам. Вытащил наугад солидный том с заглавием, выполненным готическим шрифтом по-немецки «Каббала. Дуализм. Цикл бесед». Не выпуская фолианта из рук, искоса поглядел на министра:

- Значит, лучший сыщик «охранки», гроза революционеров и бомбистов, как старая баба, испугался какого-то там соглядатая? Как его имя – Медников?

- Точно так, ваше величество! Морок некий на него нашел, докладную о своей поездке – и ту толком написать не мог. Сейчас находится в частной клинике, под присмотром профессора психиатрии. Доктор уверяет, что через недельку-другую агент будет как новенький, ваше величество! Писать пока не может, а на словах подтвердил: с внедренным агентом встречался, данные о возвращении старца-раскольника Никитина с некими новыми знаниями из Тибета верны…

Николай хмыкнул, осторожно положил тяжелый фолиант на стол, обеими руками поправил волосы. Шрам от удара японским мечом, невидимый под прической, противно ныл, как всегда бывало в минуты волнения.

- Верны, говоришь, господин министр? Это и без него нам известно было! – император безошибочно выудил из бювара лист бумаги и двинул его по гладкой столешнице к Плеве.

МВД
Департамент полиции — Копия с копии
По 4-му Делопроизводству — Секретно
15 июня 1901 года — Циркулярно
30 N 70992 — Губернаторам и Градоначальникам

Сектантские книгоноши «Бегуны», или «Странники», продавая книгу Св. Писания Синодального издания, вместе с тем распространяют сектантскую литературу преступного характера, Департамент Полиции просит распоряжения Вашего Превосходительства об учреждении самого тщательного наблюдения за деятельностью названных выше сектантов и в особенности книгонош, принимая с своей стороны все меры к тому, чтобы лица, принадлежащие к сектантским общинам отнюдь не допускались бы к продаже в разнос книг Св. Писания и других синодальных изданий, а равно к заведыванию отделениями Библейского общества.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
За Правителя Канцелярии Волынского Губернатора.
Сверял:
Помощник Правителя Вавдиюк

- Таковое наблюдение установлено, ваше величество! – побагровел Плеве. – Установлено и приносит определенные плоды!

- «Определенные плоды!» - скептически скривил губы император. – Кем и когда определены сии плоды? Почему полицейский аппарат, пожиная сии «плоды», до сих пор не может добраться до этого старца?!

Министр внутренних дел Вячесла́в Константи́нович фон Пле́ве, статс-секретарь, сенатор, действительный тайный советник, получивший министерский портфель и пост шефа жандармов весной 1902 года, после убийства своего предшественника Сипягина, молчал, тяжело дыша сквозь густые усы. На своих постах он последовательно проводил жесткую политику не только в отношении оппозиционных и революционных движений. При нём были жестко подавлены крестьянские выступления в Полтавской и Харьковской губерниях, и до нынешнего дня он ни разу не получал подобной царской «выволочки».

- Сколько времени вам потребуется, господин министр, чтобы изловить этого беспоповца и его приспешников-«странников»? Неделя? Месяц? Год?

- При оказании помощи армией, включая подробную разработку плана операции, не более двух недель, ваше величество!

- Помощь армии? – поднял брови Николай.

- Не менее полусотни казаков, - подтвердил фон Плеве. – Они потребуются для окружения гнездовий этих «бегунов». Основную часть операции будут проводить лучшие сыскные агенты Петербурга и Москвы, ваше величество!

- Хорошо, Вячеслав Константинович, - неожиданно улыбнулся Николай. – Пусть будет по-твоему. Я скажу Куропаткину, он даст вам потребное количество казаков! Но через две недели, господин министр, я жду исчерпывающего результата. Иначе… Надеюсь, ты меня понимаешь, Вячеслав Константинович?

- Я понимаю, ваше величество! Разрешите немедленно приступить к подготовке операции?

- Приступай,- кивнул император. – Может, за время подготовки доктора сумеют поставить на ноги вашего Медникова. Исходя из его послужного списка, я очень надеюсь на него!

* * *

К вечеру восьмого дня после тяжкого разговора с государем в Кострому прибыл литерный эшелон, для которого был освобожден один из дальних тупиков станции. Вагоны были наглухо закрыты изнутри до самой темноты. Прибытие этого эшелона вызвало много оживленных предположений железнодорожного персонала, однако никто из костромчан не связал появление таинственного состава с прибывшими накануне днем, обычным пассажирским поездом, без малого трех десятков чем-то похожих друг на друга людей в статском. Все прибывшие поселились в ближайшей к вокзалу гостинице и не выходили из своих нумеров до темноты.

Когда на город опустились густые сумерки, десяток однтых в статское визитеров с деловым видом выскользнули из гостиницы, наняли всех свободных извозчиков, коим было велено ехать в… свои казармы. На удивленные вопросы приезжие не отвечали вовсе, либо отшучивались, однако, памятуя о том, что в Костроме «странники» имеют множество докладчиков и осведомителей, нанятых «ванек» и «лихачей» от себя не отпускали ни под какими предлогами.

Тем временем у Костромского губернского жандармского управления на Власьевской улице остановился «лихач», доставивший сюда одетого в партикулярное платье начальника охранного отделения департамента полиции полковника Герасимова: на него было возложено непосредственное руководство полицейской операцией в Костроме. Он прибыл в губернский город, естественно, тоже инкогнито. Бесцеремонно раздвинув местных полицейских чинов, пытавшихся преградить «наглецу» дорогу, Герасимов проник в кабинет начальника и только здесь скинул просторную плащ-крылатку, под которой был полковничий мундир. Герасимов положил перед остолбеневшим жандармским начальником бумагу со своими полномочиями, скрепленную личной подписью министра внутренних дел империи фон Плеве и его печатью, и коротко изложил причины своего появления в городе. Начальнику именем государя было приказано собрать в управлении всех свободных полицейских православного вероисповедания.

- И, смотри у меня, Акулов! – счел необходимым предупредить жандарма столичный гость. – Смотри! Ежели кишащие в твоем городе «бегуны» раньше времени пронюхают о моей миссии, дослуживать будешь где-нибудь за Иркутском, письмоводителем в почтовой конторе!

Операция разворачивалась. Проникшие в извозчичьи казармы «сыскари» из Москвы и Петербурга достали револьверы и загнали всех извозчиков, конюхов и самого хозяина извоза в крепкий подвал. Двое сыщиков, поставленные на ворота, всех возвращающихся с дневной смены извозчиков впускали и направляли в тот же подвал. Туда же отправлялись явившиеся в казармы на смену ночные извозчики.

К полуночи особо доверенные полицейские Костромы привезли на съезжий двор[1] четверых известных в городе пристанодержателей из числа сочувствующих «странникам»

[1] В дореволюционной России: полицейская управа с помещением для арестованных.

местных купцов-беспоповцев. Их развели по камерам, и купцами занялись питерские «волкодавы». Били людей от души, вопрос задавали один: где нынче может быть старец Никитин?

Уездные городки и деревни, где было сосредоточено большинство схронов «бегунов», были нанесены на карту полковника Герасимова заранее, согласно агентурным данным. Но не хотелось распылять силы, да и понимал его превосходительство, что на его операцию дадена всего одна ночь и утро завтрашнего дня. Потом слухи об облаве неминуемо распространятся, и, как говорится, ищи потом ветра в поле.

Пойманные пристанодержатели кричали, охали, крестились и клялись, что ничего не знают и не ведают. Облизывая окровавленные костяшки пальцев на кулаках, «волкодавы» пожимали плечами:

- Молчат, сволочи!

Время неумолимо бежало, и Герасимов решился на крайнюю меру. Выбрав из избитых купцов двух братьев, он велел бросить их в телегу и отвезти на собственное общее подворье. Братьев бросили рядом с амбарами, где хранился скупленный у окрестных крестьян лен. Полковник велел распахнуть двери амбаров и встал в дверях одного, сжимая в зубах сигару.

- Значит, не знаете, говноеды, где Никитин?

Купчины, пытаясь подняться, замотали бородами.

- Угу! – кивнул полковник. – Перминов, дай-ка огоньку! Да не спички, дурень! – Герасимов кивнул назад. – Снопик льняной подай! Слышь, беспоповцы, ленок-то хорошо просох? Ну, значит, сейчас погреемся!

Зажегши сигару, полковник бросил горящий пук льна в амбар, под крышу заполненный снопами. Купцы на коленях поползи к амбару, туда же рвались разбуженные шумом и криками домочадцы.

- Гляди, гляди, беспоповцы, как ваше добро сейчас дотла сгорит! – посмеивался полковник, хотя на его душе скребли кошки. – И имейте в виду: пожарным командам я нынче выезд запретил! А баб не держите, ребята! Пусть подолами попробуют погасить!

- Вели погасить, господин начальник! – взмолился один из братьев. – Скажу, что знаю!

- Скажи сначала, а потом поглядим! – посмеивался полковник.

- В Сундемирово, грят, людишки последний раз старца видели, - перекрестился двоеперстно купец.

Герасимов вопросительно поглядел на бледного жандармского начальника. Тот, сглотнув слюну, торопливо закивал:

- Есть, есть такая деревенька, в Макарьевском уезде. Недалеко, около 30 верст…

Герасимов задумчиво кивнул: сия деревенька значилась на его карте как один из основных оплотов «странников». Там же, под видом пасечника, второй год проживал засланный к беспоповцам тайный полицейский агент. Полковник поглядел на часы: миновал ровно час после полуночи. Нет, кавалерию пока выпускать рановато…

- Ребята! А ну, по коляскам и вперед! Гоните, как будто за вами черти гонятся! В половине третьего ночи всем быть в Сундемирово. Кто приедет последний – служить тому помощником городового на Сухаревке, в Белокаменной!

Переодетые извозчиками сыщики, посадив в коляски товарищей, с гиком и свистом пустились по дороге в указанную сторону.

- Акулов! – продолжал распоряжаться полковник. – Возвращайся к себе. Ровно через 40 минут телефонируй дежурному по станции… Да-да, там сейчас мой человечек сидит! Скажешь: вагоны можно открывать. Цель – Сундемирово. Аллюр «три креста»! Все понял?

- Разумеется, ваше превосходительство. А как же? – жандарм кивнул на полыхающий амбар. – Он же сказал про старца…

- Поздно сказал, - зевнул полковник. – Да и не поделать уже ничего тут: пожарных я действительно нынче с дежурства снял. Где ваш личный выезд, Акулов? Я его нынче заберу, не обессудьте! Вы уж до управления своего петушком, петушком! И не забудьте: ровно через сорок минут!

* * *

В положенное время откатные двери теплушек распахнулись, и по дощатым сходням всадники конной полусотни Черкесской дивизии, которая через несколько лет вольется в состав созданной по высочайшему повелению «Дикой дивизии» и будет брошена в самое пекло Первой мировой, свели на костромскую землю застоявшихся коней. Командовал этими едва говорящими по-русски горцами сотник Мирза Кибиров. Он был воспитан в русской семье полковника с французскими корнями и получил прекрасное начальное военное образование. Сверившись с картой, Кибиров решил объехать город стороной – так получалось быстрее.

Прозвучала гортанная команда, и всадники, подбадривая лошадей нагайками, во весь опор понеслись в ночь, торопясь догнать выехавших с час назад в Сундемирово сыщиков.

Расчет Герасимова оказался верным: обе команды прибыли к деревеньке практически одновременно. Здесь конная полусотня разделилась: часть горцев с мощными электрическими фонарями окружили село, часть с дикими криками и стрельбой понеслась по немногочисленным улочкам.

И конники, и пешие петербуржцы с москвичами хорошо знали, что им следует делать. Перебудив сельчан, они согнали баб с ребятней в молельный дом. Всех мужиков связали и оставили на площади под охраной. Сразу после этого сыскные в сопровождении конников бросились по избам в поисках схронов с «бегунами».

К рассвету операция была завершена. Из тайников в избах, амбарах и на скотных дворах сундемировцев были извлечены семеро бородачей в рясах. Еще двоих «странников» нашли в схронах на пасеке, раскинувшейся на околице. Нашли там же и труп агента Константина, носивший следы жестокой расправы. Он был раздет догола и лежа распят между вбитыми в землю кольями. Вздувшийся труп был обмазан медом, а пара разоренных ульев рядом не оставляла сомнений в способе казни.

Перекрестившись, Герасимов вернулся на площадь, на одной стороне которой были согнаны связанные крестьяне под охраной горцев. Посреди площади сыщики караулили девятерых «странников». Осмотрев их внимательно еще раз, Герасимов со злобой сплюнул: старца Никитина, чья фотография в полиции имелась, здесь явно не было.

Обернувшись, он подозвал Кибирова:

- Господин сотник, попробуйте-ка «разговорить» этих отщепенцев нагайками! Надежды, конечно, мало – но чем черт не шутит, вдруг скажут…

Когда в воздухе засвистели нагайки, под ударами которых на спинах и плечах «бегунов» тут же появлялись кровавые полосы, толпа крестьян глухо зароптала:

- Почто безвинных божьих людей бьете, ироды?

- За веру свою страдают божьи люди!

- Навезли басурман на наши головы, те и рады стараться!

Усилился рев и вой из молельного дома, где были заперты бабы с ребятишками. Подумав, Герасимов кивнул одному из сыскарей:

- Вытащи-ка, братец, оттуда штук пять ребятишек. Шибко взрослых не бери, и совсем малышню тоже не надо. Понял?

- Господин полковник, ваше превосходительство, - замялся пожилой сыщик. – Детишков-то грех бить!

- Молчи, дурак! – цыкнул полковник. – Никто их бить не будет! Хитростью взять попробуем несмышленышей!

Через несколько минут выпущенная из дома малышня кинулась к своим отцам, ухватила их за колени. Герасимов удовлетворенно кивнул и распорядился отделить отцов выпущенных детей, поставить их на площади отдельно. Малышню горцы по его команде загнали в ближайшую избу, куда вскоре явился и сам полковник.

Тем временем конники притащили на площадь несколько колод для рубки мяса, бросили на них мужиков и встали рядом с шашками наголо.

Убедившись, что приготовления закончены, Герасимов, поманил ребятню к окошкам и поморщился, когда те с новой силой подняли рев и стали целовать ему руки.

- Не руби папаню, дядя генерал!

- Пощади батю, окажи божью милость!

- Ти-ха! – рявкнул Герасимов. – Не рубить, говорите? Тогда и вы мне помогите, отроки! Ежели про «странников» всё расскажете – отцов ваших трогать не велю! Понятно? Вот ты! Да, ты! – от толкнул к окошку кудрявого мальчугана лет десяти. – Кто из этих «странников» со старцем недавно в деревню вернулся?

Всхлипывая, мальчуган показал:

- Во-он двое, рыжие, с краю стоят. Они со старцем в Тибет ходили. И вон тот, который упал чичас.

- А ты откуда про Тибет знаешь, пострел? – Герасимов обнял мальчишку за плечи.

- Люди говорили. И они сами на моленном собрании про Тибет баили…

- Не врешь?

- А ты сам погляди – какие они черные, закопченые, дядя генерал! Под нашим солнышком таким не станешь!

- Гм! Верно говоришь, отроче! Ну, а остальные кто?

- Не знаю, дяденька генерал! Вот тот, который повыше – тот старцев «апостол». А остальных не знаю – оне ведь «бегуны», известно! То приходют, то уходют. А «апостол» тот несколько девок наших деревенских в болоте, я слыхал, перетопил! Во славу божью, грит… А на самом деле вовсе не за это!- потупился мальчуган.

- Понятно, - кивнул Герасимов. – А сам старец давно из деревни ушел?

- А вчера к вечеру, как смеркаться стало, так и ушел. Депешу телеграфную получил и ушел. Двух «апостолов» взял с собой…

- Ка… Какую депешу? – заморгал Герасимов. – У вас что – телеграфная контора в деревне имеется?!

- Ага. Весной провода из города протянули. А ты, дядя-генерал, папаню не будешь убивать? Правда?

Герасимов скрипнул зубами, отшвырнул мальчишку и выскочил из избы. Про телеграфную контору в Сундемировке в полученной им диспозиции не было ни слова!

- Заложников отпустите! – крикнул он горцам. – Телеграфиста ко мне, мать его в душу и в сердце! Кибиров, пошли двойные дозоры по всем дорогам, что из деревни выходят! Два десятка верст, или до ближайших деревень. Всех путников хватать и сюда!

* * *

Через несколько минут выяснилось, что телеграфист, отнеся депешу старцу Никитину, и сам из деревни куда-то подался на ночь глядя. Впрочем, его вскоре нашли и привели к полковнику. Не дожидаясь нагаек, одноглазый телеграфист покаялся, что получил вчера из города Костромы депешу. Адресована она была, разумеется, не старцу, а местному мельнику. Так было заранее уговорено – для секретности.

- Текст! Текст депеши восстанови, урод! – затопал ногами Герасимов. – И отправителя мне давай! От кого депеша пришла, ну?!

Депеша была явно шифрованная и была отправлена, судя по отметкам, с привокзального телеграфа. Начальник «охранки» скрипнул зубами и от души выматерился. Желая убедиться в своих подозрениях, он подозвал сотника:

- Сколько вагонов было в твоем составе, Кабиров? Хочешь, угадаю? Семнадцать!

Горец восхищенно прищелкнул языком:

- Все-то вы знаете, ваше высокопревосходительство! Точно, семнадцать! Откуда узнали, осмелюсь осведомиться?

Герасимов только махнул рукой и распорядился всех деревенских отпустить, а девятерых «бегунов», присоединив к ним одноглазого телеграфиста, отправить под усиленным конвоем в Кострому.

Возвращение в губернский город не обошлось без происшествий. Не успели проехать и трети пути, как к экипажу Герасимова подбежал взволнованный «сыскарь» из Петербурга:

- Разрешите обратиться, ваше высокопревосходительство! Сурьезный разговор имеется!

Герасимов внимательно поглядел на немолодого «сыскаря», которого давно знал лично: такой по пустякам начальству на глаза лезть не будет. Открыв дверцу, он слегка подвинулся, приглашающе кивнул:

- Залезай, Мелентий! Что у тебя стряслось?

- «Бегуны» проклятые морок на людев моих наводят, ваше высокопревосходительство!

- Какой морок? Ты что, совсем сдурел?

«Сыскарь» истово перекрестился:

- Крест святой истинный, что не вру!

- А ну, подробнее! – приказал Герасимов, сразу припомнив случай с лучшим сыщиком Медниковым, которого до сих пор пользовали столичные доктора. – Что, зубы конвойным заговорить пытаются?

Постоянно выглядывая в окошко и поминутно крестясь, сыщик рассказал:

- Поначалу оне воопче молчали. Потом переговариваться начали как-то чудно, вроде как не по-нашему, не по-русски. Ну, я говорунам сразу по зубам, ваше превосходительство. Приказал молчать. А их на трех телегах везут, связанных, как кур на базаре. Гляжу – в первой телеге «бегун» вроде как переговаривается с конвойным - молодым, из Москвы, я его не знаю, ваше превосходительство. Я, как старшой, крикнул тому, приказал в разговоры с арестованными не вступать – москвич и отошел сразу. Потом гляжу – снова близко к беспоповцу подошел и веревку на его руках ослабить пытается. Ну, тут я подбежал, шумнул. Москвич божится: веревку, мол, только поправить хотел! Я за веревку хвать – а она почти снятая! Ну, я москвича тотчас с караула снял, веревку как следует затянул – а беспоповец мне в глаза глядит и говорит:

- Напрасно ты это делаешь, Мелентий! Нешто, мол, не понимаешь, что диаволу служишь?

- Что, по имени так и назвал?

- Точно так, ваше высокопревосходительство! Я на москвича сперва подумал – он клянется, что и сам не знает, как меня зовут. Тут я напарника подозвал, стали мы все веревки на арестованных проверять, ваше превосходительство.

- И что же? – сквозь зубы поинтересовался Герасимов.

- На четырех беспоповцах путы ослаблены оказались, ваше высокопревосходительство! Конвойных всех поменял, конечно, да ведь дорога впереди

длинная! И сам я вроде голоса в голове слышу… А на второй телеге «бегун» рыжий язык свой проглотить пытался.

- Да разве сие возможно? Зачем?

- Удушиться, видать, хотел. Ну, там я его под дыхало так револьвером заехал, что язык-то евонный сразу из глотки и выскочил! А то ведь посинела рожа-то, у беспоповца, ваше высокопревосходительство!

- Что предлагаешь, Мелентий?

- Усилить конвой, да басурманов энтих конных по двое возле каждой телеги поставить. Я-то им не приказчик, а вы уж распорядитесь, ваше высокопревосходительство! Они по-русски почти не понимают, морок на них не должон действовать! Не довезем ведь иначе до станции проклятых!

- Дело, пожалуй, говоришь, Мелентий! Покличь-ка мне сотника ихнего, я распоряжусь!

* * *

Вернувшись в Кострому, Герасимов первым делом отправил сыскных на станционный телеграф. Короткое следствие показало, что телеграфная депеша о «вагонах с зерном» была отправлена в Сундемирово самим телеграфистом. Его, разумеется, арестовали. Привезенных «бегунов», не развязывая, уложили на землю двора съезжего дома, на расстоянии друг от друга, и приставили усиленную смешанную охрану.

Отказавшись от предложения начальника Костромского губернского жандармского управления перекусить чем Бог послал, Герасимов заперся с ним в кабинете и устроил Акулову грандиозную выволочку.

- Р-р-распустил, негодяй, вверенную тебе губернию! Сплошная беспоповщина! – орал Герасимов. – Нешто у вас православие христианское совсем в загоне?! Ну, этот вопрос я в Петербурге в Сенате «провентелирую»! А с тобой что прикажешь делать, Акулов?

Подавленный начальник отмалчивался, лишь попробовал сослаться на доставшуюся ему от предшественника «в наследство» крестьянскую вольницу[1].

- Что-то много у тебя этих потомков развелось! – криво усмехнулся Герасимов. – Половина, если не больше, самозванцы, ручаюсь! Ты вот что, Акулов: проведи-ка для начала ревизию этих потомков! Пусть представят в управу узаконенные доказательства своего происхождения от Сусанина! Что-то вроде генеалогического древа, утвержденного герольдической инстанцией!

- Да где ж эти крестьяне возьмут такое свидетельство? – усомнился Акулов.

- В том-то и дело, что для сего нужно обращение на высочайшее имя, драгоценный мой! Не докажут! И казне государственной прибыток будет, и наказание для самозванцев! И начни с беспоповцев! Истинно верующих не трогай!

Помолчали.

- Что ж с тобой делать-то, Акулов? – словно размышляя вслух, заговорил Герасимов. – Я полагаю, что сковырнуть тебя отсюда, написать соответствующий рапорт - дело нехитрое. Да что толку! Ну, поедешь в Сибирь почтмейстером дослуживать, а сюда нового дурака пришлют. Пока он поумнеет, пока в курс дел губернских войдет и пользу отечеству приносить станет… Да и станет ли?

Акулов подавленно молчал.

---

[1] По Жалованной грамоте Царя Михаила Романова от 1619 года все потомки Ивана Сусанина за жертвенный подвиг своего предка, спасшего царя и Русь от поляков, получили в вечное пользование землю. Они были освобождены от всех налогов и податей, стали вольными крестьянами. С каждым годом число потомков увеличивалось. Так, с 1767 года сохранились данные о 153 потомках Ивана Сусанина, в начале XIX века - 195, а к 1900 году их насчитывалось около трехсот человек.

- Вот что, друг любезный! – оживился вдруг полковник. – Как у тебя с «политикой», Акулов? Понимаю, что не столица – но ведь наверняка наезжают сюда – хоть и на отдых, либо для «залегания на дно» - бомбисты, эсеры всякие, а? Отслеживаешь?

- Безусловно, ваше высокопревосходительство! – несколько оживился Акулов. – Держим под неусыпным приглядом!

- Держите, говоришь? Но не трогаете?

- Согласно полученному циркуляру министерства внутренних дел и департамента полиции не трогаем, а выявляем связи и прочее…

- Так-так-так! – Герасимов пробежался по кабинету, побарабанил пальцами по оконному стеклу и встал прямо напротив вскочившего Акулова. – А давай-ка, братец, «пощупаем» твоих террористов! Устрой в городе несколько громких арестов и пусти через верных людей слушок, что сии аресты произведены по доносам «бегунов»! И в рапортах начальству то же самое укажи – да сделай так, чтобы эти рапорта перед отправкой в Петербург кому надо на глаза попались. Понял мою мысль, Акулов?

- Попробовать-то можно, ваше высокопревосходительство, - схватился за бритый подбородок жандарм. – А вот получится ли? «Странники» ведь никоим боком с властями не якшаются, это даже дети малые у нас знают!

- Ну и что? Социалисты – публика крайне подозрительная. И сбором доказательств «предательства» или наушничества себя практически не утруждают! Услышат «звон» - и объявят нашим «странникам» войну! Те конспираторы – и эти прятаться любят. В общем, Акулов, великое мы дело сделаем, коли по-умному стравим революционеров и «бегунов»! Да и у дичи шансов укрыться от пули да от бомбы тем меньше, чем охотников больше, - он подмигнул Акулову. – Ежели по-умному все сделать, можно и Владимира в петлицу вне очереди получить, соображаешь? Ну, это мы с тобой еще обсосем во всех подробностях, господин начальник!

- А с телеграфистами что делать, ваше высокопревосходительство? Со станционным и сунднмировским?

- Арестовать, обвинить в серьезной статье Уложения о наказаниях – а лучше в нескольких – и в каторгу голубков! Тож самое с пристанодержателями для «бегунов»: в каторгу! Чтобы другим неповадно было!

- У купцов братьев Востриковых амбар со льном сгорел дочиста, да и дом с пристройками заодно, ваше высокопревосходительство, - напомнил Акулов. – Как бы на произвол властей жаловаться не стали!

- Пошли за ними пару городовых, пусть прилюдно притащат сюда, а уж ты предупреди купчишек по-хорошему: начнут жаловаться на власть предержащих – можно и шепнуть кому надо, кто полицейскую и войсковую команды на Сундемирово навел! Мигом присмиреет! И вообще: мне б твои заботы, брат Акулов! Мне «бегунов» арестованных еще в Петербург доставить надо, да вытянуть из них то, что начальство желает! А это, печенкою чую, ой как непросто будет!

* * *

Прав оказался в своих предчувствиях полковник Герасимов! Доставленные в Северную столицу «странники» были размещены в одиночках тюрьмы для политических арестантов. Но сколько ни бились с ними сыщики, дознаватели и прокуроры, ответом было молчание. А потом «бегуны» начали без всяких видимых причин умирать. Доктора разводили руками: внезапная остановка сердца, паралич головного мозга…

- Но отчего, доктор, по какой причине? – «пытали» докторов и в полицейском департаменте, и в министерстве внутренних дел. –Должна же быть какая-то причина для внезапного летального исхода! Вот вы, господин профессор, днями всех наших подопечных

осматривали, верно? Были какие-то признаки тяжкого или смертельного заболевания, могущего привести нынешнего, к примеру, покойника, к столь неожиданному концу?

- Ничего не было! Верьте слову! На редкость здоровые люди, все показатели жизнедеятельности организма – в пределах нормы. Правда, - профессор деликатно кашлянул. – Правда, на плечах и спинах ваших арестантов имеются следы плетей, или кнута, уж не знаю – примерно недельной давности, уже начавшие заживать. Но сектанты «хлысты», к примеру, регулярно бичуют себя – и ничего, живут и здравствуют! А тут… 40 лет практикую – и впервые затрудняюсь с диагнозом, ваше высокопревосходительство.

- Чертовщина какая-то, - бормотал Герасимов, предчувствуя министерскую головомойку из-за неубережения ценных арестантов. – Доктор, а не могли эти типусы спрятать где-то в одежде, или ротовой полости, не говоря уже о противоположной, так сказать, полости, какую-нибудь пилюлю с ядом? И, видя безвыходность своего положения, пойти на самоубийство?

- Это совершенно исключено, - потряс холеной бородкой профессор медицины. – То есть, спрятать-то могли, безусловно. Но применение любого яда неизбежно оставляет на теле и в самом организме покойника следы – прямые или косвенные. И не увидеть этих следов я и мои коллеги-патоанатомы, простите, просто не могли!

Докладывать государю было нечего.

А тут еще этот совершенно дикий, выходящий за всякие рамки понимания случай с визитом в департамент неизвестного, выдававшего себя за старца Никитина!

* * *

На следующий день после внезапной смерти четвертого «бегуна», столь же таинственной и необъяснимой, как и предыдущие, полковнику Герасимову доложили, что к нему на прием явился некий человек, утверждающий, что он – старец Никитин. И что посетитель покорнейше просит уделить ему пять минут драгоценного времени его высокопревосходительства.

Герасимов едва не подпрыгнул:

- Что-с? Старец Никитин? Явился сам? Где он?

- Сидит в комнате ожидания, рядом со швейцарской.

- Надеюсь?..

- Не извольте беспокоиться, ваше высокопревосходительство! Убежать оттуда ему никак невозможно! В швейцарской уже засел усиленный наряд охранников и сыскных. Пост выставлен также снаружи здания, у входа. Только, - порученец замялся. – Только побей меня Бог, если это старец Никитин!

- Ничего не понимаю! Тогда кто же это?

- Не могу знать, ваше высокопревосходительство! Не похож визитер на сектанта, побей меня Бог! Может, посланец от него. А, может, простите, обыкновенный сумасшедший.

Оттолкнув порученца, Герасимов выскочил в коридор, спустился на один лестничный марш и нырнул в тайную комнату, оборудованную совершенно незаметной смотровой щелью, коя заканчивалась в комнате ожидания на первом этаже. Затаив дыхание, полковник прильнул к щели, всмотрелся.

На скамейке у стены, положив шляпу на колени, смиренно дожидался аудиенции либо отказа в таковой благообразный господин в партикулярном платье. Чистое бритое лицо с аккуратными усиками, высокий пробор в светлых волосах. С виду – приказчик из дорогого магазина, актер, либо кто-то из адвокатского сословия – но никак не старец Никитин!

Не отрываясь от щели, Герасимов поманил поближе порученца:

- Дуй-ка, братец, за доктором психиатрии, который у нас нынче был! Возьми мое авто. Проси, чтоб немедленно пришел. Скажи – срочнейшее государственное дело! А посетителю пусть скажут, что я освобожусь примерно через час и сразу же приму этого «Никитина». И что я покорнейше прошу его никуда не уходить и дождаться! Пусть ему предложат чаю с сушками. Не пожелает ждать и попытается уйти – брать немедленно! Живым и без членовредительства, понял?

Порученец исчез, и через минуту Герасимов увидел, что посетитель привстал, слушая кого-то невидимого, и согласно кивнул головой. От чая с сушками он отказался и продолжал смирно сидеть на скамейке, теребя шляпу. Понаблюдав за посетителем с четверть часа, Герасимов вернулся в свой кабинет, загнал патрон в ствол «браунинга» и положил пистолет в выдвинутый ящик стола.

Через полчаса явился доктор, весьма недовольный тем, что его буквально оторвали от важных занятий. Герасимов в двух словах объяснил доктору суть дела и усадил за столик у окна, за которым обычно работал со срочными делами помощник.

- Вы, доктор, не бойтесь: я принял все меры предосторожности, - Герасимов и сам нервничал, но виду старался не показывать. – В этом фальшивом шкафу засели два дюжих молодца, имеющие большой опыт скоротечных схваток. А у меня под рукой заряженный пистолет. Ваша задача – наблюдать за посетителем. Его реакции, особенности поведения – ну и все прочее, что у вас там положено с душевнобольными.

Герасимов походя заглянул в фальшивый шкаф, погрозил сыскным пальцем и уселся на место.

- Проси сюда этого типа! - распорядился он порученцу.

- Вот господин, который желает вас видеть, ваше высокопревосходительство! – громко отрапортовал порученец, широко распахивая двойные двери.

«Никитин» робко вошел в кабинет, глубоко поклонился привставшему полковнику и был вежливо усажен к приставному столику. Шляпу он по-прежнему теребил в руках.

- Ну-с, я вас слушаю, господин Никитин. Что вы имеете мне сообщить?

Посетитель поезрзал в кресле:

- Да я, собственно, даже не знаю, с чего начать, - заговорил он чуть дрожащим тенорком.

- Смелее, смелее, любезнейший! – подбодрил его Герасимов.

И вдруг посетитель на его глазах преобразился. Его спина выпрямилась, лицо словно заострилось, глаза глядели на полковника вприщур. Он заговорил – но теперь это был не дребезжащий тенорок, а довольно глухой бас. Говорил посетитель монотонно, словно озвучивал заученную речь:

- Полковник Герасимов, если не ошибаюсь? Один из главных прислужников Сатаны в этом мире? Признаюсь, мне чудом удалось уйти от вас и ваших прихвостней в Костромской губернии! Что вам надобно, полковник, от старца Никитина? Он никому не желает зла. Единственная его цель – это Знания, нужные моей общине и моему миру. Четверо моих единоверцев уже отдали Богу душу в твоих узилищах иродовых, полковник! Умрут и остальные – хотя они только начали приобщаться к великим Знаниям и ничем не могут потешить главного аггела Сатаны, который приказал тебе поймать их. Старец может лишить твоей никчемной жизни и тебя – прямо сейчас, несмотря на стражей в шкафу и заряженный пистолет в правой руке. Но он понимает: тогда за его единоверцами будет начата большая охота. Охота, которую старец ничуть не боится, и лишь сожалеет, что она помешает ему выполнить до конца свое дело на этой земле. Отпусти взятых в Сундемирове пленников – они все равно ничего и никому не скажут…

Посетитель замолк, осел в кресле, словно сдутый большой воздушный шар. Его глаза были широко раскрыты, но казались мертвыми. Из угла рта на сюртук потянулась тонкая ниточка слюны.

Доктор, повинуясь знаку Герасимова, встал со своего места, подошел к посетителю и пощупал его пульс, потом положил руку на сонную артерию на шее.

- Мертв, - констатировал он. – Сердце не бьется.

- Что это было, доктор? – закричал Герасимов, вскочив с пистолетом в руке. – Что за чертовщина тут произошла на моих глазах?! Кто это?

Доктор устало протер пенсне и вернулся на свое место.

- Кто это – я не знаю, ваше высокопревосходительство. Однако совершенно очевидно другое: этот человек побывал в руках упомянутого старца и был подвергнут сильнейшему гипнотическому воздействию. Ему приказали найти вас, передать сообщение и умереть. Я знаком с работами немца Карла Юнга и нашего соотечественника, профессора Бехтерева. Они писали в своих трудах, что подобное в принципе возможно, но считали, что человечество подойдет к подобным знаниям лет через 50-70…

- К чертям собачьим ваших Юнга и Бехтерева! – заревел Герасимов. – Как прикажете объяснить сие министру фон Плеве? Государю, наконец!

Услыхав упоминание об императоре, профессор начал собираться.

- Нет уж, профессор! – опомнился Герасимов. – Вы не выйдете отсюда до тех пор, пока у меня на столе не будет лежать подписанное вами заключение о смерти этого типа, а также высказанные вами предположения о гипнотическом воздействии на него!

- Прикажете проводить анатомическое вскрытие прямо в вашем кабинете, ваше превосходительство? – усмехнулся профессор. – Не будет ли дерзостью, в таком случае, просить вас быть моим ассистентом?

Сдержав порыв разрядить в доктора всю обойму пистолета, Герасимов перевел дыхание, и покачал головой:

- Каждому свое, профессор. Вскрытие произведете в специальном помещении, в нашем подвале. Если вам нужны ассистенты, благоволите сообщить их имена, и они тотчас будут доставлены на Гороховую.

Уже покидая кабинет полковника, доктор остановился и повернулся к Герасимову:

- Я не думаю, что анатомическое вскрытие этого человека даст какие-то результаты. Но я, кажется, знаю, как вам помочь.

РЕТРОСПЕКТИВА -7 Контакт Россия – Британия

Военный министр Куропаткин, получив приказ государя о подборе кадровых офицеров-инородцев для грядущей тайной экспедиции в Тибет, по здравому размышлению пришел к выводу о том, что этого для качественного выполнения задания будет мало.

В «Дом со львами»[1] на Исаакиевской площади был незамедлительно вызван начальник Разведочного отделения ротмистр Лавров. Из соображений конспирации он, возглавляя фактически одно из подразделений Главного штаба, по всем документам проходил как "состоящий в прикомандировании к Штабу Отдельного корпуса жандармов", то есть к Министерству внутренних дел.

Приказав немедленно подготовить для откомандирования в штаб Всевеликого Войска Донского смышленого и опытного человечка, Куропаткин не спешил отпускать своего главного разведчика и контрразведчика в едином лице.

[1] Так в просторечии именовали главное военное ведомство империи – его Военное министерство.

- Понимать должен, Владимир Николаевич, какого сорта разведчики мне нужны. Понимаешь ли?

Ротмистр сосредоточенно кивнул: последний вопрос для него был явно излишним.

Помолчав, генерал неожиданно задал другой вопрос:

- Владимир Николаевич, есть ли у тебя агент в Британском посольстве? Давай-давай, клади руку на сердце и признавайся: есть ли? Очень нужен нам такой человечек!

Этот вопрос, по сути дела, выходил за рамки дозволенных, даже для прямого начальника ротмистра. Однако Лавров, все мгновенно просчитав, понял, что министр, очевидно, находится в труднейшем положении – раз «лезет в кухню» Разведочного отделения. Кашлянув в кулак, он пожал плечами:

- Надежного агента, как, собственно, и просто агента, я там пока не имею, ваше высокоблагородие. Но кандидат в таковые, признаться, имеется. Держу пока его для особой надобности, оснований для которой, признаться, пока нет. Или уже есть, Алексей Николаевич?

- Сам не знаю, - признался Куропаткин. – Вот хотел с тобой посоветоваться, ротмистр. Помнишь ли ты лже-генерала Пэйна, навестившего наши пенаты весной нынешнего года? Так вот, ротмистр, сей Сумасшедший Ганс, как его именуют в Сингапуре, наскандалил не так давно во Владивостоке. Между прочим, с участием нашего отставного контр-адмирала Стронского…

Рассказав в нескольких фразах о дальневосточном скандале с участием Ганса Ландсберга, министр закончил:

- Как это водится у англичан, на нашу ноту протеста они не ответили. Стронский в Петербурге пока тоже не объявлялся: почему – ты сам должен догадаться. Да он нам, собственно, пока и без надобности. Ганс Ландсберг меня нынче интересует более всего. По имеющимся у меня сведениям, этот Ганс вроде как несколько лет прожил в тибетских монастырях, куда европейцам, как ты должен знать, путь вообще заказан. Почему тамошние ламы сделали для него исключение? Потолковать бы с ним, Владимир Николаевич, а?

- Далековато для беседы с ним Ганс забрался, - позволил себе легкую ухмылку Лавров. – Причем, с учетом владения быстроходным клипером, в Сингапур он мог и не вернуться: у богатых, как говорят, свои фантазии и возможности… Стало быть, нужно человечка в Британском посольстве все-таки завербовать, и через него попытаться узнать – вернулся ли Ландсберг в свою «вотчину»?

- В верном направлении мыслишь, ротмистр, - кивнул военный министр.

- Завербуем, узнаем – а дальше-то что? – взглянул прямо в глаза начальству Лавров. – Командировать своего человечка в Сингапур, для разговора с Гансом? Это ведь, позволю напомнить, не в Кострому прокатиться…

- Ты не дерзи, Владимир Николаевич, - ворчливо отреагировал Куропаткин. – Сначала завербуй, узнай о местонахождении Ганса, доложи, а потом дальше будем думать! И о первом задании не забывай! Сколько тебе времени на вербовку потребуется, ротмистр?

- Спросите чего полегче, ваше высокоблагородие! – покачал головой Лавров. – Наживка для вербовки серьезная, но всяко бывает, сами знаете! Прижму я «кандидата» имеющимся компроматом, а он из высоких моральных принципов в петлю полезет. Или сбежит… Тут гарантий никаких быть не может, Алексей Николаевич! Кстати, о Костроме: побывавших в Тибете европейцев можно и поближе найти!

- Намекаешь на сектантов, ротмистр? Так они и под присмотром профессора Бехтерева здесь, в Петербурге, поумирали по команде своего «идейного руководителя» …

- Ну, во-первых, не все, ваше высокоблагородие. Одного господин Бехтерев сохранил и даже вывез в загородный тихий сумасшедший дом. И, по слухам, успешно «перевербовал». То есть, сумел каким-то образом оградить от смертельных флюидов старца Никитина и успешно с ним работает. Во-вторых, сам старец где-то неподалеку…

- О старце пока забудь! – приказал генерал. – Если рассказы полковника Герасимова из «охранки» хотя бы наполовину верны, нам от этой чертовщины следует пока держаться подальше! И насчет последнего из «могикан» я знаю – рано его в оборот брать! Связь с профессором поддерживается, не волнуйся! Так что, давай-ка, англичанином займись! Надеюсь, это не помощник швейцара на Дворцовой, 4[1]?

- Обижаете, Алексей Николаевич, - сделал вид, что обиделся, Лавров. – Второй секретарь посольства, Райли.

- Второй секретарь, говоришь? – Куропаткин прошелся по кабинету, хрустя пальцами и напряженно размышляя об идее, только что пришедшей ему в голову. – Владимир Николаевич, а что, если мы в таком разе не вербовку проведем, а пригласим англичан к долгой игре?

- Слушая вас, Алексей Николаевич!

- А слей-ка, брат Лавров, своему «визави» - якобы нечаянно – утечку про начавшиеся переговоры государя с далай-ламой! Британцы про сие пока не знают, это им как шило в задницу будет! Да и твой «кандидат» в свой актив нового русского агента запишет!

- Спасибо за доверие, ваше высокоблагородие, - кисло улыбнулся Лавров. – Значит, отдаете меня британцам со всеми потрохами?

- Ты у нас джентльмен крепкий, выдержишь, ротмистр!

- А каковы будут чисто военные последствия этой намеренной утечки для России? Может, с государем согласовать? – состожничал Лавров.

- Страховка – дело хорошее, - согласился Куропаткин. – Но не всегда. К тому же, британцы все равно о переговорах узнают. «Крыша»-то в Царском дырявая, там английских обожателей достаточно. Чисто военные последствия, говоришь? Ну, войной на Россию англичашки не пойдут, это исключено! Ноту протестную пришлют. А, скорее всего, предпримут в Тибете некую акцию устрашения. Покажут, что Россия далеко, а их экспедиционный корпус вот он, под боком! На севере Индии… Но для страховки давай-ка оформим сию утечку как твое предложение. А я визу наложу. Так спокойнее будет…

* * *

Едва дождавшись «изюминки» первого акта «Спящей красавицы» - неповторимого вальса – второй секретарь посольства Британии покинул ложу и заторопился в буфетную. Будучи завсегдатаем «Мариинки», он знал, что если дождаться конца акта, то вряд ли ему достанутся великолепные пирожные, которыми славился русский театр. Сэр Дэвид Райли был сластеной, и не скрывал этого.

В буфетную залу он поспел вовремя: служители только что кончили разносить по столам объемистые вазы со сладостями. Не был, к счастью, занят и любимый столик второго секретаря – в промежутке между дальними колоннами. Приметив постоянного гостя, к его столику уже спешил метрдотель в сопровождении официанта с маленьким графинчиком «шустовского».

Выбрав из вазы пирожные по вкусу, сэр Райли удовлетворенно вздохнул и снисходительно оглядел буфетную, понемногу заполнявшуюся столь же завзятыми, как и он, меломанами. Нынче их было больше обычного, и уже через десяток минут все столики были заняты.

---

[1] Этот адрес в Петербурге был посольством Британии в империи.

- Not allowed to accompany you, sir? Unfortunately, all the other tables are occupied[1], - извиняющимся тоном обратился к британцу человек в безукоризненном фраке.

Выговор у незнакомца был тоже безукоризненный, скорее всего южно-лондонский, и сэр Дэвид Райли, помедлив, кивнул.

Незнакомец углом программки указал подскочившему официанту на выбранные пирожные, и Райли мысленно одобрил его выбор. Спросив рюмку ликера, незнакомец снова извиняюще улыбнулся:

- I understand that stick sweet sweet - this too, but I can not help it, sir![2]

Райли вместо ответа лишь поиграл бровями.

Съев с расстановкой два пирожных, незнакомец оставил на столике крупную купюру, чем окончательно испортил настроение экономному британцу. Поклонившись, он исчез в толпе. И только тут англичанин заметил, что рядом с ассигнацией незнакомец оставил на столике и свою программку с заложенным в нее конвертом.

Рассчитываясь за пирожные и коньяк, Райли обратил внимание официанта на чужую программку:

- Не знаете ли господина, что сидел за моим столиком, любезный? – спросил по-русски англичанин. – Он что-то оставил – возможно, весьма ценное для него!

- По моему разумению, какой-то военный чин из Главного штаба, ваше сиятельство, - поклонился официант и взял программку в руки. – Возможно, на конверте имя или адрес – я передам нашему заведующему. У нас, знаете ли, ничего не пропадает-с, ваше сиятельство! Не та публика-с!

Перевернув конверт, он прочел:

- Сэру Дэвиду Райли, конфиденциально. Хм, странно…

- Похоже, это мне, - улыбнулся краешком губ британец. – Наш незнакомый джентльмен удивительно застенчив!

Прихватив конверт с программкой, он до третьего звонка кружил в вестибюле и на лестницах, пытаясь увидеть таинственного незнакомца, но все его усилия были тщетны. Пожав плечами, Райли вернулся в свою ложу и только там позволил себе вскрыть конверт с полудюжиной фотографий. То, что он увидел на них, бросило британца в холодный пот.

Подавив первое и естественное желание - разодрать мерзкие фотографии в мелкие клочки и немедленно уехать под защиту родных стен посольства – сэр Райли принялся ждать.

Он не был профессиональным разведчиком, и лишь изредка выполнял мелкие поручения третьего секретаря, заявленного военно-морского атташе. Но Райли не был и дураком, и вполне отдавал себе отчет в том, что означает подобное послание. Боже, сколько раз его предупреждали о максимальной осторожности в этой проклятой России! Он попался, и теперь оставалось только ждать нового появления джентльмена с прекрасным английским произношением. Покаяться послу? Это означало немедленный сбор чемоданов и конец карьеры. К тому же, подобный конверт в таком случае немедленно окажется в руках его супруги, леди Фионы. Или хуже того: в редакции какого-нибудь журнала или газеты.

Проклиная все на свете, Райли ждал. Вот закончилось второе отделение – он предпочел не выходить из своей ложи, вздрагивая от каждого громкого звука снаружи – никто к нему не зашел, никто не сделал предложение, от которого невозможно отказаться.

Выглянув в коридор, британец кивнул служителю, охранявшего его покой в ложе и попросил его принести большую рюмку коньяку – самую большую, каковая только

---

[1] Не позволите ли составить вам компанию, сэр? К сожалению, все остальные столики уже заняты (англ.)

[2] Понимаю, что заедать сладкое сладким - это слишком, но ничего не могу с собой поделать, сэр! (англ.)

найдется в буфете. Невозмутимо поклонившись, служитель исчез. Стук в дверь раздался через несколько минут, и Райли нетерпеливо крикнул:

- Да заходите же, черт бы вас побрал! Можно подумать, что вы ходили за коньяком не в буфетную, а…

- А куда, сэр Райли? – вкрадчиво осведомился до омерзения знакомый баритон с безупречным английским выговором.

Пропустив служителя с бокалом коньяка на подносе, давешний джентльмен без приглашения проник в ложу вслед за ним, и непринужденно развалился в соседнем кресле.

- Как вам Кшесинская, мистер Райли? Черт побери, глядя на ее «па», понимаешь, что время против великих исполнителей бессильно! Впрочем, о чем это я? Вам за последние полчаса, думаю, было не до событий на сцене!

- Кто вы и что вам угодно? – глухо отозвался сэр Райли.

- Люблю деловых людей, - кивнул собеседник и ослепительно улыбнулся. – Да не переживайте вы так, мистер Райли! Кто я – вы наверняка догадываетесь. Что касается небольшой просьбы, которую вас попросят исполнить, то тут тоже не стоит беспокоиться. Я не буду выжимать из вас страшные секреты Владычицы морей, Британии! Да-да! И не стоит столь скептически улыбаться, мистер Райли! Вопросы-то действительно пустяковые!

- Говорите, мистер…

- Первое. Английское правительство уже наверняка в курсе русско-тибетских консультаций, или переговоров – считайте, как угодно. Нас интересует реакция британцев. Когда ваше правительство намерено предпринять в отношении Тибета некую «акцию устрашения»? Насколько серьезной она будет? Какие полномочия в этой связи имеет лорд Керзон[1]?

Переговоры русского царя с далай-ламой?! Черт побери, об этом в посольстве пока разговоров не было. И если он, Райли, первым принесет послу эту «конфетку»… Впрочем, почему именно послу, который не раздумывая, присвоит заслугу себе? Новость заслуживала немедленной передаче на Даунинг-стрит[2] и заслуживала внимания самого сэр Ге́нри Чарльза Кита Пе́тти-Фицмо́риса[3]. В таком случае, и мерзкую фотоподборку можно было представить совсем под другим углом зрения. Все эти мысли вихрем промчались в голове второго секретаря посольства, и ему стоило больших трудов сдержать торжествующую улыбку.

- Это несложно узнать. Что еще?

- Некто Ганс Ландсберг, проживающий в Сингапуре и не столь давно приезжавший в Петербург с потешным английским паспортом. Некоторое время назад он побывал в Индии и Тибете, где прожил два года. Полагаю, что англичане присматривали все это время за ним. Нас интересует подробное досье на этого человека. Свяжите ваш интерес к этому человеку с инцидентом во Владивостоке – я полагаю, что досье можно собирать практически легально.

- Допустим. Это все?

- Нет, мистер Райли. В ближайшее время в посольство Британии обратятся двое английских коммерсантов, у которых здесь, в России, украли паспорта. Нужно будет помочь им получить новые документы – причем без лишних вопросов и копаний в их прошлом. Имя одного из бедолаг – Джон Доунс. Как зовут второго – пока не знаю. Теперь все!

---

[1] В описываемое время – вице-король Индии, командующий объединенными британо-индийскими вооруженными силами.

[2] С 1902 года здание на Даунинг стрит, 10 – официальная резиденция премьер-министров Британии.

[3] В описываемое время – министр иностранных дел Британии.

- А что взамен, мистер? Полагаю, вы пообещаете уничтожить компрометирующие меня фотографии, но в скором времени снова явитесь по мою душу с их копиями?

- Даю слово офицера: нет! Вы знаете слишком мало секретов, чтобы тратить на вас свое время – извините за прямоту, конечно…

- Звучит несколько оскорбительно, но вселяет надежды, - буркнул Райли. – Кстати, насчет переговоров. Кого я могу назвать в качестве своего информатора?

- Ротмистр Лавров. Остальное узнавайте сами, Райли! И один совет на прощание: забудьте адрес мадам Элизы в Петербурге и ее салон «Белой магии». Ни для кого не секрет, что в задних комнатах своего особняка она устроили нечто вроде борделя для состоятельных господ, обожающих иметь дело с малолетними девочками. И сама же, кстати говоря, составляет фотоархив посетителей, рассчитывая, очевидно, со временем или в трудную минуту на элементарный шантаж.

- Мерзавка!

- Совершенно с вами согласен, мистер Райли. Но, как говорят в России, всяк овощ на пользу человека! Вот и с вами, мистер Райли, мы познакомились благодаря мадам Элизе.

- Сомнительное, прямо скажу, удовольствие…

- Не надо меня злить, Райли! Да, наши люди давно знают об этом мерзком гнезде мадам. И давно бы отправили ее в кандалах по Владимирскому тракту»: растление малолетних – серьезное преступление как в Британии, так и в России. Но пока начальство, к сожалению, запрещает ее трогать!

Райли открыл было рот, чтобы съехидничать по этому поводу, однако, увидев выражение лица незнакомца, передумал.

- Наша встреча – ровно через две недели, после первого отделения, за тем же столиком, Райли. Не буду предупреждать о последствиях неявки или невыполнения наших просьб. Леди Фиона вам этого не простит, Райли!

* * *

Едва дождавшись финала балета – и то лишь потому, что нужно было хорошенько обдумать свои дальнейшие действия – Райли помчался в посольство и потребовал немедленно разбудить Чрезвычайного и Полномочного посла в России сэра Чарлза Стюарта Скотта. Личный камердинер посла, после некоторого колебания, согласился, и на цыпочках проник в спальню шефа – тот имел обыкновение ложиться рано. После долгих расспросов и чертыхания, посол накинул халат, и Райли был допущен в «святая святых».

- Царь Николай II ведет переговоры с далай-ламой Тибета, - с порога выпалил Райли.

С посла мгновенно слетели остатки сна.

- Откуда у вас такая информация, Райли? Надеюсь, это не следствие чрезмерного употребления коньяка? От вас разит, как из бочки…

- Мне удалось завербовать серьезного агента из Генштаба русских, - не моргнув глазом, отрапортовал секретарь.

- Вот как? Насколько я понимаю, вербовка не входит в перечень ваших обязанностей. Да и соответствующей подготовки у вас нет… В конце концов, вы не поставили меня в известность о своих контактах с Генштабом – а это серьезное нарушение протокола, Райли!

- Победителей не судят, сэр!

- Победителей? Вас таковым еще не признали, мистер Райли! А если это намеренная «деза», подсунутая вам для того, чтобы испортить наши и без того скверные отношения с русскими?

Посол потряс колокольчиком и велел немедленно позвать военно-морского атташе посольства, отвечающего по протоколу за всю разведдеятельность.

- И кто же наш новый агент в штабе русских? - не скрывая иронии, первым делом осведомился атташе.

- Ротмистр Лавров, сэр!

Атташе вытаращил глаза:

- Вам удалось подцепить на крючок самого начальника Разведочного отделения Генштаба, Райли?! Простите, не верю!

- Помолчите, Арчи! – оборвал посол. - Садитесь и рассказывайте все с самого начала, Райли! Где, когда, при каких обстоятельствах?

Пришлось вытаскивать проклятые фотографии. Посол и атташе бегло проглядели их с откровенным омерзением и уставились на Райли, ожидая пояснений. Но тот недаром потратил час на разработку своей версии посещения салона мадам Элизы!

- Помните историю с застрелившимся датским дипломатом, сэр? Так вот, я был весьма дружен с беднягой, и тот за день перед тем, как спустить курок, рассказал мне об этом салоне. И о последовавшем предложении русских, от которых было трудно отказаться. Как выяснилось, этот «курятник» - детище русской контрразведки. Они же снабдили мадам великолепной фотоаппаратурой, и используют полученный компромат для вербовки любителей маленьких девочек. Я использовал этот весьма отвратительный шанс для того, чтобы мной заинтересовалась русская контрразведка.

- Зачем вам-то это понадобилось, Райли?

- Откровенно, сэр? Хорошо, признаюсь! Я тружусь на дипломатическом поприще девятый год. И, не имея влиятельных друзей и родственников на Даунинг стрит, скорее всего, так и завершу свою карьеру, в должности второго секретаря посольства. Я хочу сделать карьеру, сэр! И решил рискнуть… Не скрою: мне было противно посещение салона и общение с этими… «скелетиками», но… Надеюсь, в донесении в Лондон вы упомянете мое имя? Кстати говоря, ротмистр заявил, что в дальнейшем согласен работать только со мной, - поспешил прибавить Райли.

Атташе откровенно фыркнул, но промолчал.

Посол брезгливо отодвинул стопку фотографий на край столика:

- Уберите эту гадость, Райли – если, конечно снимки не дороги вам как воспоминание! Итак, начальник русской контрразведки поймал вас с вашей же, как вы уверяете, «подачи» – но зачем? Чтобы предложить свои услуги?

- Нет, сэр! Русские уверены, что мы знаем о начале их переговоров с Тибетом, или узнаем в ближайшее время. Их интересует наша реакция на это – в первую очередь.

- А во вторую? В третью?

- Лаврову нужно подробное досье на Ганса Ландсберга. Ну, который заварил кашу на Дальнем Востоке. И два подлинных бланка паспортов подданных Британии…

- Что скажете, Арчи? – посол упер тяжелый взгляд в военного атташе.

Тот почувствовал себя неуютно:

- Ну, мы знаем, что в Петербурге долго околачивался полуофициальный посланник далай-ламы, некто Доржиев, - пробурчал он. – Однако, большинство аналитиков на Даунинг стрит полагают, что это связано с лечением наследника русского престола. Что касается другого даверенно лица далай-ламы, Бадмаева и его активного «окучивания» царя, то он преследует чисто меркантильные цели…

- Доржиев давно уже не столько врач, а политик, - резко оборвал его посол. – Он увез в Тибет проект соглашения с Россией, а там и только и делает, что жужжит в уши далай-ламе о прекрасных перспективах жизни тибетского народа под Россией.

Он забегал по спальне:

- Русская разведка что-то затевает в Тибете! А, может, и не только разведка! Вспомните Туркестанские походы Скобелева и Куропаткина! Русские чертовски здорово

умеют воевать в горах и форсировать перевалы, считающиеся непроходимыми! А Лавров явно переоценил наши возможности, Арчи! Ваши, Арчи, возможности! А вы… Вы только и пересчитываете русские военные корабли на Балтике, не вылезая из постелей жен и любовниц директоров оборонных заводов России, оправдывая свою похоть интересами Британии. Немедленно будите шифровальщика, Арчи! А вы, Райан, ступайте готовить подробный отчет о своей встрече с начальником русской контрразведки!

* * *

Вернувшись из десятидневной поездки для подбора кандидатов для тайной экспедиции в Тибет, куда Лавров ездил на пару с бывшим унтер-офицером сверхсрочником Анисимом Исаенко[1], ротмистр поспешил с докладом к Куропаткину.

- Нашел? – встретил его вопросом военный министр.

- Отобрали с Исаенко шестерых, ваше высокоблагородие. Наиболее перспективными мне представляются трое. Однако сразу скажу: пригодный для столь ответственной командировки офицер только один, подъесаул[2]. Двое других – казачий урядник и штатный гелюн[3]. Полагаю необходимым всех шестерых отозвать в распоряжение Главного штаба и поселить где-нибудь на даче, в близкой досягаемости от столицы. Туда удобнее доставлять необходимую им литературу на тибетском языке, священные книги и прочее.

- «Быть по сему», - усмехнулся Куропаткин, повторяя любимую царскую резолюцию. – Дачку подыщем, не вопрос. То, что подстраховался и двойную команду привез – молодец! Всяко бывает…

- Ну, а что тут новенького, в Петербурге, ваше высокоблагородие?

- Новенького? Навел ты, брат, панику в британском посольстве! Уже ночью после твоей встречи с «Мариинке» в Лондон ушла шифротелеграмма. Еле расшифровали ее наши криптографы. Ответ, к сожалению, пришел с дипломатической почтой, только вчера. О чем там – сие неведомо. У тебя следующая встреча через четыре дня, если не ошибаюсь?

- Точно так, ваше высокоблагородие!

- Твоя проговорка про идущие с Тибетскими властями переговоры, судя по депеше, принята всерьез. Расценивается либо как болтливость, либо как «приглашение к игре». Так что вербовать станут по полной программе, господин ротмистр!

- Покочевряжиться для приличия? На чем сломаться прикажете? На деньгах?

- Слишком банально. Подумать надо, Владимир Николаевич! Но не сразу, это однозначно! Теперь – Сингапур. Если Ганс там, то придется ехать, ротмистр! Подбери напарника – он в такой поездке лишним не будет. Кто из ваших по-английски «шпрехает» на твоем уровне?

- Пожалуй, что никто, Алексей Николаевич… Тут либо одному ехать нужно, либо «легенду» качественную продумывать. Глухонемого, что ли… И месяца два из работы выпадет, - пожалковал Лавров, и тут же попытался поддеть Куропаткина. – Зато и отдохну же от начальства!

- Не раскатывай губу, Владимир Николаевич! – хохотнул военный министр. – Во-первых, я тебе сие путешествие как отпуск оформлю. А, во-вторых, я договорился с управляющим морским министерством[4], адмиралом Тыртовым. Хоть и бурчал Павел Петрович, а согласился повременить с выходом из Одессы крейсера «Азия», направляемым на Дальний Восток, до твоего возвращения.

---

[1] Подлинное имя одного из первых русских контрразведчиков России. Исаенко служил с Лавровым еще в Тифлисской «охранке».

[2] Офицерский чин рангом ниже есаула, соответствовавший чину штабс-капитана в пехоте.

[3] Урядник – соответствует званию сержанта в современной армии. Гелюн – священник-буддист.

[4] Единственное министерство в Российской империи, которым традиционно управлял не министр, а управляющий.

- Вот так отдых! – хлопнул себя по коленкам Лавров. – Знаю, ходил как-то на крейсере! За такой «отдых» сухопутному жандармскому ротмистру приплачивать надо! Они же гоняют по морям как сумасшедшие! Тем более – капитану «расписание» свое догонять надо будет…

- Не скули, Лавров! Через неделю обвыкнешься, морским волком станешь! А вот как тебя обратно заполучить – пока вопрос, Владимир Николаевич! Будем думать!

* * *

Через две недели на внешнем рейде Сингапура бросил якорь русский крейсер «Азия». С крейсера была спущена шлюпка под командованием старшего офицера. Высадившись на причал, русский офицер потребовал немедленной встречи с портовым начальством. Этому начальству было объяснено, что накануне крейсер под русским флагом догнал в проливе пиратскую «джонку», нагруженную поживой с ограбленной и потопленной индийской шхуны. Среди «трофеев» на джонке оказались два англичанина со шхуны, за которых пираты собирались взять приличный выкуп. Пассажиров-англичан взяли на борт, джонку расстреляли из корабельного орудия, согласно узаконенным правилам по борьбе с пиратством.

- Так что принимайте соотечественников, господин начальник порта, - на плохом английском закончил моряк. – А нам, извините, пора: и так из расписания выбились! Желаю здравствовать!

Доставленные на берег бедолаги, побывавшие в руках у пиратов, едва не руки целовали русским морякам, пытались сунуть им мзду – в благодарность за спасение. Но офицер, сопровождавший англичан, только рявкнул:

- Русские моряки на чужой беде не наживаются, господа хорошие! Прощевайте!

Как только шлюпка была поднята на борт крейсера, тот дал прощальный гудок и рванул на восток.

Британские паспорта новоприбывших и даже их багаж оказались в полном порядке, им выразили возможные соболезнования и отправили в гостиницу – отдыхать от пережитого.

На следующий день коммерсанты Джон Доунс и его партнер Крайтон нанесли визит вице-губернатору заморской провинции Британии, где подтвердили рассказ русского моряка. Вернее, подтверждал один Доунс. Второй англичанин от пережитого и удара веслом по голове лишился голоса, и мог лишь сипеть и кашлять. Осмотревший пострадавшего доктор только пожал плечами: голос может вернуться, а может, и нет. Человеческий организм, как известно, *terra inkognita*!

К живейшему интересу вице-губернатора, свалившиеся ему как снег на голову коммерсанты намеревались устроить вечеринку в честь своего чудесного спасения. Чиновник пообещал помочь составить достойный список приглашенных и даже выделил в помощь своего адъютанта.

Как выяснилось, коммерсанты интересовались жемчугом. И попросили включить в список гостей местного владельца богатейшей, насколько они слышали, коллекции этих даров моря. Однако вице-губернатор заявил, что сей владелец вряд ли примет приглашение из-за своего своенравия и мерзкого характера.

- Его здесь, откровенно говоря, господа, именуют Сумасшедшим Гансом. Он якшается только с китайцами. Лишь недавно он сделал исключение: поселил у себя в доме привезенного откуда-то европейца. Кого, откуда – никто не знает!

- Но у него же должны быть какие-то документы! – искренне удивился мистер Доунс. – Неужели местная полиция?..

- С Гансом никто не желает связываться, даже полиция, - пожал плечами чиновник. – Да и кому какое тут, на краю света, дело до какого-то чужестранца? Живет тихо, в город

почти не выходит – ну и Бог с ним! Намереваетесь нанести Гансу визит? Смотрите, не говорите потом, господа, что я вас не предупреждал! Не понравитесь – выбросит, как щенков, из дома!

Выйдя из резиденции под палящее солнце, прибывшие гости Сингапура совершили по городу ознакомительную поездку. Попав на причал, мистер Доунс кивнул спутнику на покачивающийся у стенки клипер:

- Гляди, Анисим: похоже, наш клиперок-то! Только название сменил, был «Жемчужиной», стал «Карлом». Ну, что, пойдем с визитом к Гансу?

Дернув за шелковый шнур, свисающий из пасти бронзовой головы дракона, посетители услыхали далекий, приглушенный зеленью деревьев звон. Немного погодя, калитка отворилась и китаец-слуга вопросительно уставился на гостей.

- Мы хотели бы повидать господина Ландсберга, или, по-вашему, Лана, любезный!

Китаец бесцеремонно оглядел гостей с головы до ног, оценил шелковые светло-бежевые костюмы и отрицательно покачал головой:

- Господин нынче никого не принимает, - и, закрывая калитку, слуга добавил. – Завтра и послезавтра тоже…

Лавров придержал калитку ногой:

- Передай господину, что его желают видеть по частному делу два джентльмена из России, специально приехавшие сюда!

Калитка захлопнулась. Лавров и Исаенко переглянулись.

- Подождем. Вдруг передумает?

Вскоре калитка снова отворилась, и прежний слуга с поклоном сделал приглашающий жест. Проводив гостей в сад и усадив на скамью, сделанную из цельного ствола какого-то гигантского дерева, он молча ушел в дом.

Хозяин не заставил себя ждать. Одетый в европейские брюки и белоснежную блузу, он подошел широким шагом, столь же бесцеремонно, как и слуга, оглядел и буркнул:

- Говорите, из России? А по виду – настоящие англичане. Так что вам угодно, господа из России?

- Честно признаться, нам очень нужна ваша помощь, господин Ландсберг! – перешел на немецкий язык Лавров. – или, может быть, вам будет удобнее говорить по-русски?

- Кто вы такие и какая помощь вам нужна? – столь же неприязненно отозвался по-немецки Ганс.

- Мы – русские правительственные агенты, - решился Лавров. – И хочу сразу сказать от имени русских властей, что некий инцидент во Владивостоке предан забвению. Помощь, которая нам нужна, совершенно иного рода!

- Какого же?

- Это довольно длинный разговор, герр Ландсберг… Вы позволите нам присесть и продолжить?

- Правительственным агентам нечего делать в моем доме! – рявкнул хозяин и, обернувшись, крикнул что-то по-китайски. Двое дюжих китайцев выскользнули на зов и молча встали за хозяином.

- Правильно говорили: вышвырнут нас сейчас, Владимир Николаевич! – уныло констатировал Исаенко.

- Итак, вы покинете мой дом сами, или вам помочь сделать это быстро и болезненно? – поинтересовался Ганс.

В этот момент густые кусты неподалеку зашевелились, и из них выскочил пожилой человек в форме русского контр-адмирала.

- Ганс, погоди, не гони их! - взмолился он. – Это же настоящие русские! Давай, по крайней мере, послушаем, что они намерены сказать!

- Будь по-твоему, Стронский, - неожиданно согласился Ганс и указал на скамью. – Выкинуть их никогда не поздно! Садитесь, господа! Стакан холодной воды? Лимонаду? Пива со льда?

- Видите ли, господин Ландсберг, Тибет в последнее время становится камнем преткновения между Россией, Англией и Китаем. Между тем, вы, говорят, побывали в этой горной стране и даже прожили там какое-то время. Это весьма необычно: тибетцы не пускают к себе европейцев…

- Мне нет никакого дела до политики, господа правительственные агенты, - перебил Ландсберг. – Что же касается моего пребывания в Тибете, то у меня была солидная рекомендация. Это все?

- Насколько я знаю, вы сохранили меч своего далекого предка, - попробовал зайти с другой стороны Лавров. – Именно этот меч Гуго Ландсберг и его брат, Иоганн, предложили царю Василию, поклявшись, что все ваши потомки будут верно служить русскому престолу. Насколько мне известно, вас никто не освобождал от этой клятвы!

- Вы знаете слишком много, господин э…

- Лавров, - подсказал собеседник. – Нынешнему государю, его императорскому величеству Николаю II, нынче понадобились ваши славные мечи, и от его имени я уполномочен напомнить вам о древней клятве!

Ганс опустил голову и долго молчал. Потом поднял на собеседника прозрачные глаза и медленно произнес:

- Но клятва верности не помешала вашему царю отправить на каторгу Карла Ландсберга. А моего предка – раньше сослать в Сибирь, где он едва не отдал Богу душу, брошенный казаками в каком-то китайском монастыре.

- Ваш предок был тяжело ранен и не перенес бы обратного пути, - быстро произнес Лавров. – А ранее, позволю себе напомнить, он прогневал царя Василия, за что и был сослан. Что же касается Карла Ландсберга, то он чуть больше 20 лет назад совершил двойное убийство, и каторга была меньшим наказанием за это. Кстати говоря, нынче Карл жив, здоров и стал одним из богатейших людей на острове Сахалин. Не его ли вы, отплывающего в Японию с деловой поездкой, вы видели с борта своего клипера во Владивостоке, господин Ландсберг?

- Вы слишком много знаете, - повторил Ганс. – Давайте-ка начнем сначала: что вашему царю потребовалось от Ганса Ландсберга?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ Жезл старца Никитина

Сыщик-«наружняк» третьего в петербургской «охранке» года службы Тимофей Смородин усердно и сноровисто мыл полы в длиннющем коридоре левого крыла на первом этаже громадного здания Военно-медицинской академии. Это однообразное и незатейливое занятие не мешало ему не только поглядывать по сторонам, но и предаваться невеселым размышлениям о капризной Фортуне, которая в последнее время никак не желала поворачиваться к Тимохе своим лицом, а наоборот: чаще всего являла ему зад.

Глядеть по сторонам было положено не только по службе. Академия, хоть и прозывалась медицинскою, была, подобно почти всем казенным учреждениям России, организацией полувоенной. Стало быть, при приближении всех докторов надо было шваброй орудовать перестать, проворно уйти с дороги его высокоблагородия, а главное – лохань с грязной водой ногой успеть в сторонку отодвинуть.

Про лохань помнить было совершенно нелишним, потому как большинство здешних благородий под ноги себе не глядели: или оживленно спорили меж собой, или шагали,

уткнувшись очками в бумаги и что-то бормоча себе под нос. И с этой их привычки не глядеть себе под ноги порой случались неприятные для всех конфузии.

Третьего для вот так вот зазевался полицейский-«поломой», а проходящий доктор возьми, да и запнись о лохань с водой. Самого доктора раззява-сыщик, слава Богу, успел под локоток подхватить и удержать от падения лицом прямо в отъехавшую от пинки лохань. А вот бумаги докторские, читаемые им на ходу, так и разлетелись по всему коридору, частично попав в лужицы не вытертой воды и потеряв от сего и служебную солидность, и возможность что-либо из-за расплывшихся чернил прочесть.

В зубы доктор, конечно, зазевавшемуся поломою не заехал, как «засветил» бы в том же «охранном» любой коллежский асессоришка, но кричал и потрясал подмокшими бумагами довольно долго. Кричал, потрясал и спрашивал: как теперь результаты анализов в этаком паскудном виде заведующему отделением нести?

Или другой был случай – хвала Спасителю, не с Тимохой, но на его глазах. Шла рано утром по широкому коридору пятерка молодых докторов. Без бумаг своих шли, хохотали и вспоминали посещение вчерашнего спектакля-оперетки. А один из них все время вперед компании забегал и изображал актера, явно хлопнувшего перед действом стакашку-другую и оттого запнувшегося о декорацию и пробежавшего, махая руками, чтобы не грохнуться, через всю сцену. Изображал молодой доктор актера так ловко, что товарищи покатывались со смеху, а тот, польщенный вниманием, то и дело повторял самые смешные конфузы и оттого почти все время шел спиной вперед. Сыскной «поломой, грешным делом, сам засмотрелся на докторское «представление», и, давая дорогу их благородиям, про свою лохань-то и забыл!

А те препятствие на полу зрили, и даже пытались предостеречь товарища-шалопута, да не успели: так и сел тот в лохань, выбросив вокруг целый фонтан грязных струй.

После минутного замешательства господа доктора такую ржачку устроили, что двое сами рядом повалились, не в силах шалопуту помочь выбраться и только тыча в него пальцами и крича: «Ой, не могу!». На шум из смотровых, что по обе сторона коридора сплошняком были устроены, другие доктора повыскакивали, сестры милосердия, посетители. После того, как все отсмеялись, «поломой», разумеется, получил строжайшее внушение от одной из сестер, оказавшейся, как на грех, великой княгинею. Хоть и кусала губы, чтобы не рассмеяться, а все ж донесла о недосмотре кому следует, а тот передал, уже без смеха, сыщицкому начальству взыскание. Ну, а у того разговор и вовсе короток: завел ротозея в клозет, в зубы дал, и посулил заставить горе-сыщика в следующий раз выпить ту воду из лохани.

В общем и целом, времена для сыскных наружного наблюдения петербургской «охранки» настали не то, чтобы плохие, или, наоборот, приятно-«козырные» – а, как выразился «топтун» 3-го класса пятого года службы Семен Коробцов, весьма паскудные. С ним были согласны почти все «сыскари», задействованные в «академической операции».

С одной стороны – хорошо, тихо, спокойно: не надо длинными вечерами безвылазно сидеть где-нибудь за мусорными баками в глухой подворотне в ожидании окончания «сходняка» у эсэров. Не надо изобретательно, то и дело меняя картузы или поддевки, «висеть» у очередного «объекта» на хвосте, перепрыгивая с извозчика на конку. Не надо метаться в тесных переулках в поисках канувшего, как в преисподнюю, «клиента», который ну вот минутку назад спокойно, ничего вроде не подозревая о слежке, шел и шел себе на конспиративную квартиру. Не надо, потея, вешать «лапшу на уши» старшому на утренней разнарядке по поводу вчерашней оперативной необходимости четырежды поменять извозчика: не даст, паскуда, сэкономить «полтишку», да еще и штраф прилюдно наложит за излишнюю корысть.

А какая, спрашивается, тут корысть, ежели на Тимофеевских, к примеру, двойняшках-гимназистах, обувь так огнем и горит, а из кормовых тридцати рубликов за месяц собачьей работы четыре «пятишки» бригадир уже удержал в виде штрафов за упущенных «клиентов»? Чтоб им, этим «клиентам», сдохнуть и сгнить в ихнем социалистическом аду! У женки Глафиры вся кожа на руках и так стертая от стирки чужого белья, ведь двойняшки кажинный день есть-пить просют. И воет баба ночами напролет, судьбу свою проклиная: и зачем, мол, дура такая-разэтакая, послушала мужа-шалопута и согласилась из сытной деревни за ним, вчерашним бравым унтером демобилизованным, податься с детьми малыми в столичный город Петербург… И на кой ей эта столица, ежели двойняшки от постоянной несытости аж прозрачными стали?

У Тимофея и самого от прозрачности детской той душа наизнанку выворачивается – ну как тут не согрешишь, не припишешь к отчету о расходах рублишко-другой? И спрячешь вроде эти рублишки ловко, все чин-чином, не подкопаешься – ан нет, старшой словно насквозь видит. Поелозит по отчету карандашом, поднимет глаза прищуренные – уши сами собой краской наливаются от стыда. По зубам, может, и не съездит – но опять штрафанет, так что к артельщику в «святую пятницу» за своим заработком можно и не подходить!

А третьего дня все и переменилось. Старшой от начальства смурый пришел, собрал всю ватагу сыщицкую и объявил: так и так, мол: с завтрашнего дня бригада перебрасывается в Военно-медицинскую академию. Не все полтора десятка «наружняков» враз – чтобы подозрения не вызвать - по двое-трое в день будут ходить туда официально вроде устраиваться на службу. Кто дворником, кто поломоем, кто санитаром. Всех оформят по-взаправдешнему, для конспирации.

Так что, робяты, считайте: повезло вам несказанно, заявил бригадир. И в «охранке» жалованье остается, и там, в академии этой, будете законную оплату получать. На круг полста рублей в месяц получается – живи не хочу! Отрабатывать эту оплату, правда, тоже не понарошку придется: кому метлой махать, кому полы драить, а «особо умным» горшки с-под больных выносить. Зато – пулю ненароком не «схватишь» от эсера нервного. Но держать ушки на макушке придется, братцы-сыщики, тут вдвое.

Нынешний «объект» - для всех един: старец Никитин, из сектантов-«бегунов». Есть данные, что он возле той Военно-медицинской академии петли вьет. Фотопортрет «объекта» имеется, только не такой он, старец, дурень, чтобы при своей бороде и балахоне сектантском по коридорам больничным шастать и двоеперстно креститься.

Помолчав, старшой добавил:

- Бороду смахнуть и кафтан сектантский на халат санитарный поменять недолго, конечно. Но «объект» очень даже не простой. Я бы даже сказал – с чертовинкой наш нынешний подопечный. Начальство бает, что мороком «объект» владеет свободно, и прикинуться может кем угодно…

Сыщики переглянулись: они и сами знали, как отправленный с месяц назад за старцем знаменитый Медников едва после встречи с его собратьями в «скорбный[1] дом» навечно не заехал. Оклемался, конечно, после двухнедельной реабилитации у докторов, но начальством, на всякий случай, от оперативной работы пока отстранен.

Старшой покашлял неодобрительно, как будто его превосходительство господин полковник спьяну про нонешнего «объекта» много лишнего нафантазировал.

- Так вот: имеет наш нынешний объект силу в голове и особливо в своих глазах необыкновенную. Подойдет, скажем, поглядит ласково, в глаза заглянет – и забудет человек про долг свой, и будет сполнять то, что «объект» ему прикажет.

[1] Т.е., сумасшедший дом.

- А ежели крестом православным обмахнуться, да сплюнуть через левое плечо – не сгинет «объект» наш? – гыгыкнул кто-то из угла, хоронясь за товарищей.

- От такого крестом не отмашешься, - покачал головой старшой. – Ладно, ближе к делу, робяты! Вот у меня поэтажные планты этой самой академии, подходите ближе, разбирать будем.

Сыщики сгрудились вокруг обширного стола.

- Вот первый этаж. Швейцарская, вестибюль с экрерами, пальмы понаставлены и диванчики для посетителей. Тут и тут – клозеты. Это – приемное отделение с ванными комнатами. Помещения, помеченные буквой «С» - смотровые комнаты, там их до черта! Во втором этаже – докторские кабинеты, в основном. Здесь же и начальство ихнее обитает. Теперь в оба глядите, робяты: третий этаж! Вот в энтом крыле изоляторы для «странников», или «бегунов», которые еще живы остались, - корявый палец с обкусанным ногтем ткнул в три точки. – Смежные палаты с изоляторами – тут комнаты для наблюдателей и персонала больничного. Санитары и… наши люди, в общем.

Сыщики переглянулись:

- В каком смысле – наши люди, Макарыч?

Макарыч стукнул ладонью по столу, яростно потряс головой:

- Наши – и все тут! Не имею права говорить. А если совсем честно – то и не знаю, а только догадываюсь. В случае чего – можно к ним обращаться, - старшой, посопев, выудил из застегнутого на булавку внутреннего кармана два клочка белой материи, разложил на столе. – Вот, глядите, оглоеды! Это – начальные буквы названия Военно-медицинской академии – «ВМА». Сии буквы вышиты на каждом верхнем карманчике докторских и прочих халатов. У дворников – выбиты на бляхах. Видите разницу, оглоеды?

Поевши глазами одинаковые с виду знаки, двое «оглоедов» неуверенно ткнули пальцами:

- На одной буквы сплошняком, а на другом точки между ними… Это, что ли?

- Молодцом! С точками – наши люди. Теперь – оружие. Револьверы-«утюги» сдать. Все участники операции получат французские «бульдоги», с укороченными стволами. Их легче под одеждой спрятать. Желающие также получат специальную кобуру для «бульдогов», носится на ноге, на лодыжке. Говорят, удобно.

- Так что, Макарыч, стрелять в супостата, коли на глаза попадется?

- Хороший вопрос, Иван! Коли попадется – никаких «Стоять!», или «Руки вверх!». При полной уверенности, что злодей наш, стрелять на поражение! Но с оговоркой: постарайтесь, робяты, не насмерть! Лучше всего – тяжело ранить, обездвижить.

-Дела-а-а, - протянул один из сыскных. – Это, братцы мои, не с социалистами дело иметь! За тех, коли помнешь али подстрелишь, неделю отписываться надобно.

- Но сначала, робяты, просто глядите! Наблюдайте! В оба глаза! И виду не подавайте, коли что необычное заметите.

- А что, к примеру, могёт быть необычного? – не отставал въедливый Иван.

- К примеру – неумело человек дело, к которому приставлен, делает. Или отирается там, где не должон быть. Особое внимание – подвальному помещению. Там прачечная, котельная, гладильня, покойницкий ледник и много помещений, где доктора покойников потрошат,- сплюнул старшой. - Людей много, и суеты там много. Но это – на первый взгляд. На самом деле в больничке этой главный ее начальник, господин Бехтерев, порядок железный навел: каждый человек у него на своем месте.

- Кому докладывать, ежели что?

- Коли успеешь, то швейцарам, - усмехнулся Макарыч. – Посторонних в швейцарской нынче нету, всех настоящих временно в отпуск отправили. Там же и телефон имеется. И последнее, робяты: от имени его высокопревосходительства господина начальника

Охранного отделения довожу до всеобщего сведения, что каждый, кто даст реальный результат по этому проклятому делу, получит не только денежное вознаграждение, но и будет представлен к награде, дающей право на личное дворянство и внеочередной чин без экзамена. Все понятно? Тогда валите на стол свои «утюги», и айда получать французские пистоли!

* * *

Закончив с приборкой на заранее отмеченной части коридора, Тимоха подхватил лохань со шваброй и пошел на законный перекур в выделенную для младшего персонала подсобку. Вылил в дыру в полу грязную воду, ополоснул лохань, и подсел на скамейку, где уже дымили несколько своих «поломоев» и «санитаров».

Настоящему персоналу, насколько Тимоха знал, про полицейское подкрепление никто не сказал – про то знал только его превосходительство Бехтерев. Для остальных было устроено целое представление с «комиссией», внезапно нагрянувшей в ВМА. Комиссия, в состав которой вошли две великие княгини, обнаружила тут пыль, там потерявший блеск паркет, получила несколько жалоб от пациентов на неспешную подачу помощи и предъявила, естественно, претензии господину Бехтереву. А тот, не моргнув глазом, сослался на скудное финансирование. Отговорку сочли справедливой, и Военно-медицинской академии отвалили сразу несколько десятков тысяч рублей из каких-то там резервных фондов.

Бехтерев немедленно принял меры: сообщил на Биржу труда о появившихся вакансиях. В крупных газетах были размещены привлекающие внимание объявления. В желающих попасть в обслугу академии недостатка не было, однако приемная комиссия рассматривала кандидатов с чрезмерной, на их взгляд, тщательностью. После приема на службу последнего сыщика администрация вывесила объявление о заполнении всех вакансий…

Новички вели себя так, как положено: слушались закрепленных за каждым наставников с полуслова, мыли, терли, скребли и выносили посудины с дерьмом и за себя, и за них.

Дни шли за днями, а о старце Никитине не было ни слуху, ни духу. Об этом «наружняки» периодически узнавали в швейцарской, изобретая предлог для звонка по телефону родственнику или супруге.

Не обходилось и без казусов. «Сыскарь» Ватрушкин, исправно машущий метлой у парадного входа в Академию, едва не застрелил настоящего дворника, который вдруг бросил метлу и стремглав полез под густые нижние лапы развесистой старой ели, посаженной тут еще при Павле I. Ватрушкин тоже бросил свою метлу и осторожно, стараясь не шуметь, полез под ель с другой стороны с «бульдогом» в руке. Выбрался он обратно со всем возможным проворством, уловив характерные для отхожих мест звуки и учуяв «вонизм» и уразумев, в конце концов, что у всамделишного дворника просто прихватило живот.

* * *

Докурив, Тимоха с отвращением поглядел на лохань и швабру, и со вздохом поднялся: пора было домывать проклятущий коридор, уставленный пальмами в кадках.

- Эй, санитар! Поди-ка сюда, да побыстрее, любезный! – окликнул его высунувшийся из смотровой № 53 молодой доктор. – Тут новопоступающего при осмотре стошнило, едва успел посудину подставить. Выплесни-ка, братец, да промой оборудование хорошенько!

Оставалось только поклониться, принять из рук доктора хромированное полуведро и пойти выполнять распоряжение.

- Да не на вытянутых руках сие неси, фартуком прикрой, чтобы другие пациенты и встречные в коридоре не были фраппированы , - вразумлял доктор, не замечая в глазах

Тимохи желания надеть сосуд вместе со всем его содержимым ему на голову. – Впрочем, погоди-ка! Я сейчас записку напишу, так ты, братец, снеси-ка сначала сей «товар» - хе-хе-хе – в лабораторию. Пусть возьмут сперва, сколько им надо, для определения кислотности желудочного сока. Не знаешь, где лаборатория? Новичок, что ли? А грамотой владеешь? Ну, тогда справишься: лаборатория в другом крыле, комната под нумером 178. Я на направлении отмечу, так что мимо не пронесешь, хе-хе-хе!

В лаборатории тоже без выговора не обошлось: сначала местный санитар-лаборант (ишь, фифа какая!) выругал Тимоху за опоздание: биоматериал принимается для производства анализов до 10 часов. Потом, смилостившись, согласился принять рвотину и тут же обрушился на новичка, который хотел поставить полуведро на сверкающий чистотой стеклянный стол.

- Ты что, совсем темный, братец?! На пол ставь! Бери трубочку, опусти ее в содержимое, потом заткни верхний конец пальцем и перенеси то, что в трубочке, в чашечку Петри… Маловато будет, еще раз трубочку суй… А теперь неси «добро» свое, куда нес, гы-гы-гы.

Отмыв проклятое полуведро и вытерев его до блеска, Тимоха вдруг сообразил, что решительно не помнит – из какой именно смотровой сей сосуд? Лохань со шваброй, оставленные им в коридоре, были плохим указателем: вблизи их было целых четыре двери. Сунувшись в одну, напоролся сначала на истошный бабий визг, а потом и на внушение незнакомого доктора, осматривающего полураздетую даму. Проклятое полуведро незнакомый доктор своим не признал и с треском захлопнул дверь перед самым Тимохиным носом.

Тимоха постучал в одну дверь, в другую. Одна оказалась запертой, в другой посудину тоже своей не признали. За третью дверью ничего не ответили, и, осторожно потянув за нее, Тимоха понял, что очутился в хозкомнате, помещении для хранения тряпок, швабр, лоханей и прочего медицинского инвентаря. Шепотом матерясь, он уже начал закрывать дверь, когда вдруг услыхал где-то в глубине комнаты непонятный звук. То ли скрипнуло что-то, то ли сдвинулось.

-Эй, есть тут живые? – негромко осведомился Тимоха и двинулся на звук.

Заглянув за полураздвинутую ширму, он увидел сидящего на опрокинутом ведре человека, одетого в такую, как и у самого Тимохи, униформу: серый халат с фартуком грубого сукна и гуттаперчевые калоши. Присмотревшись, Тимоха с удовольствием узрел на вышитой бляхе «В.М.А.» три заветные точки – стало быть свой, сыскной!

- Эй, ты чего тут притаился? Спишь, что ли? – Тимоха приподнял голову сидящего и узнал его. – Мишка! Калинин!

Мишка не отзывался. Голова его болталась как привязанная, глаза были широко раскрыты, изо рта тянулась тонкая ниточка слюны.

- Калинин, мать твою! Ты что – пьян? Или плохо тебе? – Тимоха потряс приятеля на плечи, но добился только того, что тот свалился с ведра. При этом что-то громко звякнуло.

Присмотревшись – окна в хозпомещениях и клозетах были наполовину вымазаны известью или краской, - Тимоха разглядел, что Михаил Калинин крепко сжимает в руке какую-то железяку.

- Мишка! Вставай! Не дай Бог начальство сюды нагрянет, и попадет тебе на орехи! – затеребил товарища Тимоха. Потом, сам не зная для чего, взялся за железяку и попытался ее вынуть из мишкиной руки.

Но тот вцепился в нее мертвой хваткой и не отпускал. Тимоха начал пятиться: ему отчего-то стало вдруг страшно. И железяка была какая-то странная: не холодная, как любой металл, а теплая. И еще на ней были то ли выбиты, то ли выжжены какие-то знаки не знаки, буквы не буквы…

Рука сама потянулась за «бульдогом». Но мгновение поразмыслив, Тимоха сунул тупорылый револьвер обратно в кобуру. В кого стрелять-то? В Мишу Калинина, которого он знал второй год, а прошлой весной три месяца в напарниках с ним проходил?

Пятясь, Тимоха задел стопу оцинкованных лоханей, и та с грохотом повалилась на каменный пол. Мишка, меж тем, даже не пошевелился – только дышал попрежнему мелко и громко. Выбравшись их хозблока и осторожно прикрыв за собой дверь, Тимоха тут же едва не попал в объятия давешнего доктора, полчаса назад вручившего ему посудину с блевотиной.

- А я тебя уже потерял, братец! – дружелюбно проворчал доктор. – Ушел и с концом. Что в лаборатории-то сказали?

Тимоха молча сунул доктору его посудину и, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, двинулся к швейцарской.

- Постой, ты куда? – окликнул, уже построже, доктор. – Вот хамье деревенское набрали…

На счастье, в швейцарской оказался не только бригадир в куртке с галунами и позументами, но и сам господин Бехтерев, что-то сердито полицейскому старшому выговаривающий. Обернувшись на скрип двери, Бехтерев еще более нахмурился и открыл было рот, чтобы выругать незваного посетителя. Но, увидев выражение лица Тимохи, рот поспешно закрыл и схватил за обе руки:

- Что случилось, голубчик? Что с тобой, а? Весь в поту холодном, пальцы ледяные, - он повернулся к бригадиру «сыскарей». – Ваш человек?

- Мой, господин профессор. Только он, кажись, привидение увидел. Эй, Тимоха! – бригадир, ловко оттерев Бехтерева, усадил Тимофея на лавку и шепотом осведомился. – Нешто «объект» объявился? Не померещилось?

- Водки бы чуток, - попросил Тимоха, которого начала бить крупная дрожь.

- Я те дам водки! – пригрозил бригадир. – Такой водки получишь, что до смерти забудешь, через какое место ее пьют! Воды холодной выпей! На вот! И говори, не молчи! Чего увидел-то? Кого?

- Погодите-ка, любезный! – решительно вышел на передний план Бехтерев. Обернувшись к ассистенту, он негромко приказал. – Спиритус вини ректификати, сто миллилитров, живо раздобудь!

Присев рядом с Тимохой, он начал гладить его руки и говорить успокаивающим тоном. – Сейчас спирту принесут, а вы помолчите пока, успокойтесь. Припоминайте пока детали увиденного, собирайтесь с мыслями…

Высунувшись из-за плеча Бехтерева, Тимоха поймал взгляд своего непосредственного начальника, Макарыча. Истово перекрестился:

- Это Мишка Калинин, точно! Мишку помнишь, Макарыч? Я искал, кому посудину отдать, сунулся в хозблок по ошибке –пусто. Только нутром чую: есть кто-то тут! Прошел вглубь потихоньку… Гляжу, а за ширмой Мишка. Спит и не просыпается. И железка с письменами в руке зажата. Глаза открыты…

Торопливо выдув, словно воду, принесенную мензурку со спиртом, Тимоха отдышался, стараясь не глядеть на Макарыча, все еще хмурого, и рассказал все до конца. Не забыв добавить, что дверь хозблока он на всякий случай шваброй подпер.

- А вот это напрасно, голубчик! Напрасно! Как тебя? Тимофей? – Бехтерев явно взял команду на себя. – Пошли-ка, Тимофей, покажи мне своего спящего товарища!

В швейцарской поднялась тихая суета. Сыскные поднялись как один, заклацали курки готовящегося к бою оружия.

- А вы куда, любезный?! – обрушился Бехтерев на Макарыча. – Мало мне сумасшедших тут! Немедленно снять все эти позументы и надеть обычный халат! И всем остальным – немедленно убрать с виду оружие!

По дороге Бехтерев пытался что-то объяснить едва поспевающим за ним Тимохе и Макарычу, а когда те не понимали его, досадливо махал рукой.

- Думаю, что этот ваш Мишка и есть «транслятор» мыслепередачи старца. Самому ему тут появляться опасно, так он высмотрел где-то вашего Калинина, познакомился, ввел в состояние глубочайшего гипнотического сна и поставил какую-то задачу… То-то я гляжу, что свинцовые «чепчики» перестали нам со вчерашнего дня с оставшимися сектантами помогать работать, мысленное сопротивление пациентов усилилось… Видимо, у телепатии есть какое-то предельное расстояние. Может, я и ошибаюсь, конечно, но не думаю, не думаю… Это здесь? - профессор откашлялся, перевел дыхание, велел ассистентам разогнать начавших собираться в коридоре любопытных, и повернулся к Тимохе с Макарычем:

- У спящего вашего смена когда кончается? Через три часа? Тогда, скорее всего, он еще какое-то время побудет в трансе. Сейчас тихо заходим, господа, и смотрим. Ежели в трансе – оставляем все как есть до конца смены. Бежать ему некуда, да и незачем, но присмотреть не помешает. После смены, господин старший сыщик, соберите всех у себя, придумайте какое-нибудь совещание или инструктаж. Я тоже там буду.

- А ежели оно не спит и кинется на вас, профессор?

- Тогда действуем, как с внезапным буйно помешанным: хватаем, вяжем и в изолятор. Никакой стрельбы! – шепотом напомнил Бехтерев, заметив у сыскных в руках оружие. - Работать буду с ним сам. Ну, с Богом!

Перекрестившись, Бехтерев приоткрыл дверь, прислушался. Потом неожиданно мягко для своей комплекции, как кот, проскользнул за ширму, присел там на корточки. Бубня что-то успокаивающее, все же выкрутил из мертво сжатой руки Калинина железку, которая вблизи оказалась коротким чудным медным жезлом, покрытым какими-то письменами и также тихо, гоня перед собой сыскных, выбрался из хозблока.

- Все! Действуем как договорились! - приказал он. – С двух сторон поставить ваших людей, пусть драют полы до посинения, пока наш «транслятор» сам не выйдет. Тимофея лучше отсюда убрать – он под сильным впечатлением, Калинин может заметить его напряжение, а через него – и старец. Черт бы побрал эту ситуацию!

- А ежели Мишка станет искать свою железку?

- Коли начнет про нее спрашивать, скажите, что видели похожий стержень у сестры милосердия. Можно поинтересоваться: чего его так давно видно не было? Интересно, что скажет? Ну, все, господа! Расходимся по своим местам. Старец может заметить, что «транслятор» перестал работать и мысленно прикажет Калинину проснуться.

-И что будет потом?

- Спросите чего полегче! – огрызнулся Бехтерев. – Возможно, Калинин получил установку забыть все, что связано со старцем. Возможно, станет искать свою «железку» и испытывать беспокойство от ее пропажи, вплоть до попытки суицида. Не знаю! Вызывайте свое главное начальство, полковник может пригодиться. А я пошел телефонировать своему коллеге в Электротехническую академию.

* * *

Полковник Герасимов прибыл в Академию через полчаса. Введенный в курс дела, он прежде всего накинулся на Макарыча, суля ему всех чертей:

- Я тебе чего говорил, дармоед?! Чтобы самых надежных, самых проверенных для операции в этой больничке отобрал! А ты?! Сектантского агента приспособил!

- Успокойтесь, полковник! – заступился Бехтерев. – Ваш бригадир тут не при чем! Вспомните-ка «говорящее письмо», актера, которого он вам в департамент прислал - что, его тоже можно считать сектантским агентом?!

Герасимов угрюмо примолк.

- Насколько я успел узнать, этот ваш Калинин работает в «охранке» около двух лет. Самый молодой, из крестьян, размышлял вслух Бехтерев. – Отслужил в солдатчине, как положено – и поступил в «охранку» благодаря своему природному уму и умению действовать в сообразности с оперативными обстоятельствами. Но при этом Калинин и в «охранке», и на военной службе отличался редкой доверчивостью и был вечной мишенью для шуток и розыгрышей товарищей.

Что-то пробурчав, Герасимов отступился, лишь спросив – что теперь с ним, с Калининым, делать?

- Вам – ничего, полковник. Работать с ним попробую я. Надеюсь на его легкую внушаемость и то, что в лапах старца он пробыл недолго. Надеюсь, мне удастся под гипнозом снять с бедняги поставленную старцем задачу и забыть о нем. Однако у нас остается проклятый стержень, или жезл, или как его так называют. Мне нужен специалист-востоковед, желательно владеющий тибетским наречием китайского языка. Желательно знать: что за кабалистика изображена на железном стержне? Есть у вас такой человек под рукой, полковник?

Герасимов выругался:

- Есть людишки, которые бывали в Тибете, и наверняка знающие этот ваш тибетский язык, - размышлял вслух Герасимов. – Но искать их надобно через Военное министерство. Боюсь, что в Петербурге их нынче тоже нет.

- Нет так нет, -Бехтерев щелкнул крышкой брегета. – Ваш Калинин, того и гляди, выйдет из транса: до конца его смены осталось около двух часов. Я попробую поработать с ним, но отсутствие жезла будет для него постоянным раздражающим и отвлекающим фактором. Я связался по телефону с коллегой, специалистом по металлам, он уже едет сюда. Он посоветовал изготовить копию этого жезла и подсунуть Калинину. Судя по всему, этот жезл медный, так что времени на изготовления точной копии у нас просто нет!

- И что же делать, профессор?

- У меня в ВМА есть зуботехническое отделение. И в данный момент специалисты отливают из гипса форму для изготовления копии. А коллега привезет ингредиенты для легкоплавкого металла – сплав Вуда , если не ошибаюсь.

Полковник присвистнул:

- Вуда, Муда – все равно не успеваем!

- Да погодите вы, ваше превосходительство! Этот сплав используется фокусниками и лицедеями, гнущими «силой мысли» ложки и прочее. Температура его плавления около 70 градусов по Цельсию. То есть, для его расплавки не нужны специальные печи, которых у меня нет! Достаточно спиртовой горелки…

- А как вы намерены работать с Калининым, профессор?

- Да уж не зуботычинами, как в вашей «конторе», полковник. Гипнозом, батенька, гипнозом! И молю Бога, чтобы главный сектант не успел поставить в подсознании Калинина мощный блок сопротивления…

* * *

Через час проснувшегося Калинина вместе с прочими сыскными собрали в одной из смотровых. Поначалу «транслятор» все время беспокойно оглядывался и даже охлопывал себя по карманам. Однако, получив от Макарыча устное внушение за «сачкование» и за отсутствие на посту в течение нескольких часов, успокоился и даже несколько приуныл. А Бехтерев начал сеанс массового гипноза.

В смотровой было полутемно, голос профессора звучал негромко и монотонно, в руке он держал поблескивающий шарик на ниточке – всем велено было сосредоточиться и глядеть только на этот шарик. Ассистенты профессора были наготове.

Через несколько минут люди по одному начали сползать по стенке на пол. Заснул и полковник Герасимов. Калинин держался едва не дольше всех, но все же и он поддался приказанию спать. Ассистенты подхватили Калинина и унесли в смежную комнату, уложили на кушетку. Несколько человек оказались устойчивыми к гипнозу и не уснули. Бехтерев удовлетворенно погладил бороду и двинулся было следом, но, подумавши, «разбудил» полковника, помог ему сесть на стул и велел ассистенту:

- Выведите его из состояния некоторой заторможенности и скажите, что, коли желает, может присутствовать при допросе Калинина. Но, Боже упаси: ни звука! Если надо что-то спросить – пусть пишет в блокноте. А потом, голубчик, сходите в лабораторию, где копию той железки делают. Узнайте, когда будет готово и сообщите мне точные сроки. Передайте, чтобы немедленно по готовности копии ее несли сюда!

Миша Калинин был в гипнотическом сне, однако Бехтерев покачал головой: забытье было беспокойным. Присев рядом с кушеткой, он снова заговорил мерным голосом, положил широкую ладонь ему на лоб.

- Ну-с, как вы себя чувствуете? Ощущаете спокойствие и полную расслабленность?

- Чувствую себя хорошо… Жезл вот исчез… Найти его надо непременно… Всем плохо будет, коли не найду, - пациент произносил слова быстро, однако между фразами были томительные паузы.

Увидев, что на лице Калинина выступил пот, великий гипнотизер подвигал бородой, вытер пот салфеткой и яростно сверкнул глазами на ворвавшегося Герасимова с пузырьком нашатыря в руке.

- Успокойся, сейчас я тебе его предоставлю. Но сначала тебе надо отдохнуть. Ты же очень устал, Миша! Устал?

- Да… Жезл… Он сказал, что все умрут… Сестренок жалко, матушку… Сам умирать не хочу…

- Ты не умрешь, Миша! Ты в больнице, здесь много докторов, они тебя непременно вылечат!

- Вы не понимаете… Все умрут…

- Помолчи пока, Миша, отдыхай! Представь себе голубое бездонное небо, клочки снега на просыпающейся после стужи земле… Чувствуешь запах земли, Миша?

Герасимов яростно фыркнул, подскочил к кушетке и зашипел:

- Что за лирику вы тут развели, профессор? Спрашивайте конкретно: где и как его зацапал этот негодяй? Место жительства, способ связи… Ой!

Бехтерев не дал ему договорить, сгреб в охапку и почти вынес в смежную комнату:

- Вам не сказали, про молчание, полковник? Вы что, не видели, как пациент едва не подпрыгнул, услышав посторонний голос?! Предупреждаю: еще один звук, и я умываю руки, как Понтий Пилат!

- Но, профессор…

- Вколите ему два кубика успокаивающего. При необходимости свяжите полотенцами и отнесите в палату! Я не позволю во вверенном мне медицинском учреждении диктовать свои полицейские правила и ставить под угрозу жизнь пациента!

Оглянувшись, Герасимов увидел двинувшихся к нему двух-трех здоровенных санитаров из отделения душевнобольных и «задохлика» со шприцем в руках.

«Погоди, клистир драный, я с тобой потом иначе поговорю!» - решил полковник, вслух же извинился:

- Простите, профессор! Обещаю, что впредь буду молчалив, как статуя!

- Поймите, голубчик, человеческий мозг – это такая тонкая и малоизученная материя, что любое вторжение в нее непредсказуемо! Тем более, что пациент получил очень мощные психологические установки от сильнейшего гипнолога, - на ходу скороговоркой выпалил Бехтерев. – Его психика может не справиться со всем этим, и человек превратится в овощ! В репу, черт возьми! В капусту…

- Что, в натуральном виде? – опешил Герасимов.

Но Бехтерев лишь досадливо отмахнулся:

- Потом, батенька, все потом! Ага, вот и копия! – он взвесил на руках жезл. – Гораздо тяжелее настоящего, но будем надеяться, что пациент не заметит…

Получив в руки жезл, Мишка Калинин явно успокоился, перестал дрожать.

- Ну-с, начнем сначала! – вздохнул Бехтерев. – Тебе спокойно и легко, Миша. Дыши поглубже – чувствуешь запах пробуждающейся земли?

- Да… У нас в деревне, поди, уже пашут… А я за жуликами бегаю, силы понапрасну трачу… Богопротивное сие, каиново дело…

- Всякое дело на пользу человеку, Миша… Кто тебе дал этот жезл?

- Человек дал… Хороший… Он обещал меня с собой взять… И сестренок с мамашей…

- Понятно, хороший человек, - Бехтерев яростно замахал руками на двинувшихся было вперед Герасимова и Макарыча. – А где ты с ним познакомился, Миша?

- В конке… Он подошел, спросил что-то… Потом не помню… Он хороший, он «странник»…

- Он велел тебе никому ничего не говорить и взять жезл на службу? Откуда он узнал, где ты служишь, Миша? Ты ему сказал?

- Нет, он все сам знает…

- Где вы должны были встретиться, Миша? Миша, я должен знать!

- В трактире Пря.., - Калинин вдруг замолк, его простое деревенское лицо построжело, исказилось полуулыбкой-полуоскалом. Через мгновение он заговорил чужим, незнакомым тенором. – А ты ловкач, доктор! Почти вырвал человека из моих рук, дьявольское семя! Артефакт подменил… Ничо-о-о, таких артефактов мы много привезли из последнего странствия! Посильнее энтова, хотя и его тоже жалко: в каиновы лапы попал, силу свою потерять может… А ты в голове тоже силу большую имеешь, доктор! Только от диавола твоя сила, против меня ты плевка не стоишь!

Опешивший Бехтерев на мгновение отвернулся, чтобы скомандовать что-то ассистенту, в готовности стоящего у стеклянного столика на колесиках, с множеством шприцев и пузырьков с лекарствами – поэтому и не заметил быстрых эволюций пациента. Герасимов и Макарыч, не спускавшие с Калинина глаз, успели полицейским своим чутьем заметить, рванулись вперед, чтобы помешать – но не успели.

Не вставая с места и не открывая глаз, Калинин внезапно перехватил жезл двумя руками и со страшной силой вонзил его в свою левую глазную впадину. Начал было вытаскивать, но обмяк, дернулся несколько раз и затих.

В кабинете поднялась суета и крики. Бехтерев рвал на себе волосы:

- И как я не сообразил, дурень, деревянную палку Мише вашему подсунуть! Транслятор и есть транслятор – хоть из меди, хоть из другого металла или сплава! Но как? Как объяснить сие с научной точки зрения?! Телепатия не-воз-мож-на! Невозможна в принципе!

Первым опомнился Герасимов с Макарычем – они были практиками.

- Профессор, где сейчас настоящий жезл?

- Сие невозможно! - продолжал бормотать тот, мотая головой. – Это какой же материальной силой должна быть человеческая мысль!

- Где жезл? – заревели ему в оба уха полицейские.

- Жезл? В лаборатории, где ж ему еще быть, - простонал профессор и вдруг тоже вскочил с места. – Скорее туда! За мной!

Они поспели почти вовремя. Потянув дверь лаборатории, где профессор металлургии из Электротехнической академии изготавливал подделку, они столкнулись с человечком в фартуке, как потом выяснилось – тем самым, что сделал гипсовый слепок. Человечек попятился. Оттолкнув Бехтерева, Герасимов невесть откуда взявшимся кастетом что было силы ударил человечка в лицо. Тот без звука рухнул на пол – зазвенел лишь выпавший из его руки жезл, завернутый в газету.

- Ну-у, батенька, мы так не договаривались! – возмущенно вздернул бороду Бехтерев.- Что вам мой зуботехник сделал?

- А вы поглядите кругом, господин профессор, поглядите! – криво усмехнулся Герасимов, перешагивая через неподвижное тело зубного техника. – Чистая скотобойня!

Бехтерев словно подавился, бросив вокруг себя беглый взгляд – лаборатория была почти вся забрызгана кровью. Доктор-металлург и двое его помощников лежали на полу с раскроенными черепами.

Герасимов потянулся было к жезлу, но опомнившийся Бехтерев схватил его за руку:

- Только через перчатки! Возьмите у бедняги Коновалова – они гуттаперчевые, токонепроницаемые. И осторожно суньте проклятый жезл в свинцовую трубу – он говорил, что принес с собой. Но, видать, полюбопытствовал, несчастный… Свинец задерживает многие излучения, в том числе и мыслительного, полагаю свойства.

Газета, в которую был завернут жезл, между тем, дымилась. Надев перчатки, Герасимов осторожно попытался взять жезл в руки, но тут же с проклятием выронил:

- Черт! Да он раскаленный!

- Щипцы! Возьмите щипцы! – Бехтерев уже подкатил к краю стола свинцовую трубу. – Вот так! Смотрите, господа! Видели искры от соприкосновения жезла и щипцов? Значит, подобное соприкосновение металлов недопустимо! Бросьте пока!

Он заметался по лаборатории в поисках какого-либо изолятора.

-А гипс застывший подойдет? – деловито осведомился Макарыч.

- Вы гений, молодой человек!- разбив форму, Бехтерев засунул куски в оба конца трубы.

Отобрав у Герасимова щипцы, он обмотал их концы второй парой перчаток. Общими усилиями жезл удалось засунуть в трубу так, чтобы он не соприкасался с ее стенками.

- И куда эту чертовщину теперь? – осведомился полковник. – Тут едва не по колено крови! Сюда судебного следователя и бригаду сыщиков-розыскников надобно вызывать!

- А в морг! – догадался Бехтерев. – В цокольный этаж! Там стены металлическими листами обшиты – полагаю, что тоже будут играть роль своего рода экрана. Грузим трубу на тележку - и с Богом!

РЕТРОСПЕКТИВА – 8 Акция лорда Керзона

Дом британского правительства в Калькутте, служивший официальной резиденцией для вице-короля, был огромным и впечатляющим. Этот дворец, построенный еще графом Морнингтоном, старшим братом знаменитого герцога Веллингтона, был символом британского могущества. Огромные львы венчали ворота дворца, а его парадные двери охраняли, подняв головы, каменные сфинксы. На потускневших от времени лафетах стояли пушки. По внутренним дворикам Дома правительства, оживленно беседуя, разгуливал целый сонм королевских адъютантов – все они пребывали в почтительном ожидании, готовые выполнить любое указание вице-короля.

Однако по утрам в толпе придворной челяди никакого напряжения не чувствовалось: все знали, что это время вице-король Индии лорд Керзон посвящает разбору свежей почты из метрополии и диктует секретарям ответы. В эти часы только супруге Керзона, Мэри Виктории, дозволялось открывать тяжелые от золота двери личных апартаментов вице-короля. Традиционно леди Керзон заходила сюда в 11 часов, чтобы лично проследить за заменой цветов в многочисленных вазах.

Так произошло и 2 декабря 1903 года. Вице-король с помощью доверенного личного секретаря прорабатывал последние нюансы второй дипломатической миссии в Тибет, когда двери кабинета распахнулись, пропуская леди Керзон в сопровождении трех служанок с корзинами. Первая из их, скользя впереди, сноровисто вынимала из ваз и кашпо вчерашние букеты. Две других немедленно заменяли букеты свежими, только что срезанными цветами.

Закончив с цветами, Мэри Виктория легким жестом отправила служанок прочь, а сама задержалась у распахнутого окна, выходящего на внутренний двор Дома правительства. Несмотря на то, что двор был заполнен людьми, все они разговаривали вполголоса, стараясь не создавать шума и не беспокоить высокую персону. Заметив в одном из окон второго этажа вице-королеву, придворные приветствовали ее почтительными поклонами. Рассеянно кивнув в ответ, Мэри Керзон отвернулась от окна и направилась в глубину кабинета, к столу, за которым работал ее супруг.

Завидев ее приближение, секретарь тотчас почтительно умолк на полуслове и поклонился. Джордж Керзон тут же встал, вышел из-за стола и приложился губами к протянутой руке супруги.

- Джордж, милый, я только нынче обратила внимание на то, как много стало при нашем дворе индийских офицеров!

Керзон раздвинул губы в легкой улыбке:

- Вы, верно, позабыли, миледи, что еще два года назад я подписал эдикт, в соответствии с которым все взрослые дети здешних толстосумов получили предписание поступить на королевскую военную службу. Это было просто возмутительно: в то время, как британские офицеры терпят все тяготы службы на благо Индии, местная молодежь только и делала, что развлекалась целыми днями гаремах и охотничьих экспедициях. Кстати, милая Мэри: мы несколько раз обсуждали с вами разные аспекты этой проблемы, и вы даже предлагали свою помощь в подборе ткани для мундиров индийских уланов…

- Да, теперь я что-то припоминаю, - улыбнулась вице-королева. – Как и то, что вы категорически отказались от этой помощи – не так ли, Джордж?

Керзон покосился на личного помощника и груду еще не разобранных бумаг на столе и еле слышно вздохнул. Его брак с дочерью американского миллионера-галантерейщика Адольфа Лейтера из Чикаго был продиктован тривиальным расчетом на солидное приданое. Поставив для себя цель стать вице-королем, тщеславный лорд прекрасно понимал, что на эту должность годится не только умный человек с большими связями в правительстве и при дворе. Важные должности в Индии требовали от назначенцев невероятных расходов. А быть наместником королевы в Индии стоило столь огромных денег, что это мог себе позволить только очень состоятельный человек… Именно по этой причине он отказался от нескольких весьма престижных партий в Британии, и поехал искать жену в Америку. Однако время показало, что и в браке по расчету есть место для сердечной привязанности, и Джордж искренне влюбился в свою немного взбалмошную и по-американски прямодушную супругу. Рождение двух дочерей только укрепило чувства.

Что же касается Мэри Виктории, то она с первого дня знакомства обожала немного чопорного английского лорда и старалась быть ему полезной во всех его делах. Это

стремление быть полезной порой носило несколько назойливый характер. Однако наместник британской короны в Индостане мирился с характером супруги и старался не показывать своего раздражения.

Вот и сейчас, будучи предельно занятым, он все же ободряюще улыбнулся супруге, прикоснулся губами к ее лбу, и, обняв за талию, деликатно развернул ее к дверям.

- Миледи, я чрезвычайно ценю вашу устремленность на помощь своему вице-королю, однако хочу напомнить, что есть проблемы, которые должны решать мужчины, которым Британская корона доверила управление своей заокеанской территорией. Благодарю вас за чудесные цветы, милая Мэри – их аромат, несомненно, поможет мне нынче дать исчерпывающие напутствия полковнику Янгхазбенду, который отправляется с трудную тибетскую экспедицию…

- Полковник Френсис Янгхазбенд? – удивленно подняла брови вице-королева. – Но ведь он недавно был в Тибете с аналогичной миссией. И, насколько я знаю, успешно провалил ее! Неужели у вас нет других кандидатур, Джордж?

Керзон бросил быстрый взгляд на секретаря – тот, скрывая усмешку, усердно перебирал бумаги. Шутки кончились. Вице-король не мог принимать критику с свой адрес ни от кого!

- Миледи, когда мне понадобятся ваши советы, я скажу об этом, - холодно процедил он. – Полагаю, у вас много дел и забот, не связанных с проведением политики Лондона в Индостане – займитесь этим, и позвольте вашему супругу самому решать, кому поручать выполнение поручений моего правительства.

Склонившись в реверансе, Мэри обиженно поджала губы и направилась к выходу. Керзон вернулся за стол и остро глянул на личного секретаря:

- Итак, Генри, мы говорили об этом аферисте, буряте Агване Доржиеве. Насколько можно доверять сообщениям наших тибетских агентов о степени его влияния на Далай-ламу? Послушать их – так получается, что тибетское духовенство побороло вековое недоверие к европейцам и ищет союза с Николаем II. А вхожесть Доржиева в ближний круг русского императора?

- Вот последняя справка по Доржиеву, ваше величество. Он покинул Забайкалье еще ребенком и отправился получать буддийское образование в Ургу, столицу Монголии. Затем паломником прибыл в столицу Тибета, учился при монастые Дрепунг и достиг там такого высокого уровня постижения Дхармы, что спустя какое-то время стал учителем XIII-го Далай-ламы. В 1898 году Доржиев был направлен в Китай, Россию и Францию для ознакомления с их государственным устройством. В русской столице Доржиев собирал пожертвования на открытие в Санкт-Петербурге монастырской школы, и познакомился с русским князем Ухтомским, известным своим глубоким увлечением Востоком. Князь сопровождал русского монарха в его кругосветном путешествии и был, таким образом, близко знаком с императором. По донесению сотрудников британского посольства в России, именно Ухтомский представил Доржиева императору.

- Невероятно! – хмыкнул Наместник. – Чтобы какой-то инородец с далекой русской окраины запросто добился аудиенции у императора!

- Тем не менее, это так, ваше величество, - продолжил секретарь. - Встреча Доржиева с императором произошла в Летнем дворце в Петергофе. Вопросы, обсуждавшиеся на ней, касались перспектив установления дипломатических отношений, возможностей склонить Тибет в пользу России, посылки русского консула в Тибет и прямого письменного сообщения с Далай-ламой. Тогда же Доржиев передал в русский МИД просьбу Далай-ламы о строительстве буддийского храма, который мог бы выполнять в Петербурге функции тибетского представительства. Так начались прямые контакты между Россией и Лхасой. Вторая встреча Доржиева с Николаем II произошла 30 сентября 1900 года

в Ливадии. Во встрече принимали участие министр финансов Витте, военный министр Куропаткин, министр иностранных дел Ламсдорф. Тогда же Доржиеву была обещана русская протекция в отношении Тибета при условии учреждения русского консульства в Лхасе.

- Однако русское консульство в Лхасе так и не было открыто, Генри, - проворчал Керзон. – Стало быть, все эти спекуляции вокруг русско-тибетского союза немногого стоят!

- Совершенно верно, ваше величество! В Ливадии Доржиев пытался доказать царю невозможность никакого иностранного представительства в Тибете. В результате компромисса было решено открыть секретное русское консульство в китайском городе Да-цзян-лу в провинции Сычуань и тибетское представительство в Петербурге. Через год после этой второй встречи Николай II принял уже официальную делегацию Тибета. После этого Доржиев остался в Петербурге в качестве официального представителя Далай-ламы.

- Стало быть, арсенал русского вооружения в Лхасе – дело рук того же мошенника Доржиева? – вице-король откинулся на спинку кресла и осторожно помассировал поясницу, затянутую в стальной корсет. – Тогда нечего удивляться спесивости Его Святейшества Далай-ламы, который позволяет себе возвращать послания Наместника Британской короны нераспечатанными. Довольно, Генри! Но ничего, Генри, ничего! Посмотрим, что скажет Далай-лама, когда познакомится с новой английской дипломатией и увидит в горных долинах Тибета штыки британского экспедиционного корпуса!

- С позволения вашего величества, он их не увидит, - позволил себе усмехнуться секретарь. – Неуважительно встретив Янгхазбенда в первый раз, Далай-лама догадался, что продолжение неминуемо последует, и в октябре предусмотрительно отбыл из Лхасы в Ургу. Откуда он, вне сомнений, сносится со своим посланником Доржиевым и молит русского императора о военной помощи Тибету. Кстати говоря, ваше величество, тибетцы уверены, что не сегодня-завтра в их Стране Снегов появятся русские полки.

- Это бред, Генри! – Керзон решительно встал. – Полный бред! Ступайте и передайте полковнику Янгхазбенду, что я жду его в три часа пополудни.

Оставшись один, Керзон перебрался из-за рабочего стола на козетку, подложил под искалеченную спину подушку и прикрыл глаза, размышляя о русских полках.

Вице-королю Британии в Индии не надо было рыться в анналах истории, чтобы освежить то, что он знал о России. Назвав ожидания тибетцев полным бредом, сам он вовсе не был уверен в недоступности Гималаев для русских.

Еще во второй половине XIX века, когда большая часть земного шара уже была поделена между ведущими мировыми державами, Евразийский континент продолжал оставаться ареной противостояния двух великих империй — Российской и Британской. И та, и другая состязались в попытках распространить свое влияние на Центрально-Азиатский регион, что неминуемо должно было привести к конфликту интересов. Кульминацией этого соревнования была борьба за Памир.

Великобритания, уже добившаяся значительных успехов в деле колонизации Индии, ревниво и пристально следила за планомерным расширением в Азии владений Российской империи. И здесь англичанам было чем озаботиться: эти владения неуклонно приближались к ее собственным колониям. Внимание Туманного Альбиона к районам Центральной Азии и Памира диктовалось, прежде всего, стремлением распространить свое влияние на центрально-азиатские страны. И их действия, в противовес российским интересам, там уже велись.

Не только английские обыватели, но и многие серьезные британские политики не на шутку опасались вторжения русских войск в Индию со стороны именно Центральной Азии. Возможности такого похода бурно обсуждались в английских газетах. Припоминались и исторические прецеденты.

Надо заметить, что опасения англичан были рождены не на пустом месте. Проекты захвата британских индийских колоний время от времени выдвигались и в России. Еще на закате XVIII века некий французский авантюрист маркиз де Сент-Жени предложил Екатерине II план франко-русской военной экспедиции в Индию. В соответствии с ним, франко-российские войска должны были двинуться туда через Бухару и Кабул, призывая под свои знамена всех мусульман и объявляя, что целью общего похода является восстановление в мире господства ислама периода империи Великого Могола.

Российская императрица серьезно изучала этот план, но по совету своего фаворита Потемкина не стала приводить его в исполнение. Ее сын, император Павел I, был более авантюристичен, и договорился с Наполеоном о завоевании Индии объединенными силами. Основным автором проекта “О походе на Индию для ликвидации там английского господства” был Бонапарт, который в качестве главной цели похода видел изгнание англичан из Индостана для развития в этой стране промышленности и торговли - разумеется, французской! Самое же любопытное, размышлял Керзон, было в том, что сей проект начал осуществляться! Во всяком случае, атаман Войска Донского генерал Орлов, имея под своей командой 25 тысяч регулярных войск и 10 тысяч казаков, в начале марта 1801 года двинул свои нешуточные силы в сторону Индии и уже успел переправиться через Волгу…

Вице-король невесело хмыкнул: да, если бы не убийство заговорщиками Павла, неизвестно, чем бы кончилась эта кампания! Однако вслед за известием о смерти Павла I генерал Орлов получил приказ развернуть полки и возвращаться на родину. Дальнейшие переговоры Наполеона, теперь уже с преемником Павла на русском троне, Александром I, закончились неудачно. А позже совместные действия России и Франции стали и вовсе невозможны.

Все это, конечно, было очень давно. Но и нынче, в начале XX века, британские политики и военные, не склонные сбрасывать со счетов саму вероятность русской экспансии на Памире, приступили к серьезному изучению географии приграничных к Индии районов и возможных путей вторжения туда русских. Их интерес и озабоченность подогревало то, что в этом регионе активизировалась деятельность российских путешественников.

Лорду Керзону еще до назначения на высокий пост Наместника Ее Величества в Индостане довелось немало попутешествовать. И по этой причине он был прекрасно осведомлен о военной составляющей всякого исследования глухих уголков земли. Знал вице-король и о том, что за плечами Френсиса Янгхазбенда – немало горных троп центральной Азии. И даже, как поговаривали, стычек с русскими военными экспедициями. Что же касается провала первой дипломатической миссии в Тибет, о которой упомянула его драгоценная супруга, то Керзон знал, что тут полковник оказался заложником имевшихся у него полномочий, и не винил Янгхазбенда за этот «провал».

- Полковник, на сей раз у вашей миссии нет ограничений – ни по времени, ни по способам достижения поставленной цели. За вашими плечами будут три пехотных полка, пулемётная команда и команда мадрасских сапёров, всего около 3000 солдат. И почти в два раза больше носильщиков, имеющих опыт боевых действий, - усмехнулся Керзон. – Надеюсь, этого контингента хватит, чтобы склонить Тибет к миру – если, конечно, к этим дикарям не придут на помощь русские полки. Вы слышали о том, что в Тибете ждут не дождутся русских, полковник?

- Полагаю, что это не повод для насмешек, ваше величество, - не принял шутливого тона Янгхазбенд. – Не хочу приводить хрестоматийного примера выносливости русских солдат, сумевших под водительством полководца Суворова преодолеть Альпы – у меня есть и личные, более свежие примеры упорства русских в достижении поставленной цели.

В конце октября 1889 г. в районе Хайан Аксай у меня сучилась неожиданная встреча с разведчиком капитаном русской армии Громбчевским, оказавшимся со своей небольшой командой на северо-западе Тибета.

- Что-то припоминаю, - кивнул Керзон. - Его миссия, если не ошибаюсь, была связана с мятежом наместника Афганского Туркестана против британской администрации и его обращением за помощью к генерал-губернатору Русского Туркестана Розенбаху?

- Совершенно верно. Признаться, ваше величество, тогда я поступил не совсем по-джентльменски, порекомендовав Громбчевскому практически смертельный маршрут. По сути, из ниоткуда в никуда - проходящий по очень высокому плато и горам, без травы и топлива. Я знал, что движение по нему зимой будет сопряжено с большими трудностями и наверняка приведет к потерям в отряде. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что экспедиция Громбчевского с трудом, но уцелела.

- Хм… Значит, вас не удивит, полковник, если среди снегов Тибета вы увидите цвета русских военных мундиров? И как же вы поступите в таком случае, Янгхазбенд?

- Меня это действительно не удивит, ваше величество, - невозмутимо ответствовал офицер. – Как я поступлю в таком случае? Простите за прямоту, ваше величество, но я немедленно развернусь и постараюсь убраться с Тибетского нагорья как можно быстрее!

- Считайте, что я этого не слышал, - покачал головой Наместник. – Слава Создателю, что нынче у русских связаны руки напряженностью отношений с Японией, и ей пока не до Памира и Тибета. Когда вы намерены принять командование над нашим отрядом в Сиккиме, полковник?

- Тотчас по завершению аудиенции у вашего величества, - склонил голову офицер. – Я распорядился держать локомотив литерного поезда, переданного в мое распоряжение, под парами. Завтра к вечеру я рассчитываю добраться до Силигури, а далее верхом на лошадях, до воссоединения с ожидающим меня отрядом, ваше величество.

- Храни вас Господь, полковник, - вице-король тяжело поднялся с кресла, показывая завершение аудиенции. – Ждем вас только с хорошими известиями…

Вызвав личного секретаря, вице-король объявил, что на сегодняшний день монарший прием закончен. Керзон чувствовал легкие угрызения совести по причине нелицеприятного утреннего разговора с супругой и желал загладить свою невольную вину. Ну, а местные чиновники и губернаторы индийских провинций подождут, рассеянно подумал всесильный в Индостане Наместник Британской короны.

* * *

Впервые посетив Калькутту во время кругосветного путешествия в декабре 1887 г., Керзон, по свидетельству очевидцев, заявил, что в следующий раз войдет через городские ворота как вице-король. Прошло меньше двух десятков лет, и яркая мечта английского аристократа сбылась. Как отметит позднее биограф Керзона лорд Рональдсхэй, Индия была романсом его юности, всепоглощающей страстью в зрелые годы и незабываемым прошлым в старости.

* * *

Джордж Натаниэль Керзон шел по широкому темноватому коридору Британского министерства по делам колоний, увешанному портретами генерал-губернаторов, эмблемами индийских городов и скульптурными изображениями представителей различных расовых типов Индии. Это было старое и мрачное здание. Жизнь в нем протекала неторопливо и в тоже время неотвратимо, как бы продвигаясь вперед уверенной властной поступью.

Предупрежденный о его визите слуга без доклада распахнул тяжелую дверь.

- Джордж, мальчик мой! С возвращением из дальних странствий! – навстречу Керзону тяжело поднялся премьер-министр, лорд Солсберри.

- Признаться, я был весьма удивлен, когда мне сообщили, что вы назначили мне встречу не в своей резиденции, а здесь, - Керзон тяжело опустился в кресло, прикусив по привычке губу от боли[1].

- Так уж и удивлен? – поднял бровь премьер-министр. – Я считал тебя сообразительнее, мой мальчик…

- Впрочем, я просто кокетничаю. Догадаться нетрудно – если сделать несколько логических допусков, милорд! Вы позволите? – Керзон крутил в тонких пальцах серебряную походную сигарницу. – А вам кто-нибудь говорил, милорд, что у вас типично русская борода?

- Позволяю, мой мальчик! И курить, и делать логические допуски, и сравнивать меня с русскими бородачами, - усмехнулся Солсберри. – Недаром же, черт побери, ты проехал по задворкам России и даже написал об этом довольно популярную брошюрку!

Керзон не спеша отрезал золотой гильотинкой кончик у «гаваны», лизнул отошедший лист сигары и долго обжигал кончик ароматного цилиндрика над пламенем каминной спички. Наконец, окутавшись клубами синеватого дыма, он начал выстраивать логические допуски своего приглашения именно в министерство по делам колоний:

- Во-первых, я прошел хорошую парламентскую школу и набрался опыта в зарубежных странствиях. То, что вы, милорд, назвали брошюркой, в других местах полагают исчерпывающим солидным политико-экономическим трудом за последние нескольких лет…

Милорд искренне расхохотался, закинув наверх курчавую бороду, действительно делавшей его похожим на русского купца. Сходство увеличивала обширная лысина, тщательно прикрытая редкими длинными прядями волос.

- А ты такой же нахал, каким был всегда, Джордж! Помнится, ты рассказывал о своем неуемном характере, который проявил еще в Итоне! Но – продолжай, продолжай, мой мальчик! Итак?

- Две недели после возвращения из Америки, милорд, достаточный срок для того, чтобы узнать, что должность заместителя государственного секретаря по делам Индии в нынешнем правительстве тори вакантна! А полтора десятка миллионов долларов приданого, которыми меня осчастливила американская жена, дают все основания подумать и о следующей ступени, милорд! Тем более, что ее величество крайне недовольна политикой лорда Элгина, нынешнего вице-короля Индии…

Солсберри перестал улыбаться и внимательно всмотрелся в лицо 36-летнего лорда. Молод! Он чертовски молод для упомянутой им следующей ступени! Но умен и напорист. Пожалуй, стоит рискнуть! Он откашлялся, сумев подавить мимолетную досаду от того, что «выскочка» не дал ему сделать сюрприз:

- Ты прав, мой мальчик! Ее величество хотела бы назначить тебя, лорд Керзон, вице-королем Индии! Прав ты и в другом: для начала я посоветовал королеве «обкатать» тебя в кресле заместителя государственного секретаря! Что скажешь, Джордж?

Керзон выпустил несколько облачков ароматного дыма, укрыв за ними довольную улыбку: значит, он все рассчитал правильно! Финансовые проблемы, могущие поставить ему проблемы в будущей карьере (в семье Керзона, кроме него, было 10 детей), были разрешены, когда он женился на Мэри Лейтер, дочери Адольфа Лейтера, чикагского торговца-миллионера.

---

[1] В подростковом возрасте Джордж Керзон неудачно упал с лошади и повредил позвоночник. Отказавшись от лечения, которое отняло бы у него несколько лет и практически выбросило бы из «обоймы делателей карьеры», Керзон на всю жизнь обрек себя на ношение стального корсета, обшитого мягкой кожей. Правда, корсет не избавил его от периодических страшных болей в спине, и как следствие – приступов дурного настроения и вспыльчивости.

- Что я могу сказать, милорд? Благодарю вас и ее величество за оказанную мне честь! Правда, у меня есть условие…

- А ты и впрямь нахал, Джордж! – начал сердиться премьер-министр. – Ты не боишься, что я могу передумать и отсоветовать ее величеству твою кандидатуру?

- Не боюсь, милорд, ибо мое условие необременительно. Я хочу уехать в Индию, будучи посвящен королевой в рыцари. Согласитесь, милорд, что и ее величеству будет намного приятнее и спокойнее иметь столь далеко от метрополии столь надежного представителя!

- И при этом, по регламенту, быть членом Почтеннейшего Тайного Совета ее величества, - проворчал Солсберри. – Со всеми привилегиями столь высокого членства!

- Клянусь не злоупотреблять таковыми! – рассмеялся Керзон.

- Хорошо, я погляжу, что тут можно сделать, Джордж! Но пока ничего не обещаю!

* * *

Через три месяца в Виндзорском замке королева Виктория посвятила лорда Керзона в рыцари.

...После объявления его имени посвящаемый в рыцари Керзон, едва не закричав от боли в спине, преклонил колено на специальную скамейку перед Викторией. Королеве подали обнаженный меч и почтительно поддержали ее руку, когда она коснулась лезвием сначала правого, затем левого плеча Джорджа Натаниэля. После посвящения он с трудом встал с колена, и королева наделила новоиспеченного рыцаря эмблемой ордена, который ему был присвоен.

С этого момента восхождение Керзона на политический Олимп не встречало никаких препятствий. Через три года было объявлено, что он становится преемником лорда Элгина на посту вице-короля Индии, а в сентябре того же года Керзону был пожалован титул барона Кедлстона.

* * *

Давая Керзону прощальную аудиенцию, королева Виктория, как и ожидалось, перешла к политике:

- Я несколько обеспокоена последними донесениями о возможном проникновении русских агентов в Тибет…

- Я не уверен в том, что русские действительно находятся в Лхасе, ваше величество, -почтительно поклонился в ответ новоиспеченный вице-король. - Хотя премьер-министр Непала, который, как хорошо известно вашему величеству, всегда был очень дружелюбно настроен в отношении Великобритании, сделал нам на сей счет несколько весьма прозрачных намеков.

- Я уже слышала об этом, - сказала королева. - И мне нет нужды повторять, лорд Керзон, насколько гибельной может оказаться для русских попытка оккупировать Тибет - как это у них уже произошло с Афганистаном.

Большой, но пока теоретический знаток проблем “индийской границы”, новый вице-король Индии весьма серьезно относился к самому факту очень давнего взаимного недоверия двух держав и был свидетелем их противостояния. Он посвятил этой проблеме много трудов, и был абсолютно убежден в том, что Россия не имеет завоевательных намерений на Памире.

- Я не думаю, ваше величество, что хотя бы один человек в нынешней России, за исключением, может быть, нескольких сумасшедших кабинетных теоретиков, когда-либо всерьез мечтал о завоевании Индии, - повторил Керзон, отвечая на вопрос об опасности продвижения России к границам заморский территорий Британии.

- Что ж, дорогой лорд, я буду только рада, если ваше мнение совпадет с реальной обстановкой в Индии, - Виктория протянула Керзону руку для прощального поцелуя. – Желаю вам удачи на вашем новом посту и жду от вас только хороших новостей!

Успокоив стареющую королеву сколько возможно и получив из ее рук рескрипт о своем назначении, лорд Керзон первым делом занялся обновлением своего личного оружейного арсенала, оставив сундуки с дипломатическими бумагами, присланными из Форин Офис, «на потом». Человека, занявшего высший дипломатический пост в Британской Индии, как ни покажется странным, русское присутствие на Памире беспокоило пока мало. Гораздо больше манила его будущая слава охотника на тигров.

Его супругу, Мэри Викторию Керзон, одолевали другие заботы и хлопоты. Полная решимости сопровождать сэра Джорджа в качестве вице-королевы, она проводила время перед отъездом в поисках новейших французских фасонов и жарких спорах с модными кутюрье. Будучи наслышанной об искусстве индийских ткачей, леди Керзон сладко мечтала о фуроре, который она, без сомнения, произведет сочетанием новейших европейских фасонов и индийских тканей, имеющих многовековую историю.

* * *

После открытия Суэцкого канала Индия сделалась легко досягаемой. Вместо долгих четырех, а иногда и пяти месяцев пути вокруг африканского мыса Доброй Надежды теперь вся дорога от Лондона до Бомбея занимала меньше трех недель, и это во многих отношениях кардинально изменило образ жизни в некогда далекой от метрополии откраине.

За сундуки с бумагами лорду Керзону пришлось все-таки засесть во время этого «укороченного» морского путешествия из Лондона к месту будущей службы. И надо заметить, что только тут, на корабле, лорд впервые усомнился в правильности своего решения о выборе карьеры. Основанием для таких сомнений послужила служебная переписка с Лондоном его предшественника на посту Наместника короны Виктора Брюса, попавшая ему в руки.

Как выяснилось, уже первые шаги Брюса, 9-го графа Элгина в качестве вице-короля Индии вызвали в Уайтхолле серьезные нарекания: ему не удалось противостоять политике метрополии, из-за которой ввозимый из Индии хлопок облагался в Англии дополнительным налогом. Это делалось в интересах британских хлопководов, но между «молотом и наковальней» попадал он, Виктор Блюс!

В дальнейшем графу Элгину пришлось иметь дело с постоянной напряжённостью на индийских границах, постоянными внутренними волнениями в стране и тяжёлым экономическим кризисом, апогеем которого стал большой голод 1896 года. Читая документы о последовавшей далее вспышке в Бомбее бубонной чумы, распространившейся затем в другие регионы, Керзон и вовсе пал духом.

* * *

В Бомбее на борт корабля с новым вице-королем поднялось множество официальных лиц, а в его каюту внесли несколько запечатанных папок с дипломатической почтой. которые он запер в одном из своих дорожных сундуков до той поры, пока у него появится время, чтобы открыть их.

Отсюда можно было поехать поездом через всю Индию, но лорд Керзон решил, что они продолжат путь до Калькутты по морю. Поэтому в Бомбее они тут же пересели на другой корабль и продолжили путешествие до столицы Индийской империи.

На набережной Калькутты, как и ожидалось, вице-короля ожидало множество нарядно одетых чиновников, явившихся приветствовать их, и целый кавалерийский эскадрон сопровождал карету вице-короля, в которой его с супругой доставили в Дом правительства.

Здесь, наконец, сундуки с бумагами и свежая почта были, наконец-то, разобраны. И многое предстало перед вице-королем в новом свете. Слухи об активных действиях русских в Тибете превратились в неприятную реальность, что очень сильно его обеспокоило лорда Керзона. Вице-король Индии попытался вступить в переговоры с тибетским главой, Далай-ламой, но его письмо было возвращено нераспечатанным.

Гордый лорд пришел в ярость от такого «нахальства». Еще бы: Далай-лама игнорирует вице-короля Индии, отсылает ему нераспечатанными его письма, и тут же публично направляет в Россию тибетскую миссию. Ярость сочеталась с нешуточными опасениями потери Тибета, подогреваемыми истеричными письмами, приходящими из Лондона. Шпионы с Тибетского нагорья доносили, что местные жители в самом скором времени ожидают появления на «вершине мира» русских полков.

В Лондон, министру по делам Индии сэру Гамильтону, немедленно полетела очередная шифровка:

> *Как вы понимаете, что ответ на любой подобный поступок России будет очень прост. Я без промедления пошлю в Лхасу английскую армию».*

Окончательно убедившись в упорном нежелании Далай-ламы установить личные контакты с англо-индийским правительством, Наместник убедил Лондон в необходимости немедленно предпринять вооруженную экспедицию в Тибет.

* * *

В очередной телеграфной шифровке в Лондон Керзон доносил министру по делам Индии сэру Гамильтону:

> *"Мы получили несомненно ясные доказательства, что Тибет готовится к войне с нами: непальский раджа известил наше правительство, что далай-лама просил у него вооруженной помощи для вытеснения миссии; кроме того, мы с достоверностью узнали, что в Тибет ввозились русские ружья, заряжающиеся с казенной части, и амуниция. Потом слухи о русских интригах были подтверждены японским священником Кауагучи; после возвращения из Лхасы в 1903 г. он сообщил, что в 1902 г. ламы приняли от русского правительства два груза привезенных на верблюдах ружей. В сентябре 1903 г. выяснилось, что Доржиев, кроме своих профессиональных буддистских обязанностей, принял на себя наблюдение за военными приготовлениями в лхасском арсенале".*

* * *

12 декабря 1903 года отряд, возглавляемый полковником Янгхазбендом, начал двигаться из Сиккима в Тибет. Позади солдат двигалась колонна из 10 000 кули, 7000 мулов и 4000 яков, тащивших багаж экспедиции, включая шампанское для офицеров.

Несмотря на дождливую погоду, ехать по богатейшим лесам Сиккима все-таки было очень интересно. Ежедневно приходилось видеть новую удивительную красоту и богатство леса, или замечательную красоту цветов… Все это с избытком вознаграждало за периодические климатические невзгоды. Богатая тропическая растительность горных склонов была поистине роскошна, и не могла не привлечь к себе внимание. Под кронами могучих лесных великанов росли пышные папоротники, нередко имевшие 40 — 50 футов высоты с листьями до полутора сажен в длину. Местами выделялись затейливостью форм лианы. То и дело над головами солдат и офицеров начинали порхать удивительные по красоте бабочки.

Отряд продолжал двигаться вперед, и люди не успевали поражаться быстрой смене пейзажей. Одно из ущелий было более похожее на цветущий сад, а в соседнем носились пыльные вихри и было голо, как в пустыне. Подгоняемые офицерами, солдаты продолжали

упорно карабкаться вверх, и по мере подъема на «огораживающие» Тибет горные цепи становилось все холоднее и холоднее. По вечерам, стуча зубами у плохо горящих костров, участники военной экспедиции вспоминали бабочек и пение птиц в окружающей зелени как сказочный сон…

Продвижение английских войск было внезапным и стремительным. Экспедиция переходила перевал за перевалом. Никакого сопротивления им поначалу не оказывалось. Хозяева долины - тибетские ламы и маньчжурские чиновники - попытались препятствовать продвижению англичан, пообещав немедленно связаться с Лхасой, но англичане отказались вести переговоры с официальными лицами невысокого ранга и продолжали движение к Лхасе. Вскоре это продвижение замедлилось: тибетские отряды то и дело открывали по английской колонне огонь. Британские шеренги останавливались, рассыпались в цепи и поливали противника пулеметным и ружейным огнем.

Для англичан это была почти что прогулка: они были вооружены современными и дальнобойными ружьями и пулемётами Максима. Горцы же до сей поры пользовались преимущественно ружьями с фитильным замком. Боевой дух горцев был высоким, но при этом они были достаточно наивными и доверяли талисманам и заговорам, которые «гарантировали» им «спасение» от вражеских пуль. Однако уже после первого огневого контакта с англичанами, когда было убито много тибетцев, ламы с сожалением пояснили своим солдатам, что английские пули сделаны с примесью серебра, а талисманы горцев спасают только от оловянных пуль. После нескольких поражений боевой дух тибетцев упал.

Военно-дипломатическая миссия британцев явно затягивалась, и слово «дипломатия» мало-помалу выпала из лексикона сторон. Состоялся очередной бой с тибетцами, и пара очередей из пулемёта рассеяла все тибетское войско. Бой длился всего 10 минут, горцы в результате потеряли 300 бойцов убитыми и около 500 ранеными и попавшими в плен. Погиб также лхасский генерал. У англичан же было только 13 раненых.

Остаток тибетского войска отошёл к северу. Англичане буквально наступали противнику на пятки, и вскоре состоялась вторая битва. Тибетцы потеряли в ней 150 человек убитыми, и снова были вынуждены отступить.

Англичане регулярно занимались «зачисткой» деревень и монастырей, и вскоре тибетцы запросили перемирия. К англичанам для переговоров прибыла мирная делегация. С тибетской стороны переговоры вели четыре министра, премьер-министр, по их словам, находился на пути из Лхасы. Англичане морщились: подобная делегация вряд ли могла быть уполномоченной принимать важные решения.

Но, тем не менее, вялотекущие переговоры все же шли.

Разумеется, подобные переговоры с тибетцами не могли заполнить весь тот избыток времени, которым располагали англичане. У них оставалось достаточно времени для наслаждения окружающим их первобытным пейзажем. Непосредственно перед английским лагерем расстилалась плоская и совершенно ровная песчаная равнина, дававшая ощущение простора и свободы. На дальнем плане этой равнины, на расстоянии десяти или двенадцати миль, возвышалась величественная цепь гор, составляющая главную ось Гималаев. Разглядывать в бинокли эти горы доставляло членам английской миссии беспрерывное удовольствие, и в какой-то мере вознаграждало за все перенесенные ими лишения и невзгоды.

Солнце освещало их палатки уже около семи часов утра. В это время небо было безоблачным, за исключением длинной полосы полупрозрачного тумана, да нескольких тонких розовых или золотистых облачков, казавшихся вырезанными чьей-то огромной и талантливой рукой. Эти облака неподвижно висели на горизонте. Огромные снеговые горы по большей части бывали окутаны в голубоватую туманную дымку, которая делала вид просто волшебным. Темное основание гор сменялось изысканными тенями пурпурового и

розового цветов, между тем как белые снеговые вершины мягко оттенялись голубой окраской небес.

По равнине в поисках пищи с писком носились маленькие птички. Иногда можно было увидеть маленькую полевую мышь, гревшуюся на солнце у входа в свою норку. И над всей здесь видимой и невидимой жизнью царило чувство мира, спокойствия и тишины, которое с трудом позволяло думать, что в расстоянии всего лишь десяти миль несколько высших лам Тибета с чувством насылали на англичан порчу и проклятия и объявляли народу о нападении на их страну.

Однако, подобная тишина и умиротворение царило в природе не каждый день. Иногда над английским лагерем бушевала настоящая буря. Нередко в десять или одиннадцать часов утра райскую красоту сменял ужасный ветер, который с яростью дул до вечерней зари, а то и до темноты. Тяжелые свинцовые тучи неслись тогда откуда-то с юга, из Индии, а весь воздух заполнял сухой и тонкий снег, набивавшийся во все щели. Гор не было видно совершенно. Английский лагерь в такие дни представлял сплошную картину отчаяния. Британцы молились за несчастных часовых, оставшихся по периметру лагеря где-то во мгле, и вряд ли могли противостоять воющей буре и пронизывающему холоду и снегу. А уж чтобы английские солдаты смогли оказать сопротивление нападению со стороны тибетцев при таких ужасных условиях? Это казалось и вовсе невероятным.

Но проходил день-другой, буря мало-помалу стихала, тучи рассеивались. И тогда вершина Кайласа вновь являлась в своей спокойной и величественной красоте. Только у ее подножья все еще яростно клубились остатки снежных вихрей. Но тем торжественнее возносилась в голубую высь та самая вершина, перед которой благоговели тибетцы. Они всегда твердо верили, что только при созерцании последних “чистых” ступеней земного мира человек в состоянии скорее отрешиться от житейской суеты и приблизиться к познанию Истины...

…Между тем, вскоре выяснилось, что Далай-лама бежал в Монголию еще в начале августа, и Янгхазбенд вынужденно вступил в переговоры с регентом и Высшим министром Тибета – при содействии китайского резидента-амбаня.

Здесь, в приятной долине, прекрасно обработанной и богато орошенной, под укрытием снеговых цепей гор, находился таинственный запретный для иностранцев город, который до сих пор видело считанное число европейцев. Многие из той английской экспедиции, видевшие изолированность Лхасы, вполне серьезно полагали, что она должна была быть чем-то вроде города из области сновидений. А, вступив в столицу, были немало разочарованы тем, что ее улицы не были вымощены золотом, а двери домов не отделаны жемчугом. Улицы Лхасы были страшно грязны, а ее жители менее всего походили на волшебников. Так что англичане вынуждены были, в конце концов, признать: сей город была построен все-таки людьми, а не феями и могучими джинами из восточных легенд.

Но Потала, дворец Великого ламы, был действительно внушительным, массивным и очень основательным сооружением из камня. Господствующее положение дворца на горе, каменные глыбы для которой, по преданию, были привезены сюда на лошадях и верблюдах из Индии, выделяло его над городом, расположенным у его подножья. Множество домов в городе было также хорошо и солидно построено и окружено тенистыми деревьями.

Однако, в течение пребывания английской экспедиции в столице Тибета, главное внимание ее начальника было обращено на самих жителей, нежели на их жилища. Все высшие лица, как светские, так и духовные, являлись здесь к полковнику Янгхазбенду, и он говорил с ними день за днем, неделя за неделей. Тибетская аристократия то ли играла с пришельцами, то ли действительно была несведущей в стратегии и тактике переговоров.

Сколько ни бился полковник, он так и смог выделить ни одного человек с поистине высоким авторитетом или полномочного для ведения переговоров.

Поначалу британцы предполагали, что эти переговоры им придется вести с главами исполнительной власти, членами Высшего совета Тибета. Но вскоре выяснилось, что и те ничего не могли решить без согласия Национального собрания. Собрание же, как оказалось, не имело в данный момент достаточно высокогодолжностного лица, которое бы управляло им.

Но какими несведущими в большой политике не были тибетцы, раздраженные британцы не могли не отметить и положительные их качества: все они были неизменно вежливыми и веселыми. Достаточно было ничтожной шутки, чтобы заставить тибетцев смеяться, и полковник Янгхазбенд не смог впоследствии припомнить, чтобы при окончании официальных и полуофициальных встреч, которых было в Лхасе предостаточно, он уходил бы в дурном расположения духа.

В конце концов, мирный договор был подписан. Упорство же, как признал полковник, есть такая особенность человека, к которой нельзя придираться.

* * *

Русских полков давно уже можно было не опасаться: они с января вели кровавые бои с японцами на Дальнем Востоке. Однако лорд Керзон, получивший через полгода после начала экспедиции известие о ее завершении, не верил до конца никому. Все Нагорье было по его указанию наводнено шпионами. Практически по всеми периметру высокогорья в местных монастырях появились новые люди, единственной задачей которых было вовремя заметить русских разведчиков и принять исчерпывающие меры к их уничтожению.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Совещание в Царском Селе

Экстренно вызванные в Царское Село министры, умело скрывая недоумение по поводу состава назначенного государем совещания, негромко переговаривались на отвлеченные темы и дожидаясь приглашения в рабочий кабинет. Наконец, выскользнувший оттуда флигель-адъютант негромко огласил:

- Его императорское величество просит пожаловать к нему, господа министры!

Получивший этот пост полгода назад, после злодейского убийства своего предшественника Сипягина, Вячеслав Константинович фон Плеве оправил и без того безукоризненно сидящий на его плотной фигуре мундир и первым решительно направился в царский кабинет. Вслед за ним, перекрестив пупок, поспешили министр иностранных дел Ламздорф и глава военного ведомства генерал Куропаткин.

- Желаю здравствовать, ваше императорское величество!

Николай кивнул, не поднимая глаз от раскрытого перед ним бювара с бумагами:

- Садитесь, господа, садитесь… Стало быть, добром с этими «странниками» договориться не получилось? – глянув на фон Плеве, негромко спросил он, словно продолжая давно начатый разговор. – Может, переусердствовали с самого начала твои «волкодавы», Вячеслав Константинович? Не успели увидеть «странники» пальмовую ветвь в руках твоих людей?

- Позволю себе не согласиться с вашими упреками и подозрениями, государь, - тихонько откашлялся Плеве. – Как следует из представленных вашему величеству рапортов и отчетов, наша работа со «странниками» началась больше года назад. Мои люди ясно неоднократно давали понять главе сектантов, известному под именем старца Никитина, что власти не желают им зла, и никаких притеснений их не ждет. Что Императорское Географическое общество заинтересовано лишь открытием и описанием новых земель…

Николай поднял ладонь, останавливая министра:

- Зачем повторять то, что находится в этой папке, господин министр? Слава Богу, я не жалуюсь на память, и прекрасно помню все материалы по четырем путешествиям господина Пржевальского, описанных им самим и его спутниками! «Странники», Плеве! Ежели Пржевальский интересовался лишь географией и орнитологией, то их цели в Тибете совершенно иные! Они уходили туда за древними знаниями. И каким-то образом были допущены в монастыри Тибета, куда европейцев прежде и близко не подпускали. Они получили эти знания, причем, судя по вашим же рапортам и докладным, весьма серьезного, если только не сказать – опасного для общества свойства. А государственный аппарат великой империи не в состоянии даже выяснить – что это за знания? Почему, Плеве?

- Разумеется, наши благие намерения были доведены до «странников», ваше величество! – заметив растущий гнев императора, Плеве держался по-прежнему невозмутимо. – Однако все наши усилия пропали втуне! «Странники», или иначе «бегуны» - весьма странная секта. Они не желают контачить с властями на любом уровне! Их нисколько не соблазнили сулимые им поблажки и свободы. Они просто убегали от парламентеров!

- Мне это напоминает анекдот, - с серьезным видом Николай дотронулся до шрама на голове. – Некий крестьянин хвалится в трактире: мне, мол, удалось вывести самых быстрых кур в мире. Они, дескать, настолько проворны, что их вполне можно использовать для доставки курьерской почты. У него интересуются: а как эти куры на вкус? Не знаю, отвечает: как вывел, так и до сей поры ни одной догнать не смог…

Министры сдержанно посмеялись, и фон Плеве закончил:

- А когда мои люди усилили нажим, сектанты стали огрызаться… Причем такими способами, что даже ученые мужи пребывают в прострации…

- И это есть в твоих бумагах, господин министр, - устало прервал его Николай. – Они жестоко расправились с засланным в их ряды агентом, едва не свели с ума лучшего сыщика Петербурга – тоже, если не ошибаюсь, сектанта! Полицейская операция в Костромской губернии была провалена, а захваченные в ее ходе «бегуны» один за другим умирают – даже под присмотром лучшего психолога и гипнолога империи профессора Бехтерева. Я читал рапорт полковника Герасимова о кровавой бойне, учиненной старцем Никитиным в Военно-медицинской академии – с пояснениями самого ученого, господина Бехтерева. Их, стати говоря, можно резюмировать одной фразой: «***Этого*** не может быть с точки зрения современной науки, но ***Это*** все равно происходит». Война с «бегунами», фон Плеве, только началась, а мы уже проигрываем ее. И это усугубляет мою озабоченность, министр!

Ламздорф отчего-то некстати хихикнул, но под тяжелым взглядом императора мгновенно стал серьезным.

Перекатив глава снова на фон Плеве, император спросил:

- Меня интересует сейчас одно, господин министр внутренних дел: остались ли у тебя и твоих людей какие-либо запасные варианты сесть со «странниками» за стол переговоров, так сказать? Развязать «бегунам» их языки? Выведать, что они привезли из Тибета? Почему тибетские ламы их туда вообще пустили? Что за знания они там получили, какие артефакты привезли?

Плеве был смелым человеком. Он не умел, подобно большинству других министров и царедворцев, ловко лавировать, раздавать убедительные обещания, а после столь же убедительно объяснять государю, кто и что помешало выполнению обещанного. Он прекрасно осознавал, что ответ, который сейчас даст, может поставить на его карьере точку. Не сейчас, не тотчас же – но при первом удобном случае: государь был не только памятлив, но и весьма злопамятен. Он вздохнул:

- Увы, государь: возможности мои и вверенного мне вашим величеством министерства в деле «странников» исчерпаны! Я готов хоть нынче же написать прошение о своей отставке, государь!

Николай неожиданно развеселился:

- Экий ты скорый! А с революционерами кто будет воевать? Крестьянские бунты подавлять? Ишь ты, отставки захотелось! Нет, Плеве, не будет тебе отставки! Не по зубам тебе сумасшедшие «бегуны» оказались – делай свое дело, выполняй прямые обязанности! Лови социалистов и террористов!

- Слушаюсь, ваше величество! – прикусил губу фон Плеве и начал выбираться из глубокого кресла. – И если у вас, государь, ко мне нынче нет вопросов, то я прошу позволения откланяться!

Николай хмыкнул:

- Не спеши, Вячеслав Константинович! Посиди-ка с нами, послушай других. Не исключаю, что наша беседа еще не закончена! Ламздорф!

- Я весь внимание, ваше величество!

Николай помолчал. С момента своей «тибетской задумки» он сразу решил держать своего министра иностранных дел подальше от нее. На то было несколько причин. Во-первых, Ламздорф не скрывал своих германофильских симпатий, ратовал за тесное сотрудничество русской и германской разведок. Николай же, несмотря на свою германскую, в противовес англичанам, ориентацию, полагал, что немцы и без того суют свои острзейские носы в российские дела куда дальше, чем следовало бы.

Знал Николай и чрезвычайный консерватизм Ламздорфа, его крайнюю упертость к изменениям любого рода. Ну, и конечно, нетрадиционная сексуальная ориентация министра: порой она забавляла императора, но чаще заставляла его держаться с Ламздорфом настороже. «Девка», как за глаза называл Ламздорфа Николай, в пылу любовного романа мог в любой момент повести себя непредсказуемо, вплоть до предательства. Но как министра иностранных дел, знающего сильные и слабые стороны почти всех европейских монархов, и обладающего столь необходимой в дипломатической службе редкой интуицией, император ценил. Может, потому тот и просидел в министерском кресле необычно долгий для министра срок – почти 30 лет? Не мог Николай обойтись без Ламздорфа и на сегодняшнем совещании: его «сценарий» давно уж выстроился у императора в голове.

- Ламздорф, а что ты скажешь нам о Тибете с дипломатической точки зрения?

Подняв глаза к потолку и свернув, по старому обыкновению, губы трубочкой, министр певуче заговорил, и Николай невольно улыбнулся, вспомнив, как по-солдатски прямо говаривал его покойный батюшка, Александр III: «Ну как вытянет наш Ламздорф губы свои – чисто куриная жопа!»

- Первые связи с Тибетом пыталась устанавливать еще Екатерина II Великая, государь. Она посылала дары Далай-ламе через депутации калмыков, когда те шли в Тибет на поклонение к своему Живому Богу. Чуть позже к Тибету проявляет нешуточный интерес Англия, нахапавшая – прошу прощения на грубом слове, государь - колоний по всему миру и которая стремилась, таким образом, обезопасить свои позиции в Индии, этой «жемчужине британской короны». Здесь английским аппетитам реально противостоял только Китай, но англичанам удалось оттеснить сего конкурента, закрепиться в Тибете и переориентировать его экономику на Индию. Однако, и Россия не дремала, ваше величество! Подобная «наступательная» политика англичашек не могла не тревожить Санкт-Петербург, и уже в феврале 1893 года на стол российского императора, вашего почившего в бозе батюшки, лег документ, озаглавленный как «Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке». В нем последовательно

и подробно был изложен план продвижения России в Азию, с возможностью присоединения к нашим необъятным владениям Монголии, Китая и Тибета…

- Я слышал о Бадмаеве и даже давал ему аудиенцию, - кивнул Николай. – Да и как не дать, коли тот принял православие, а его крестным отцом был лично мой отец! Итак, Бадмаев?

- Отец нашего Бадмаева был богат, владел большими стадами скота. В 12 лет мальчик был отдан в иркутскую гимназию. Окончив курс, он уехал в Санкт-Петербург, к своему брату, который содержал в столице аптеку и занимался лечением болезней методами тибетской медицины. Новообращенный Петр Бадмаев учился в Санкт-Петербургском университете, на факультете восточных языков по китайско-монголо-маньчжурскому разряду. Впоследствии был определен на службу ко мне, в Азиатский департамент Министерства. Спустя пятнадцать лет Петр Бадмаев покинул министерство, и отдал себя тибетской медицине. Должен заметить, государь, что он всегда был весьма инициативным субъектом, имевшим склонность к всевозможным авантюрам. Он не раз придумывал различные хитроумные комбинации, которые позволили бы ему не только укрепить свое влияние при дворе, но и запустить ручки в государственную казну. Сейчас, ваше величество, совершенно ясно, что проект присоединения к русским владениям Монголии, Китая и Тибета был лишь одной из авантюр подобного рода.

- Это было еще при моем отце, - кивнул Николай. – Напомни-ка, Ламздорф, только покороче!

- Слушаюсь, государь. Для реализации своего проекта Бадмаев предлагал устроить поселение за Байкалом, в местности, очень удобной для скотоводства и хлебопашества. Отсюда, снабженные всем необходимым, русские миссионеры стали бы разъезжать по Монголии, Тибету и Китаю. А в Забайкалье приезжала бы монгольская и тибетская знать, жрецы, ученые. По утверждению Бадмаева, они мало-помалу должны были убедиться в безопасности своего положения под гостеприимным кровом своих соплеменников. А, возвращаясь в родные места, «гости» стали бы укреплять уверенность в приближении освобождения от гнета чиновного мира маньчжурской династии. Такая работа должна была, разумеется, осуществляться без разъяснений об истинных намерениях и конечных целях сближения. Так можно спокойно подготовлять почву к тому, чтобы они сами признали неизбежным пойти на Ланчжоу-фу, и взять этот стратегический пункт без кровопролития. Отсюда же, как утверждал Бадмаев, легко овладеть и всем управлением Китая. А когда это удастся, монгольская, тибетская и китайская знать, а также буддийские жрецы отправятся в Россию просить «белого царя» принять весь Китай в его подданство. Таким образом, государь, план Бадмаева фактически заключался в том, чтобы русское правительство с целью присоединения Китая и Монголии к России подготовило бы мирное восстание против маньчжурской династии.

- Припоминаю, что вскоре после сего ошеломительного проекта Бадмаев стал хлопотать о выдаче ему двух миллионов рублей золотом. Эту сумму была потребна для организации в Забайкальской области торгового дома, который и вел бы подготовительную работу, результатом которой должно было явиться присоединение Китая к России.

- И тогда ваш венценосный батюшка, государь, отозвавшийся сперва о планах Бадмаева как о фантастических, пошел навстречу крестнику, и вопреки протестам тогдашнего министра финансов Витте, приказал выдать ему два миллиона. Бадмаев немедленно приступил к действию, и в 1893 года в Петербурге был основан торговый дом «Бадмаев и К». Сам же он вскоре после этого направился в Читу, где и была организована главная контора компании, которая вместе с тем являлась чем-то вроде штаба для предполагаемого «завоевания» Монголии, Китая и Тибета. «Торговый дом» организовал в Чите обширное промысловое скотоводческое хозяйство, закупил громадное количество

верблюдов для перевозки грузов, арендовал земли у бурят и монголов, открыл несколько лавок в степях и даже завел в Чите типографию. Потом… Потом он вернулся в столицу за новой крупной ссудой, однако на сей раз ничего не добился. Выданные ему ранее деньги пропали безвозвратно, торговый дом прогорел, а с ним «сгорела» и сама затея тибетского врача по «завоеванию» Востока.

- А что с Доржиевым? – поинтересовался Николай.

- Сгоревшая авантюра стала началом возвышения другого посланца Тибета в России — ламы Агвана Доржиева. Именно о нем в своем письме вашему величеству писал Бадмаев…

Заглянув в приготовленную папку, Ламсдорф процитировал:

- В тибетской столице, Лхасе, у Далай-ламы продолжает иметь влияние бурятский лама Агван, и благодаря ему бурятам дозволено проживать там и ездить в Тибет, именуясь подданными белого царя. Ранее же они приезжали туда как монголы, подданные Богдохана. Доржиев известен тем, что, будучи российским подданным, долгие годы являлся послом Далай-ламы в России. В Тибете молодой монах поступил в один из трех наиболее значительных центров религиозной деятельности этой горной страны, однако вскоре ему пришлось заняться политикой. В 1898 году, когда угроза со стороны Британии стала для Тибета ощутимой, Доржиев по поручению Далай-ламы отправился к нам в Санкт-Петербург. Князь Эспер Ухтомский, которого ваше величество, несомненно, помнит по совместному путешествию вокруг света, благодаря своей близости ко двору, помог «тибетскому посланнику» получить аудиенцию у вашего величества...

- Я довольно холодно относился в то время к тибетским проблемам, но князь Ухтомский сделал все, чтобы эта встреча состоялась, - кивнул Николай. – Помнится, что придворный лекарь Петр Бадмаев также способствовал земляку. На аудиенции я заявил Доржиеву, что поддержка Тибета со стороны России возможна только при наличии письменного обращения Далай-ламы, которое в таком случае должно иметь характер официального документа.

- Тем не менее, в Петербурге Доржиев завел полезные знакомства и вернулся в Тибет с многочисленными дарами от русского императорского двора. Он был полон решимости подчинить Лхасу политическим интересам вашего величества. Его аргументы произвели огромное впечатление на тогдашнего Далай-ламу: ведь традиционный союзник Тибета, Китай, больше не обладал значительной военной мощью, и практически полностью находился под контролем англичан. С другой стороны, Россия представляла собой реальную военную силу. К тому же Доржиев видел свою задачу не во включении Тибета в русскую сферу влияния, а в распространении тибетской религиозной мысли в русской среде. Доржиев совершил еще две поездки в Петербург. В конце 1901 года он привез в Тибет предварительный текст договора между двумя странами.

- Что ж, - император встал и подошел к окну, что было верным сигналом к окончанию доклада. – Благодарю, что освежил мою память, Ламсдорф…

Министры вскочили с мест.

- В таком случае, государь, прошу позволения откланяться, - Ламздорф снова вытянул губы трубочкой.

- Иди, - кивнул Николай. – А я пока потолкую с военным министром и главным сыщиком империи…

Губы Ламздорфа мгновенно втянулись и превратились тонкую злую линию: он догадался, что самое важное он уже не услышит…

Когда за министром иностранных дел бесшумно притворились тяжелые двери, Николай повернулся к Куропаткину:

- Не так давно, господин военный министр, я по твоей настоятельной просьбе подписал высочайший Указ о создании при Генеральном штабе Разведочного отделения.

- Точно так, ваше величество…

- Однако сведущие люди доложили мне, что сие Разведочное отделение начало свою деятельность – назовем это пробой сил – несколько ранее подписанного мною Указа. Это так, господин генерал?

Куропаткин медлил с ответом, сразу догадавшись о «сведущих людях», которые нашептали царю о «пробе сил». Один из них наверняка сидел сейчас рядом с ним – фон Плеве. Зачем государю понадобилось вот так сталкивать своих министров лбами? Ведь, по сути дела, департаменты министерства внутренних дел и новое подразделение Генштаба никак не пересекались и не мешали друг другу. Одна рука боролась с внутренними врагами – революционерами, другая весьма активно пересекала утечку важных государственных сведений при посредстве шпионов за рубежи империи. Хотя, с другой стороны, военная контрразведка, идя по своему следу, не раз выходила на всякого рода социалистов, которые не считали зазорным торговать государственными секретами. Тем самым, они оправдывали борьбу с самодержавием «на всех фронтах».

Бывало и наоборот: отслеживая террористов и бомбистов, «охранка» частенько наталкивалась на факты чистого шпионажа.

До сих пор военное и охранное ведомства старались решать возникающие проблемы мирно, не мешая друг другу и без докладных царю. Бывали и стычки, конечно – куда без них деваться? Тогда главам ведомств приходилось садиться за «стол переговоров» и стараться решить вопросы мирным путем.

Не дождавшись ответа, Николай констатировал:

- Значит, был грех… Ладно, я не стану бранить за это, господа! Но должен вам заметить, что несогласованность, межведомственные склоки и недоговорки не идут на пользу державе!

- Да мы и так стараемся бежать в одной упряжке, государь! – повеселел Куропаткин.

Фон Плеве согласно кивнул, хотя у него было несколько отличное мнение на этот счет. Ну, да ничего: лишний козырь в рукаве еще никому и никогда не мешал.

Николай встал, досадливо махнул рукой на вскочивших было министров: сидите, мол! Сделав по кабинету несколько шагов, он провел пальцем по корешкам замерших в книжных шкапах фолиантов, прошелся ладонью по старому шраму на макушке и искоса поглядел назад:

- На Востоке, если не ошибаюсь, есть поговорка: «Если гора не идет к пророку Магомеду, то ему ничего не остается делать, как самому идти к ней». Мне кажется, господа министры, что в попытках установить контакты со «странниками» мы попали именно в такую ситуацию. Сектанты не только избегают всяческих сношений с власть предержащими, но и свирепо огрызаются при наших попытках приблизиться к ним. Какие из этого можно сделать выводы, господа?

Министры хранили молчание, прекрасно понимая, что у императора уже есть готовый ответ. Да и сам вопрос был задан скорее формально.

- Сама реакция этих субъектов подтверждает, что тайные знания, полученные ими в Тибете, весьма серьезны! Настолько серьезны, что «странники» легко жертвуют своими жизнями, лишь бы удержать полученные ими знания при себе. Это во-первых, господа министры: как это ни печально, но нас вынуждают играть не по общепринятым, или даже не по сектанским правилам, а искать обходные пути для удовлетворения нашего, скажем так, любопытства, - Николай многозначительно поднял палец. – Пока – *любопытства*! И нам, господа, ничего не остается делать, кроме того, что самим «идти к Магомеду»! Если уж эти полуграмотные и нищие субъекты сумели преодолеть все трудности дороги в

высокогорную страну и войти в доверие к тибетским ламам, то, имея за спиной всю мощь и ресурсы огромной империи, наша команда наверняка сумеет сделать то же самое! Как вы полагаете, господа министры?

Фон Плеве с облегчением вздохнул: сей прожект, как его ни поверни, его министерства не коснется! Это не коды к шифрам у французов или немцев выкрасть или перекупить силами зарубежной агентуры Охранного отделения!

Зато Куропаткин будто ждал подобного вопроса:

- Если ваше величество имеет в виду команду разведчиков, сформированную из только что созданного с вашего соизволения отделения, то сие возможным мне не представляется! Главным образом – по соображениям языкового характера. Мои люди знают большинство европейских языков, однако тибетским наречием китайского, увы, не владеют! Кроме того, позволю себе заметить, государь, что Тибет нашпигован английскими шпионами, и моя команда, состоящая исключительно из офицеров-европейцев, не пройдет и версты по Тибетскому нагорью, чтобы не быть разоблаченной и схваченной.

- Но ведь и эти сектанты вряд ли знали тибетский язык, черт бы их побрал! – возразил Николай. – И, тем не менее, сумели как-то и проникнуть в Тибет, и уговорить тамошних лам поделиться с ними великими секретами!

- Осмелюсь напомнить, государь, что первые контакты «бегунов» с тибетцами имели место более пятидесяти лет назад! Нельзя исключить и того, что часть «посланцев» из России остались там, создав странноприимные дома наподобие тех, что имеются у них в России! Мы вообще ничего не знаем о них, ваше величество!

- Значит, моя задумка бесполезна, - поджал губы Николай.

- Позволю вам возразить, ваше величество! – тонко улыбнулся Куропаткин. – Ваше величество изволили забыть, что в рядах нашего многочисленного офицерства имеется множество инородцев. В том числе и калмыков, исповедующих буддизм.

- И вы хотите сказать, генерал…

Вынув из бювара лист бумаги, военный министр с поклоном положил его перед императором.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на командирование весьма секретно в Тибет для сбора сведений об этой стране прикомандированного к Главному управлению казачьих войск Первого Донского казачьего полка подъесаула Уланова, сроком приблизительно на один год, в сопровождении штатного гелюна Потаповской станицы Войска Донского Дамбе Ульянова и переводчика той же станицы Лиджи Шарапова.

Для сохранения в тайне сего командирования полагалось бы по бывшим примерам уволить подъесаула Уланова в отставку под рубрикой «по домашним обстоятельствам» с условием обратного приема на военную службу по окончании командировки и с зачетом проведенного в ней времени за действительную службу с сохранением всех прав.

Вызываемый сей командировкой расход в сумме 13 840 рублей полагалось бы отнести на суммы запасного кредита Канцелярии Военного Министерства. Кроме того, подъесаулу Уланову полагалось бы отпустить для вооружения его, спутников его, а равно для подарков 5 винтовок казачьего образца и 8 трехлинейных револьверов с надлежащим количеством патронов.

Испрашивается: благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству соизволить на изложенное?

Генерал-адъютант Куропаткин.

- Любопытно! – покрутил шеей в тесном форменном воротничке Николай. – Очень и очень любопытно! Как я погляжу, генерал, ты основательно подготовился к нынешнему разговору. Даже сумму расходов подсчитал и вооружение прикинул! И про фиктивное увольнение по «домашним обстоятельствам» по соображениям секретности продумал…

Очень и очень толково, господин министр! Но справятся ли твои калмыки с сим деликатным поручением?

- Позволю напомнить вашему величеству, что территория Нижнего Поволжья в период войн России с южными соседями в стратегическом отношении имела ключевое значение. Она была удобным плацдармом для базирования крупных военных сил, особенно конницы, для которой использовался дешевый подножный корм. С другой стороны, этот регион находился рядом с театром многочисленных войн на Северном Кавказе, откуда за короткое время можно было оказать помощь сражающимся частям свежим пополнением. Появление на этой территории калмыцких племен, вскоре создавших государственно-политическое образование со значительным военным потенциалом, превратило Нижнее Поволжье и прилегающие к нему земли в надежный кордон на пути турецко-крымских войск в центральную Россию…

- Значит, в преданности калмыков-буддистов не стоит сомневаться? – с особым нажимом переспросил император.

- Если горские полки почитают ваше величество Белым падишахом, то буддисты искренне полагают вас, государь, живым воплощением Будды. Это дорогого стоит, ваше величество! – поклонился Куропаткин. – Изволите вспомнить: в июне 1901 г. Ваше величество приняли в большом зале Петергофского дворца особую миссию Далай-ламы XIII.

- Такое трудно забыть! – серьезно кивнул Николай. – Помнится, та делегация поднесла мне, помимо всего прочего, подлинные одежды Будды: «Тебе одному принадлежат они по праву, и ныне прими их от всего Тибета», произнёс тогда престарелый лама.

- А позже вам же, государь, была поднесена мандала[1] с труднопроизносимым, да простит меня государь, названием, - подхватил Куропаткин. - Подобный дар обладает смыслом бесконечного почитания царя, который покровительствует буддизму и в этом сопрягается с властелинами древности.

- Преданность преданностью, - подал голос фон Плеве. – Но насколько эти ваши буддисты владеют оперативными навыками и свойствами, необходимыми разведчикам? Черт возьми, мы же не в паломничество в Тибет их отправляем!

- Не извольте беспокоиться, Вячеслав Константинович, - усмехнулся Куропаткин. – Это все же военная косточка, они умеют наблюдать и видеть то, чего не видят штатские люди. А, во-вторых, предполагается отправить экспедицию не сегодня и не завтра, - повернувшись к императору, он закончил. – Полагаю, ваше величество, что для полной подготовки калмыков к тайному визиту в Тибет потребуется не менее года!

- Но там опасно, генерал! – все еще колебался Николай. - Англичане оставили в Тибете тысячи шпионов! Твоя команда должна быть безупречной!

- Я понимаю, государь! Именно поэтому я и прошу у вас столь долгий срок – 12 месяцев

- Год, говоришь, генерал? Что ж, у меня есть время… По крайней мере, до 1918 года…

- Не понял, ваше величество! Почему именно 1918 год?

Император, поколебавшись, похлопал Куропаткина по плечу:

- Тебе в детстве никогда не говорили, генерал, что тот, кто хочет много знать, быстро старится? Ступай, Алексей Николаевич! Ступай и подготовь для меня истинных разведчиков Тибета!

---

[1]Мандала в переводе с санскрита означает круг, центр, диск. Такие круги рисуют буддийские и индуистские монахи в своих духовных практиках. Мандала символизирует сферу обитания божеств, чистые земли будд. В принципе, мандала — это геометрический символ сложной структуры, который интерпретируется как модель вселенной, «карта космоса».

РЕТРОСПЕКТИВА -9 В поиске земных и небесных покровителей

Когда за последним министром закрылись двери и рабочий кабинет императора опустел, он мельком глянул на огромные напольные часы, перевел взгляд на солидную кипу бумаг, к рассмотрению которых он еще не приступал, и вызвал дежурного флигель-адъютанта, князя Фалалеева.

- Что Александра Федоровна? – отрывисто поинтересовался Николай, почти наверняка зная последующий ответ.

- Ее императорское величество с утра занимается с мсье Филиппом[1], - невозмутимо ответствовал адъютант, стараясь ничем не выказать своего истинного отношения к этим занятиям.

Николай кивнул, отпуская адъютанта и лишь напомнив ему, что к четырем часам пополудни должен быть готов закрытый автомобиль для его поездки к всероссийскому пастырю, отцу Кронштадтскому. Щелкнув каблуками, адъютант прикрыл за собой дверь кабинета и отправился на поиски начальника Особого отряда охраны, полковника Спиридовича. В обязанности полковника входила детальная проработка информации о предполагавшейся поездке государя.

Спиридович был честным и добросовестным служакой. К числу его безусловных заслуг можно отнести четкую работу на всех маршрутах поездок Николая II и его семейства вне царских резиденций. Это представлялось сложной задачей. Если «протокольные» поездки обставлялись согласно служебным инструкциям, с которыми император нехотя, но мирился, то при спонтанных поездках царя, достаточно частых, возникали проблемы. Поэтому Спиридовичу пришлось тайно наладить свою сеть информаторов среди дворцовой прислуги и даже царской родни: те обычно заблаговременно узнавали о намерениях царя. Получив сведения о предполагавшейся поездке, Спиридович успевал и выбрать наиболее безопасный маршрут, и заранее расставить на нем своих людей. При этом учитывалось, что царь терпеть не мог явную охрану и раздражался, заметив ее.

Искать полковника долго не пришлось: флигель-адъютант нашел его в помещении Царскосельской телефонной станции.

- Кронштадт? Хм… Благодарю за службу, князь, - шевельнул усами полковник. – Хотя, признаться, мне уже донесли об этом.

Он показал свернутую трубкой крупномасштабную карту Петербурга с окрестностями, и, заметив вытянувшееся лицо адъютанта, рассмеялся:

- Не дуйтесь, князь! Сегодня вас опередили, завтра вы кому-нибудь фору дадите, - он повернулся лицом к дежурным офицерам, исполняющим в царской резиденции роль «телефонных барышень» и попросил. – Господа, соедините-ка меня с гаражом его величества! Хочу растолковать нашему французу, как именно надо будет ехать!

В царской семье начали приобщаться к «самоходным повозкам» относительно недавно, благодаря князю Орлову. Как-то раз Орлов впервые приехал в Александровский дворец Царского Села на своем автомобиле, и предложил государю прокатиться по аллеям парка. Императору очень понравились поездки на моторе, и вскоре Орлов фактически превратился в его шофера, совершая автопрогулки с императором почти каждый день.

---

[1] Филипп Низье-Вашо, уроженец Лиона, приглашенный ко Двору по рекомендации супруги великого князя Петра Николаевича. На самом деле мсье Филипп окончил только три курса медицинского факультета Лионского университета, и его медицинская практика во Франции была запрещена. Информация об экстрасенсе-шарлатане поступала Николаю из различных источников. Заведующий парижской и женевской агентурой Рачковский собрал на Филиппа досье, где представил все доказательства его шарлатанства. Но вера императорской семьи в Филиппа оказалась столь сильна, что руководителя заграничной агентуры Департамента полиции немедленно отстранили от должности .

Вскоре царь решил, что постоянно кататься на чужих авто для государя несолидно, и принял решение о приобретении собственных автомобилей. Их выбор и покупка были доверены, естественно, князю. После приобретения первых машин началось и строительство гаража, управлять которым прогнозируемо стал опять-таки князь Орлов. Считая себя ответственным за государя, он первое время лично управлял мотором его величества. Однако количество машин росло, и он один уже не мог управиться с поездками и Николая, и всех членов императорской семьи.

Впрочем, выход из положения был найден очень быстро.

Пару лет назад, когда Орлов приобретал у фирмы «Лесснер» два новых автомобиля, ему очень понравился 28-летный инженер, механик и изобретатель Адольф Кегрес, долгое время работавшим техником в моторном отделе завода, поставлявшего русскому царскому гаражу автомобили своей постройки. И Орлов тут же пригласил толкового специалиста в Россию, посулив пост технического директора Императорского гаража в Царском Селе и 4200 рублей годового жалованья - сумма по тем временам была немалой. И вскоре с легкой руки князя Кегрес стал заведующим технической частью Императорского гаража, а вскоре и личным шофером Николая II.

Единственным недовольным появлением в императорском гараже француза остался генерал-майор Свиты его величества Воейков, постоянно упрекавший Кегреса, ездившего, по разумению генерала, с «опасной» быстротой[1]. Однако на все замечания сановника Кегрес со смехом возражал: государь любит быстро ездить!

* * *

Вызвав личного шофера в свой кабинет, начальник охраны около четверти часа обсуждал с ним маршрут нынешней поездки. Кегрес был сообразительным человеком, и понимал, что перед Спиридовичем стоит сложная задача: расставить на всем маршруте следования не только привлекаемых полицейских и городовых, но и своих агентов, готовых в любую минуту и обеспечить царскому мотору свободный проезд, и предотвратить нападение на автомобиль императора.

- Итак, мсье, Иоанновский монастырь, - Спиридович постучал по карте Северной столицы карандашом, привлекая внимание слегка рассеянного француза. – Извольте показать, как намерены ехать, мсье!

- Вдоль линии железной дороги до Царскосельского вокзала – ну, это понятно, господин полковник! Далее следую к Николаевскому мосту, еду по Васильевскому острову к речке Карповка – ничего сложного, господин полковник!

- Моста, конечно, не избежать,- задумчиво кивнул Спиридович. – А вот подъезд к нему придется чуть изменить! Вот здесь и здесь я распоряжусь закрыть поезд для прочего транспорта и праздношатающейся публики. Предлог – ремонтные работы. Вашего авто сей запрет, разумеется, не касается – мои люди пропустят автомобиль без остановки. И после проезда моста… Вам необходимо избежать следования по самому короткому пути. Повернете налево, объедете трактир Тестова, и только потом сворачивайте во-от на эту улицу…

- Но такой маршрут удлинит путь к монастырю на четверть часа, - запротестовал было Адольф Кегрес. – Да и его величество может обратить внимание на мои петли!

- Если обратит – сошлетесь на ремонтные работы, о которых вас проинформировали перед выездом. И вообще, мсье, я запрещаю вам останавливаться где бы то ни было, кроме конечной точки маршрута! Мои люди будут незаметно расчищать вам дорогу. Дворники, приказчики из лавок, конная полиция и прочее! Понятно?

---

[1] Самый мощный автомобиль Николая на хорошей дороге мог разгоняться до 100 километров в час. Обычная же крейсерская скорость царских машин было 60 – 70 км в час.

- А если кто-нибудь выскочит на дорогу, господин полковник? Русский люди чрезвычайно любопытны, а моторов в Петербурге совсем немного. Прикажете давить? А что скажет его величество?

Спиридович поморщился:

- Давить никого не придется, мсье Кегрес! Как вы думаете, я направляю по вашему маршруту полторы сотни переодетых агентов и конных полицейских Дворцовой охраны для того, чтобы вы давили зевак?! Плюс около сотни задействованных в нашей операции городовых… Езжайте спокойно, мсье! А пока можете идти говорить мотор к поездке. Карту возьмите с собой, проштудируйте назубок!

* * *

Около четырех часов пополудни у парадного крыльца Александровского дворца мягко притормозил синий «мерседес». Заняв позицию у левой дверцы авто, шофер дождался пунктуального императора, лихо откозырял, захлопнул дверь, и, уже усевшись за руль, вопросительно поглядел на государя, будто и впрямь не знал цели поездки:

- Иоанновский монастырь, Кегрес…

- Ваше величество, простите! – тут же просунулся в авто с озабоченно-виноватым видом невесть откуда появившийся Спиридович. – Не имею права отпустить вас в столь дальнюю поездку без положенной охраны! Служба-с, ваше величество!

Николай только вздохнул, когда следом в просторный закрытый салон, откозыряв, проскользнули два дюжих хорунжих из сотни Собственного его императорского величества Казачьего конвоя. Он знал, что казаки будут молчать всю дорогу, как статуи, и ничуть не помешают его размышлениям.

Император, разумеется, не знал, что часом раньше гараж покинули еще два мотора, рванувшиеся по указанному начальником царской охраны маршруту. Это была своего рода разведка и проверка готовности агентов по всему пути следования. Домчавшись до вокзала в Петербурге, автомобили сбавили ход, и помощники начальника охраны внимательно стали глядеть по сторонам, отмечая – все ли агенты заняли свои посты.

Одновременно конюшни Царскосельского вокзала покинула сотня конных агентов. Всадники не спеша следовали по царскому маршруту по параллельным улицам, «теряя» в узловых точках по несколько всадников. Спешившись, те занимали позиции в переулках, примыкавших к маршруту движения Николая.

* * *

Ни для кого не было тайной, что между Николаем II и Всероссийским пастырем существовала незримая тесная духовная связь. Личное знакомство их произошло в Крыму, в Ливадии, где отец Иоанн Кронштадтский в свое время находился у постели умирающего Александра III.

Окончив вторым учеником Архангельскую духовную семинарию, будущий отец Иоанн был в том же году отправлен учиться за казенный счет в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия. Учась там, он увидел себя во сне в священнических одеждах, служащим в соборе Кронштадта.

Кандидат богословия хотел принять монашество и поступить в миссионеры, чтобы проповедовать христианство народам Сибири и Америки. Но увидев, что жители столицы «знают Христа не больше, чем дикари какой-нибудь Патагонии», он решил остаться здесь. После рукоположения был направлен в Кронштадт — место административной высылки темных личностей, многочисленных нищих и чернорабочих и вообще всякого сброда. Здесь отец Иоанн стал посещать лачуги, землянки и бедные квартиры. Он утешал брошенных матерей, нянчил их детей, пока те стирали или занимались поденщиной, помогал деньгами; вразумлял и увещевал пьяниц; раздавал все свое жалованье бедным, а

когда не оставалось денег, отдавал нуждающимся свою рясу, сапоги, и, бывало, возвращался домой в церковный дом босым и в немыслимой одолженной рванине.

С самого начала своего служения подвижник занимался частной благотворительностью, основал работный дом с мастерскими, школу для бедных, женскую богадельню, детский приют. Богослужения в приходах Петербурга, совершаемые им по приглашению купечества, временами вызывали трения с местным духовенством, а также недовольство петербургского митрополита Исидора.

К началу нового века отец Иоанн получил такое почитание в народе, что всюду в России, где только становилось известно о его приезде, заранее собиралось множество людей. Рост известности и почитания Иоанна Кронштадтского привели к тому, что ему стали жертвовать большие деньги. Крупные суммы отец Иоанн тут же «переадресовывал» на строительство и поддержание благотворительных учреждений, школ, больниц, монастырей и храмов, жертвовал в благотворительные общества в том числе и других конфессий (татарам, евреям и т.д.).

О своей благотворительности отец Иоанн говорил так:

- У Бога нет ни эллинов, ни иудеев. Мне жертвуют, и я жертвую тому, кто нуждается…

Рассказывали, что он вставал около четырёх часов утра, и после службы в Кронштадтском соборе, оканчивавшейся около полудня, посещал приезжих и местных жителей Кронштадта, пригласивших его по той или иной нужде. Обычно это были просьбы о молитве у постели больного. Затем отправлялся в Петербург, где также посещал людей, просивших его о посещении, а также общественные мероприятия и торжества. Поздним вечером, нередко после полуночи отец Иоанн возвращался домой в Кронштадт.

Поскольку число желающих попасть к нему на исповедь было великим, она была очень продолжительной и часто длилась до двух часов ночи, а иногда отец Иоанн исповедовал до самой утренней службы. Нередко в течение дня подвижник не имел возможности даже подкрепиться, никогда не знал никакого личного времени. Спал очень мало, не всегда даже 3-4 часа. В таком режиме он жил ежедневно в течение нескольких десятилетий.

Встреча с Иоанном Кронштадтским была для Николая своего рода жестом отчаяния.

Император покосился на своих молчаливых спутников, на француза-шофера, внимательно всматривающегося в летящую под колеса дорогу и разгоняющего клаксоном зевак. Николай знал, что путь к обители отца Иоанна из Царского Села составляет около 70 верст. Если бы император взял на себя труд обернуться и поглядеть в заднее окошко своего авто, то наверняка бы увидел, как все эти «дорожные рабочие» и «лишние» дворники, стоило «мерседесу» проехать мимо, распрямлялись, бросали осточертевший инструмент и закуривали… Но Николай был целиком погружен в размышления и думал только о предстоящей встрече с отцом Иоанном.

Отсутствие сына-наследника престола создавало в монаршей семье Романовых весьма тревожную обстановку династической неопределенности. Когда в июне 1899 года скончался от чахотки цесаревич Георгий, наследником престола официально был объявлен младший брат императора, Михаил. Однако титула «цесаревич» ему дано не было, что вызвало шок в великосветских кругах, особенно у трона вдовствующей императрицы. Николай и его любимая Аликс, будучи в очередной раз беременной, надеялись на скорое рождение сына.

Вскоре император, отличавшийся отменным здоровьем и закалкой, едва ли ни единственный раз за все годы своего царствования серьезно заболел. Ситуация со здоровьем императора, в довершение к прочему, было осложнена длительным установлением точного диагноза – и, стало быть, правильного лечения. В конце концов, врачи определили брюшной тиф - болезнь на стыке двух веков достаточно тяжелую и

опасную для жизни. Настолько тяжелую, что временами состояние Николая вызывало нешуточную тревогу не только среди близких ему людей. Затаив дыхание, решения судьбы династии Романовых ждала вся Европа.

В Крыму, где болел и вполне мог умереть Николай, состоялось неофициальное совещание высших сановников, на котором министры объявили, что по смыслу законов империи, в случае смерти государя престол должен перейти к существующему наследнику, великому князю Михаилу Александровичу. Если же беременная императрица все же разрешится сыном, то только взошедшему на трон Михаилу Александровичу надлежит судить, как поступить в этом случае.

Впрочем, интрига, порожденная опасностью смерти императора, тогда быстро разрешились: Николай выздоровел. Вот только родившийся ребенок, увы, вновь оказался девочкой, нареченной великой княжной Анастасией.

Проблема прямого наследника престола, таким образом, не была решена, и впавшая в отчаяния Аликс стала окружать себя юродивыми, предсказателями всякого рода, иностранными и отечественными шарлатанами, что очень не нравилось Николаю. Именно этим и был вызван нынешний визит императора к отцу Кронштадтскому.

Николай знал, что застать отца Иоанна дома весьма непросто. Тем не менее, по договоренности с самим императором, в день нынешней встречи он несколько нарушил свое расписание и поджидал высокого гостя в назначенное время.

Сама беседа, между тем, вышла весьма короткой. Обращение царицы за помощью к пророчицам, блаженным и юродивым беспокоило отца Иоанна не меньше, чем императора. К тому же, до него не могли не доходить слухи и сплетни, циркулирующие среди окружения императора.

Высший свет встречал каждое рождение бедных девочек хохотом… Если появление на свет первой великой княжны Ольги было встречено со злорадством, то после рождения следующих великих княжон даже среди офицеров элитных полков начали циркулировать бесчисленные недостойные государя и его супруги остроты и обвинения. Даже ближайшие родственники царя в своих дневниках неоднократно отмечали, что известия о рождении у императора очередной дочери вызывало вздох разочарования по всей стране. Оба родителя становились, суеверны…

Начало четвертой беременности придворные медики подтвердили осенью 1900 года. Появившийся у трона Филип утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказывать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал Аликс никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его «искусства», утверждал шарлатан, заключался в серии гипнотических сеансов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании наследника. Однако на свет появилась четвертая дочь…

Пятая беременность Александры Федоровны была констатирована год спустя. Поскольку ее царская чета связывала исключительно с загадочными «пассами» Филиппа, то ее скрывали даже от ближайших родственников. По рекомендации Филиппа императрица не допускала к себе медиков вплоть до августа 1902 года. К весне все заметили, что она сильно потолстела и перестала носить корсет. О ее беременности было объявлено официально. Императрица все время лежала в постели, не вставая.

Лейб-акушер Отт со своими ассистентами переселился в Петергоф, ожидая долгожданного события с часу на час. Между тем роды не наступали. Тогда профессор Отт начал уговаривать царскую чету, чтобы ему позволили исследовать императрицу. Однако она не давала себя исследовать до родов и только твердила:

- Bleiben sie ruhig, das kind ist dahinten[1]!

А когда она, наконец, подпустила к себе медиков, то Отт после тщательного исследования объявил, что императрица вовсе… не беременна…

Это известие страшным ударом обрушилось на психику Александры Федоровны. Ребенка, которого она вынашивала с ноября прошлого года, просто не было! Это было потрясением для всех. Новость моментально стала известна среди аристократического бомонда. Стране надо было внятно объяснить, куда делся ребенок императрицы? Однако выхода из столь щекотливой ситуации не было. Поэтому в официальном «Правительственном вестнике» появилось туманное сообщение:

> *«Несколько месяцев назад в состоянии здоровья Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время, благодаря отклонению от нормального течения, прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившемся без всяких осложнений. Ее Величество находится на пути к полному выздоровлению».*

Это известие породило в народе множество слухов о том, что царица родила «неведому зверушку». Во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как например, что императрица родила уродца с рожками. В аристократической среде эта информация также вызвала самые различные толки. Да и сама власть давала для критики и насмешек серьезные основания. В Нижнем Новгороде полиция конфисковала календарь, на первом листе которого была изображена особа женского пола, несущая в корзине четырех маленьких поросяток. После сообщения о «выкидыше» полиция приказала исключить из оперы «Царь Салтан» слова: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не собачку, не лягушку, так – неведому зверушку».

О ложной беременности пытали лейб-медика профессора Отта. Но что он мог сказать? Только то, что увидел он императрицу впервые на седьмом месяце. Роды приближались, и лейб-медика пригласили жить в Петергоф. Профессора поразил вид императрицы: фигура ее ничуть не изменилась, живот отсутствовал. Он указал ей на это и настоятельно попросил дать разрешение ее осмотреть. Но та, как известно, категорически отказалась…

* * *

Наконец, автомобиль императора затормозил у ворот монастыря. Иоанн Кронштадтский уже поджидал высокого гостя. В небольшой толпе встречающих вперемешку со священнослужителями суетились чины охраны. Бросив на них неприязненный взгляд, Николай поспешил проследовать вслед за отцом Иоанном. Тяжелая резная калитка за ним закрылась.

Беседа императора с Иоанном оказалась недолгой. Щадя чувства Николая, он практически не дал ему ничего сказать.

- Знаю, все знаю, сын мой!

Отец Иоанн Кронштадтский тут же, после благословения, дал императору незатейливую «подсказку»: не теряя времени, искать небесного покровителя в лице чудотворца Серафима Саровского.

Как говорится, семя упало в созревшую почву: император возвращался в Царское Село окрыленным, ибо много слышал об этом человеке. Про чудотворца рассказывали невероятные вещи, свидетельствующие о том, что он с самых юных лет был отмечен Божьим Перстом. Например, что мальчиком, возрасте 7 лет, Прохор упал с колокольни

[1] Будьте спокойны, ребенок там! (**нем.**)

строящегося собора, но остался невредим. Позже Прохор тяжело заболел, и во время болезни явившаяся во сне Богородица обещала его исцелить. Сон оказался вещим: во время Крестного хода мимо дома Мошниных пронесли икону Пресвятой Богородицы, и мать мальчика сделала все, чтобы Прохор приложился к иконе, после чего он выздоровел.

Многое о Серафиме казалось чудной небылью. Например, то, что тот тысячу дней и тысячу ночей провел в подвиге столпничества в глухом лесу, на каменном валуне. А некоторые из приходивших к нему за духовным советом видели огромного медведя, которого преподобный кормил с рук хлебом.

В 1807 году преподобный принял на себя иноческий подвиг молчания, старался ни с кем не встречаться и не общаться. Через три года он возвратился в монастырь, но ушёл в затвор до 1825 года. После окончания затвора принимал многих посетителей из монашествующих и мирян, имея, как сказано в житии, дар прозорливости и исцеления от болезней. Знаменит был в своё время Серафим Саровский и способностью очень эффективно помогать женщинам, имевшим те или иные проблемы с рождением детей, силами своих молитв и благостью.

* * *

Николай стал немедленно собираться в обратный путь, спеша обрадовать супругу появившейся надеждой.

Императрица, едва увидев вдохновленное и полное надежд лицо супруга, едва услыхав его первые слова о чудотворце, поверила в Саровского сразу, безоглядно, навсегда. Кроткий старец, давно почитавшегося в народе святым, непременно вымолит у Бога желанное, и великая страна получит наследника. В тот же вечер было объявлено о царской поездке к чудотворцу.

Правда, тут существовала небольшая закавыка. До обращения к духу святого старца, его надо было канонизировать. И с этим делом у Священного Синода из «небольшой закавыки» возникла большая проблема. Впрочем, об этом чуть ниже.

15 июля 1903 года из Петергофа в Арзамас отправился императорский поезд, в котором находился император, обе императрицы, великие князья и другие члены императорской фамилии. Оттуда, уже в открытых экипажах, царственные паломники двинулись в Саров. Императрица совершила омовение в святом источнике, воды которого излечивали от недуга и помогали исполнению желаний.

По настоянию императрицы здесь же состоялась церемония обретения мощей Преподобного Серафима и его канонизация.

* * *

Император же, кроме благостных чувств и надежд, получил в Сарове очередное потрясение... Дело в том, что для самого царя посещение святых мест имело ещё и другой смысл. Он знал, что в свое время, еще при своей жизни Серафим Саровский написал письмо, обращённое к «четвёртому государю, который приедет в Саров «особо обо мне молиться». Таким государем, как ни крути, оказался он, Николай II. Письмо Серафима вручили ему через 70 лет после написания. Доподлинный текст письма не известен до сих пор – не осталось ни его самого, ни копий. Известно лишь, что император, прочтя написанное, горько и безутешно заплакал.

Его успокаивали, как могли, но пророчества старца подтвердила и знаменитая на всю Россию юродивая блаженная Паша Саровская. Письмо предупреждало Николая о тяжких и страшных испытаниях, уготованных России и ему, духовно подготавливало его к ним...

Но худа без добра, как говорится, не бывает: юродивая Паша Саровская на прощанье подарила потрясенной Аликс кусок тряпки: как было сказало, «наследнику на штанишки».

Можно в это верить, можно считать совпадением или легендой, но ровно через 100 после омовения царицы она подарила России долгожданного наследника.

Долгожданный цесаревич Алексей Николаевич родился 30 июля 1904 года. Императрица родила наследника очень легко – «за полчаса». На следующий день 1 августа, в газетах начали печататься бюллетени о состоянии здоровья императрицы и наследника. Всего вышло девять бюллетеней, в которых отмечалось, что «состояние здоровья Наследника Цесаревича во всех отношениях удовлетворительно».

На фоне этой праздничной суеты царственных родителей снедало беспокойство, не покажутся ли тревожные признаки страшной болезни?

И гемофилия проявилась…

Для императрицы случившаяся трагедия стала очевидной. Зато для всего мира болезнь ребенка сразу же приобрела характер государственной тайны, и даже ближайшие родственники далеко не сразу узнали об этом страшном заболевании.

Не все, знавшие о гемофилии, воспринимали Цесаревича Алексея как наследника престола. На него смотрели как на больного ребенка. Многие задавались вопросом: какое будущее ожидает страну, во главе которой окажется калека?

Рождение наследника престола, казалось, должно было сблизить народ и императорскую фамилию – но произошло обратное. Ребенка стали старательно прятать от высшего света и простого народа, что послужило причиной всевозможных домыслов, сплетен и даже обид. Между тем, причина была как проста, так и страшна: наследственность принцессы Дармштатской «наградила» улыбчивого кудрявого «ангелочка» Алексеянеизлечимым недугом. Что ни говори, а получалось, что император оставляет Великой России в «наследство» заведомого инвалида, способного умереть от простого ушиба или пореза.

Все, кто видел императрицу в первые месяцы после рождения наследника, были удивлены выражением счастья на ее лице. В ней светилась нескрываемая радость матери, которая увидела, наконец, исполнившимся свое самое заветное желание. Она гордилась своим ребенком, радовалась его красоте. В то время, действительно, царевич был одним из самых прелестных детей, какого можно было себе представить, с его прекрасными светлыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. Он имел вид совершенно здорового ребенка и, когда он улыбался, на его полных щечках вырисовывались две маленькие ямочки.

Государыня так долго ждала его и так горячо молила Бога даровать ей сына, что правда о болезни наследника поразила ее, словно гром средь ясного неба. С той поры для императрицы началась беспросветная жизнь, уготованная всем матерям, чьи дети поражены этим недугом. Видеть, какие муки испытывает любимый ребенок, не в силах ничем помочь ему - что может быть страшнее для женщины! Как всякий другой ребенок, Алексей Николаевич искал защиты у родительницы. Когда происходило кровоизлияние в сустав, и адская боль заставляла его забыть обо всем на свете, ребенок находил в себе силы прошептать: "Мама, помоги, мама, помоги!" Каждый крик, каждый шепот малыша ножом вонзался в материнское сердце.

Еще более тяжким для государыни испытанием, чем сами кровотечения, была неопределенность даже в ближайшем будущем. Вот только что ребенок беззаботно играл, а минуту спустя он может упасть… Получив травму, он всякий раз оказывался на краю могилы.

Русский народ изначально добрый. В русских семьях любят детей и понимают, что такое страдание. Почему же они не распахнули свои сердца измученной матери и ее пораженному тяжким недугом ребенку? Как ни удивительно, но народ России просто не знал о трагедии в царской семье. Таинственность, окружавшая болезнь Цесаревича, лишь

ухудшала дело, так что о сочувствии и сострадании не могло быть и речи. К слову сказать, именно так вели себя государь и императрица после Ходынки - словно и не произошло ничего особенного.

Стена таинственности таила в себе еще большую опасность. Царская семья становилась мишенью для самых гнусных измышлений. Не ведая о мучениях матери, люди несправедливо приписывали ее замкнутость холодностью к России и ее народу. С ее лица не сходило выражение озабоченности и печали. Она страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодная, гордая и неприветливая. Таковой императрица она оставалась в глазах света даже тогда, когда все узнали о ее горе.

Как ни скрывали в Царском Селе страшную болезнь, слухи о ней распространялись. Более того: эти слухи превратили устойчивую неприязнь двора к царице в откровенную к ней ненависть. Вместо естественного сочувствия материнской трагедии ее начали обвинять в вырождении династии. В высшем свете, в окружении великих князей стали в открытую говорить о "недопустимой небрежности», с которой в свое время монаршие родители Николая подошли к выбору невесты для наследника престола. Для императорской семьи настали тяжелые, полные тревоги и напряжения годы.

Были окончательно прекращены все светские развлечения, грандиозные приемы и праздники прежних времен. Ушли в прошлое великолепные придворные балы в Зимнем дворце, на которых некогда блистала вся высшая знать империи. Отныне проводились лишь чисто официальные, протокольные торжества и мероприятия, причем императрица появлялась на них достаточно редко. Жизнь царской семьи стала еще более замкнутой, скрытой от посторонних глаз, и наблюдать ее могли лишь немногие.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На пороге войны с Японией

…Вьюжным поздним январским вечером колокольчик над входной дверью большой квартиры во втором этаже двухэтажного особняка на Владимирском проспекте Северной столицы отчаянно задребезжал. Хозяйка дома, по привычке перекрестившись, вопросительно подняла брови на отца семейства: открывать ли?

Отец семейства, коммерсант Александр Иванович Скосырев, который так и не обзавелся модным нынче отдельным рабочим кабинетом и предпочитал работать над бухгалтерскими книгами и перепиской с поставщиками в уютной общей столовой, спустил очки на кончик носа и покосился на супругу. На вопросительный немой вопрос жены он вяло махнул рукой: открывай, дескать! Лихие люди по таким доходным домам навроде нашего – не ходоки! К тому же, и ночной сторож, дремлющий в первом этаже, в своей конурке рядом с «Торговым домом «Скосырев и Сын», вряд ли допустил бы до жилой половины случайных посетителей. Максимум неприятностей – городовой за своими «праздничными» заглянул. Не заходил он отчего-то нынче до сей поры.

Хозяин торгового дома офицерских вещей, фабрикант И. Скосырев, был поставщиком Императорского двора вот уже в третьем поколении. Начало делу положил еще дед, у которого покупал фуражки разных военных полков еще Александр II. Его сын значительно расширил ассортимент закупки царских товаров. Как известно, на родине российские императоры носили исключительно военную форму. Как правило, ее шили портные, специализировавшиеся на производстве военного обмундирования.

Но для сшитой военной формы требовалось еще множество элементов, от головных уборов, погон, аксельбантов и до сапог. Все это приобреталось в так называемых магазинах офицерских вещей. Наиболее удачливые и добросовестные хозяева подобных магазинов со временем оказывались в числе поставщиков Высочайшего двора. Скосыревы были одними из самых старых.

Если бы коммерция касалась исключительно царских персон, то Скосыревы, надо полагать, «вылетели бы в трубу» еще во втором поколении. Однако солидная строчка на вывеске «Официальный поставщик Его Императорского величества» привлекала в магазин множество сторонних заказчиков, от военных до статских. Форменную одежду, считай, носила добрая половина России, и каждому министерству и ведомству полагалась своя. Упомянуть же в компании, что одевается не у какого-нибудь местечкового портного, а у самого Императорского поставщика, считалось верхом шика и служебного положения.

Тем временем в открытую хозяйкой дверь заскочил не городовой, а друзья-приятели старшего сына Скосырева, гимназиста выпускного класса Веньки. Потопав на пороге, друзья дружно сдернули гимназические фуражки с меховыми наушниками, торопливо перекрестились на образа и поинтересовались, дома ли Венька?

Как ни хотелось матери соврать, что старшего сына нету дома (а хоть и к родне в деревню уехал!), но супруг добродушно опередил:

- Дома, дома – куды ж он денется? Мне вот полдня помогал по коммерческому счетоводству, а к вечеру, чтобы размять косточки, дрова для господ соседей дворнику помогал колоть. Ныне притомился, должно, да и уснул! А чего это вы, господа гимназисты, на ночь глядя, друзей навещаете?

- Да какая ночь, Александр Иванович! Одиннадцати часов еще нету! А на улицах – новогодние праздники, народу – как днем! Весело!

- Весело, говорите? Ну, оно и правильно: веселиться надо, а не по кружкам, да по сходкам революционным болтаться! – одобрил Скосырев. И, возвысил голос, рявкнул через плечо. - Эй, Венька, хватит дрыхнуть! Дружки твои пришли!

Но тот и сам уже услышал гвалт голосов и шум в столовой, и, протирая заспанные глаза, выглянул из смежной комнаты.

- Здравствуйте, господа! – чинно шаркнул он ножкой. - Чего это вы на ночь глядя? Я, признаться, раньше вас ждал…

- Какая ночь? Без четверти одиннадцать еще! Пошли гулять, Венька! На улице весело, бочки горят, китайцы петарды да шутихи свои за бесценок продают! Пошли!

Видя нерешительность сына, мать попробовала его поддержать:

- И в самом деле – ночь на дворе! Чего вы, как колобковы коровы, сами не спите и другим не даете? Нешто не видите – устал человек! Хоть и молодой, а с пониманием: отцу в коммерческих делах помогает, копеечку в дом несет.

Может, Венька и не пошел бы, но дух противоречия оказался сильнее. Схватил с вешалки свою шинельку, на ходу к дверям, застегивая ремень пообещал:

- Батя, маманя, я ненадолго, право слово!

И словно сдуло подростков из квартиры.

На улице поежились – ветерок с Невы дул ядреный, мигом хватал за щеки и носы. Царапая крючками верхние застежки шинелей, друзья переглянулись: ну, куда?

- А побежали к Зимнему, братцы! Туда буржуи на моторах, да на лихачах съезжаются. Бал, должно, опять…

- Далековато, - усомнился раздумчивый Венька.

- А мы сейчас за санки чьи ни то прицепимся, да мигом и доедем!

На том и порешили. Не пробежав и трех кварталов, завидели оглобельный фонарь[1] лихо мчащейся тройки, угадали поворот, перед которым лихач непременно должен был притормозить и притаились в подворотне. Выскочив вовремя, уцепились втроем за ремни багажного ящика, чуть присели и покатились в ночную темень, не жалея подметок.

[1] По распоряжению генерал-губернатора столицы в ночное время все конные средства передвижения в Петербурге должны были непременно иметь фонарь на правой оглобле

До самого Зимнего дворца доехать, правда, не удалось: извозчик заметил, что тройка пошла тяжелее и потеряла присущий ей раскат, мигом допер до причины и, почти не оборачиваясь, так ожег длинным кнутом двух «зайцев» из трех, что все они так и покатились в разные стороны.

Но царский дворец был уже совсем близок – сверкал огнями каждым из окон своих этажей. Остановились посовещаться: с набережной близко не подобраться, городовых больно уж много.

- А давайте через решетку сада махнем, а там кустами можно до самых окон подобраться, - азартно предложил один из друзей.

Гимназисты с сомнением измерили глазами высоченную решетку: не меньше сажени[1] будет! Да пики острые поверху, сядешь нечаянно на такую – мало не покажется!

Выход нашел Венька Скосырев:

- А ремни гимназические на что, господа? Видите, поперек пик загогулины круглые в два ряда идут? Застегнем ремни на загогулинах, да по ним и залезем!

Перебрались через ограждение более-менее благополучно, только Митяй умудрился-таки порвать форменные гимназические брюки об острую пику наверху. Гимназист расстроился: его семья жила бедно, без отца. Венька поспешил успокоить товарища:

- Ты маменьке пока не говори, приходи завтра с утра в наш магазин, я портному коробку папирос куплю –он заштукует дырку так, что никто и не заметит! Пошли, что ли, раз уж залезли…

Держась невысоких стриженных кустов, и оглядываясь, гимназисты пошли на свет окон. Пройдя почти половину пути, Венька вдруг остановился, присел на корточки, махнул рукой товарищам:

- Смотрите, хлопцы!

- Хлопцы на сходках! – тут же не преминул язвительно подколоть товарища Николай Ивлев, сын статского советника и церковного старосты. – А мы – господа! Ну, что у тебя там, Вениамин?

Находка Веньки вселяла тревогу: заснеженную дорожку, по которой они крались, пересекали широкие следы сапог, по обеим сторонам которых виднелись четкие отпечатки собачьих лап.

Друзья переглянулись: значит, правду говорили о том, что царская охрана недавно усилена служебно-розыскными псами. От этих охранников под деревом не спрячешься, мигом учуют!

- Отступать надо, господа! – громким дрожащим шепотом и с оглядкой предложил Ивлев. – Поймают, и за террористов, чего доброго, примут! Родителям сообщат…

- Тише ты! – зашипел Венька. – Гляди: следы запорошило уже, стало быть, дозорные редко проходят! А городовые по улицам маршируют вкруг сада, им со света нас не видать! Раз уж забрались так далеко – грех отступать!

- Следопыт какой! – не удержался сын церковного старосты. Однако доводы товарища его успокоили. – Пошли, совсем близко осталось.

Добрались до решетки, прижались щеками к холодной стали ограды. Отсюда были слышны звуки оркестра, но плотные светло-зеленые шторы наглухо закрывали видимость всего, что происходило за ними. Не помогла и половинка бинокля, припасенная Митяем: оптика лишь приближала зелень, за которой мелькали силуэты фигур, да и только.

Вдруг Митяй толкнул товарищей локтями:

---

[1] Русская сажень – чуть больше двух метров.

- Глядите, глядите! Во-он в том эркере[1], который справа!

Штора резко распахнулась, и в эркере появились две фигуры в расшитых придворных мундирах. Фигуры, судя по жестикуляции, о чем-то оживленно переговаривались. Николай Ивлев, не шибко церемонясь, отобрал у товарища зрительный прибор, подкрутив колесико настройки резкости. И, наконец, сообщил товарищам:

- Один из них, который пониже – китаец или японец… Господа, а второго я и так знаю! Его портрет у отца в кабинете служебном висит – это сам господин Витте! О чем они, интересно, так живо беседуют?

Увлекшись наблюдениями, товарищи-гимназисты не заметили, как с улицы, привлеченный голосами, к ним подкрался городовой. Он крепко ухватил через решетку двоих подростков за воротники и отчаянно засвистел, призывая к себе подкрепление. Венька, которому удалось вырваться из цепких пальцев, поначалу было побежал прочь. Но потом, сообразив, что это выглядит не по-товарищески, остановился и медленно вернулся к друзьям: пропадать – так всем вместе!

* * *

На свист стража порядка со всех сторон начали сбегаться другие городовые, чины дворцовой стражи, агенты в статском. Глухо и вразнобой забухали два доберман-пинчера, сдерживаемые на крепких поводках. В общем, шум от поимки «злоумышленников» поднялся такой, что привлек внимание и во дворце. Председатель Комитета министров Витте, еще недавний министр финансов империи - это действительно он беседовал с японским посланником в эркере – всмотрелся в темноту за тройными стеклами, ничего, естественно, не увидел, но взял собеседника под локоть и увлек за собой:

- Давайте отойдем, ваше высокопревосходительство. Похоже, под окнами эСДэковцев-боевиков[2] поймали. Куда от них деваться, господи, прости… Итак, мы говорили о том, господин Курино, что переговоры между нашими странами по Корейскому вопросу и отказ от вывода русских войск из Маньчжурии[3] неоправданно затягиваются…

- И затягиваются именно российской стороной, ваше высокопревосходительство! - не слишком учтиво перебил собеседника японский посланник. – Более того: на днях я получил телеграфную депешу от министра иностранных дел моей страны, господина Дзютаро Комуры. В ней говорится о вызывающих демаршах наместника государя адмирала Алексеева. В частности, в депеше говорится и о спешной перекраске боевых русских кораблей порт-артурской эскадры в «военные цвета[4]», и об их опасном маневрировании на маршрутах японского флота. И, наконец, сам ход переговоров, господин Витте: министр иностранных дел отдал мне распоряжение «прекратить настоящие бессодержательные переговоры», «ввиду промедлений, остающихся большей частью необъяснимыми», и в самое ближайшее время прервать дипломатические отношения с Россией.

Витте круто остановился и внимательно поглядел на японского посланника:

- Вы говорите о разрыве дипломатических отношений с Россией, господин Курино? Но… Но ведь это же война!

Японец неопределенно улыбнулся:

---

[1] Э́ркер— выступающая из плоскости фасада часть помещения. Позволяет увеличить внутреннее пространство жилища, а также улучшить его освещённость, в связи с чем эркер обычно остеклён, часто по всему периметру.

[2] У социал-демократов в Петербурге описываемого времени было несколько боевых групп, взявших на вооружение террор.

[3] Упомянутые разногласия между Россией и Японией многие исследователи считают непосредственной причиной начала боевых действий на Дальнем Востоке.

[4] Перекраска корпусов кораблей из белого в оливково-зеленый цвет обычно предшествовало началу боевых действий с участием флота.

- Пока еще нет, ваше высокопревосходительство!

Решение о начале войны против России было принято в Японии на совместном заседании членов тайного совета при императоре (гэнро) и всех министров 22 января 1904 года, а в ночь на 23 января было отдано распоряжение о высадке императорских войск в Корее и об атаке русской эскадры в Порт-Артуре. И лишь после этого, 24 января 1904, Япония официально объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией.

Помолчав, Витте снова вперил в собеседника пронизывающий взгляд:

- И все же я не очень понимаю, господин посланник, почему вы говорите все это именно мне? У нас есть министр иностранных дел, его высокопревосходительство Ламздорф. Есть государь, наконец!

Японец чуть заметно скривил губы:

- Ламздорф? Которого сам ваш государь называет девкой?[1] Мой разговор с вами, господин председатель Комитета министров, отнюдь не приватен! Более того: я рассчитываю на то, что именно вы передадите государю мои слова и саму опасность текущего момента, присовокупив к ним свое стойкое предубеждение против политики, которую Россия безответственно ведет на Дальнем Востоке.

Витте задумчиво кивнул:

- Кажется, я понимаю, что вы имеете в виде, господин посланник.

- Когда вы ввели свои войска в Маньчжурию, то громогласно объявили, что это делается только для поддержки Пекинского правительства и прекращения боксерской смуты[2]. И что, коль скоро эта смута будет прекращена, войска сейчас же будут отозваны. Между тем, смута давно прекращена, китайское правительство вернулось в Пекин, а русские полки все же остались в Маньчжурии. Китайское правительство употребило все аргументы для побуждения России вывести свои войска, но вы, под тем или другим предлогом, не уходили.

- Видите ли, господин Курино…

- Минуточку, ваше высокопревосходительство! Позвольте мне закончить. После захвата вами Квантунского полуострова и введения русских войск в Маньчжурию Китай перестал вам окончательно в чем-либо верить. Как и мы, замечу! Затем, если бы русские в точности исполнили соглашение с Японией и не начали бы в Корее тайных махинаций с лесными концессиями, мы, наверное, успокоились бы. Но так как Япония увидела, что на вас ни в чем положиться нельзя, то увы, - посланник развел руками. - С одной стороны, русские, удалив японцев с Ляодунского полуострова, сами затем захватили этот полуостров, а, с другой стороны, заключив с Японией соглашение, которое должно было им компенсировать сей захват, начали тайно, обходным путем его нарушать. Извините, но правительство и народ Японии перестали вам верить совершенно!

Переведя дух, посланник закончил:

- Для нашего правительства не является секретом ваше личное отношение к безответственной политике России на Дальнем Востоке, господин Витте! Как и то, что вы неоднократно предупреждали своего монарха о пагубности курса безответственности. Но к вам, по нашим сведениям, не слишком прислушивались. К сожалению. Но нынче, надеюсь, услышат!

- Благодарю за доверие, господин посланник, - медленно начал Витте. – Но именно сейчас, передай я свою озабоченность государю, я не уверен что буду правильно понят и им, и тем, кого он слушает… А если у нашего разговора будет… будет страшное

---

[1] Имеется в виду нетрадиционная сексуальная ориентация министра.

[2] Имеется в виду «боксерское восстание» в Китае, подавленное силами России, Англии, Франции, США, Японии и Австро-Венгрии.

продолжение, то меня, чего доброго, могут и обвинить в использовании момента для собственного возврата в большую политику!

- Значит, я напрасно потратил свое и ваше время, господин Витте, – холодно поклонился японец.

- Ничего не напрасно! – живо возразил Витте. – Я немедленно разыщу господина министра иностранных дел, его высокопревосходительство господина Ламсдорфа, и в точности передам ему ваши слова и свою озабоченность. Обещаю также, что буду настаивать на скорейшей аудиенции у его величества…

Витте сдержал свое слово. Раскланявшись с главой японской миссии в России Курино, он широким шагом, еле успевая раскланиваться со знакомыми, тут же отправился на розыски Ламсдорфа. И, найдя его, увлек в один из смежных с общими залами кабинетов, где по возможности точно передал зловещие слова японца.

Министр выслушал Витте внимательно, не забывая поглаживать напомаженные усики, и когда председатель Кабинета министров умолк, немедленно вытянул губы в неопределенной улыбке.

- Ну-у, в общем-то, ничего нового, дражайший Сергей Юльевич! Я знаете ли, тоже получаю донесения от нашего посланника в Токио. И пытаюсь, сколько могу, склонить государя к более гибким действиям на Дальнем Востоке. Но увы, господин Витте: в нашей высокой политике есть люди, к которым государь прислушивается больше! Нет-нет, я непременно доведу ваше мнение до государя на ближайшем докладе, завтра же! Но…

- Доведите сегодня, дражайший Владимир Николаевич! – попробовал настоять на своем Витте. – Мне кажется, что в нынешней ситуации дорог каждый час!

- Сегодня? Простите, но не сошли ли вы с ума, Сергей Юльевич? Нынче – первый новогодний бал, который государь почтил своим присутствием! И портить ему настроение сегодня?! Увольте-с, Сергей Юльевич! Завтра, только завтра!

* * *

В Царском Селе Николай II обычно принимал министров с докладами после короткого завтрака и освежающей мысли прогулки с детьми по заснеженным аллеям парка. Зимой он нередко сочетал прогулку с физической работой: отобрав у штатного дворника лопату, царь с десяток минут энергично расчищал ею дорожки.

На следующий день после бала в Зимнем, покинув его гостей пораньше, император также направился ночевать в Царское Село. Погуляв и поработав лопатой, он сменил мундир и промокшие сапоги и взглянул на часы. Они показывали одиннадцать с четвертью. Направляясь в «старый» рабочий кабинет, государь на ходу принял короткий рапорт дежурного флигель-адъютанта: как и предполагалось, в приемной его уже ожидали военный министр Куропаткин и министр иностранных дел Ламсдорф. Кроме того, как было доложено императору, в Сиреневой гостиной ожидал незаявленной аудиенции председатель Кабинета министров Витте.

- Посмотрим, полковник, посмотрим, - пожал на ходу плечами император. – Ежели министры не будут толочь воду в ступе по два часа, примем и Витте. Кто из министров прибыл нынче первым?

- Его высокопревосходительство Ламсдорф, государь…

- Вот с его доклада и начнем, пожалуй. Кто рано встает, тому и Бог подает, - пошутил император, вызвав вежливый смешок адъютанта.

Однако, к удивлению Николая, оба министра вошли в его кабинет одновременно. Не успел император сделать брови домиком, как Ламсдорф поспешил объясниться:

- Ваше величество, полученные мною не далее, как вчера вечером новости таковы, что я взял на себя смелость пригласить генерал-лейтенанта присутствовать на моем

докладе. Возможно, и скорее всего, к моему докладу потребуются какие-то пояснения военного характера.

- Япония? – догадался император. – Ну, конечно, Япония! Что ж, присаживайтесь, господа. Слушаю тебя, Владимир Николаевич!

Откашлявшись и промокнув без нужды губы кружевным платочком, Ламсдорф начал свой доклад, подкрепляя его свежими телеграммами русских посланников из Европы, Америки, Кореи и Японии. Откинувшись на спинку кресла, император слушал министра, казалось бы, не слишком внимательно, покрывая верхний лист лежащей перед ним стопки бумаги какими-то пометками, чертиками и дамскими профилями. Однако рассеянность государя была напускной: оба министра знали великолепную память царя, и не сомневались в том, что он не пропускает ни одного слова из услышанного.

- И, наконец, последнее, ваше величество, - министр иностранных дел аккуратно закрыл бювар с заметками и расшифрованными телеграммами. – Не далее, как на вчерашнем балу в Зимнем, господин Витте имел приватную беседу с японским посланником Курино. Сия беседа имела столь важный, по мнению председателя Кабинета министров характер, что по ее окончанию господин Витте счел необходимым немедленно передать мне ее содержание, присовокупив настоятельную просьбу безотлагательно довести услышанное до сведения вашего величества…

Стараясь припомнить каждую мелочь, Ламсдорф передал императору содержание беседы японского посланника с Витте. Он дошел уже до середины своего сообщения, когда император встал, вяло махнул рукой вскочившим было следом министрам: сидите, мол, господа, не чинитесь.

Министры внимательно следили за эволюциями государя: подойди он к окну, аудиенция считалась бы завершенной. Но Николай направился к бильярдному столу, и, не трогая киёв, руками принялся выстраивать из шаров ровную линию вдоль борта. Дождавшись, когда Ламсдорф замолчит, Николай прокомментировал сквозь зубы:

- Стало быть, макаки решились в открытую показать свой оскал… Славно, славно!

Император тяжело задышал и по привычке дотронулся ладонью до шрама на голове, почти невидимого под волосами. Министры незаметно переглянулись – оба они знали историю появления этого шрама, «привезенного» полтора десятка лет тогда еще наследником престола Николаем из Японии.

* * *

Но сейчас, слушая своего министра и перебирая сильными короткими пальцами бильярдные шары, император вспоминал историю шрама на голове. Вспоминал свой ужас – когда бежал от фанатика и боялся обернуться – далеко ли смерть?

Принято думать, что нападение на наследника русского престола в Оцу не повлияло на дальнейшее развитие японо-российских отношений. Тем не менее, отношения через несколько лет начали ухудшаться, и в конце концов переросли в войну 1904–1905 годов. Подобный инцидент, произошедший с Николаем в ранней молодости, не мог не оставить у него неприятных воспоминаний, а последовавшие затем извинения, по-восточному бурные и внешне даже чрезмерно подобострастные, могли заронить в душе будущего императора неизбежную пренебрежительность по отношению к Японии. Сейчас он вспоминал десятки тысяч телеграмм с соболезнованиями и извинениями, полученными после ранения. Груды драгоценных подарков от японских вельмож, купцов и общин разных городов. Вспоминал он и беспрецедентное посещение его самим императором Японии, никогда ни до, ни после этого случая не покидавшего своего дворца…

Сотни тысяч маленьких желтых людей, подобострастно кланявшихся ему, 22-летнему цесаревичу. Миллионы глаз, в которых без труда можно было прочесть страх за свое будущее после подобного оскорбления. И эти людишки, эти «макаки» смеют нынче

угрожать великой России, привольно раскинувшейся на огромных пространствах от Балтики до Охотского морей?

Известно, например, как Николай впоследствии решительно отвергал даже саму идею о возможности вооруженного нападения Японии на Дальнем Востоке (о чем неоднократно говорили различные деятели, в том числе и ближайшие родственники). Император считал, что Япония никогда не посмеет первой напасть на Россию.

А еще Николай II неожиданно вспомнил свою недавнюю встречу в Ревеле с императором Вильгельмом II. Тогда, прощаясь с «русским братом», пообещав ему практически нейтралитет Европы в случае «заварушки» на Дальнем Востоке, император приказал поднять на своем флагманском корабле "Гогенцоллерн" многозначительный флажный сигнал:

- «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана!»

Николай тогда, помнится, довольно усмехнулся: намек был более чем прозрачен. Он повернулся к своему флаг-капитану Нилову и приказал ответить:

- «Доброго пути, адмирал…»

И эти маленькие желтые людишки собираются напасть на соседнего «монстра»?

«Адмирал Тихого океана» резко катнул по зеленому сукну клацнувшие шары и повернулся к военному министру:

- Вы верите, генерал, что они посмеют объявить нам войну? Нам, великой России?

Ответ на этот вопрос был возможен только один, однако министр несколько мгновений колебался:

- Вряд ли, ваше величество… Но при этом не надо забывать, что соотношение морских и сухопутных сил России и Японии на Дальнем Востоке гм… не в нашу пользу. Кроме того, рискну опередить управляющего нашим морским министерством и сообщить вам, государь, что японцы, вдобавок ко всему, совсем недавно перекупили в Италии два броненосных крейсера, построенных для Аргентины - что, несомненно, усилило их боевую мощь…

- Два броненосца? Куда же смотрели наши военные агенты в Италии? – сердито осведомился Николай. - Гонялись за юбками тамошних оперных див? Нельзя ли что-то предпринять в этом вопросе, генерал?

- Вопрос, увы, не мой, а имеет отношение к морскому ведомству, ваше величество! К тому же, я слышал, эти броненосцы на всех парах спешат в Японию и уже прошли Сингапур. Их не догнать…

- Хорошо, я спрошу у своего морского министра. Но Транссиб, кажется, достроен еще летом, генерал? Какова его пропускная способность для передислокации войск, буде она потребуется?

Вопрос был более чем неприятен, но Куропаткин пересилил свое раздражение:

- Движение по Транссибу возможно на всём его протяжении, государь. Под предлогом проверки пропускной способности Транссиба, нами еще летом немедленно начата переброска российских войск на Дальний Восток. Однако один из участков магистрали, вокруг Байкала, до сей поры, увы, не завершён. Грузы и воинские эшелоны переправляются там через великое озеро на паромах, что снижает пропускную способность Транссиба до 3—4 пар поездов в сутки, ваше величество!

- Этот участок Кругобайкальской дороги надо немедленно завершить, Куропаткин! Впрочем, мне доложили, что в Сиреневой гостиной меня дожидается господин Витте! Может, он пришел как раз по этому вопросу[1]? – усмехнулся Николай.

---

[1] До своего назначения министром финансов империи С.Ю. Витте был министром путей сообщения. Транссибирская магистраль по-праву считается его детищем.

Министры без труда определили в царском голосе ехидную нотку и дружно подыграли самомнению императора:

- Вряд ли, ваше величество, Сергей Юльевич Витте намерен заниматься такой «мелочью», как достройка Транссиба. Он явно скучает по большой политике, государь…

- Министр без портфеля! – поддакнул Ламсдорф. – Зато он чудно умеет находить общий язык с японцами!

Николай нахмурился:

- Ты полагаешь, Ламсдорф, что за почти приятельскими отношениями Витте кроется нечто большее?

- Боже упаси, ваше величество! Я хотел лишь сказать, что японцы давно в курсе некоторых разногласий в нашем правительстве относительно политики России в Корее. И обращение японского посланника именно к господину Витте лишь свидетельствует о том, какую позицию в этом вопросе занимал и занимает он сам…

Миротворческие усилия Николая II на европейской арене были не столь уж бескорыстными. Мир и спокойствие в Европе нужны были ему для облегчения выполнения главной цели: выхода России к незамерзающим морям Тихого океана. Тем самым Николай II отходил от обычных интересов русской внешней политики, сосредоточенных на Балканах и в Турции. Главным же препятствием на пути к российскому преобладанию на Дальнем Востоке была Япония, которая провозгласила программу создания «великой Страны» и стала активно претворять ее в жизнь. Летом 1894 г. японцы начали захватнические действия в отношении Китая и Кореи, навязав Китаю тяжелые условия мира и превратив Корею в своего сателлита.

Россия взяла на себя инициативу создания единого антияпонского блока европейских государств. В 1895 г., предъявив Японии ультиматум, поддержанный Францией и Германией, Россия заставила ее отказаться от некоторых притязаний. В то же время европейские державы поспешили последовать примеру Японии и приобрести в аренду важные пункты на территории Китая. Англия «прихватизировала» Гонконг, Германия — Циндао, Россия — Порт-Артур. Все это было облечено в форму «благодарности» за «защиту».

В 1903 г. Николай II созвал Особое совещание по делам Дальнего Востока, на котором присутствовали крупнейшие чиновники России. Большинство собравшихся считало необходимым начать ускоренную подготовку к войне с Японией. Особое мнение высказал тогда еще министр финансов С. Ю. Витте. Совершив годом ранее поездку на Дальний Восток, он вынес из нее твердое убеждение, что Россия к войне не готова. Российскую миссию на Дальнем Востоке Витте видел в форме не военной, а экономической экспансии, особо подчеркивая нежелательность войны в период проведения реформ в стране. Однако Николай II, считая теперь азиатскую политику задачей своего правления, отверг выводы С. Ю. Витте.

Чуя сердцем, что мудрый сановник прав, царь все-таки поступил не так, как ему подсказывал Витте. И от этого нынче чувствовал себя не слишком уютно.

…Коротко стукнув в массивные двери кабинета, в образовавшуюся щель проскользнул дежурный адъютант.

- В чем дело, полковник? – Николай терпеть не мог фамильярности ни в каком ее виде.

- Прошу простить, ваше величество, но его высокопревосходительство Витте…

- Я знаю, что он ожидает в Сиреневом кабинете, - прервал извинения адъютанта император. – Неужели у него не хватает терпения подождать окончания столь важного совещания?!

- Он просил передать вашему величеству вот это, - флигель-адъютант, сделав несколько неуверенных шагов вперед, положил на край бильярдного стола бланк телеграфной депеши.

Помедлив, император взял бланк и несколько раз прочел сообщение, успев бросить несколько гневных взглядов на военного министра и Ламздорфа. Как следовало из депеши, Витте первым из петербургских сановников - так хорошо работала налаженная им система оповещения в финансовом ведомстве - узнал об уже состоявшемся нападении Японии. Пока царь с военным министром и министром иностранных дел прикидывали вероятность нападения, «макаки» уже топили русские корабли на рейде Порт-Артура. А к корейскому порту Чемульпо двигалась устрашающая армада Страны Восходящего солнца. Началось, по словам Витте, "ужасное время", пришла "несчастнейшая из несчастнейших войн и затем как ближайшее последствие - революция, давно подготовленная... полицейско-дворцово-камарильным режимом"…

Перечитав депешу, Николай молча передал ее Ламсдорфу. А тот, малое время спустя, Куропаткину.

- Ну, что скажете, господа министры? – император, забыв о бильярде, вернулся на свое место за рабочим столом. – По профилю МИДа и сообщениям твоих военных агентов, господин генерал, пока на Дальнем Востоке все спокойно?!

Ламсдорф подавленно молчал. Куропаткин еще раз перечитал депешу, пришедшую на имя бывшего министра финансов и едва заметно пожал плечами:

- Выезжая нынче из военного министерства, я проштудировал все телеграммы с Дальнего Востока. Ни военные агенты в Японии, ни его высокопревосходительство наместник вашего величества, генерал Алексеев, о начале военных действий ничего не сообщают. Быть может, государь, имеет место досадное недоразумение или путаница? Господа финансисты люди статские, могли что-то напутать… Я бы предложил немедленно направить на имя наместника Алексеева срочнейший запрос от имени вашего величества!

- С позволения вашего величества, сей запрос отправлен по распоряжению председателя Кабинета министров Витте еще четверть часа назад! – доложил адъютант.

- И все же мне как-то не верится, ваше величество! – начал приходить в себя Ламсдорф. – Японцы на весь свет позиционируют себя как цивилизованные члены европейского сообщества. Коварно напасть без разрыва дипломатических отношений, без объявления войны?

Николай фыркнул и поднялся из кресла:

- Ламсдорф, немедленно отправляйся к себе в министерство! А перед этим протелефонируй японскому посланнику и срочно пригласи его к себе. Потребуй объяснений!

- Слушаюсь, ваше императорское величество! – вскочив с места, министр иностранных дел торопливо поклонился и едва не бегом направился к выходу.

Проводив его глазами, царь перевел взгляд на Куропаткина и еле заметно поднял брови:

- А ты, господин генерал, не слишком торопишься, как я погляжу?

Куропаткин вскочил, звякнув звездами орденов.

- Я уезжаю тотчас же, ваше величество! Однако… Однако я хотел бы узнать мнение вашего величества относительно тайной экспедиции, подготовка которой, по вашему соизволению началась два года назад и вступила в завершающую фазу в самом конце минувшего года. Люди готовы, но…

Он положил на край стола служебную записку, которую император тотчас же узнал.

- Ах, да, я и позабыл о наших буддистах-калмыках, признаться…

- Если сообщение о нападении Японии подтвердится, ваше величество, то стоит ли?..

- Ах, да, Тибет, - Николай кивнул и взялся пальцами за виски, словно от нестерпимой боли. – Зачем же? Пусть все идет свои чередом, генерал. Если господин Витте и нынче нас переиграл, а война началась, то не думаю, что копеечные расходы на экспедицию нескольких калмыков способны переломить ее ход. А «небольшая заварушка» на Дальнем Востоке, к тому же, отвлечет внимание британских агентов в Тибете от этой экспедиции. Да, пожалуй, так: ничего отменять не будем! Пусть едут!

РЕТРОСПЕКТИВА - 10 Продолжение истории с жезлом

Клипер «Жемчужина», который домчал своего хозяина и Романа Александровича Стронского до итальянский берегов, был оставлен под охраной китайской команды Ганса Ландсберга в порту Генуи. Путешественники пересели на поезд, и через несколько дней, преодолев крайне раздражающие Ганса пересадки, наконец, прибыли в Берлин.

Как и в первой поездке в Россию, Ганс не пожелал и на сей раз расстаться ни с Прорицателем, ни с двумя китайскими телохранителями. Правда, на сей раз английские военные мундиры никому не понадобились.

К удивлению Ландсберга, в Берлине его поджидал ротмистр Лавров.

- Разве вы не получили мою депешу из Италии, мистер Лавров? В ней я сообщил точную дату своего прибытия в Петербург…

- А вы что-то имеете против столь горячего русского гостеприимства? – сдерживая улыбку, Лавров пожал далекому гостю из Сингапура руку. – Ну, а если серьезно, то не забывайте, что Россия находится в состоянии войны с Японией. А ваши спутники слишком похожи на японцев… Как бы российские ура-патриоты не решили сдать вас всех в ближайший полицейский участок, как вражеских шпионов! Да и офицеры пограничной стражи во время войны особо бдительны. Особенно «машут» на японцев ваши телохранители. Да и вы сами, мистер Ландсберг, если уж быть откровенным, имеете в своем роду немало китайских кровей. В вашем лице больше восточных черт, нежели западных, европейских. Прорицатель…

- Какая дикость! – фыркнул Ландсберг. – Может, вы еще моего коротышку Арюунэрэла в японские самураи запишете?! Неужели всякое дурачье не в состоянии отличить японскую физиономию от китайских? Что касается Прорицателя, то он и вовсе родом из Тибета!

- Боюсь, что российские обыватели ни в коей мере не являются физиономистами, вздохнул ротмистр. – И вообще: не стоит забывать о нашем национальном менталитете: сначала сделать глупость, а потом только подумать, стоило ли ее делать?

Ландсберг рассмеялся:

- А вы довольно самокритичны, мистер Лавров! Это тоже признак русского менталитета? Впрочем, мне приятно вас снова увидеть! И я весьма признателен за ваше беспокойство. Ну-с, где наш вагон?

- Прошу налево, - уступил дорогу Лавров. – Кстати, будет нелишним предупредить, что в связи с мобилизацией большей части вагонов для военных нужд расписание поездов и время их прибытия на станцию назначения нынче оставляет желать лучшего…

* * *

Глядя в окно начавшего тормозить у дебаркадера Варшавского вокзала Северной столицы России поезда, Стронский едва скрыл слезы:

- Господи, неужели я снова в России? – повторял он снова и снова.

Окна в вагоне были по летнему времени опущены, и в купе врывались порывы душного, с примесью железнодорожных «ароматов», воздуха. Покрутив носом, Ландсберг прикрыл нос платком.

- Не понимаю, - наконец, искренно признался он. – Не понимаю, как можно сентиментальничать, возвращаясь то в вашу вечную стужу, то в эту вонь?

Лавров усмехнулся:

- Вам просто не везет, господин Ландсберг! Побывали бы вы в глубинках России летом или ранней осенью – это же рай земной! Аромат цветущей сирени, первые клейкие листья березовых рощ, бескрайние поля пшеницы, широкие реки. Стоишь на одном берегу – а противоположного и не видать! Такого в вашем Сингапуре днем с огнем не сыщешь! Одни ручейки – и те воробью по колено…

- А вы поэт, мистер Лавров! Никогда не пробовали писать стихи?

- Было дело, в гимназии еще, - признался ротмистр. – Так тогда все писали! Писали и посвящали первым своим девицам. А те только фыркали и задирали носики: подумаешь, мол, новый Пушкин тут выискался! Научись, дескать, сначала рифмы складывать…

- Но дар убеждения у вас остался, - буркнул Ганс. – Уж лучше бы вы стали поэтом! Никогда не ожидал, что кто-то способен сорвать меня с места, лишить, хоть и на время, моего привычного сада и познавательных бесед с Прорицателем.

- Боюсь, что это не дар моего убеждения, а ваше желание удостовериться, что участие Романа Александровича Стронского в вашей дальневосточной афере в России действительно забыто, - подмигнул Лавров. – А вы, мистер Ландсберг, и вправду хотите осчастливить господина Стронского новым домом?

- А почему бы и нет? Во-первых, он действительно много сделал для Карла. По сути дела, устроил его судьбу, и не дал сгинуть на вашей каторге. А, во-вторых, прошлой весной я сорвал его с места в его любимом Петербурге и вовлек его в авантюру с освобождением Карла, - невозмутимо закончил тот.

- Не надо об этом, господин Ландсберг! – попросил стареющий контр-адмирал. – Я сделал в свое время натуральный человеческий поступок. Всего лишь помог, чем мог. А вот нынче ваш брат наверняка воюет с японцами, оккупировавшими Сахалин. Вы не беспокоитесь за него, мистер Ландсберг? Впрочем, он вполне мог покинуть остров до высадки на нем японского десанта…

- Покинуть? –поднял брови Ганс. – Когда это Ландсберги бежали с поля боя, оставляя свои дома и земли врагам? Я убежден, что Карл остался на Сахалине. Что же касается его судьбы, то Прорицатель несколько раз раскидывал свои магические кубики и уверяет, что не видит угрозы для его жизни.

Разговор принимал нежелательное направление, и Лавров, кашлянув, выразительно поглядел на Стронского: еще не хватало, чтобы в голове Сумасшедшего Ганса зародилась мысль о вмешательстве в русско-японскую войну.

Состав совсем замедлил ход, и, наконец, остановился.

- Во всяком случае, я рад, что мистер Ганс Ландсберг нашел возможность по пути в Германию сделать небольшую остановку в России, - резюмировал Лавров. – Я уверен, что, имея наглядное представление о Тибете и тибетцах, он поможет нам разгадать загадку «странников».

Он выглянул в окно вагона, приметил несколько знакомых лиц и удовлетворенно кивнул:

- Нас встречают, господа! Пора на выход! Полагаю, что сейчас мы проследуем в приличную гостиницу, немного отдохнем, ознакомимся с предложениями о продаже недвижимости в столице и согласуем их с пожеланиями Романа Александровича. Ну, а на

завтра у нас запланировано посещение Военно-медицинской академии и встреча с профессором Бехтеревым, - напомнил Лавров. – Есть возражения, господа?

Возражений не было.

* * *

У дебаркадера приезжих ожидало три авто, два из которых было предназначено для охраны. Ландсберг фыркнул, однако когда автомобили двинулись к гостинице, им пришлось проезжать мимо небольших групп обывателей. Увидев в первом авто азиатские лица, люди начали показывать на них пальцами и выкрикивать антияпонские лозунги. Наиболее активные ура-патриоты попробовали закидать авто камнями, однако невесть откуда взявшиеся конные городовые оттеснили нападающих.

- Вы были правы, мистер Лавров, - буркнул Ландсберг. – Ваши соотечественники приняли нас за японцев… Нельзя ли покончить с нашими петербургскими делами сегодня, чтобы вечерним поездом уехать подальше от этой смуты, в Берлин? Я привык сражаться, но не с толпами озверевших фанатиков, знаете ли…

Лавров покачал головой:

- Россия на военном положении, мистер Ландсберг. Госпиталя и больницы заполнены прибывшими в Дальнего Востока тяжелоранеными. Профессор Бехтерев, как руководитель Военно-медицинской академии, чрезвычайно занят организационными и чисто медицинскими вопросами. Между тем, единственный оставшийся в живых «странник» перемещен в загородную психиатрическую лечебницу, и для поездки туда требуется время. Профессор ни за что не допустит, чтобы осмотр «бегуна» и беседа с ним проходили без него.

- Не доверяет? – усмехнулся Ганс.

- Речь идет не о доверии, - пояснил Лавров. – Профессор Бехтерев возится с этим «бегуном» доаольно давно, и ему только-только удалось наладить с ним какое-то подобие контакта. Он опасается, что незнакомые люди могут похоронить все его усилия…

- Понятно. А этот злополучный «жезл» тоже находится в той загородной клинике?

- Насколько я знаю, господин Бехтерев старается держать пациента подальше от жезла. Думаю, что его хранят где-то в Академии, в надежном месте, с соблюдением всех мер предосторожности. А вам-то он зачем, мистер Ландсбег?

- Лично мне просто любопытно было бы взглянуть на него, - признался Ганс. – Во время моего пребывания в монастырях Тибета мне не попадалось на глаза ничего подобного. Но главная причина – я хочу, чтобы на «жезл» взглянул Арюунэрэл, мой Прорицатель и главный консультант по Тибету. Насколько я понял, на этой штуке вырезаны какие-то письмена, которые русские специалисты по Тибету не смогли расшифровать. Может, знаки на жезле окажутся знакомыми Арюунэрэлу?

Лавров кивнул, подумав про себя, что уговорить Бехтерева дать таинственный жезл в руки какого-то Прорицателя будет самым сложным делом: тот наверняка слишком хорошо помнил трагедию, случившуюся несколько лет в Академии с «участием» этого артефакта.

* * *

- Ну, что ж, только под вашу личную ответственность, ротмистр! – вздохнул Бехтерев, бросив оценивающий взгляд на огромного роста китайцев, телохранителей Ландсберга. – Они вооружены?

- В этом нет необходимости, - покачал головой Ганс.

- А вы, ротмистр?

Тот кивнул.

- С вашего позволения, я тоже захвачу с собой эту гадость, - не скрывая отвращения, Бехтерев достал из сейфа «браунинг». – Прошу за мной, господа!

Спустившись в цокольный этаж, группа посетителей миновала несколько запертых дверей, и, наконец, оказалась в большом зале, уставленном секционными столами с покрытием из полированной стали. В этом помещении было явно холоднее, чем где-либо еще. Половину одной из стен составляли дверцы металлических ящиков для хранения человеческих останков или трупов. От этой стены несло холодом и специфическим запахом тления.

Профессор отпер сейф и, напрягшись, вынул из него металлический короб. Подскочивший Лавров помог Бехтереву поставить тяжесть на ближайший стол.

- Благодарю! – отдуваясь, профессор позвенел связкой ключей и отпер короб, откинул крышку. В коробе оказался круглый футляр из свинца. В конце концов, на свет появился еще один футляр, на сей раз – сделанный из зеркального стекла.

- Почти как в сказке про Кощея Бессмертного, - заметил ротмистр. – В утке заяц, в зайце еще что-то, а там уже и яйцо с иголкой.

- Можете смеяться сколько угодно, - огрызнулся профессор. – После того, как я увидел возможности негодяя, который управлял людьми с помощью этой чертовщины, никакая мера предосторожности не кажется мне излишней! Кстати, мистер Ландсберг! Если ваш специалист по Тибету, взяв в руки жезл, вдруг покажется нам неадекватным, его придется остановить всеми имеющимися возможностями! Кстати, а где же он?

Арюунэрэл, скромно державшийся до сих пор за спиной одного из телохранителей, выступил вперед и поклонился профессору. Тот прищурился, в изумлении глядя на карлика ростом не более четырех футов.

- Тибетец? Очень, очень странно!

- Он не говорит по-русски, профессор. Английский немного ему знаком, так что я, видимо, буду выступать в роли переводчика.

Ганс, который был уже наслышан о сверхъестественных возможностях «оператора» жезла, молча кивнул и коротко приказ что-то своим телохранителям по-китайски.

Надев толстые резиновые перчатки Бехтерев, наконец, извлек из стеклянного футляра сам жезл и, уложив его на кусок резины, молча отступил в сторону.

Прорицатель без всякой опаски приблизился к жезлу и благоговейно взял его в обе руки. Покрутив его и осмотрев со всех сторон, он что-то забормотал по-тибетски.

Ганс Ландсберг усмехнулся:

–Прошу иметь в виду, господа, что я сам владею тибетским наречием на бытовом, так скажем, уровне, и всякую «ересь» насчет тантр и чакр буду вынужденно пропускать. Итак, Арюунэрэл, давай-ка начнем сначала!

Прорицатель недовольно покосился на Ганса, и, поглаживая пальцами знаки на жезле, опять принялся бормотать.

- Он говорит, что человек, не обладая истинным знанием, способен лишь слепо блуждать в океане космических влияний, даже не осознавая действия великих сил природы. Лежащая в основе древнейших космологических учений ведическая астрология помогает нам развивать свое внутреннее зрение, с помощью которого мы можем безопасно вести свой корабль через бурное море жизни… Так написано на жезле, господа! Что же касается самого предмета нашего обозрения, то он представляет собой тибетский энергетический жезл «гьямзо», кем-то варварски переделанный.

- Спросите: а для чего в Тибете вообще используется этот жезл? – подался вперед профессор.

- «Гьямзо» был создан несколько столетий назад, и, насколько я понял, в лечебных, чисто медицинских целях. Это своего рода прибор, основанный на работе кристаллов, на их способности впитывать космическую энергию планет, проводить ее через себя, трансформировать и излучать.

- О каких кристаллах вы толкуете, мистер Ландсберг? – воинственно задрал бороду профессор. – Никаких кристаллов на этой штуковине я не вижу!

Перебросившись с Прорицателем несколькими фразами на тибетском, Ганс кивнул в знак понимания и повернулся к молча внимающей аудитории:

- Вот он и говорит, что сей жезл подвергся варварской переделке, профессор! Насколько я понял, с двух сторон его должны венчать наконечники, предназначенные для драгоценных камней. Ведическая астрология, испокон веков использующая драгоценные камни для улучшения судьбы человека, утверждает, что каждый драгоценный камень своей энергией и своим стремлением к счастью связан только с одной из планет нашей Солнечной системы. С одной стороны жезла должен был находиться большой круглый кристалл, а с другой - кристалл в форме острого наконечника. Эти кристаллы соединяются крупным янтарем, или металлом из золота, серебра или небесного железа, - бесцеремонно закрыв Прорицателю, не переставшему что-то бормотать, рот ладонью, Ганс пояснил. – Под небесным железом, очевидно, имеется в виду метеориты, иногда подающие на землю… На поверхности жезла должны быть размещены более мелкие драгоценные камни, которые также подсоединяются к наконечнику. Таким образом, получается своеобразный прибор, который своим круглым концом поглощает энергию, а другим острым излучает ее. Погоди, Арюунэрэл, помолчи немного и дай мне поговорить с этими господами!

Тибетец с готовностью умолк, продолжая поглаживать выпуклости на жезле.

- Не знаю, как вы, но многое из того, что он сказал, мне понятно, - сообщил Ганс. – Можно продолжать, или есть вопросы?

- А почему он не поддернет рукава своего «балдахона» и держит жезл не голыми руками, а через ткань ? – поинтересовался Бехтерев. – Я могу дать ему перчатки.

- Вряд ли у вас найдутся перчатки нужного размера, - усмехнулся Ганс и обратился к Прорицателю по-тибетски. – Покажи профессору свои руки, не стесняйся! Он хороший человек и не будет смеяться над тобой.

Помедлив, карлик поддернул рукава своего одеяния, и профессор не удержался от удивленного возгласа:

- Бог мой! Какие у него longis digitis! Et aliena manus[1]… А можно попросить его снять свой колпак и повязку с лица, мистер Ландсберг? Мне почему-то кажется…

Ганс поморщился:

- Давайте не будем отвлекаться, профессор! Мой помощник – весьма необычная личность. Но при всем этом не любит, чтобы его разглядывали и ощупывали, как какой-то экспонат. Признаться, я и сам знаю о нем не слишком много: он избегает говорить о себе и своем племени. Могу лишь сказать, что он стесняется своего весьма вытянутого вверх черепа и такой же вытянутой нижней челюсти. Однажды, в минуту хорошего настроения, он обмолвился, что его далекие предки – хотите верьте, хотите нет – прилетели на Землю много тысяч лет тому назад. Не смогли улететь обратно по каким-то причинам и остались в Тибете, ассимилировались с местным населением. В деревне, откуда он родом, половина населения имеет такой же небольшой рост и такую же необычную внешность. Знаю еще, что коренные тибетцы не любят и боятся карликов вроде моего Арюунэрэла. Это тоже как-то связано с прошлым. А теперь давайте продолжим, хорошо? Вопросы – только по существу!

Вопросов по существу ни у кого пока не возникло, и Ганс дал своему Прорицателю знак продолжать.

---

[1] Необычно длинные пальцы! И странная кисть руки (**лат.**)

- Круглый конец жезла «Гьямзо» так и называют… По-моему, он сказал «минусом», профессор! С его помощью делают массаж, убирают воспалительные процессы, как бы вытягивая отрицательную энергию из организма. Например, массаж головы при помощи «минуса» жезла мгновенно снимает головную боль, делая мысли легкими и ясными, навязчивые мысли и проблемы как будто всасываются в жезл и вылетают наружу. Противоположный конец жезла, в наконечник которого стекаются энергии всех присутствующих кристаллов, Прорицатель называл «плюсом». Этот плюс обладает таким мощным энергетическим потоком, что в считанные секунды может открыть энергетические центры и активизировать основные каналы человека.

- По-моему, я понял: кто-то украл крупные кристаллы и выковырял заодно и «мелочевку», - кивнул Лавров. – Но что тогда из жезла получилось? Спросите-ка у своего консультанта, мистер Ландсберг!

- Вот здесь, с одной стороны жезла, выбиты знаки, имеющие недавнее происхождение, - перевел Ландсберг. – Они говорят, что сей жезл превращен теперь в… э… Как бы это сказать? Превращен в средство духовной связи между хозяином и людьми, имеющими золотое клеймо. Вы что-нибудь поняли, господин профессор?

- Я так и предполагал! – торжествующе вскрикнул Бехтерев. – Это стало прибором для усиления мысленного влияния на объект гипнотического воздействия! Своего рода трансформатор! Вот только причем тут золотое клеймо? Ничего подобного на телах умерших, или, лучше сказать, убитых «бегунов» я не обнаружил. Равно как и на живом сектанте… Можете убедиться, господа: все девять тел мною сохранены в холодильниках, и достаточно беглого осмотра, чтобы убедиться в этом!

- Ради Бога, профессор! – поспешно отступил назад Ландсберг. – У меня нет никакого желания копаться в трупах в поисках какого-то клейма! Уж если вы при патологическом исследовании ничего не заметили…

Внезапно профессор замер, словно припоминая что-то. Потом вдруг, ни слова не говоря, подкатил один из секционных столов к ряду холодильных установок, распахнул крышку и вытянул на стол закрытое простынею тело. Лавров и Ландсберг поспешно отступили подальше. Бехтерев же, включив сильную лампу, откинул с головы покойника простыню и принялся вглядываться в его лоб.

- Подайте мне кто-нибудь лупу! – скомандовал он и нетерпеливо уточнил. – Вот там стоит инструментальный ящик, там должна быть лупа! Скорее!

Получив просимое, он еще раз вгляделся в лоб покойника, потрогал его пальцем и забормотал:

- Как это я проглядел? С другой стороны, этакую точку немудрено и пропустить при поверхностном осмотре!

Отскочив от покойника, он начал выдвигать один ящик из холодильника за другим, осматривая и ощупывая головы замороженных «странников». Вооружившись пинцетом, он попробовал с его помощью снять нечто со лба одного покойника, но быстро отказался от своей попытки. Осмотрев последнего, он присел на стул, с озадаченным видом протирая полой халата пенсне.

- Профессор, может быть, вы соблаговолите объяснить и нам – что вы там обнаружили? – не вытерпел Лавров.

- Но этого просто не может быть! – бормотал Бехтерев, продолжая полировать стеклышки пенсне и словно не слыша вопроса.

- Чего не может быть, профессор? Что вы обнаружили? – продолжал допытываться Лавров.

- Вы, кажется, что-то спросили? Ах, да! Изволили интересоваться, что я обнаружил? Старый я дурень! Я ведь обнаружил это и у последнего, пребывающего в живых «бегуна»,

ротмистр! Волосы у всех «странников обстрижены впереди в «кружок», и с первого взгляда заметить эту золотую точку просто невозможно! Я наткнулся на нее у живого пациента, когда, успокаивая, поглаживал его по лбу. Обнаружил – и вообразил, что сие есть небольшая родинка, или папиллома! Коллега! – Бехтерев завертел головой, разыскивая глазами своего помощника. – А-а, вот вы где! Извольте, голубчик, распорядиться подготовить рентгеновский аппарат и сделать снимок лба этого покойника в анфас и профиль, так сказать!

Молча поклонившись, помощник торопливо куда-то удалился, а Бехтерев так и продолжал бессильно сидеть на стуле, машинально продолжая протирать пенсне, время от времени тихо вскрикивая:

- Но это совершенно невозможно!

Потеряв терпение, Лавров подтянул стул, уселся напротив светила медицины и громко спросил, разделяя каждое слово:

- Господин Бехтерев! Позвольте повторить вопрос: что именно вы обнаружили во лбу всех «бегунов»?

- Точно я скажу вам после рентгеновского обследования, ротмистр, - устало бросил Бехтерев. – Пока же… У меня есть сильнейшее подозрение, что упомянутое в письменах на жезле «золотое клеймо» является ничем иным, как тонкой золотой иглой - наподобие тех, что используются в восточной медицине для иглорефлексотерапии. Но как?! Как, скажите вы мне, можно погрузить подобную иглу в мозг через толстенную и, уверяю, очень прочную лобную кость?! Это физически – понимаете, голубчик: фи-зи-чес-ки невозможно! Для операций на черепе используются специальные сверла – и то, уверяю, это весьма болезненный для пациента и трудоемкий для хирурга процесс!

- Если позволите, я могу попытаться внести ясность в этот вопрос, - буркнул Ландсберг. – Во время своего путешествия по Тибету мне доводилось встречаться и беседовать с магами и врачевателями этой горной страны. Припоминаю и их рассказы о том, как они помогают умершим выпустить их дух, заключенный в телесную оболочку, на свободу. Важно заставить дух покинуть свою оболочку через темя: если дух выходит каким-нибудь другим путем, будущее благополучие его сильно ухудшается. Извлечение духа из тела производится некими ритуальными восклицаниями. Короче говоря, маг, призванный к одру умирающего, может каким-то образом раздвигать кости черепа…

- Но как? Как?! – взвизгнул профессор. – У младенцев сие возможно, но по мере взросления человека кости его черепа срастаются. И вы пытаетесь уверить меня, что какие-то заклинания способны?..

- Не знаю, профессор, - устало покачал головой Ганс. – Я, как вы можете догадаться, отнюдь не тибетский маг. Как говорят, за что купил, за то и продаю. И могу только добавить, что возможности тибетских магов сособны перевернуть все наши представления о природе человека. И не только его…

Прорицатель, про которого все позабыли, вдруг вскрикнул и быстро заговорил по-тибетски, с удивлением и легким ужасом глядя на жезл, который так и продолжал держать в своих длиннющих пальцах.

Мгновенно подскочивший к нему Ландсберг задал Прорицателю пару вопросов и повернулся к остальным:

- Арюунэрэл утверждает, что жезл начал нагреваться. И, кроме того, кто-то пытается заговорить с ним… Но он его не понимает!

Бехтерев, мгновенно позабыв о золотом «клейме» и схватив резиновые перчатки, бросился к тибетцу. Рявкнул:

- Кажется, начинается уже знакомая мне чертовщина! Хватайте этого человека и держите покрепче, пока он не начал крушить тут все подряд! Позвольте, господа, убрать жезл на место…

Однако Лавров мягко придержал Бехтерева:

- Не будем спешить, профессор! Будьте покойны: четверо весьма крепких людей готовы предотвратить любую попытку тибетца «взбеситься»! Да и потом: поглядите на него: он ростом с ребенка! Что он может сотворить плохого? Подождем еще немного: может, ему удастся установить контакт со старцем? Ганс, попросите своего Прорицателя не волноваться, максимально сосредоточиться и попытаться понять, кто и что желает ему сказать!

- Но я не могу допустить…

- Можете, профессор, можете! – Лавров мягко оттеснил Бехтерева и повернулся к Гансу. – Ну, что он?

- Пока не знаю… Прорицатель, ты слышишь какие-то голоса?

- Голос… один голос… Он спрашивает, кто я…

- И ты ему отвечаешь? Или молчишь?

- Я говорю с ним, используя духовное, мысленное общение…

- Что за чушь? – фыркнул Лавров. – Тут не цирк, любезный!

- Погодите, ротмистр! – вмешался Ландсберг. – Уверяю вас, это вовсе не чушь!

Отведя Лаврова чуть в сторонку и не спуская глаз с тибетца, он вполголоса продолжил:

- Будучи в Тибете, я своими глазами наблюдал подобную «чушь», как вы ее изволили назвать. Тамошние ламы из разных монастырей, даже за десятки и сотни верст друг от друга, при необходимости обсудить что-нибудь или сообщить новость, используют то же самое духовное общение. Один вызывает дух другого, и общается с ним – причем окружающие ничего не слышат. Это же не телефонный аппарат, друг мой! Разумеется, это доступно только ламам, достигшим высокой степени просвещения…

- А ваш, как его… Арю… В общем, ваш Прорицатель – он что, тоже лама высокой степени просвещенности? Или маг?

- Нет, он не лама, ротмистр. Но, несомненно, обладает какими-то древними знаниями. Кстати, вы не поверите, но ему больше 90 лет! Между тем, попробуйте-ка с ним полазить по горам – отстанете на первой сотне ярдов!

- Вот оно что… А он может сообщить нам – с кем он говорит?

- Наверняка может, ротмистр. Насколько я понимаю в тибетских «чудесах», они не только беседуют, но и видят друг друга – как мы, беседуя через окошко.

- Вот как! – заинтересовался Лавров. – Значит, если собеседник вашего Прорицателя не сидит сейчас в темной комнате или густом лесу, то Арю… Тьфу, никак не могу запомнить его имя! В общем, Прорицатель в состоянии запомнить особые приметы места, где сейчас находится старец? Спросите его, Ганс!

- Тише! - прошипел тот. – Настолько я понимаю, собеседник Арюунэрэла тоже видит нас и слышит все, что говорится!

- Черт с ним! Пусть ваш коротышка спросит своего собеседника, в каком именно монастыре тот проходил посвящение? Вдруг ответит?

- А если и ответит, то что из этого? – рассудительно спросил Ганс. – На Тибетском нагорье больше шестисот монастырей. Что, организуете туда налет?

Тем не менее, он наклонился над Прорицателем и передал просьбу.

Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами и только чуть раскачивался, время от времени прикладывая жезл ко лбу. Наконец, он уронил жезл на колени и замер в неподвижности.

Ландсберг бросился к нему:

- Что случилось, Арюунэрэл? Тебе плохо?

- Я истощил свои силы, хозяин. Так бывает, если долго не занимаешься духовным общением. Ничего, это скоро пройдет!

Пока Лавров и Ландсберг засыпали Прорицателя вопросами, Бехтерев, подобравшись сзади, словно ненароком взял жезл из рук Прорицателя и упрятал его во все его футляры и короба.

- Что ты видел, Арюунэрэл? – продолжал по-тибетски расспрашивать Прорицателя Ганс Ландсберг.

- Я видел рассерженного белого человека с длинной густой черной бородой. Он стоял на платформе какой-то железнодорожной станции. Он и рассержен, и испуган: он знает, что я – «дзоппа»!

- «Дзоппа»? – удивился Ганс. – Но ты никогда не говорил мне об этом! Что это означает?

- Так называли мой народ в глубокой древности, - пробормотал карлик. – И продолжают называть так сейчас, хотя настоящих «дзоппа» давно уже нет.

- Ладно, поговорим об этом потом, когда останемся одни. Хорошо, Арюунэрэл? Я скажу этим людям только про то, что ты видел.

Обернувшись к присутствующим, Ландсберг коротко рассказал о рассерженном человеке с длинной бородой.

- Так-так-так! – проявил интерес Лавров. – А какие-то станционные постройки он видел? Какие-то надписи, особые приметы этого места? Может ли он сказать, была ли вывеска на самом большом здании где-нибудь неподалеку?

- Он не знает русского языка, друг мой, я ведь уже говорил об этом, - попробовал охладить пыл разведчика Ганс. – Я, конечно, спрошу, но не ждите слишком многого.

Однако Прорицатель, не зная русского языка, обладал, как видно, неплохой зрительной памятью. Попросив бумагу и карандаш, он, пыхтя и высовывая от усердия кончик языка, нацарапал несколько букв и тожественно передал бумагу Лаврову.

- «Парголово», - прочел тот и повернулся к Бехтереву. – Профессор, где у вас телефон? Попробую протелефонировать в «охранку» - чем черт не шутит, вдруг повезет! Даже если старец поджидал поезда на этой станции и успел уехать оттуда, то служащие наверняка запомнили столь колоритную личность! А вдруг он обитает где-то поблизости и часто бывает на этой станции? Тогда можно будет опросить служащих, полицейских, просто зевак и попробовать найти его «берлогу!

Но Бехтереву было не до «охранки»: он весь был поглощен загадкой золотой иглы во лбу покойного «бегуна». Отведя всю компанию к себе в кабинет, он умчался делать рентгеновский снимок.

Пока профессор отсутствовал, друзья засыпали Прорицателя кучей вопросов, и многие его ответы пришлись Лаврову не по душе. Старец «через жезл» требовал вернуть ему последнего оставшегося в живых «бегуна» - или дать ему возможность умереть. В противном случае он угрожал выследить всех своих врагов, и тогда им придется плохо. Он наотрез отказался сообщить, какие именно тайны постиг во время странствия по Тибету, и уж, конечно, и речи не было о том, чтобы поделиться ими со «слугами Антихриста». Более всего не понравилось Лаврову и Ландсбергу утверждение Арюунэрэла о том, что за время общения с ним «странник» имел возможность узнать мысли всех присутствующих рядом с жезлом. И, стало быть, по выражению Лаврова, «успел как следует пошариться у всех в головах».

Наконец вернулся и Бехтерев. Он устало плюхнулся в кресло, продолжая бормотать, что ничего не понимает. Переключив все внимание на профессора, Лавров выяснил, что на

рентгеновском снимке, как и предполагал Бехтерев, отчетливо видна тонкая игла с кончиком, вошедшим в одну из лобных долей головного мозга. Попытка извлечь эту игру не увенчалась успехом: она вросла в черепную кость, и профессору пришлось ее высверливать.

Бехтерев был материалистом, и не стал скрывать, что ни в малейшей степени не поверил в утверждения Ландберга о способности тибетских магов раздвигать кости с помощью заклинаний. Его продолжал мучить вопрос: как можно проткнуть иглой твердую черепную кость?

- Было бы понятно, если бы речь шла о младенце, у которого кости черепа мягкие, словно глина, - рассуждал он. – Но с возрастом человеческие кости роговеют!

- Да какая теперь разница, профессор! – попытался успокоить ученого Ландсберг.

Тот удивленно воззрился на него:

- То есть, как это «какая разница»? У меня есть живой пациент с такой же иглой в черепе! По сути дела, с «антенной» в голове, через которую в любой момент может получить приказ от своего хозяина-«старца»! Не могу же я сверлить ему череп, как покойнику, чтобы извлечь иглу! Черт возьми, ротмистр, мозг – это тончайшая и во многом еще закрытая для ученых субстанция! Ее очень легко повредить, а вот исправить…

На столе резко затрещал телефонный аппарат. Бехтерев протянул было к слуховому рожку руку, но Лавров поспешно его опередил:

- Я связывался с «охранным отделением», профессор – насчет Парголово. Так что, извините, это наверняка звонят мне! Алло, здесь Лавров! Слушаю вас…

Послушав с минуту, он со сконфуженным видом протянул рожок профессору:

- Это все же вас, господин Бехтерев. Гм… Да, дела, - и пока Бехтерев говорил по телефону, ротмистр повернулся в Ландсбергу. – И, насколько я понял, дела плохие. И нам со всей нашей «командой» пора, как говорится, отступать. Пока профессор самолично не поразбивал нам черепушки…

Повесив рожок на место, Бехтерев дал отбой и некоторое время молчал, снова принявшись полировать стеклышки пенсне.

- Плохие дела, господа! – повторил он вслед за Лавровым. – Звонил доктор из загородной клиники, мой ассистент. Час назад наш пациент оглушил сторожа, забрал у него все ключи и бежал. Была организована погоня, но… Спрятавшись в сарае, «бегун» нашел там старый серп и перерезал себе сонную артерию. Вы, надеюсь, отдаете себе отчет, господа, что наше общение со старцем через проклятый жезл и побег последнего «бегуна» - отнюдь не совпадение?

Бехтерев взялся за голову.

- Бог мой, сколько времени и сил я отдал этому пациенту, пытаясь снять гипнотическим внушением некий «блок», установленный в его мозге! И ничего при этом не зная о том, что, благодаря игле-«антенне» его связь со старцем может быть восстановлена в любой момент!

Лавров и Ландсберг переглянулись: сказать донельзя расстроенному профессору было просто нечего. Оставалось откланяться.

- Простите, если можете, господин Бехтерев, - промямлил ротмистр. – Кто ж мог предполагать, что…

Тот только безнадежно махнул рукой.

- А я вам вот что скажу, господин профессор: клянусь честью, что этого мерзавца-старца найду и приведу к вам за бороду, или за рога, или за что удастся ухватить! И, клянусь, он при этом будет смирным, как овечка! - прогудел Ландсберг. – Смирным и разговорчивым! Я выбью из него все тайны Тибета и преподнесу вам на блюдечке. Дайте только устроить свои дела в Германии, герр Бехтерев! Ну, а засим…

Словно очнувшись, Бехтерев поднял голову, поискал глазами Прорицателя и с вожделением поглядел на него:

- Мистер Ландсберг, может, в порядке компенсации за мою помощь вы все же позволите хотя бы поверхностно осмотреть вашего помощника?

- Он живой человек, профессор, а не полоумный дикарь. Если хотите, я могу спросить у него…

Повернувшись к карлику, он задал ему вопрос. Тот отрицательно покачал головой.

Ландсберг развел руками:

- Прошу прощения за резкость тона, профессор, но Арюунэрэл не желает, чтобы его осматривали и обмеряли. Так что простите…

Посетители взялись за шляпы и направились к выходу. Уже открыв дверь, Ганс Ландсберг обернулся:

- Признаться, я бы немедленно занялся поисками этого негодяя, но пока не могу: я давно уже списался с властями и архитекторами в Вестфалии, все встречи обговорены и назначены. Хочу, знаете ли, профессор, попробовать восстановить фамильный замок Ландсбергов. А там, глядишь, и война с японцами завершится, Карл вернется. Кто знает – может, к этому времени мы уже сможем отпраздновать победу над злом – с вашим участием, герр профессор!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Царское следствие

Традиционно поцеловав на ночь детей, император Николай II направился в один из своих рабочих кабинетов, где традиционно завершал каждый день.

Первым хозяином этого дворца в Царском Селе был его прадед, Александр I, и все жилые помещения царской семьи по его распоряжению находились на первом этаже. Эта традиция, несмотря на многочисленные перестройки, сохранялась вплоть до большевистского переворота.

Два окна кабинета Николая, как и вся его половина, выходили во внутренний двор. После одного из последних ремонтов, когда в Царском был оборудован еще один кабинет царя, эту комнату стали незатейливо называть «Старым кабинетом».

Как и все помещения этой половины, «Старый кабинет» был выдержан в модном на заре нового века стиле модерн. Стены его были поверху выкрашены темно-зеленой краской. Низ стен украшали панели орехового дерева, между парадной дверью и рабочим столом стоял бильярд красного дерева – в отличие от прочей мебели в кабинете, ореховой. На полу лежал огромный персидский ковер. В кабинете хранилось довольно много книг, в основном по истории, а также издания, посвященные дому Романовых. Именно здесь Николай II принимал утренние доклады министров и сановников. Здесь же он, как и его отец, самолично работал над документами и бесчисленными прошениями.

Следуя многолетней традиции, свой визит в рабочий кабинет Николай начинал с очередной записи в личном дневнике – хотя зачастую предстоящие события и аудиенции упоминал «авансом».

Достав из бювара тетрадку дневника, Николай машинально бросил взгляд на настольный календарь, выбрал ручку, почистил ее кончик о перочистку в виде бекаса с округлой дырой в спинке, и, не садясь за стол, сделал короткую запись:

«7-го февраля. Вторник.
С 10 час. принял четыре доклада и несколько представляющихся. Завтракали: Андрей, Мари, Дмитрий, и Гейден (деж.). Принял депутацию старообрядцев Белокриницкого толка. Гулял. После чая у меня был Трепов. Обедали: кн. Оболенская, Соня Орбелиани и Гейден. Принял его и читал».

Убирая дневник в стол, Николай в который уже раз подумал, что потомкам, которые удосужатся читать эти «телеграфно» - короткие ежедневные записи, будет весьма трудно восстановить по ним облик истинный человека, который любил, страдал, думал о будущем и частенько погружался в прошлое.

Его взгляд упал на пухлую папку с прошениями, и император невольно усмехнулся: сколько их не рассматривай, тоньше папка не становится. Со вздохом уселся за рабочий стол в форме буквы «Г», плотно уставленный по краям фотографиями детей и монарших родственников и придвинул к себе папку, раскрыл ее.

Первым сверху лежало всеподданнейшее прошение потомственной дворянки мадам Дитятевой – за последний год императору уже примелькалось это имя. Он мог и не читать его – прекрасная память Николая услужливо подсказала тему прошения: очередная слезная мольба о помиловании супруга Дитятевой, некоего мещанина из сахалинских ссыльнопоселенцев Ландсберга.

Николай легонько стукнул кончиком перьевой ручки по хрустальному колокольчику, закрепленному на подставке посредине стола, прямо под лампой. Не успел тонкий звон стихнуть, как в дверях возникла немного погрузневшая фигура дежурного флигель-адъютанта графа Гейдена. Он замер в дверях, ожидая приказаний монарха.

- Это очередное прошение мадам Дитятевой, граф… Оно прошло через канцелярию Министерства двора? Или?..

- Никак нет, ваше величество! – одной из обязанностей дежурных флигель-адъютантов был личный сбор обращений к царю у парадных ворот Царского Села, где ежедневно с ночи собирались толпы просителей. – Принято мною нынче лично, среди прочих. Шестой раз у этой дамы только в нынешнем году принимаю, ваше императорское величество! Думаю, что и прочие дежурные адъютанты вашего величества не обойдены ее вниманием…

Император хмыкнул, но промолчал, ожидая продолжения.

- Я нынче, как нарочно, поинтересовался в канцелярии Министерства Двора и Уделов прошениями мадам Дитятевой, ваше величество. Более дюжины только с начала нынешнего года и четыре десятка прошений по канцелярии министерства юстиции. Все на одну тему: Ландсберг!

- И что же министерство юстиции?

- Непременные отказы, без объяснения причин, ваше величество! И без ответа подательнице прошений…

- Упорная дама! – император помял поясницу, встал из-за стола и указал глазами на бильярд. – Не желаешь партейку, граф?

- Как будет угодно вашему величеству! – Гейден притянул за собой тяжелую, украшенную лепниной парадную дверь в кабинет и мягкими шагами прошел к стойке с киями. – Вашему величеству будет угодно выбрать кий самому, или…

- На твое усмотрение, граф, на твое усмотрение! – усмехнулся Николай. – Выбирай сам, все равно нынче я не в духе, и наверняка проиграю!

Император недурно играл на бильярде. Помимо всего прочего, эта игра, требующая твердой руки и точного глазомера, частенько помогала ему сосредоточиться и выбрать решение, которое не находилось за рабочим столом. Как и всякий незаурядный игрок,

Николай всегда тонко чувствовал фальшь, и если ему попадался более сильный противник, желающий сделать царю приятное и нарочно проиграть, не на шутку сердился и выговаривал за подхалимаж. Зная это, адъютанты всегда старались играть без «поддавков».

Сделав несколько хлестких ударов, Николай оперся на кий и задумчиво вопросил:

- Я вот все думаю, граф: мадам Дитятева – дворянская дочь. Как она-то на самую страшную каторгу империи попала? Судя по тому, что она имеет от этого Ландсберга прижитого в законном браке сына 14 лет, они встретились по меньшей мере полтора десятка лет назад. Тот еще халат с бубновым «тузом» на спине донашивал – и вдруг этакий нонсенс!

- Не могу знать, ваше величество, - Гейден, высмотрев «удобный» шар, ловко положил его в лузу и направился вокруг стола в поисках следующего «битка» - Но если вам угодно, могу навести самые подробные справки, ваше величество!

- Нешто своих дел у тебя, граф, мало? – грубовато одернул флигель-адъютанта император. – У меня и без тебя целая армия «портфеленосцев», ихних превосходительств[1]. Вот они пусть и побегают, наведут справочки! А вот ты, друг мой, изволь после партейки нашей протелефонировать дежурным в Министерство внутренних дел, юстиции и Военного министерства! Жду их с подробными справками по Ландсбергу…

Император, круто развернувшись, бросил взгляд на ежедневник, уже раскрытый на следующем дне, 8 февраля 1906 года, и продолжил:

- Итак, я жду Дурново, Александра Федоровича Редигера и Акимова завтра, в 11 с половиной часов, после прогулки.

- Будет исполнено, ваше величество! – щелкнул каблуками адъютант и снова пригнулся над зеленым сукном, пряча в густых усах скептическую кривизну рта.

Николай снова хмыкнул: он сам постоянно настаивал на том, чтобы ближние придворные офицеры, проводя большую часть суток рядом с царскими особами, держали себя с ними без лишних вольностей, но вполне «по-домашнему». И не боялись вслух высказывать свои мнения и сомнения.

Гейден, меж тем, ударил, «киксанул», и под злорадный смешок монаршего соперника обиженно засопел:

- Если вашему величеству будет интересно мое мнение, тут и разбираться с этим каторжником нет никакой нужды!

- Это почему же? – по-птичьи склонил голову к плечу император. – Ну-ка, граф, выкладывай свои соображения! А я послушаю – может, умное слово услышу и моих министров, по горло занятых государственными делами, лишний раз дергать завтра не стану!

Гейден уловил в словах императора тонкую насмешку, однако его «заело», и смолчать он не пожелал:

- Во-первых, ваше величество, раз этот Ландсберг каторгу получил и всех прав состояния по суду лишился – стало быть, было за что! Он же из бывших гвардейских офицеров, герой двух войн! Ваш монарший дедушка, блаженной памяти Александр II, к гвардейцам-саперам[2] всегда благоволил и частенько, говорят, закрывал глаза на их «шалости», порой весьма серьезные! Так что, полагаю, сей субъект натворил немало, коли под суд не без ведома государя попал!

---

[1] Несмотря на сетования Николая о целой армии чиновников, его царствование, наоборот, отличалось относительно небольшим государственным чиновным аппаратом. Для сравнения: если при последнем императоре России в 1913 году на каждые 100 тысяч душ населения приходилось 163 чиновника, то нынче, в 2010 году их число возросло вдесятеро и составило 1153 чиновника на каждую сотню тысяч населения.

[2] Во время восстания декабристов Саперный батальон остался верен Александру I. Именно солдатам-саперам он передал для охраны маленького Наследника, будущего Александра II. И тот до конца жизни не забыл этого.

- Логично! – кивнул император, с деланным вниманием рассматривая намеленный кончик кия. – Продолжай, Гейден!

- Во-вторых, Высочайший указ вашего величества, который вы изволили два года назад подписать, подразумевал помилование и восстановление в правах всех каторжан и ссыльнопоселенцев Сахалина, которые пожелают взять в руки оружие и доблестно отражать нападение противника! Разве не так, ваше величество? А на Сахалине что получилось? Тамошний губернатор, Ляпунов, по япошкам и сам не стрельнул ни разу, и местной воинской команде под своим водительством не дал! Даром, что ли, против него следственное дело нынче возбуждено? За постыдную сдачу в плен всей офицерской братии! За что же, позволю у вашего величества спросить, миловать и возвращать все права состояния одному из этих «вояк»? Да еще с каторжным прошлым?

Император задумчиво прошелся по кабинету, вертя в руках кий, словно прогулочную трость. Он молчал несколько минут, но умудренный долгими горами службы при царской особе Гейден прекрасно знал, сколь обманчивым бывает молчание императора.

Поскольку к каждому царскому слову внимательно прислушивались, Николай II с юности быстро понял, что последствия его самых безобидных реплик могут оказаться весьма серьезными. Именно поэтому он редко бывал откровенен со своими собеседниками. Во время приемов и аудиенций император предпочитал слушать собеседников и, и не отвечать им, держа свое мнение при себе. Спорить, доказывать то, что для него представлялось очевидным, он просто не желал. Многие же неопытные царедворцы и посетители ошибочно принимали молчание императора за согласие с их мнением, и впоследствии испытывали жестокое разочарование, когда государь, вопреки их чаяниям, поступал так, как он решил уже давно и полагал необходимым. Нередко подобные сцены давали злопыхателям повод сделать вывод о двуличии царя.

Гейден уже понял, что игры нынче больше не будет. Аккуратно поставив свой кий в специальное гнездо, он оправил мундир и осведомился:

- Прикажете сообщить вызванным особам причину неурочного рандеву, или оставить это для них сюрпризом?

- Сюрпризом? Я желаю завтра же знать об этом Ландсберге все! Мне не нужны ссылки о том, что сбор нужных сведений о той или иной персоне требует некоторого времени. Сообщите в их канцелярии, граф, что каждый мой вопрос, оставшийся без ответа, позволит мне сделать об их усердии вывод, который может не понравится моим министрам!

- Разрешите идти выполнять ваше приказание, ваше величество?

- Ступай, граф, - кивнул император. – А потом все же вернись: партию я желаю закончить: судя по всему, у меня появился шанс заставить графа Гейдена петь под столом петухом!

Когда флигель-адъютант выскользнул из кабинета, Николай некоторое время в задумчивости постоял у бильярда, опершись подбородком на кий, и пытаясь представить себе тот переполох, который вызовет в столице его неурочный вызов министров.

Электрические сигналы, разбегающиеся из Царского Села по всему Петербургу по телефонным проводам, уже через несколько минут заставят побледневших дежурных и адъютантов в министерских приемных взяться за другие телефонные трубки, бешеным звоном колокольчиков вызывать «разгонные» экипажи и автомобили: сановники давно уже завершили свои служебные дела и разъехались кто куда. Одни вкушают в семейном кругу ужин, другие принимают и отдают визиты… Между тем, государь дал им всем очень мало времени до завтрашнего утра, и сановники, несомненно, пожелают не только тотчас

и лично прибыть во вверенные им министерства, но и, несмотря на ночное время, немедленно призвать к себе весь служебный аппарат.

Легко улыбнувшись, Николай аккуратно поставил свой кий в стойку и вернулся за рабочий стол. Ему предстояло нынче же, не откладывая, написать письмо австрийскому государю.

Письма особам королевских кровей Николай писал, как правило, собственноручно. Прекрасная, отточенная годами и монархическим положением память и знание пяти европейских языков позволяли это делать без особых усилий.

Русскому императору не было нужды рыться в записях и дневниках, чтобы до тонкостей помнить все малейшие нюансы жизни своего эпистолярного «собеседника» и не затронуть при этом в письме неприятную для того тему. Правда, с монаршим австрияком сделать это было не просто. И, разместив перед собой лист плотной бумаги с водяными знаками, Николай на мгновение прикрыл набрякшие веки, припоминая детали царствования европейского «патриарха» и черты его характера.

Его нынешним адресатом был Франц Иосиф — император Австрийской империи и король Богемии. Почти полвека назад он стал главой двуединого государства: Австро-Венгерской монархии. Правил он, дай Бог памяти, седьмой десяток лет, и его царствование стало эпохой в истории народов, входивших в Дунайскую монархию. Правда, это многолетнее царствие практически никогда не было безоблачным.

Австрияк был известен консерватизмом, простотой быта, вниманием к этикету и традициями и называл себя «последним монархом старой школы». Он так и не дозволил провести во дворец телефон, и с большими сомнениями согласился на электрическое освещение.

Женился Франц Иосиф в свое время на баварской принцессе Елизавете, чьи отношения с матерью императора сразу как-то не сложились. Позже престиж императорской фамилии покачнулся из-за гомосексуальных похождений младшего брата императора Людвига, впоследствии высланного из Вены. Елизавета удалилась от двора, чтобы держаться подальше от своенравной свекрови, и почти все время проводила время в путешествиях, редко встречаясь с мужем и почти не видя детей.

Вскоре семью Франца Иосифа потрясла череда трагедий: мексиканские республиканцы расстреляли его родного брата Максимилиана, провозглашенного императором Мексики. Потом умерла влиятельная мать Франца Иосифа София, а через шесть лет за ней последовал и его отец, Франц Карл. Единственный сын и наследник Франца Иосифа, кронпринц Рудольф, по одной из версий, застрелился в 1889 году в замке Майерлинг, убив перед тем свою возлюбленную. Впрочем, ходили упорные слухи о том, что наследник стал жертвой тщательно спланированного политического убийства. Сама императрица через десяток лет тоже была убита в Женеве известным итальянским анархистом.

Нечего и говорить, что семейные отношения Франца Иосифа с Елизаветой при ее жизни были давно и окончательно расстроенными. Пока супруга странствовала по свету, император, не особо тоскуя, нашел утешение в объятиях жены некоего железнодорожного служащего и даже стал отцом двух ее детей. Позже официальной любовницей императора стала актриса…

Государственная деятельность неизбежно связана с решением сложных, конфликтных ситуаций. Общеизвестно, что последний император России старался избегать их. Объясняя это, одни пишут о воспитанности Николая, мешавшей ему говорить неприятные вещи. Другие видят в этом проявление коварного двоедушия. Главной задачей сегодняшнего письма было напоминание Францу Иосифу об ошибке его отца, давшего в свое время приют русским сектантам Белокриницкого толка. Ту ошибку исправить было

уже невозможно: беглопоповцы с «благословения» отца нынешнего австрийского монарха успешно расселились по Европе, а часть их, разумеется, вернулась в Россию. Николаю, принимавшему нынче депутацию сектантов, было от этого мучительно больно: государь был воспитан в твердых канонах истинного христианского православия,

Строчки ложились на бумагу быстро и уверенно. Письмо было закончено прежде, чем адъютант осторожно постучал в массивную дверь в третий раз.

- Ну, что, граф, выполнено ли мое приказание? Никаких сложностей, я надеюсь?

- Никаких, ваше величество! Разве что его высокопревосходительство, действительного тайного советника Дурново Петра Николаича, пришлось буквально с подножки поезда снимать…

- Снимать с поезда? – удивился Николай. – Но он нынче, будучи у меня, ничего не поминал о своем отъезде из столицы…

- Видать, недалеко собрался господин министр, ваше величество, - хмыкнул флигель-адъютант, явно намекая на неутомимость министра внутренних дел как «ходока по дамам». – К утру, небось, непременно вернулся бы…

Николай через силу улыбнулся. Будучи в юности столь же неутомимым «ходоком», после своего бракосочетания он неизменно хранил верность своей венценосной супруге и терпеть не мог «богопротивных» скандалов, в которые то и дело попадали его сановники. Что же касается Дурново, то предшествующий его назначению на пост министра внутренних дел громкий скандал «по женской части» знал весь Петербург.

Назначенный на пост директора департамента полиции, который курировал, помимо всего прочего, деятельность „чёрных кабинетов“, перлюстрировавших переписку граждан, Дурново в 1893 году заставил говорить о себе всю Северную столицу. В один прекрасный день „кабинет“ перехватил откровенные письма некоей высокопоставленной питерской дамы своему любовнику — бразильскому послу в России. Естественно, чиновники-перлюстраторы доложили о сем своему шефу. Специально это было сделано или нет – история умалчивает. Однако пикантность ситуации заключалась в том, что та дама одновременно была любовницей и самого Дурново.

В приступе ревности он тогда же наделал немало глупостей. Первым делом заявился к изменщице, отхлестал ее по щекам и швырнул ей письма в лицо. Выскочил из квартиры, позабыв забрать письма-улики.

Пылая праведным гневом и забыв о дипломатической неприкосновенности, Дурново распорядился провести у бразильца в поисках других посланий масштабный обыск. О чём тот, разумеется, не преминул сообщить министру иностранных дел и самому императору: что ж это за нравы у вас в России? Шеф полиции читает чужие письма, избивает чужую любовницу, обшаривает квартиры иностранных дипломатов…». Последовали официальные извинения, после чего отец Николая, Александр III, вынужден был отправить несдержанного Дурново в отставку.

Вернуться в первые строчки российских сановников Петру Николаевичу удалось лишь через несколько лет, когда назначенный Председателем правительства Витте предложил императору его кандидатуру на пост министра внутренних дел после отставки Булыгина.

Немедля вспомнил о не столь давнем конфузе кандидата, Николай тогда усомнился:

- Помилуйте, господин председатель! Петербург еще не забыл ядовитых шпилек в печати в адрес департамента полиции! Над ним и над нами будут смеяться!

- Выбирайте, ваше величество: или смеяться над глупой вспышкой ревности, или плакать от разгула революционной мрази! Даю гарантию: Петр Николаевич быстро заставит бунтовщиков и социалистов поджать хвосты!

Император тогда традиционно промолчал: он еще в прошлом году наметил ротацию в правительстве, подразумевающую уход с политической арены самого Витте. Вместе с ним уйдет и весь кабинет министров – что ж, Дурново так Дурново…

* * *

Заметив, что император уже позабыл о своем обещании «загнать противника под стол и заставить кукарекать», Гейден потоптался у бильярдного стола еще несколько минут, и, испросивши дозволения быть свободным, исчез за дверью. О том, с чего вдруг государь решил с пристрастием допросить трех министров по такому «ничтожному» поводу, как помилование никому не известного каторжника, Гейден позабыл уже через несколько минут. Отдав распоряжение дежурному дворцовой охраны относительно завтрашнего незапланированного визита сановников, он занялся прочими делами, коих у флигель-адъютанта было великое множество.

* * *

- Итак, господа, тема сегодняшней нашей встречи вам известна: это вопрос о полном монаршем помиловании мещанина из ссыльнокаторжных, некоего Ландсберга, - начал совещание Николай, исподлобья коротко взблескивая глазами на застывших за противоположным краем стола министров. – Не далее, как вчера, получив очередное прошение на сей счет его супруги, потомственной дворянки Дитятевой, я не счел за труд подсчитать общее количество ее прошений за последние годы. Замечу, что еще до японской войны за Ландсберга дважды хлопотал генерал-губернатор Приморского края, Николай Иванович Гродеков. При этом он указывал на большой вклад, внесенный означенным Ландсбергом в «оцивилизование» острова Сахалин. Насколько мне стало известно, подобные обращения мадам Дитятевой хорошо знакомы и в Министерстве юстиции. Война на Дальнем Востоке закончена, господа – правда, не совсем так, как следовало бы. Существует Высочайший указ, дарующий участникам этой войны из числа осужденных каторжников и ссыльнопоселенцев полную амнистию. Напрашивается вопрос: отчего Ландсберга сей указ не затронул? В чем дело, господа?

Министр юстиции и военный министр одновременно скосили глаза на Дурново: неоднократно созваниваясь минувшей ночью, сановники наметили нечто вроде общей стратегии поведения. Согласно уговору, представить прошлое Ландсберга должен был, по ведомственной принадлежности, именно министр внутренних дел.

- Не смея утомлять ваше императорское величество полным изложением следственного и судебного дел означенного Ландсберга, я взял на себя смелость подготовить короткую справку по его делу, - заговорил Дурново, едва заметно подергивая шеей в тесном крахмальном воротничке кителя. – Впрочем, если ваше величество желает, он может ознакомиться со всеми подробностями преступления, совершенного этим типусом почти три десятка лет назад: я распорядился доставить его следственное дело во дворец…

- Не стоит, не стоит, - покачал головой император. – Изложите сие давнее дело как можно короче!

- Слушаюсь, государь! Итак, в конце мая 1879 года прапорщик Лейб-Гвардии Саперного батальона фон Ландсберг совершил тяжкое двойное преступление: убил своего бывшего квартирного хозяина, отставного надворного советника Власова и его прислугу, мещанку Семенидову. Тяжесть сего преступления усугублялась тем обстоятельством, что бросала тень на инженер-генерала графа Тотлебена и даже на членов царской фамилии: незадолго до того в печати было объявлено о помолвке означенного Ландсберга с одной из дочерей инженер-генерала, Марией, состоящей при особе царствующей императрицы в качестве фрейлины. Само преступление также имело значительный резонанс в Петербурге, поскольку произошло по соседству с апартаментами, занимаемыми

германскими банкирами, и едва не сорвало крайне важный для России немецкий заем. Усилиями столичной полиции преступник был определен и арестован. Петербургский окружной суд под председательством ныне здравствующего действительного тайного советника Кони осудил преступника к 14 годам каторжных работ в сахалинских рудниках…

- Минуту, господин министр, - прервал император. – Офицер элитного полка, совершивший преступление, подпадал под юрисдикцию военного трибунала! Почему он был осужден гражданским судом?

- Если позволите, ваше величество, - деликатно кашлянул министр юстиции Акимов. – Если позволите, я могу объяснить сей нонсенс…

- Да-да, прошу тебя, Михаил Григорьевич! Разъясни-ка нам сей ведомственный казус, - кивнул Николай с серьезным выражением лица.

- Когда личность преступника стала известна, вашему монаршему дедушке, императору Александру II, настоятельно рекомендовали задним числом принять отставку прапорщика Ландсберга, ваше величество! Причина, как говорится, на поверхности: не следовало ронять честь славного саперного батальона.

- Да-да, конечно, господин министр! – закивал император. – Это было своевременное и мудрое решение! А какова была подоплека сего ужасного преступления?

- Самая банальная, ваше величество: молодой офицер запутался в долгах, и вот решил столь кардинально «решить» стоящую проблему, - развел руками Акимов.

- Простите за вмешательство, ваше величество, - подался вперед военный министр Редигер. – Нынешней ночью я покопался в наших архивах, и нашел несколько любопытных документов, имеющих прямое отношение к делу Ландсберга, и по меньшей мере частично оправдывающий его несомненное злодеяние.

Дурново демонстративно фыркнул, однако Николай предостерегающе поднял ладонь и укоризненно поглядел на министра внутренних дел.

- Однополчанин Ландсберга по саперному батальону граф Ивелич, пребывавший во время следствия и суда над товарищем в длительной секретной командировке, после своего возвращения подал несколько рапортов относительно мотивов преступления и даже предъявил доказательства в виде личных дневников Ландсберга. Судя по всему, ростовщик Власов, ссудив своего протеже немалой суммой, требовал от него махинаций по службе. А также шантажировал Ландсберга угрозой сообщить о его «распутном» образе жизни будущему тестю, графу Тотлебену. С негодованием отказавшись от участия в воровстве казенных средств, Ландсберг был чрезвычайно расстроен угрозами Власова и, полагаю, в порыве аффектации убил его.

- Аффектация, Александр Федорович? – не утерпел Дурново. – А какой аффектацией вы изволите объяснить тот факт, что во время пребывания в тюрьме этот молодчик убил и покалечил по крайней мере шестерых людей? Мои служащие нашли соответствующие рапорты начальников Литовского тюремного замка и Псковской пересыльной тюрьмы. Хороша же ваша «аффектация», милостивый государь!

- Речь тут не об аффектации, милостивый государь! – многозначительно улыбнулся Акимов, поворачиваясь к императору. – Есть у меня толковый помощник, пока на вторых ролях держу, чтобы не зазнался. Но – головастый, не отнимешь! Так вот, этот столоначальник, после вчерашнего объявления монаршего интереса к Ландсбергу, догадался разыскать через департамент Главного тюремного управления начальников упомянутых узилищ – благо оба нынче в Петербурге проживают. Оба отставники, ваше величество – правда, господин Сперанский был от управления Литовским тюремным замком в свое время отстранен по отрицательным мотивам, едва сам под суд не попал – ну, да это неважно! Так вот, оба прекрасно помнят и самого Ландсберга, и упомянутые его высокопревосходительством Дурново случаи. Действительно, экс-сапер отправил на тот

свет несколько каторжников, из категории так называемых «отпетых». И оба раза – заступаясь за обиженных ими арестантов. Так что претензий к Ландсбергу тюремная администрация, извините, ни тогда, ни нынче не имеет!

- Подумаешь Робин Гуд какой выискался, - буркнул Дурново.

- Кроме того, ваше величество, господа Сперанский и Ерофеев сообщили нечто весьма любопытное относительно странного интереса, проявленного к Ландсбергу активными функционерами III-го Отделения, - добавил Акимов, бросив многозначительный взгляд на Дурново. – В частности, Сперанский припомнил неоднократное посещение Литовского замка небезызвестным недоброй памяти полковником Судейкиным. А Ерофеев рассказал о его же тайном визите в Псков, перед отправкой каторжного этапа на Сахалин. Надо ли говорить, ваше величество, что сей интерес в обеих случаях был сконцентрирован на Ландсберге?

Император нахмурился, глядя на Дурново[1], и тот поспешил объясниться:

- Своей изначальной цели III Отделение за время своего существования так и не достигло, ваше величество! Оно не справилось с революционерами, не уничтожило взяток и казнокрадства чиновников, не прекратило беззаконий. Своим неограниченным и нередко произвольным вмешательством в самые различные дела, III Отделение стало для общества предметом недоверия и страха. Самое же безобразное, на мой взгляд, то, что в его деятельности до сих пор оставалось множество «белых пятен». Многие архивы исчезли, и сотни засекреченных дел, несмотря на все старание министерства, так до сих пор и не обнаружены. Не найдено мной и никаких документов III-го Отделения, имеющих отношение к Ландсбергу.

- Хорошо, - Николай наклонил голову и легонько пришлепнул ладонями по столешнице, тем самым прекращая перепалку министров. – Будем надеяться на то, что все тайное когда-нибудь станет явным. Вы мне другое скажите, господа: как получилось, что предмет нашего разговора сумел выжить в страшных копях Сахалина? Мне доводилось слышать, что даже весьма крепкие мужчины, привыкшие к физическому труду, не выдерживали там и 3 -4 месяцев!

- Дело в том, ваше величество, что, несмотря на вполне определенный и однозначный судебный приговор, Ландсберг на острове и кайла в руки не брал. Тогдашний начальник острова, князь Шаховской, сразу же привлек грамотного инженера-сапера к строительным и архитектурным делам, кои на Сахалине находились в крайне запущенном состоянии, - Акимов вытянул из лежащего перед ним бювара несколько листов машинописного текста и почтительно положил их перед Николаем. – Вот далеко не полный список дел по строительной части, с успехом выполненный Ландсбергом. К сему мне остается добавить, что, будучи перечисленным через положенное время, согласно Уложению о наказаниях, на поселение, сей Ландсберг успешно занялся коммерцией и через какой-то десяток лет стал одним из самых богатых людей Дальнего Востока. Активно занимался благотворительностью, финансировал строительство школ и приютов на Сахалине и даже стал членом-пайщиком акционерного общества по строительству Транссибирской железнодорожной магистрали.

- Все это замечательно, господа! – откинулся на спинку кресла император. Он закурил папиросу, вставив ее в янтарный мундштук, и словно спохватившись, пододвинул кожаный портсигар министрам. – Все это замечательно и достойно похвалы, не будь за этим человеком страшного греха смертоубийства! Давайте все же не будем забывать об этом! А что с его участием в боевых действиях против япошек?

---

[1] Упразднение III-го Отделения одновременно предусматривало передачу всех дел и архивов в структурное подразделение министерства внутренних дел.

Вопрос был явно обращен к военному министру Редигеру, и тот поспешил раскрыть свой бювар.

- Как вы, безусловно, знаете, ваше императорское величество, начатое по инициативе Главного штаба и согласно вашему повелению следственное дело по факту позорной сдачи в плен сахалинского гарнизона далеко от завершения. В настоящее время Особая комиссия Дальневосточного округа плотно занимается фильтрацией вернувшихся из японских лагерей офицеров воинской команды генерал-лейтенанта Ляпунова. Именно он, согласно многочисленным показаниям, был инициатором сдачи гарнизона в плен и отдал подчиненным его воинским подразделениям соответствующий приказ.

Император, слегка поморщившись, кивнул.

- Тем не менее, ваше величество, не все воинские части Сахалина выполнили приказ генерал-лейтенанта. По меньшей части три роты активно сопротивлялись японской оккупации острова, еще одна команда под натиском превосходящих сил противника вынуждена была с боями пробиваться к побережью, и в конце концов сумела спасти большую часть личного состава, переправившись на материк. Что же касается Первой саперной дружины, которой командовал Ландсберг, то она, согласно приказу Ляпунова, прикрывала отход основных сил местной команды во главе с самим генерал-губернатором вглубь острова, и практически вся была разгромлена наступающим противником. После суточного отчаянного сопротивления оставшиеся в живых дружинники Ландсберга, истратив весь имеющийся боезапас, были взяты в плен японскими кавалеристами.

- Да он просто герой, этот Ландсберг! – просветлел лицом император.

Военный министр кашлянул:

- Не все так просто, ваше величество! Дело в том, что наш герой еще до начала военных действий с Японией попал в поле зрения и последовавшую разработку морского отделения контрразведки Разведочного отделения Генерального штаба как предполагаемый вражеский агент!

- Вот как! Час от часу не легче! – император с силой раздавил папиросу и тут же закурил новую. – А какие основания подозревать Ландсберга в измене?

- Перейдя в ссыльнопоселенцы и активно занимаясь коммерцией, Ландсберг получил право выезжать с острова по торговым делам в Николаевск, Владивосток. Местные власти закрывали глаза и на его неоднократные деловые поездки в Японию: в тамошних банках у Ландсберга имелись открытые счета. Совершил он такую поездку и накануне начавшейся японской агрессии, в 1902 году, взяв с собой переводчиком некоего коммерсанта из Владивостока, Попова. И означенный Попов – по отзывам, великий любитель «заложить за воротник» - вернувшись из поездки, написал донос, в котором указал на подозрительную встречу Ландсберга с неким высокопоставленным японским чиновником. На следующий после встречи день сей японец прислал своему русскому другу Ландсбергу некий «сувенир». Попов, воспользовавшись отсутствием в гостинице своего компаньона, нашел способ сделать перевод содержащейся в «сувенире» бумаги, которая оказалась своего рода охранной грамотой Ландсберга на случай будущих военных действий. В сей бумаге, подписанной министром торговых сношений Японии графом Эномото Такэаки, было сказано, что податель сего является давним и добрым другом Японии. Всем официальным лицам бумага предписывала оказывать ее владельцу всяческое уважение и содействие.

- Эномото Такэаки, Эномото… Господи прости, так это же имя первого полномочного японского посланника в России! – блеснул своей памятью император. – Если не ошибаюсь, он приезжал в Россию в 1874 году для урегулирования пограничного вопроса между

Россией и Японией. После начала Второй восточной кампании[1] завершивший посланнические дела господин Эномото испросил у моего деда, блаженной памяти Александра II, дозволения вернуться в Японию через Сибирь, «лошадиным» ходом. Мой дед, судя по всему, явно благоволил к послу, и дал такое соизволение, несмотря на недовольство военных, не сомневавшихся в шпионском характере столь трудной в то время поездки.

- У вас прекрасная память, ваше величество! – не преминул заметить Редигер, под одобрительные кивки прочих министров. – Но откуда бы Ландсбергу, проходящему в то время службу в саперном батальоне, знать в ту пору японского посланника? Чины вице-адмирала военно-морских сил Японии и заурядного прапорщика никак не сопоставимы, ваше величество! Между тем, согласно доносу того же Попова, Ландсберг и высокопоставленный японец встретились в Нагасаки как старые добрые друзья!

- Откуда же я могу это знать, господин министр? – усмехнулся Николай. – Меня в то время и на свете-то не было!

- Скажу более, ваше величество! Именно тот самый «сувенир», то бишь охранная грамота господина Эномото, после начала военных действий спасла Ландсбергу и трем оставшимся в живых дружинникам во время пленения жизнь! Ежели изволите помнить, ваше величество, японцы во время своей молниеносной экспансии на Сахалин не считали добровольных защитников острова комбатантами. То бишь, лицами, попадающими под Конвенцию о военнопленных участниками законных боевых действий. Для них это были просто местные бандиты! И, скажу прямо: генерал Харагучи еще до высадки на остров отдал приказ расстреливать дружинников, как, впрочем, и других каторжан без суда и следствия. Ландсберга, без сомнения, ждала та же участь – если бы перед казнью японцы не догадались обыскать его и не нашли бы сию охранную грамоту. После чего Ландсберг был присоединен к прочим пленным русским офицерам и позже отправлен в японский лагерь Фусими.

- А сие откуда известно? – поинтересовался Николай.

- Из донесения некоего Марченко, состоявшего при штабе генерал-лейтенанта Ляпунова в означенном лагере. Он немедленно сообщил о своих подозрениях о сотрудничестве Ландсберга с японцами, как только пароход с сахалинской воинской командой прибыл после подписания Портсмутского мира из Иокогамы во Владивосток.

- Надо полагать, что, попав в Японию, Ландсберг попытался разыскать своего высокопоставленного японского друга? – предположил Николай.

- Сведений на этот счет не имеется, - развел руками военный министр. – Как, впрочем, и о том, ваше величество, что Ландсберг пытался каким-либо образом покинуть лагерь и остаться в Японии.

Император в задумчивости покрутил пальцами кожаный портсигар, лежащий перед ним на столе, и, наконец, поднял глаза на Редигера:

- Вы упоминали, генерал-майор, что этот Ландсберг попал в поле зрения вашей секретной службы еще до войны с Японией?

- Так точно, ваше величество!

- И что же вашим контрразведчикам удалось найти – кроме доноса какого-то статского пропойцы Попова и гнусного ябедника Марченко?

Военный министр замялся:

- Сведения из категории «особо секретные!», ваше величество! Простите, господа, великодушно, - Редигер коротко поклонился коллегам-министрам. – Простите, господа, но

[1] Имеется в виду вторая русско-турецкая война 1877-78 годов.

по существующему законоуложению особо секретные сведения имею право доложить только лично его императорскому величеству! Литер «А», господа!

- Ну, что ж! – император поднялся с места, и вслед за ним, словно на пружинах, повскакивали сановники. – Дело Ландсберга, в сущности, мне ясно. Окончательного решения, господа министры, рекомендую дождаться, не покидая моей личной приемной. Итак, пока все свободны, господа – кроме, разумеется, военного министра!

Пятясь, министры направились к выходу. Когда за Акимовым и Дурново мягко захлопнулась высокая массивная дверь, Николай повернулся к военному министру и вопросительно поднял брови:

- Ну, что там у нас под литерой «А», господин военный министр?

Часть третья

ПРОЛОГ Взгляд сквозь годы

Когда за Акимовым и Дурново мягко захлопнулась высокая массивная дверь, Николай повернулся к военному министру и вопросительно поднял брови:

- Ну, что там у нас под литерой «А», господин военный министр?

- Должен заметить, ваше императорское величество, что, несмотря на жалобы его высокопревосходительства Дурново на имеющиеся «прорехи» в архивах III-го Отделения, кое-что чиновниками Петра Николаевича было упущено, - начал Редигер. – Или, скажем так, плохо искано. Я же, формируя штатное расписание розыскного стола своего министерства, почел за благо взять на службу несколько чиновников расформированного Жандармского корпуса – и, признаться, до сей поры не жалею об этом. Именно эти люди несколько раз помогали мне отыскивать незаметные, казалось бы, следы неблаговидных деяний своих бывших коллег. Помогли они мне и во вчерашнем поручении вашего величества!

- Ну-ка, ну-ка! – проявил заинтересованность император. – И что же они смогли раскопать за столь короткое время?

- Видите ли, государь, компрометирующие то или иное лицо бумаги бывают двух, так скажем, сортов: прямые и косвенные. Ликвидация III-го Отделения повлекла за собой уничтожение компромата прямого свойства. А вот косвенные следы остались – надо лишь знать, где именно их искать. Однако, боюсь, что утомлю ваше величество спецификой подобного розыска…

- Ничего, ничего, Редигер! Мне, без сомнения, будет интересно послушать. Итак, речь идет о Ландсберге?

- И не только о нем, государь! Ежели изволите помнить, я упоминал некоего жандармского полковника Судейкина, подозрительно зачастившего в Литовский тюремный замок во время содержания в нем Ландсберга. Остались в архиве и следы ничем, казалось бы, не мотивированного визита покойного Судейкина в Псковскую пересыльную тюрьму. Осмелюсь напомнить вашему величеству, что сей визит так же произошел во время пребывания в означенной тюрьме того же Карла Ландсберга. Согласитесь, государь, что такое никак нельзя считать совпадением! И мой ушлый столоначальник, начав свои «раскопки» с Литовского тюремного замка, довольно быстро обнаружил в его архивах имя и кличку давнего секретного агента Жандармского отделения, некоего Калиостро. Замечу кстати, что сей Калиостро был, по сути дела, личным агентом господина полковника Судейкина и привлекался им к оперативной деятельности

только в особых случаях. Об этом же говорят записи в расходных листах ЖО: Калиостро неоднократно поощрялся начальством весьма крупными денежными вознаграждениями. За что именно – сие, как говорится, покрыто мраком, но факт поощрения налицо.

- И все это твой столоначальник сумел «раскопать» за неполные сутки? – недоверчиво прищурился Николай.

- Разумеется, нет, ваше величество. Он начал проверять все имеющиеся бумаги ликвидированного III-го Отделения несколько месяцев назад: такие ревизии практикуются, насколько я знаю, и в других министерствах.

- Понятно. И что с этим Калиостро? Только без лишних подробностей, Редигер! Все это полезно и нравоучительно, но я не могу тратить свое время на происки темных личностей.

- Слушаюсь, государь! Сей Калиостро был подсажен в одну камеру с Ландсбергом по прямому указанию полковника Судейкина явно не случайно…

- Погоди, Редигер! Но ведь смотрители тюрем не подчинялись жандармскому отделению! У них было свое начальство!

- Очевидно, покойный Судейкин сумел подобрать свой «ключик» к господину Сперанскому, - позволил себе усмехнуться Редигер. – Как бы там ни было, но Калиостро определенно пытался склонить к чему-то Ландсберга. И исчез из Литовского замка, так и не справившись со своей задачей.

- Откуда сей вывод?

- Через две недели после исчезновения тело означенного Калиостро было обнаружено на некоей конспиративной квартире, числящейся опять-таки за III-м Отделением.

-Ты говоришь – тело? Стало быть, неживое?

- Убийца промахнулся, и нанесенная им рана не вызвала мгновенную смерть. Калиостро, чувствуя свой близкий конец, попросил вызвать к нему священника для исповеди и исполнения прочих треб. Очевидно, он назвал священнику и имя своего убийцы, и свой грех – потому как святой отец оказался убитым уже через день после причащения Калиостро. Представляется любопытным, государь, что как раз перед смертью батюшка был чем-то сильно взволнован, и собирался идти к епископу за советом по поводу тайны полученной им исповеди.

- Какие ужасные вещи ты рассказываешь, генерал! – нахмурился император.

- В розыскном деле это называется «подчисткой следов», государь. Чтобы не отнимать вашего времени, скажу, что убийца священника был вскоре опознан, взят под стражу и…

- Тоже убит? – догадался Николай.

- Найден в камере задушенным. Кстати, его имя также было обнаружено в списке тайных жандармских осведомителей.

Николай встал с кресла, прошелся по кабинету и на обратном пути остановился прямо напротив вскочившего с места генерала от инфатерии:

- А этот, как его… Сперанский, кажется?

- Точно так, государь! Вскоре после отправки Ландсберга по этапу, в 1879 году, господин Сперанский был отстранен от должности главного смотрителя Литовского замка: комиссия нашла за ним какие-то злоупотребления, и он был вынужден написать прошение об отставке.

- Так, может, от него можно чего-то добиться?

- Не думаю, государь: он слишком мало знал. Можно с большой долей вероятности предполагать, что он каким-то образом «попал на крючок» к опытному и предусмотрительному Судейкину, и был вынужден выполнить его требования насчет

«подселения» к Ландсбергу жандармского агента Калиостро. Надежда на Сперанского, как говорят профессионалы, путь тупиковый.

- «Тупиковый»! – криво усмехнулся Николай. – Очень точное определение! Но ты, генерал, упоминал еще и визит полковника Судейкина в Псков, не так ли? А что было там?

- В Псков Судейкин, без сомнения, прибыл для подготовки побега осужденного Ландсберга. Это выяснил побывавший вскоре в этом городе начальник Сыскной полиции Петербурга, действительный статский советник Путилин. Он даже возбудил доследственное производство по этому делу, однако закончить свое расследование не успел. Тяжкая болезнь и смерть главного сыщика империи, увы, помешали сему, государь!

- Господи, неужели и его?..

- Он был болен уже давно, и принять должность начальника сыска империи его буквально упросили. Вскоре после псковской поездки он подал в отставку, и последние дни доживал в своем небольшом имении. В нашем распоряжении остались только его рабочие заметки, из которых следует, что к готовящемуся побегу был причастен бывший доктор тюремной больницы, некто Малышев. Его роль в этом деле, к сожалению, с полной ясностью прояснить не удалось: впавши в тяжелый запой при больном сердце, он умер в один год с Иваном Дмитриевичем Путилиным. Однако, есть все основания утверждать, что Ландсберг от побега категорически отказался, ваше величество!

Николай сел за стол, несколько времени бесцельно перебирал бумаги, потом поднял на генерала от инфатерии тяжелый взгляд.

- Значит, единственным человеком, способным пролить свет на эту длинную и кровавую историю, остается сам Ландсберг?

- Очень похоже на то, государь! Вопрос в том, захочет ли вчерашний каторжник вспоминать кошмары своей юности?

- Ну, а если этого от него потребует император? То есть, я?

- Не могу гарантировать успеха, ваше величество. Дело еще и в том, что на Ландсберга, отправленного в каторгу с этапом на пароходе Добровольного флота, тоже в свое время была устроена настоящая охота!

- А эти сведения откуда?

- Вскоре после расформирования III-его Отделения под следствие за обнаруженные злоупотребления попал некий жандармский офицер из Одессы. Чтобы смягчить свою участь, он «пел как соловей». К сожалению, дознавателей тогда не заинтересовали эти сведения, и они проходят как бы «на полях» этого уголовного дела.

- И что же там осталось, на этих полях? – мрачно поинтересовался Николай.

- Офицер жандармского управления Никульшин утверждал, что по приказанию свыше организовал отправку следом за арестантским пароходом профессионального убийцы. Никульшин не знал имени намеченной жертвы – ему сообщили только название парохода. И приказали дать наемному убийце явку к жандарму при Русской миссии в Константинополе: тот должен был снабдить его надежными документами. Извольте взглянуть сами, государь!

Выписка из протокола

допроса обвиняемого Никульшина следственным дознавателем Особого отдела Департамента полиции.

<u>След:</u> Значит, г-н обвиняемый, вы не можете с точностью сообщить сумму секретных расходов, выделяемую на оплату агентов внутреннего и наружного наблюдения?

<u>Никульшин:</u> Никак нет, господин следователь, поскольку число этих агентов постоянно колебалось. Кроме того, выполняемые ими поручения носили разный и специфичный характер, и оплачивались, соответственно, по разным шкалам. Сами понимать должны, что один филер целый день за подозреваемым то ходит, то на извозчике ездит. А другой,

скажем, вслед за «социком» непременно в ресторацию пойти должен. А там, чтобы внимания к себе не привлекать, заказ непременно сделать.

След: Но бывали, вы упоминали, и поручения особого характера, требующие больших расходов. Не из собственного же кармана платили господа жандармы своим доверенным агентам, как я понимаю?

Никульшин: Бывало, что из собственного, господин следователь. В таком разе начальнику отделения подавался соответствующий рапорт, и на следующий месяц потраченная сумма компенсировалась наградными деньгами.

След: Хорошо, давайте вспомним 1880 год, май месяц. Что вы можете припомнить примечательного из означенного времени?

Никульшин: 4 или 5 мая в Одесское отделение прибыл из Киева полковник Судейкин, который сообщил, что на проведение особо значимой операции ему требуется не менее 1500 рублей…

След: Минутку, г-н обвиняемый! Почему вы упомянули Киев, когда полковник в указанное время числился по Петербургскому управлению? И второе: не показалась ли вам запрашиваемая сумма чрезмерно значительной?

Никульшин: В доверительном разговоре со мной, будучи изрядно «подшофе», полковник упоминал прежнего начальника, которого он посещал в Киеве и который исполнял там должность генерал-губернатора (имеется в виду бывш. Нач. III Отд. СЕИВК Дрентельн – отмечено Карповым). Что касаемо означенной суммы, то она предназначалась для оплаты особо секретному законсервированному агенту «Волобуеву», которого я в лицо не знал. Означенного «Волобуева» вызвали на конспиративную квартиру письмом, отправленным на главный почтамт г. Одессы. Что же касаемо значительности суммы, то речь, очевидно, шла об особо опасном, либо затратном задании, требующем дальнего выезда.

След: Значит, вы никогда раньше не видели агента «Волобуева»?

Никульшин: Лично я не видел. Однако означенный агент получал у артельщика жандармского управления деньги для выполнения задания, а из специального хранилища – несколько единиц оружия, гремучей ртути (используется для запалов бомб революционерами – отмечено Карповым) и 10 фунтов динамита. Каптенармус, заведывающий сим хранилищем, приносил мне на подпись реестр выданного спецснаряжения. Он же по секрету сообщил мне, что оружие и взрывчатку получал агент Войда, из поляков, числящийся во всероссийском розыске еще со времен восстания в Варшаве.

След: Стало быть, упомянутый вами агент «Волобуев» и некто Войда – одно и то же лицо? И куда же это лицо направлялось?

Никульшин: Не могу знать, г-н следователь. Впрочем, некоторые предположения имеются, поскольку г-н Судейкин с телеграфного аппарата управления отправлял шифрованную депешу в Русскую миссию в Константинополе. А также интересовался у меня наличием доверенных лиц из числа местных рыбаков-контрабандистов.

След: И какой же вы из этого сделали вывод?

Никульшин: А какой тут может быть вывод, кроме как намерения переправить секретного агента с контрабандистами в Константинополь? А там подключить к операции жандармского офицера, кои входили в состав всех Русских миссий за рубежом?

След: Чем еще интересовался г-н Судейкин в Одессе?

Никульшин: Он проводил время по своему усмотрению, господин следователь. В числе прочего, интересовался временем отправки в рейс партии осужденных каторжников на пароходе общества Добровольного флота «Нижний Новгород».

Записано 17 января 1882 года.

Следственный дознаватель Карпов М.Т. ***Секретарь Трамп Ф.З.***

Прочитав выписку с некоторой брезгливостью, Николай вернул ее военному министру:

- С какими же гадостями имеет дело ваша служба, Редигер! Кроме того, мне отчего-то кажется, что и этот путь вы назовете «тупиковым».

- Кому-то надо и без белых перчаток грязь разгребать, ваше величество! Что же касается «тупиковости», то это не совсем так, государь, - усмехнулся министр. – У меня имеется копия рапорта капитана «Нижнего Новгорода», капитана-лейтенанта Кази. Сей рапорт он подал представителю общества Добровольного флота по прибытию во Владивосток, тоже в 1880 году. Извольте взглянуть, ваше величество!

Николай прочитал бумагу дважды – сначала бегло, потом медленно. Побарабанив по ней пальцами, он покачал головой:

- Но ведь британская полиция в Сингапуре, насколько я понимаю, имела дело только с мертвым телом «охотника». Имя жертвы не названо, не так ли? Из чего можно сделать вывод, что убийца охотился именно за Ландсбергом?

- Риску высказать предположение, что англичане могли сказать русским морякам не все. Как вы знаете, государь наши с британцами отношения давно оставляют желать лучшего. Кроме того, я рискну назвать эту ниточку перспективной, государь!

- Отчего же?

- Вы обратили внимание на имя человека, знакомства с которым искал появившийся в Сингапуре убийца из России, ваше величество? Ганс Ландсберг! Этот Ландсберг – дальний, но прямой родственник нашему!

Николай поднял на министра все еще не понимающий взгляд.

- Этот самый сингапурский Ганс Ландсберг в последнее время что-то зачастил в Россию, ваше величество! Впервые его появление в Петербурге было зафиксировано в марте 1902 года – тогда он приезжал сюда с документами бригадного генерала и под явно надуманным предлогом.

Редигер сделал значительную паузу, вынуждая императора задать единственно возможный вопрос. И он последовал:

- А второй приезд? Не томите меня, генерал!

- Второй раз господин Ганс Ландсберг посетил Россию в августе 1904 года. А перед этим, замечу, что господин Ландсберг из Сингапура оказался замешанным в скандальный инцидент во Владивостоке. Об этом вашему величеству, полагаю, уже докладывали.

- Да, что-то такое я припоминаю…

- Что касаемо последнего посещения сингапурского «гостя», то оно связано с личным приглашением начальника Разведочного отделения Генерального штаба ротмистра Лаврова…

Николай редко высказывал на людях удивление, предпочитая сохранять на лице маску вежливого благожелательного внимания. Однако последние слова военного министра едва не заставили его подскочить от неожиданности.

- Что я слышу, господин генерал! Надо ли твои последние слова понимать так, что твои контрразведчики вышли на след того давнего и грязного дела с каторжником Ландсбергом через его сингапурского родственника?

- Дело обстоит несколько не так, государь, - замялся военный министр. – Последнее посещение господином Гансом Ландсбергом России имеет прямое отношение к делу о «странниках». К данному делу, насколько я помню, ваше величество также проявляло значительный интерес. А сингапурец был приглашен нами в качестве эксперта: оказалось, что ранее он провел в Тибете несколько лет, был хорошо принимаем местными ламами и отлично знаком с тамошними обычаями.

- Опять Тибет… Ну и что, Редигер? Этот эксперт, как ты его называешь, помог разгадать головоломку с тайными знаниями «странников» и артефактами, которые они привезли оттуда?

- С его помощью мы убедились, что привезенные «бегунами» знания и артефакты действительно весьма серьезны, если не сказать опасны. И требуют к себе самого пристального внимания, государь! Кроме того, начальник разведочного отделения ротмистр Лавров получил в руки многообещающую ниточку относительно местонахождения главного злодея – небезызвестного вашему величеству старца Никитина.

- Что ж, будем надеяться, что на сей раз эта ниточка не оборвется, господин военный министр! – Николай прикоснулся к шраму на голове, что служило у него, как успел узнать Редигер, признаком глубокой задумчивости и озабоченности. – А эти Ландсберги… Они оба прошли хорошую школу выживания, не так ли, Редигер?

- Что касается Карла Ландсберга, то несомненно, государь! Ганса Ландсберга я знаю только со слов своего начальника Разведочного отделения. У меня составилось впечатление о нем, как о завзятом авантюристе и человеке, умеющего добиваться поставленной перед ним цели.

- А каков их возраст?

- Карлу около 50 лет, Ганс на несколько лет моложе, государь.

- Вот что, генерал: я задам тебе сейчас несколько вопросов, которые приказываю забыть сразу по окончанию твоей аудиенции. Я понятно выразился, Редигер?

- Точно так, ваше величество! Государственная тайна!

- Вот именно – государственная! – Николай стремительно прошелся по кабинету бросая на военного министра испытующие взгляды и словно не решаясь озвучить вихрем вертевшиеся в его голове мысли. – В прошлом году, как ты, вероятно знаешь, из Тибета вернулась секретная экспедиция, отправленная по моему приказанию твоим предшественником на посту военного министра, генералом Куропаткиным.

- Точно так, ваше величество! – повторил Редигер.

- Это была своего рода разведка боем, генерал! Я приказывал участникам той экспедиции, сформированной из калмыков-буддистов, лишь произвести оценку настроений тибетцев. Измерить, так сказать, температуру их отношений к русским. Однако Тибет сидит в моей голове более глубокой занозой, нежели разведка военно-политического климата в этой высокогорной стране…

- Я весь внимание, государь!

- Я готов немедленно распорядиться о полном прощении Карла Ландсберга, о возврате ему дворянства, наград и прав состояния. Что касается его брата, то мне, признаться, нечем его прельстить… Как по твоему, Редигер, могу я попросить их оказать мне и всему русскому государству большую услугу, отправившись в Тибет? Не получу ли вежливый по форме, но оскорбительный по сути отказ?

- Не могу поручиться за Карла Ландсберга, государь. Но от Ганса ротмистр Лавров неоднократно слышал старую клятву. Она касается мечей, которые предки наших Ландсбергов, в свое время с почтением предложили царю Василию и всей Руси, куда они явились из Европы. Ганс Ландсберг любит повторять, что никто не освобождал его от клятвы верности России. Возможно, это звучит несколько старомодно в наше время, государь, но…

- Достаточно, Редигер! – прервал его Николай.

Глаза императора повлажнели, и он торопливо отвернулся, пытаясь скрыть от своего военного министра сентиментальную реакцию.

- Мне не часто, увы, доводится слышать подобные слова верности и чести, Редигер! И я верю таким порывам! – Николай резко позвонил в колоколец и приказал мгновенно появившемуся флигель-адъютанту:

- Пригласи дожидающихся в приемной министров, Гейден!

И когда Акимов и Дурново появились на пороге, глаза императора были уже совершенно сухими.

- Господа министры, извольте выслушать мое приказание! Как я уже упоминал, дело Карла Ландсберга мне нынче совершенно ясно! И полностью подпадает под действие моего Высочайшего указа от 14 марта 1904 года. А посему повелеваю: мещанина из ссыльнокаторжных Карла Ландсберга считать полностью искупившим вину перед людьми и Отечеством. Вернуть означенному Карлу Ландсбергу право на потомственное дворянство, все чины, награды и звания, права состояния – без каких-либо последствий. Разрешить проживание в любом городе империи, включая столицу. Господин министр юстиции, тебе поручается довести мое повеление до всех заинтересованных лиц. Данное повеление вступает в силу немедленно!

- Слушаем, государь! – нестройным хором, с поклонами, ответили министры.

- Что касается самого Карла Ландсберга и его родственника, то прошу, Редигер, держать их появление в Петербурге на контроле и немедленно сообщить мне об их появлении

- Будет исполнено, ваше величество! – пятясь, министры покинули рабочий кабинет императора.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Экспедиция калмыков-буддистов

13 января 1904 года, в 2 с четвертью часа пополудни, по Миллионной улице Северной столицы России промчались два закрытых двуконных экипажа. У Комендантского подъезда Зимнего дворца визитеров уже ждали несколько офицеров дворцовой охраны. При виде военного министра Куропаткина, легко выпрыгнувшего из первой кареты, военные взяли «на караул» и замерли.

Но Куропаткину нынче было не до парадных церемоний. Раздраженно махнув рукой в сторону караула, он вполголоса приказал не привлекать лишнего внимания и лишь кивнул на второй экипаж, из которого уже выбирались трое статских. Охрана удивленно переглянулась: каждый из семи подъездов Зимнего, согласно приказу начальника Канцелярии Министерства императорского двора генерала Мосолова, был предназначен этикетом для посетителей «своего» ранга. Стало быть, статским следовало бы подъехать к Иорданскому подъезду!

Однако, министру не укажешь. Статские вслед за Куропаткиным поднялись по белоснежным ступеням и проникли через широко распахнутую дверь во дворец. Куропаткин, не выпуская из рук брегета и постоянно поглядывая на минутную стрелку, широко шагал по бесконечным анфиладам комнат и залов, делал повороты. Следующие за ним калмыки, члены тайной экспедиции императора, несколько оробели и более всего боялись отстать от своего высокопоставленного ведомого. Это были штатный гелюн (полковой священник) войска Дамбо Ульянов и переводчик, казачий урядник Лиджи Шарапов. Возглавлял группу подъесаул Уланов.

Навстречу визитерам то и дело откуда-то выныривали слуги в красных, с золотым шитьем ливреях – при встрече с посетителями они с поклонами освобождали дорогу, отступая

Наконец, Куропаткин поднялся по внутренней лестнице на второй этаж, сделал еще несколько поворотов, и, наконец, остановился в смежной с рабочим кабинетом Николая комнате, где работали его адъютанты. Те, как по команде, поднялись, махнули набриолиненными макушками.

- Вам, очевидно, назначено, ваше высокоблагородие? – осведомился один из флигель-адъютантов, с любопытством поглядывая на плоские азиатские лица вошедших в залу вместе с военным министром посетителей в статском.

- Да, штабс-капитан. На три пополудни, - Куропаткин покосился сначала на свой брегет, потом на монументальные мозеровские напольные часы в корпусе красного дерева.

До начала назначенной царем аудиенции оставалось чуть меньше четверти часа.

Штабс-капитан кивнул и с бюваром в руках приблизился к калмыкам:

- Как прикажете вас записать, господа?

- Никак! – оборвал открывшего было рот Ульянова министр. – Строго секретная миссия, штабс-капитан! Запишите, если угодно: военный министр и сопровождающие его лица.

Еще раз с любопытством оглядев калмыков, офицер отошел.

Когда «мозер», предвещая бой, зашипел и защелкал механизмом, штабс-капитан нырнул за тяжелую дверь царского кабинета и тут же широко распахнул ее:

- Пожалуйте, господа!

Куропаткин и сопровождавшие его лица пробыли у императора ровно полтора часа. Выйдя из кабинета, министр отрывисто распорядился:

- Два закрытых экипажа к Комендантскому подъезду, штабс-капитан! Да-да, именно туда, я не ошибся! Пройдемте, господа!

Процессия тем же порядком устремилась прочь.

Проводив глазами посетителей, Николай подумал, что на сегодня его рабочий день, пожалуй, завершен. Придвинув личный дневник, он раскрыл его и записал:

> *13.01.*
> *В 3 часа принял двух донских калмыков — офицера Уланова и ламу Ульянова, которые отправляются в Тибет...*

Лиджи Шарапов по неизвестной причине не был удостоен чести быть занесенным в царский дневник… Возможно, потому, что, принимая и напутствуя своих разведчиков в далекий Тибет, Николай впервые засомневался в целесообразности посылки буддистов для решения вопроса, который мучал его все последние годы. Не смог император прямо сказать добровольцам-калмыкам, какие именно тибетские тайны интересуют его прежде всего прочего. Лишь осторожно, словно между прочим, попросил своих посланцев наводить, где можно, справки о русских паломниках, зовущихся «странниками». Они должны были бросаться в глаза – славянские бородатые физиономии. Правда, Тибет большой, и «бегуны» вполне могли раствориться на его заснеженных просторах. Никто не знал и дороги, по которой «странники» ходили в Тибет.

В глазах своих посланцев император, между тем, читал лишь жажду знаний тибетской культуры – но вряд ли это была та жажда, о которой Николай мог говорить с полной откровенностью только с одним человеком – со своей Аликс…

* * *

По пути из Северной столицы в Сальский округ и до станции Великокняжеская к экспедиции присоединилось еще четыре человека из числа донских калмыков, пожелавших ехать в Тибет – добровольцы Санжа Шарапов, буддийский священники Шонтанов и Кудыров, а также Бадма Ушанов, знаток буддийских религиозных текстов. По заведенному обычаю, решили выехать в счастливый день, каковым оказалось 6 февраля 1904 г. Далее члены экспедиции через Баку и Красноводск прибыли в Ташкент. Там рельсы железной дороги кончились, и путники, сменив европейские костюмы на национальную

одежду, двинулись на почтовых лошадях в китайский Синдзян, держа путь на русскую миссию в Кульдже.

Православное население Синьцзяна, не считая китайских аборигенов, составляли исключительно русские: сотрудники российских консульств и бывших при них охранных воинских частей, служащие русских фирм, частные предприниматели. Кульджа, как и весь Синдзян, кишел, разумеется и английскими шпионами, от которых не укрылось появление на этом «краешке света» новых лиц азиатского происхождения.

В консульстве об экспедиции были заблаговременно предупреждены. Посланцев из далекого Петербурга здесь ждали новые документы, которые сделали их паломниками с Памира. Не обошлось и без предательства: кто-то из русской миссии, посидев за бутылкой настоящей русской водки с местным купчиком, давным-давно завербованным британцами, выболтал истинные цели экспедиции. Через неделю донос попал на стол английского резидента в селении Юлдуз Чарли Торренса. Пожевав губами, резидент решил, что церемониться с тайными посланцами России нечего. И отдал приказ избавиться от руководителя экспедиции, а саму экспедицию – лишить верблюдов и опытных проводников.

Надо сказать, что местные калмыки встречали «паломников» весьма радушно: их приняли за авангард русской армии, явившейся сюда, чтобы освободить их от китайских поработителей. В каждом селении их ждали свежие горячие лепешки и прохладный айран, в их честь самый бедный калмык без жалости резал последнего барана. Никто из местных не обратил внимания на пришлого калмыка, который подозрительно долго крутился возле блюда с лепешками. Улучив момент, он сделал в верхней лепешке незаметный разрез и высыпал туда то, что вместе с серебряной монетой дал ему «инглиз» Чарлз из Юлдуза.

Верхняя лепешка, по обычаю, предназначалась самому старшему, или самому уважаемому гостю. Наран Уланов взял лепешку, и поскольку недавно ел, рассеянно разломил пополам и протянул кусок Лиджи Шарапову.

Через пару дней оба неожиданно заболели странной болезнью, незнакомой местным жителям. Носом и горлом у обоих шла кровь, сознание мутилось. Среди местных жителей кто-то пустил слух, что «паломники» чем-то разгневали богов. Лекари приносили жертвы, пытались лечить больных какими-то травами и молитвами. Жертвы и молитвы помогали мало: проболев две недели, Уланов скончался. Лиджи – ему, очевидно, ему досталась меньшая доза отравы – выжил.

А в одно утро, которое прекрасным никак не назовешь, калмыки из России обнаружили бесследное исчезновение вьючных верблюдов и лошадей вместе с нанятыми проводниками: подосланный британский агент сумел запугать их неминуемой смертью в случае продолжения пути.

Перед экспедицией, лишенной и вожака, и средств передвижения, встал закономерный вопрос: идти дальше или возвращаться? В Кульджу поскакал нарочный, чтобы уведомить русскую миссию о случившемся и получить указания. Там решили, что возвращаться посланцам смысла нет. Главным экспедиции назначили Дамбо Ульянова, которому и пришлось с великими трудами искать новых проводников, верблюдов и вьючных лошадей…

Непогода и непривычный для путников климат вынудили их на полпути к священной столице Тибета, Лхасе, остановиться на четырехмесячную зимовку. Во время вынужденного безделья экспедиции стоит отметить два события, повлиявшие на дальнейшее. Первое – Дамбо Ульянов написал на тибетском языке ученый трактат по одному из спорных вопросов буддизма. Второе – худа без добра не бывает – впервые удалось напасть на след «странников».

Дело было так. Калмыкам до чертиков надоела поджаренная мука местных жителей в качестве основного блюда. Скучая по мясу, они узнали, что неподалеку, в закрытом от ветров урочище, зимует небольшой табун одичавших лошадей. Калмыки немедленно отправились на их поиски, и сумели подстрелить парочку кобыл. Радостно перекликаясь, они свежевали парное мясо, но тут, откуда ни возьмись, объявился местный буддийский священник. Он поднял великий шум и крик: никто из едущих в священную Лхасу не убивает живых существ, так как это может привести к несчастным приключениям.

Ульянов попробовал выкрутиться, заявив «оппоненту», что лошадей подстрелили не сами паломники, а их слуги. Он вступил со священников в богословский спор, доказывая, что простым слугам дозволено то, что невозможно для истинных приверженцев веры. Местный же священник с пеной у рта доказывал, что у правил нет исключений, и в качестве аргумента сослался на необычных русских паломников, также позволявших себе охоту. Правда, те «урусы» шли не в Лхасу. Услыхав такую новость, Дамбо мгновенно признал правоту «оппонента», покаялся в содеянном, подарил священнику «жертвенный» кисет с серебряными монетами и попросил поподробнее рассказать о тех «урусах».

Осторожные вопросы Дамбо в дальнейшей беседе позволили ему сделать вывод о том, что речь идет, скорее всего, именно о «странниках». Их было, по утверждению тибетца, шестеро или семеро, все с длинными бородами. Священник утверждал, что «урусы» шли из монастыря Гум-Бум, где пробыли два или три года, осваивая основы тибетской черной магии.

- А куда они направлялись? – поинтересовался Ульянов.

Этого его собеседник не знал, и лишь с большой долей вероятности и явным осуждением в голосе предположил, что бородачи шли искать колдунов.

- А зачем им могли понадобиться колдуны? – подивился Ульянов.

Священник разразился в ответ длинной речью, из которой следовало, что мир полярен. Все сущее имеет два противоположных полюса. От космических миров до мельчайшего атома — все делится на положительное и отрицательное, на плюс и минус, на правое и левое, на добро и зло. Можно ли забыть целую половину мира?

- Тело человека — это одежда, принимаемая душой для периодических воплощений в мире плотной материи, - неторопливо вещал священник, любовно поглаживая кисет с серебром. - Но есть еще и «нижнее белье», в которое душа одета для промежуточного пребывания в мире околоматериальном, таком же плотном, но невидимом. Магия Тибета учит способам превращать это «нижнее белье» в прочную оболочку. Пусть она и не отпустит тысячи лет из своих тисков бессмертный дух человека, не давая подняться к мирам высоких чистых энергий, очиститься, прийти в себя и снова родиться в земном мире, но зато дает возможность стать невидимым воином-духом, для которого открываются новые захватывающие перспективы. Мгновенно переноситься через пространства, видеть самые потаенные уголки жизни людей, силой мысли и воли влиять на их поведение, делая своими слугами и рабами. Более того, можно по желанию на время создавать себе плотную видимую и осязаемую оболочку, тело любой формы. Для этого нужны только испарения пролитой крови или разлагающихся мертвых тел. Этому могут научить только тибетские колдуны!

- А как бы узнать поточнее, о высокородный, попали ли эти «урусы» к колдунам? Постигли ли их знания и приемы?

- Зачем это тебе? На этот вопрос могут ответить или сами «урусы», или колдуны. Скажу одно: тибетские черные маги всегда обитают вблизи монастырей.

- Но в той стороне, куда ушли бородатые, есть какие-то монастыри, ламы которых готовы нарушить вековой запрет о передаче знаний европейцам? – допытывался Дамбо.

Священник пожал плечами: монастырей в Тибете много. Что касается направления движения тех бородатых «урусов», то там есть два или три монастыря.

Дамбо тщательно записал их названия и местность, в которой эти монастыри расположены. Посовещавшись со своими спутниками, он пришел к выводу, что тратить время на поиски колдунов бесполезно и даже опасно. Решили идти дальше, в Лхасу.

В конце мая миссия русской военной разведки наконец-то прибыла в столицу Тибета. Успешно продолжавший играть роль гегена[1], Дамбо Ульянов нашёл в тибетской столице радушный приём и как великолепный знаток буддийских религиозных текстов, даже стал пользоваться популярностью. Хитрый по натуре Ульянов посчитал нелишним усилить благоприятное о себе впечатление, и стал ежедневно поклоняться местным святым. Это только прибавило ему праведности в глазах мистически настроенных тибетцев. Однако, сколько ни старался Дамбо, он и его спутники постоянно чувствовали за собой малозаметный присмотр тайных британских агентов, пристально наблюдающих за каждым их шагом.

Тогда Ульяной «вынул из рукава последний козырь» и предпринял блестящий ход, позволивший ему полностью избавиться от пристального наблюдения агентуры из числа непальцев, не спускавших глаз с «паломников». Этим «козырем» был трактат на богословские темы, написанный в пору вынужденного безделья во время зимовки. Он предложил трактат для обсуждения местному высшему духовенству. Это произвело впечатляющий эффект, и немедленно поставило русского разведчика в ряды первостатейных знатоков учения Будды. Английская агентура, убежденная, что ни один русский разведчик на такое просто не способен, пришла к выводу, что в Тибет прибыл действительно религиозный фанатик. И профессиональный интерес к посланнику из Петербурга был вежливо утерян.

Обойдя, таким образом, внимание британских спецслужб, Ульянов продолжал осторожно собирать информацию об истинном положении дел в стране в беседах с паломниками, караванщиками, местными жителями и буддийскими священниками. Гелюн из первых рук получал сведения об истинном положении дел в стране. Вскоре он попал на приём к регенту - доверенному лицу далай-ламы, правившему Тибетом в отсутствие самого духовного лидера. От него русский разведчик узнал, что, благодаря дипломатическим усилиям России, англичанам пришлось вывести свои войска из Тибета, однако британцев по прежнему беспокоила боязнь крупномасштабного вооружённого конфликта с Россией по тибетскому вопросу.

Всё складывалось удачно, и экспедиция потихоньку стала собираться в обратный путь. Но выход задержало новое загадочное происшествие: как-то ночью урядник Шарапов неожиданно выпал из окна третьего этажа здания, предоставленного русской экспедиции. Сам Лиджи не мог объяснить, почему это произошло: по его несвязным рассказам, нечто схватило его и поволокло к открытому окну.

Урядник разбился о камни мостовой настолько сильно, так что никаких надежд на его выздоровление практически не осталось. Однако местный лекарь авторитетно заверил, что обязательно вылечит Шарапова, и через два месяца тот сможет сам сесть в седло. Так и получилось. Как и чем лечили урядника, осталось тайной. Ульянов предпринял ряд настойчивых попыток проникнуть в секреты тибетской медицины, но безуспешно.

В середине августа 1905 года русская тайная миссия покинула Лхасу. Помня о двух покушениях, Ульянов и Шарапов постоянно держались настороже, но всё обошлось.

В марте 1906 года разведгруппа вернулась в столицу Российской империи. Гелюн немедленно засел за свои заметки, которые в целях конспирации и соблюдения

[1] Геген – буддийское духовное лицо высокого ранга.

секретности вёл на калмыцком языке. На основе путевых заметок он подготовил для Военного министерства и Министерства иностранных дел обширные доклады о проделанной работе. Собранные и систематизированные военным буддийским священником сведения вызвали большой интерес и получили высокую оценку русского правительства.

В результате начались переговоры с Далай-ламой об его возвращении в Лхасу, но тот, опасаясь англичан, поставил непременным условием его охрану русскими казаками. В конце концов, с духовным лидером удалось договориться, что к границам Тибета, на территорию Монголии, будет направлено подразделение казаков-бурят, для конспирации одетых не в русскую военную форму, а в национальное платье. Кроме того, в Тибет намеревались направить две долговременные большие русские «научные экспедиции» под командованием капитана Козлова и ротмистра Козакова. Впоследствии от этих планов пришлось отказаться, дабы не создавать излишней напряжённости в этом регионе, хотя Козлов и Козаков, кроме военного опыта, имели большой научный авторитет. Но казаки из бурят в Монголию всё-таки прибыли.

В успешных переговорах, которые Россия провела с Китаем и Великобританией, в которых большую помощь оказали добытые тайной разведывательной миссией сведения. В 1907 году было заключено англо-российское соглашение: британцы признавали Тибет частью Китая, и обязывались поддерживать с ним отношения только через китайское правительство. Далай-лама сначала жил в монастыре Гумбут, недалеко от тибетской границы, а затем вернулся в Лхасу.

Долгие десятилетия русская военная разведка тщательно хранила секреты тайной миссии в Тибете. Надо полагать, далеко не все из них раскрыты и в наше время, поскольку неизвестно, какие конфиденциальные поручения давал император Николай II отправляющимся в Тибет разведчикам, тайно принимая их в Зимнем дворце.

Более всего из итогов и отчета экспедиции императора заинтересовало упоминание о нескольких бородатых «урусах», да точка на карте Тибета, которой Дамбо Ульянов обозначил то место, где местный священник встретил предполагаемых «странников». Николай долго не убирал эту карту со своего рабочего стола, то и дело вглядываясь в помеченную точку. Но это, как мы понимаем, мало помогало разгадать привезенные из далекой горной страны великие тайны мироздания…

РЕТРОСПЕКТИВА -12 Гнев императора

Издав в феврале 1906 года Высочайший указ о полном прощении Карла Ландсберга, Николай, разумеется, ожидал, что тот вскоре объявится в Северной столице России. Министру юстиции Акимову и военному министру Редигеру было высказано пожелание немедленно известить императора о появлении Карла в Петербурге. Надеялся Николай и на то, что к моменту возвращения бывшего каторжника в русской столице объявится и родственник Карла, Ганс. Негласное поручение отследить его появление получил министр внутренних дел Дурново – на его всевидящий полицейский аппарат император надеялся более всего.

Однако Высочайший царский указ не дошел до непосредственных исполнителей, а был перехвачен придворной камарильей прямо в приемной Царскосельского дворца. «Подковерная» борьба у царского трона за власть и влияние, развернувшаяся между великими князьями, сделала свое дело.

Николай в высшей степени добросовестно относился к своим царским обязанностям. Как его монаршие дед и отец, он лично знакомился со всеми поступавшими к нему бумагами - как и у предшественников, у него никогда не было ни секретарей, ни

референтов. Самолично писались императором и высочайшие указы, и приказы, и повеления. Приняв важное решение и озвучив его, Николай торопился за рабочий стол, и превращал высказанную царскую волю в документ, обязательный к исполнению. К счастью или несчастью, император не знал, что собственноручно написанные и подписанные им рескрипты, прежде чем попасть в канцелярию, порой проходили через руки «дежуривших» у его кабинета великих князей. И при этом и зачастую подвергались уничижительной критике, а то и осмеянию. Иной раз им просто не давали хода…

* * *

Между тем, ликующая Ольга Владимировна немедленно отправила супругу телеграфную депешу о благоприятном рассмотрении императором его дела. Из депеши следовало, что по сообщению личного адъютанта его величества, вопрос Ландсберга рассмотрен лично государем, и по этому вопросу принято высочайшее повеление о полном монаршем прощении Карла, возвращении ему прав на потомственное дворянство и права состояния! Соответствующее повеление императора направлено в инстанции для неукоснительного исполнения.

Карл тогда заплакал над депешей – заплакал второй раз в жизни.

Однако уже следующие дни и недели принесли жестокое разочарование: в канцелярии генерал-губернаторства на Дальнем Востоке ничегошеньки о Высочайшем повелении не знали!

Ольга Владимировна Дитятева, неустанно хлопотавшая за мужа в высоких столичных кабинетах все последние годы, снова отправилась в Царское Село, но не смогла, как ни билась, разузнать ничего конкретного: долгожданная царская резолюция куда-то исчезла!

Чиновники канцелярии генерал-губернатора Гродекова пожимали плечами: депеша депешей, а царского повеления как не было, так и нет! Нет повеления – нет оснований выдавать вчерашнему каторжнику чистый паспорт. Карл понимал, что в Петербурге с ним на эту тему и вовсе никто не будет говорить – решать вопрос с паспортом надо было именно здесь, до отъезда!

Ольга Владимировна снова кинулась по высоким столичным инстанциям. Прямые подношения и замаскированные под них крупные взносы в различные благотворительные фонды, коих в столице после окончания русско-японской войны расплодилось неведомо сколько, открывали Ольге Владимировне двери в самые высокие кабинеты. Принимали ее весьма ласково, ободряли, многозначительно советовали потерпеть самое малое время – и только. В высочайшей аудиенции несчастной женщине было категорически отказано: помилуйте! У императора куча самых разных дел, да и решение по вашему вопросу им уже принято. Чего же вы еще хотите, милостивая государыня?! Имейте терпение немного подождать, мадам!

Ни Ольга Владимировна, ни сам Карл так никогда и не узнали злоключений царского высочайшего повеления, порожденных клубком злобы и ненависти в ближайшем окружении Николая II. Так вышло и с Высочайшим помилованием Карла Ландсберга. Передав подписанный им документ флигель-адъютанту Гейдену, император с чувством исполненного долга забыл о нем и занялся прочими делами.

Покинув царский рабочий кабинет, Гейден тут же оказался в окружении родни императора, скуки ради толпящейся в приемной.

- Гейден! Ну-ка, покажите мне сей высочайший Указ! – властно остановил флигель-адъютанта великий князь Николай Михайлович. - А мы поглядим, над чем наш «дурачок Ники» изволил столь старательно работать, да еще с привлечением трех министров! Да еще два дня подряд!

Помявшись, Гейден протянул великому князю заполненный бланк с личной подписью государя.

- Нет, вы только поглядите, господа! – тот возмущенно потряс гербовой бумагой с подписью «Николай». – Нашему «Царскосельскому Суслику» и забот более нет, кроме как заниматься судьбами каких-то грязных каторжников!

Вслед за ним бумагой завладел генерал-адмирал Алексей Александрович. Не имея никакого отношения к комиссии, разбиравшей позорное пленение сахалинского гарнизона и крепко недолюбливая великого князя Николая Михайловича, в этом случае он счел возможным проявить с ним некоторую солидарность.

- Да, действительно… Государь явно поспешил… И с прощением, и возвратом прав состояния сему субъекту. Надо бы разобраться! – он повернулся к растерявшемуся флигель-адъютанту, которому было поручено передать Высочайший указ в канцелярию с дальнейшей переадресовкой в министерство юстиции. – Ты скажи-ка в канцелярии, братец, что я сначала в Комитете министров сей вопрос прозондирую!

Флигель-адъютанту оставалось только поклониться и щелкнуть каблуками. Он и думать не посмел о том, чтобы сообщить государю о последующем «зондаже» его личного повеления. Зачем ему лишние неприятности от мстительных царских родичей? Любому из них мало чего стоило оболгать адъютанта, придраться к какому-либо пустяку – и прощай тогда «непыльная» служба при дворе! Вот флигель-адъютант и поостерегся докладывать о самовольстве великого князя императору: он слишком хорошо знал мстительность и злопамятность Алексея Александровича, и не без основания опасался, что его карьера при Дворе будет в этом случае бесславно завершена. Однако, будучи педантичным исполнителем монаршей воли, флигель-адъютант поставил в известность подательницу прошений, мадам Дитятеву о благополучном решении ее вопроса относительно полного прощения государем ее супруга, мещанина из ссыльнопоселенцев Ландсберга.

Никого из прочих великих князей нисколько не озаботило, что Алексей Александрович, добровольно подавший в отставку после Цусимского разгрома русского флота и уволенный со всех морских постов еще в 1905 году, не имевший к Сахалинскому воинскому гарнизону и его сдаче в плен ни малейшего отношения, взялся за «исправление ошибки» государя.

«Зондировал» великий князь подписанный царем документ… около трех лет. Вернее сказать, он с деловым видом засунул царскую грамоту в личный бювар и… забыл о нем. Высочайший указ был обнаружен в архивах бездарного генерала-адмирала уже после его смерти, при разборке бумаг покойного. Спрашивать у императора – каким образом его повеление оказалось в папке бывшего главного начальника флота и морского ведомства, генерал-адмирала, члена Комитета министров - придворная камарилья поостереглась. И рассудила примерно так же: ежели Николай не вспомнил об обласканном своей милостью каторжнике за три года, то и птица сия, стало быть, «невысокого полета». А высочайшему помилованию императора решили просто дать ход тремя годами позже, в 1909 году… Тогда же Указ и был передан в министерство юстиции.

* * *

К тому времени сам министр Макаров давным-давно потерял свое место, а занявший этот пост Щегловитов не стал беспокоить государя вопросом о задержке исполнения Высочайшего указа.

Много другого произошло при дворе Николая II за это время. Длительный конфликт министра внутренних дел Дурново с премьером, которого он обвинял в потворстве революционной деятельности, стал одной из причин отставки и Витте, а вслед за ним и всего кабинета, включая и самого министра внутренних дел, уступившего свой пост

Столыпину. Так или иначе, решение судьбы Карла Ландсберга на целых три года затерялось в правительственных перетурбациях.

По правде говоря, не забывая о своей задумке отправить в Тибет новую военную экспедицию, император постоянно откладывал практическую подготовку к этому великому делу: слишком много у него было других забот. Одной из таких забот была продолжающаяся неустанная тихая «война» с великими князьями.

Ближайшие царские родственники не оставляли попыток изменить свое положение и играть в государстве новые, более значительные и более активные роли. Фактически это означало, что большая императорская семья становилась скопищем фракций. Борьба честолюбий и «высочайшего» эгоизма окончательно расколола ее на несколько враждующих кланов.

Однако этот раскол оправдывался самыми высокими устремлениями. Об этом неустанно напоминал государю, в частности, великий князь Александр Михайлович:

- Мы желаем, ваше величество, чтобы нам позволили занимать должности в различных казенных учреждениях, пусть даже и в провинциях! Там, где мы могли бы быть полезны тем, что служили бы связующим звеном между царем и русским народом.

Однако Николай II, несмотря на свою деликатность, уже понимал, насколько для него усложнится процесс управления страной, когда ему придется навязывать свою волю родственниками, неизбежно конфликтовать с ними, а не с покорными министрами. Кроме этого, Романовы фактически были недоступны для обычного правосудия, а их ««проколы» на службе» сильно били по авторитету всей императорской семьи.

Поэтому молодой царь, ссылаясь на вековые традиции династии Романовых, неустанно пресекал намерения родственников, мотивируя это тем, что в продолжение трехсот лет мои отцы и деды русских царей предназначали своих родных к военной карьере. Он не хотел порывать с этой традицией, и не мог позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления государством.

Постоянной головной болью для царской семьи была и страшная болезнь единственного сына – наследника престола. Вся жизнь маленького наследника, красивого, ласкового ребенка со светлыми вьющимися волосами и ясными голубыми глазами, была сплошным страданием. Но вдвойне страдали родители, и особенно царица Александра, сознававшая, что она является невольной виновницей болезни сына. Медицина здесь оказалась бессильна, лекарство против этой страшной болезни не было.

Неизлечимая болезнь наследника испортила со временем отношения между Николаем и его супругой. Возникали частые ссоры, оба были очень нервны. Бывали случаи, что венценосные супруги не разговаривали по несколько недель. У императрицы стали прогрессировать истерические припадки. Именно в этот период, по свидетельству приближенных, Николай стал часто выпивать, и выглядел оттого очень плохо и сонно, и по всему было заметно, что он не всегда властен над собой и ситуацией.

Однако про Ландсберга во дворце окончательно не забыли, и в конце марта 1909 года военный министр счел своим долгом положить в папку со срочными докладами государю вырезку из газеты.

ГЕРОЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Преступление.

Умер Карл Христофорович Ландсберг. - Не убей тогда Карл Христофорович какого-то ростовщика и старуху – он был бы теперь военным министром!

Так говорили хорошо знавшие его на Сахалине.

Совершенное им убийство подсказало

Достоевскому «Преступление и наказание».

Этот Карл был Германом.
Это был Герман из «Пиковой дамы».

II.

- Не убей тогда Карл Христофорович какого-то ростовщика и старуху – он был бы теперь военным министром!
Так говорили хорошо знавшие его на Сахалине.
Возможно.
И, наверное, очень талантливым.
И, может быть, у нас не было бы
ни Лаоляна, ни Мукдена…
Во всяком случае, умер бы он большим генералом.
По сторонам его колесницы несли бы подушки со звездами.
И тело его опустили бы в могилу под гром залпа батареи.
Если из каторжанина он сделался чуть не миллионером и снова офицером гвардии, то, сложись тогда обстоятельства иначе, - он сделал бы блестящую карьеру[1].

*** * ***

Статья было большая, на два газетных «подвала», и император читал долго, болезненно сжав виски руками. Дочитав, он поднял на министра прозрачные глаза:

- Я даровал Ландсбергу прощение три года назад. Если точнее – 35 месяцев тому назад, в марте 1906 года. Тебе и другим министрам было дано, насколько помнится, некое поручение…

- Я помню, ваше величество: уведомить вас о приезде в столицу Карла и Ганса Ландсбергов….

- И что же помешало тебе, господин генерал, сделать это сразу по прибытию Ландсберга в Петербург?

- Прошу прощения, государь: Карл Ландсберг прибыл в Петербург 12 марта сего года, а через 6 дней скоропостижно скончался от сепсиса, то бишь заражения крови, - Редигер положил перед Николаем еще несколько газетных вырезок.

- Жаль, очень жаль, - пробормотал Николай. – Я отчего-то полагал, что он не станет медлить с возвращением целых три года после моего Высочайшего указа о полном прощении. Очевидно, у него были какие-то незавершенные дела на Дальнем Востоке?

Помедлив, военный министр решился сказать правду:

- Ландсберг выехал из Владивостока тотчас после получения в канцелярии генерал-губернатора Гродекова копии вашего Высочайшего указа, ваше величество!

- Н-н-ничего не понимаю, в таком случае! Неужели канцеляристам в Приамурье потребовалось 3 года для исполнения царского повеления?!

Вздохнув, Редигер, насколько мог мягко, рассказал о самовольстве великого князя Алексея и его последующей забывчивости.

Император покачал головой:

- И эти люди, мои ближайшие родственники, требуют у меня должностей на государственной службе! Хотят быть «связующим звеном» между государем и народом, имея в виду свою полную неприкосновенность для правосудия в случае совершенных ими безобразий и вольностей! За подобное отношение к Высочайшему указу я отдал бы под суд любого чиновника, даже министра! Но не великого князя, разумеется…

Отношение родственников к Николаю II вполне характеризуется полученными им от них домашними прозвищами. Прозвища были почти у всего семейства Романовых. Говоря между собой о ком-либо из членов семьи, довольно часто использовали прозвища, часть из которых была практически официальными. Связаны они были либо с внешними особенностями человека, либо с чертами его характера. Сына великого князя Константина Николаевича, Константина Константиновича, знаменитого поэта, уже в юности за высокий

[1] Полностью статья Власа Дорошевича опубликована в приложении к роману.

рост и худобу родственники называли Селедкой. Другого брата Николая II, Михаила Александровича, родня именовала Милым Floppy[1].

У Николая II до конца его жизни так и не появилось лестного официального прозвания, как Освободитель у деда, и Миротворец у отца. Зато в изобилии были прозвища обидные. Самым известным из них было Кровавый. Были у Николая II и другие столь же нелестные прозвища. Так, в одном из его манифестов в тексте неудачно и неоднократно использовался оборот «А на нас». В результате у царя появилось прозвище Ананас. Императора за глаза именовали Царскосельским Сусликом и даже Вечным Полковником[2].Великий князь Николай Михайлович за глаза называл своего племянника не иначе как «наш дурачок Ники».

«Милым родственникам», к примеру, ничего не стоило бесцеремонно зайти в кабинет во время министерских докладов и прервать сановника каким-то несущественным вопросом к племяннику. Или, успокаивающе махнув рукой: занимайся, мол, Ники, я не помешаю – начать рыться в книжных шкафах или просто со скучающим видом развалиться на диване с папиросой или сигарой в зубах.

Что и говорить, последовавший в конце концов категорический запрет «мальчишки» врываться в его кабинет во время министерских докладов или рыться в государевых бумагах симпатий к нему не прибавило.

Первые десять лет своего царствования Николай, работая за громадным письменным столом в своем кабинете, нередко испытывая близкое к ужасу чувство, слушая глубокомысленные рассуждения, советы и даже указания своих дядей. Иной раз у сановников и адъютантов его величества создавалось впечатление – и вряд ли на пустом месте – что император попросту боялся оставаться наедине с родней.

С непроницаемым лицом, но сжав под столом кулаки, Николай с неизменно вежливо выслушивал порой категорические требования своей родни. А они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич считал себя великим полководцем, Алексей Александрович - повелителем морей и океанов. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину… Пожалуй, исключение составлял лишь Владимир Александрович: считаясь покровителем искусств, он стоял несколько сторонеот меркантильных устремлений прочей родни…

Все высокайшие соискатели имели, причем каждый своих, любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было поощрять и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить "русский сезон" в Париже, своих «поразительных» миссионеров, жаждущих спасти и императора, и саму Россию, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше...

Не удивительно, что царская родня оказывали на Николая огромное влияние: в ту пору, когда их неопытный двадцатишестилетний родственник неожиданно стал императором, все это были энергичные, сравнительно молодые люди. Когда он ездил в

---

[1] Это прозвище произошло от английского «flop» – шлепаться. Дело в том, что долговязый Михаил имел обыкновение не садиться, а шлепаться в кресло, вытягивая перед собой свои длинные ноги.

[2] Сразу после рождения Николай был зачислен в списки нескольких гвардейских полков и назначен шефом 65-го московского пехотного полка. В декабре 1875 г. он был повышен до прапорщика, позже подпоручика и т.д. По существовавшим тогда правилам император не мог иметь воинское звание выше, чем звание полковника генерального штаба.

Дармштадт, чтобы сделать предложение Аликс, трое из них сопровождали цесаревича. Это они настояли на том, чтобы бракосочетание, несмотря на смерть Александра III, состоялось в торжественной обстановке в Петербурге, а не в узком семейном кругу, как требовали элементарные правила приличия, в Ливадии. Александра III похоронили 7 ноября, а буквально через неделю состоялась свадьба его сына. Почему так торопились со свадьбой и не подождали даже положенных в православии сорока дней после смерти отца жениха?

14 ноября был последний день перед началом поста, который должен был продлиться до начала января. Так что свадьбу пришлось бы отложить надолго, а влюбленным Николаю и Аликс, что и говорить, не терпелось узаконить свою привязанность.

Впрочем, новобрачные были готовы и подождать. Но дядья и тут нашли лазейку: церемония бракосочетания совпала с днем рождения матери царя, императрицы Марии Фёдоровны. В честь этого даже суровая православная традиция позволяла несколько ослабить самый строгий траур. К тому же, не надо было приглашать гостей, поскольку множество первых лиц Европейских домов и без того прибыли Петербург на похороны Александра III.

Одним из чудовищных обвинений в легкомыслии Николая, преследующим его всю его жизнь, была трагедия на Ходынке. Хотя, по совести говоря, и тут виноватить целиком и полностью тут стоило бы великого князя Сергея, генерал-губернатора Москвы, его окружение. Назначив этот район Москвы для раздачи царских подарков, генерал-губернатор и думать забыл, что Ходынское поле давно уже стало местом упражнений военных саперов, и было все изрыто ямами, канавами и рвами. Дикая давка народа ранним утром 18 мая на Ходынском поле стало новым кровавым предзнаменованием: сначала свадьба после похорон, а потом похороны после коронации, этого мистического венчания нового царя с Россией.

Это они, близкие Николаю родственники, после коронации и ходынской катастрофы, заставили царя отправиться на бал во французское посольство, убедив его в «неуместности» отмены заранее назначенного протокольного мероприятия.

И на следующий день, когда на Ваганьковском кладбище для опознания было выложено 1282 из 1389 тел погибших, сие отнюдь не помешало великим князьям и другим приближенным к императорской короне лицам развлекаться у стен того же кладбища стрельбой по голубям…

Да и в стрельбе по голубям, столь же невинным, как и погибшие на Ходынке люди, тоже было что-то зловещее. Тем не менее, всё это, как и сама Ходынка, было «списано» на государя, сочтено мрачным предзнаменованием для его царствования, на многие десятилетия создало отрицательный имидж последнего императора России и положило начало навсегда прилипшему к нему прозвищу Кровавый.

Плохие советы родни, чаще всего, были подогреты подленьким желанием «подставить» Николая, создать перед светом и народными массами облик «мальчишки-царя», равнодушного к человеческому горю. И продолжалась эта «подстава» долгие годы.

* * *

Помолчав, Николай схватил колоколец и резко позвонил, вызывая дежурного адъютанта, повернулся к Редигеру:

- Тем не менее, генерал, в данном деле виноватый все же имеется! Разыщи-ка мне, братец, графа Гейдена! – распорядился он заскочившему в кабинет дежурному флигель-адъютанту полковнику лейб-гвардии кавалергардского полка Шереметеву. – Да поживее!

- Слушаюсь, вше величество!

В ожидании виновного, Николай выбрался из-за стола, подошел к крайнему шкафу у окна, распахнул дверцы. До чуткого слуха военного министра донеслось еле слышное бульканье, и он отвернулся, подумав, что слухи о том, что государь в последнее время пристрастился к продукции Ереванского товарищества «Шустов и Сын», видимо, возникли не на пустом месте.

Знал военный министр и то, что Николай терпеть не мог коньяк. Но, чтобы не выглядеть на светских приемах глупо, морщась, при употреблении этого "эликсира богов", император всегда приказывал подавать ему к коньяку ломтик лимона, посыпанный сахаром и молотым кофе. И «кислое» выражение лица должно было объясняться лимоном, а не неприязнью к коньяку.

Наконец, император захлопнул дверцы шкапа, и, вытирая усы платком, вернулся на свое место за рабочим столом. Через минуту-другую в кабинет, постучав, проник бывший флигель-адъютант Гейден. Неожиданный вызов государя встревожил его, и предчувствия не обманули бывшего доверенного порученца.

- Граф, в марте 1906 года я передал через тебя в канцелярию министерства Двора Высочайший указ о полном прощении некоего Ландсберга. Скажи-ка мне, выполнил ли ты мое поручение? Или с переводом в штат министерства Двора у тебя стала пошаливать память, и ты не помнишь сего эпизода?

- Нижайше прошу прощения, ваше величество! – побледнев, поклонился вызванный граф. – Но дело в том, что ныне покойный великий князь Алексей Александрович в тот злосчастный вечер изволил усомниться в добропорядочности помилованного вашим величеством каторжника, и вызвался самолично проверить…

- Прекрати, граф! – морщась, перебил Николай. – Знаешь, я понимаю, что ты не посмел спорить с великим князем. Но ты же не мог не знать, что к этому времени Алексей Александрович был лишен всех своих должностей и не имел никаких государственных обязанностей и полномочий!

- Виноват, ваше величество…

- Виноват? Разумеется, виноват, граф! Ты не мог спорить с великим князем, но мне-то, своему государю, ты просто обязан был доложить о возмутительном вмешательстве в царское дело! Отчего же не доложил о самовольстве великого князя?

- Опасался последствий с его стороны, ваше величество!

- Опасался последствий? Вот как! А нарушить волю государя, разбиравшего дело Ландсберга два дня, с участием трех министров, ты не опасался?

Граф, опустив голову, молчал.

Николай, придвинув под руку лист гербовой бумаги, взял перо и начал быстро писать что-то.

- Помилуйте, ваше величество! – попробовал ворваться в возникшую паузу граф. – Сколько лет верой и правдой служил вашему величеству…

- Помолчи, граф, не перебивай! – одернул Николай. Закончив писать, он размашисто подписал бумагу и протянул ее Шереметеву. – Надеюсь, что сие распоряжение не постигнет судьба предыдущего казуса, полковник! Что же касается тебя, граф, то тебе надлежит не позднее, чем в 10-дневный срок прибыть в распоряжение иркутского генерал-губернатора. Дослуживать будешь в Сибири, граф! И выслугу лет для будущего пенсиона тоже там будешь зарабатывать, ибо предыдущей выслуги я тебя высочайше лишаю! Свободен, граф!

А ты, полковник, устно передай его сиятельству министру Двора, что у него в штате возникла вакансия, которую я прошу незамедлительно восполнить!

Когда за бывшим и нынешним флигель-адъютантами закрылась дверь, Николай совершил еще один подход к дальнему шкафу. И, возвращаясь, удивленно поднял брови на все еще стоявшего навытяжку военного министра:

- У тебя что-то еще, генерал?

- Точно так, ваше величество! Я по поводу Ландсберга…

- А что еще тут можно добавить, Редигер? – вздохнул Николай. – Смерть безжалостна и необратима, генерал. Или ты имеешь в виду второго Ландсберга, Ганса?

- Обоих, ваше величество! Дело в том, государь, что извещение о смерти Карла Ландсберга несколько не соответствует истине…

- Что за неуместные шутки, Редигер? – нахмурился Николай. –

- Никогда бы не осмелился шутить на столь печальную тему, государь. Но дело в том, что по прибытию в Петербург господина Карла фон Ландсберга, я, памятуя о вашем интересе к этому человеку, дал приказ своему Разведывательному отделению взять его под негласное наблюдение.

- Зачем?

- Я предполагал, что прощенный вами Ландсберг будет удостоен вашей аудиенции, государь. И желал убедиться, что за 30 лет своего вынужденного лишения приличного общества барон не скомпрометирует ваше величество.

- И пока твои военные «сыскные», генерал, следил за несчастным, тот умер…

- В том-то и дело, что нет! Вернее, не сразу, - окончательно запутавшись и не решив, как бы половчее доложить императору о казусе с ложными смертью и похоронами Ландсберга, Редигер протянул Николаю бумагу. - Впрочем, вам лучше ознакомиться с сим рапортом начальника Разведочного отделения, ротмистра Лаврова. Полагаю, что из него все станет ясно, ваше величество!

Хмыкнув, Николай снова уселся на место и принялся читать. Пробежав глазами два листа машинописи, он поднял на военного министра недоумевающий взгляд, открыл было рот, чтобы спросить что-то, однако вместо этого принялся читать текст заново, делая пометки синим карандашом в тексте и на полях документа. Редигер терпеливо ждал.

- Отставной полковник, граф Ивелич… Мне знакомо это имя, - кивнул Николай, принимаясь читать документ в третий раз. – Герой двух войн… Так он служил с Ландсбергом в Саперном Лейб-гвардии батальоне? Угу… Доктор Климов? Климов, Климов… Выдающийся специалист своего дела, хирург Божьей милостью, как мне его характеризовали. Тем не менее, насколько я помню, на него были жалобы. Суть не помню – но ему была запрещена практическая медицинская деятельность на территории империи. Именно по этой причине меня отговорили пригласить его на консультацию по поводу болезни Наследника… Впрочем, это к делу не относится!

Вникнув в суть рапорта, Николай нахмурился:

- Бог знает что! Да это же авантюризм чистой воды, генерал! Сделать под чужим именем запрещенную Российским обществом врачей операцию, выкрасть из морга Свято-Евгеньевской общины труп и похоронить его вместо Ландсберга? А самого пациента тайно вывезти в Германию, чтобы продолжить свои, с позволения сказать, медицинские эксперименты? В результате пациент все равно погиб, а авантюристы попали под надзор германской полиции… Это дело дурно пахнет, Редигер!

- С позволения вашего величества, - военный министр ловко подложил императору еще один документ. – Доктор Климов – почетный член врачебных сообществ полутора десятков стран Европы. По его методике делаются операции в Старом и Новом свете. Личные благодарности испанского, бельгийского и персидского монархов. Удостоен

множества государственных наград – их у доктора Климова, полагаю, побольше, чем у меня, ваше величество! Его отчаянные попытки сделать Ландсбергу переливание крови продиктованы искренним желанием спасти человека, ваше величество!

- Но спасти-то все равно не удалось! И сей метод в России запрещен!

- В Америке переливание крови давно используется, государь! Я получил заверения специалистов - правда, неофициальные – что если бы доктору Климову не наступали на пятки ретрограды от нашей медицины, если бы он действовал открыто и быстро, то шансов спастись от страшного недуга у фон Ландсберга было бы несравнимо больше!

- Что-то ты слишком яростно защищаешь этого Климова, генерал! – погрозил ему пальцем император. – Я никогда не думал, что ты можешь быть таким сторонником экспериментальной медицины!

- Именно Климов сделал моей дочери уникальную операцию – после того, как маститые доктора в один голос призывали меня готовиться к самому худшему, государь! И теперь она не только жива, но и здорова, как прежде!

- Ты никогда не говорил об этом, Александр Федорович! – глаза Николая повлажнели. – Так, может, стоит все-таки подумать о приглашении его для консультации по поводу болезни Алексея?

- Для начала их всех надо вытащить из цепких объятий немецкой полиции, ваше величество! – поклонился Редигер. О том, что Климов уже отказался консультировать болезнь Наследника императора ввиду полной невозможности победить гемофилию средствами современной медицины, он решил пока умолчать. – Мне понадобится поддержка министерства внутренних дел, а если точнее – Зарубежного охранного департамента полиции…

- Я отдам такое распоряжение, генерал, - кивнул Николай. – Разумеется, конфиденциально. Помогите решить Ивеличу, Климову, супруге погибшего Ландсберга и его брату решить все проблемы, связанные с перезахоронением. Я жду из Германии хороших новостей, генерал. И готов дать неофициальную аудиенцию графу Ивеличу и Гансу Ландсбергу – разумеется, при условии их согласия помочь мне с Тибетом и его тайнами. Я все понятно изложил, Редигер?

- Совершенно понятно, государь. Я сделаю все возможное, и дам своему преемнику на посту военного министра указание немедленно известить ваше величество о времени появления этих людей в Петербурге.

- Погоди, Александр Федорович… Как я должен понимать упоминание о твоем преемнике? Ты что – подаешь в отставку, генерал?

- Точно так, ваше императорское величество! – Редигер вынул из бювара последний документ, коим было всемилостивейшее прошение о своей отставке, и положил его перед Николаем.

- Но почему, генерал? – император был слегка ошарашен. – У нас с тобой нет разногласий в области военной политике России! Я весьма доволен и проводимым тобой реформированием, и созданным твоим тщанием стратегическим резервом армии[1]. Я не забыл, генерал, что с твоим именем связано и возвращение некоторых утерянных традиций и ритуалов русской армии. Что по твоей инициативе были восстановлены исторически сложившиеся названия кавалерийских полков и введена новая парадная форма одежды, напоминающая нам о славной эпохе побед периода Отечественной войны 1812 г. Ну, а что касаемо твоего неприятия участия в военных делах великих князей, то тут,

[1]По инициативе Редигера были сокращены сроки военной службы. В пехоте – до 3, в кавалерии – до 4, в военно-морском флоте – до 5 лет, что позволило создать стратегический резерв армии.

боюсь, ты не прав. Должны же мы использовать их опыт как военачальников, прекрасно проявивших себя на полях сражений!

Генерал молчал, едва сдерживаясь от желания напомнить императору его же собственные слова, сказанные в начале нынешней встречи о неуместности занятий великими князьями государственными делами.

Когда Редигер вник в дела Военного министерства, он сразу же понял необходимость срочных преобразований, и, прежде всего, в структуре военного ведомства. Суть вопроса заключалась в том, что великий князь Николай Николаевич придумал разделение военного министерства на собственно министерство и генеральный штаб, причем посадил начальником генштаба человека, буквально заглядывающего ему рот, генерала Палицына. Одновременно Николаем Николаевичем был создан комитет государственной обороны, который делал то, что хотел великий князь.

Этот Совет государственной обороны, где во главе отдельных главных управлений стояли великие князья Константин Константинович, Сергей Михайлович и Петр Николаевич, и был главным препятствием для военного министра. Вельможи и ставленники великих князей были не совсем компетентны в ратном деле, а их высокое положение мешало военному министру внедрять в армии столь неоходимое ей единоначалие.

Можно было напомнить императору и про монарший окрик: как это он, Редигер посмел сказать, что между командующими войсками имеются лица, несоответствующие сим чинам? И про недавнее объяснение с его величеством можно было напомнить - когда военному министру было прямо высказано, что после столь нелицеприятной оценки родственников царя Редигеру будет очень трудно оставаться военным министром…

Последнее, конечно, можно было бы и «проглотить» - однако Редигер понимал, что его дни на посту военного министра сочтены. И приходилось выбирать: или уйти с почетом, или по науськиванию великих князей.

Отдавал ли себе отчет Николай в том, что его же слова противоречат собственным убеждениям – тема отдельного разговора… Пока же Александр Федорович Редигер видел, что Николай весь захвачен «тибетской идеей», а все остальное уходит для него на второй план…

- Ну, хорошо. Не станем разбрасываться, - видя, что разговор получается трудным, император поспешил «сойти» со скользкой темы. – У нас с тобой, Александр Федорович, еще будет время обсудить, и, надеюсь, благополучно разрешить все разногласия. А пока давай-ка вплотную займемся делом Ландсбергов – и покойных, и живых!

- Слушаюсь, ваше императорское величество! – поклонившись, Редигер попятился к дверям, словно не замечая своего рапорта об отставке, который Николай сдвинул на край стола, безмолвно предлагая забрать бумагу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Берлинские неприятности

У парадного входа в клинику стояла вереница одинаковых автомобилей. Перед Ивеличем и Климовым распахнулись дверцы второй по счету. Едва они уселись, как кортеж помчался по берлинским улицам.

- Вряд ли нас удостоят чести лицезреть самого господина комиссара, - бурчал Ивелич, раскуривая очередную сигару. – Невелики мы для них птички! Вот были бы видными революционерами – ну, тогда дело другое!

Однако прогнозы графа не оправдались: русских «невеликих» птичек» провели прямо в обширный кабинет Верховного полицейского комиссара. Тот сделал вид, что

привстал при виде посетителей и показал глазами на диван неподалеку от своего рабочего стола. Место у приставного столика было занято неким дородным господином в черной паре. Судя по позе господина в черном, он был с главой полиции на короткой ноге . Бритое по-актерски лицо, быстрые глаза под густыми бровями не оставляли сомнений в профессии господина, который не счел нужным представиться.

Историю злоключений с «дважды покойным» русским подданным фон Ландсбергом комиссар выслушал не слишком внимательно: судя по всему, он уже знал все, что ему положено знать. Прервав Ивелича на полуслове, комиссар кивнул:

- От лица моего правительства я должен заявить, что не имею никаких претензий ни к вам, ни к вашим друзьям. Вам не возбраняется остаться в Германии – при наличии паспортов и оформлении соответствующих бумаг. Вы вольны также выехать в Россию, либо любую другую – также оформив соответствующие бумаги на вывоз за пределы рейха тела своего усопшего друга. Все остальные вопросы благоволите решать с его превосходительством Гартингом, - комиссар кивнул на молчаливого человека в черной паре. – Этот господин представляет в Германии русский полицейский департамент…

Комиссар поднялся, давая понять об окончании аудиенции. Господин в черной паре не сделал ни малейшей попытки ни продолжить беседу, ни попрощаться.

Слегка ошеломленные краткостью приема у главного должностного лица Берлинской полиции и практически мгновенным решением возникшей проблемы с выездом из Германии, Ивелич и Климов откланялись и покинули кабинет. За дверью они остановились и переглянулись.

- Мистика какая-то! – покрутил головой Ивелич. – Вмешательство полицейского Департамента России налицо, а вот мотивация заступничества мне, признаться, непонятна. А ты что думаешь, Илья?

- Не знаю, что и думать, - признался собеседник, доставая портсигар. – Этот Гартинг не произнес ни слова – ни «здравствуйте», ни «прощайте!». Как с ним связаться? И что нам вообще делать сейчас? Готовиться к отъезду? А как же быть с телом несчастного Карла? Идти в похоронное бюро за гробом? Но ведь немцы великие педанты и аккуратисты – они потребуют докторское свидетельство о смерти от немецких медиков, разрешения местной полиции на вывоз тела… Ну, насчет первого с владельцем клиники, моим старым знакомым, я, пожалуй, договорюсь. А полиция? Не думаю, что в участке поверят нам на слово… Где искать этого Гартинга, в случае чего?

Но искать никого не потребовалось. Не успели друзья преодолеть и одного марша широкой лестницы, как их догнал таинственный представитель русского полицейского департамента. Легкомысленно крутя в пальцах довольно массивную трость, он воскликнул:

- А вот и я, господа! Прошу прощения за то, что своим молчаливым присутствием заставил вас поломать голову! А где же ваш третий друг, господа? Брат усопшего?

- Если вы имеете в виду господина Ганса Ландсберга, то он, признаться, вообще-то не брат покойного, ваше превосходительство, - сухо ответствовал Ивелич. – Он прямой родственник, однако степень сего родства я определить затрудняюсь.

- Понимаю, - озабоченно кивнул Гартинг. – Насколько я осведомлен, родными братьями были далекие предки покойного и ныне здравствующего Ландсбергов. Две ветви одного рода, так сказать. И если я назвал мистера Ландсберга братом, то только для удобства общения, так сказать.

- Как я погляжу, полицейские власти довольно хорошо разбираются в семейных делах людей, еще вчера им незнакомых, - съязвил Климов. – К тому же, насколько я понимаю, именно вам, господин Гартинг, мы обязаны столь лояльному отношению со стороны немецкой полиции? Позвольте поблагодарить вас.

- Не стоит благодарности! – отмахнулся тот. – Вот если бы ваши имена фигурировали в «черных списках» Охранного отделения, а я промолчал бы об этом и тем самым подложил бы немцам свинью – дело другое. Ха-ха-ха! Однако позвольте: как же в дальнейшем именовать мистера Ландсберга?

- Дальним родственником, - не вдаваясь в подробности, пояснил Климов. – И никакой он не «мистер», ваше превосходительство – если вы намекаете на его английский паспорт. То, что он имеет место жительства в заморском владении Британии, не делает его англичанином. Признаться, он любит англичан не больше нашего!

- Ага! То-то я гляжу, что в его лице больше восточных черт, нежели тевтонских, - кивнул Гартинг, и вдруг, сделав несколько быстрых шагов, заступил дорогу друзьям. – Я гляжу, господа, что не слишком вам импонирую? Позвольте осведомиться: это гнилая интеллигентская либеральность или просто отвращение к людям моей профессии? Напрасно, господа! Не все служащие Полицейского департамента занимаются ловлей революционеров. Слегка перефразируя вашу характеристику мистера Ландсберга, не все чиновники по линии МВД – сыщики! Ха-ха-ха! И вообще, господин доктор: как говорится на Руси – не плюй в колодец, пригодится воды напиться!

- Что вам, собственно, от нас угодно, господин Гартинг? – в упор осведомился Ивелич.- Мы не знакомы с людьми, печатающими и распространяющими прокламации, и не имеем в друзьях ни одного террориста.

- А вы колючи, батенька! То бишь, ваше сиятельство, - снова коротко хохотнул собеседник, по-прежнему заступая друзьям дорогу. – Напрасно, напрасно! У вас куча проблем, господа, и я готов решить если не все эти проблемы, то большую их часть!

- В обмен на услуги специального свойства? – скривился Ивелич.

- Бросьте тыкать в меня своими иголками, Марк Александрович! Осведомителей и провокаторов у Департамента, слава Богу, хватает и без вас! К тому же, повторяю, у меня совершенно особый статус, не имеющий отношения в делам типа «хватай и не пущай»! Вам нужно без бюрократических хлопот вывезти из рейха тело друга, который официально уже похоронен в Петербурге? Я готов помочь! Господин Климов, насколько я осведомлен, не слишком торопится в Россию – по совершенно очевидным причинами, так? Вы опасаетесь, что ваши злопамятные недруги-коллеги начнут преследовать вас доносами о незаконной операции и нарушении запрета на медицинскую практику в России, не так ли? И вы имеете весьма лестное предложение по работе здесь, в Берлине. Но ваши немецкие друзья могут передумать, господин Климов! Или иммиграционные чиновники вдруг сочтут ваше пребывание здесь нежелательным. И вам придется либо возвращаться в Россию, либо бежать из Германии куда-нибудь еще… Я уж молчу о том, как вы со своим другом станете объясняться с чинами немецкой и российской пограничной стражи по поводу двойной смерти господина фон Ландсберга…

- Вы нас шантажируете, любезнейший господин Гартинг?

- Боже упаси! Напротив - искренне хочу помочь, – сделал обиженное лицо Гартинг. - Вернее, меня обязали оказать вам всяческое содействие! А вы лезете на рожон, прямо-таки вынуждаете меня развернуться и уйти! Какой это будет новый удар для госпожи Ольги Владимировны Дитятевой – вы об этом подумали, господа? А ваши недруги и завистники в медицинском сообществе Санкт-Петербурга, господин Климов? Они же спят и видят вас на скамье подсудимых! Назвать вам статьи Уложения о наказаниях Российской империи, который вы – из лучших человеческих побуждений, разумеется – нарушили? А ваше участие в похищении из морга Свято-Евгеньевской общины мертвого тела, ваше сиятельство? Что же касается живого мистера Ландсберга, то у него, как вы изволили сами заметить, английский паспорт. И его прежнее пребывание в России без регистрации в посольстве Британии может иметь печальные последствия!

Климов и Ивелич переглянулись. После тягостного молчания Ивелич, покашляв, осведомился:

- Вы достаточно ясно обрисовали нам ситуацию, господин Гартинг! Мы уже поняли, что вы можете нам помочь… А что потребуете взамен?

- Потребовать? Боже меня упаси! Попросить об услуге за услугу – так будет точнее! И услуга потребуется не мне, господа! И даже не от вас– хотя и доктор Климов мог бы внести свою лепту, так сказать. Для начала я предлагаю нам всем поехать на Унтер-ден-Линден[1], где располагается посольство России в Германии. Замечу, что чрезвычайный и полномочный посол России в Германии, граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен, с нетерпением ожидает вашего визита!

- Посол ждет нас? Но зачем?

- Поспешим, господа! – Гартинг мягко взял друзей под руки и повел вниз по лестнице. – Негоже обсуждать государственные дела вот так, походя! Коли желаете, кое-что я дорасскажу вам по дороге в посольство.

Усевшись в автомобиль, Ивелич и Климов продолжили «пытать» Гартинга:

- Не интригуйте, ваше превосходительство! Зачем нам посол? Вернее, зачем ему мы?

- Послу предписано обеспечить ваш дипломатический иммунитет в России. И господину Гансу Ландсбергу, в том числе. С этой посольской бумагой вам никто не посмеет предъявить никаких обвинений! А мои российские коллеги из Департамента полиции помогут быстро и деликатно решить все ваши проблемы!

- Тем не менее, я рискну снова спросить: а что взамен? – упорствовал Ивелич.

- Экий вы подозрительный, граф! – рассмеялся Гартинг. – Ну, хорошо, я только намекну– но имейте в виду, что саму просьбу вы услышите от… его императорского величества, Николая II, по прибытию в Петербург! Да-да, господа! Не больше и не меньше! Я же только замечу: все дело в том, что Ганс Ландсберг, по нашим сведениям, бывал в Тибете.

- Господи, а Тибет тут причем? – заморгал Ивелич.

- Да, он там бывал! – как ни в чем ни бывало продолжил Гартинг. - И даже прожил в одном из тамошних монастырей пару лет, если не ошибаюсь. Что же касается доктора Климова, то он объездил весь свет и владеет обширными медицинскими познаниями и способами лечения болезней, о которых в России и Европе даже не слыхали. Кстати говоря и строго по секрету: Наследник Цесаревич, единственный сын его величества, как известно, болен – что приводит государя в отчаяние…

- Я не специалист в области лечения гемофилии[2], - покачал головой Климов. – Ни я, ни кто-либо еще не может помочь несчастному ребенку!

- Кто осудит отца, который для спасения сына ищет докторов и, простите, шарлатанов по всему миру? – покачал головой Гартинг. – К тому же, составив компанию Ландсбергу, в Тибете вы, возможно узнаете об этой болезни больше… Открою вам еще один секрет, господа: доктор Бехтерев сумел-таки разговорить одного из сектантов, бывших под его наблюдением. И этот сектант уверял, что, побывав в Тибете с группой своих единоверцев, познал многие тайные знания, неведомые современной науке, в том числе

---

[1] У здания русского посольства довольно забавная история. Поскольку продажа земли в Берлине разрешена только для граждан города, русский император НиколайI становится Почётным гражданином города и на полном основании приобретает участок земли с особняком на престижном бульваре в доме № 7 становится его собственностью и владением России.

[2] Гемофилией был болен цесаревич Алексей – единственный сын последнего российского императора. Алексей унаследовал страшную болезнь по линии матери, Александры Федоровны. Болезнь стала очевидной осенью 1904 г., когда у двухмесячного младенца начались тяжелые кровоизлияния из пупка.

и в области медицины. Он клялся, что старец Никитин наверняка мог бы вылечить Наследника!

- Господи, теперь еще и сектанты какие-то! – схватился за голову Ивелич. – Причем тут сектанты?

- Весьма таинственный и редкостный сектантский толк. Если не ошибаюсь, они называют себя «странниками», или «бегунами».

- Тибет, конечно, хранит много тайн, - задумчиво кивнул Климов. – К сожалению, в своих странствиях по свету я туда так и не смог попасть: тамошние аборигены не пускают к себе иностранцев. Как же ваши «бегуны» сумели договориться с ними? И тем паче – вызнать у них какие-то древние тайные знания?

- Ей-богу, понятия не имею! – прижал руки к груди Гардинг. – Вот вернетесь в Петербург – и все узнаете сами!

- Эти «странники», ваше превосходительство: в чем же дело? Неужелис ним никак нельзя договориться? – недоверчиво поинтересовался доктор Климов. – Речь-то идет не о рядовом пациенте, а о наследнике престола! Неужели эти сектанты не понимают, что лучше иметь самого могущественного человека России в союзниках, нежели во врагах?

- Видите ли, согласно вере этих «странников» наш император, храни его Господь, является олицетворением Антихриста. Они предпочли умереть, но не пожелали иметь с властями никаких дел. О-о, я, кажется, сказал лишнее, господа! Считайте, что вы ничего не слыхали! Так что – вы намерены подтвердить его высокопревосходительству графу Остен-Сакену свое намерение получить дипломатический иммунитет для возвращения в Россию? Мы уже подъезжаем…

- А у нас есть выбор? – угрюмо пробормотал Ивелич.

- Выбор у человека есть всегда! Важно лишь сделать его правильно! – весело заметил Гартинг, первым выскочив из остановившегося у посольства автомобиля. – Но умоляю: ни слова послу о Тибете! Ни он, ни кто-либо другой в министерстве иностранных дел империи ничего не знает о планах государя на сей счет!

* * *

Настоящим именем Аркадия Михайловича Гартинга было Авраам Мойшевич Геккельман. У него была довольно путаная биография. Будучи студентом Горного института в Петербурге, он примкнул к народовольцам, довольно скоро попал в поле зрения «охранки» и арестован. В камере студент обратил на себя внимание инспектора Санкт-Петербургского охранного отделения подполковника Отдельного корпуса жандармов Судейкина, великого знатока человеческих душ. Судейкину не потребовалось много времени для того, чтобы поначалу нагнать на купеческого сынка еврейского происхождения ужас предстоящим ему судом и каторгой, а потом сделать предложение, от которого Авраам не смог отказаться. Уже после недельной «обработки» Геккельман подписал обязательство стать тайным агентом Департамента полиции.

Для начала Судейкин дал новообращенному агенту несколько мелких поручений, и весьма скоро понял, что не ошибся в своем выборе. Авраам работал на «охранку» весьма виртуозно. Как говорится, уже не за страх, а за совесть. И вскоре полицейское начальство решило, что Геккельману можно поручать что-то более серьезное, чем «сдавать охранке» товарищей-революционеров. С благословения Судейкина Геккельман получил задание перевестись в Дерптский университет в нынешней Эстонии, где он быстро возглавил антиправительственный кружок и принял активное участие в издании газеты «Народная воля».

Вскоре Геккельман выдал «охранке» наиболее рьяных товарищей-революционеров и заодно - законспирированную типографию. Однако после этого попал под серьезное подозрение народовольцев, и, опасаясь разоблачения, с помощью Департамента полиции

спешно укрылся за границей с новым паспортом, выданным Охранным отделением. В Париже, став Абрамом Ландезеном, он сумел войти в доверие эмигрантской народовольческой среды и вскоре стал считаться большим теоретиком и практиком по линии террора. Народовольцы считали его сторонником самых радикальных методов, и Ландезен искусно поддерживал этот имидж, настаивая, в частности, на покушении на императора Александра III. С этой целью при активном содействии и участии Ландезена в Париже было организовано производство бомб.

Дождавшись момента, когда готовые бомбы были розданы готовым на все «единомышленникам», Геккельман-Ландезен сообщил французской полиции о готовящемся заговоре. В результате около трех десятков террористов предстали перед судом в Париже; некоторые из них были приговорены к тюремному заключению. Успешно выполненное задание «охранки» принесло Геккельману-Ландезену статус почётного гражданина с правом повсеместного проживания на всей территории Российской империи и пожизненный пенсион в 1000 рублей в год.

Однако в Россию он не спешил, опасаясь разоблачения. В Висбадене он решил принять православие, и стал именоваться Аркадием Михайловичем, а чуть позже изменил фамилию на Гартинг. Обряд крещения был совершен настоятелем русской посольской церкви в Берлине, а восприемниками выкреста стали секретарь русского посольства в Берлине Муравьёв и жена сенатора Мансурова.

Несколько следующих лет Гартинг провёл в командировках по Европе: ему было доверено сопровождение и охрана высочайших русских особ, выезжающих по разным делам за границы империи. В 1900 году он же, уже в чине титулярного советника, возглавил Берлинскую агентуру Департамента полиции. Активно взаимодействуя с германскими коллегами, он успешно завербовал на тайную службу в «охранку» несколько русских эмигрантов.

С началом русско-японской войны Гартинг, облечённый особым доверием руководства полиции, получил задание обеспечить безопасность следования Второй Тихоокеанской эскадры. Он создал сеть из более чем 80 наблюдательных пунктов, зафрахтовал до 12-ти судов, задействовав агентуру на территории Дании, Швеции, Норвегии и Германии. Дело было развернуто с необычайной широтой, что требовало огромных средства, предоставляемых в распоряжение агента российским Департаментом полиции.

Принимая во внимание невысокие нравственные качества Гартинга, полицейское начальство часто сомневалось в достоверности предоставленных им сведений и неоднократно ловило агента на преувеличениях своей деятельности, а иногда даже откровенных фальсификациях. Тем не менее, осенью 1904 года долгая заграничная командировка Гартинга была завершена, а его работа высоко оценена русским командованием. Вскоре Гартинг был произведён в статские советники, став Заведующим Заграничной агентурой в Париже, а потом в Берлине.

* * *

Рандеву с послом оказалось едва ли не короче, чем с Верховным комиссаром Берлинской полиции. Все необходимые для беспрепятственного въезда друзей в Российскую империю бумаги были уже готовы. Получив на сей счет строжайшие указания из российского МИДа, но не получив вразумительных разъяснений, граф Остен-Сакен был готов услышать их от посетителей. Но увы…

Доставив своих подопечных обратно в клинику, Гартинг заверил, что никаких препятствий на их пути в Петербург более не предвидится. Беря у него визитную карточку с номерами телефонов, Ивелич все же не сдержал любопытства:

- Ваше превосходительство, позвольте последний вопрос: как вы оказались приобщены к столь важным секретам императорского двора?

Гартинг рассмеялся:

- Еще в 1893 году я имел счастье быть командирован в Кобург-Гота, на помолвку Наследника Цесаревича Николая Александровича с Алисой Гессенской. А годом позже мне же была высочайше доверена охрана в Копенгагене его монаршего батюшки, императора Александра III. В моем дальнейшем послужном списке значится и поездка с Александром Миротворцем в Швецию и Норвегию на высочайшую царскую охоту, и участие в охране цесаревича Георгия, когда тот жил на юге Франции, и сопровождение Николая II в Париже… У вас есть еще вопросы, ваше сиятельство?

- Пожалуй, что нет, - пробормотал ошарашенный Ивелич.

РЕТРОСПЕКТИВА – 13 Охота в Парголово

Как и следовало предполагать, срочно выехавшая в Парголово бригада сыщиков из Охранного отделения никаких бородачей на дебаркадере станции не обнаружила. Сообщивший об этом Лаврову полковник Герасимов предложил организовать в дачной местности плотное прочесывание и установку наблюдательных постов силами «охранки», однако ротмистр, после короткого размышления, эту идею мягко отклонил:

- Сами были у профессора в «гостях», полковник. И не могли не обратить внимания на то, что со старцем и его жезлом, будь он трижды неладен, происходит какая-то явная чертовщина. По моему разумению, прежде чем людей в Парголово бросать, надо бы осторожненько дальнюю разведку произвести. И с Бехтеревым спокойно потолковать бы, побольше узнать у него о пакостных свойствах всех этих жезлов, золотых игл в головах «странников» и прочем. Про возможности гипноза я, к примеру, мало что знаю. Вы, полковник, полагаю, тоже. Разве не так?

В слуховом рожке телефонного аппарата что-то долго трещало и щелкало, потом опять прорвался голос Герасимова:

- Ну, коли контрразведка так полагает – быть по сему. Отзову своих «волкодавов» из шуваловских[1] владений. Однако мнится мне, Владимир Николаевич, - Герасимов примолк.

- Алло, алло! Вы на проводе, полковник?

- Я-то на проводе, - послышался короткий смешок. – Мнится мне, говорю, господин ротмистр, что сами хотите, без конкурентов, так сказать, в дамки выйти! Или не так?

- Помилуйте! К чему какие-то нелепые обиды, полковник? Обещаю вам: ежели появится в моей бедовой головенке что-то конкретное насчет старца и его поимки – непременно поделюсь и посоветуюсь! Слово чести!

- Даю отбой! – помолчав, без комментариев завершил разговор Герасимов.

Ревность, усмехнулся про себя ротмистр, ловко накидывая на крючок аппарата слуховой рожок. Служебная ревность, и ничего более! Разведочному отделению под его, ротмистра, началом, без года неделя, как говорится – вот старый «волчара» Герасимов, съевший зубы на государевой службе в «охранке», и ревнует!

Днем рождения первого российского контрразведывательного органа стало 20 января 1903 года – в тот день военный министр генерал Алексей Куропаткин представил молодому императору Николаю II доклад, в котором подчеркивал, что система боевой

[1] Парголовскую мызу со всеми входящими в неё селениями и угодьями В 1746 году императрица Елизавета Петровна подарила Петру Ивановичу Шувалову по случаю возведения фаворита в графское достоинство еще в 1746 году. Шуваловы владели этой округой более 150 лет. После смерти последнего графа в 1903 году усадьбу унаследовал его родственник Илларион Воронцов-Дашков.

подготовки армии, а равно разработка Генштабом стратегических планов приобретают действительное значение лишь в том случае, когда они остаются тайною для предполагаемого противника. А посему охранение этой тайны и обнаружение преступной деятельности лиц, выдающих ее иностранным правительствам, являются делом первостепенной важности.

Задача создаваемого специального органа, по мнению Куропаткина, должна была заключаться в установлении негласного надзора за путями тайной военной разведки и конечными пунктами лиц, состоящих на государственной службе внутри страны.

Слухи вокруг нового Разведочного отделения поползли едва ли не сразу, как высохли чернила на разрешающей императорской резолюции. Почему, скажите на милость, решение контрразведывательных задач нельзя было поручить Департаменту полиции, чей Особый отдел достаточно эффективно занимался разработкой политических партий как в России, так и за ее пределами?

В мотивировочной части доклада военного министра на сей счет говорилось, что обнаружение лиц, занимающихся шпионской деятельностью, Департаменту полиции не свойственно, ибо названное учреждение имеет свои собственные задачи и не может уделить на дополнительные и весьма специфические задачи ни достаточно сил, и средств, а, во-вторых, потому, что в этом деле, касающемся исключительно военного ведомства, от исполнителей требуется полная и разносторонняя компетентность в военных вопросах. Устно же Николаю было выражено не лишенное оснований опасение в давней привычке «охранки» грешить взятием благодарности за «закрывание глаз» на серьезные «шалости» высокопоставленных лиц.

По этой же причине во главе Разведочного отделения был поставлен не «балованный» петербуржец, а переведенный из Тифлисской «охранки» никому не известный ротмистр Лавров. Как это издавна водится на Руси, вслед за собой «варяг» привел за собой в Петербург команду, с коей весьма успешно работал в Тифлисе. Костяк отделения образовали старые сотрудники Тифлисской охранки, унтер-офицеры сверхсрочники Анисим Исаенко и Александр Зацаринский. Ими была сформирована бригада наружного наблюдения в составе девяти человек. И вот теперь, направляясь для разговора с профессором Бехтеревым в Военно-медицинскую академию, ротмистр между делом прикидывал расстановку сил для операции в Парголово.

* * *

Светило медицины и исполняющий должность начальника Военно-медицинской академии профессор Бехтерев встретил недавних посетителей с откровенным недовольством.

- Ничем порадовать не могу, господа, - едва не с порога заявил он. – Как вы уже знаете, после весьма плодотворной работы с жезлом внезапно взбунтовался, сбежал из охраняемого корпуса загородной лечебницы и перерезал себе горло последний мой пациент. И это после того, как я потратил на него уйму времени и добился несомненного прогресса в установлении с ним контакта!

- Мне остается только еще раз выразить вам свои сожаления, господин профессор, - развел руками Лавров. – А что говорят о его внезапной вспышке буйства дежурные доктора? Ведь насколько я понял, этот пациент был у вас там под неусыпным наблюдением?

- Разумеется. Сопоставив время «диалога» вашего тибетца со старцем посредством жезла, можно сделать вполне определенный вывод о том, что Павел Евдокимов, последний из «бегунов», каким-то образом стал виден своему старцу. Дежурный доктор в своем объяснении пишет, что Евдокимов – он в это время ужинал – вдруг резко замолчал и стал вроде как прислушиваться к чему-то или кому-то. Доктор попытался привлечь его

внимание, но бедняга его не слышал. Доктор кликнул сторожа, чтобы тот присмотрел за пациентом, а сам кинулся к телефону, чтобы поставить меня в известность. Добраться до телефонного аппарата он не успел – раздался крик сторожа и шум. Доктор повернул обратно к палате больного, но увидел только распахнутую дверь во второй коридор, ведущий к выходу. Наружная дверь была тоже распахнута, а следы вели к забору. Кстати говоря, забор в лечебнице в полторы сажени, и чтобы допрыгнуть до его верхней кромки, нужно быть, не побоюсь этого слова, изрядным спортсменом.

Слушая рассказ профессора, Лавров, чтобы не прерывать его, делал короткие пометки в блокноте – с тем, чтобы задать уточняющие вопросы попозже.

- Будучи убежденным в том, что пациент каким-то образом перемахнул через высокий забор, доктор кликнул на помощь наружного сторожа. Вдвоем они открыли калитку и бегом кинулись к месту предполагаемого перелаза. Однако никаких следов там не оказалось. Поняв, что их обманули, доктор и сторож вернулись во двор лечебницы и нашли следы, ведущие к сарайчику. Там пациент и был обнаружен – с перерезанным горлом.

- Понятно… Стало быть, этот сектант сначала попытался бежать через забор, но, убедившись, что это невозможно, где-то спрятался, а когда преследователи выбежали наружу, проник в сарайчик и там… Гм… Профессор, вот вы работали со своим пациентом около двух лет. А что вам удалось узнать о нем самом? О том, как он попал к «странникам»?

- Павел Евдокимов, обыкновенный молодой мужик из Вятской губернии, - передернул плечами профессор. – Вместе с отцом и двумя братьями занимался отхожим промыслом – мастерили тележные колеса, гнули дуги, ездили по ярмаркам. На одной из таких ярмарок и состоялась встреча Евдокимова со старцем. Якобы тот сам подошел к братьям, но заговорил только с Павлом. Ласково так заговорил, проникновенно. И позвал его с собой – тот, не проявляя ни малейшего сопротивления, пошел за ним. Братья кинулись было за ним, остановить хотели, старцу по шее накостылять – а тот обернулся и так на них поглядел, что у преследователей, как они вспоминают, словно ноги к земле приросли. И ужас их обуял. Так и стояли, пока Павел со старцем в толпе не затерялись.

- Так-так-так…

- Вот, собственно, и все, что мне удалось из него вытянуть, - признался Бехтерев. – Не считая, разумеется, всякой старообрядческой чепухи о «неправильности» прежней веры, о воцарении на земле Антихриста и необходимости спасаться от него.

- Но он со старцем побывал в Тибете?

- Нет. Насколько я понял, свой поход в эту горную страну старец Никитин совершил до встречи с Евдокимовым.

- Но что-то о Тибете он рассказывал? – не отставал Лавров. – Ну, хотя бы со слов прочих «бегунов», побывавших там?

Бехтерев устало покачал головой:

- Думаю, что Никитин рассказывал своей «пастве» кое-то о Тибете, но одновременно ставил в сознании Евдокимова некий психологический барьер, запрещающий говорить с кем-либо посторонним на эту тему.

- Стало быть, опять гипноз? – предположил Лавров. – Однако, насколько я осведомлен, далеко не все люди подвержены гипнотической внушаемости. Не так ли, господин Бехтерев?

- Совершенно верно, - подтвердил тот. – Однако должен заметить, молодой человек, что многое здесь зависит от квалификации самого гипнотизера, или, иначе говоря, медиума. Чем сильнее медиум, тем больше у него возможностей воздействовать на психику пациента.

- Судя по отзывам, вы, профессор, являетесь одним из сильнейших гипнотизеров. И не только в России…

- Ну-у, уж вы скажете, батенька! – усмехнулся профессор. – Скажем так: способности у меня незаурядные. Однако в лице старца Никитина я столкнулся с неким, не побоюсь этого слова, уникумом. Не желаете наглядно убедиться, господин ротмистр?

И, не слушая возражений посетителя, Бехтерев повлек Лаврова в один из многочисленных коридоров первого этажа своей клиники.

В развевающемся белом халате, накинутом на мундир, он стремительно зашагал вперед, через плечо давая пояснения.

- Должен признаться, господин ротмистр, что в лице этих «странников» я впервые столкнулся с таким сложным и малообъяснимым случаем так называемого массового воздействия на пациентов. Для меня пока очевидно одно: все, кто общался со старцем, подвергался сильнейшему гипнотическому воздействию незаурядного специалиста своего дела. Специалиста высочайшего, полагаю, класса, ибо постановка перед реципиентом задач продолжала, как вы знаете, производиться и дистанционно. В своих опытах я могу, в принципе, поставить перед введенным в транс пациентом любую задачу, и он непременно выполнит ее даже по прошествии времени! Вот, не угодно ли взглянуть?

Бехтерев круто остановился перед одной из запертых дверей, открыл ее универсальным ключом и пропустил посетителей вперед.

- Мы держим пациентов этого этажа под замком, потому что почти все они страдают тем или иным душевным заболеванием, - тихо пояснил он и громко поздоровался. – Здравствуйте, господа!

Ему вразнобой ответили. Несколько человек сели на своих кроватях, приветливо улыбаясь.

- Вот видите, они улыбаются, - продолжил Бехтерев. – Они привыкли ко мне и процедурам и знают, что я не причиню им боли или зла. Господин Семенов, пожалуйте-ка ко мне поближе!

Бехтерев сделал несколько пассов, и стоящий перед ним человек закрыл глаза.

- Ротмистр, для чистоты эксперимента выберите любую газету из лежащих на столе, и пометьте в ней любую заметку или объявление. Вот эта? Прекрасно! Теперь возьмите несколько газет и бросьте их на пол – так, чтобы пациент по дороге к тумбочке никак не мог миновать их. Теперь я внушу пациенту приказ ровно через три минуты проснуться, встать, подойти к тумбочке, а по пути перепрыгивать через несколько барьеров высотой около фута.[1] Подойдя к тумбочке он должен найти заметку под заголовком «Щедрый дар» и отчеркнуть ее карандашом. Готово? Бужу пациента… Господин Семенов, как вы себя чувствуете?

Тот неопределенно пожал плечами:

- Нормально, доктор.

- Ну, тогда ложитесь, голубчик! На сегодня я вас более не побеспокою!

Отведя Лаврова в сторонку и, делая вид, что знакомит его с выписками из историй болезней пациентов, Бехтерев зашептал:

- Засекаем время! Поговорите с Семеновым, ротмистр! Можете спрашивать его о чем угодно. Он с удовольствием ответит на ваши вопросы!

Семенов, действительно, оказался человеком разговорчивым. Он рассказал о своей булочной лавке, детях, жене. Однако через три минуты он замолк, извинился, и, пробормотав:

- Извините, я должен…

---

[1] Примерно 30 см в метрической системе.

Он встал с кровати, оглянулся и неуверенно направился к тумбочке с газетами. Лавров затаил дыхание. Дойдя до первой газеты, пациент постоял и вдруг высоко подпрыгнул, как будто пербд ним был действительно высокий барьер. Допрыгав до тумбочки, он перебрал газеты, выбрал одну и обвел карандашом одну из заметок.

Щедрый дар

РЯЗАНЬ. В Егорьевске состоялось открытие нового технического училища, построенного в дар городу депутатом-миллионером Бардыгиным. На постройку училищных зданий затрачено около миллиона.

Положив газету на место, он вернулся к своей койке – на сей раз безо всяких прыжков.

- Простейший опыт, - прокомментировал Бехтерев. – Можете расспросить человека – почему он прыгал через газеты и отчеркнул именно нужную заметку. Он будет мучиться, но так и не вспомнит о содеянном, потому что я внушил ему приказ забыть обо всем. Он непременно вспомнит все, если я снова погружу его в транс и прикажу вспомнить. С нашими же пациентами все гораздо сложней! В свое время они получили приказ гипнолога ничего не говорить, ни с кем не общаться, не принимать пищу и умереть. Однако наблюдение показывает, что они время от времени мысленно общаются с гипнологом и получают новое подтверждение приказа. Не исключено, что они также мысленно сообщают своему реципиенту о том, что с ними происходит, о чем говорят окружающие их люди, чего они хотят. Вот такое, господин ротмистр, мне, увы, неподвластно…

- Мы говорим о телепатии? – недоверчиво поинтересовался Лавров. – Но, насколько мне известно, гипотетическая способность мозга передавать мысли, образы, и чувства другому мозгу или организму на расстоянии, либо принимать их от него, без использования каких бы то ни было известных средств коммуникации или манипуляции, не имеет сегодня надежных экспериментальных доказательств!

- Я гляжу, вы основательно подготовились к сегодняшнему визиту, ротмистр! Вы правы! – вздохнул Бехтерев. – В свое время я проводил эксперименты с телепатической передачей приказов дрессированным собакам. И увы: ничего не добился! Да и с этими «бегунами» я много раз пытался снять блок полученного ими приказа из их сознания. Мы делали им инъекции препарата, подавляющего волю. И под воздействием этого препарата я пытался перехватить контроль над их сознанием.

- И что же?

- Они выполняли по моему приказу простейшие команды. Но как только действие препарата кончалось, все возвращалось к истокам. Они отрыгивали все съеденное и продолжали поиск средств для самоубийства.

- Значит, ничего нового я здесь не узнаю, - вздохнул Лавров.

Профессор удрученно развел руками. И неожиданно поинтересовался:

- Могу ли я узнать господин ротмистр: а почему это ваше военное ведомство так сильно заинтересовалось «странниками»?

- Homo proponit, sed Deus disponit et[1], профессор! А вдруг я решил поменять свою жизненную специальность? - отшутился Лавров.

- И тут секреты, - проворчал профессор. – Ну, что ж, идемте ко мне в кабинет. Все, что можно было, я вам уже показал.

В кабинете профессора Лавров не стал тратить время на пустопорожние беседы и начал с вопроса, который волновал его более всего:

[1] Человек предполагает, а Бог располагает (лат).

- Как вы понимаете, господин профессор, старца будут усиленно разыскивать. И, смею надеяться, в конце концов разыщут. Мне нужен профессиональный совет гипнотизера и невролога: как моим людям избежать пагубного воздействия на свою психику? Учитывая печальный опыт мгновенного подавления Никитиным воли сыщиков и даже ваших сотрудников, этот вопрос представляется мне первостепенным. Вот идет мой человек по улице, и вдруг навстречу этот негодяй. Вопрос: успеет ли сыщик, скажем, вытащить оружие и серьезно ранить противника? Или все кончится тем, что «бегун» мгновенно мысленно «перевербует» сыщика и заставит в лучшем случае его просто «не заметить»? Или хуже того: внушит мысль, что вокруг одни революционеры и самым правильным будет открыть огонь не по нему, а по невинным людям?

- Спросили бы чего полегче, господин ротмистр! – проворчал Бехтерев, ворочаясь в своем обширном кресле.

- Кстати, раз уж мы работаем над одной проблемой – может, обойдемся без высокопарной официальщины? – ввернул Лавров. – Меня зовут Владимир Николаевич…

- Почти полные тезки, - буркнул Бехтерев, протягивая широкую ладонь. – Не возражаю: Владимир Михайлович, к вашим услугам! Значит, вас интересуют методы противодействия гипнотическому влиянию старца?

Лавров молча кивнул и достал блокнот. Бехтерев усмехнулся:

- Хотите законспектировать основные тезисы? Ну-ну… Тем более, что без небольшой лекции на тему гипноза нам, боюсь, не обойтись! Я всегда говорил, что внушаемость - это явление, свойственное всем и каждому. Она заложена в природе человека и основана на прямом или косвенном влиянии слова или психических импульсов на ход мыслительных процессов, действия и поступки, а также на все другие многочисленные физиологические и психические функции организма человека. Причем большинство этих процессов происходят столь привычно и естественно, что обычному «хомо сапиенсу» зачастую невозможно осознать, что на него оказывается гипнотическое влияние и уж тем более невозможно эффективно противостоять ему.

- Но все же это возможно? – упорствовал Лавров.

- Безусловно. Суть гипноза в том, чтобы полностью направить внимание человека на что-либо, и в это время сделать нужную установку. Для этого вовсе не нужно усыплять человека или махать перед его носом маятником. Есть множество эффективных способов оперативного введения в транс. Один из способов – перегруз сознания. Быстро проговорив некую абракадабру, манипулятор заставляет ваше сознание разбираться в ней, а сам делает нужное внушение. Второй способ – так называемая экстрим-атака на сознание. Суть ее – быстрое создание непривычной и нелогичной для человека ситуации. Тут главное – застать человека врасплох. Например, при неспешном разговоре человека вдруг резко хватают рукой сзади и тянут вниз. Результат таких действий – кратковременный, в 2-3 секунды транс, во время которого делается любое внушение. Например - слушайся меня… спать… отдай деньги.

- Владимир Михайлович, мы не уходим от главной темы?

- Для противодействия внушению главное – осознать, что на Вас воздействуют. Понять, что человек подвергается гипнотическому воздействию, может каждый. В-первых, нужно четко определять основные признаки манипулирования: собеседник копирует Вашу позу, манеру говорить, начинает подстраивать фразы под ритм Вашего дыхания, проговаривая их на Вашем выдохе. Или пытается вызвать во время разговора чувство неловкости, вины за что-то. Во-вторых, нужно анализировать свои внутренние ощущения во время общения.

- Так что же прикажете делать, если во время разговора я вдруг пойму, что на меня воздействуют? – упорствовал ротмистр.

- Во-первых, важно всегда помнить о своих целях. Как только поняли, что Вас начинают уводить в сторону, возвращайте разговор в нужное вам русло. Если чувствуете, что вас «грузят», уходите во внутренний транс, отключаясь от происходящего вокруг.

- Это как?

- Сосредоточьтесь на каких-либо воспоминаниях, представьте какое-либо событие или действие. Неплохой защитой может быть выстраивание воображаемой защитной стены между собой и оппонентами. Побыв немного «в себе», вы тем самым пропускаете большую часть внушений мимо и вновь можете приступать к переговорам. Довольно сильной защитой является внутренний монолог. Ощутив воздействие, неплохо прочесть молитву, вспомнить любимые стихи. Эффект тут однозначен: манипулирование теряет силу из-за разрыва контакта с гипнотизером. Лучшим же способом, на мой взгляд, является полный разрыв контакта – надо просто уйти от манипулятора. Можно сослаться на любую причину, а можно просто уйти без всяких объяснений. Это лучше, чем потом жалеть о потерях.

Лавров рассмеялся:

- Так зачем же затевать нашу «игру», если при появлении подозреваемого нужно бежать от него со всех ног?

Бехтерев заметно смутился:

- Но ведь мы говорили о противодействии гипнозу вообще, Виктор Николаевич! Признаю, что рецептов на все случаи просто не имею! К тому же, мы имеем дело с крайне необычной – во всяком случае для меня – формой манипулирования сознанием. Например, ни один известный мне гипнотизер не согласится работать с кем-либо на расстоянии. Эффект от гипнотического воздействия предопределен непосредственным влиянием на сознание человек при визуальном контакте. А наш старец работает дистанционно – да еще как!

- Вот что, - решил, наконец, Лавров. – Давайте сделаем так, профессор: чтобы не играть в «испорченный телефон», я подберу команду для работы в Парголове и пришлю этих людей к вам. Надеюсь, вы не откажете в любезности проверить мою методу отбора, а главное – лично проинструктировать людей. Ну, согласны?

- Куда от вас денешься? – со вздохом согласился Бехтерев. – Только помните, дорогой Владимир Николаевич, никаких гарантий безопасности я дать не могу!

* * *

- Как вы понимаете, господин полковник, я со своим десятком людей с прочесыванием Парголово никак не справлюсь. Так что прошу вашей помощи…

Сдерживая торжествующую улыбку, Герасимов кивнул:

- Разумеется, ротмистр. Сколько людишек вам предоставить?

- Для начала бы хотелось взглянуть на крупномасштабную карту Парголово, определить на ней наиболее перспективные места для стационарных постов и патрулирования. У вас нет такой, случаем?

- У «охранки» все имеется, - с оттенком самодовольства хмыкнул Герасимов, доставая из ящика стола заранее приготовленную карту местности и разворачивая ее на приставном столике. – Не в обиду будь сказано, ротмистр: позвольте на правах коренного петербуржца коротко ознакомить вас с историей этого северного пригорода столицы. Будет полезно, обещаю!

- Ну что ж, - вздохнул Лавров. – Ну, что ж, зубодробительную лекцию о природе гипноза от профессора Бехтерева я уже выслушал. Почему бы для разнообразия не просветиться насчет истории?

- Название "Парголово" появилось во время основания Санкт-Петербурга, и началось с территории, начинающейся от бывшего села Спасское. Считается, что само название

происходит от бывшей здесь старинной чухонской деревни Parkala. которое родилось от финского имени Парко. Существует и древняя легенда, согласно которой название берет начало от финского слова "пергана", в переводе означавшее черта.

- Просто замечательно, - мрачно буркнул Лавров. – «Черт» - это весьма похоже на человека, за которым мы начинаем охоту. Но есть ли тут укромные местечки для этого нашего «черта»?

- Сколько угодно! – заверил Герасимов. – Но я упомянул не все варианты истории наименования, ротмистр! Рассказывают, что эта местность в старину была сплошь покрыта лесом, наводившим на жителей суеверный страх и порождавшим зловещие легенды. По одной из них, местность сия получила свое название оттого, что здесь трижды происходили жестокие сражения со шведами. Бились так, что ***пар*** из ***голов*** шел. От этих слов, утверждают, и ведет Парголово свое непривычное для русского слуха название.

Соседнее владение, Осиновая Роща, сегодня также входящее в Парголовский округ, в 1710 году Петр I подарил генерал-адмиралу Апраксину. Впоследствии мызой владели не менее известные графы Орлов, Потемкин, князь Лопухин. Усадьба принадлежала также семейству Левашовых-Вяземских, чьи фамилии остались в названии соседнего округа и утраченной ныне усадьбы.

- Положа руку на сердце, полковник: вы специально готовили сей экскурс в историю? – поинтересовался Лавров.

- Не без этого-с! Итак, продолжим. Местность стала обживаться с того момента, как Парголово перешло в руки Шувалова. В состав имения входили нынешняя Поклонная гора, Озерки, Шувалово, деревни Кабаловка, Старожиловка, Заманиловка и Новоселки. Предположение, что Старожиловка была первоначально заселена чухонцами и являлась старым Парголовом, подтверждается тем, что именно здесь до середины прошлого века имелась лютеранская церковь. Это дает нам право предполагать, что Старожиловка, как говорит ее название, является наиболее ранним поселением на данной территории. По мере расчистки лесов эта местность стала мало-помалу заселяться. Появилось поместье, была выстроена усадьба и разбит парк. У самой своей усадьбы Шувалов повелел насыпать большой холм и назвал его Парнас.

- Этот Парнас без сюрпризов? – поинтересовался Лавров, внимательно разглядывая карту. – Я имею в виду какие-либо тайные пещеры, подземные ходы и прочее? Наши «странники» обожают селиться в таких подземных обиталищах.

- Подземных ходов в парке хватает, - кивнул Герасимов. - По легенде, у сих ходов Шуваловского парка было прагматическое назначение: здесь разрабатывали и производили опытные экземпляры знаменитых пушек, мощных "единорогов", в немалой степени обеспечивших победу русской армии над армией Фридриха II. Обращаю также ваше внимание, ротмистр, на дорогу, проходящую через Парголовское имение Шуваловых. Она соединяла Петербург с Выборгом, а посему и заселение местности шло вдоль Выборгского тракта. В середине XVIII века сюда были переселены крепостные крестьяне из Вологодской и Владимирской губерний, принадлежавшие Шуваловым, и образовались три крупных поселения: Большая Суздальская, Маленькая и Большая Вологодские слободы.

- Преклоняюсь перед скрупулезностью вашей подготовки, но пока не вижу, чем ваш экскурс в историю может нам помочь, - заметил Лавров.

- Погодите, ротмистр, дойдем и до сути! Начиная с 30-х годов минувшего века унылый и дикий облик Парголово начинает меняться. Дач, мыз и деревень по этой дороге было немного, но постепенно Парголово становится одной из любимых дачных местностей. Пребывание здесь считалось настолько благоприятным, что в 1830 году, когда в столице вспыхнула холера, многие петербуржцы спасались от нее имено в парголовских местах.

- А что с дорогами, полковник? Все они тут обозначены?

- В самом начале прошлого столетия сообщение Парголова с Петербургом было не очень удобным. Для поездок сюда дачники, в основном, пользовались крестьянскими дрожками или телегами, иногда можно было воспользоваться почтовой каретой. Позже появились Спасские конные дилижансы, которые курсировали от Гостиного Двора до Круглого озера, а далее до Парголово. Вскоре дилижансы стали ходить до Парголова от Казанского собора. Потом, разумеется, сюда дотянулась и железнодорожная ветка.

Лавров несколько минут разглядывал карту, потом достал из стаканчика карандаш и сделал несколько пометок, поднял глаза на себеседника:

- Основное внимание я бы предложил сосредоточить на самом вокзале. Присутствие там старца Никитина вполне может говорить о том, что он обитает не в самом Парголове, а только приезжает сюда по своим надобностям. Кроме того, вокзал – идеальное место для временного штаба розыскных работ. Согласны, полковник?

- Разумно, - согласился тот. – А как насчет прочесывания местности?

- Сначала я бы предложил, не привлекая излишнего внимания, направить в Парголово две передовые бригады, душ этак по пять – шесть. Одна опросит весь железнодорожный персонал станции, вторая под видом землемеров или какой-нибудь врачебной комиссии объедет все поселки и соберет в назначенное время всех старост и сторожей дачных поселков. Опросим их на предмет появления бородатого человека средних лет, одетого старомодно.

- Небольшое дополнение, - кивнул Герасимов. – Мальчишки! Нельзя упускать из виду этих пострелят: они везде бегают, везде лазят и много видят. Кроме того, я бы потолковал с местным батюшкой и пастором лютеранской церкви: не было ли в последние месяцы заметного оттока паствы?

- Дельно! – согласился Лавров. – «Странники» начинают свое проникновение в ту или иную местность с того, что переманивают в свою веру крестьян, кои не желают платить земельные и подушные налоги. Так что священнослужители непременно заметят это дело.

- Ну, а потом, в зависимости от результатов первой разведки, будем думать, что делать дальше, - подвел черту Герасимов. – Кстати, не забыть бы про поместье – оно в данный момент пустует, и никого, кроме прислуги, там нету. А парк при поместье, ежели помните мой исторический экскурс, ротмистр, буквально изрыт траншеями и подземными ходами – остатками фортификационных сооружений. Там не то что старца – небольшую армию укрыть можно!

- Теперь насчет людей, участвующих в нашей операции, господин полковник. Я имею договоренность о сотрудничестве с профессором Бехтеревым. Он обещал провести с отобранными людьми беседу о способах избегания гипнотического воздействия старца, буде он им попадется. А сейчас мне пришла в голову еще одна мыслишка: попрошу-ка я проинструктировать наших разведчиков – как именно надо расспрашивать местных обитателей Парголово насчет бородатого незнакомца.

- Что именно вы имеете в виду, ротмистр? – поинтересовался полковник, складывая карту и пряча ее в шкап.

- Нельзя исключать того, что кто-то из парголовских аборигенов уже сталкивался со старцем Никитиным. И тот, пользуясь своими сверхспособностями, приказал этим людям забыть о встрече с ним. Меня, в частности, интересует: есть ли у нашего гения неврологии и гипноза способ определить таких людей?

- Мысль интересная, господин ротмистр, - хмыкнул Герасимов. – Весь вопрос в том, согласится ли светило европейской величины бросить все ученые занятия в академии и лазить с нашими сыскными по лесам-по долам? Впрочем, подозрительных людей к нему можно будет и отправлять! Давайте рассчитывать на лучшее, ротмистр! Завтра, благословясь, и начинаем свою операцию?

* * *

Через два дня, в служебном кабинете начальника станции Парголово, Герасимов и Лавров подводили первые итоги своей операции.

- Должен признать, господин полковник, что ваша идея насчет опроса местных мальчишек оказалась весьма продуктивной, - констатировал Лавров. – Именно пострелята дали нам первый след. И самого старца они видели несколько раз – он то со станции шел, то на поезд спешил. Эти же мальчишки указали нашим людям на местных обитателей, которые были замечены с Никитиным, но в разговорах с нашими разведчиками категорически отрицали свое знакомство с ним. Отрицали даже то, что когда-либо видели старца. Это дает нам, как говорится, некоторые шансы на успех. Знакомцев старца, к счастью, немного – всего пятеро. Я уже вызвал из штаба закрытое поместительное авто. Грузим всех пятерых и везем в Военно-медицинскую академию. Если профессор после допроса сих субъектов подтвердит мои предположения, то, возможно, у нас появится более определенные следы.

Последние фразу Лавров проговорил без начального энтузиазма, заметив, что начальник «охранки» в сомнении качает головой. Прервавшись на полуслове, ротмистр с вызовом поглядел на полковника:

- У вас есть какие-то возражения, господин полковник?

- Только одно, - Герасимов отсек карманной гильотинкой кончик у сигары, чиркнул спичкой и выпустил несколько облачков душистого дыма. – Только одно возражение, ротмистр!

- И какое же?

- В числе пятерки потенциальных свидетелей, которых вы собираетесь отправить к Бехтереву, есть управляющий поместьем. Булдаков, если не ошибаюсь…

- И что же? Вы опасаетесь неприятных объяснений с нынешним хозяином поместья?

Герасимов вздохнул:

- Эх, молодость, молодость… Да плевать я хотел на всех этих князей и графьев! А вы подумали о том, ротмистр, что наш старец в данный момент может пребывать в этом самом поместье? И спокойно отдыхать где-нибудь в укромном уголке с тремя тайными выходами, которых мы не знаем? Здание старое, его планов мы не имеем. Управляющий без дозволения своего хозяина поместье не бросит, никуда с вами не поедет, неминуем шум. Негодяй Никитин прознает про интерес властей к своему убежищу – и ускользнет. Или, по своей методе, не подходя близко, заставит старика-управляющего, к примеру, разбить себе черепушку кочергой…

Немного подумав, Лавров признал, что в рассуждениях старого «волчары-сыскаря» есть здравый смысл.

- И что же вы предлагаете, полковник?

- На мой взгляд, здесь надо разыграть сценку позаковыристей. Привезти сюда и хозяина, и Бехтерева. Мы с вами и парой сыскных сыграем роль прислуги. Управляющий при хозяине будет вести себя естественно. А тот объявит ему, что его близкий друг намерен пожить здесь несколько дней, для чего ему надо приготовить комнаты. Профессор быстренько проверит нашего старичка на искренность, загипнотизирует его и выведает правду. И вот тут-то в дело и вступим мы с вами, ротмистр!

- А кто нынче владелец поместья? – мрачно поинтересовался Лавров.

Герасимов выудил из кармана объемистый блокнот, быстро полистал:

- Хозяйка - старшая дочь графа, Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова, урождённая Шувалова. Ну, ее-то в Петербурге давненько нет, в Италии пребывает дамочка. А вот ее младший сын, Александр Илларионович, на наше счастье, в столице. Здесь он, разумеется, вряд ли бывает – но управляющему непременно знаком.

Герасимов захлопнул блокнот и склонил голову, насмешливо поглядывая на Лаврова:

- Так что, господин ротмистр, телефонируйте, будьте любезны, профессору, уговаривайте приехать. А я своему начальству протелефонирую, наши этого наследничка быстрее сыщут. И подкрепление заодно вызову – так, на всякий случай!

* * *

Прибывший через два часа профессор Бехтерев был далеко не в восторге от неожиданной просьбы «бросить все и ехать чёр-те куда». Следом на служебном авто Департамента полиции привезли наследника – ему долго пришлось втолковывать стоящую перед ним задачу, уговаривать и даже слегка припугнуть.

На широком крыльце запущенного поместья барина встретил старик-управляющий. Пока князь объяснял старику цель визита, Лавров и Герасимов, успевшие переодеться в статское, тихо договаривались о своих действиях против зловредного старца Никитина.

- Ротмистр, ежели увидим его – стрелять сразу! Желательного серьезно ранить, но там как сложится. Никаких переговоров: Бехтерев утверждает, что в смысле гипноза старец посильнее его будет. Удастся ранить – вот тут и поговорить можно попытаться: боль и кровь, надеюсь, сильно понизит сопротивляемость негодяя. Ну, а если что не так –стреляем на поражение, в голову! Я больше рисковать не намерен!

- Понял. Ваш план принимаю…

* * *

- Я думаю, Петрович, что нашему гостю лучше подойдут комнаты в левом крыле, - рокотал освоившийся князь. – Там и посветлее, и порядка побольше. Впрочем, мы рабочих привезли, они крыло то поглядят и скажут, сколько им времени надобно для приведения комнат в божеский вид. Чего трясешься, старик? Или не усмотрел за чем-то в доме?

- Что вы, барин! Как можно-с! Прошу за мной, господа!

В обширной прихожей Лавров и Герасимов ловко обогнали процессию и пошли вперед, подсвечивая вокруг фонариками. Повернули за угол – и тут же увидели спокойно стоящую поперек коридора фигуру в старомодном кафтане и с бородой ниже пояса.

- Здравствуйте, господа хорошие! – приятным тенором поприветствовала гостей фигура и небрежно поклонилась. – Ежели не ошибаюсь, люди вы казенные. А вот кто Лавров, а кто Герасимов – простите великодушно, не ведаю! Ну, а меня, господа слуги антихристовы, вы знать непременно должны! По мою ведь душу прибыли, а?

Лавров молча рвал из наплечной кобуры некстати зацепившийся за что-то револьвер. Внезапно он почувствовал в висках сильнейшую боль – было такое впечатление, что голова его, чем-то надуваемая изнутри, сей момент лопнет. Мельком оглянувшись, Лавров увидел, что и остальные посетители поместья скривились и держатся руками на головы.

А фигура впереди, повернувшись, неторопливо направилась куда-то в темноту.

Первым пересилил боль Герасимов. Подняв обеими руками приготовленный «браунинг», он выпустил вслед фигуре всю обойму.

- Стреляйте, Лавров! – бешено кричал он. – Уйдет ведь сейчас!

Справившись с оружием, Лавров, превозмогая боль, неверными шагами побежал за фигурой, стреляя на ходу. На ходу заменил опустевший барабан револьвера и продолжал палить, с ужасом ощущая, что стреляет в пустоту.

В прихожей затопали, закричали, засверкали фонариками незаметно подкравшиеся сыскные. Обогнал Герасимова и Лаврова, они бросились в темноту, рассеялись по комнатам, срывая тяжелые занавеси с окон.

…Нестерпимая боль в головах прошла столь же внезапно, как и появилась. Присевший в изнеможении под стенку Лавров машинально набивал барабан патронами.

Через несколько минут рядом с ним устало плюхнулся прямо на пол Герасимов. Лавров перекатил на полковника понимающие глаза, и безнадежно спросил:

- Ушел? Не догнали?

- А по-вашему? –огрызнулся тот. – По-вашему, я просто так рядом с вами присел?

- И сыщики ваши?..

- Никто! – заорал Герасимов так, что ротмистр вздрогнул. – Понимаешь, никто его, кроме нас, не видал. Везде пыль, следы остаться должны – и тех нету! На меня мои «волкодавы» глядят как на ненормального! Или как на пьяного… Но мы-то с вами его видели, ротмистр? Видели?

- И, наверное, больше никогда не увидим, - резюмировал тот. – Не по Сеньке шапка, полковник! Не про нас «дичинка»!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Высшая тайна империи

- Господа, нас приобщили к одной из высших тайн империи, - констатировал граф Ивелич, пригласив друзей после высочайшей аудиенции у императора в свой особняк. – И, признаться, я даже не знаю – радоваться по этому поводу или печалиться?

- Да, пожалуй, мы узнали нынче много. Я бы сказал – слишком много для того, чтобы, начиная с этого дня, спать спокойно, - мрачно заметил Климов, прикуривая одну египетскую папиросу от другой. – Но более всего я удивлен вашим быстрым согласием на эту, без преувеличения сказать, авантюру, господин Ландсберг! Вам ведь далеко за сорок, насколько я понимаю. Могли бы и попросить пару дней на раздумья! А ты, Марк, и вовсе мог бы отказаться: тебе-то за пятьдесят!

- У меня не было выбора, - пожал плечами Ивелич, разливая по бокалам «шустовский». – Я имею в виду – морального выбора: когда государь показал мне свою высочайшую резолюцию о полном монаршем прощении Карла и возвращении ему всех прав состояния, я сразу подумал о своем Легионере. Он бы не отказался, я уверен! Бедный Карл! Как подумаешь, что он не дожил до этого дня…

- Мои далекие предки, братья Каменный Иоганн и Гуго Ландсберги, пришли на Русь, на службу к царю Василию, они на своих мечах поклялись служить ему верой и правдой, - глухо напомнил Ганс. – И они служили ему! У меня сохранился меч Гуго… Сохранились его записки, адресованные потомкам. С меня никто не снимал этой клятвы: служить Руси и ее правителям!

- И все-таки государь сказал нам не все! – упорствовал Климов. – Он желает знать не столько великие тайны Тибета, сколько то, какими из них овладели «странники»? И весьма ловко – вы заметили, господа? - уходит от ответа: зачем ему это? Чего он хочет достичь или избежать, овладев этими древними знаниями? И эти сектанты – «бегуны», или «странники»… Насколько я понял, их депутация недавно побывала в Тибете, что-то дополнительно «разнюхала» там, но упорствует и не желает идти на компромисс с государем. Хотя он ясно выразил свое намерение не преследовать их секту и даже предоставить им, вопреки мнению Священного Синода, какие-то свободы, о которых другие сектанты могут только мечтать! Сплошной туман и загадки, господа!

- Лично я никогда не слышал об этих «бегунах», - покачал головой Ивелич. – По мне, так сектанты все на одно лицо! А вы, фон Ландсберг? Вы же бывали в Тибете и, и помнится, рассказывали, что тамошние хранители знаний, ламы, вообще не жалуют европейцев.

- Курьер из министерства Двора, ваше сиятельство! – доложил старый камердинер графа.

- Хорошо, Василий, - кивнул граф и извинился перед друзьями. – Я ненадолго оставлю вас, господа!

Однако отсутствовал он гораздо дольше, чем предполагал, и к тому же вернулся в гостиную не один. Следом за Ивеличем старый камердинер и дворник, пыхтя, втащили в залу большой ящик, обвешанный сургучными печатями. За ящиком следовал господин в партикулярном платье.

- Позвольте представить вам, господа, нового гостя: его превосходительство полковник Герасимов, начальник Петербургского охранного отделения Департамента полиции!

Начальник «охранки», будучи нынче в статском, чувствовал себя в нем не слишком уютно. Возможно, его смущала и нынешняя роль, отведенная ему строжайшим приказанием департамента и самого министра внутренних дел. Коротко поклонившись, он заговорил:

- Господа, мне приказано нынче же произвести на Волковом кладбище некое перезахоронение. Сие мероприятие, во избежание кривотолков и внимания прессы, возможно только в ночное время. Покойный, если не ошибаюсь, был лютеранского вероисповедания?

- Да, но…

- Не извольте беспокоиться, граф! Нынче с 4 часов пополудни Римско-Католическая церковь на 2-й Портовой улице закроется для прочих прихожан и будет, как и священник и служки, в вашем полном распоряжении. Над телом покойного будут совершены все необходимые обряды. А в 2 часа пополуночи тот же священник будет участвовать в похоронах. У меня вопрос: не знаете ли вы, господа, кто нынче покоится в могиле под надгробием фон Ландсберга и есть ли у вас какие-то пожелания относительно его перезахоронения?

Ивелич и Климов переглянулись и враз покачали головами.

- Прекрасно! Одной проблемой меньше, - констатировал Герасимов. – Что-нибудь еще, господа? Я в вашем полном распоряжении!

- В Царском Селе упоминали, что полицией захвачены при облаве несколько каких-то «странников», - решительно заговорил доктор Климов. – Нельзя ли получить разрешение на посещение этих арестантов? Дело в том, что…

Герасимов слегка поморщился и перебил говорящего:

- Вас наверняка поставили в известность, господа, что захваченные в результате полицейской операции «странники» проявили настойчивую склонность к суициду. Желая избежать этого, а также в виду полной невозможности добиться чего-либо от сектантов полицейскими методами, я передал оставшихся в живых «бегунов» в Императорскую военно-медицинскую академию, под личный присмотр и контроль профессора Бехтерева. Но даже он оказался бессилен против гипнотических манипуляций главы сектантского сообщества, и все его «подопечные», получив телепатический приказ своего наставника, продолжали один за другим умирать. Днями покончил с собой последний «бегун», спрятанный медиками в одной из загородных клиник. Профессор Бехтерев уже получил указание о сотрудничестве с вами, и наверняка поделится с вами своими наблюдениями и выводами. Покажет, ежели вам угодно, трупы сектантов – но это, увы, все!

- Профессор Бехтерев? –поднял брови Климов. - Гений русской психиатрии, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления? Для меня большая честь познакомиться с этим человеком!

- Будьте уверены: познакомитесь! Хотите – поедем прямо сейчас? – предложил Герасимов.

- К великому сожалению, сейчас это невозможно, - огорчился Климов. – Долг приличия требует нынче общения со вдовой покойного фон Ландсберга, потом

заупокойная месса с ее ночным, так сказать, продолжением. А тут еще прислали целую корзину каких-то бумаг из Царского Села… Кроме того, ее императорское величество назначила завтрашнее утро для врачебного осмотра Наследника Цесаревича Алексея. Только завтра, ваше превосходительство! Скорее всего – после полудня.

- Как вам будет угодно, - кивнул Герасимов. – Честно признаться, с этими клятыми «странниками» вообще происходит какая-то чертовщина! Впрочем, об этом лучше говорить с профессором Бехтеревым. У вас, господа, будут еще какие-то пожелания или распоряжения? Нет? В таком случае, вынужден откланяться: дела, господа, дела! Ежели возникнут вопросы ко мне, благоволите протелефонировать по номеру, указанному в моей карточке. Если меня не окажется на месте, порученцам отдано распоряжение тотчас разыскать меня для вас!

Проводив Герасимова, друзья принялись распаковывать опечатанный сундук. В нем оказались карты Китая и Тибета, на многих из них были нанесены маршруты предшествующих экспедиций. Здесь же были собраны письменные отчеты об экспедициях Пржевальского, Певцова, Богдановича, Николая и Елены Рерихов. На некоторых отчетах мелькали неизвестные имена – эти бумаги были «украшены» штампами «Строго секретно».

- М-да-а, да тут месяц только на разборку требуется! – взвесил на руках верхнюю пачку бумаг граф Ивелич, и тут же испуганно обернулся на скрип двери. – Василий! Только не смей докладывать, что привезли еще один сундук!

Но камердинер, не принимая явно шутливого тона своего господина и сохраняя торжественное выражение на лице, вздрагивая щеками, ковылял через залу с небольшим подносиком в руках.

- Ротмистр Мясников, адъютант военного министра, - прочел вслух Ивелич. – Проси, конечно, Василий! Но, господа, это становится уже невозможным! Высокопоставленные ходоки переполошат всех моих соседей! Не говоря уже о том, что совершенно нет возможности заниматься делом!

Он примолк, услышав приближающийся звон шпор.

- Пакет для его сиятельства графа Ивелича! – возгласил ротмистр. – Извольте расписаться в получении!

- Присаживайтесь, ротмистр! – Ивелич вскрыл конверт, прочел несколько строк и кивнул. – Прошу передать его высокоблагородию, господину военному министру Сухомлинову, что в связи с другими поручениями его императорского величества, я имею возможность посетить его никак не ранее второй половины завтрашнего дня.

- Генерал осведомлен о вашей занятости, и просил лишь протелефонировать ему или мне часа за два до времени предполагаемого визита, ваше сиятельство! Номер телефона указан в письме и на визитной карточке. Честь имею!

- Теперь уже и военное министерство, - уныло прогудел Ганс Ландсберг. – Жил себе спокойно в Сингапуре, почитался Сумасшедшим Гансом и неделями никого, кроме почтальона, не видал… А вы куда это собрались, господин Климов? Любезно оставляете на нас всю бумажную работу?

- Едва не забыл, - пояснил Климов уже в дверях. – Хочу прогуляться до гостиницы, в которой жил до всех этих событий Карл. Марк, ты ведь не забирал оттуда перед отъездом в Берлин письменный прибор?

- Этакую тяжесть? – фыркнул Ивелич. - Да еще и топорной работы? Если хозяин гостиницы не выбросил, то он должен быть там. А в чем, собственно, дело, Илья?

- Мои немецкие коллеги в берлинской клинике, делая тщательный анализ крови бедному Карлу перед второй траснфузией[1], обнаружили кое-что странное. Потом расскажу, - сообщил Климов.

- Ну, а я пойду погляжу, как там Ольга, - засобирался и Ганс. – Предупрежу ее о церковном отпевании и прочем… Сколько всего на бедную женщину свалилось!

- Господин Ландсберг! – остановил его Климов. – У меня к вам есть просьба. Не одолжите ли вы мне своего Прорицателя на пару часов?

- Арюунэрэла? – удивился Ганс. – Ради Бога, но зачем он вам? К тому же он не знает ни слова по-русски, не забыли?

- Зато немного говорит по-английски, как и я. Думаю, мы с ним найдем общий язык!

- Но зачем он вам?

- Признаться, я хотел бы воспользоваться его способностями общения с главой «странников» посредством жезла. Вызвать этого Никитина на телепатический разговор, если получится, и попробовать вызнать, знает ли он что-либо о гемофилии? А если знает, то призвать его к совести и попробовать договориться о лечении наследника престола. Нынче, когда я осматривал несчастного мальчугана, я был просто потрясен его состоянием. Да и императрица из-за его болезни находится на грани нервного помешательства – это я могу гарантировать!

- Сомневаюсь, чтобы этот злобный ублюдок захотел помочь императорской семье и Наследнику, - покачал головой Ганс Ландсберг. – После всего того, что случилось в результате общения с ним, вряд ли он захочет иметь дело с теми, кто на него охотился. Кроме того, профессор Бехтерев может отказаться дать вам в руки жезл. И последнее: даже если даст, не факт, что с Никитиным удастся выйти на связь. Тогда, несколько лет назад, в руках Бехтерева был его пособник. А зачем ему сейчас «сидеть на связи»?

- И все же я хочу попробовать, - настаивал Климов.

- Пожалуйста! – пожал плечами Ландсберг. – Берите Арюунэрэла, я скажу ему. Только, ради Святителя, не позволяйте Бехтереву обследовать моего Прорицателя! В прошлый раз он так поразился его необычному облику и строению тела, что готов был препарировать его прямо при нас! А Прорицатель все же человек, хоть и необычный. Ему неприятны и внешние осмотры, и расспросы.

- Договорились! – повеселел Климов.

* * *

- Мы собираемся в путешествие в Тибет, - раскланявшись, тут же выпалил доктор Климов. – Кстати, я ваш коллега, профессор – правда, не столь именитый…

Светило медицины и исполняющий должность начальника Военно-медицинской академии профессор Бехтерев повертел в руках поданную визитку и улыбнулся:

– Как же, как же, слыхал! Занимаетесь экспериментальной хирургией, коллега? А вас-то, простите, чего несет на эту «вершину мира»?

- За знаниями, уважаемый господин профессор.

- Любопытное местечко, - немедленно согласился Бехерев. – Вы себе не педставляете, чтобы я отдал, чтоы присоединиться к вам! Но увы…

Только сейчас Бехтерев заметил третьего посетителя, скромно прятавшегося за спиной Климова.

- О-о, а это, если не ошибаюсь, господин помощник вашего третьего друга, мистера Ландсберга! – Бехтерев поклонился карлику в его причудливом одеянии, одновременно окинув его откровенно любопытным взглядом. – Старый знакомец! К сожалению, в

[1] Операция переливания крови из тела одного человека в тело другого.

прошлый раз мистер Ландсберг не дал мне ни поговорить по душам с этим любопытнейшим человечком, ни как следует осмотреть его необычный череп и кисти рук…

- Профессор, именно насчет этого меня особо предупреждал мистер Ландсберг, - покачал головой Климов. – Я понимаю ваше профессиональное любопытство. Признаться, и я сам хотел бы задать Прорицателю несколько вопросов медицинского свойства, но Ганс считает это преждевременным и неделикатным…

- И тут секреты, - поджал губы профессор. – Ну, что ж, слушаю вас, господа! Чему обзан удовольствию видеть вас?

- Тем же «странникам», профессор. Нас интересуют любые мелочи, которые могли броситься вам в глаза. Детали поведения, обороты речи, странные фразы. Словом, все то, на что обычно не обращаешь внимания сразу, но с течением времени припоминаешь.

- Боюсь, что ничем не могу быть вам полезен, господа, - помощился Бехтерев. – Все эти ваши «странники» стоили мне и моим помощникам многих седых волос – и пока были живы, и позже – когда нам пришлось отчитываться перед самыми разными инстанциями… Нет, господа, я рассказал о них все, что знал.

Посетители переглянулись.

- Попробую вам помочь, уважаемый коллега, - Климов заглянул в свою записную книжку, быстро полистал ее и поднял на собесеника внимательные глаза. – Не припомните ли, профессор, как вы в один прекрасный момент пришли к мысли о том, что старец Никитин обретается где-то неподалеку?

- Ах, это… Извольте: пока пятеро или шестеро «странников» еще пребывали в живых, я проконсультировался со своим коллегой из Электротехнической академии. И мы с ним решили попробовать поставить на пути мысленных команд, которые получали пациенты, некую преграду. На сектантов надели шапочки, изготовленные из тонких листов свинца. Через эти шапочки пропускали токи определенной частоты – настолько слабые, что человеком они не ощущались. И это сразу дало поразительный эффект: их телепатический контакт с гипнологом явно нарушился. Я уже праздновал поеду, но через день-два все вернулось на прежние места. Совершенно очевидно, что гипнотический сигнал усилился, и свинец уже не мог служить ему преградой.

- Ага! – подался вперед Климов. – Возму на себя смелость предложить аналогию с распространением звуковых сигналов: то, что плохо слышим на большом расстоянии, совершенно свободно воспринимается нашим ухом вблизи.

- Совершенно верно, коллега, - улыбнулся Бехтерев. - Можете считать меня сумасшедшим, но у меня появилось такое ощущение что гипнолог, почувствовав препятствие в телепатическом общении, подобрался к академии поближе. Впоследствии так оно и оказалось, господа. Правда, было уже поздно…

- Значит, мы от вас уже ничего более не узнаем, - вздохнул Климов.

- Ну, отчего же столь пессимистично, господа? - заговорил полковник Герасимов. – Профессор Бехтерев был прав, полагая, что негодяй-старец обретается где-то неподалеку. Нашим людям из «охранки», например, удалось установить личность подосланного ко мне загипнотизированного гонца с ультиматумом старца Никитина – хотя никаких удостоверяющих документов не было. Всего-навсего, старое письмо на имя некоего Подвойского, запавшее под подкладку плаща-крылатки. Но эта старая бумажка дала нам и имя несчастного, и адрес его проживания. Как я и предполагал, гонцом оказался актеришка из труппы заезжего провинциального театра. Мы перетрясли всю труппу и выяснили некоторые любопытные подробности. Они праздновали получение ангажемента в одном из трактиров, и в состоянии подпития познакомились там с человеком, схожим по описанию с Никитиным. Приятели Подвойского припомнили, что тот ушел из трактира вместе с ним, и не явился в театр на следующий день. Предположив элементарный запой,

приятели отправились на снимаемую им квартиру. Однако застали там только этого незнакомца, который и сообщил, что Подвойский получил телеграмму от родителей и срочно выехал из Петербурга.

- Никакой телеграммы, конечно, не было? - предположил Ивелич. – А когда полиция нагрянула по адресу на конверте, то нашла квартиру пустой?

- Точно так, ваша светлость. Подвойский в это время, выполнив приказ старца, уже пребывал в полицейском морге. Комната, который он снимал в столице, была расположена примерно в версте от нашей «охранки». Я, конечно, не профессор медицины, но подумал о том, что старец сменил дислокацию и прячется в какой-то крысиной норе неподалеку от академии. И отдал своим людям приказ аккуратно «обшарить» все дома в радиусе версты от владений профессора Бехтерева. А позже, после его подсказки, в Академию были тайно внедрены полтора десятка сыщиков. Тут ведь тысячи пациентов, сотни докторов. Боюсь даже предположить, сколько здесь обслуживающего персонала – медсестер, санитаров, дворников и прочее… В общем: хочешь спрятать дерево – спрячь его в лесу! Когда эта мысль дошла до меня, я немедленно послал людей для поверки всего персонала академии. Ну, и с позволения господина профессора мои сыскари «сменили», так сказать, профессию и устроились в Академии под видом санитаров, уборщиков, дворников и прочих. И принялись наблюдать – причем особенное их внимание было уделено тем, кто устроился на службу в последнее время.

- А вы молодец, господин полковник! Мыслите вполне рационально, - похвалил Климов. – Я слыхал, что ваши люди тогда не напрасно потратили свое время?

- Не знаю, что вы имеете в виду под определением «не напрасно», коллега, но открытие сыщиков было сопряжено с кровавым скандалом и гибелью коллеги из Электротехнической академии и еще нескольких людей, - сердито забормотал Бехтерев. – Я имею в виду натуральную бойню за проклятый жезл, - сердито буркнул Бехтерев.

- Кстати, об этом жезле! – доктор Климов искательно поглядел на него. – Я надеюсь, господин профессор даст нам возможность еще раз воспользоваться сим раритетом?

- Позвольте осведомиться: с какими целями? – упер руки в бока профессор.

- Не хочу скрывать: появилась мысль снова выйти на связь с этим сектантским «вождем».

– Только не в этих стенах! – замахал руками профессор. – Забирайте проклятый жезл и «шаманствуйте» с ним сколько угодно и где угодно, только не у меня!

Климов улыбнулся: он и сам не желал этого.

- Не извольте сердиться, уважаемый Владимир Михайлович! Надеюсь, вы понимаете, что мы к вам в «епархию» не из пустого любопытства заглянули!

- Да уж, понял! – буркнул Бехтерев. – Жезл я вам отдам, только официальную расписочку извольте оставить! И про дозволение Департамента полиции в ней упомянуть, и о полной ответственности, которую берете на себя!

Распрощавшись с профессором, Ивелич, Климов и Герасимов направились к выходу. Арюунэрэл, размахивая длинными рукавами своего одеяния, едва поспевал за ними, что-то бормоча себе под нос.

* * *

Шагая широкими коридорами к выходу, доктор Климов не уставал поражаться легкости, с которой профессор Бехтерев расстался с жезлом:

- Удивительно! Я полагал, что профессор ни за что не захочет расставаться со своим раритетом! Я и Прорицателя у Ландсберга «одолжил» на тот случай, если господин Бехтерев разрешит попользоваться сим средством связи только в стенах Академии.

Герасимов довольно крякнул и тронул усы:

- Скажите спасибо вашему покорному слуге! Узнав о вашей задумке, я успел протелефонировать господину Бехтереву и сослался на повеление государя…

- Но во время высочайшей аудиенции и речи о жезле не было! – удивился Ивелич.

- Я имел в виду самое широкое толкование пожелания его величества оказывать вашей компании всемерное содействие, - скромно пояснил полковник.

- Да, профессор нынче не в духе! И к Арю… тьфу, ну и имечко, прости, Господи! И к Прорицателю лансбергову его не подпустили, и жезл изъяли, - согласился Климов.

- А еще профессор до сих пор не может простить себе, что не сразу заметил головки золотых игл, помещенных каким-то образом сквозь черепные кости «странников» в их мозг, - ввернул Ивелич.

- Что? Черепа «странников» были каким-то образом просверлены? – от удивления Климов остановился посреди коридора и даже обернулся, готовый вернуться к Бехтереву для продолжения беседы на медицинские темы. – А почему мне об этом никто не сказал раньше?

- Пойдемте, пойдемте, доктор! – потянул его за рукав Герасимов. – Вы все узнаете, даю вам слово! Только не нынче – видите, в каком он настроении!

Климов пожал плечами и повернулся к полковнику:

- Странно, конечно… Но будь по-вашему, полковник. Я могу и подождать. Кстати, у меня есть к вам просьбишка, ваше высокоблагородие! Вернее сказать, две!

- Слушаю вас, господин Климов! – усмехнулся Герасимов. – Хоть три!

- Не далее, как нынче утром я, с позволения императрицы, производил медицинский осмотр Наследника Цесаревича Алексея. И попутно выяснил у ее величества причину столь болезненного, я бы сказал, интереса государя к Тибету. Сам государь довольно ловко постарался уйти от ответа на большинство вопросов, а вот его монаршая супруга чисто по-женски оказалась гораздо разговорчивее. Не уверен, господин полковник, что имею право раскрывать вам одну из величайших тайн императорского дома…

- Бросьте, доктор! – усмехнулся Герасимов. – Хорош бы я был как главный сыщик империи, если бы не был в курсе дел и проблем государя! Его величество в разное время и от разных людей получил предостережения о печальном будущем, которое ждет его семью, династию и всю Россию. Причем авторитет этих прорицателей достаточно высок, и не дает оснований полагать, что нашего царя просто пугают! Но я, простите великодушно, перебил вас. Вам что-то требуется от меня, господа?

Ивелич и Климов переглянулись. Прямота полковника Герасимова избавила их от необходимости юлить, хитрить и обижать одного из влиятельнейших сановников империи недоверием.

- Хотелось бы получить возможность ознакомиться со всеми пророчествами монаха Авеля, господин полковник, - заявил Ивелич. - И уж заодно, с предсказаниями японца Теракуто, англичанина греческого происхождения Хейро и Серафима Саровского.

- Я так и думал, что вы до всего этого докопаетесь, господа, - серьезно кивнул Герасимов. – Но тут есть кое-какие проблемы. Подлинника письма святого Серафима после ознакомления с ним государя никто больше не видел. В департаменте полиции есть другое послание Серафима Саровского – то ли черновик переданного, то ли адресованное другому лицу. В общем, если у кого и надо интересоваться, так это у его величества. А я к нему с таким вопросом, извините, не пойду! Что касаемо Вещего Авеля…

- Да, я слышал, что высочайшим повелением от 1902 года тетради с пророчествами Вещего Авеля изъяты из всех библиотек и архивных хранилищ России и уничтожены. Запрещено даже упоминание этого имени. Но, может быть, записки Авеля остались в какой-то частной библиотеке или хранилище, господин полковник?

- Может быть, – согласился Герасимов. – Но эта проблема, господа, наименьшая из остальных! Я телеграфирую руководителям нашей Заграничной охранки, в Париж и Берлин. Готов биться об заклад, что тетрадки с пророчествами Авеля печатались не только в России! А коли так, то вы получите искомое с ближайшей диппочтой. Только чур: меня не выдавать!

- Действительно, как все просто, - невольно улыбнулся доктор Климов. – В России достаточно быть полковником Герасимовым, чтобы быть в курсе всех царских секретов.

- Ваш комплимент больше похож на интеллигентское ехидство, доктор, - хмыкнул полковник. – Но будем считать, что я этого не заметил… На чем мы остановились? Ах, да, на пророчествах! Что касается японского прорицателя Теракуто, то перевод его предостережений нашелся в архивах МИДа. Да и господин Хейро многих хлопот не доставил. В 1904 году он побывал в России по приглашению министра иностранных дел Извольского, и имел вторую тайную встречу с императором. Сначала он наговорил ужасов самому министру, потом, в Петергофе, его императорскому величеству. Ну, а потом уж и я с этим предсказателем побеседовал…

- Зачем, позвольте полюбопытствовать? – поинтересовался Ивелич. – Нешто начальник могущественного Охранного отделения имеет слабость интересоваться собственной судьбой?

- Не без этого, ваше сиятельство, - усмехнулся Герасимов. – Однако клянусь, что более всего меня интересовало то, что этот небесталанный прохиндей наговорил нашему императору. Видите ли, господа, судьба России и династии Романовых мне тоже далеко небезынтересна!

- Значит, мы не увидим только предсказаний небесного покровителя династии, святого Серафима Саровского? – высчитал Климов.

- Увы, да. Его послание «четвертому по счету государю, который будет обо мне особо молиться», попало в руки адресата, Николая II. И, судя по всему, произвело на государя сильное впечатление. Скорее всего, оно хранится в тайном месте, которое известно только самому императору. Не знаю я, к великому моему сожалению, и деталей разговора императорской семьи с блаженной Пашей Саровской: юродивая потребовала беседы с царем и его супругой один на один… Судя по всему, она тоже ничем не порадовала царское семейство: известно, что по дороге от из Дивеево царица все время плакала и твердила о том, что Бог не допустит такого…

Тарахтя по брусчатой мостовой, автомобиль, наконец, остановился у подъезда Охранного отделения.

Герасимов выбрался наружу, помял затекшую поясницу и заглянул в салон:

- Господин Климов, вы упоминали две просьбы. Какая же вторая?

- Ах, да! Я нанес визит владельцу гостиницы, где наш бедный Карл подхватил свою страшную болезнь. Он упоминал, что все началось с укола пером чернильного прибора, привезенного им с Дальнего Востока. В суматохе о нем все позабыли, а между тем мои немецкие коллеги дали мне понять, что в крови Карла, кроме бацилл столбняка, обнаружились следы какого-то нехарактерного для крови человека вещества. Я хотел полюбопытствовать – что за прибор? Но владелец гостиницы не стал меня и слушать: ничего, дескать, не помню, ни о каких чернильных приборах знать не знаю…

- Понятно. Пошлю в гостиницу своих орлов – они живо из этого субчика все признания выколотят, и пробор к нам доставят. У вас все? К себе не приглашаю, господа: увы, масса дел! В том числе, вами же и «подброшенных»! Автомобиль остается в вашем распоряжении. Что же касается интересующих вас письменного прибора и бумаг, то они будут доставлены в дом вашего сиятельства, господин граф, по мере их поступления. Будут

новости насчет «странников» - тоже в неведении не оставлю. Ну, а засим – честь имею, господа!

РЕТРОСПЕКТИВА -14 Последняя встреча с Никитиным

Старый камердинер графа Ивелича, постучав, просунул в гостиную голову и дребезжащим голоском доложил:

- Его высокоблагородие полковник Герасимов… Прикажете принять?

- А куда ж от главы «охранки» денешься? – подмигнул граф гостям, расположившимся в гостиной кто где успел – большая часть залы была занята корзинами с документами, на столах, стульях и диванах разложены карты Китая и Тибета. – Проси!

Ивелич встретил начальника Охранного отделения Петербурга в дверях, пожал протянутую руку, сделал приглашающий жест:

- Милости прошу, господин полковник! Прошу простить за некоторый беспорядок в доме: знаете, все время подносят и подносят новые документы для будущей экспедиции. Хоть она и намечена временем через три-пять месяцев, но поглядите-ка сами! Бумаг и карт – уйма! Устраивайтесь как-нибудь, не обессудьте!

Полковник бросил вокруг быстрый взгляд, еле заметно поджал губы: многие карты и документы, насколько он знал, носили засекреченный характер и были «украшены» грозными предупредительными штампами «Секретно!», «Строго конфиденциально!». Однако от замечания воздержался: статские, они и есть статские, что с них регламент секретности спрашивать! Высмотрев свободное местечко на козетке, направился туда, попутно поклонившись всем присутствующим.

- Значит, добились-таки своего! – он осторожно присел на скрипнувшую козетку, устало вытянул ноги и принял из рук хозяина особняка бокал с «шустовским». – Благодарю!

Покрутил янтарную жидкость в бокале, погрел дно ладонями, с наслаждением сделал пару небольших глотков и одобрительно кивнул.

Вся команда будущей экспедиции была в сборе, включая недавно вернувшегося из Германии Ганса Ландсберга.

- Да, дорогой полковник! – доктор Климов закурил, освободил от бумаг и карт часть подоконника и боком присел на него. – Можете себе представить – четыре месяца! Признаться, я уже потерял всякую надежду на то, что этот негодяй Никитин выйдет «на связь»! Мы с Прорицателем объездили четыре губернии, где отмечено присутствие «странников», и практически каждый день «шаманствовали» с жезлом, будь он неладен!

Он повернулся к Гансу:

- Между прочим, с вас, как говорят в России, причитается, мистер Ландсберг! Пока вы ездили по Европам, я немного выучил вашего Прорицателя русскому языку! Правда, говорит он пока неважно, а понимает еще хуже, но прогресс все же налицо!

- Я вижу, - раздвинул губы в скупой улыбке Ландсберг. – Вы подружились. Только вот насчет «причитается» - боюсь, что у вас, доктор, не «выгорит»! У Прорицателя врожденные способности к языкам. Я-то не учил его потому, что не видел в этом необходимости. А вот он, видимо, решил сделать вам приятное, и стал охотно осваивать новый для него язык.

Он обнял за плечи малютку-тибетца, пристроившегося рядом с креслом своего господина на низенькой скамейке:

- Ну-ка, Арюунэрэл, скажи нам что-нибудь по-русски!

Тибетец поднял на своего господина миндалевидные глаза и с готовностью произнес:

- Шорт би побраль этот проклятый жезл!

Все присутствующие дружно рассмеялись.

- А вот расстаться с маской на лице и своей шапкой я так его и не уговорил, - развел руками Климов. – Держится за свои атрибуты, как восточные женщины за чадру!

Полковник Герасимов откашлялся:

- Все это прекрасно, господа: встреча друзей после разлуки, радость по поводу откликнувшегося «бегуна»… Но нельзя ли ближе к делу? Вы мне протелефонировали три часа назад и сообщили, что Никитин откликнулся. Место встречи вы назвали. А когда назначено рандеву, каковы его условия?

- Он вышел на контакт совсем недавно, - посерьезнел Климов. – Сам я, как вы понимаете, его голоса не слышал – Арюунэрэл общался с ним мысленно. Но у нас есть, надеюсь, шанс услышать его вживую: он, хоть и неохотно, но согласился – предварительно, разумеется – на личную встречу. Нынче, в три часа пополудни. Пришлось дать Никитину честное слово благородного человека, что никаких попыток подстроить ему ловушку и задерживать с нашей стороны не будет.

Герасимов фыркнул:

- Нужно ему ваше слово! Уж если он сумел выскользнуть из облавы, которую мы с ротмистром Лавровым устроили ему в Парголово – два профессионала, заметьте! – то с чего ему бояться какого-то доктора… Простите, конечно, за прямоту, господин Климов!

Тот серьезно кивнул:

- А вы знаете, у меня сложилось такое же впечатление: он не боится никаких каверз с нашей стороны! Насколько я понял Прорицателя, гораздо больше он опасается именно его! Но при этом прекрасно понимает, что без Прорицателя встречи не будет! Ибо ни на кого другого из нашей компании жезл просто не реагирует! И этот жезл Никитину чертовски нужен! Он согласился на встречу со «слугой Антихриста» только потому, что я обещал вернуть ему его проклятую собственность.

- Ну-у, милостивый государь, с этим вы, пожалуй, погорячились! – покачал головой Герасимов. – Отдавать мерзавцу эту крайне опасную штуковину! Он и без жезла-то может бед наделать, а уж с ним…

- Во-первых, Прорицатель уверяет, что жезл в своем нынешнем состоянии, в переделанном виде, является не более, чем своеобразным средством связи! Во-вторых, я согласился отдать ему сию «железку» не просто так, а в обмен на нужную нам информацию. И, в-третьих, пардон за прямоту, пообещать – не значит выполнить!

- Ха! Намерены нарушить честное слово благородного человека? – развеселился Герасимов. – Вы способны на это, доктор?

- Смейтесь, сколько вам угодно, господин полковник – но я всегда был ревностным сторонником «паритета порядочности». Иначе говоря, я никогда не нарушу слова, которое дал порядочному человеку. Но к подонкам и убийцам, между нами говоря, это не относится!

- Не кипятитесь, доктор! – миролюбиво заметил глава Охранного отделения. – Не кипятитесь, я и сам исповедую в жизни такие же принципы! Однако хочу напомнить, что во время прошлого общения с Никитиным через жезл этот негодяй легко проник в мысли всех присутствующих! Точно также он мог раскусить и все ваши нынешние обещания!

- Кто предупрежден, тот и вооружен, не слыхали? – самодовольно улыбнулся Климов, ловко бросив на колени Герасимову тонко звякнувшую металлическую шапочку, сплетенную из металлических колечек. – Это модернизированный металлический «чепчик», прототип которого использовал профессор Бехтерев. Только он одевал на своих пациентов свинцовые «наголовники», а я вспомнил о кольчугах. Эффект тот же самый: в мою голову «странник» во время общения с Прорицателем не смог залезть!

- Толково! – похвалил Герасимов. – Ну, и я после вашего телефонного звонка времени даром не тратил: заскочил на место встречи, мельком обозрел, так сказать. Кое-какие мыслишки оперативного свойства появились. Впрочем, окончательной расстановкой полицейских сил занимаются мои помощники на месте. И время дорого, господа! До встречи четыре часа! Предлагаю сейчас же поехать на Кокушкин[1] мост всем вместе. Осмотримся, посоветуемся – глядишь, что и придумаем, а, господа? Мне же еще и своих «орлов» надобно по местам расставить! Один вопросец напоследок, ваша светлость…

Герасимов выбрался из козетки, и обвел пустым бокалом зал:

- Вы что, секретные бумаги так и оставляете? Может, пару молодцов для охраны прислать? На камердинера-то вашего дунь – рассыплется… Пропадет, не дай Господь, какая-нибудь секретная карта – вам же неприятности могут выйти!

Мысль о том, что в его особняке будут постоянно находиться «молодцы» из Охранного отделения, не привела Ивелича в восторг. Однако, поморщившись, он признал правоту полковника. И предложил обсудить этот вопрос после встречи со «странником».

- Авто у подъезда, господа! – поторопил Герасимов. – Поехали, ради Бога! Дискутировать будем по дороге!

Быстро собравшись, вся команда, включая Прорицателя, разместилась в просторном авто. Шофер надвинул на глаза очки-«консервы», крякнул клаксоном, разгоняя собравшихся зевак, и автомобиль помчался к Кокушкиному мосту.

- Мотор из собственного гаража его величества, - предупреждая ехидные вопросы, «отчитался» Герасимов. – Высочайше разрешено пользоваться, пока есть нужда. Мистер Ландсберг, вы что-то хотели мне сказать перед выходом?

- Совершенно верно, господин полковник. Я про ваши задумки насчет «орлов» и, как я понимаю, засады на месте встречи, – подал голос Ландсберг. – Судя по всему, наш противник далеко не дурак, и постарается, несмотря на клятвы нашего друга, максимально обезопасить свою персону. Хочу также официально сообщить, что на кону жизнь Наследника русского престола! Вы ведь не думаете, что поиск Никитина был организован только ради того, чтобы поглазеть на него? Мы решили попытаться обменять жезл на некоторую информацию. Негодяй получит свою «железку» только после того, как сообщит способ лечения несчастного мальчугана! И я первый буду голосовать против вмешательства в это дело полиции, мистер Герасимов! Во всяком случае, до того, как мы получим нужную информацию и доктор оценит ее с медицинской точки зрения!

Споря, полковник Герасимов и его оппоненты и не заметили, как быстро пролетело время.

- Подъезжаем к Кокушкину мосту! – объявил шофер. – Где прикажете остановиться, ваше высокоблагородие?

- Переезжай на ту сторону, капитан, к трехэтажному зданию. Это, кстати, и есть владение купца Кокушкина: мост носит имя дедушки нынешнего потомка. У второго подъезда остановишься поближе. Господа, на выход! В подъезде нас ждут с одежонкой для переодевания.

- Это еще для чего? – возмутился Ганс Ландсберг. – Что за спектакль в духе «рыцарей плаща и кинжала»[2], полковник?

- Не кипятитесь, мистер! Обычная оперативная предусмотрительность. До назначенной встречи чуть поменее двух часов, надо бы пройтись, оглядеться без привлечения внимания.

---

[1] Кокушкин мост – один из старейших в Петербурге. Своим названием обязан особняку богатого купца Василия Кокушкина, который высится неподалеку, в Кокушкином переулке. Мост переброшен через речку Кривушу, которая после облицовки камнем получила наименование Екатерининского (ныне Грибоедовского) канала.

[2] Английский термин, используемый, когда речь идёт о ситуациях, в которых есть интрига, секретность, шпионаж или какая-либо тайна.

- А если Никитин тоже пораньше прибыл и тоже бродит тут где-то, осматривается?

- Тем более, господа! Вашего коротыша-Прорицателя посадим с жезлом в тележку старьевщика, я нарочно велел такую приготовить. Прикроем сверху тряпьем. Если «странник» выйдет на связь, Прорицатель нам даст знать. За мной, господа!

Дежуривший у парадного дворник, предупрежденный о проводимой «охранкой» некоей секретной акции, указал на каморку под лестницей. Герасимов распахнул дверь, и навстречу ему вскочили испуганный швейцар и двое крепких сыскных в статском, вытянулись перед начальством.

- Сидите, сидите! – махнул тот рукой. – Покажите прежде, что приготовили!

Сыскные с готовностью распахнули небольшой сундук, и Герасимов начал доставать из него «маскарадные» принадлежности.

- С учетом вашего роста и сложения, мистер Ландсберг, придется вам побыть городовым: иного мундира большого размера за столь короткое время найти не удалось. Примеряйте! Ваша светлость, для вас предлагаю костюмчик разносчика из чайной лавки, не обессудьте! Доктор, вы – посыльный из гостиницы. Особо и переодеваться не надо: наденете куртку с позументами и фуражку с названием отеля. Ну, а мне придется тряпичника сыграть: кому-то тележку с Провидцем надо же катить! Эй, малый! – обратился полковник к одному из сыскных. – Тележка-то где?

- На улице, в подворотне, ваш-бродь! Сюды в дверь не пролезла, проклятая!

- Добро! Накинь, братец, плащ попросторнее да подлиннее, укрой под него этого господинчика и проводи к тележке. Мистер Ландсберг, прикажите ему слушаться! Как бы не взбунтовался!

Приняв неизбежность переодевания, Ландсберг, посмеиваясь, натягивал на широкие плечи белую блузу городового. Повернувшись к Арюунэрэлу, он бросил ему пару фраз по-тибетски и передал жезл, до поры до времени помещенный в металлический футляр.

Ворча и с отвращением осматривая пахнущие нафталином костюмы, друзья принялись переодеваться.

Через несколько минут от парадного к Кокушкину мосту двинулась забавная компания.

- Городовой задержал тряпичника и ведет его, то бишь меня, в участок, - поучал на ходу Герасимов, толкая тележку с замаскированным Прорицателем. – Посыльный и разносчик следуют чуть позади, обсуждая сие происшествие. Посерьезнее, господа! Между прочим, обычная для Петербурга картинка: зеваки, не торопящиеся на службу, заинтересовались арестом тряпичника и обсуждают происшествие на все лады…

На середине моста «тряпичник» сымитировал поломку тележки и присел возле колеса, жалобно выкликая что-то по-татарски. «Городовой» осторожно крутил наскоро приклеенные усы и старательно строжился. Ивелич и Климов облокотились на перила в нескольких шагах, не спуская глаз с городового.

- Велите прочим зевакам проходить, не задерживаться, Ландсберг! – прошипел «тряпичник». – Ваша светлость, доктор, извольте поближе, чтобы я не кричал! Итак, господа, мы на Кокушкином мосту. Должен заметить, господа, что негодяй Никитин выбрал для рандеву очень выгодное для него место! По обе стороны моста, в переулках, всего по одному дому с каждой стороны, один из них соединяет набережную бывшей Кривуши, а ныне Екатерининского канала, с Садовой улицей. Пустынной эту часть города назвать никак нельзя. Неподалеку находится знаменитая Сенная площадь, с прилегающим к ней Сенным рынком, самым дешевым и многолюдным во всем городе. Нырнет туда наш «странник» - и поминай как звали! По мосту можно также перейти с шумной Садовой в узкие улочки и

переулочки Коломны, с их дешевыми трактирами и кабаками. В общем, тоже есть где укрыться!

- Не забывайте про канал, полковник! – заметил вполголоса Климов. – На нем и «щитовские калоши»[1] снуют, и лодки какие-то… Вон даже несколько яликов[2] вижу, хотя место им на Большой Неве. И самоходная баржа груженая рядом с мостом стоит…

- Баржа? Три часа назад ее не было! – забеспокоился Герасимов. – На ней кого-нибудь видите?

- Людей не видать, а сама посудина нагружена тесанными камнями - видимо, для облицовки канала. Камня навалено – ой-ей-ей! Под мостом нашим[3] ей никак не пройти с этаким грузом! Видимо, поэтому и причалила здесь. А выше и ниже по течению что у нас, полковник?

- Выше по течению находится Сенной мост. Ниже — Вознесенский. Но их, черт возьми, высокими тоже не назовешь! – полковник на минуту разогнулся, держась за спину, оглянулся на баржу. – Как же она сюда попала, хотел бы я знать? Подозрительно! Надо двигаться дальше, господа: я опрошу насчет этой баржи своих людей, которые сидят в засадах.

- По-моему, напрасно паникуете, господин полковник! – подал голос Ивелич. – Камни на барже старые, с прозеленью, частично поломанные. Полагаю, что ремонтируют облицовку канала, вынимают выпавшие камни. И насобирали сдуру, по-российски, столько, что под мостом не проведешь! Вот и ломают теперь горе-ремонтники головы – что делать? Выгружать опять? Видимо, неохота, да и некуда…

- Не знаю, не знаю, - Герасимов внимательно оглядел баржу, потом перебежал на другую сторону моста, кому-то махнул рукой. – Все понятно, ротозеи чертовы! Не обратили, говорят, внимания на баржу… Пожалуй, надо возвращаться и переодеваться в цивильное, хватит «цыганщины»! Впрочем, переоденутся я, доктор Климов и граф Ивелич. Мистера Ландсберга я очень-очень попрошу остаться городовым, и страховать переговорщиков, коли «бегун» появится. Ну, а я пройдусь-ка к барже, погляжу поближе.

- А Прорицателю моему - что, так и сидеть в тележке? – насмешливо спросил Ганс.

- Нет, ему тоже пора выходить «на сцену». Только пусть, ради Бога, накинет какой-нибудь плащ, чтобы меньше внимания зевак привлекать! Шапку, насколько я понимаю, он не снимет ни под каким видом?

- Если он ее снимет, то сюда вообще сбежится весь город, - невозмутимо ответствовал Ганс. – Честно говоря, у него необычная форма черепа…

- Понятно. Ну, вы, мистер Ландсберг, оставайтесь здесь, а мы за цивильной одеждой…

Не успел Герасимов развернуть тележку, как на ней зашевелилось тряпье и из него высунулся Арюунэрэл. Повертев головой и увидев своего господина, он быстро заговорил по-тибетски, размахивая жезлом. Друзья сделали стойку, как стая сеттеров.

- Что? Что он говорит? – бесцеремонно растолкав приятелей, полковник в своем живописном тряпье и тюбетейке пробился вперед. – Никитин вышел на связь?!

- Минутку! – поднял руку Ландсберг, напряженно слушая Прорицателя и задавая ему короткие уточняющие вопросы. – Так, все ясно! Никитин где-то здесь, он нас видит, господа! Видит, а сам показываться не желает. Мы без железных «чепчиков» - вот прокол так прокол! Он «шарит» в наших мозгах, как в своей кладовке! Полковник, хоть вы

---

[1] Так иронично петербуржцы именовали пароходы купца Щитова, перевозившие пассажиров по каналам. Они, как правило, были изношенные до предела.

[2] Ялик — маленькая двухместная лодка с удлиненной кормой, возвышавшейся выше носа. Гребец занимал среднюю скамейку, а два пассажира — на корме. В основном ялики перевозили желающих через Неву, и в каналах появлялись редко.

[3] Кокушкин мост – самый низкий в Петербурге. Просвет между нижней аркой и водой не превышает полутора метров.

наденьте! Климов, дайте ему скорее вашу шапочку! Арюунэрэл, скажи «страннику», что сию минуту все уйдут – кроме доктора и тебя!

Выслушав очередной поток трескотни Прорицателя, Ганс сокрушенно кивнул:

- Он говорит, что уходить бесполезно, он проник в мысли всех присутствующих. Стыдит доктора за несдержанное слово…

- Пусть ваш Арюунэрэл скажет: мы готовы передать жезл за информацию! – встрял доктор Климов.

- Минуту… Он знает, какого рода информация нам нужна, доктор! Знает ответы на наши вопросы и уверяет, что смог бы подсказать способ лечения. Но не желает этого делать для главного Антихриста России и его сына.

- Но жезл-то ему нужен, черт возьми, или нет?! – рявкнул Герасимов, беспомощно озираясь по сторонам в поисках своих людей, которым сам же приказал до поры до времени не «светиться» на видных местах.

- Нужен. Но не настолько, чтобы спасать «антихристово семя» - простите за пакостное слово, я просто повторяю его слова.

Герасимов швырнул тюбетейку на булыжники и принялся яростно топтать ее. Подкравшийся Климов ловко надел на него «чепчик» и обхватил за плечи, еле удерживая вышедшего из себя полковника, пытающегося сорвать и новый «головной убор».

- А на барже-то пары разводят! – заметил Ивелич. – Ишь, как дым из трубы повалил!

- Да отпустите же меня, доктор! – закричал Герасимов. – Черт с вами, не буду снимать ваше проклятое железо! Пустите, говорю! Мне людей своих предупредить надо!

Вырвавшись из рук Климова, полковник, как есть – в драном татарском халате, серых штанах с напуском на короткие сапоги и револьвером в руке – помчался к набережной, а по ней к барже. Климов и Ивелич следили за ним некоторое время, пока их не отвлек бормотавший что-то по-тибетски Провидец. Ганс Ландсберг прислушался к нему и повернулся к друзьям:

- Арюунэрэл передает: бородатый велит подойти к перилам со стороны Воскресенского моста. Он в ялике, сейчас подплывет ближе и что-то предложит нам…

Все четверо, включая выбравшегося из тележки Провидца, бросились к другой стороне моста, обшаривая глазами русло канала. Один из яликов целенаправленно плыл к мосту. На веслах с течение боролся лодочник, а на приподнятой корме стоял высокий человек с развевающейся по ветру длинной бородой.

- Вот он, Илья! – указал Ивелич доктору. – Видите, Ландсберг? И полковник, как назло, убежал! Интересно, догадался он посадить кого-нибудь из своих «орлов» в лодку с этой стороны? Или на набережной поставить?

Преодолев, наконец, течение, лодочник со «странником» подплыли совсем близко. Лодочник, изловчившись, набросил веревку с двойным крючком на конце на узорчатый парапет моста, выбрал лишнюю длинну. Лодку течением развернуло кормой к мосту и немного отнесло ниже. «Странник» задрал бороду вверх и шутовски поклонился:

- Со свиданьицем, господа хорошие! – крикнул он. – Вот и свиделись с вами, глаза в глаза! Вы зачем этого «дзоппу» проклятого с собой таскаете?

- Будто сам не знаешь! – откликнулся Ландсберг. – Только он с жезлом обращение знает!

- И на Тибет карлика проклятого потащите, небось? Глядите, господа хорошие: там с ним церемониться не станут! Местные ох как его племя не любят! Придавят как кошку поганую! - Никитин сплюнул в воду, обмахнулся крестом.

- Давай-ка ближе к делу, любезный! – вступил в полемику доктор. – Ты знаешь что-нибудь о болезни, о которой мы говорили?

- Я много чего в странничестве узнал, господин доктор! Ты руку-то вынь из кармана, не держись за свой пистоль! Меня пули не берут, у охфицера полицейского мог бы спросить, покеда тот не убег куда-то… Хе-хе-хе…

Выругавшись сквозь зубы, доктор положил обе руки на парапет:

- Так как, любезный? Договоримся? Жезл – вот он!

- Может, и договоримся! Только не на твоих посылах, слуга антихристов! Давай так: ты мне жезл возвертаешь, а я за то царского сынка уморять не стану, хоть и могу! Пойдет так? Божьим именем поклянусь: не трону «антихристово семя»!

- Не ори ты так! – прикрикнул Ивелич, смущенный тем, что Никитин заговорил «открытым текстом», назвал царское имя. – Народу-то сколько кругом – зачем ты так?

- А пусть знают, что калека никчемный трон антихристов наследует! – захохотал Никитин. – Ну, как, сговоримся?

- Каков мерзавец! – прошипел Климов и громко крикнул. – Сговорились бы, да тебе, паразиту, веры нету!

Ивелич и Ландсберг, с бессильной яростью наблюдая за диктующим условия старцем, не могли не обратить внимание на его лодочника. Тот после упоминания Никитиным царского имени насторожился, прислушался и начал дергать пассажира на штанину, спрашивать о чем-то. «Странник» лишь отмахнулся от него, цыкнул. Лодочник, нахмурившись, вернулся на свое место и недружелюбно поглядывал на пассажира. А то продолжал вовсю ерничать:

- Сговоримся, что ли? – продолжал наседать он. – А то глядите! Малец царский весь кровью изойдет, а вслед за ним и мамаша его, немчура, с горя помрет! Я ведь найду ход в «антихристовы хоромы», хоть ты войском их окружи! Вы же, господа, мои способности знаете…

- Ну, что будем делать? – повернулся Климов к друзьям. – Я, признаться, не ожидал, что наши переговоры такой оборот примут… И полковник, как нарочно, сбежал не вовремя! Где его люди? Почему их не видать?

* * *

За полчаса до описываемых событий околоточный надзиратель Сенной части Ладыгин неторопливо приближался к Кокушкиному мосту, помахивая раздутым от протоколов портфелем и небрежно кивая попутным дворникам, вытягивающимся при приближении начальства в струнку. Издали заметив притулившийся к парадному последнего дома автомобиль, Ладыгин насторожился: , в этой части города редкое по тем временам в Петербурге авто было явлением невиданным.

Поравнявшись с автомобилем и обойдя вкруг него, околоточный цыкнул на нескольких зевак, окруживших машину. Невозмутимый шофер в кожаной куртке равнодушно поглядел на околоточного и отвернулся, показывая всем своим видом, что тот для него не начальство. Спрашивать у шофера – что тут делает диковинное авто – Ладыгин поостерегся, но приметил, что местного дворника на своем посту не видать. Это было серьезное нарушение, и околоточный решительно вдавил пальцем в белой перчатке кнопку электрического звонка над табличкой с надписью «Звонокъ къ швейцару».

- Вы отчего, паскудники, не на посту?! – заорал Ладыгин на выскочивших из дверей швейцара с дворником. – В «холодную» захотели, мерзавцы? Сей же час в участок сведу паразитов! А ну, свисти! – повернулся он к дворнику.

- Ваш-бродь, тут такое дело, - попытался просунуться к уху околоточного швейцар. – Сам начальник Охранного отделения, его высокоблагородие господин полковник Герасимов секретное мероприятие проводит! Он же и с важными господами статскими на сем авто сюды подъехал…

- Чего врешь-то?! – распалялся околоточный. – Только и дел у господина полковника, что Кокушкин переулок ездить! Свисти, говорю! Сейчас городовому сдам обоих, и в часть!

Выскочившие следом на крылечко «сыскари», предъявив околоточному служебные билеты Охранного отделения, несколько поумерили пыл Ладыгина. Однако сдавать свои начальственные позиции на виду у подчиненных ему не хотелось. Между тем все дворники переулка, поддержав свист собрата, досвистелись-таки до местного городового, который тяжело топал сапогами по переулку, придерживая бьющую по ногам «селедку»[1].

- Ты куды смотришь, Мордюков? – обрушился на подбежавшего городового Ладыгин. – Почему безобразия не пресекаешь?! Что за мероприятие тут происходит без ведома местного полицейского начальства?

- Не могу знать, ваш-бродь! – еле отдышался Мордюков.

- Не можешь? Какой же ты после этого городовой? Ну, погоди у меня! А ну, духом к Кокушкину мосту – там, ежели эти олухи правду говорят, сам господин начальник Петербургского Охранного отделения мероприятие какое-то проводит. Узнай, правда ли - и бегом обратно! Духом чую: врут, мерзавцы!

Козырнув, городовой побежал по переулку по направлению к мосту. Однако внимательный наблюдатель непременно заметил бы, что, забежав за угол дома и исчезнув из видимости начальства, Мордюков перешел с рыси на шаг, а потом и вовсе остановился, внимательно осматриваясь по сторонам.

В отличие от околоточного надзирателя, сделавшего свою грошовую карьеру на зуботычинах и поборах с нижних чинов, Мордюков, ставший городовым сравнительно недавно, после солдатчины, был человеком обстоятельным и сообразительным. Да и простой люд не шарахался от вчерашнего солдата как от чумового. Еще час- много полтора назад мальчишки-газетчики шепнули ему о том, что «охранка» нагнала к Кокушкину мосту и в прилегающий переулок «ужасть скоко «сыскарей», и что там великое сыскное начальство проводит какую-то «литерную акцию». Доложили ему и о моторе, редком «госте» на участке, на котором приехали какие-то важные люди. Мордюков, собственно говоря, и шел на место проведения «акции», чтобы своими глазами поглазеть на авто и узнать – как и что.

Наличие у Кокушкиного дома автомобиля, на коих до сей поры на его памяти ездили по Петербургу только великие князья и сам государь со свитой, убедили Мордюкова, что в переулке происходит что-то неординарное. Поэтому, зайдя за угол дома, городовой и вовсе остановился, внимательно глядя на мост.

Прежде прочего, он сразу заметил на нем, в группе людей, незнакомого городового. А, приглядевшись, заметил, что тот одет не по форме: вместо сапог «бутылками» на собрате красовались статские штиблеты. Сильно смахивали на «ряженых» и разносчик с гостиничным посыльным. А прыгавшему на тележке старьевщика карлику в диковинной высокой шапке и вовсе было место где-нибудь в ярмарочном балагане.

Раздумывая о том, как бы ему не встрять в неприятности, городовой вдруг заметил, как от ватаги «ряженых» отделился татарин-тряпичник и побежал по мосту в его сторону, свернул направо и помчался по набережной. Долго не думая, Мордюков рванул ему наперерез и успел ухватить за ворот халата.

- А ну, стой, татарская морда! Что украл, от кого бежишь?

«Тряпичник», которому бы притихнуть и начать скулить, неожиданно стал вырываться и громко закричал:

- Я те покажу – «татарская морда», фараон! Начальство в личность не знаешь?! Немедленно отпусти! Я полковник Герасимов, из Охранного!

---

[1] Так петербуржцы иронично называли обязательный атрибут вооружения городовых – шашку.

Мордюков отпускать «тряпичника» не спешил, хотя сразу отметил и чистое лицо со щегольскими усиками щеточкой, и голос, привыкший распоряжаться. Его смутил, как ни странно, чудной головной убор «татарина»: не привычная тюбетейка, а железная «малахайка» из мелких колечек, наподобие богатырских рубах-кольчуг. Картинку с тремя богатырями, кем-то прилепленную в казарме, Мордюков видел, почитай, каждый день.

Пока он раздумывал, что делать дальше, «тряпичник» неожиданно присел и крутнулся на месте, наматывая ворот халата на руку городового. Высвободившись из халата, он неожиданно вынул откуда-то револьвер и ткнул им блюстителю порядка в живот:

- Пшел вон, негодяй! Я тебя еще разыщу! – и побежал дальше, навстречу густому дыму из трубы баржи. Но тут же остановился, властно махнул опешившему Мордюкову рукой. – Слышь, как тебя? Я Герасимов, начальник Охранного отделения! Следуй за мной, может, пособить придется!

Городовой, совсем потерявши голову, послушно рванул следом, не выпуская из левой руки волочащегося халата.

На барже какие-то бородачи, вовсе не похожие на каменщиков, уже убирали деревянные доски-сходни.

- А ну стой! – закричал «тряпичник», размахивая револьвером. – Кто такие? Руки в гору! Постреляю всех к чертовой матери!

Бородачи от неожиданности замерли на месте, а потом вдруг дружно попрыгали в воду. Баржа уже отошла от причальной стенки, и Мордюкову, чтобы не отстать, пришлось сделать гигантский прыжок с берега на низкий борт, ударившись при этом об угол рулевой рубки.

Где-то внизу ровно стучал мотор, однако рулевого в рубке не было. Заскочив туда, Герасимов стал дергать за все рычаги подряд, но только ускорил ход тяжелой посудины, которая, медленно поворачиваясь, сползала по каналу прямо на мост.

- Эй, городовой! – позвал «тряпичник». – Скорее! Сейчас баржа на мост налетит! Как ей управлять – ты не знаешь часом?

Управляться с баржей Мордюкову не доводилось. Правда, на маленьких пароходиках он не раз видел, как капитаны крутили большой обод с ручками.

- Должно, энто колесо крутить надобно, - предположил он.

Герасимов, ухватясь за штурвал, начал бешено крутить его. Как ни странно, баржа стала потихоньку поворачивать, с грохотом ударилась о каменную стену канала, повернула и… продолжила сползать по течению на мост, только теперь уже кормой вперед.

Увидев, что мост совсем рядом, Герасимов выскочил и рубки и несколько раз выстрелил в воздух, предупреждая оставшихся на мосту спутников. Но те, как назло, дружно глядели в другую сторону. Корму с рулевой рубкой накрыла густая тень: баржа очутилась наполовину под мостом… Герасимов бессильно закрыл глаза, представляя себе, как вот сейчас груда огромных камней, возвышающаяся над мостом сажени на две-три, наткнется на препятствие и рухнет на людей, хороня их под своей массой…

* * *

Тем временем, события на мосту развивались в каком-то ускоренном темпе. Чувствуя бессмысленность дальнейших «переговоров» с Никитиным, Ивелич и Ландсберг выхватили револьверы и нацелили их на «странника».

- А ну, ложись! – рявкнул Ландсберг. – Ложись и вели своему лодочнику пристать к берегу! Слышь, ты! Давай к берегу!

Громыхнул выстрел: Ивелич, прицелившись, выстрелил в скамейку, на которой стоял Никитин. Но тот только захохотал, перерезал невесть откуда взявшимся ножом

удерживающую ялик веревку и повернулся было к лодочнику, чтобы скомандовать отступление. И не успел: тот, неожиданно вынув одно весло из уключины, замахнулся им:

- Против государя императора с наследником злоумышляешь, паскуда сектантская! Поносные слова на царя говоришь! – крякнув, лодочник с размаху ударил «странника» по кудлатой голове. – Вяжите его, люди добрые!

Покачнувшись, Никитин рухнул в канал, подняв тучу брызг.

- Держи его! – Ландсберг вскочил ногами на парапет, собираясь прыгать в канал.

В этот момент послышалось несколько выстрелов сзади. Обернувшись, Ганс увидел быстро надвигающуюся на мост каменную громаду, моментально оценил обстановку. Бросив револьвер, он нагнулся, обеими руками ухватил за вортники Ивелича и Арюунэрэла, с неимоверным усилием поднял их и бросил в канал. Ганс тут же последовалза ними. Практически одновременно прыгнул в воду и доктор Климов. Все вместе рухнули в канал – а через мгновение с жутким грохотом на мост начали сыпаться камни с налетевшей баржи.

Отплевываясь и шлепая руками по воде, друзья вынырнули, поплыли к ялику, с которого лодочник услужливо протягивал им багор. Ухватившись за борт посудины, Ландсберг не торопился забираться в ялик, внимательно оглядывался вокруг.

- Бородатого ищешь, ваш-бродь? – догадался лодочник. – Так я его, паскуду, так веслом по башке хватил – вишь? Треснуло весло! Утоп, должно!

- Такие не тонут! – помотал головой доктор Климов, вглядываясь в темную грязную воду канала. – Искать надо! Давай-ка, малый, на середину потихоньку выгребай! Господа, глядеть во все стороны! Утопленники сразу на дно не идут, воздух в легких не дает! Искать будем! Не успокоюсь, пока на прозекторском столе[1] мерзавца не увижу!

- Все целы? Все живы? – беспокоился Ивелич, забираясь в ялик и помогая забраться малютке-Провидцу. Обернувшись, он отметил открытый рот быстро крестящегося лодочника, увидевшего голову Арюунэрэла без его неизменного колпака.

Зрелище было, что и говорить, впечатляющее. Череп Провидца, вытянутый вверх и слегка назад, абсолютно безволосый, был раза в два больше обычного, человеческого. Слегка приоткрыл рот и доктор Климов: такого, несмотря на свою огромную медицинскую практику, он еще не видел.

Почувствовав на себе взгляды, Провидец попытался прикрыть голову руками, но сделал только хуже: увидев его необыкновенно длинные пальцы с широкими, голубоватыми ногтями, лодочник, не переставая креститься, сиганул с ялика в воду. Пожалев Провидца, Ганс сорвал с себя мокрую блузу городового и прикрыл ему голову.

- Господа, не будем отвлекаться! – первым опомнился Климов. – Ищите «бегуна»!

Но где его было искать? Ялик, оставшись без лодочника, крутясь, плыл по течению. Облепившие парапет набережной канала зеваки что-то кричали, махали руками. Встав на корму, Ландсберг, как венецианский гондольер, пытался грести одним веслом.

Через несколько минут Климов, махнув рукой на поиски Никитина, указал Гансу на дощатый причал для пароходиков.

- Надеюсь, что мерзавец утонул, - мрачно предположил он. – Удар был хорош, вполне мог ему черепушку расколоть. Давайте выбираться, друзья! Надо быстро найти пару извозчиков – и домой! Только через аптеку, господа! Горячая ванна, полная дезинфекция – иначе если не помрем от крупа, так подхватим какую-нибудь заразу!

Только разместившись в двух пролетках, друзья вспомнили про полковника Герасимова и авто. Велели извозчикам поворачивать к Кокушкину мосту.

Однако проезда через мост не было: он был наполовину завален камнями с баржи. Полиция спешно устраивала оцепление, и на другой берег друзей не пропустили.

---

[1] Специальный медицинский стол, предназначенный для вскрытия и анатомирования трупов.

- Ладно, поехали домой, - решил Ивелич. – Если наш полковник не пострадал, то непременно явится.

- А ведь он наверняка был на барже! – припомнил Ландсберг. – Помните выстрелы? Это ведь он нас об опасности предупреждал!

- Да, если б мы не оглянулись, и продолжили бы «торговаться» с Никитиным, то лежали бы сейчас под этими камнями, - перекрестился Ивелич, ткнув извозчика в спину. - Эй, братец, поезжай куда сказано!

Не успели развернуться, как опять послышались выстрелы. Обернувшись, друзья увидели полковника, махавшего им руками с парапета противоположной стороны канала. Сложив руки рупором, тот прокричал:

- Езжайте к Воскресенскому мосту, я туда тотчас подъеду!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Экспедиция на старте

Время до назначенного отправления экспедиции в Тибет прошло в хлопотах. Были разнообразные согласования, совещания со знатоками таинственной горной страны, визиты чиновников высокого уровня. И вот, наконец, настал великий день. С утра была назначена последняя аудиенция у императора – по настоянию Николая, тайная.

Авто из монаршего гаража отвезло Ивелича, доктора Климова, Карла Ландсберга и Арюунэрэла в Царское Село. Николай, чтобы не возбуждать лишнего, по его мнению, ажиотажа придворных и своих родственников, принял друзей в своей библиотеке.

Автомобиль обогнул громаду Александровского дворца и мягко причалил к безлюдной лестнице у заднего фасада. Едва авто остановилось, по лестнице сбежал франтоватый флигель-адъютант императора. Щелкнув каблуками надраенных до зеркального блеска сапог, он сделал приглашающий жест и повел слегка оробевших друзей бесчисленными анфиладами комнат и служебных помещений, вполголоса вещая:

- Кленовая гостиная, господа… Угловая гостиная… Здесь налево, господа. Вот, собственно говоря, третья комната библиотеки – государь примет вас во второй.

Распахнув последнюю дверь, адъютант снова поклонился, глазами указал на диваны, стоящие покоем:

- Извольте подождать здесь, господа. Я сей же час доложу его величеству о вашем приходе.

Друзья садиться не стали, и остались посреди обширного помещения, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Было понятно, что это - главный библиотечный зал, освещаемый с двух сторон окнами. Мебель — времени Николая I. Поперек зала — витрины, в которых выставлены гравюры, акварели, открытки, книги. У витрин и в других местах расставлены статуэтки, модели памятников и кораблей и модель пушки, поднесенная последнему царю администрацией Обуховского завода. Над головой сияли люстры работы конца XVIII века из стекла, хрусталя и бронзы. На шкафах—фигуры солдат конных полков, времени Николая I, сделанные из папье-маше.

Между витринами и по бокам их были расставлены статуэтки и модели памятников, судов и орудий, поднесенных в подарок последнему Николаю II. На шкафах помещены модели форм конных полков времени Николая I. На пьедестале — бронзовая модель памятника Петру I в Петрозаводске.

Немного освоившись, друзья принялись бродить между витринами и шкафами, однако до конца осмотреться не удалось. Распахнулись двойные двери в конце залы, и напудренный мажордом с посохом негромко возгласил:

- Его императорское величество государь Николай Второй…

Сразу же вслед за ним в библиотеку быстро прошел император - в своей традиционной полковничьей форме.

- Прошу извинить за конспирацию, господа. Не хочется, знаете ли, лишних разговоров, а тем паче – газетной трескотни с дурацкими прогнозами, выводами и предположениями… Прошу садиться, господа! – Николай прищурился на Арюунэрэла в его желто-оранжевых одеяниях и темно-красном колпаке. – А это и есть, как я понимаю, ваш главный проводник по Тибетскому нагорью?

- Не совсем так, ваше величество, - деликатно кашлянул Ганс Ландсберг. – Видите ли, ваше величество…

- Ну, в конце концов, это неважно – кто здесь главный проводник и знаток Тибета, - махнул рукой в перчатке Николай. – Поскольку господин Климов и граф Ивелич были мне представлены несколько месяцев назад, то вы, очевидно, являетесь братом так нелепо погибшего Карла Ландсберга?

Поняв свою оплошность, Ганс покраснел, вскочил и поклонился:

- Ганс Ландсберг, ваше императорское величество. Чина, как, впрочем, и русского подданства, не имею.

- Ну, это поправимо, поправимо, мистер Ландсберг, - кивнул император. – Ежели вы того желаете, разумеется!

- Считал бы за честь, ваше величество.

Николай кивнул. И, поскольку с церемонией представления было покончено, тут же перешел к делу:

- Благодарю вас, господа, за проявленную вами готовность услужить русской короне и совершить весьма трудное и опасное путешествие в Тибет. Не буду повторяться и вновь говорить о значении, которое я придаю этой экспедиции и ее важности лично для меня, ее величества и… И всего Дома Романовых, господа! Скажу более того: вы должны отдавать себе отчет, что от успеха или провала вашей миссии в Тибет в значительной мере зависит судьба всей империи. И это не громкие слова, господа! Впрочем, как я понимаю, вы оказались посвящены во многие тайны нашего семейства и нашего двора и отдаете себе отчет в важности вашей миссии.

Император встал вслед за ним немедленно вскочили все друзья.

- В добрый путь, господа! И да хранит вас Господь! К сожалению, моя супруга, ее императорское величество нынче нездорова, однако тоже просила передать вам ее свое благословение и горячую благодарность за согласие участвовать в опасном путешествии!

Николай перекрестил своих гостей, коротко поклонился и быстро покинул библиотеку.

- Аудиенция закончена, господа! – негромко объявил невесть откуда взявшийся флигель-адъютант. – Прошу за мной!

* * *

Вечером того же дня друзей доставили на оцепленный полицией и солдатами вокзал, где их дожидался специальный поезд-экспресс.

- А вот и я, господа! – послышался знакомый голос сзади.

Обернувшись, друзья увидели полковника Герасимова.

- О-о, давненько вас не было на нашем горизонте, господин полковник! – приветливо раскланялся Ивелич, а вслед за ним и все остальные участники экспедиции. – Мы уж опасались: не прогневали ли вы высокое начальство во время операции на Кокушкином мосту?

- Начальство для того и существует, чтобы срывать свой гнев на несчастных полковниках! – беззаботно отмахнулся Герасимов. - Ничего, господа: железо куют для того, чтобы оно превратилось в закаленную сталь!

- Пришли проводить нас? – поинтересовался доктор Климов. – А почему, простите, в статском?

- Не совсем проводить, - загадочно хмыкнул полковник. – А в статском, будь оно неладно, оттого, чтобы не смущать полицейское местное начальство на остановочных станциях.

- Господи, неужели вы едете с нами?

- Не обольщайтесь, господа, не в ваш чертов Тибет! – рассмеялся Герасимов. – Но до Челябинска компанию вам составлю. Если вы, разумеется, не возражаете.

Его хором заверили, что возражений никаких не имеется.

Места в салон-вагоне, выделенном по указанию с «самого верха», для четырех членов экспедиции, было с избытком – пять купейных отделений и общий салон. Кто едет в других вагонах состава, путешественники могли только догадываться. Впрочем, Герасимов быстро просветил их на этот счет:

- В первом и последнем вагонах едет охрана, во втором – мы. Далее прицеплена кухня-столовая, потом два вагона с персоналом Русско-Балтийской вагонной компании, включая вашего шеф-пилота Сикорского. В следующих трех грузовых вагонах помещены разобранные аэропланы, за ними – спецвагон для перевозки автомобилей. Вот и вся наша веселая компания, господа!

Не прошло и получаса, как главный кондуктор дал свисток к отправлению. Сцепка из двух мощных локомотивов рявкнула в ответ, и постав покатился, постепенно ускоряя ход. В видах наступающей ночи путешественники выпили по бокалу «шустовского», пожелали друг другу приятного пути и разбрелись по купе.

На следующее утро они проснулись под стук колес: литерный состав шел вне расписания, проскакивая небольшие станции и делая короткие остановки только на узловых станциях, где по распоряжению министра путей сообщения их ждали под парами сменные локомотивы с полными тендерами дров и угля.

Метрдотель принес путникам меню и спросил о пожеланиях. Коротко посовещавшись, они решили нынче позавтракать в своем салоне. «Мэтр» не возражал, и немедленно исчез.

За столом разговор, как и предполагалось, зашел о последней встрече со «странником» Никитиным и громком инциденте на Кокушкиным мосту. Неожиданное купание в Екатерининском канале имело следствием жестокую простуду для Ивелича и Арюунэрэла. Климов клялся и божился, что «купальщики», включая его самого, еще легко отделались, ибо грязная вода прямо-таки кишела бациллами различных заболеваний. Про Никитина, получившего удар по голове веслом и упавшего в канал, никто ничего больше не слыхал.

- Надо честно признаться, господа, что вся эта задумка насчет встречи с Никитиным и попытки договориться с ним изначально была проигрышной, - заявил Герасимов, цепляя на вилку нежнейшую семгу. - С чего вы взяли, милейший доктор, что безграмотный «бегун» знает способ лечения гемофилии? Единственное, что мы знаем про него, так это то, что он порядочный медиум! Да, он с компанией своих единоверцев привез с Тибета какие-то пакостные знания, обрел способность управлять людьми! Неужели вы полагаете, доктор, что он рвался туда, чтобы открыть в России частную медицинскую практику?!

Ивелич бросил быстрый взгляд на Климова, который явно был готов к словесной баталии и попытался ее предотвратить.

- Не надо ссориться, господа! –миролюбиво буркнул он. – Признаться, я тоже не слишком верил в медицинские способности этого негодяя. Но и исключить их тоже было нельзя! Это маленький, но все же шанс! Не знает способа лечения – пусть назовет тибетский монастырь, где его учили всяким пакостям!

- Тибет хранит множество тайн, в том числе и медицинских! – поддержал его Климов. – Мы, в сущности, почти ничего об этом не знаем!

- Почему же не знаем? – заговорил Герасимов, откидываясь на спинку кресла. – Вы, господа, знаете об экспедиции калмыков-буддистов, которые несколько лет назад с благословения государя, совершили в Тибет разведывательную экспедицию под видом паломничества. И кое-что привезли оттуда – разве вам не были предоставлены все отчеты? Дамбо Ульянов, если мне не изменяет память, пометил на карте Тибета точку, где от встреченного им аборигена-священника получил информацию о длиннобородых «урусах» и примерное направление их движения. Кроме того, он передал императору свиток, врученный ему Далай-ламой в Лхасе, тибетской столице. В том свитке содержались, в числе прочего, и некоторые медицинские данные, доселе в России неизвестные. Эти «рецепты» были внимательно изучены – я имел беседу на эту тему с лейб-медиком государя, доктором Боткиным. Так вот: ничего полезного в плане лечения гемофилии там не было! А ведь калмыки знали главную головную боль нашего императора! И в первую очередь интересовались именно лечением гемофилии! Все это так – но отчего же вы полагаете, что проклятому «страннику» удалось не узнать то, чего не знает буддийский «главнокомандующий»?

- Не кипятитесь, полковник! – прервал его доктор Климов. – Вот я, к примеру, дипломированный врач. И еще вашего покорного слугу иногда называют «хирургом божией милостью». Однако и в России, и в других концах света мне случалось встречаться с безграмотными лекарями, бабками-знахарками и даже шаманами разного рода, которые загоняли меня своими способностями буквально в тупик! Мне не стыдно признаться, что в моей практике были случаи, когда ведуны и знахари ставили на ноги умирающих, которым вынесли «приговор» маститые медики! В общем, у нас все же был шанс, и мы должны были его использовать!

- Поддерживаю! – прогудел Ганс Ландсберг. – Во время своего пребывания в Тибете мне доводилось встречать колдунов и лекарей, которые не умели читать и писать, но проявляли при этом виртуозность в лечении.

- Я разделяю мнение своих товарищей, - поддержал, решительно подкрутив усы, граф Ивелич. – И при всем уважении к вам, господин полковник, скажу: если бы вы тогда не сдержали свои «хватательные инстинкты», я бы немедленно связался с министерством двора и поставил бы императора в известность о том, что мы в противном случае умываем руки!

Герасимов поджал губы и поднял плечи, сдаваясь от такого дружного натиска:

- С вами не поспоришь, господа – с таким-то «тылом», как государь! Извольте! Я хочу напомнить, что тогда проинструктировал своих людей и запретил им применять оружие против Никитина. Но если бы вы попытались отдать ему в руки тот проклятый жезл, крайне опасное оружие, то к государю пошел бы уже я! И у меня, уверяю, был в таком случае козырь, который побил бы все ваши карты!

Несколько минут в мчащемся по нескончаемым рельсам вагоне царила напряженная тишина. Было очевидно, что каждая сторона осталась при своем мнении. Наконец, Ивелич первым выкинул «пальмовую ветвь»:

- Еще раз предлагаю: давайте не будем ссориться, господа! Все мы, в сущности, играем в одной команде, но видение решение проблем у нас разное. Давайте искать пути сближения!

- Я ведь, в сущности, не имею ничего против полицейских методов, - пыхнул дымом Климов. – И лишь призывал применять их не сразу, а по мере необходимости.

Все еще хмурясь, Герасимов подал в знак примирения руку всем своим «оппонентам», включая молчащего Провидца.

- А про какой козырь вы упоминали, господин полковник? – словно между прочим поинтересовался Ивелич.

- Какой же это козырь, ежели его показать заранее? – усмехнулся тот. – Впрочем, извольте: сейчас об этом уже можно говорить смело. У меня есть и было сильнейшее подозрение, что наш «странник» имел прямое отношение к инциденту на водосвятии в январе 1905 года. Вы конечно, слыхали о выстреле картечью по Зимнему из орудия, предназначенного для салютационной стрельбы, господа?

Друзья переглянулись, пожали плечами: Ландсберга и Климова в то время не было в Петербурге и вообще в России, граф Ивелич обретался в загородном доме и знал об инциденте на водосвятии только из сообщений печати, весьма скудных и разноречивых.

- Я что-то слышал, - неуверенно отозвался он. – Но речь здесь можно вести о разгильдяйстве орудийной обслуги, по-моему… При чем тут наш «друг» Никитин?

- Извольте, полюбопытствуйте! – Герасимов протянул друзьям тонкую папку с бумагами, доселе лежавшую у него на коленях. – Здесь далеко не все, разумеется – пара вырезок и отчет о следствии под председательством великого князя Сергея Александровича. Прочтите, а потом я кое-что добавлю на словах. Не успею до прибытия на место – расскажу после.

Завладев бумагами, Ивелич, Ландсберг и Климов мельком, насколько это было возможно в качающемся вагоне, стали по очереди знакомиться с ними.

«6-го января, во время водосвятия на Неве в Высочайшем присутствии при производстве установленного салюта произошел несчастный случай. Одним из орудий батареи, расположенной близ Биржи, был произведен вместо холостого выстрел картечью. Пули попали в помост Иордани и на набережную, а также в фасад Зимнего дворца, в четырех окнах которого ими разбиты стекла. Ранен один нижний чин петербургской городской полиции. Других несчастий с людьми, насколько это до сих пор выяснилось, не было. Следствие производится».

(«Рижский вестник», по сообщению Русского Телеграфного Агентства)

«Близко просвистела картечь, – писал позднее в своих воспоминаниях свидетель тех событий, русский офицер-монархист, ветеран Первой мировой войны П.Н. Шабельский-Борк. - Как топором, срубило древко церковной хоругви над Царской головой. Но крепкою рукой успел протодиакон подхватить падающую хоругвь и могучим голосом запел он: “Спаси, Господи, люди Твоя”... Чудо Божие хранило Государя для России. Оглянулся Государь, ни один мускул не дрогнул в Его лице, только в лучистых глазах отразилась бесконечная грусть. Быть может, вспомнились Ему тогда предсказания Богосветлого Серафима и Авеля Вещего об ожидающем Его крестном пути».

Государь со свитой, обойдя войска и отстояв обедню в дворцовой церкви, с крестным ходом снова прошел по всей анфиладе бесконечных зал, мимо войск и приглашенных, через Иорданский подъезд на Неву, где на льду была построена беседка для водосвятия. Духовенство спустилось вниз для водосвятия, знамена и штандарты разместились по внешней стороне беседки, обращенной к Бирже, а император со свитой остался, не входя во внутрь, на широком помосте, между дворцом и беседкой, заслоненный ею со стороны Биржи. После короткого молебствия митрополит освятил воду Невы; одновременно с верхов Петропавловской крепости, и со стороны Биржи, где стояла прибывшая нарочно для производства смотра гвардейской конной артиллерии батарея Его Величества, раздалась салютационная стрельба.

Почти одновременно в окнах дворца послышался звон битого стекла, довольно сильный треск в куполе беседки, и к ногам царя упал довольно крупный обломок дерева. Первое впечатление было, что это упал хвост ракеты, неудачно занесенный сюда ветром. Но, одновременно на противоположной стороне беседки, обращенной к Бирже, произошло движение. Великий князь Владимир, прошел на ту сторону и, вернувшись, шепнул императору, что во время салюта, со стороны Васильевского острова по дворцу были произведены

выстрелы, одним из которых перебило знамя Морского корпуса: никто из присутствовавших в беседке ранен не был, но одному из городовых, стоявших неподалеку от входа, выбило глаз осколком шрапнели.

Царь встретил известие совершенно покойно, прошел посмотреть пробитое знамя, несмотря на уговоры вернуться во дворец, остался, и прослушал всю службу до конца; затем не ускоряя шага вместе с крестным ходом вернулся к себе. Салют в 101 выстрел не прерывался, и каждую минуту можно было ждать новых, быть может более метких попаданий. Но все обошлось благополучно. Во дворце выяснилось, что окна в нескольких местах были пробиты пулями образца, принятого для картечи легкой полевой пушки.

Служба закончилась. Государь долго беседовал поочередно со всеми представителями иностранных держав, и только по окончании официальной стороны приема подозвал к себе градоначальник Фулона, чтобы тот доложил о первых результатах служебного расследования.

- Для расследования несчастного случая была назначена комиссия под председательством начальника артиллерии гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Хитрово, временно командующего лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады полковника Головачева, командира артиллерийской бригады генерал-майора Ивашенцова и командующего бригадой полковника князя Масальского. Все это, как я уже упоминал, под личным наблюдением и руководством инспектора всей артиллерии великого Князя Сергея Михайловича, - пояснил Герасимов. - Означенная комиссия приступила к энергичному расследованию причин происшедшего и к допросу чинов батареи, производивших стрельбу. На заседании комиссии присутствовали директор департамента полиции Лопухин и товарищ прокурора судебной палаты Трусевич. Дознанием было установлено, что накануне в 1-й Его Величества батарее конно-артиллерийской бригады производилось домашнее учение на артиллерийском дворе. По окончании учения взводные ефрейторы должны были вычистить орудия, пробанить[1] их, смазать и надеть чехлы, что и было исполнено во 2-м и 3-м взводах; в 1-м же взводе временно исполняющий обязанности орудийного ефрейтора этого не исполнил, а ограничился тем, что надел дульные чехлы.

Завтрак закончился, безмолвные официанты унесли приборы и очистили стол.

- В день стрельбы взводные командиры и командующий прибыли на артдвор в то время, когда батарея была запряжена и готова к выступлению, - продолжил Герасимов. - Офицеры, фейерверкеры, и орудийные ефрейторы осмотрели вверенные им орудия только внешне. Заряжая их для холостой стрельбы, в них вложили картонные, набитые опилками снаряды и заряды. По мнению комиссии, в канале одного из орудий со времени ученья осталась одна из учебных картечей.

- Ну, ясно: я ж говорил – элементарное разгильдяйство! – заметил Ивелич.

- Пока – да, - многозначительно поднял указательный палец Герасимов. – Имейте терпение, господа! Комиссия произвела следственное испытание: в каналы запряженных орудий было вложено 5 учебных зарядов, после чего пушки были перевезены с артиллерийского двора на место происшествия. Лошадиные упряжки двигались разными аллюрами. В результате 4 картечи выпали, а одна осталась в канале ствола…

- То есть, забытому заряду картечи помешал выпасть чехол, надетый после стрельб? – догадался Ландсберг. - Чехлы со всех орудий были сняты при установке пушек на позицию стрельбы. Присутствие картечи было бы неминуемо обнаружено, если бы орудия были прочищены после учебных стрельб, как говорится в отчете.

- И еще там сказано, что по показаниям нижних чинов, орудие № 2 после первого же выстрела откатилось шага на два, и что они принуждены были его накатывать обратно,

[1] Пробанить орудия — прочистить дуло орудия банником, то есть специальной щеткой на длинном древке.

чтобы выровнять его с другими. Это совершенно очевидно показывает, что злосчастный выстрел был произведен именно из него.

- К чему нам сейчас эти подробности? – возмутился было доктор Климов.

- Терпение, господа, терпение! Комиссия отыскала всю орудийную обслугу, принимавшую участие в учебе. Все были штатные, все оказались на местах. Кроме одного, господа: выяснилось, что наводчиком у злосчастного орудия был какой-то вольноопределяющийся. Военные его не нашли, да и не особо искали. А вот директор департамента полиции им весьма заинтересовался, - тут полковник сделал многозначительную паузу.

- И что же? – не вытерпел Ганс Ландсберг. – Выяснилось, что тот сбежал, поняв, что напакостил?

- Не сбежал, а покончил жизнь самоубийством, господа! Но как?! Не застрелился, не повесился, не кинулся с моста в воду, а проглотил собственный язык! Каково, господа? Вам это ничего не напоминает?

- Погодите, - подался вперед Климов. – Погодите, ведь таким же способом умертвили себя несколько пациентов профессора Бехтерева. Которые из «бегунов»!

- Это может быть простым совпадением! – пожал плечами Ландсберг. – Мало ли кто и как кончает с собой! Хотя… Будучи в Тибете, мне доводилось слышать, что глотание языка весьма распространено среди тамошних колдунов и черных магов! То есть, они не сами глотают, а внушают эту методу своим врагам.

- Вот и я подумал, что без Никитина здесь не обошлось! – торжествующе воскликнул Герасимов. – И поскольку розыск вольноопределяющегося был поручен Сыскному отделению, я начал искать приятелей «вольнопера», выяснять круг его знакомств. И выяснил, господа! Товарищи покойного показали, что накануне учебных стрельб на кухне артиллерийского двора появился новый повар с весьма примечательной внешностью: у него была длинная черная борода!

- Никитин?! – подался вперед Ландсберг. – Ну и ловкий же негодяй!

- И все же сомнительно! – покрутил головой граф Ивелич. – Допустим, это был наш «странник». Допустим, он подверг несчастного «вольнопера» внушению и заставил «забыть» в стволе заряд картечи. Но перед салютом орудия обычно проверяют – тем более, что стрельба должна производиться в присутствии царя! Он что – всю орудийную обслугу загипнотизировал?!

- Всю не всю, а с тремя фейерверкерами этого бородача несколько дней видели. Свидетели отмечают, что все общавшиеся с «поваром» накануне конфуза со стрельбой вели себя как-то странно. Молчали, говорили сами с собой, ночами плакали. И все, заметьте, господа, все знакомцы нового повара после инцидента исчезли! Их объявили дезертирами, подали в розыск – но до сей поры о пропавших ни слуху, ни духу. Если они не убиты, так старец увел их с собой. Так-то!

- А что с Никитиным? – поинтересовался доктор Климов, орудуя зубочисткой. – Ваши люди, надеюсь, обшарили в тот день весь Екатерининский канал? Неужели даже трупа не нашли?

- Обшарить-то обшарили, - кивнул Герасимов. – И ничего, увы, не нашли. Зато через несколько дней в один из полицейских участков привезли некоего забулдыгу, который шатался по столице без паспорта и ночевал где попало. В том числе, и в будках на причальных плотах на каналах. Забулдыга клялся и божился, как видел, как поздно вечером того же самого дня, когда случился инцидент на Кокушкином мосту, из-под досок вылез мокрый черт с длинной бородой.

- И куда он делся? – подался вперед Ивелич.

- А Бог его знает! – пожал плечами Герасимов. – Забулдыга, увидев «черта», забился поглубже в свою нору и закрыл глаза. К тому же, по его собственному признанию, он был, как всегда, сильно пьян…

* * *

Доехав с друзьями до Челябинска, полковник Герасимов сердечно распрощался с ними, пожелал удачи и выразил надежду на будущую встречу.

Глядя вслед полковнику, быстро прошагавшему по дебаркадеру и исчезнувшего в дверях вокзальной конторы, доктор Климов докурил очередную египетскую папиросу и повернулся к Ивеличу:

- Тебе не кажется, Марк, что все это несколько странно? Это сопровождение начальника Охранного отделения до тихого уездного городишки Оренбургской губернии, его старательный уход от расспросов на тему неожиданного для петербургского чиновника откомандирования в сибирскую глубинку, это дыру…

- Ну, не такая уж Челябинск нынче и глубинка, - запротестовал Ивелич. – Городишко был таковым, пока здесь не нашли золотое месторождение. А новое рождение Челябинска состоялось в последние годы жизни императора Александра III. Оно было связано с окончанием строительства Самаро-Златоустовской железной дороги, соединившей Челябинск с европейской частью Российской Империи. Заметь, Илья, что именно благодаря вмешательству императора был отменён ранее предложенный проект, которым предполагалось вести железную дорогу через Казань — Екатеринбург — Тюмень. Потом продолжилось строительство Транссибирской магистрали на восток. Буквально за несколько лет город занял ведущие позиции по торговле хлебом, маслом, мясом и чаем. По торговле хлебом Челябинская биржа конца XIX века — первая в России, по торговле импортным чаем — вторая. А знаешь ли ты, что нынче за упомянутой тобой «дырой» уже закрепилось неофициальное почётное название «Ворота в Сибирь»?

- Благодарю за лекцию, - язвительно поклонился приятелю доктор. – Я ожидал услыхать от тебя другое! Зачем эти «Ворота в Сибирь» понадобились главному сыщику Северной столицы? Отчего ему непременно надо было ехать с нами? Для чего рассказывать о причастии Никитина к гипотетическому покушению на нынешнего императора? Заметь, Марк, что полковник практически исчез из нашей жизни сразу после происшествия на Кокушкином мосту!

- М-да, я обратил внимание, что после этих событий мы виделись с ним мельком, пару раз, не более. Я даже подумал, что он получил от министра внутренних дел внушительную головомойку за бездарно организованную засаду на «странника» и попал в опалу…

- Пожалуй, ты прав, Марк: Герасимов в опале. А сюда, между прочим, он мог приехать в погоне за нашим злодеем Никитиным.

- Ну, ты и фантазер, Илья! – покрутил головой Ивелич. – Даже если Никитин выжил после удара по голове и купания в канале, для чего ему забираться так далеко от привычных ему мест?

Спор так и повис в воздухе, не закончившись: главный кондуктор отдал распоряжение об отправке литерного эшелона, и путешественники поспешили к своему вагону.

* * *

Случайно ли, или так было задумано военными стратегами в «Петербургском штабе обеспечения операции» (ПШОО), но литерный экспресс из Северной столицы, неустанно молотивший колесами по стыкам рельсов Транссиба почти две недели, прибыл в Иркутск, конечную точку своего маршрута, глубокой ночью. Не успел состав замереть, как в салон-вагон, выбранный друзьями для дальнего путешествия, проник дежурный офицер.

Деликатно откашлявшись – на тот случай, если пассажиры спали – офицер негромко объявил:

- Приехали, господа! Попр-рошу на выход-с! Позволю себе напомнить, что выходим налегке, багаж оставляем в вагоне: им займутся нижние чины. На дебаркадере ожидают два авто, которые и доставят вас в походный штаб.

Под округлым потолком салон-вагона загорелись неяркие электрические лампы. Пассажиры, которые в эту последнюю ночь прилегли на диваны не раздеваясь, потянулись к выходу.

- Прохладно для августа, но ветра, слава Богу, вроде нету. Так что, господа, полетите, скорее всего, без задержек! – пророкотал тот же офицер, успевший соскочить на деревянную платформу и ловко распахнуть дверь первого подкатившего к вагону автомобиля. Едва первая пара пассажиров разместилась в салоне, как дверка захлопнулась, на подножки авто с двух сторон вскочили перетянутые портупеями офицеры охраны, и автомобиль резво рванул с места.

Промчавшись по межвагонному «коридору», авто съехало с дебаркадера, проскакало через рельсовый переезд и помчалось от тускло сияющих станционных сооружений куда-то в темень. Позади прыгали по кочкам столбы света от второго автомобиля.

Минут через десять быстрой езды автомобили затормозили перед опущенным шлагбаумом – впрочем, ненадолго. Соскочившие с подножек офицеры ринулись вперед, скомандовали что-то маловразумительное застывшим в полосатых будках солдатам-часовым, шлагбаум тотчас взлетел в темноту, и машины проехали к огромной брезентовой палатке, все окна которой были ярко освещены. У входа в палатку вспыхивали красные точки тлеющих папирос – впрочем, по мере приближения авто папиросы поспешно гасились, офицеры различных родов войск поправляли обмундирование и ремни.

- Если они сейчас еще и выстроятся с отданием чести и щелканьем каблуков, я не выдержу и взвою! – громко шепнул в ухо Марка Ивелича доктор Климов. – Зачем вообще нужен весь этот «балаган» под эгидой военных?!

Однако, обошлось без щелканья. С прибывшими сдержанно поздоровались и расступились, откинув пошире брезентовый полог у входа. Слегка помаргивая от яркого света внутри палатки, путники сделали несколько шагов и остановились при виде явно спешащего к ним невысокого полковника с широкой улыбкой на лице.

- С прибытием в лагерь номер один, господа! – полковник поочередно пожал четверым друзьям руки, слегка стушевавшись лишь перед тем, как подать руку Прорицателю, одетому по-восточному обыкновению и с высокой желто-красной шапкой на голове. – Надеюсь, доехали с комфортом и без приключений? Во всяком случае, график выдержан четко! Отдыхать не предлагаю – поскольку две недели вы только и делали, что облеживали бока на мягких диванах салон-вагона, ха-ха-ха!

Доктор Климов уже прищурился и открыл было рот, чтобы ответить полковнику, по обыкновению, ехидной гадостью, однако Ганс Ландсберг с одной стороны и Марк Ивелич с другой, не сговариваясь, сжали ему локти: ссориться с военными хозяевами положения с самого порога не следовало.

- Прошу за стол, господа! – полковник широким жестом указал на несколько сдвинутых раскладных столов, устеленных картами. Кое-где между картами стояли глиняные кувшины, окруженные мелкими чашами без ручек. – Рискну предложить местный монгольский напиток, кумыс. В Тибете, куда вы собираетесь, традиционный напиток несколько иной, говорят. Но лиха беда начало – пока рекомендую кумыс, господа! И начнем наше короткое совещание, своего рода итог трехмесячной подготовки к выполнению высочайшего повеления нашего государя!

Присутствующие в палатке с легким гомоном двинулись к столу.

Здесь были не только военные. Отдельной группой стояли около десятка человек в серых и черных комбинезонах, рядом с ними переминались с ноги на ногу люди разного возраста в статском.

- Я подчеркиваю: короткого совещания, потому как по графику вылет наших путешественников должен состояться через два часа, - продолжил полковник. - Не так ли, господин Сикорский?

С этим молодым гением воздухоплавания путники уже были знакомы: недоучившийся студент Игорь Сикорский возглавлял конструкторское бюро воздухоплавательного отделения акционерного общества «Русско-Балтийский Вагонный Завод» в Риге[1].

Ещё в довоенный период изобретатель пришел к выводу, что будущее не за маленькими одномоторными аэропланами, а за большими летательными аппаратами с двумя или большим числом двигателей. Они имели преимущество в дальности полета, в транспортных возможностях. К тому же, воздушный корабль с несколькими членами экипажа и с несколькими моторами, был более безопасным.

В этот период большинство специалистов не верило в возможность создания большого самолета. Считалось, что таковой вообще не сможет взлететь. Но Игорь Сикорский был упрям, и строил первый в мире четырехмоторный самолет, предшественник всех современных гигантов. Работа шла быстрыми темпами, рабочие завода, заразившись энтузиазмом «русского Фармана[2]», работали по 14 часов в сутки.

Гений, которому едва перевалило за 20 лет, еще не разучился смущаться. Услышав обращенный к нему вопрос полковника, он попытался сначала укрыться за спинами товарищей-инженеров, однако те без особых церемоний вытолкнули главного конструктора «Гранда»[3] вперед.

- Совершенно верно, - подтвердил он. – Если, конечно погода не подведет. Взлетать «Гранд» будет в полной темноте, но, поднявшись на крейсерскую высоту, окажется под первыми лучами восходящего солнца…

- Да и сам взлет меньше привлечет внимание местных обывателей, - закончил полковник. – Господа, садитесь же! Итак, резюмирую: 11 месяцев назад Генеральный штаб Русской армии получил высочайшее повеление императора: разработать наиболее быстрый и безопасный маршрут для планируемой государем экспедиции в Тибет, имеющей для Царствующего Дома очень важное значение. Какое именно – не наше, господа, дело! Поставленная перед военными задача осложнялась политической ситуацией в этой высокогорной стране: вторжение на юг Тибета экспедиционного корпуса вице-короля Индии лорда Керзона, произведенное еще семь лет назад, до сих пор имеет свои последствия в виде сотен английских шпионов, таящихся повсюду на этой вершине мира. Напомню вам, господа, что предыдущая экспедиция по воле нашего монарха, сформированная из офицеров-калмыков и имеющая все признаки обыкновенного паломнического шествия, потерпела неудачу. Хотя калмыки-буддисты и добрались, в конце концов, до тибетской столицы Лхасы, однако понесли потери в личном составе, находились под постоянным наблюдением британцев, и поставленную перед ними задачу, увы, не выполнили.

- Правильнее будет сказать, господин полковник, что поставленная задача была выполнена предыдущей экспедицией не до конца, - мягко поправил военного не

---

[1] Первоначально завод располагался в Риге, но из-за начавшейся Первой мировой войны осенью 1915 года был эвакуирован в Тверь, Москву и Петроград.

[2] Французский пионер авиации, спортсмен, авиаконструктор.

[3] На самом деле, общая сборка «Гранда» была завершена в 1913 году – тремя годами позже описываемых автором событий.

представившийся человек в мундире дипломатического ведомства и с золотым ключом Камергера[1] на фалде фрака.

Полковник, словно поперхнувшись, резко обернулся назад и бросил на осмелившегося его прервать статского чиновника гневный взгляд, однако вслух возражений не высказал. Помолчав, он продолжил:

- Как известно, путей в Тибет немного. Если не считать южного, через Индию или Непал, то о них говорить не стоит. Для русской экспедиции попытка тайного проникновения в страну этим путем глупа – все равно, что выслать перед собой военный оркестр. Известный путешественник господин Пржевальский проникал в Тибет либо через Зайсанскую область и далее через горные хребты и перевалы Памира и Гималаев, либо через восточные области Китая. Эти пути в Генеральном штабе после долгих дебатов также были отвергнуты. Причины – как говорится, налицо, господа: восхождение по горным кручам требует физической закалки и немалой подготовки, которые уважаемые члены нынешней экспедиции, увы, не имеют…

Полковник откашлялся, бросил на друзей быстрый взгляд и извиняющимся тоном добавил:

- К тому же, самому младшему из нашей доблестной четверки, увы, за сорок лет. Гм… И никакого опыта восхождения, как я уже говорил. Что же касается маршрута через Китай, то с дипломатической точки зрения получить от китайского правительства разрешение на такой транзит абсолютно бесперспективно.

- Гм… Совершенно справедливо, полковник. Особенно после участия русских войск в подавлении «боксерского» восстания[2] в Китае, - снова мягко вмешался статский господин с камергерским ключом. – И позволю себе добавить, господа, что, попав таким образом в Кульджу, где имеет место быть русское консульство в Синдзяне, экспедиция опять-таки неминуемо будет «мозолить глаза» британским шпионам и резидентам. Вот, собственно говоря, почему мы все здесь и собрались, господа!

- Так что наиболее быстрый и незаметный для англичан способ попасть в Тибет – это через пустыню Гоби, - закончил полковник.

Марк Ивелич, наполовину отвернувшись, украдкой зевнул. Все, что было сказано до этого, обсуждалось в Петербурге десятки раз. Они тут что, черт побери: ожидают, что члены экспедиции начнут вскакивать, заламывать руки и протестовать против пересечения Гоби?

- У вас есть что добавить, господин Сикорский? – полковник повернулся к конструктору – и обернулся в неудачный момент. Тот как раз решил попробовать кумыс, отхлебнул из чаши и, пораженный необычным вкусом напитка, подавился и закашлялся.

Пока коллеги и друзья «русского Фармана», едва сдерживая смех, помогали ему прийти в себя, полковник решил заполнить образовавшуюся паузу и снова заговорил:

- После испытательных полетов в Риге три «Гранда» были разобраны, со всей деликатностью помещены на специальные железнодорожные платформы и отправлены сюда, под Иркутск[3]. Одновременно спецэшелоном сюда же были отправлены две команды саперов и авиамехаников, необходимая техника для подготовки аэродромов «подскока», горючее для самолетов и так далее…

Вернувшийся к этому времени за стол багровый от смущения Игорь Сикорский извинился и заявил, что готов ответить на все остальные вопросы. А они к тому времени

---

[1]Камергерские ключи – это уникальные предметы, являвшиеся важным атрибутом придворного чина.

[2]В мае 1900 года в Пекине было совершено несколько нападений на иностранные посольства и консульства. В связи с этим было принято решение ввести в Пекин отряды моряков английских, французских, российских, итальянских, американских, австро-венгерских и японских кораблей, находившихся в то время в Чжилийском заливе.

[3] «Гранд» был настоящим гигантом: размах верхнего крыла был 27 м, нижнего - 20, а общая их площадь - 125 кв. м. Взлетный вес летательного аппарата составлял более 3 т, высота – 4 м, длина – 20 м. Самолет должны были поднять в воздух четыре немецких двигателя «Аргус», каждый по 100 л. с. Они располагались на нижних крыльях, по два с каждой стороны от фюзеляжа. Машина могла нести груз около 800 кг и лететь со скоростью 77 км в час (на форсаже - 90 км).

накопились. Про самолетную часть пути и форсирование пустыни Гоби Ивелич, Ганс Ландсберг и доктор Климов, разумеется, знали. Но, как выяснилось, не все детали.

- У меня есть вопросы, господин Сикорский, - решительно вздернул подбородок Ивелич. – В Риге, где я бывал не раз, меня и моих друзей неоднократно заверяли в безопасности вашего «Гранда». Кроме того, для переброски экспедиции к Гоби потребуется всего лишь одна летающая машина. Зачем же под Иркутск, к месту старта, переброшены все три самолета? Второе: господин полковник не более минуты назад упомянул некие «аэродромы подскока». Что это еще за подскоки, господа? Нас предупредили о трех промежуточных посадках по маршруту полета, но о подскоках, прыжках, равно как и подпрыгиваниях в воздухе и речи не было!

- Что касается упомянутых господином полковником «аэродромов подскока», то это и есть места для промежуточной посадки «Гранда», ваше сиятельство, - пояснил Сикорский. – Максимальная дальность полета на одной заправке 170-180 верст. Делим на это число расстояние от Иркутска до границ пустыни – вот и получается, что для дозаправки и продолжения полета нам надо совершить три посадки. А «подскок» - не более как профессиональный термин. Это означает, что через каждые 170 верст пути нас будет ожидать подготовленная и выровненная посадочная площадка с техникой, людьми и запасом авиационного бензина. Что же касается переброски всех трех самолетов, то это не более, чем страховка. Тем более, что повредить один самолет можно было и при его железнодорожной перевозке. И что тогда, господа? Сидеть здесь и ждать, пока привезут замену? И телеги ломаются в дороге, ваше сиятельство – а авиационная техника намного сложнее и капризнее. Назовем это разумной предосторожностью, граф! Тем более, что вы сами были свидетелями пробного полета, когда два мотора из четырех были намеренно выключены. И что же? «Гранд» с максимальной загрузкой продолжил полет на двух двигателях, и на них же успешно совершил мягкую посадку.

- Получается, господа, что к вечеру вы уже будете в лагере № 3, последнем, - снова заговорил полковник. – Там вас ждут заранее нанятые проводники-буряты с вьючными лошадьми и верблюдами. Военно-метеорологическая служба полагает, что дней через 10-14 над пустыней прольются традиционные осенние дожди, что облегчит ваш переход.

Часть четвертая

ПРОЛОГ «Неизбежное прими достойно…»

Николай II, как и его отец, всегда поднимался рано, около 8.30 утра - даже если светские или официальные мероприятия накануне заканчивались очень поздно. Первый завтрак, около 9 часов, представлял из себя чай с сушками или булочками –это Николай вкушал в одиночестве, у себя в кабинете. Затем, до начала приема министров, совершалась короткая прогулка по парку. Это же время император называл «часами размышления и планирования». Правда, в последнее время, «прогулочные» размышления и планирование стали носить по большей части невеселый, а то и вовсе мрачный характер. Думалось чаще всего о том, что на исходе очередного дня в царский дневник, как правило, не попадало.

Ну, а после прогулки Николай брался на нелегкую царскую работу.

Его рабочий день в Царском Селе, любимой и основной резиденции последнего монарха России, начинался в 10 часов утра с рутинных докладов министров. Как правило, утром император выслушивал не более трех докладов. У каждого из министров был «свой день», когда они появлялись перед императором, докладывая о ситуации в сферах своего

ведения. Если докладов бывало меньше, либо министры «экономили» царское время, то Николай старался до завтрака снова выбраться в парк.

После второго завтрака император гулял – чаще всего, с детьми. Он очень ценил это время общения, и редко что могло заставить его пропустить их. Правда, в последнее время стремление побыть с детьми подольше носило у Николая несколько эгоистический оттенок: если ему приходилось бродить по аллеям парка в одиночестве, в голову само собой лезло множество проблем и досадных воспоминаний.

Дело в том, что молодой монарх унаследовал неограниченную власть, но не властную натуру и авторитет отца, который умел внушить уважение к своей персоне даже со стороны врагов и недоброжелателей. И сын с невольной завистью часто вспоминал грубоватую прямоту отца в своих отношениях с окружающими. Вспоминал – и сознавал, что не способен, подобно монаршему отцу, без стеснения резко высказаться о людях, вызвавших его неудовольствие, и том, что ему не нравилось от этих людей слышать. Николай, в отличие от отца, не обладал внутренней мощью, авторитетом личности.

Даже в мыслях Николай не мог представить себя на месте своего властного отца на том обеде в Зимнем дворце, когда австрийский посол стал в довольно резкой форме диктата обсуждать балканский вопрос. И, разгорячившись, позволил себе угрожающий намек на возможность мобилизации Австрией двух или трёх воинских корпусов. Слушая австрияка, Александр III был невозмутим, и упорно «не замечал» резкого тона посла. Зато выслушав, он без малейших усилий согнул петлёй массивную и далеко не мягкую вилку и бросил ее по направлению к прибору австрийского дипломата. А когда тот отшатнулся, очень спокойно сказал:

- Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя корпусами, господин посол!

Монарший отец не вмешивался в дела других стран, но и своей державой не давал помыкать. Николай, которому в ту пору едва исполнилось 13 лет, хорошо запомнил другой пример государственной «дипломатии» отца. Спустя всего один год после восшествия Александра III на престол афганцы, науськиваемые английской разведкой, решили отвоевать кусок территории, принадлежащей России. Приказ Александра III был лаконичен: «Выгнать сраных англичан и проучить их, как следует!» Приказ был выполнен. Двор королевы Виктории, как и сама властительница Британии, были в шоке и ярости, английский посол в Петербурге получил указание выразить протест и потребовать извинений.

- Ишь, чего захотели! – недобро усмехнулся тогда император и прямо на ноте протеста английского посла написал резолюцию: «Нечего с ними разговаривать!».

– Да сообщите этому англичашке, что я наградил начальника пограничного отряда за дело на Кушке орденом Святого Георгия.

После этого инцидента Александр III сформулировал свою внешнюю политику предельно кратко: «Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию!»

С восторгом и благоговением Николай вспоминал и хладнокровие своего отца, буквально спасшего свое семейство при крушении царского поезда в Борках. Вагон с императорской столовой, в которой находились Александр III и его жена Мария Фёдоровна с детьми и свитой, слетев под откос, был полностью разрушен: без колёс, со сплюснутыми и разрушенными стенами. Вагон лежал на левой стороне насыпи; крыша его сомкнулась частью на нижней раме вагона. Александр, обладавший исполинской силой, сумев каким-то образом удержаться при крушении на ногах, и держал на плечах крышу вагона, пока семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков… Оглянувшись на отца, будущий российский император Николай II не мог не сравнить его с героем античной древности…

И когда великий русский император скончался, никто в большей мере не осознал значения этой кончины, нежели двадцатишестилетний цесаревич, унаследовавший его трон.

Он сознавал, что сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

- Сандро[1], что я буду делать? – со страхом восклицал Николай. - Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами.

И он был прав: вчерашнего цесаревича «дежурно» почитали, но в действительно важных вопросах мало с ним считались. Молодой император, неожиданно призванный к государственному служению из-за внезапной кончины отца, не чувствовал себя готовым к верховной власти, не имел собственного опыта и был подавлен сложностью стоявших перед ним задач управления великой Россией.

Николай принял власть в годы прочного мира в Европе. Государственный корабль России продолжал двигаться по инерции правления Александра III, твердой рукой покончившего с "крамолой" и разгулом терроризма конца 70-х годов, громко заявлявшего свою волю во внутренних и международных делах. Внешнее благополучие первых лет царствования Николая было прямым продолжением прежних времен, но уже тогда многие политики с тревогой отмечали постепенно множащиеся признаки скрытого недомогания государственного строя империи.

С самого начала своего правления Николай столкнулся со многими серьезными проблемами, которых из года в год становилось все больше. Поначалу он просто не мог понять, в чем дело: доклады императору министров, дипломатов, высоких военных и гражданских чиновников оставались столь же регулярными, как и прежде. При такой системе управления задачи царя сводились к накладыванию резолюций на поступающие бумаги. Император-сын просто констатировал происходящее – хотя должен был быть флагманом событий, направляя их развитие. Глядеть вперед…

Но будем справедливы: во многом глядеть вперед Николаю не давали страшные пророчества, делавшие бессмысленными многие его начинания…

Может быть, именно поэтому Николай не любил одиночных прогулок и предпочитал общение с детьми? С ними ему было гораздо проще, чем министрами, сановниками, родней, любимой матерью и даже с Аликс…

Во время прогулок по аллеям Царского Села он частенько напоминал дочерям о сильном характере их монаршего деда, не забывая и о мужестве и хладнокровии своего деда, императора Александра II:

- Когда я был маленьким, меня ежедневно посылали навещать моего деда. Мой брат Георгий и я имели обыкновение играть в его кабинете, когда он работал. У него была такая приятная улыбка, хотя лицо его было обычно красиво и бесстрастно. И я хорошо помню то, что произвело на меня в раннем детстве сильнейшее впечатление. Мои родители отсутствовали, я был на всенощной с моим дедом в маленькой церкви, в Петергофе. Во время службы разразилась сильная гроза, молнии блистали одна за другой. Казалось, что раскаты грома потрясали и церковь, и весь мир до основания. Вдруг порыв ветра из открытой двери задул пламя свечей, зажжённых перед иконостасом, и стало совсем темно…

Великие княжны, неоднократно слышавшие эту историю, все же старались держаться к отцу поближе и часто крестились. А он продолжал:

- И тут раздался продолжительный раскат грома, более громкий, чем раньше, и я увидел огромный шар, летевший из окна прямо по направлению к голове моего деда,

[1] Речь идет о великом князе Александре, двоюродном дяде Николая II.

императора. Шар - это была молния особого, редкого вида - закружился по полу, потом обогнул паникадило и вылетел через дверь в парк. Моё сердце замерло. Я взглянул на моего деда и поразился: его лицо было совершенно спокойным. Он перекрестился так же спокойно, как и тогда, когда огненный шар пролетел мимо нас…

Но все прогулки когда-нибудь кончались, царская детвора со смехом убегала по своим незатейливым делам, а Николая опять оставался один на один со своим минувшим теплым прошлым и страшным будущим…

Будучи начитанным человеком, последний российский император был хорошо знаком с творчеством Генри Лонгфелло и всадника Луция Сенеки[1], оставивших потомкам множество мудрых афоризмов о сути всего, что есть на свете.

Сенека, к примеру, словно нашептывал грустному императору: «Каждый человек, который тревожится о будущем, бывает несчастен». И тут же наставлял: «Неизбежное прими достойно!» А Генри Лонгфелло мудро успокаивал: «Не смотри тоскливо в прошлое. Оно не вернется. Мудро распорядись настоящим. Оно твое. Иди вперед, навстречу туманному будущему, без страха и с мужественным сердцем».

- Хорошо вам, господа, рассуждать, - бормотал император, шагая по аллее парка и машинально сдвигая с дороги носками сапог веточки и шишки. – «Не смотри тоскливо в прошлое, оно не вернется!» И Сенека туда же: прими, мол, неизбежное достойно! А если речь идет не только о судьбе одного человека? А если это неизбежное касается не только меня и моего семейства – а всей России?

Одно время сочинения Сенеки заняли прочное место на рабочем столе Николая. Читая и перечитывая строки стоика, императору однажды показалось, что он нашел способ обмануть предсказанную судьбу. Учение древнеримского патриция было направлено ко всем. Он не делал различия между знатными и простыми, богатыми и бедными, ибо все люди равны перед Богом. Добродетель, говорил Сенека, часто покидает дворцы и поселяется в хижине бедняка. Более того: раб ничем не отличается от свободного гражданина. Ибо благородная и возвышенная душа может быть как у римского всадника, так и у вольноотпущенника и раба. «Что такое римский всадник, вольноотпущенник, раб? Все это – имена, порожденные честолюбием и несправедливостью. Из тесного угла можно вознестись к небу».

Но Сенека идет еще дальше. Он объявляет всех людей братьями и запрещает войны. За 18 веков до Льва Толстого он спрашивает: почему наказывают человека, если он убьет другого, а «истребление целого народа прославляется как подвиг?.. И людям, кроткому роду, не стыдно радоваться крови друг друга, вести войны и поручать детям продолжать их?»

И у Николая родилась мысль…

Логика его рассуждений была проста: если все предсказанные мне и России несчастья связаны с войнами, то почему бы не попытаться предотвратить их?!

Впрочем, не только Сенека стал «соавтором» инициативы русского императора. К 1898 году был опубликован многотомный труд российского железнодорожного и финансового магната Ивана Станиславовича Блиоха. Он убедительно, с привлечением большого фактического материала, привел статистику возможных человеческих жертв и экономических потерь от будущих войн. Такой труд, разумеется, не мог пройти мимо внимания Николая. Блиох был принят императором, и изложил ему свои доводы в необходимости призыва к всемирному разоружению. Слушая финансового магната,

[1] Генри Уодсворт Лонгфелло, американский литератор, поэт и мыслитель. Луций Анней Сенека - римский философ-стоик, поэт и государственный деятель, воспитатель Нерона и один из крупнейших представителей стоицизма. Принадлежал к сословию всадников, одному из привилегированных сословий в Древнем Риме.

Николай припомнил, что и его дед, Александр II, в свое время прилагал немало усилий для обуздания любителей побряцать оружием.

Всесторонне обдумав эту мысль, император назначил внеочередную аудиенцию министру иностранных дел Российской империи графу Муравьеву.

Аудиенция была недолгой: император передал главе МИДа наброски циркулярной ноты, в которой, помимо прочего, говорилось: "Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений».

- Граф, как ты должен понимать, положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств. А что, если Россия, преисполненная этим чувством, обратится к правительствам государств, представители коих аккредитованы при нашем Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи? Как ты полагаешь, господин министр?

Муравьев быстро сориентировался:

- С Божьей помощью, эта конференция, идея которой родилась в России, могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века, государь!

- Я рад, что мы с тобой мыслим одинаково, граф. Сколько времени тебе потребуется, чтобы отшлифовать сии наброски?

- Две недели, ваше величество!

- Лучше бы три, или даже четыре, граф! – подумав, внес поправку император. – Я полагаю, что за время подготовки данного документа неплохо бы организовать «нечаянную» утечку информации о нашей инициативе. Ты понимаешь мою мысль, граф?

Муравьев тонко улыбнулся:

- Подобная утечка, ваше величество, позволила бы нам измерить, так сказать, «градус интереса» других держав к вашей инициативе. И в зависимости от реакции на обращение России других держав произвести в тексте циркулярной ноты необходимые поправки, предусмотреть возможные контраргументы, государь! Чтобы взрыв подведенной нами «мины» оказался качественным!

- Хорошо мыслишь, граф. Хотя аналогия с миной и взрывом в документе, призывающем народы к миру, кажется мне не совсем уместным… Думаю, у нас все должно получиться! – передав главе МИДа бумаги со своими набросками, Николай встал, давая знак окончания аудиенции.

* * *

Ровно через месяц, 12 августа 1898 года, Европа «взорвалась».

Циркуляр Муравьева, написанный едва ли не под диктовку Николая, произвел в мире сильное, но далеко не однородное впечатление. Большинство европейских газет консервативного и либерального направления восхваляли заключающийся в нем "великодушный почин миролюбивого государя", но считали его непрактичным и неосуществимым. Даже дружественная России французская пресса не без раздражения указывала, что границы Франции обеспечены хуже, чем границы России, и потому частичное и пропорциональное для всех государств разоружение может оказаться для Франции особенно невыгодным.

Некоторые органы печати усмотрели противоречие между предложением о разоружении и агрессивным образом действий России на Дальнем Востоке, трактуя факт призыва на конференцию как попытку обмануть бдительность держав-соперниц и привлечь на свою сторону европейское и азиатское общественное мнение.

Да, невероятное для того времени предложение России удивило Европу. Некоторые политики приветствовали его и утверждали, что русский император войдет в историю как Николай Миротворец. Однако были и весьма нелестные отзывы, в том числе принца Уэльского и кайзера Вильгельма. Последний телеграфировал своему кузену Николаю II: «Вообрази монарха, распускающего свои полки, овеянные вековой историей, и предающего свой народ анархии и демократии».

Однако настойчивость Николая и активность российских дипломатов сделали свое дело. В конечном счете, большинство государств поддержали инициативу России, и мирная конференция была созвана в Гааге в мае 1899 года. В ней участвовали представители двадцати крупнейших европейских держав, а также США, Мексики, Японии, Китая, Персии и Сиама. Была принята «Гаагская конвенция» с целью «положить предел непрерывным вооружениям». В частности, были приняты декларации о запрещении бомбардировок населенных мест с воздушных шаров[1], и о запрещении применения отравляющих газов и разрывных пуль. Решено было учредить в Гааге международный суд для мирного разрешения международных споров и конфликтов - Гаагский трибунал[2]. Прошло 8 лет, и аналогичная конференция опять была созвана, и вновь по инициативе России. На этот раз в ней приняли участие более 250 официальных представителей из 44 стран (приехали даже представители стран Латинской Америки).

Однако, как показали дальнейшие события, мрачные предсказания Кайро, о которых Николай II впервые узнал в 1896 году, к сожалению, были точны. Как и пророчества Вещего Авеля. В том, что война неизбежна, несмотря на все усилия людей для ее предотвращения, российскому императору вскоре предстояло убедиться…

* * *

Тем не менее, Николай не желал сдаваться, и продолжал прилагать все усилия для того, чтобы «сломать» ход истории. Для этого же была организована встреча императора для исповеди и покаяния с известным «народным духовником», иеромонахом Варнавой из Гефсиманского скита близ Троице-Сергиевой Лавры.

Увы, не получилось и тут. Со свойственной ему непосредственностью, старец, известный свое прозорливостью уже более тридцати лет, тот, к которому за благословением и духовной помощью шли паломники со всей России, предсказал Николаю «Крестный путь» и дал благословение на… принятие мученического конца. Таким образом, надежды, которые император возлагал на эту встречу, рассыпались прахом.

В отчаянии Николай тогда решился на ход, который посвященные в его инициативу люди, посчитали крайним.

* * *

- Милая Аликс, у меня к тебе есть серьезнейший разговор…

Императрица подняла на супруга глаза, в которых, казалось, навечно поселились грусть и отчаяние. Как раз накануне несчастный Наследник Алексей, споткнувшись за угол ковра и упав, снова получил рану. Медики прилагали все усилия, чтобы остановить кровотечение, но мальчик продолжал бледнеть и слабеть с каждым часом. Императрица

---

[1] Самолетов на время проведение конференции еще не было.

[2] Весьма любопытно и показательно, что Николай II, а также экономист Блиох и русский дипломат Мартенс, принимавшие от России активнейшее участие в подготовке и работе первой Гаагской конференции, были номинированы на Нобелевскую премию. А принятые на двух Гаагских мирных конференциях конвенции и декларации оказались весьма жизнеспособными и позднее, после Первой и Второй мировых войн, вошли в уставы Лиги Наций и ООН. Можно сказать, что Николай II стоял у этих истоков…

проводила по несколько часов в молельной, страстно испрашивая у Всевышнего очередную милость.

- Ники, прости, но сейчас меня волнует только одно. Мне не до разговоров ни на какие темы, кроме одной. Пусть Господь заберет у меня всю мою кровь, но сохранит жизнь Алешеньке…

- Успокойся, милая! Мне только что сообщили, что кровотечение у нашего сына заметно ослабевает! Бог не оставит нас, милая Аликс!

Однако императрица, услыхав обнадеживающую весть, уже бежала в детскую, где едва видимый в подушках, лежал несчастный Алексей.

- Мама, помоги…

- Мама обязательно поможет, мой дорогой сын! Я долго молилась, и доктор сообщил, что твоя боль скоро пройдет! Осталось потерпеть совсем чуть-чуть!

Через четверть часа боль действительно отпустила ребенка, крови на повязках стало значительно меньше, и императрица обрела способность слушать и воспринимать супруга.

- Ты хотел сообщить мне что-то очень важное, Ники?

- Да, милая Аликс, - Николай оглянулся на заполнивших комнату Алексея придворных, медиков и прислугу. – Но ты бледна, Аликс! Тебе необходим свежий воздух! Когда ты последний раз гуляла в парке, признайся?

Императрица с недоумением поглядела на супруга: о каких прогулках он может говорить, если жизнь его единственного сына, его наследника весит на волоске?! Николай с досадой прищелкнул пальцами, снова оглянулся по сторонам и перешел на английский язык:

- My dear, there are a lot of public. Meanwhile, my message is very important. Let's use the fact that Alex was better, and for a few minutes to leave the park[1].

- Но, Ники…

- Do not worry, dear Alix, our son is safe under the supervision of doctors and the people who love him! Come on, honey, we'll be right back, I promise[2]!

И, не слушая дальнейших возражений, он громко распорядился:

- Шубу и коляску ее императорскому величеству!

На дворе стоял март, но весна словно не коснулась парка в Царском Селе. Отпустив слугу, в чьи обязанности входило катать императрицу на специальной коляске, Николай взялся за поручни и самолично покатил Аликс по старательно расчищенной от снега аллее. Добравшись до первой же скамьи, он помог супруге пересесть на нее, заботливо поправил шубу и начал:

- Милая Аликс, мы с тобой старательно избегаем в последнее время одной темы – сколь важной, столь и неприятной. Между тем, время неумолимо, и обозначенный предсказателями Теракуто, Авелем, Хейро и святым Саровским срок все ближе. Всего лишь 13 лет отделяют нас от него[3]. Я не боюсь своей погибели, ибо верю, что моя жизнь в руках божиих. Но при этом я не могу не думать о тех, кому предстоит погибнуть, согласно предсказаниям, вместе со мной! Одна страшная война с Японией уже идет – пророчества старцев и провидцев сбываются! Я думаю о тебе, о наших детях, о всей России, наконец! И не хочу, чтобы все пошло прахом, милая Аликс!

- Но что мы можем поделать, Ники?

---

[1] Моя милая, здесь очень много публики. Между тем, мое сообщение очень важное. Давай воспользуемся тем, что Алексею стало получше, и на несколько минут выйдем в парк.

[2] Не беспокойся, милая Аликс, наш сын находится под надежным присмотром медиков и людей, которые его любят! Пошли, милая, мы скоро вернемся, обещаю!

[3] Разговор Николая II и императрицы имел место в марте 1905 года.

- Мне кажется, я нашел выход. Но, прежде чем предпринять столь серьезные шаги, хочу посоветоваться с тобой, милая Аликс!

Николай, прикуривая срывающимися пальцами, сломал несколько спичек. Заметив волнение супруга, Александра Федоровна мягко взяла коробок из его рук, помогла ему зажечь папиросу и ободряюще улыбнулась:

- Я тебя внимательно слушаю, Ники!

- Я долго думал, Аликс… Я думал и… решил! - голос Николая окреп. – Я решил, что проклятья, наложенного на меня, возможно избежать, если я откажусь от российского престола в пользу своего сына, Алексея, а сам приму монашеский постриг! Разумеется, при твоем регентстве, Аликс, до совершеннолетия Наследника. Не отвечай сразу – подумай, милая Аликс!

- Зачем тут думать? – запинаясь, по-русски ответила императрица и слабо улыбнулась супругу. – Разве ты не слышишь акцента в моем произношении, Ники? Россия не любит меня за мое происхождение, за плохой русский язык. Да и какая из меня правительница! Болезнь нашего сына отнимает у меня все мысли и чувства. А ощущение, что это моя плохая наследственность «наградила» Россию будущим царем-калекой, не дает мне спокойно спать даже сейчас, за спиной любящего супруга. Россия взбунтуется, милый Ники! Взбунтуется и приблизит то, о чем пророчествовали все прозорливцы!

- Я тоже думал об этом, не скрою! – Николай отбросил папиросу, сел рядом с императрицей, взял ее руки в свои. – Но у нас в России будет два регента – ты, как мать Наследника Цесаревича, и мой младший брат Михаил! Он-то из Дома Романовых!

- Не знаю, Ники, - царица бросила на супруга быстрый взгляд. – Допустим, все пройдет по твоему плану. Но где гарантия, что беды, напророченные тебе как императору, не обрушатся на нашего сына? Ведь именно он займет твое место, Ники!

- Напрасно ты считаешь меня плохим отцом, Аликс! – грустно покачал головой Николай. – Отцом, способным укрыться от гнева небес за маленьким больным мальчиком! Я попрошу у Петербургского митрополита Антония благословения на пострижение в монахи, и дам России то, чего в свое время лишил ее Петр Великий: патриаршество! Ты плохо знаешь историю Руси[1], милая Аликс!

- Но тебе придется рассказать ему все, Ники! Он не даст тебе уйти…

- Я расскажу. У нас нет другого выхода, дорогая супруга! Антоний – умный человек, он непременно поймет!

* * *

Но императрица оказалась права. Митрополит Антоний (Вадковский) отказал императору в благословении на его решение оставить трон. И даже упрекнул:

- Недопустимо строить свое личное спасение, государь, на оставлении своего царственного долга, Богом тебе данного...

Однако мысль об оставлении трона засела в голове Николая столь крепко, что немного погодя, воспользовавшись окончанием зимней сессии Священного Синода он снова вернулся к этой теме. По старой традиции «синодалы», во главе с первенствующим Митрополитом Антонием, по окончании сессии, испросили аудиенцию у государя, чтобы преподать ему свое благословение и заодно намекнуть о том, что не худо бы поднять вопрос о восстановлении патриаршества в России.

---

[1] Петр I, стремясь установить «единую вертикаль власти» для беспрепятственного проведения коренных реформ, отменил Патриаршество и учредил Священный Синод, главу которого назначал царь. Таким образом, русская церковь потеряла свою независимость и свою роль «совести нации». Прошли годы, и многим государственным и церковным деятелям стало ясно, что восстановление Патриаршества необходимо для блага народа и страны. Сам Николай II, как никто из его предшественников, понимал жизненную необходимость восстановления соборного единства русской жизни.

Аудиенция разумеется, была дана. И Николай сам заговорил о восстановлении патриаршества в России:

- Вопрос этот нашел отклик в моем сердце. Я много о нем думал, и пришел к заключению, что время назрело! Что патриарх гнобходим и для церкви, и для государства.

Помолчав, император прошелся по кабинету и снова сел напротив митополитов.

- А коли так, – продолжал император, – то в Синоде и кандидата в патриархи наметили?

Те замялись и на вопрос Государя ответили молчанием.

Не дождавшись ответа и видя замешательство клириков, Николай сказал:

- Если вы еще не успели себе наметить кандидата или затрудняетесь в выборе – что, если я сам вам его предложу?

Пораженные митрополиты вопросительно воззрились на государя. Тот же, помолчав минуту, заговорил:

- Кандидат этот – я. По соглашению с императрицей, я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из государыни и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан. И предлагаю себя в патриархи. Угоден ли я вам, святые отцы?

Это было так неожиданно, что церковные иерархи промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, император окинул их пристальным и грустным взглядом, встал, поклонился и вышел из помещения.

Они стояли, как пришибленные, переглядываясь, готовые рвать на себе волосы за то, что не сумели дать достойного ответа. Им нужно было преклониться пред величием принимаемого для спасения России подвига, а они... промолчали[1].

С той самой поры никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу императора уже не было...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

По следам «странников»

Миновав небольшой мелкосопочник, небольшой караван экспедиции очутился на северном склоне впадины. Перед путниками был неправдоподобный простор обширного склона, отлого спускавшегося к югу. Вдали, почти в центре впадины, сквозь вечернюю мглу угадывался темный силуэт горной вершины. Остановив своего верблюда, старший проводник соскользнул с его плешивого бока и подбежал к Ивеличу:

- Овгон-гуай[2], нада ночевка делать! Сильная ветра идет оттуда, - монгол указал своим ташуром[3] куда-то назад.

Глава экспедиции не стал спорить: ночевка так ночевка. Тем более, что аборигены пустыни обладали прямо-таки сверхъестественным чутьем на малейшие изменения в погоде.

- Хорошо, Мойдар. Командуй своим: привал!

Привал… За пятнадцать дней пути через Гоби это слово стало особо любимым европейскими участниками экспедиции. Им не надо было повторять дважды. Охая, кряхтя и сквернословя (за исключением Прорицателя), путники немедленно ссыпались со своих мохнатых верблюдов и принимались растирать спины, ноги, руки.

---

[1] Здесь автор использует материалы из книги известного церковного писателя С.Нилуса "На берегу Божьей реки" .

[2] Уважательное обращение к старшему по возрасту или незнакомцу, чье имя неизвестно. Дословно: «почтенный», «уважаемый».

[3] Камышовая палка погонщика верблюдов

Монгольские проводники тем временем удивительно быстро ставили пару юрт – одну для себя, вторую, попросторнее и побогаче - для посланцев Белого царя.

Увидев впервые, как проводники ставят юрты - всего на одну ночевку - путешественники удивленно переглянулись. Хотя сам процесс был быстрым, распаковывать довольно тяжелую кошму и ставить решетчатые стены на одну ночь представлялось им напрасной тратой времени. Однако резко континентальный климат пустыни уже во время первого ночного привала показал, что время аборигены тратили не напрасно. Сорокоградусную дневную жару сменял ночной холод – несмотря на то, что на календаре был еще октябрь, путники не раз видели по утрам, покидая теплые юрты, лед в оставленных снаружи посудинах с водой. Ну, а уж если шла песчаная буря, то оставалось только молиться, чтобы поразительно теплое, но весьма хлипкое сооружение для ночлега не унес особо яростный порыв ветра.

Гоби не переставала удивлять путников с самого начала путешествия. Ожидая, что самолет высадит экспедицию у самого края огромного песчаного моря, Ивелич, Климов и даже бывавший в Тибете Ганс Ландсберг с удивлением начали переглядываться, когда неторопливые верблюды уже на следующее после прибытия в крайнюю точку авиамаршрута принялись переставлять голенастые ноги по местности, больше напоминающей африканскую саванну.

Большую часть окружающего ландшафта занимали цветущие степные равнины, живописные скалистые горы, глинистые и каменистые участки, обширные котловины с редкими оазисами, мелкосопочники, солончаки, такыры, гравийные русла высохших рек и протяженные зеленые саксауловые рощи.

Несмотря на засушливый климат пустыни, путникам несколько раз попадались на пути оазисы с кристально чистыми ручьями и озерцами. Вокруг таких оазисов кипела жизнь – вода и зелень привлекали животных и птиц.

Путники быстро убедились, что здесь в изобилии водятся редкие в «большом мире», как утверждал повидавший свет Климов, горные бараны-архары, куланы, сайгаки, дзерены и джейраны. Готовясь к путешествию, доктор еще в Петербурге прочел множество отчетов путешественников, и взял в обыкновение удивлять спутников своими познаниями в зоологии, и, как выяснилось чуть позже, в других науках. В местных оазисах, этих естественных "островках спасения" даже в центре Гоби сохранились единственная в мире природная популяция дикого верблюда, гобийского медведя - "мазалая". Местные деревья с их густыми кронами, похожие на плоские зонтики, обрамляющие сухие русла и местами образующие целые аллеи, служили местом обитания и укрытием для птиц.

Несмотря на то, что само название Гоби в переводе с монгольского языка означает пустынную, безводную и бесплодную местность, которая с древних времен была известна под именем «пустыня Шамо», понятие Гоби включает в себя несколько различных по климату и облику местностей. Да и монголы не считают Гоби единой. Как узнали путники буквально в первые же дни форсирования пустыни, сами монголы различают более трех десятков Гоби: Солончаковую, Благодатную, Желтую и т.д. Впрочем, независимо от названий, осадков в год здесь выпадает не так уж мало: 200-300 миллиметров, то есть раза в полтора больше, чем положено классическим пустынным районам. Поднятая на 900-2000 метров над уровнем моря, Гоби, к тому же, отличается суровыми зимами.

Чем дальше к югу продвигалась экспедиция, тем скуднее становилась растительность вокруг. Гравийные русла высохших речушек, расположенных на границе обитаемого мира, на глазах путников превращались в грандиозные каньоны со стенами, закрывающими горизонт. Справа и слева от неторопливой цепочки верблюдов и вьючных лошадей возникали красные песчаные утесы и скалы фантастических от многовекового выветривания форм.

Пока проводники ставили юрты и готовили ужин, наши путники взяли в обыкновение разводить неподалеку небольшой костерок и до хрипоты порой спорили над захваченными в изобилии картами, досадуя лишь на то, что за все время пути им не попался ни один местный житель, которого можно было повыспрашивать по интересующей путников теме.

Нынче, правда, полежать под неправдоподобно большими звездами не удалось: как и предсказал Мойдар, вскоре с запада потянул легкий ветерок, уже через полчаса превратившийся в ревущую бурю. По этому случаю костер пришлось разводить в юрте.

- И все же, друзья, отправившись «нехожеными тропами», мы совершили большую ошибку, - начал ежевечерний спор доктор Климов, раскуривая папиросу. – И даже не одну!

- О-о, это уже что-то новенькое, Илья! – немедленно откликнулся Ивелич, с опаской поглядывая на скрипящие под напором яростного ветра решетчатые стены юрты. – До сих пор ты упоминал только одну ошибку. Какая же вторая?

- Она проистекает из первой, Марк! Мы знаем, что «странники» Никитина попали в Тибет обычным путем всех паломников – через Зайсанские степи. «Дорожка» хоть и трудная, не спорю, но весьма «натоптанная»: по ней на Тибетское нагорье попадают практически все паломники и путешественники…

- …и немедленно все эти паломники оказываются в поле зрения английской агентуры, - закончил Ивелич. – Право, Илья, мы столько раз обсуждали это!

- К британцам на заметку мы попадем все равно! – упрямо возразил Климов. – Шпионов у них в Тибете хватает – что на северо-западе, что на юге. Нам достаточно добраться до первого же монастыря – и через неделю, уверяю, британцы начнут за нами если не слежку, то охоту. Ну, сам посуди, Марк: какой здравомыслящий человек поверит в то, что русская экспедиция прибыла сюда с одной-единственной целью: выполнить царскую волю и узнать, чему здесь учились у местных лам какие-то сектанты! Да нас засмеют, твое сиятельство!

-Уж лучше попасть на заметку англичанам попозже, чем с самого начала! – буркнул Ивелич. – А вы как полагаете, мистер Ландсберг?

- Разделяю ваше мнение, граф. Но не могу не согласиться и с господином Климовым: мы выйдем на нагорье слишком далеко от того места, где сюда проникли «странники». Правда, у нас есть точка встречи – весьма приблизительная, разумеется – предыдущей экспедиции калмыков с местным священником, который припомнил русских бородачей. И указал нашим предшественникам примерное направление их движения…

- Бог с ними, с калмыками! – отмахнулся Ивелич. – Илья, какую нашу вторую ошибку ты имел в виду?

- Ошибку во времени проникновения на Тибетское нагорье! – Климов закурил новую папиросу. – Наслушались консультантов всяких и полезли сюда в зиму. Здесь же через месяц все перевалы под снегом будут! Зимовать где-то придется, весны ждать! Или ты, Марк, полагаешь, что здесь, как на Невском проспекте, дворники после каждого снегопада с лопатами наперевес выходят дороги к монастырям расчищать?! Ты вот порасспрашивай проводника нашего, Мойдара! Кстати, вот и он – легок на помине!

В юрту вместе с яростным порывом ветра проник старшина проводников, который вместе с помощником, пятясь, занес в юрту ужин – котел с вареной бараниной. Помощник вынул из-за пазухи чистую тряпицу, в которую были завернуты горячие лепешки, только что испеченные в тандыре[1] и с поклонам подал путникам, с сожалением прищелкнул языком:

- Ветер шибко сильный, однако! Сапсем мала-мала шел – однако остыл лепешка!

---

[1] Тандыр представляет собой восточную печь для приготовления еды. Начиная с древних времен, эта походная печь была непременным атрибутом кочевой жизни. Кочевники с помощью такой печи могли готовить себе еду даже в походных условиях.

- Ничего, мы их разогреем на прутиках! Баярла, друзья! Спасибо! – поблагодарил Ивелич. – Садись с нами, поговорим, Мойдар! И товарищ твой тоже пусть садится – как его зовут, кстати?

- Ендон зовут. О чем поговорить хочешь, нашалник?

- Наше путешествие скоро закончится, Мойдар. Как по-твоему, сколько дней пути еще впереди?

- Если бурь больше не будет – через три или четыре день придем в большой аймак Баотоу, - уверенно ответил проводник. – Там мой получает оплату, как твой обещал, и ждет твой до осени. Потом обратно через Гоби идем. Если твой назад не приходи, то мой уходит обратно без твой.Так, нашалник?

- Все правильно, - подтвердил Ивелич. – Но, скорее всего, к осени мы вернемся только в том случае, если не найдем то, что ищем. Но вообще-то мы планируем задержаться в Тибете подольше… А ты что будешь всю зиму и лето делать тут?

Проводник неопределенно пожал плечами, удивляясь глупости заданного вопроса:

- Верблюдов купим, лошадей, овец. Домой скот погоним. В Баотоу скот сапсем дешевый.

Ивелич быстро переглянулся с товарищами и снова осторожно начал прощупывать намерения монголов:

- Я к чему спрашиваю, Мойдар: может, вместе дальше пойдем, по моей дороге? Я хорошо заплачу, золотом! Ты и твои люди смогут купить еще больше скота!

Проводник вытянул губы трубочкой, помолчал. Ивелич развернул к нему карту, начал показывать на ней прутиком ориентиры:

- Вот весь Тибет, - он обвел прутиком неровный овал. – Вот пустыня Гоби, через которую мы идем. Понимаешь? Вот твой Баотоу – значит, мы находимся нынче примерно здесь! Так?

Проводник с важностью кивнул: карту «оросов» он мало-мало читать умел.

- А нам нужно добраться до Черчена. Это вот здесь, - Ивелич ткнул прутиком в точку на карте.

- Не дойдем Черчен до большого снега, - покачал головой проводник. – Шибко далеко! Верблюды устали, лошади сапсем дохлый стал… Да и зачем тебе Мойдар и другой шеловек? В Баотоу твой за свой золото нанять других проводников, другой верблюд и лошадь покупай!

- Да, аймак Баотоу большой, - согласился Ивелич. – Там наверняка можно свежих лошадей и верблюдов купить. Поторопиться, конечно, придется, на отдых времени не остается. Но я не уверен, что местный князь разрешит нам нанять проводников из своего аймака. А если и разрешит, то это будут новые, неизвестные нам люди. А к тебе мы уже привыкли, доверяем тебе. Можно сделать так: дальше пойдем и с тобой, и с новыми проводниками. Перезимуете в Черчене, а потом вернетесь в Баотоу.

Старшина проводников упрямо покачал головой:

- Твоя как хочет, нашалник, а Мойдар зимовать Баотоу будет!

Забрав прутик у графа Ивелича, Мойдар показал им место предполагаемой зимовки:

- Чтобы отсюда в Черчен попасть, надо перейти через хребет Алтан-таг, Чименские горы, нашалник! Там будет долина Чен-Яр…

- И что? Там место для зимовки плохое?

- Зимовать место хароший, люди там шибко плохой! – проводник покосился на неподвижно сидящего в сторонке Прорицателя. – Там зимовка Цайдамских калмыков. Они грабят всех, кто идет тем путем в Лхасу.

- Так мы же не в Лхасу идем, чудак-человек! Сколько уже было говорено тебе…

- А куда тогда, если не Лхаса? – проводник опять подозрительно покосился в сторону маленького тибетца и в упор поглядел в глаза Ивеличу.

- Понимаешь, Мойдар, мы ищем одно место… Один монастырь, можно сказать…

- Как называется твой место? – перебил проводник. – Какой имя у монастырь?

- Вот черт, ну как же ему объяснить-то? – почесал в затылке Ивелич. – Понимаешь, Мойдар, я и сам не знаю название того монастыря. Знаю только, что туда 5 или 6 лет назад ушли люди… Друзья, можно сказать, хм… Пошли туда учиться к ламам и пропали. Вот мы их ищем. А последний раз их видели в Черчене.

- Нашальник, прости – туда не пойду!

- Но почему, почему, друг? Смотри – вот золото! Ландсберг, покажите ему кисет с монетами! Видишь? Отведешь в Черчен – половину сейчас отдам, вторую половину там, когда до места доберемся.

Монгол упрямо покачал головой:

-Нашалник, у тебя язык двойной, как у ящерица. Правду не говоришь, мой шеловек туда не пойдут! Был уговор – мой идет до Баотоу, жду твой там, следующий осенью веду караван обратно. Туда, где летают железные птицы. С тобой или без тебя! Все, нашальник! Мойдар все сказал…

Проводник поднялся, сделал спутнику повелительный жест, и оба монгола покинули юрту.

Ивелич оглядел друзей, поскреб заросший подбородок:

- Что это с нашим Мойдаром нынче? Мне показалось, что у него даже тон какой-то дерзкий стал. Ну, не хочет по каким-то причинам в Черчен идти – ну и пусть! Мы ж его за шиворот туда не тащим.

- Да-а, словно не с той ноги человек сегодня встал, - поддержал Ландсберг.

- Может, я как-то нечаянно обидел его? – принялся размышлять вслух Ивелич. – Другой народ, другая раса, свои обычаи… Восток, черт его дери! Хотя, видит Бог, я много раз консультировался насчет общения с монголами…

- А вот я сегодня на другое внимание обратил, господа! – вступил в разговор доктор Климов. – Очень уж неприязненно наш проводник на вашего Арю… Ару… В общем, на Прорицателя несколько раз монгол наш поглядел! Мистер Ландсберг, вы уж меня простите – я то и дело забываю имя вашего Прорицателя.

Ландсберг криво усмехнулся:

- Имя как имя: Арюунэрэл. А что до неприязни – вы, пожалуй, правы: я с самого начала нашего путешествия обратил внимание, что монголы глядят на Арюунэрэла со страхом и неприязнью.

- Может, они вообще не любят людей маленького роста? Примета, скажем, плохая – быть рядом с этаким карликом? – поинтересовался Ивелич вполголоса – хотя прекрасно знал, что тот по-русски понимает очень плохо. - А какой, кстати, рост у вашего Прорицателя?

- До настоящего карлика Арюунэрэл, по моему, высоковат, - улыбнулся Ганс. – Если снять с него ботинки на каблуках и высокую остроконечную шапку, то больше четырех футов будет. В метрической системе сантиметров на 120 -130.

- Странный он у вас какой-то, мистер Ландсберг! – деликатно кашлянув, вставил доктор Климов. – Вытянутый овал лица, удлинённый череп, несоразмерно короткий нос… И необычно длинные пальцы, которые всегда прикрыты длинными рукавами его диковинного одеяния! Это что – тибетская «мода», традиционная одежда аборигенов Нагорья, Ландсберг?

- Тибетцы одеваются по-разному, доктор, - уклончиво ушел от прямого ответа Ландсберг. – Ну, а что до его странностей – я к ним привык. И не вижу в них ничего

особенного. Тем более, что Арюунэрэл – большая умница и верный друг. А коли так – кому какое дело – какого мой слуга роста и какую одежду предпочитает?

- Ради Бога, извините, Ганс, если некоторые вопросы Ильи показались вам некорректными, - поспешил вступить в беседу Ивелич.

- Если так, то прошу прощения, мистер Ландсберг! –спохватился Климов. - Но Бог с ним, с вашим Прорицателем: у меня монголы из ума не выходят! Как бы там ни было, а «звоночек» нехороший, друзья! – доктор Климов принялся рыться в своей медицинской сумке. – Никто еще не ел, господа? Тогда извольте еще пару минут поголодать.

- Это еще зачем? – поднял брови Ивелич.

- Ты забыл, друг мой, что случилось с экспедицией калмыков сразу после Кульджи: их попытались отравить. Один помер, второго удалось спасти. Готов биться об заклад, что это дело рук англичан!

- Что ты несешь, Илья? С чего бы монголу, нанятому в России чуть не полгода назад, ни с того ни с сего травить русскую экспедицию только потому, что ему предложили дополнительный заработок? И как ты, интересно, узнаешь – есть ли яд в пище?

- Узнать несложно, - буркнул доктор. – У каждого народа есть свои предпочтения в смысле ядов.

Он извлек из сумки несколько пробирок в специальной стойке, бросил в одну кусочек лепешки, в другую добавил бульона из казана. Прилил в обе пробирки какую-то темную жидкость из небольшой колбы, встряхнул, поглядел пробирки на свет.

Незаметно подмигнув Ландсбергу, Ивелич начал суетливо хлопать себя по карманам:

- Вот черт! Надо же – совсем позабыл захватить с собой кусок рога нарвала… И перстень с бирюзой и сапфиром[1] куда-то задевался… Ты, Илья, погоди пищу всякой дрянью проверять! Мы ж тебе не кто попало, а друзья!

- Смейся, смейся, твое сиятельство! – невозмутимо продолжал встряхивать пробирки доктор. – Думаю, что тем несчастным калмыкам-буддистам было не до смеха…

«Поколдовав» с лепешками, мясом и густым бульоном, Климов осторожно попробовал все на вкус, пожевал, проглотил и кивнул головой:

- Все съедобно, друзья! Но с завтрашнего дня, чтобы не рисковать, будем есть из одного котла, вместе с монголами. Пробователей блюд, как у королей, у нас ведь нету? Вот и прекрасно: получится дешево и сердито. То бишь, весьма демократично!

* * *

Буря кончилась также внезапно, как и налетела, еще до рассвета. Путники, отвратительно выспавшиеся из-за опасения, что яростные порывы ветра снесут юрту и задремавшие лишь к утру, проснулись от звенящей тишины. Доктор Климов, выбравшись из-под бычьих шкур, подложил в костерок в центе юрты остатки веток саксаула, набросил на плечи мохнатый тулуп и выглянул наружу. Над плато, как и до бури, сияли яркие звезды, в их свете виднелась вторая юрта и темные бугры верблюжьих и лошадиных спин, полузанесенные нанесенным бурей песком. Климов с хрустом потянулся, и тут же ближайший к нему холм песка зашевелился. Верблюд, разбрасывая песок, встал сначала на задние ноги, потом на передние, и сразу же отряхнулся по-собачьи, подняв вокруг себя тучу пыли и запорошив доктору глаза.

Вслед за первым верблюдом начали подниматься на ноги остальные, послышалось лошадиное ржание.

---

[1]Бивень нарвала (морское млекопитающее), ранее часто выдаваемый за рог единорога, по преданиям менял свой цвет, попав в бокал с отравленным вином. Такие же свойства в средние века приписывали многим драгоценным камням.

Закурив, доктор Климов прислонился к наружной стенке юрты, вглядываясь в темную муть необозримого простора обширного склона, полого спускавшегося к югу. Вдали, почти в центре впадины, сквозь утреннюю мглу, по-прежнему прорисовывался темный силуэт горной вершины… Доктор наморщил лоб, пытаясь вспомнить одно из бесконечных названий горных вершин Тибета. Как ее там… Алтан-Улы, что ли?

Позади послышался негромкий говор проснувшихся проводников. Увидев фигуру «ороса», они развили бурную деятельность и начали готовиться к очередному броску на юг, в низину. Обмениваясь короткими репликами-командами, монголы быстро, словно шутя, разобрали свою юрту и уложили ее в одну из повозок. Придавив войлок тяжелым тандыром, Мойдар неторопливо подошел к доктору, коротко поклонился:

- Здравствуй, дохтур! Однако, всем вставать пора. Дорога длинный, до вечера надо перебраться на тот сторона низины.

- Здравствуй и ты, Мойдар! Сейчас пойду будить наших – хотя вряд ли они спят.

- Твой скажет, когда можно будет разбирать юрта, дохтур?

- Угу. Слушай, Мойдар! – неожиданно сам для себя Климов ухватил монгола за рукав халата. - Скажи мне: почему ты так не любишь маленького слугу Ганса? Я все никак не могу запомнить его имя – но неважно, ты же понял, о ком я говорю, Мойдар?

- Почему я должен дзоппа любить? – монгол деликатно вытянул халат из руки Климова. Оглянувшись по сторонам и приблизив лицо к уху доктора, он выдохнул сильный перегар арака[1]. – Мой шибко боится маленький дзоппа, твой прав! Он не шеловек, нашалник!

- Как это – не человек? – растерянно переспросил Климов.

Но старший проводник был уже далеко.

Чиркнув спичкой, доктор поглядел на часы. Ему очень хотелось насладиться необычайным, феерическим зрелищем восхода солнца и игрой облаков в это время. Насколько он знал, кроме Тибета, такими рассветами и закатами не могла похвастаться ни одна страна в мире. Снежные ожерелья, которые опоясывают горы, изменяют свой цвет в зависимости от того, в каком положении расположено Солнце. Вершины то словно покрыты позолотой, то окутаны розовой дымкой, а иногда кажутся одетыми в фиолетовое дамское платье. В записках путешественников Климов не раз читал, что этот пленяющий неземной красотой пояс оледенения издавна считается у местных жителей неким пристанищем богов, поэтому и является таким труднодоступным. Смотреть, мол, можно, а потрогать, подойти поближе – ни-ни!

* * *

Спуститься вниз оказалось не так-то просто из-за многочисленных промоин, образованных потоками, несущими ливневые воды со стороны горных отрогов в котловину. Стоки между промоинами были местами засыпаны песком, поросли какими-то низкорослыми кустами, и лишь отдельные участки оставались ровными, покрытыми мелкой черной галькой. По ним верблюды шагали даже с некоторым ускорением, но едва выбравшись на эти гладкие пространства и набрав скорость, животные вскоре вновь должны были «переключаться» на черепаший ход, чтобы пересечь очередные заросли и промоины.

Чем ниже спускались путники, тем внимательнее монголы-проводники смотрели вперед: они наверняка знали, что наклонная к югу долина заканчивалась крутыми обрывами, которые обрамляли обширные уступы. Между этими отвесными уступами нужно было найти одно из широких сухих русел, чтобы спокойно спуститься по нему.

[1] Монгольский арак - напиток крепостью около 30 градусов, который готовится из перебродившего кобыльего молока

Сверху обрывы не были видны, и не было никаких признаков, указывающих на их близость. Наконец, сухое русло стало прорисовываться все более и более отчетливо: все многочисленные мелкие сухие русла сливались в один мощный песчаный поток, плавно спускающийся вниз.

Начав спускаться, путники с облегчением подумали, что самый тяжелый отрезок пути остался позади. Однако, Мойдар быстро разочаровал оптимистов: сухое русло, как он и предсказывал, было сплошь засыпано рыхлым песком. Верблюды скользили, проваливались иной раз по колени и ревели, пока усилиями проводников их не вывели на «обочину» сухого русла.

Путь по нему оказался довольно долгим, и путники, проехав около 10 верст и свернув немного в сторону, остановились на небольшой ровной песчаной площадке, где, не сговариваясь, решили разбить свой лагерь.

На сей раз им не надо было разминать затекшие от долгого сидения меж верблюжьих горбов спины: большую часть спуска пришлось преодолевать на своих двоих. Поэтому путники с нетерпением ожидали, пока монголы поставят, наконец, юрту для «оросов», чтобы нырнуть под прохладный полог и вытянуть усталые члены.

- Пойду-ка, попробую еще раз с Мойдаром потолковать! – решил Ивелич и неверными шагами направился в сторону монголов.

Доктор Климов, припомнив утреннее откровение старшины проводников, хотел было остановить старого приятеля, убедить его в бесполезности уговоров, но вдруг подумал, что больше возможности откровенно поговорить с Гансом Ландсбергом для него может и не представиться.

Дождавшись, когда Ивелич отойдет подальше, Климов прилег рядом с привольно раскинувшимся на мелкой гальке Гансом, привычно закурил и спросил:

- Мистер Ландсберг, вы у нас единственный, если не считать монголов, знаток Тибета и всего, что с ним связано.

- Небольшая поправка, - усмехнулся Ландсберг. – Я путешествовал по Тибету только два года, а вот Арюунэрэл здесь родился и прожил лет тридцать-сорок. Так что, если ваш вопрос окажется для меня сложным, придется обращаться к нему. Итак, слушаю вас, друг мой!

- Вам ведь знакомо слово «дзоппа», мистер Ландсберг? Так именовал вашего провидца Никитин во время нашего последнего свидания на мосту. И, помнится, предупреждал, что в Тибете к людям его племени относятся довольно плохо. Точно так же, как оказалось, называют нашего маленького друга и монголы-проводники. Удивительно, не правда ли? Можно подумать, что речь идет не о коренном тибетце, а о каком-то незваном пришельце невесть откуда. Что скажете, мистер Ландсберг?

- Признаться, мне не слишком хочется говорить на эту тему, доктор. Хотя отрицать того, что говорят об Арюунэрэле наши проводники, не могу…

- Но отчего? Мы с вами не в Петербурге, и даже не в вашем сингапурском поместье. И мной, как вы должны понимать, движет не праздное любопытство: забравшись на Тибетское нагорье, мы все попали в неизвестную ситуацию. Не сегодня – так завтра наша экспедиция окажется среди местных обитателей. И получается, что мы не только не знаем, как встретят чужаков аборигены, но и не ведаем ничего об одном из наших спутников. А это, как вы понимаете, мистер Ландсберг, накладывает на вас определенные обязательства.

- Отчего же именно на меня? – перевернувшись на бок, Ландсберг в упор поглядел в глаза Климову.

- От того, что вы много лет жили с Провидцем под одной крышей, и наверняка знаете о нем много больше, чем остальные. Мне и моему старинному другу Марку Ивеличу очень

хотелось бы знать, чего нам ждать от Провидца и от местных обитателей, когда они увидят его в нашей компании.

- Вы правы, доктор. Я, пожалуй, уже готов рассказать вам все, что знаю об Арюунэрэле. Однако, вы засыпали меня вопросами о моем Провидце с глазу на глаз, дождавшись, пока граф Ивелич отойдет подальше. Вы не хотите, чтобы он был приобщен к прошлому нашего малыша? Или мне позже придется повторять свой рассказ специально для вашего друга?

- Просто мы все четверо ночуем в одной юрте, и мне кажется, что при Провидце рассказывать про него не совсем этично. Тем более, что он немного понимает по-русски и свободно общается с вами на английском языке. И потом… Потом я достаточно хорошо знаю Марка и его впечатлительную натуру – и совершенно не знаю, о чем услышу от вас. Вполне возможно, что всего ему знать и необязательно, мистер Ландсберг! Так что я готов принять на себя роль своеобразного фильтра вашего рассказа.

- Хорошо, будь по-вашему. Но поскольку его сиятельство может вернуться в любую минуту, я разделю свой рассказ об Арюунэрэле на две части. Первая будет короткой: о том, как он появился в моем доме.

Ландсберг улегся поудобнее, прикрыл глаза и начал свое повествование.

- Провидец переступил порог моего дома лет десять назад. Совершенно неожиданно. Слуги доложили мне, что в Сингапуре появился странный пришлый человек из континентального Китая. По слухам, он, скорее всего, бежал из Пекина, где долгое время служил при дворе императора Провидцем. Внешность у него привлекала внимание – и маленький рост, и колпак, и повязка, прикрывающая нижнюю часть лица. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, где бы Арюунэрэл не появился, на него начинали глазеть и приставать к нему с расспросами. Именно поэтому он по большей части укрывался в хижине местного рыбака. Я попросил слуг разыскать его и пригласить ко мне, намекнув, что в моем доме он может получить службу и защиту от назойливого любопытства обывателей. Он пришел, я поговорил с ним и предложил остаться. Арюунэрэл признался, что действительно состоял на службе у китайского императора, но вынужден был бежать из дворца.

- Отчего же? Он вызвал гнев императора?

- Нет, причина была другой. Китайские императоры любили окружать себя необычными людьми, в том числе и всякого рода уродцами. К тому же, малыш был очень умен и вполне справлялся с ролью Провидца. Думаю, в этом и была главная причина того, что он бежал. Провидцев при императорском дворце было немало, и среди них была развита конкуренция: каждый старался оказаться в числе наиболее приближенных к царственной особе…

- Понимаю, - задумчиво кивнул Климов, не сводя глаз с юрты проводников, куда ушел Ивелич. – Понимаю: интриги, зависть, «подковерная борьба» середворцев.

- Да, и не только это. Быть мудрее своего повелителя всегда опасно – будь то в Китае, в Германии или России. Только китайские императоры были всегда менее церемонны, чем их европейские коллеги. Вызвавшему недовольство или ревность правителю ничего не стоило решать вопрос с царедворцами весьма кардинально: им в любой момент могли предложить выпить чашу яду. Отказы, как вы понимаете, доктор, тут не принимались: не хочешь добровольно выпить отраву – пожалуй к заплечного дела мастерам. Там отказчик расставался с жизнью долго и мучительно. В общем, Арюунэрэл в один момент почувствовал, что не сегодня-завтра ему поднесут роковую чашу и сбежал из дворца, постаравшись удрать как можно дальше.

- А где он был до службы у императора? Он не рассказывал?

- Не сразу, но рассказал. Ему потребовалось много месяцев, прежде чем он проникся ко мне доверием. И когда это случилось, я начал со всей возможной деликатностью «выжимать» по капле сведения о его пошлом. Как я уже упоминал, родился и вырос мой Провидец в Тибете, однако его житье там было не слишком привлекательным. Сам он родом из Янсы, отдалённой деревушки в провинции Сычуань на юго-западе Китая. Янсы расположена в труднодоступной долине, и это обеспечивало своего рода естественную изоляцию местных жителей от прочего населения. Но и в самой деревушке процветало неравенство. Примерно половина её населения – карлики. Рост самого высокого из них едва превышает 3 футов, а самого маленького – и того меньше, около двух. Из-за большого количества низкорослых жителей Янсы называют «деревней карликов». Как говорят местные старики, их мирная счастливая жизнь закончилась одной летней ночью много лет назад, когда на деревню обрушилась коварная болезнь. Таинственный недуг, как рассказал мне поначалу Арюунэрэл, в основном поражал маленьких детей: они просто переставали расти, а у некоторых проявлялись и другие отклонения.

- Странно, - пробормотал доктор Климов. – Недуг поразил половину населения деревни? Это слишком много, чтобы списать всё на случайность, и слишком мало, если речь идет о какой-то эпидемии. А что за «другие отклонения» вы имели в виду?

- Вот тут, доктор, начинается самое увлекательное и таинственное. Должен вам сказать, что я сразу не поверил в эпидемию, поразившую половину деревни. Но набрался терпения, и время от времени лишь задавал своему малышу наводящие вопросы. А когда со временем получил на них ответы, то понял, что вопросов становится все больше. И в конце концов, я решил совершить путешествие в Тибет и попытаться своими глазами поглядеть на эту таинственную деревню.

- Так вы побывали там?

Ландсберг помолчал, потом неохотно кивнул:

- Да, мне это удалось. Но давайте договоримся: рассказ о том, что удалось мне увидеть в Янсы за несколько дней, слишком долог. Поговорим об этом попозже, доктор. А сейчас я пока скажу только про карликов. В конце концов, я выяснил, что небольшая часть карликов с рождения резко отличалась внешним видом от прочих «гномов». У них были такие же, как у Арюунэрэла, огромные вытянутые черепа, необычно длинные пальцы на руках, миндалевидные глаза. И еще: у некоторых вместо зубов были сплошные костяные пластины!

- Так вот почему ваш Провидец все время прикрывает рот повязкой, - кивнул Климов. – поразительно! Но ваши слова вызывают множество других вопросов и предположений.

- Вы правы, доктор. К тому же, как признался Провидец, карлики с такими отклонениями вызывают страх и ненависть у других жителей деревушки, в том числе и у «обычных» низкорослых людей. Семья, где рождались такие уродцы, вынуждена была прятать младенцев – иначе старейшины приказывали убивать их. Если уродцев удавалось сохранить до 5 -7-летнего возраста, дальше за их жизнь родители могли не беспокоиться: вступало в силу некое местное поверье, запрещающее отнимать жизнь у выживших карликов с аномалиями в развитии. Им разрешали вернуться в деревню, однако жизнь их от этого слаще не становилась. Они были изгоями, своего рода неприкасаемыми. И по прошествии десятка-полутора лет старейшины просто-напросто выгоняли таких уродцев из деревни. А это был почти смертный приговор, ибо обитатели соседних деревень могли при встрече запросто убить «дзоппа». Единственным спасением для них было упросить главного ламу какого-нибудь монастыря пристроиться там в качестве прислуги. И, разумеется, ученика.

- Мистер Ландсберг, как мне ни жаль, но нашу беседу придется прервать: Марк закончил свои переговоры с проводниками и возвращается к нам. Судя по его виду, переговоры закончились безрезультатно!

РЕТРОСПЕКТИВА – 16 Тибетские тайны

- Вы непременно хотите попасть в Тибет, мистер Ландсберг? – секретарь губернатора Калькутты бросил на посетителя скучающий взгляд. – А могу я поинтересоваться вашей целью?

Ландсберг пожал плечами:

- Определенных целей нет. Наслышался всяких чудес о Стране Снегов и хочу поглядеть на нее своими глазами. Да и надоело безвылазно сидеть в своем Сингапуре.

- Вы прибыли в Индийскую Британию на своем собственном судне, насколько я понял, - кивнул чиновник. – Из этого напрашивается вывод, что вы – человек обеспеченный, мистер Ландсберг. Не так ли? А почему вы не запаслись рекомендательным письмом из британской администрации Сингапура? Это сильно облегчило бы вам достижение цели!

- Я вольный коммерсант, ваше превосходительство. И не поддерживаю контакты с Сингапурской администрацией Британской короны. Их дела мне, собственно говоря, и не интнресны.

- Вот как? Тогда зачем вы обратились в нашу администрацию, мистер Ландсберг? Взяли и прямо отправились бы в свой Тибет: он ведь не находится под английским протекторатом, знаете ли! – в голосе чиновника звучала явные насмешливые ноты.

Ландсберг начал терять терпение:

- Я сказал, что являюсь коммерсантом, ваше превосходительство. Коммерсантом, а не вольным дураком! И прекрасно знаю, что Тибет входит в сферу жизненных интересов Британской короны, особенно на фоне попыток проникновения в Страну Снегов русского царя. Как мне рассказывали, Тибет буквально нашпигован британскими агентами, которые зорко смотрят за каждым новым человеком, появившемся на Нагорье. Попав в Тибет, я не пройду и десятка миль, чтобы не попасть в лапы этих агентов. Меня просто выдворят оттуда – и это как минимум!

- А как максимум? – явно забавлялся чиновник.

- Как максимум – меня ждет пуля из древнего фитильного ружья, или вовремя сошедшая лавина. А вот если у меня будет официальная бумага от британской администрации Бенгалии… Я готов купить такую бумагу, ваше превосходительство!

Секретарь презрительно выпятил нижнюю губу:

- Мне кажется, вы много себе позволяете, мистер коммерсант! Являетесь к государственному чиновнику и предлагаете ему незаконное вознаграждение…

- Вы неправильно меня поняли, ваше превосходительство, - поняв, что «лобовая атака» не удалась, Ландсберг начал искать выход. – Наверное, это от несовершенства моего английского языка: я ведь немец по происхождению! И когда я сказал «купить», то имел в виду «заслужить». Доказать свою лояльность к британской администрации. Мне нужен ваш совет, и не более того. Что бы вы посоветовали в моем случае путешественнику, жаждущему посетить новые для него места?

- Это другое дело, мистер! Вы просите совета? – смягчился чиновник. –Х-м-м… А какого рода коммерцией вы занимаетесь в Сингапуре, мистер Ландсберг?

- Жемчуг. Знатоки утверждают, что у меня самая большая и лучшая коллекция жемчуга в Азии. Ее начал собирать еще мой пра-прадед. Да вот, не угодно ли взглянуть?

Он вынул из кармана замшевый мешочек и высыпал на стол чиновника десятка два крупных жемчужин.

- О-о, жемчужины просто великолепны! – глаза чиновника замаслились. – Самая большая коллекция в Азии, вы говорите?

Он брал в руки одну жемчужину за другой, любовался игрой света в перламутровой глубине, и, наконец, с видимым сожалением отодвинул крупные, постукивающие на полировке стола горошины к визитеру.

- Совет, говорите вы, мистер Ландсберг? Что ж, могу посоветовать попасть на ближайший прием к его величеству вице-королю Британской Индии. На этот прием, кстати говоря, уже получил приглашение давний знакомый лорда Керзона, шведский путешественник Свен Гедин. Вы могли бы присоединиться к нему и решить свой вопрос по Тибету, мистер Ландсберг!

- У самого вице-короля? – почтительно поразился посетитель.

- Ну, если не у самого, что у одного из его ближайший помощников. Я же говорю: мистер Гедин[1] – давний и добрый друг лорда.

- А где и у кого я могу добыть такое приглашение? – собирая жемчужины, визитер сделал легкое движение пальцем, в результате чего две или три жемчужины закатились между бумагами на столе.

- А вот тут вы попали по адресу! – чиновник небрежно передвинул стопу бумаг так, что подношение совершенно скрылось под ними.

Он достал из верхнего ящика стола несколько пригласительных билетов, украшенных золотыми вензелями и таким же британским гербом, быстро вписал в один из них имя Ландсберга и протянул его гостю.

- Желаю удачи! – чиновник сделал вид, что встает. – И прошу иметь в виду, что по моим сведениям, мистер Гедин испытывает легкие финансовые затруднения в организации своей экспедиции в Тибет. И ваша помощь коллеге, полагаю, была бы воспринята с большим энтузиазмом.

* * *

Оценив совет британского чиновника, Ландсберг разыскал шведа, свел с ним знакомство и предложил финансовую помощь в организации экспедиции.

- Да мне вас Бог послал! – растрогался путешественник, принимая чек на крупную сумму. – Не знаю, как и благодарить вас, мистер Ландсберг!

- Никаких особых благодарностей мне не нужно! – отмахнулся Ландсберг. – Вот если бы вы позволили присоединиться к вашей экспедиции…

- О чем речь, мой дорогой друг! Я был бы только рад! Но… Будет ли вам интересно со мной, мистер Ландсберг? Моя работа рутинная и скучная: в основном я занимаюсь картографией и гидрографией. Хотя не пропускаю, разумеется, и памятников глубокой старины…

- Мне будет интересно! – заверил Ландсберг. - Но для начала мы могли бы вместе отправиться на прием к вице-королю. Я слышал, что лорд Керзон весьма расположен к вам.

- Я надеюсь, что его величество непременно подойдет ко мне на приеме, и я воспользуюсь его вниманием, чтобы представить ему своего благодетеля и коллегу.

Так оно и произошло. Наслышанный о проблемах вице-короля с позвоночником – следствие давнего падения с лошади, в результате которого Керзон был вынужден до конца жизни носить стальной корсет – Ландсберг ожидал увидеть согбенную увечьем, с трудом передвигающуюся фигуру. И был весьма поражен статью крепкого высокого

---

[1] Свен А́ндерс Геди́н— шведский путешественник, географ, журналист, писатель, общественный деятель. Начиная с 1886 года он предпринял крупные экспедиции в Тибет и Среднюю Азию, описал многие исторические памятники и ландшафты, устранил много «белых пятен» на карте мира. Благодаря своим трудам, был широко известен в Европе и принимаем многими монархами. В частности, русский император Николай II содействовал проведению его экспедиций и гарантировал шведскому гостю свободный проезд по железным дорогам России, ради безопасности даровал Свену Гедину эскорт из 4 сибирских казаков для сопровождения его экспедиции 1899–1902 гг.

мужчины, уверенно лавировавшего между гостями. Подойдя к Гедину, лорд Керзон сердечно пожал ему руку, выразил восхищение его последними путешествиями. И тут же, между делом, с улыбкой попенял шведу на его «излишне сердечную склонность к русским делам»:

- Я слышал, вы стали своим человеком в Доме Романовых, герр Гедин. И что сам Николай II принимает вас в своих дворцах как доброго друга России.

- Да, ваше величество, после моего доклада в Русском географическом обществе я был удостоен приглашения российского императора на ужин в узком кругу.

Керзон чуть нахмурил гладкий лоб:

- Если в 1800 году границы Британской Индии и Российской империи отстояли друг от друга на 2 тысячи миль, то нынче это расстояние уменьшилось вдвое, герр профессор. И это не может не беспокоить Британскую корону. Не делился ли с вами «русский медведь» своими задумками относительно Тибета, а? Что-то зачастили туда разведчики из России, путешествующие с «исследовательскими целями», вам не кажется? Глядишь, следом за лазутчиками в Стране Снегов окажутся и русские полки, дорогой Гедин!

- Исходя из полуторачасового разговора, который я имел в Петергофе с русским царем, я не верю, что Россия имела какие-либо притязания на Тибет, ваше высочество! После того, как я несколько раз с великими трудностями пересек Северный и Центральный Тибет, я могу с совершенной уверенностью заверить ваше высочество, что никакой в мире армии вторгнуться в Тибет с севера абсолютно невозможно!

- Вы частный гость в России, но позвольте мне заметить, что либо плохо знаете русских, либо желаете усыпить мое беспокойство, герр профессор! – скривил губы в усмешке вице-король. - А как же тогда быть с историей, мой дорогой Гедин? Как быть с поразившим в 1799 году всю Европу переходом русских войск под командованием фельдмаршала Суворова через Альпы в направлении Австрии? Французы тогда заверяли всех и самих себя вашими же словами: такой переход невозможен! Великий Клаузевиц писал о том переходе…

Керзон сделал паузу, приложив ладонь ко лбу и напрягая свою незаурядную память:

- Кажется, так: то, что Суворов потребовал от своей армии в том ее истощенном состоянии, в котором она прибыла в Альтдорф, свидетельствует о невероятной силе воли полководца, а также о невероятно сильном духе русских войск! Да, для русских нет ничего невозможного в этом мире, дорогой профессор!

Гедин упрямо покачал головой:

- Нынче Россия уже не та, ваше высочество…

- Россия – это тоже Восток, герр Гедин. А Восток – это университет, в котором исследователь никогда не получит ученой степени, ибо навсегда обречен быть лишь учеником!

Желая прервать разговор, принявший неприятный оттенок, швед поспешил представить вице-королю Индостана своего спутника. Ландсберг поклонился.

- Подданный Британской короны герр Ландсберг? – заинтересовался Керзон. – Но фамилию при этом вы носите немецкую, мистер!

- Да, ваше высочество, мои предки были тевтонами и участвовали в нескольких Крестовых походах. Кстати говоря, ваше высочество: рискуя испортить ваше впечатление обо мне, я должен признаться, что два моих далеких предка предложили в свое время свои мечи России. Это было, правда, при царе Василии…

- И тут опять русский след! –шутливо ужаснулся вице-король. – А что вы делаете нынче в Индии, герр Ландсберг?

- Несколько последних поколений Ландсбергов живут и занимаются коммерцией в далеком тихом Сингапуре, - поспешил вставить швед. – А нынче мистер Ганс Лндсберг,

засидевшись там, прибыл сюда, чтобы получить ваше высочайшее дозволение присоединиться к моей экспедиции и своими глазами взглянуть на таинственную Страну Снегов.

- Ничего не имею против, господа! Мистер Ландсберг, благоволите обратиться в мою канцелярию, и вы получите необходимые в вашем путешествии рекомендации. Я распоряжусь…

* * *

Получив через пару дней вожделенную бумагу из канцелярии вице-короля, Ландсберг стал тщательно обдумывать предлог для того, чтобы, не теряя лица и не оскорбляя великого путешественника обманом, отстать от его экспедиции. Его совершенно не привлекал намеченный Гедином маршрут на Каракорум, эту вторую по величине горную систему Азии. Подыматься на заоблачные перевалы – это было не для него! Ландсберг хотел своими глазами увидеть то, о чем рассказывал ему Арюунэрэл. А для этого ему надо было двигаться на север Страны Снегов, в провинцию Синдзян. Именно эти места были хорошо знакомы маленькому Провидцу. Добравшись на клипере до Индии, Аюунэрэл отказался даже сойти на берег и попросил у хозяина разрешения вернуться в Сингапур. Несмотря на всю привязанность к Ландсбергу, он категорически не желал возвращаться в Тибет, даже временно.

Допытываться о причинах такого решения Провидца Ландсберг не стал: все было ясно и так…

Отделиться от шведского путешественника Ландсберг решил в Непале. Там перед шведом было разыграно небольшое представление с неожиданной «болезнью» попутчика. Снадобье, приготовленное Провидцем, помогло Гансу сымитировать тропическую лихорадку. Расстроенный Гедин хотел было даже задержаться в Непале, чтобы дождаться выздоровления Ганса, однако названный местным лекарем срок избавления от лихорадки ломал все планы шведа. Сердечно простившись с Ландсбергом, путешественник повел свой караван намеченным маршрутом.

Выждав на всякий случай пару дней, Ганс быстро «выздоровел», щедро отблагодарил лекаря за пособничество в мистификации, и без особого труда нашел двух местных проводников, согласившихся пойти с ним в Тибет. Условие у проводников было одно: никаких попыток проникнуть в запретную для европейцев столицу Страны Снегов, Лхасу.

- На всех подступах и тропах в Священный город стоят посты тибетских стражников, мой господин, - пояснили проводники. – Там твоя бумага от вице-короля Индии не поможет: в Тибете очень не любят англичан! Тебя и нас могут просто закопать в землю по горло и оставить на съедение хищным зверям. Поэтому мы обойдем Лхасу с запада. Ты согласен, господин?

Ландсберг пожал плечами: наживать себе на голову неприятности попытками пробраться в Запретный город не входило в его планы.

Проводники предложили маршрут: сначала нужно добраться из Катманду до Чжаны, последнего непальского поселения на пути в Тибет. Для этого нужно нанять или купить верховых лошадей или повозку. Дальше по скалистым тропам лошади не смогут подняться на Тибетского нагорье, нужно нанимать местных носильщиков -шерпов[1]. С ними нужно подниматься на высоту, где непривычный к горам человек задыхается от разреженного воздуха. Подъем по горным тропам займет несколько дней. Потом шерпы вернуться к себе домой, а путешественнику придется уже в Тибете искать лошадей для дальнейшего путешествия по Тибетской равнине.

[1] Одна из народностей Непала.

Поручив старшине проводников закупить все необходимое для первого этапа путешествия, Ландсберг решил несколько дней посвятить осмотру Катманду – когда-то он еще попадет сюда! Второй проводник был отправлен в Ченджу – чтобы заблаговременно найти носильщиков-шерпов.

Впервые после «болезни» выйдя на улицы королевской столицы, Ландсберг испытал настоящий шок. Временами ему казалось, что он во сне или в сказке – так было необычно все вокруг. Катманду – это поистине Столица тысячи храмов. Древние храмы, святилища, статуи, многим из которых насчитывается не меньше полутора тысяч лет. И тысячи живых людей, тоже с виду необычных, одетых в национальные одежды.

Нанятый им гид рассказал, что народы его страны говорят почти на 60 языках и диалектах - индоевропейских и китайско-тибетских. Основной народ - непальцы, расселены главным образом в центральной и юго-западной части страны.

Неторопливо передвигаясь от храма к храму, Ландсберг не мог отделаться от ощущения, что перед ним разыгрывается какое-то специфическое представление, какой-то нереальный, фантастический спектакль. Но то, что для него казалось театром, для непальцев было их обычной, повседневной жизнью. А их сложная религия с сотнями и тысячами богов и богинь, а также инкарнаций, реинкарнаций и манифестаций этих богов и богинь, столь же неотделима от их жизни.

В глазах путешественника рябило от сотен мужчин, женщин, стариков и маленьких детей, поклоняющихся огню, статуям, и храмам, стучащих в колокольчики, делающих поклоны и жертвоприношения прямо на улицах… В снятое им жилище Ландсберг вернулся с головной болью и отсутствием желания выходить куда-либо еще.

А четыре дня спустя он уже приехал на скрипучей повозке в Ченжу, переночевал там в какой-то убогой хижине, сложенной из плоских камней, без всяких признаков цемента или хотя бы глины, и на утро пятого дня уже шел за молчаливыми носильщиками по узкой горной тропе, ведущей в Тибет.

* * *

Только на этой дороге Ландсберг понял, почему организовать переноску грузов с помощью лошадей или ослов здесь невозможно: ноги этих животных не приспособлены к преодолению ступенчатых троп Непала. Поэтому их тут и заменяют шерпы.

Тропа все время шла вверх, и уже к середине первого дня пути Ландсберг, задыхаясь, начал понемногу отставать от носильщиков и думать о том, что эту дорогу он не забудет никогда. Колоссальные горы, узкая дорога, прилепившаяся к вертикальному отвесу гор – а с другой стороны – бездонные пропасти, дна которых не было видно из-за клубящегося тумана. Порой босые ноги шерпов, неутомимо шагающих с немалой поклажей, ступали в нескольких дюймах от края пропасти, а они, словно не замечая этого, продолжали свой путь.

Быстро темнело, и небольшой отряд, поднявшись очень высоко, вошел в область облаков. Довольно часто по сторонам дороги Ландсберг видел какие-то драные приземистые палатки, в которых сидели, греясь у небольших костров и готовя убогую еду, какие-то люди. Зрелище было жалким – холод, полуголые люди, рваные палатки, кучи сучьев и бревен. Как понял Ганс, это были дровосеки, заготавливающие дрова на обочинах дороги…

Вскоре он, забыв о своей тевтонской гордости, «запросил пощады»: потребовал остановки и ночлега. Проводники-непальцы помчались вперед, чтобы остановить неутомимых шерпов, а Ландсберг в изнеможении рухнул у ближайшего костра дровосеков.

Вернувшись, шерпы с носильщиками развели свой костер, купив у дровосеков пару вязанок сучьев. Похлебав какой-то подозрительной по виду и запаху похлебки, Ландсберг со стоном вытянул занемевшие ноги и закрыл глаза.

И только он, как ему показалось, заснул, как проводники начали трясти его за плечи:

- Господин, уже утро! Пора идти дальше!

Ландсберг со стоном разлепил веки, с трудом удержавшись от того, чтобы скомандовать возвращение назад. Шерпы уже взгромоздили на спины свою ношу, закрепленную налобными ремнями, и равнодушно глядя на страдания европейца. Как ни странно, именно это равнодушие разозлило Ландсберга, побудило его быстро встать, ополоснуть лицо из фляжки и снова зашагать вперед и вверх.

К концу третьего дня пути по нескончаемой тропе, неумолимо поднимавшейся все выше и выше, проводник сообщил: к ночи подъем кончится, они уже в Тибете…

Ночью шерпы остановились, сбросили наземь свои тюки и стали разводить привычный костерок.

- Господин, они говорят, что это их конечная точка маршрута. Мы в Тибете. Завтра утром они желают получить свои деньги, и сразу уйдут обратно.

Ландсберг кивнул, проваливаясь в глубокий сон и не дождавшись похлебки. Даже во сне он чувствовал, как отчаянно бьется в груди сердце, а легкие требуют воздуха.

Однако утром, к его удивлению, пробудился он легко. И понял, что за время трехдневного подъема его организм постепенно адаптировался к разряженному воздуху Нагорья. Шерпы, сидя на корточках, терпеливо ждали его пробуждения. Криво улыбнувшись, он отсчитал оговоренную сумму в индийских рупиях, добавил «чаевые» - две английские гинеи. С достоинством поклонившись, шерпы разом поднялись на ноги, и, не прощаясь, зашагали обратно.

Проводив их глазами, Ландсберг вопросительно поглядел на своих проводников:

- Что теперь?

- Теперь мы поставим палатку, где господин будет отдыхать. А мы пойдем искать местных проводников в ближайшее селение. Там же можно будет купить лошадей. Если повезет, то к полудню мы вернемся…

Пока ставили палатку, Ландсберг встал и огляделся, пораженный резким контрастом увиденного с непальскими пейзажами. Если Непал оставил у Ганса впечатление экзотики и буйства красок и зелени, то первое впечатление о Тибете разочаровывало. Он думал, что Тибет – это снежные пики, нагромождения остроконечных гор и скал. Но Тибет оказался огромной высотной равниной, на которой высились и скрашивали равнинный пейзаж не остроконечные, а округлые, невысокие горы. Лишь где-то в туманной дымке угадывались заснеженные далекие вершины.

Проводники ушли, а Ландсберг, забравшись от слепящего солнца в палатку, начал вспоминать то, что рассказывал о Тибете его Провидец.

Арюунэрэл, по-видимому, оценил деликатность Ганса и то, что тот не приставал к нему с расспросами о необычной внешности своего Провидца. И однажды, через несколько лет после пребывания в доме Ландсберга, сам рассказал удивительную историю о том, когда и как в Тибете появилось его племя, племя карликов.

* * *

За пологом палатки послышался шум. Вынырнув из своих воспоминаний, Ландсберг догадался, что это возвращаются его проводники. Судя по лошадиному ржанию, их поиски увенчались успехом. Вздохнув, он спрятал поглубже в карман куртки схему местности возле деревни карликов, на которой была обозначена таинственная пещера с мумиями «дзоппа». Ганс Ландсберг и верил, и не верил рассказу своего Провидца. Вот если он найдет эту пещеру и своими глазами увидит останки древних Сынов неба…

Впрочем, Арюунэрэл честно предупреждал его, что найти вход в нее очень трудно. Да и времени с тех пор, как маленький потомок «дзоппа» побывал в этой усыпальнице, прошло слишком много. Вход могла наглухо запереть сошедшая с гор лавина, ее могло

завалить при землетрясении, которые нередки в Тибете. В конце концов, ее могли найти и разорить люди, в ком жила недобрая память о «дзоппа». Оставалось только надеяться на вычерченную малышом схематическую карту окружающей деревню карликов местности и на удачу. Ну, и, конечно, на предсказание Арюунэрэла, которое карлик сделал уже в Индии, передавая своему господину эту нарисованную по памяти карту.

- Я чувствую, что ты найдешь усыпальницу моих предков, господин! И верю в то, что ты распорядишься тем, что найдешь там, разумно и мудро…

- Что ж, главное – найти, - подумал вслух Ландсберг, выглядывая из палатки.

Ну, так и есть: к нему приближалась небольшая кавалькада всадников, а позади них пылила повозка, запряженная неторопливыми быками. Стало быть, его путешествие продолжается!

Однако переговоры оказались не столь простыми. Тибетские проводники прежде всего поинтересовались – кто таков Ландсберг и что ему надо в Стране Снегов. Домашняя заготовка на эту тему у Ганса была приготовлена: он – коммивояжер, странствующий торговец. Там – он сделал неопределенный жест рукой, охватывающий полмира – торговцев слишком много, хороших денег не заработаешь. Вот он и решил покорить Тибет своими товарами.

Аборигены ненавязчиво попросили показать образчики товара, и Ганс с готовностью раскрыл один из тюков, который он битком набил разной всячиной, закупленной на первом же базарчике в столице Непала. Бусы, зеркала, четки, великое множество статуэток Будды из камня, бронзы, слоновой кости, связки палочек для благовоний…

Выпросив себе сувениры, тибетские проводники задали главный вопрос – куда?

Услыхав слово «Синин[1]», он и дружно покачали головами: путь туда далек и труден! То есть прямой путь в нужное Ландсбергу место проходит как раз через Лхасу, запретную для всех европейцев столицу Тибета. Да, есть обходные пути – но они контролируются воинственными племенами тангутов[2], и, попав к ним в руки, можно лишиться не только товара, но и головы.

Дальнейший ход переговоров был вполне предсказуем. В конце концов выяснилось, что проводникам все же известны тайные тропы, которые позволят обойти и стражу Лхасы, и стойбища тангутов. Была названа и цена этого маршрута, которую Ландсберг после часового торга сумел уменьшить в три раза. Ударив по рукам, стали готовиться к путешествию.

Долгое время в пути на север Ландсберг старался использовать с максимальной пользой – выпытывал у тибетцев удивительную историю их страны. Многое в их рассказах походило на сказки, но сами окружающие пейзажи заставляли верить если не во все, то во многое.

Здесь небо над головой было ярко-синее днем и столь же ярко-звездное ночью. В Стране Снегов луна светит на небе даже в полдень – так разрежен воздух над плоскогорьем.

Тибетцы, не имеющие древесины и не знающие цемента, свои дома, заборы и загородки строят, просто накладывая друг на друга плоские камни, ничем не скрепляя их. Даже святилища здесь строят в виде пирамидок из камней.

Также Ганс узнал, что Тибет - страна демонов. Если верить народным поверьям и легендам, численность злых духов намного превышает все население страны. Эти демоны,

---

[1] Город Синин является административным центром провинции Цинхай, располагаясь там, где горы Куньлунь граничат с Тибетским нагорьем.

[2] Тангуты (китайцы называют их «си-фань», т. е. западные варвары) - племя, родственное тибетцам; живут в Северном Тибете и отличаются склонностью к разбойничеству. Будучи преимущественно буддистами, тангуты весьма своеобразно замаливают совершенные ими грехи: совершают налеты на рыбачью деревушки, отбирают у рыбаков всю пойманную рыбу и выбрасывают ее обратно в озеро Кукунор.

принимая тысячи различных личин, обитают на деревьях, скалах, в долинах, озерах, источниках. Они охотятся за людьми и животными, похищая у них "дыхание жизни", чтобы насытиться им. Демоны слоняются по полям и лесам, и путник всегда рискует столкнуться с кем-нибудь из них лицом к лицу.

Кроме демонов, в горах Тибета, как утверждали рассказчики, обитает немало диких людей. Не жалея красок, проводники увлеченно рассказывали о мощных волосатых существах, внешне похожих на человека. Только их лица, имеющие ярко-красный цвет, свободны от растительности. Эти существа не знают огня, питаются мясом диких животных, не брезгуя при случае и человечиной. Они любят скрытно наблюдать за деятельностью жителей окрестных деревень, и подражать им. Спускаясь по ночам в долины, дикие люди по своему неразумию причиняют селянам много вреда. Однако, они могут приносить и пользу, если с ними удается установить дружеский контакт.

Воспользовавшись случаем, Ландсберг спросил про Рогатых Охотников, которые в давние времена обитали в Стране Снегов. Подивившись тому, что европеец знаком с такими деталями истории Тибета, проводники подтвердили рассказ Арюунэрэла, и даже пообещали продать ему парочку черепов рогатых людей – как только доберутся до окрестностей Синина. Там, у подножья знаменитой горы Пяти Вершин, своим видом напоминающие пальцы руки, такие черепа попадаются почему-то довольно часто.

Правда, европейца тут же предупредили, что такая покупка обойдется ему весьма дорого – ибо в тех местах, где когда-то бродили Рогатые Охотники, обитает страшный и неуловимый «олгой-хорой», метровый земляной червь. Эта тварь темно-красного цвета сама способна выкапывать для себя нору, в которой и обитает почти все время, а вылезает на поверхность только в самые жаркие месяцы. Местное население очень боится земляного червя: люди убеждены в его способности убивать. Ландсберга с жаром убеждали, что неважно, где находится выбранная червем жертва – вблизи него или на расстоянии. И никто точно не знает, каким образом червь способен убивать людей. Одни думают, что он выплевывает яд, который является смертельным, другие убеждены в том, что он способен поразить жертву таинственным синим лучом, выходящим у него из головы...

Что и говорить, такие рассказы не только забавляли Ландсберга. Когда его небольшой караван останавливался на ночевку, он предпочитал устраиваться не в палатке, а на повозке. И при этом всегда клал поближе заряженный карабин и мощный американский револьвер.

Через неделю Ландсберг рассчитался с тибетскими проводниками у стены, окружающей древний Синин, взяв с них обещание доставить ему обещанные черепа Рогатых Людей. На поиски деревни карликов Ландсберг решил идти один.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ Через снега

Небо над путниками выглядело необыкновенно синим, и в остатках дневного света перед ними открылся завораживающий вид. Вдали, на горизонте, ряд за рядом выстроились снежные вершины. Вниз по черно-синим склонам сползали сверкающие ледники. Казалось, что эта горная страна плыла над редкими облаками. Горы дугой опоясывали весь горизонт и на западе исчезали в почти ослепительном пламени заходящего диска багрового солнца.

В Баотоу, конечной точке сопровождения монгольских проводников, путники задержались всего на два дня: зима подгоняла. Вопреки мрачным прогнозам монгольского старшины проводников, правитель города принял «урусов» весьма тепло. Путники были

приняты им без всяких формальностей, передали ему щедрые подарки и тут же получили приглашение на ужин.

Вместе с мандарином они наслаждались жареной на костре нежной ягнятиной, с некоторым содроганием и опаской пили местную молочную водку – арак, а потом благоуханный чай. Суровый со своими подданными, правитель Баотоу снисходительно рассказывал русским о занятиях жителей города, а после трапезы даже показал комнату с подарками, полученными им в разное время от проезжающих путешественников. Особо выделил правитель неказистый с виду старенький штуцер[1], который, по его уверениям, он получил из рук Великого Охотника, как именовали здесь знаменитого путешественника и исследователя Азии Пржевальского.

Ночевали гости в просторной фанзе[2], под охраной двух «гвардейцев» правителя. Впрочем, гвардейское наименование не мешало им весь вечер под всякими предлогами заходить в фанзу и выпрашивать что-нибудь на память об «урусах». Кроме них, в фанзу то и дело заглядывали какие-то люди. Ивелич и Климов, вышедшие перед сном покурить на свежий воздух, увидели целую толпу аборигенов, толпящихся за низенькой оградой. И быстро поняли, что «гвардейцы» не упустили возможность дополнительного заработка, пуская во двор любопытных, желавших хоть одним глазком посмотреть на русских путников.

Утром правитель прислал за путниками гонца. В его дворце он небрежно махнул головой, указывая на двоих упитанных человечков, которые бесконечно кланялись и что-то бормотали. Человечки были представлены как главные поставщики правителя. Он сообщил, что отдал все необходимые распоряжения и вручил им свиток пергамента, украшенный печатями на цветных шнурах. Как выяснилось, это был пропуск правителя и одновременно его рекомендательное письмо, разрешающее представителям великого северного Белого царя беспрепятственный проезд по провинции.

- Пока мы выпьем на дорожку ароматного чая, купцы подождут во дворе. У меня есть несколько вопросов к знаменитым путешественникам…

«Знаменитые путешественники» с некоторой тревогой переглянулись: еще вчера вечером никаких вопросов к ним не было.

Выпроводив подданных, правитель предложил гостям присесть и поинтересовался:

- Верно ли мне сообщили, что с уважаемыми путниками следует в качестве слуги «дзоппа»? Ах, он не слуга, а друг одного из уважаемых гостей? Это плохо, это очень плохо.

В пространной речи правитель сообщил своим гостям, что «дзоппа» пользуется у его народа скверной репутацией. И что если правители сопредельных земель узнают, что он разрешил одному из проклятых карликов беспрепятственный передвижение, то будут очень недовольны.

- И что же прикажете делать с нашим четвертым спутником? – хмуро поинтересовался Ганс Ландсберг.

Правитель развел руками:

- Было бы очень хорошо, если бы вы передали «дзоппу» моим гвардейцам. Его отведут на ближайший холм, перережут горло и разобьют голову и все кости камнями, чтобы хищные птицы как можно быстрее растащили его останки. Вполне возможно, что в своем следующем перерождении из никчемного «дзоппы» получится нечто более приятное и нужное людям.

---

[1] Штуцерами в России принято называть двуствольные нарезные ружья под патроны средней и высокой мощности. Происходит это название от немецкого слова «штутцен», обозначающего короткий карабин, ствол которого забран в дерево ложи до дульного среза. Штуцер - это специализированное ружьё, предназначенное для охоты на крупного, зачастую, опасного для охотника зверя. Основное его достоинство в том, что второй выстрел можно сделать, не отрывая приклад от плеча - следовательно, быстрее, чем из карабина.

[2] Фанза - тип жилища у китайцев: прямоугольное, двух- или трёхкомнатное, каркасно-столбовое, с соломенными, саманными или кирпичными стенами и двускатной крышей из соломы, тростника или черепицы.

- Это исключено! – решительно заявил Ивелич. – Это наш друг! И, кроме того, он, как и мы, получил личное благословение великого Белого царя на это путешествие. Вряд ли Белый царь обрадуется, если узнает, как обошлись с его подопечным в Баотоу…

Правитель рассыпался в извинениях, но твердо стоял на своем: он не может позволить карлику «дзоппа» шляться по его земле и смущать своим видом подданных.

Климов первым догадался, как можно решить возникшую проблему. Выйдя вперед, он с поклоном вручил правителю звякнувший кошель с золотыми монетами:

- Вот его личный пропуск, достопочтенный правитель…

Взвесив кошель, тот раздвинул редкие усы в улыбке и кивнул:

- Хорошо, пусть он едет! Я попрошу вас только об одном: пусть он едет в закрытой повозке. А на тот случай, когда будет выходить из нее, пусть у него будет закрыто лицо.

* * *

Ганс Ландсберг ехал впереди небольшого каравана, рядом с главным проводником. Низкорослые монгольские лошади, купленные у правителя «глиняного города» Баотоу, шустро перебирали мохнатыми ногами, а на крутых склонах забавно садились на круп и съезжали по каменистым осыпям как дети с горки.

Натянув поводья, Ландсберг притормозил лошадь, дожидаясь товарищей. Ивелич и Климов увлеченно что-то обсуждали, Провидец с приклеенной для конспирации длинной черной бородой, почти не смотрел по сторонам, сосредоточенно перебирая четки.

- Проводники уверяют, что если погода сохранится, мы доберемся до Черчена дней за 8-9, - крикнул он друзьям. – Однако они предупреждают, что такой багровый закат сулит завтра сильный ветер. Если он подует с севера, то не миновать снежной бури. Тогда мы неминуемо задержимся – не считая того, что оставшуюся часть пути придется идти чуть не по пояс в снегу.

- Не будем гадать насчет завтра, - отозвался Климов, морщась и ерзая в седле. – Лично мне гораздо интереснее, когда мы остановимся на ночлег нынче. Проклятое седло украшено как рождественская елка, но для седалища страшно неудобно!

- Примите мои соболезнования, доктор. Что же касается стоянки, я и сам с удовольствием вытянул бы ноги! Но, насколько я понял проводников, нынче нам необходимо добраться до конца ущелья, чтобы завтрашняя непогода, если их приметы сбудутся, не «запечатала» нас здесь до конца зимы.

- Но солнце уже почти скрылось, - возразил Ивелич. – Не можем же мы, как лунатики, двигаться по ночам, черт возьми!

- Вот солнышко совсем спрячется, и увидите, какие тут яркие звезды, граф! – усмехнулся Ландсберг. – При тибетских звездах и читать вполне можно!

Помолчав, Ивелич вспомнил про снег:

- А чего нам снега бояться? Если не ошибаюсь, у нас в снаряжении есть и лыжи. Наденем и пойдем дальше…

- И на лошадей прикажете лыжи приспособить? – насмешливо отозвался Ганс Ландсберг. – Да и наши проводники с лыжами вряд ли знакомы. Надень на них лыжи – и что они сделают? Скорее всего, упадут на спину и начнут визжать и дрыгать ногами, пока не сбросят их! Я уже не говорю о том, что тут не равнина, а в горах лыжи столь же полезны, как бубенчики, украшающие седло уважаемого доктора! Вот если удастся добраться до Черчена, то нам, пожалуй, можно будет и лыжами воспользоваться. Местность там, насколько я помню, равнинная…

С чувством выругавшись, Ивелич, более не споря, пришпорил свою лошадь и поспешил за ушедшими вперед проводниками.

До конца ущелья путники шли до полуночи. И едва успели поставить палатки и развести костер, как налетела «обещанная» проводниками снежная буря. Под все

усиливающими порывами ветра едва успели наскоро приготовить немудрящий ужин, торопливо съели его и расползлись по палаткам.

К утру буря стихла так же внезапно, как и началась. Высунув носы из палаток, путники тут же зажмурили глаза от слепящего снега, покрывшего всю равнину – насколько хватало глаз. К счастью, снега нанесло не слишком много, и проводники вынесли «приговор»: пока можно продолжать путь верхом – следует лишь избегать занесенных снегом низин, куда лошади могут сползти или свалиться, покалечив себя и всадников.

Не споря, члены экспедиции охотно разрешили проводникам идти впереди и пробивать дорогу.

Проводники шли довольно быстро, однако ближе к полудню внезапно остановились и загалдели, присев на корточки и размахивая руками. Когда путники догнали их, то увидели причину остановки: их путь пересекала цепочка чьих-то следов. Доктор Климов, бывалый путешественник, взглянув на следы, тут же объявил, что тут прошел горный леопард.

- Чего вы разорались? – накинулся он на проводников. – И у вас, и у нас есть ружья. К тому же леопарды, насколько я знаю, охотники-одиночки. И никогда не осмелятся напасть на такую уйму людей, когда вокруг сколько угодно более мелкой и безопасной дичи.

Однако старшина проводников мрачно покачал головой:

- Это был не леопард, - заявил он уверенно.

Ивелич и Ландсберг, подойдя поближе и осмотрев следы, попытались убедить проводников, что тут прошла самая настоящая кошка, только большая: следы были достаточно красноречивы.

Но проводники стояли на своем, и привели аргумент, который заставил путников задуматься. Старшина сделал по снегу десяток шагов параллельно леопардовым и поспешно вернулся к европейцам.

- Смотрите, насколько мои следы глубже. А ведь леопард зверь тяжелый! Как бы зверь сумел пройти по рыхлому снегу, ни разу не провалившись?

Старшина был прав: его следы оказались гораздо глубже. Путники переглянулись, и словно невзначай поправили ружейные ремни, вопросительно поглядели на проводников.

- Это был горный дьявол в образе саха, - уверенно заявил старшина, встав на колени и отвешивая глубокие поклоны в ту сторону, куда уходили следы.

- Дьявол это был или демон – нам наплевать, - наконец решительно заявил Ландсберг. – Мы должны идти вперед! Как вам не стыдно, любезные! Поглядите только на ваши ружья! Они хоть и фитильные, однако калибр у них таков, что и в слоне сделает дыру с кулак величиной!

Однако у проводников было свое мнение на сей счет. Они были убеждены, что против горного демона никакое ружье не поможет.

Потеряв терпение, Ивелич стянул с плеча свой крупнокалиберный «манлихер»[1] с оптическим прицелом, бывший до сих пор предметом язвительных шуток и «подначек» остальных членов экспедиции. Передернув затвор, он поискал глазами цель, и, наконец, показал проводникам на кусок скалы, нависший над снегом примерно в полуверсте от него.

- Спросите их, мистер Ганс, видят ли они тот кусок камня, похожий на молот? А теперь пусть смотрит внимательно!

---

[1] «Манлихер» - эта винтовка была выпущена в 1903 году, и она стала обновлением модели 1895 года с продольно-скользящим затвором прямого действия. У нее стандартный затворный механизм и новаторский роторный магазин. Винтовка была основным оружием всемирно известного охотника на слонов "Карамоджо" Белла, который использовал патроны 6,5×54 мм Манлихер. Эта модель до сих пор остается одной из самых надежных и прочных.

- Вы, граф, стрелок изрядный, конечно, - вполголоса заметил Ландсберг. – И патроны у вас разрывные. Но глядите не промахнитесь! Вы выбрали чертовски далекую мишень!

- Не извольте беспокоиться! – буркнул Ивелич, прицеливаясь.

Грянул выстрел, и кусок скалы, покачавшись, рухнул вниз. Проводники восхищенно загалдели, обступили Ивелича, с осторожным восторгом прикасаясь к оружию.

- Видите? А в обойме еще четыре патрона, - небрежно пояснил он, незаметно морщась: отдача у его «манлихера» была весьма чувствительной. – Пусть только ваш демон или дьявол высунет свой нос - разорву его пулей пополам!

Все проводники приободрились, разобрали кладь и снова двинулись вперед, а когда впереди в снежной глади стали попадаться зеленые проплешины, даже стали подшучивать друг над другом, позабыв, как трусили совсем недавно. Однако вскоре они опять разом встали, столь же дружно попадали на колени и принялись торопливо кланяться.

— Следы! — истошно завопил старшина проводников.

— Какие опять следы? — спросил Ландсберг, подходя ближе.

Но старшина только молча помотал головой, не переставая кланяться. И тут европейские путешественники тоже увидел эти следы - глубокие и отчетливые. Они напоминали следы медведя, однако, сколько не всматривались друзья, нигде не было заметно отпечатков когтей. Следы тянулись одной линией и не могли принадлежать четвероногому: оставившее их существо ходило на двух ногах.

— Что это за следы? — спросил Климов. – Признаться, я никогда не видел ничего подобного.

Но проводники только дружно затрясли головами. Долго он пытался добиться от них вразумительной речи. Но в ответ они несли какую-то чушь.

— Это дикий человек? —спросил Ландсберг.

Проводники жалобно завыли и начали истово кланяться следам.

— Так кто оставил эти следы? – продолжал допытываться Ганс. – Может, дух или демон?

— Нет. Не дух и не демон, мой господин.

— Отлично, — кивнул Ландсберг. — Значит, это существо из плоти и крови?

— Да-а-а…

— Человек?

— Не человек? Значит, зверь?

— Нет. Не зверь. Не человек и не зверь. Ходит, как человек, а воняет, как зверь. И глаза у него светятся в темноте, как у зверя…

Потребовалось около часа, чтобы успокоить проводников, рвавшихся тут же повернуть назад. Окончательным аргументом для того, чтобы они тут же не бросили путников, послужило то, что существо, оставившее странные следы, направлялось в сторону ущелья, которое экспедиция недавно миновала.

Став на очередную ночевку, Ландсберг собрал товарищей в одной палатке.

- Друзья, с нынешней ночи нам надо установить дежурство. Мне доводилось видеть такие следы во время первого своего путешествия по Тибету, и я даже сделал с одного из них неплохой гипсовый слепок. Специалисты, кому я показывал потом этот отпечаток, придерживались двух мнений. Одни считали меня мистификатором, другие утверждали, что следы принадлежат дикому, или снежному человеку. Непальские шерпы называют его «йетти» и не советуют попадаться ему в лапы.

- Последнее предупреждение излишне, мистер Ганс! – буркнул Ивелич. – Я бы не пошел по этим следам, даже если бы мне предложили половину сокровищ Индии!

* * *

Прошло 12 дней, как путники покинули Баотоу. Снежные бури следовали одна за другой, и до селения Черчен друзья смогли добраться с большим опозданием от своего графика. Проводники из «глиняного города» отказались идти с посланцами Белого царя дальше Черчена, несмотря на все посулы и угрозы сообщить об их бунте правителю. Их с трудом удалось уговорить лишь вывести путников на дорогу, по которой в Тибет проникали паломники, шедшие с запада, через Алтай и Гималаи. Эта дорога едва угадывалась под выпавшим снегом – и то только благодаря большим камням, обозначающим древний путь в священную столицу Страны Снегов, Лхасу. Правда, валуны были довольно редки, и путникам, не обнаружившим очередного знака, то и дело приходилось возвращаться к предыдущему и выбирать новое направление.

Показав дорогу в Лхасу, проводники с непередаваемым облегчением покинули экспедицию. Похоже, они готовы были вернуть плату и прибавить еще от себя, чтобы чужеземцы проводили их обратно до Баотоу. Посовещавшись, путники отдали им лошадей и часть поклажи: в дальнейшем пути, который им предстояло пройти, животные были бы только обузой.

В этой равнинной местности зима только вступала в свои права. Снег лежал на земле не сплошным покровом, а только в низинах. Поэтому лыжи приходилось тащить на себе.

- Не кляните лыжи, господа! – посмеивался над товарищами Ландсберг. - Погодите: недалек тот день, когда вы будете благословлять их!

С помощью секстанта[1] и хронометра Ганс определял местоположение экспедиции всякий раз, когда в разрывах туч проглядывало солнце. На шестой день пути без проводников, сверившись с Петербургской картой, он объявил:

- Примерно в этом месте, если судить по карте экспедиции государя, калмыки застрелили дикую лошадь и вступили в пререкания со сделавшим им замечание бродячим священником. Калмыки догадались спросить его о бородачах из России, и на наше счастье, тот их видел. Видел и указал путь к ближайшему монастырю. В отчете экспедиции, к сожалению, не указано и название монастыря, и точное направление к нему. «На восток» - и все. Видите на горизонте темную полоску? Это и есть горная цепь, куда мы стремимся. И где-то там нужный нам монастырь.

- И сколько верст до этой цепи? – поинтересовался Ивелич.

- Думаю, около сорока. Вперед, господа!

К вечеру их накрыла очередная снежная буря. Едва успели поставить палатки и закрепить их, как на путников обрушились свирепые порывы ветра. О том, чтобы развести костер, нечего было и думать. Выручили примусы – один, накрыв венчик пламени куском железа, использовали для отопления, на втором «дежурные по кухне» принялись варить густую похлебку на вяленом мясе.

К утру следующего дня буря стихла так же внезапно, как и началась. Двойные полотнища палаток перестали содрогаться под ветром, и Климов, проснувшийся первым, попытался высунуть нос наружу, чтобы определиться с погодой. Удалось ему это не сразу: палатки оказались наполовину заваленными выпавшим снегом. Кое-ка расчистив выход, доктор выбрался наружу и невольно прикрыл глаза о сверкающей белизны.

- Подъем, господа! – закричал Климов. – Понимайтесь и готовьте лыжи! За ночь выпала уйма снега!

Плотно позавтракав той же похлебкой, путники собрали палатки и начали привязывать к ботинкам снежные средства передвижения. Опыт хождения на лыжах был, собственно говоря, только у доктора Климова, объездившего весь свет. Остальные

---

[1] Секстант— навигационный измерительный инструмент, используемый для измерения высоты Солнца и других космических объектов над горизонтом с целью определения географических координат той местности, в которой производится измерение.

утешались его уверениями, что сноровка придет к ним очень быстро. Энтузиазма путникам придавало и то, что наконец-то пришло время избавиться от проклятых заплечных мешков и можно тащить поклажу на волокушах.

Однако уже через полчаса энтузиазма у друзей поубавилось: освоить способ хождения на лыжах оказалось не так просто, как уверял доктор. Чертыхаясь и сквернословя, путники то и дело падали, поправляли сыромятные ремешки-крепления и все равно скоро стали похожи на облепленных снегом снежных баб. Хуже всего дела обстояли у Арюунэрэла: его короткие ноги оказались совершенно не приспособлены к лыжам, и он дольше барахтался в снегу, чем шел. Потеряв надежду на то, что Провидец когда-нибудь освоит лыжи, путники посадили его на одну из волокуш и повезли, как выразился Ганс, с максимальными удобствами.

Закончился один день пути, второй, четвертый… Горная цепь, к которой шли путники, приближалась медленно. К тому же холодный ветер дул с севера практически все время, неся с собой то низкую поземку, то снежную пыль, от которой стыли лица. Да и волокуши оказались не столь удобными для перевозки поклажи.

Доктор Климов, пробивая лыжню, держался все время впереди. Но и он достаточно быстро уставал, и каждые два часа объявлял о коротком привале. Не споря, путники немедленно валились в снег и начинали болтать в воздухе ногами. Закутанный до самого носа Арюунэрэл тоже вылезал из своей волокуши и принимался прыгать и хлопать руками по плечам, прогоняя озноб.

Для поднятия духа друзья всякий раз принимались поддразнивать Ландсберга и хулить его секстант:

- Дорогой Ганс, по-моему, за четыре дня мы прошли на этих проклятых лыжах раза два по сорок верст. А горная гряда уменьшилась едва-едва. Как же вы управляетесь со своими кораблями в море, друг мой?

Ландсберг оправдывался, уверяя, что всему виной разреженный воздух тибетского нагорья, который мешает правильно определить расстояние.

Отдохнув, путники снова со вздохами поднимались на ноги и шли вперед. Пряча носы в башлыки и воротники, они с трудом пытаясь на ходу оглядеть окрестности. Но сквозь летящий снег едва различались очертания растянувшейся вдаль долины с низкими, пологими, грустного вида холмами по обе стороны. Угольно-черными волнами они уходили вдаль под синим небом. Может быть, именно поэтому взгляд путников то и дело невольно устремлялся на юг, туда, где залитая лунным светом, в великолепном сиянии как бы парила над невидимой бездной гора, которая почиталась самой красивой горой в мире. Это был почти совершенный снежный конус, очерченный скупыми линиями, не позволявшими оценить ни высоту горы, ни расстояние до нее. Она сверкала даже в снежной круговерти и выглядела настолько совершенной, что на какое-то мгновение одолевало сомнение: не мираж ли это?

Путники невольно замедляли шаг, потом останавливались, прикладывали к глазам бинокли. Мощные линзы немного приближали чудесный конус, но, как ни странно, от этого он становился еще призрачнее и недоступнее. Но вот «видение» обретало жизнь: крошечный вихрь взметнулся на краю сверкающей пирамиды, и тут же почудился шорох скользнувшей вниз лавины. Но шорох, конечно, только почудился: слишком велико было расстояние до горы Кайлас…

- Ну, что, друзья? Стой не стой – монастырь от этого ближе не будет! – бодро кричал всякий раз Ивелич. – Вперед!

Кряхтя, путники разбирали «поводья» импровизированный санок с поклажей. Сверять направление по компасу скоро уже не требовалось. Горная цепь, еще несколько дней назад маячившая в снежной дымке, занимала уже нижнюю треть горизонта. Даже

без бинокля были видны мощные складки у горного основания. И холмы, сопровождавшие путников по обе стороны их пути, словно сдвинулись и заступили дорогу. Подниматься на их бока на лыжах становилось невозможно, а кружить в низинах между ними не хотелось.

Настал вечер очередного дня пути, когда, становясь на ночевку, друзья с грустью осознали: с лыжами придется расстаться, а оставшуюся часть пути идти пешком, почти по колено в снегу. Захваченное в Черчене топливо для костров давно закончилось, и примусы остались единственным источником живительного тепла и возможностью сварить порядком осточертевшую путникам похлебку.

- Чего я б не отдал, господа, за возможность очутиться хоть на часок в Петербургском ресторане, - вздохнул Ивелич, подчищая ложкой дно котелка. – Пусть не у «Палкина», что на углу Невского и Владимирского проспектов – помните, господа? Пусть не нежнейшая телячья шея «ан тортю» с травами и мадерой! Пусть не парфе из утиной печени с вишнёвым джемом, или жареное филе косули с лисичками! Я согласен на суточные щи или на «Ушное» из говядины из какого-нибудь второразрядного трактира!

- А филе «дэ беф Ришелье»? Севрюга в рейнвейне, стерлядь в белом вине, тушеный кролик в сметане? – живо подхватил тему доктор Климов. – Кроме того, Марк, ты забыл упомянуть жареных перепелов с картофелем, фаршированных чесноком с виноградной подливой…

- Господа, хватит! – взмолился Ганс Ландсберг. – Я никогда не считал себя гурманом, но от подобного перечисления может случиться заворот кишок! Погодите немного: вот доберемся до монастыря!

- И что тогда? – мрачно вопросил Ивелич. – Тибетские ламы, насколько мне известно, отличаются крайней неприхотливостью в еде. Шея «ан тортю» с травами и мадерой! Как же! Черта лысого, а не филе «дэ беф Ришелье»! Не так ли, Ландсберг? Вы-то уже бывали в этих краях.

- Да основное кредо тибетцев – умеренность во всем, - со вздохом подтвердил Ландсберг. – Однако уверяю вас, господа, что в кладовых иных монастырей водятся и деликатесы! Вопрос в другом: найдем ли тот монастырь, где нашли приют наши российские «бегуны»?

- Пошли покурим, Илья, на свежем воздухе, - махнул рукой доктор Климов. - Заодно и котелки почистим. Мистер Ганс, вы с нами?

- Пожалуй, я попозже. Не смейтесь, господа, но я хочу, чтобы мой Прорицатель вспомнил о своих прямых обязанностях, и погадал мне. При вас он отчего-то стесняется проявить свои способности.

Посмеиваясь, Климов и Ивелич на четвереньках выбрались из палатки. Доктор, не теряя времени, принялся ожесточенно чистить снегом котелок. Ивелич с отвращением забросил свою посудину в сугроб и принялся раскуривать сигару. Закурив и погасив спичку, он выпустил несколько клубов дыма и повернулся к Климову, чтобы спросить о чем-то, но так и замер с открытым ртом.

- Что с тобой, Марк? – подивился Климов. – Отчего ты замер, словно легавая на болоте? Снова горный дьявол? Или снежный человек, «йетти»?

Ивелич вытянул руку с сигарой, показывая на что-то позади друга. Обернувшись, Климов не заметил ничего особенного.

- Что с тобой, Марк? Тебе привиделась вывеска ресторации «Палкинъ»? – пошутил он, доставая свои папиросы.

- Огонь, Илья! Клянусь, я только что видел искорку далекого костра на том склоне!

Климов быстро обернулся, но в это мгновенье снежный заряд закрыл видимость. Дождавшись, пока порыв ветра стихнет, Климов внимательно обшаривал взглядом черный массив горы. И когда снежный вихрь стих, тоже увидел крошечную искорку у подножья.

- Костер? Здесь, в дикой глуши? – недоверчиво пробормотал он. – Кому бы его жечь, этот костер? За все время пути после Черчена мы не видели ни единой человеческой души, Марк! Можно подумать, что мы – единственные обитатели Страны Снегов! Надо прервать сеанс пророчества, или гадания – не знаю, право, как может современный культурный и весьма образованный человек верить в эту чушь – и спросить у нашего мистера Ландсберга, что это значит?

Круто повернувшись, Климов сунул голову в палатку и позвал Ганса:

- Мой друг, мне страшно неудобно прерывать ваш сеанс интимного общения с Провидцем, но случай экстраординарный. Захватите бинокль и выйдите, пожалуйста, к нам.

Пробурчав себе под нос что-то невразумительное, Ландсберг, тем не менее, быстро выбрался наружу.

- Что тут стряслось, господа? Заметили дикого человека?

- По-моему, это горит костер – если мы с Марком не подверглись общей галлюцинации. Во-он там!

Ландсберг прищурился, обыскивая глазами темную громаду горы. Потом поднес к глазам бинокль, несколько минут всматривался в темень, и, наконец, передал бинокль Климову:

- Да, это костер. Поздравляю, господа: кажется, мы в нескольких часах хода до первого монастыря на нашем пути!

- Значит, костер? А для кого или для чего его жгут? Нагорье безлюдно, за все время пути мы не встретили ни единого следа – я уже не говорю о человеческой душе. Уж не хотите вы сказать, что в монастыре откуда-то узнали о приближении нашей экспедиции и показывают нам дорогу к себе?

- Дойдем – узнаем, - лаконично ответствовал Ганс. – Вообще-то во многих тибетских монастырях, насколько я знаю, есть обычай жечь у входа костры, чтобы путники не сбились с пути.

- У них должна быть пропасть хвороста, чтобы каждую ночь работать «маяком», - недоверчиво покачал головой Климов. – А в Тибете с дровами негусто, вы сами говорили!

- Дойдем – узнаем, - повторил Ландсберг. – Пока же нужно определить направление по компасу, чтобы завтра с утра не сбиться с пути. Или вы предлагаете трогаться в путь незамедлительно?

- Сейчас? Ни за какие сёдла барашка или косули, с подливой или без! – решительно заявил Ивелич. – Я чувствую, что если немедленно не приму горизонтальное положение, то лишусь ног! А ходу туда, где костер, несколько часов, сами говорили. Считайте, день пути. Не собьемся! Теперь уже не собьемся! Завтра будем, полагаю, ночевать в монастыре, в условиях тибетского комфорта.

- Комфорт? – поднял брови Ганс. – Для тибетских монастырей это вещь весьма относительная, попомните мое слово! Впрочем, поживем – увидим!

* * *

Однако уверенность Ивелича относительно близкой ночевки в монастыре таяла по мере приближения путников к горе, имевшей весьма необычную форму. Вся ее видимая поверхность была складчатой, а сам монастырь оказался расположен отнюдь не у подножья. Примерно на стофутовой высоте[1] в одной из складок была вырублена большая выемка, где и разместился монастырь, прилепившийся к скале подобно ярко раскрашенному птичьему гнезду.

[1] Около 30 метров.

- Черт возьми этих монахов, - бормотал Ивелич, задрав голову вверх. – Как же они забираются в свое проклятое гнездо? Тут нужна солидная альпинистская подготовка: скала гладкая, как череп нашего Арюунэрэла!

В сгустившихся сумерках путники сделали последнюю остановку у подножья «складки», вздымающейся вверх почти вертикально. И только тут Ландсберг, внимательно разглядывая скалу, обратил внимание друзей на узкую тропинку, которая была явно вырублена в склоне. Тропинка довольно круто поднималась поперек «складки», потом делала крутой поворот и пряталась за ним.

Велев друзьям разбивать лагерь (Ивелич громко застонал), Ландсберг отправился на разведку – искать начало тропы, которая была, похоже, единственным путем в монастырь. Вернулся он почти через час, когда на нагорье уже спустилась темнота, а друзья успели сварить традиционную похлебку.

Схватив свой котелок, Ганс накинулся на еду. И только покончив с ней, принялся докладывать о результатах своей разведки:

- Я добрался до начала этой тропы. И пока еще не совсем стемнело, успел разглядеть первый десяток футов. Подняться в монастырь в принципе возможно, господа! Но не ночью! Тропа весьма узка и неровна, к тому же покрыта снегом и наледью. Ее ширина примерно фут-полтора, так что свалиться вниз – пара пустяков! Полагаю, что здесь нужна специальная обувь со стальными шипами – а в нашем снаряжении таковой только пара…

- И что мы будем делать? – мрачно осведомился Ивелич. – Вопить под скалой, взывая к милосердию монахов, пока не охрипнем? Представляю, как они будут потешаться, слушая наши вопли…

- Кричать не надо, друг мой! Вы забыли, что у нас в поклаже есть с полдюжины ракетниц и достаточный запас пиротехники. Несколько ракет можно на пробу запустить уже сейчас – в темноте их лучше видно. Остальные запустим завтра утром.

- А если ламы сочтут ракеты дьявольскими огнями и только покрепче запрутся в своем монастыре? – поинтересовался Климов.

- Тогда нам ничего не останется делать, кроме как искать другой, более гостеприимный монастырь, - развел руками Ландсберг. – Сам я, пожалуй, рискнул бы завтра днем подняться по тропе. Но рисковать жизнями дорогих моему сердцу доктора, его сиятельства и Арюунэрэла позволить не могу!

Но том и порешили. Поужинав и выскоблив котелки, путники наудачу запустили в небо с полдюжины ракет. Но монастырь, едва видимый от подножья скалы, не подал никаких признаков жизни, и друзья уныло забрались в палатки, готовясь к очередному ночлегу.

- Вот что, друзья! – неожиданно подал идею Климов. – Мы вплотную подобрались к жилью тибетских аборигенов, и к тому же не знаем, насколько желанными гостями являемся. Я не удивлюсь, если нас примут за демонов, а местные охотники за черепами захотят украсить свои хижины нашими головами. Может, нам пора установить парное дежурство?

- Ну-у, доктор, по-моему, вы чересчур сгущаете краски, - хмыкнув, покачал головой Ландсберг. – Не забывайте, я уже бывал в Тибете и здешних монастырях. Буддистская религия запрещает отнимать жизнь у любого живого существа, будь то горный заяц или человек. Так что нападение нам не грозит, я уверен. А вот мысль усилить бдительность мне кажется здравой. Вдруг монахи-ламы ночью решат спуститься, чтобы поближе разглядеть визитеров – а мы тут спим без задних ног. Господин Ивелич, предлагаю вам первую почетную вахту. Доктор сменит вас через три часа, а я, так уж и быть, возьму на себя то, что моряки называют «собачьей вахтой» - под утро, когда спится особенно хорошо. Возражения есть, господа?

Возражений не было. Ивелич, осмотрев свой «манлихер», набил карманы патронами и выполз из палатки.

* * *

Полностью отдежурить, впрочем, его сиятельство не успел. Не прошло и трех четвертей часа с начала его вахты, как он буквально влетел в палатку и принялся будить товарищей:

- Вставайте, господа! Скорее!

- Что случилось, Марк? -зевнул Климов.

- Я заметил на скале целую вереницу факелов, господа! Похоже, наш «салют» не остался незамеченным: сюда спускается уйма аборигенов.

Сон у друзей мгновенно пропал. Поспешно выбравшись из спальных мешков, путники выползли наружу и скоро увидели факельное «шествие»: по тропе действительно спускались люди.

* * *

- Похоже, у них тут есть недурственные кузнецы! – констатировал доктор, с интересом разглядывая металлические пластины, из которых торчали дюймовые острые шипы. – Чем вам не настоящее альпинистское снаряжение?

- И тем не менее, этот чертов ночной подъем был самым большим безумием в моей жизни, - убежденно заверил Ивелич, устраиваясь поудобнее на выданных монахами путешественникам денах[1]. – Признаюсь, друзья, что видами ночной долины я не полюбовался: закрыл глаза внизу, после того, как меня поставили в связку между двумя крепкими молодцами и открыл их только наверху, почувствовав под ногами деревянный пол.

- И не ты один, Марк, - хмыкнул Климов. – Я тоже частенько закрывал глаза – особенно когда меня заставляли пригнуться, чтобы не разбить голову о нависший над тропой камень.

- Как бы там н ибыло, мы в монастыре, друзья! – бодро заявил Ландсберг. – Не забудьте: один из главных тибетских обычаев – обмен поясами: гости дарят омце[2] свой пояс и получают от него взамен такой же. Без этой церемонии нас сочтут с невеждами и вполне могут указать на дверь - только уже без проводников с веревками и шипов на ботинки! Кстати, где наш мешок с поясами? И еще: когда здешнее начальство будет угощать вас лепешками, не вздумайте морщиться и плеваться!

- Что это за лепешки, мистер? – подозрительно осведомился доктор Климов.

- О-о, доктор, это нечто! – рассмеялся Ландсберг. – Почему-то в монастырях принято угощать гостей старыми лепешками, которые пролежали где-нибудь в кладовке несколько месяцев. Будьте уверены: под слоем пыли, которую не возбраняется сдуть, вы легко сможете обнаружить неплохую коллекцию бацилл и даже насекомых!

- Очень мило! – скривился Климов! – Почему вы раньше не говорили нам, мистер Ландсберг, что Тибет – не столь волшебная экзотика, но и страна сроду немытых людей? От моих проводников несло foetor tibeticus даже на скале – страшно подумать о том, если придется вести с ними умные беседы в теплом помещении, сидя рядком. Сплошная антисанитария! А еще говорят, что Тибет – страна долгожителей! Какого черта! Я только мельком видел физиономию одного из здешних аборигенов, но убежден: грязь с его лица никакая мочалка не возьмет! Тут нужна конская скребница.

- А что это ты по-латыни упомянул, Илья? – насторожился Ивелич. – Я разобрал только второе слово – «тибетикус».

---

[1] Ден – тибетская квадратная волосяная подушка- сиденье толщиной примерно около 20 см. На денах ламы и сидят, читая свои книги, и спят.

[2] Омце – руководитель монастырской школы, второе лицо после главного ламы в каждом монастыре.

- Первое слово, если не ошибаюсь, означает «вонь, смрад», - злорадно хихикнул Ландсберг.

Застонав, Ивелич зажмурил глаза и попытался поудобнее устроиться на денах.

- Все это несущественно, господа! – посерьезнел Ганс. – Меня беспокоит мой Провидец. Вернее, его судьба: видели бы вы физиономии наших проводников-альпинистов, когда наверху они разглядели, что перед ними – натуральный «дзоппа»! Как отнесется к нему местное ламское начальство? Не выгонит ли вместе с ним?

- Вполне может статься, что его потребуют принести в жертву, - сумрачно заметил Климов. – Присматривайте за ним получше, мистер: как бы его не сбросли со скалы!

- Полноте, доктор! – возразил Ганс. – Арюунэрэл кое-что рассказывал мне о своих детстве и отрочестве. Негативно к «дзоппа» относятся лишь тибетские миряне. А что касается просвещенных лам, то они с удовольствием принимали изгоев-карликов у себя в монастырях.

Помолчав, он добавил:

- Правда, это было очень давно. Нынче Провидцу более 90 лет – вполне могло статься, что за неполный век изменилось и отношение монахов к карликам…

- Доживем до завтра – увидим, - подытожил Ивелич. – Вернее, уже не до завтра: время далеко за полночь. Встанет солнышко, проснется местный «царек». Примет нас, выслушает наши пожелания и решит, что с нами делать.

- А вы оптимист, господин граф! – хмыкнул Ландсберг. – Местные обычаи не предусматривают немедленного приема странников ламским начальством. Помнится, в прошлое мое посещение Тибета я несколько месяцев жил в монастыре, и не удостоился приема у ринпоче. Ну, так называют главных настоятелей тибетских монастырей, - пояснил он. - Они проводят дни и ночи в высоких размышлениях и молитвах, им не до забредших на огонек иноземцев. Возможно, нам придется прождать полгода, или целый год, если вам так хочется увидеть ринпоче.

Тем временем доктор Климов прошелся по комнате, которую выделили для путников. Она была обставлена более чем скудно. Кроме волосяных подушек-денов на полу, здесь наличествовали лишь две полочки со светильниками и низенькая скамейка неизвестного предназначения. Окон в помещении не было, а единственная дверь оказалась запертой снаружи. Удостоверившись в этом, доктор мрачно оглядел друзей:

- Надеюсь, все вы, господа, успели вытащить из наших мешков револьверы? Мы заперты здесь, как овечки перед закланием.

- Обычная мера предосторожности, доктор, - успокоил его Ганс. – Местные обитатели просто не хотят, чтобы неизвестные визитеры по ночам шатались по монастырю и вынюхивали их секреты. Уверяю: это не дикари с полинезийских островов, чтобы замышлять расправу над путниками. Я предлагаю всем попытаться подремать до рассвета: кто знает, как сложится грядущий день?

РЕТРОСПЕКТИВА -17 Первая тибетская одиссея Ландсберга

Добравшись с тибетскими проводниками до Синина, Ландсберг расстался с ними на пороге китайской харчевни, в которой, как он знал, путник может получить не только еду, но и ночлег – были бы деньги. При виде европейца остальные посетители примолкли и лишь настороженно поглядывали на редкого тут гостя-европейца. Не успел Ганс оглядеться, как рядом с ним очутился хозяин харчевни. Торжествующе поглядывая на гостей, он с глубоким поклоном обратился к гостю на дикой смеси сразу нескольких европейских языков – итальянского, немецкого и португальского. Усмехнувшись про себя,

Ландсберг на южно-китайском диалекте сообщил, что голоден и нуждается в ночлеге. Онемевшему от изумления харчевнику потребовалось не меньше минуты, чтобы поверить в то, что чужестранец знает китайский язык. Рассыпавшись в извинениях, он самолично проводил удивительного гостя за лучший столик и позвал слуг, мгновенно выстроившихся за хозяином почтительным полукругом.

Добив хозяина до конца, Ганс проявил хорошее знание китайской кухни и сделал правильный[1] заказ. Он заказал кисло-сладкую свинину, вонтоны, чоу мэйн[2] из курицы и сладкие блинчики с начинкой из овощей.

Когда гость насытился, хозяин осторожно приблизился и осведомился о дальнейших пожеланиях гостя.

- Я хочу вытянуть ноги на мягком ложе, и чтобы меня до завтрашнего дня никто не беспокоил, - пожелал Ганс. – Я много дней путешествовал на тряской упряжке, запряженной неторопливыми яками, и сейчас мне кажется, что все мои бедные кости разболтались, как и сама проклятая повозка.

Почтительно посмеявшись, хозяин самолично проводил гостя в задние комнаты и показал лучшую в заведении спальню. Не удержавшись, он осведомился: откуда достопочтенный иноземец так хорошо знает китайский язык и китайские традиции?

- Я иноземец только для Синина, почтеннейший. Сам я из Сингапура, где прожил всю жизнь и где прожили свою жизнь мой отец, дед и прадед. Ты можешь называть меня господин Лан.

- А что привело тебя в Страну Снегов, господин Лан?

- Желание поглядеть мир, почтеннейший. И еще где-то в этих краях пропал мой старый друг. Его семья в трауре и просила меня разыскать место, где покоятся его останки.

Заявление о пропавшем друге было заготовкой, придуманной Гансом во время вынужденного безделья на трясучей повозке. Он подумал, что подобная версия позволит ему избавиться от назойливого любопытства и идти туда, куда он и планировал.

Заготовка подействовала: выразив гостю свое сочувствие, харчевник засыпал ложе Ландсберга мягкими подушками, пожелал приятного отдыха и удалился.

Проспав почти сутки, Ганс выбрался из мягкого постельного плена, снова вкусил от местных блюд и с помощью хозяина быстро нашел пару лошадей и большую собаку. От проводников он наотрез отказался: у него была карта, начерченная Арюунэрэлом. Собака же могла быть в дороге отличным сторожем: в этой местности, по словам Провидца, водилось много медведей. Хотя их основной рацион составляли пищухи[3], тем не менее, встреча с косолапыми не входила в планы Ландсберга.

Дорога к монастырю, в котором тот когда-то давно, много лет назад, нашел приют Арюунэрэл, извивалась между зелеными холмами, которые становились все выше и выше. Пес весело бежал впереди, иногда делая резкие прыжки в сторону, и возвращался тропу с окровавленной пастью, из чего Ганс сделал вывод о том, что о пропитании своего сторожа можно не беспокоиться.

На второй день пути, когда дорога превратилась в узкую тропу, Ландсберг с сожалением слез с лошади и повел ее в поводу: тропа была слишком узка и опасна для

---

[1] Питание китайцев основывается на теории 5 сезонов: зима и весна, лето, осень и межсезонье Для каждого времени года подобраны свои продукты, которые, по словам китайских поваров, подготавливают человека к определённому времени. Такой тип питания совпадает с теорией 5 стихий — огонь, земля, вода, дерево и металл В каждый сезон питание укрепляет определённую часть человеческого организма: кровеносную систему, кожу, кости, мышцы и сухожилия

[2] Вонтоны, или wontons - треугольники из теста, похожие на итальянские пельмени, которые обычно варят и подают в супе, иногда готовят на фритюре. Чоу мейн, или chow mein — это блюдо состоит из лапши, мяса (обычно курица, говядина или свинина), лука и сельдерея.

[3] Тибе́тская пищу́ха— вид зайцеобразных. Естественная среда обитания — пастбища или редколесье, реже — бамбуковые леса на высоте более 1800 м над уровнем моря.

всадника. Лошади в этой части границы между Китаем и Тибетом не знали подков, и в любой момент могли оступиться на камнях или поскользнуться на каменистой осыпи.

На третий день он увидел и сам монастырь. Однако заезжать туда Ландсберг пока не планировал – до тех пор, пока не побывает в деревне карликов, и, если повезет, пока не найдет описанное Арюунэрэлом «кладбище» своих далеких предков.

Карта Провидца была скорее схемой, и отмечала лишь направление пути и основные ориентиры на нем.

С наступлением очередного вечера Ландсберг устраивал ночлег, ставил палатку и разводил традиционный костер из собранного по дороге за день хвороста, ужинал и подолгу сидел у огня, выкуривая по две- три сигары и размышляя о том, что узнал о деревне карликов от своего Провидца.

Если верить его рассказам, то давным-давно истинными хозяевами Страны Снегов были не местные жители, а спустившиеся из-за облаков Сыны неба. Впервые они прилетели сюда 20 тысяч лет назад на больших «небесных лодках». Когда «лодки» опускались, земля и камни под ними плавились от нестерпимого жара, вылетавшего из огромных труб на дне «лодок». Пришельцы были такими же, как он, Арюунэрэл – маленького роста, с большими головами и длинными пальцами. Сыны неба называли себя «дзоппа» и почти не обращали внимания на обитателей Тибета. Они умели возводить и двигать с места на место огромные горы, делать для чего-то в земле гигантские дыры и рыть тоннели, которые вели неизвестно куда.

Однажды местные племена объединились, и решили прогнать или убить малорослых пришельцев, то тут карлики показали, на что они способны. Они могли убивать тибетцев на большом расстоянии, синими лучами из трубок, которые носили с собой. Они могли, даже не приближаясь, насылать на людей болезни, от которых погибали целые племена. Поняв, что пришельцы, несмотря на свой рост, необычайно сильны, аборигены Тибета оставили их в покое и только прятались от них в горах и труднодоступных долинах.

Впрочем, их хитрости были бесполезны: когда карликам были нужны местные обитатели, они без труда находили их в самых глубоких пещерах и уводили с собой десятки человек. Тем, кому посчастливилось бежать из плена «дзоппа», рассказывали, что те проводили над людьми то, что нынче называется медицинские эксперименты.

Через несколько лет «дзоппа» погрузились в свои гигантские лодки, и те с громом и упиравшимися в землю молниями унесли их обратно за облака. Люди обрадовались и стали жить по-прежнему. А потом оказалось, что радовались они рано. Откуда-то из-за северных гор в Страну Снегов явились Рогатые Охотники. Они тоже были очень сильны и безжалостны, умели передвигаться с немыслимой скоростью, исчезать в одном месте, чтобы тут же появиться в другом. Эти Охотники были совсем как люди, только на темени у каждого росли небольшие рога. И у них тоже было неведомое местным страшное оружие – короткие трубки, извергавшие из себя смертоносные лучи. Они поражали этими лучами все живое в поле их зрения, и, забавляясь, охотились не только на животных, но и на людей. И люди бежали от Рогатых – кто в Великую Северную пустыню, кто высоко в горы или в глубокие пещеры, где прятали остатки своих некогда тучных стад.

Прошло много лет, и над Страной Снегов снова засверкали молнии «лодок» Сынов неба. Спустившись на землю, они продолжили свои непонятные людям занятия. И единственной пользой от их второго нашествия было то, что они прогнали или уничтожили Рогатых Охотников.

Как? Они не гонялись за ними со своими синими лучами, а просто сделали воздух в долинах Байан-Кара-Ула непригодным для их дыхания, и все Рогатые погибли. Люди тоже страдали от изменившегося воздуха, но не умирали.

Откуда Провидец знал, что именно «дзоппа» изменили воздух, то бишь состав атмосферы? Арюунэрэл рассказывал, что об этом людям поведали сами пришельцы: в этот свой прилет они были гораздо миролюбивее, чем прежде. Они общались с людьми – причем, часто даже не открывая рта, мысленно. Они даже пытались передать тибетцам свои великие знания, но те не понимали их.

Потом Сыны неба снова улетели за облака, и последний раз вернулись в Страну Снегов тысячу лет назад. На сей раз их «лодки» были повреждены, и они долго пытались их починить. А когда поняли, что не смогут снова улететь за облака, то пришли к людям и объявили, что навсегда остаются с ними.

Они показывали на небе звезды и пытались объяснить, с какой из них они прилетели. Они рассказывали о себе и своем народе, хотели поделиться с людьми своими знаниями, но тибетцы не понимали, для чего им это нужно и не хотели учиться. Тогда «дзоппа» наглядно показали пользу от своих знаний. Они что-то сделали с остатками сохранившихся от охотничьих «забав» животных, и те стали плодиться так же быстро, как пустынные пищухи. Яки и коровы стали давать столько молока, что люди буквально не знали, куда его девать. «Дзоппа» раздвинули несколько гор и сотворили на их месте плодородные долины, куда не залетали злые зимние ветры и вьюги. Урожаи на этих новых полях были необычайно высоки.

Но люди все равно хотели жить так, как жили их деды и прадеды – несмотря на то, что «дзоппа» пообещали сделать их долгожителями. Сами они жили очень долго, больше 500 лет. Поняв, что с людьми не договориться, Сыны неба решили подумать о себе и потребовали, чтобы им отдали около сотни молодых женщин – для того, чтобы продлить свой собственный род. Тибетцы не хотели отдавать женщин, но побоялись рассердить могучих Сынов неба и сделали так, как они просили.

«Дзоппа» увели молодых женщин в свое «стойбище», и вскоре те начали рожать от них детей. Дети были разные – одни похожие на обычных людей, другие – на Сынов неба. И только со временем выяснилось, что Сыны неба – специально или намеренно – сделали так, что обычные дети прекращали расти с 10 – 12 лет и до конца жизни оставались карликами. «Дзоппа» оставляли у себя всех, и начинали с детства передавать им свои знания.

Прошло еще несколько столетий, и Сыны неба начали мало-помалу умирать: пришло их время. Они не пожелали избавляться от своих мертвых соплеменников так, как это издавна делается в Тибете, а уносили тела в глубокую пещеру и прятали их в вырезанные синими лучами ниши. Причем делали со своими соплеменниками что-то такое, отчего мертвые не поддавались тлению, а только немного усыхали.

Летели годы, складывались в столетия. Потомство «дзоппа» осталось жить на том месте, куда их привели небесные родители. Со временем детей, похожих на «дзоппа», в деревне стало рождаться все меньше и меньше, а потом карлики с большими головами и длинными пальцами и вовсе стали большой редкостью.

Жизнь устроена так, что плохое помнится гораздо дольше, чем хорошее. И со временем карлики забыли всё хорошее, что сделали для них Сыны неба, а помнили только плохое. И детишек, похожих на их древних предков, стали убивать – если несчастные родители не успевали их спрятать где-нибудь в горах, окружающих Долину карликов. Если малышам удавалось вырасти, они возвращались в деревню: согласно древним верованиям, выживших детей нельзя было трогать до достижения ими 15-летнего возраста. Потом их выгоняли из деревни.

Куда они уходили? У них была одна дорога: в ближайший монастырь, ибо в окрестных деревнях карликов, тем более похожих на древних «дзоппа», тоже старались убить. А в монастыре ламы охотно принимали непохожих на обычных людей «уродцев».

Почему? Легенды о могуществе Сынов неба, и их невероятных знаниях сохранились в манускриптах монахов, и те надеялись, что наследственная память маленьких «дзоппа» проснется. И сделает лам еще могущественнее. Но карлики с большими головами ничего не помнили, и в конце концов оставались в монастырях как прислуга. Или уходили куда глаза глядят – как ушел в свое время и Арюунэрэл…

Несколько раз Ландсберг осторожно расспрашивал своего Провидца - действительно ли в нем навсегда уснула память предков? Тот качал головой:

- Не знаю, господин. Иногда ко мне приходит во сне видения – я вижу небесные «лодки», на которых «дзоппа» прилетели в Тибет. Иногда мне достаточно поглядеть на человека, чтобы проникнуть в его мысли, или предсказать его судьбу на много лет вперед. Но это бывает нечасто… Мне кажется, что не все мои сородичи говорили правду, когда утверждали, что их наследственная память ничего не сохранила. Почему я так думаю? Сам я прожил в монастыре пять лет, и из некоторых вопросов, которые мне задавали ламы, можно было сделать вывод, что частью древних знаний они все же владеют. Откуда бы ламам знать старинную мудрость, как не от моих собратьев, которые попадали в монастырь раньше? Кроме того, я полагаю, мой господин, что великие знания, которые «дзоппа» хотели передать людям, не пропали. В пещере возле моей деревни, где до сих пор сохранились останки Сынов неба – более, чем семь сотен мумий, мой господин! – лежат и изготовленные ими небесные диски, на которых записано что-то важное. Такие диски Сыны неба клали у ног каждого своего покойника. Я нашел эту пещеру случайно, в юности. И ничего не сказал об этом в монастыре – сам не знаю, почему…

Неторопливые размышления Ганса Ландсберга прервало испуганное лошадиное ржание. На ночь он обычно расседлывал двух своих лошадей и пускал их пастись неподалеку от костра, зная, что не далеко не уйдут. А если даже и уйдут, то пастушья собака быстро отыщет их и пригонит к хозяину.

Какое-то тревожное предчувствие подняло Ганса с места. Он взобрался на большой валун и попытался с него разглядеть что-нибудь вокруг, но в ту ночь небо было всплошную затянуто тучами, и даже ярких звезд не было видно. Ржание продолжалось еще некоторое время, потом прервалось, как будто лошади внезапно успокоились. Потом раздался топот, и к костру, чуть не в огонь, выскочила перепуганная лошадь. У нее были совершенно дикие глаза, а бока раздувались от бешеного дыхания.

Тут неладное почуял и пес. Он вскочил на ноги и высоко поднял голову, ловя ноздрями ночные запахи. Ландсберг тихонько свистнул ему, привычным жестом приказав найти и привести вторую лошадь, но собака, вздыбив шерсть, вдруг опрометью подскочила к хозяину и прижалась к его ногам. Ее тело сотрясала крупная дрожь, она тихо поскуливала и никуда не желала отходить от ног Ганса.

Он принялся успокаивать лошадь, не выпуская из одной руки «маузера». Но та продолжала дрожать и испуганно оглядываться в ту сторону, откуда прибежала. Прислушавшись, Ландсберг уловил в ночи какие-то непонятные звуки: то ли ворчание, то ли громкое чавканье.

Затаиться или наоборот, дать кому-то неведомому, что сопел и чавкал в темноте, понять, что тут он получит отпор? Ландсберг выбрал второе: достав ракетницу, он пустил несколько ракет в сторону непонятного шума и разрядил туда же всю обойму винтовки. Поспешно перезарядив «маузер», он прислушался, но ничего больше не услышал.

Постепенно и пес, и лошадь успокоились, однако от костра не отходили. Ганс вывалил в огонь весь запас хвороста, который рассчитывал растянуть на пару дней и присел за валун, держа винтовку наготове.

Что и говорить: до утра он и глаз не сомкнул, напряженно всматриваясь и вслушиваясь, невольно вздрагивая от каждого щелчка догорающего хвороста и мечтая только о том, чтобы утро наступило поскорее.

Когда долину озарили первые лучи солнца, Ганс оседлал лошадь, вскочил на нее и приказал псу найти вторую лошадь. Собака словно нехотя, не слишком торопясь, отправилась на поиски. Ландсберг следовал за псом, подбадривая и поторапливая его.

Неподалеку от ключа, бившего из земли – Ганс обратил на него внимание еще вчера – он издали заметил в густой траве что-то темное. Подъехав поближе, он понял, что это конский труп. В этот момент лошадь под ним и собака одновременно встали как вкопанные. У собаки на холке поднялась шерсть дыбом, лошадь начала боком пятиться назад.

Ганс спрыгнул с седла, и, не выпуская повода, осторожно двинулся вперед. Лошадь упиралась, стала биться и ржать. Отпустив повод – далеко не убежит! - Ландсберг продолжал, чуть пригнувшись, продвигаться к останкам второй лошади, и остановился в нескольких шагах.

Вторая, вьючная лошадь лежала как-то нелепо, и, присмотревшись понял, что кто-то сломал и вывернул ей шею. Подойдя еще ближе, он увидел разорванное брюхо и вывалившиеся внутренности. Подавив рвотный позыв, Ганс продолжил свой обход вокруг страшной находки, увидел помятую траву и развороченную копытами землю – скорее всего, тут Нечто напало на свою добычу.

Он огляделся по сторонам – утро было тихим и спокойным. Поблизости не было никаких кустов и других естественных укрытий, где могло притаиться это Нечто. Переведя дыхание, Ганс двинулся к небольшому болотцу, которое образовал родник. И на глинистой влажной земле он, наконец, увидел следы, которые оставило это Нечто. Присев над ними, Ганс принялся гадать – кто мог их оставить?

Ландсберг никогда не был ни натуралистом, ни охотником – и терялся в догадках. Каждый след был длиной более фута, и одновременно напоминал и человечий, и медвежий. Ганс поднял голову вверх: не слишком высоко над землей уже кружило несколько стервятников, почуявших поживу и желающих позавтракать. Ганс невольно позавидовал им: будь у него возможность летать, он наверняка бы увидел сверху неведомого ночного гостя.

Свистнув собаке, он направился к догоревшему костру, ломая голову над тем, поднимет ли единственная оставшаяся лошадь двойную поклажу? Как ни печально, но сейчас ему предстояло рассортировать груз и наименее ценное просто бросить здесь.

Сортируя свои пожитки, он неожиданно нашел металлическую банку с гипсом, который он купил еще в Катманду неизвестно для чего. Банка была объемистой, и Ганса осенило: надо попытаться сделать слепок следа ночного гостя! Потом, вернувшись в цивилизованный мир, он покажет слепок специалистам – пусть они ломают головы!

Сверившись еще раз с картой Провидца, он убедился, что до сих пор шел правильно. Теперь ему предстояло идти прямо к горе, вершина которой отдаленно напоминала растопыренные пальцы человеческой руки. Где-то там, между «большим» и «указательным» пальцами, таился невидимый пока перевал, за которым, по утверждению Арюунэрэла, и была расположена долина «дзоппа», а в ней – деревня карликов.

В путь, однако, Ландсберг тронулся не сразу: несколько часов он собирал по окрестности камни и носил их к костру. Сложив снаряжение в компактную груду, он завалил пожитки камнями: если ему предстоит выбираться из долины тем же путем, снаряжение могло пригодиться. Он усмехнулся: может пригодиться, если он раздобудет в деревне вторую лошадь, и если без него кто-нибудь не разорит его схрон.

Навьючив лошадь, он двинулся по направлению к Пятипальцевой горе, поминутно оглядываясь и не выпуская из руки заряженный и снятый с предохранителя «маузер».

Хотя гора была, на первый взгляд, на расстоянии дневного пешего перехода, Ганс уже успел убедиться в обманчивости разреженного воздуха Тибетского плато, и не обольщал себя надеждами на то, что уже сегодня к вечеру может оказаться в долине карликов. Для этого еще предстояло преодолеть перевал, а прежде того - найти единственную, как утверждал Арюунэрэл, тропу для восхождения.

Между тем, буйная растительность долины, по которой шел Ганс, постепенно редела. Осматривая местность в бинокль, Ландсберг понял, что примерно через несколько часов пути траву и стелющийся кустарник сменит галечные россыпи и сухая оранжевая глинистая почва. Перестал попадаться на пути и рослый кустарник, годный для очередного костра.

Где-то далеко, у самого подножья Пятипальцевой горы, он приметил в бинокль небольшую рощицу акаций. И хотя роща была в стороне от кратчайшего маршрута Ганса, он без колебаний направился к ней. Ночевать без спасительного огня? Ландсберг не хотел и думать об этом: слишком свежо было в памяти ночное нападение на лошадь.

До рощи он добрался уже на закате. Позабыв о голоде и задыхаясь от нехватки воздуха, Ландсберг принялся яростно пилить неподатливую сырую древесину. Лишь когда рощица превратилась в груду топлива для костра, он бросил пилу и с полчаса просто лежал на земле, раскинув руки и ноги и слушая готовое выскочить из груди сердце.

Разведя костер, он про себя извинился перед лошадью: пастись ей было негде.

- Ничего не поделаешь, милая! – бормотал он, привязывая лошадь к вбитому в землю колу. – Ничего не поделаешь: хочешь поужинать – пожуй листья акации!

Самому ему нынче предстояло впервые в жизни попробовать мясо пары подстреленных пищух – небольших грызунов, похожих одновременно на сурков и на зайцев.

Кое-как освежевав тушки, Ганс насадил их на шомпол от винтовки и приладил над огнем, постоянно поглядывая на пса и лошадь. Однако нынче они вели себя спокойно. Постепенно успокоился и Ландсберг. Поужинав без всякого удовольствия, он завернулся в пару одеял (палатку, увы, пришлось бросить) и попытался заснуть.

Ночь прошла без происшествий, а утро Ганс начал с пилой в руках, превращая спиленные акации в пригодные для переноски вязанки топлива для будущих костров. Пару вязанок он добавил к лошадиным вьюкам, третью взвалил себе на плечи и двинулся на поиски тропы через перевал.

* * *

Эту тропу он нашел только через два дня. Нашел, чтобы тут же с горечью убедиться, что провести по ней лошадь не удастся: путь наверх оказался крут и узок. Пришлось расстаться с лошадью, хворостом и большей частью снаряжения. Проклиная всех «дзоппа», живых и мертвых, и поминая недобрым словом своего Провидца, Ландсберг расседлал лошадь и отпустил ее на волю. Оставшееся снаряжение пришлось опять прятать под кучей камней. Последний ночлег – он искренне надеялся на это – Ландсберг устроил прямо у начала тропы, надеясь на следующий день с утра начать трудное восхождение.

* * *

Уже стемнело, когда одинокий путник с собакой добрался до гребня перевала. Впереди чернела безжизненная с виду долина. Стиснув зубы, Ландсберг до боли в глазах всматривался через линзы бинокля в непроглядную темень, надеясь увидеть хоть один огонек – признак человеческого жилья. Увы…

Топлива для костра у Ландсберга не было – вся поклажа осталась далеко внизу. Закутавшись в два одеяла и стуча зубами от пронизывающего холода, Ганс расхаживал по

крохотной каменистой площадке на гребне, пытаясь выбрать оптимальный выход из ситуации.

Арюунэрэл покинул долину семь с лишним десятилетий назад. За прошедшее время многое могло измениться. Обитатели деревни карликов могли уйти отсюда, могли вымереть, наконец. Большую вероятность представляло то, что девяностолетний Провидец мог элементарно забыть дорогу в долину и указать на схеме не тот горный «палец». Мог ошибиться и сам Ганс, выбрав не ту тропу и очутившись у спуска в безлюдную долину. И что теперь ему было делать?

Продолжать путь – без палатки, без дров и прочего нужного снаряжения? Вернуться назад и попытаться найти другую тропу в нужную ему долину? Но найдет ли он ее?

В конце концов Ганс принял промежуточное решение: утро вечера мудренее! Несмотря на недовольное ворчание пса, он улегся рядом с ним и прижался к теплому шерстистому телу. Прикрикнул на собаку, которая не привыкла к такой «интимности» и попыталась отодвинуться подальше – и провалился в глубокий сон.

Впрочем, поспать удалось недолго: Ганс скоро проснулся от холода и тут же обнаружил, что проклятый свободолюбивый пес лежит в нескольких шагах от него. Пришлось снова вставать и шагать по крохотной площадке взад и вперед, приседая и размахивая руками, чтобы хоть немного согреться в движении.

Чувствуя, что может спятить от неопределенности положения и отсутствия выхода, Ландсберг едва дождался, пока облака на востоке посветлеют от восходящего солнца, сгрыз последнюю окаменевшую галету, выкурил сигару, показавшуюся ему на редкость горькой и противной. А когда рассвело, он без надежды взялся за бинокль и вновь направил линзы на проявляющуюся из сумрака долину. Направил – и невольно открыл от изумления рот: долина оказалась обитаема!

В густой зелени были видны хижины, из которых поднимались к небу тонкие струйки дыма, стали отчетливо видны клочки явно возделанных полей…

Ландсберг от полноты чувств исполнил на своей площадке некий дикий танец, звучно чмокнул ощетинившегося пса в мокрый нос и едва не бегом, оступаясь и падая, начал спуск в долину. На счастье, он оказался более пологим и широким, нежели подъем.

Спустя два часа он очутился среди людей, невероятно пораженных появлением в их долине человека из-за гор, да еще и европейца.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Монастырь–«скворечник»

Задремавших только под утро путников разбудил стук деревянной колотушки. Приподнявшись с неудобных лежаков-денов, друзья прислушались: стук возник где-то далеко, потом приблизился к двери их обиталища и снова начал уплывать и гаснуть. Путники как по команде повернули головы к Ландсбергу: кто, как не он, был лучшим среди них знатоком тибетского бытия?

- Ну, что вы на меня смотрите с таким ожиданием, друзья? – усмехнулся Ганс. – Это дежурный монах обходит спальную часть монастыря и призывает братьев восстать ото сна и приступить к первому из четырех циклов времяпровождения. Сейчас все монахи отправятся в общий зал, где рассядутся лицами к стене для двухчасовой медитации. И только потом наступит час утренней трапезы, после чего – снова медитация и молитвы. После этого трапы отправятся каждый на свой участок работы, чтобы 8 часов неустанно трудиться. И все повторяется заново…

- Не слишком весело, - заметил доктор Климов, раскуривая свою первую с утра египетскую папиросу. – Но вы упомянули незнакомое мне слово «трапы» - что это такое, мистер Ганс?

- Скорее, не что, а кто, доктор. Обитатели каждого тибетского монастыря – весьма пестрый мирок. Есть трапы – это простые монахи, которые еще не сдали экзамен на посвящение, есть ламы – их учителя и одновременно ученики более просвещенных и продвинутых лам. Есть упомянутый мной вчера омце – руководитель процесса обучения трапов. Далее… Впрочем, не буду забивать вам головы иерархией тибетских монастырей. Вы и сами со временем все узнаете, друзья.

- Мне кажется, все монастыри на свете в чем-то схожи, - глубокомысленно заметил Ивелич, раскуривая свою сигару. – И в православных обителях есть похожая иерархия, и, уверен, в католических и протестантских тоже.

- Кстати, о ваших папиросах, доктор. И о сигарах, которые так милы сердцам его сиятельства и моего: боюсь, что на время пребывания в монастыре либо придется забыть о курении, либо переходить на местные трубки. Все остальное считается у лам отвратительной привычкой и грубым нарушением местных канонов… О, не торопитесь гасить свои «цацки», господа! Вполне возможно, что в этом монастыре другие каноны, нежели в тех, где мне удалось побывать. В крайнем случае, вам скажут о неуместности курения сами хозяева. Голов за эту привычку не рубят, уверяю вас.

- Ну и ладно, - махнул рукой Ивелич. – Пока не запретили, сошлемся на нашу темноту в знании местных обычаев. Меня сейчас больше волнует другое: неужто нам придется сидеть взаперти еще пару часов, пока трампы и ламы набьют свои утробы? А как же, простите за прозу, в тибетских монастырях обстоит дело с отправлением естественных физиологических потребностей?

- Придется потерпеть, господа! – развел руками Ландсберг. – Обещаю, что как только к нам кто-нибудь явится, я задам этот вопрос в числе первых. Ваше сиятельство, я бы посоветовал вам сейчас же переодеться в придворный мундир. Мы – посланцы великого Белого царя, вы – наш глава. И не должны выглядеть, как ремесленник. Мундир, да еще с орденами непременно произведет на местное начальство неизгладимое впечатление, уверяю вас!

Ивелич подозрительно поглядел на Ландсберга: за время экспедиции тот часто подтрунивал над его графским титулом – впрочем, вполне беззлобно.

- Да-да, Марк! – тут же поддержал Ганса Климов. – Доставай-ка из мешка свой мундир – надеюсь, он не слишком помялся за время наших странствий. И бумаги с царским вензелем приготовь – они не будут лишними в переговорах.

Едва Ивелич успел надеть сверкающий шитьем и пуговицами мундир, как стукнул отпираемый засов, и дверь распахнулась, пропуская небольшую процессию из нескольких трапов в сопровождении тучного ламы в желто-оранжевых одеждах. Заметив среди гостей монастыря человека в нарядном мундире, тот заметно смутился и поспешил отвесить глубокий поклон.

- Кланяйтесь, кланяйтесь, господа! – прошипел по-русски Ландсберг. – А вам, граф, вполне достаточно лишь слегка наклонить голову.

Выступив вперед, Ганс разразился длинной фразой на тибетском наречии. Лама ответил речью покороче и снова согнулся в поклоне. Ландсберг, возвысив голос, снова произнес нечто длинное, величественно указал на Ивелича и сам ему поклонился. Трапы, застенчиво улыбаясь, тоже закланялись и принялись выгружать на скамейку, назначение которой друзья вчера так и не поняли, принесенные блюда. Их было не слишком много – несколько глиняных мисок с каким-то порошком, блюдо с лепешками и чайник. Последовала серия обоюдных поклонов, после чего монахи со своим начальником, пятясь,

выбрались из комнаты. Дверь на сей раз на засов запирать не стали, и даже оставили слегка приоткрытой.

- Ну, мистер Ландсберг, не тяните! – тут же потребовали друзья. – О чем вы так мило беседовали с этим ламой? И почему не преподнесли ему пояс? И что это такое в мисках?

- Это всего лишь помощник здешнего ректора, омцы. Слишком мал чином, чтобы получить шелковый пояс, или ката. Что касается мисок, то в них цампа, то бишь жареная ячменная мука, ломтики вяленого мяса и масло из молока яков. В чайнике, как легко догадаться, чай. Только имейте в виду, господа: он соленый! Ну, что? Приступим к трапезе, господа! Сейчас я расскажу, как все это надо правильно есть, а потом побеседуем о начале переговоров.

- Может, сначала о переговорах? – поднял брови Ивелич. – Мне кажется, это важнее, нежели засорять желудок какими-то жареными отрубями с соленым чаем…

- Делайте, как я говорю, господа. Мне кажется, что за дверью притаился один из монахов. Если он донесет ламам, что гости пренебрегли едой, они могут счесть это оскорблением! И дальнейших переговоров может и не быть! Итак, наливайте в миски с цампой немного чаю, перемешайте до получения кашицы, сдобрите маслом и ешьте. Вот так, - Ландсберг налил в свою миску чай, помешал там пальцем, добавил масло. – Все это делается, увы, руками, господа. Руки потом в Тибете вытирают об одежду или о волосы…

Не выдержав, он расхохотался:

- Простите, ваше сиятельство. Я просто представил себе ваш придворный мундир после тибетской трапезы. Мы, разумеется будем пользоваться своими ложками, а за неимением салфеток – полотенцами.

Друзья с некоторым недоверием попробовали цампу с чаем и маслом, пожевали тонкие ломтики вяленого мяса. Лепешки, как и предсказывал Ландсберг, оказались черствыми и к тому же покрытыми слоем пыли – на них никто из путников не позарился.

- Ну, а теперь о первом обмене речами, господа. В своем вступлении я спросил у посланца ринпоче – так именуется главный настоятель монатыря – знает ли он, что наш царь – одно из воплощений великого Будды[1]? Омце сказал, что знает это, но не может себе представить, чтобы четверо европейцев проделали без помощи местного населения столь трудный и далекий путь…

- Не совсем поверил, стало быть? – подсказал Климов.

- Видите ли, я уже говорил вам, друзья, что верховный правитель Тибета, Далай – лама, отправляя в Петербург делегацию Доржиева, не счел нужным оповестить своих подданных о принятом решении. К тому же, власть в Тибете, хоть и имеет признаки цивилизации и централизации, все же несколько отличается от европейской… В общем, я попросил передать ринпоче нашу благодарность за приют и помощь в восхождении по опасной тропе. Сказал, что мы прибыли сюда хоть и с неофициальным визитом, но по важному делу. Помощник ректора первым делом поинтересовался: верно ли ему сообщили, что один из нашедших в монастыре приют путников – «дзоппа»? Я подтвердил это, и тут же сообщил, что все мы, включая Арюунэрэла, получили на свое путешествие благословение великого Белого царя с Севера. Помощник ректора пообещал, что передаст все ринпоче и сообщит нам его ответ.

- Стало быть, нас примут на высшем, так сказать, уровне? – допытывался Ивелич.

---

[1] Российский подданный Агван Доржиев в числе семи высших учёных лам состоял при Далай-ламе XIII, участвуя в его обучении буддийской философии и литературе. Став фактически первым министром двора Далай-ламы XIII, Доржиев всюду его сопровождал, заведовал финансами страны. С дипломатическими поручениями Доржиев часто бывал России, несколько раз получал личные аудиенции Николая II. В июне 1901 года император принял в большом зале Петергофского Дворца особую миссию Далай-ламы. Тибетское посольство везло с собой сундук. Преподнося Николаю II вынутые из сундука одеяния, глава посольства сказал: «Это подлинные одежды Будды, к которым никто после него не прикасался. Тебе одному принадлежат они по праву, и ныне прими их от всего Тибета».

- Не факт, - покачал головой Ландсберг. – Но этот уровень нам пока и не нужен, друзья. Нам важно узнать – не были ли несколько лет гостями монастыря сектанты из России? И если да, то чему они здесь научились. А вот если их здесь не было – придется добиваться аудиенции ринпоче: только он может снестись с высшими ламами других монастырей и узнать – где именно были «странники».

- А как он это сделает? – поинтересовался Климов. – Пошлет по окрестным монастырям гонцов?

Ландсберг помолчал, жуя крепкими зубами вяленое мясо и переводя внимательный взгляд с Ивелича на Климова.

- Знаете, о чем я сейчас подумал, господа? – заговорил он. – О том, что если бы старец Никитин не продемонстрировал бы нам свои способности, то вряд ли вы поверили бы тому, что сейчас услышите. Просвещенным ламам не надо идти к своему «коллеге» в соседний монастырь, чтобы пообщаться с ним. Я много раз слышал о реальном телепатическом общении между ламами в Тибете. И верю в то, что здесь это возможно. Да и «странник» Никитин, ежели помните, общался с моим Провидцем на расстоянии.

- Стало быть, если «бегунов» здесь не было, то ваш ринпоче может организовать своего рода «телепатическую конференцию» и добыть нужные нам сведения?

- Я полагаю, что да. Но не факт, что он это сделает, даже если мы получим у него аудиенцию, господа! Тибет – это не только другая раса, иной менталитет – это вообще другой мир, друзья мои. Господин Ивелич, не исключено, что только вы сподобитесь свидания с ринпоче, ежели до этого дойдет. Упаси вас Боже уверять его, что мы им симпатизируем, или что они наши друзья! Мудрые люди тонко чувствуют ложь, а уж о продвинутых ламах и речи нет, - Ганс взмахнул рукой. – Продвинутых последователей учения Будды вокруг пальца не обведешь.

- И что же я должен сказать, если ринпоче спросит о причинах нашего интереса к сектантам? Что государю позарез нужны знания Тибета, чтобы остановить державу, катящуюся в пропасть? Про пророчества о гибели императора и его семьи?

- Я считаю, что вполне достаточно будет сообщить, что «странники» используют полученные ими в Тибете знания во вред обществу и государю императору. И что это накладывает на тех, кто учил их, определенные обязательства.

- В конце концов, так оно и есть, Марк! – поддержал сингапурца Климов. – Вот только стоит ли обвинять тибетцев в том, что они подарили мощные знания проходимцам?

- Не стоит, - согласился Ландсберг. – Но я имею в виду не обвинения, а намек на обязательства. Впрочем, не будем опережать события, господа! Линию поведения мы наметили, но ход сейчас не наш. Надо подождать ответа римпоче.

* * *

- Не понимаю! – сварливо бурчал Ивелич, раздраженно укладывая пожитки. – Не понимаю, почему бы им не соорудить нормальную лестницу, или придумать еще что-то, что способно облегчить проблему спуска и подъема в свой «скворечник»? Я насчитал здесь не менее трех десятков только трапов, около двух десятков лам, да еще и миряне-прислужники. Если вооружить эту орду сытых бездельников кирками и обязать их хотя бы один час в день поработать на тропе – через пару недель здесь был бы вполне приличная дорога! Лично я страшусь предстоящего спуска еще больше, чем подъема сюда! Хотя бы и в связке с опытными местными скалолазами…

- Было бы хуже, если бы нас отпустили без предложенной помощи, Марк! – Климов, пыхтя, утрамбовывал свой дорожный мешок. – Что до меня, то я жду не дождусь, пока не выберусь отсюда и впервые за пару недель со вкусом выкурю папиросу-другую. К тому же я серьезно испортил себе желудок проклятой цампой с чёрте-каким маслом! Уж лучше

наша дорожная похлебка, право! Я уж не говорю о местных «ароматах», которые навсегда застряли у меня в ноздрях!

- Не ворчите, господа! – миролюбиво заметил Ландсберг. – В конце концов, мы добились главного: аудиенции у римпоче. А тот снизошел к нашим просьбам, и не только сообщил нам адрес монастыря, куда попали «странники», но и любезно дал нам парочку проводников.

- Да, но ведь «странники» провели там немного времени и получили, так сказать, основы. А основной «цикл образования» им дали местные колдуны и маги, - напомнил Климов. - Стоит ли нам бить ноги в тот монастырь? Может, сразу пойдем искать колдунов?

- Римпоче не советовал этого делать, - напомнил Ивелич. – Да и проводникам дана четкая команда: монастырь. Впрочем, давайте сначала благополучно спустимся, не переломав при этом ноги и шеи. А уж потом решим – куда идти. Тем более, что ориентиры скопища колдунов Тибета у нас имеются – это район черных скал вокруг священной горы Кайлас.

В дверь постучали, и появившийся на пороге рослый трапа, поклонившись гостям монастыря, произнес короткую фразу. Ландсберг перевел сказанное:

- Пора, господа! Поклажу нужно оставить здесь, ее возьмут носильщики… Ваше сиятельство, зачем вы привязываете к ботинкам пластинки с шипами? Это нужно сделать на площадке перед входом в монастырь…

- Береженого и Бог бережет, - отрезал Ивелич, продолжая оснащать свою обувь когтистыми «калошами».

Друзья вышли на площадку, и сразу ощутили на себе морозное дыхание горного Тибета. Вершины горы, к которой прилепился монастырь, не было видно из-за каменного «козырька», нависшего, казалось, прямо над головой. Порывистый ветер гнал сверху клочья тумана, которые образовали внизу плотное облако. Вышедшие следом трапы деловито готовились к трудному пути вниз: одни навьючивали на себя кладь путников, другие становились в связку. Вышедший попрощаться с посланцами Великого Белого царя омце лично расставил скалолазов. Между каждой парой монахов ставили одного из гостей.

Ивелич широко перекрестился и недоверчиво пощупал веревку, которой был связан с двумя монахами. Натянуто улыбаясь, он крикнул:

- Господа, ведь нам же предлагали остаться в монастыре и постичь тибетскую науку здесь! Ну, что такое пять-шесть лет, господа? Я, кажется, готов питаться их отвратительной цампой десять лет, лишь бы избежать этой «тропы самоубийц»!

- Марк, ты бы лучше проверил крепление своей обуви, - откликнулся Климов. – И палку с наконечником держи левой рукой, со стороны пропасти.

- Господа, все будет хорошо! – подбодрил товарищей Ландсберг. – Главное – не паниковать и поменьше глядеть вниз. Если у кого закружится голова – садитесь на тропу. Идите ровно, ориентируйтесь на первого в связке. Прежде чем наступить на камень, проверяйте его посохом – не шевелится ли? Старайтесь не дергать веревку. Ну, с Богом! Ваше сиятельство, прекратите сквернословить: вы же только что осенили себя крестом…

Все на свете имеет свое начало и свой конец. Кончилась, наконец, и казавшаяся бесконечной извилистая крутая тропа. Почувствовав себя на равнине, Ивелич с проклятиями освободился от веревки и поспешно отошел от подножия скалы подальше.

- Куда ты бежишь, Марк? -со смехом окликнул его Климов. – Боишься, что наши скалолазы передумают и снова повлекут тебя наверх?

Наконец, с тропы сошел последний монах с поклажей. По-прежнему улыбаясь, трапы сложили имущество экспедиции в кучу, разом поклонились гостям и тут же засобирались снова наверх.

- Илья, у тебя, кажется, была фляжка с коньяком? – окликнул Ивелич. – Дай-ка ее сюда: нужно отметить наше благополучное возвращение на грешную землю.

Ландсберг рассмеялся:

- Мы находимся на плато высотой примерно 13 тысяч футов над уровнем моря, мистер Ивелич. Так что до земли в нашем понимании еще далековато… Ну что, господа? Сразу двинемся за нашими проводниками в другой монастырь, или передохнем здесь? А заодно и хорошенько подумаем о дальнейшем маршруте. Я попробую разговорить наших монахов насчет пути на юг: надеюсь, вдали от лам и своего омце они будут более разговорчивыми.

Путники быстро поставили палатки, развели костер. Ландсберг усадил монахов у огня и достал из мешка несколько плиток шоколада. Как он и предполагал, диковинное сладкое угощение привело трапов в восторг.

Ивелич распаковал спальный мешок из шкуры яка и отправился в палатку, заявив, что провел перед спуском бессонную ночь и ему необходимо хоть несколько часов подремать. Доктор Климов воспользовался случаем и увел молчаливого Арюунэрэла в другую палатку: во время пребывания в монастыре у него накопилось к Провидцу немало вопросов.

Короткий зимний день скоро сменился вечерними сумерками, а потом и непроглядной тьмой. Отдохнувшие путники собрались у костра, чтобы окончательно решить – куда им идти? Монахи же, уяснив, что сегодня никто никуда не пойдет, залезли в свободную палатку и блаженно заснули.

Первым слово взял Ландсберг:

- Господа, я не навязываю своего мнения, а только передаю то, что узнал от наших проводников. Первое: до монастыря, где наши «странники» пробыли несколько месяцев, два-три дня пути – разумеется, если не будет снежных бурь. Максимум, что нам там предложит – остаться учить тибетский язык и приобретать новые знания. Примерное время обучения нам уже назвали: пять-шесть лет. И это без гарантии того, что мы приобретем именно те знания, которые помогут государю. Теперь второй вариант: путь на юг, к Кайласу. Именно к его черным скалам и пошли наши «странники», которых тоже не устроило столь длительное время обучения.

- Чего они хотели, мы теперь тоже знаем, - вставил доктор Климов. - Они жаловались тамошнему римпоче на притеснения, чинимые их единоверцам у себя на родине. И хотели научиться повелевать людьми. Поэтому они выбрали, скажем так, «школу колдунов». Там время постижения знаний гораздо короче, около полугода. Правда, истинные последователи Будды не одобряют науку колдунов. Хотя и признают, что в функции официального ламаизма входит подчинение демонов, перевоспитание их в покорных слуг, а в случае непокорности обезвреживание или уничтожение. То есть то, чем и занимаются колдуны… Но я вас перебил, мистер Ландсберг. Продолжайте, прошу вас!

- Согласно канонам ламаизма, тело человека — это своего рода «одежда», принимаемая душой для перевоплощений в мире плотной материи. Но у души каждого человека есть еще и… Назовем это «нижним бельем», в которое душа одета для промежуточного пребывания в мире околоматериальном, невидимом. Колдуны Тибета владеют способами превращать это «нижнее белье» в прочную оболочку. Насколько я понял римпоче, эта оболочка не выпустит из себя бессмертный дух человека. Она не даст ему очиститься, но зато дает возможность стать невидимым воином-духом, для которого открываются новые захватывающие перспективы. Прилежный ученик сможет мгновенно переноситься через пространства, видеть самые потаенные уголки жизни людей, силой мысли и воли влиять на поведение тысяч людей, делая их своими слугами и рабами… Вам сказанное ничего не напоминает, господа?

- М-да, - протянул Климов. – Так вот чему учились в Тибете русские «странники»… Черт возьми, после общения с нашим «другом» Никитиным и тем, что я успел увидеть в Тибете, я готов поверить во многое, мистер Ганс. Во многое, но не во все! Можно научиться повелевать людскими массами, согласен. Телепатическое общение – тоже приемлемо. Но мгновенно переносить свое материальное тело через огромные расстояния – это, простите, больше похоже на сказку… Это не укладывается в голове!

- А то, что Земля является шаром, а не плоским блином – у вас укладывается, доктор? Не надо отвечать, этот спор уведет нас далеко в сторону, господин Климов. Как говорят у вас в России – за что купил – за то и продаю… Давайте посчитаем, господа! «Странники» Никитина отсутствовали в России около 18 месяцев. Вычтите время, которое им потребовалось, чтобы добраться до Тибета: это примерно три месяца. Плюсуем 8 месяцев, которые они провели в монастыре – получается около года. И минимум полгода учебы у колдунов – получается как раз 18 месяцев, господа. А теперь кто ответит мне на вопрос: куда делось два-три месяца на обратную дорогу «бегунов» в Костромскую губернию?

- Стало быть, вы убеждены, что сектанты научились если не мгновенно, то за очень короткое время перемещаться географически? – подался вперед Климов. – Допустим, как бы дико это не звучало. Но нам-то это к чему?

- Не скажи, Илья! – покашлял Ивелич. – Не скажи! Лично я не отказался бы от такой возможности быстро попасть домой. Но давайте спустимся с небес на землю, господа. Пока нам нужно решить весьма простую дилемму: либо идти в монастырь, где были «бегуны», либо сразу сунуться черту в зубы. До монастыря – два-три дневных перехода, а до черных скал?

- Один из наших проводников, которым я скормил половину нашего шоколадного НЗ, родом из небольшого поселения к югу от точки, в которой мы сейчас находимся, - немедленно вставил Ландсберг. - Туда, с учетом трудностей передвижения по снегам, примерно четыре-пять дневных переходов. Это – минус. Однако там мы сможем раздобыть лошадей или яков – безусловный плюс. К тому же, этот монах утверждает, что примерно через два-три перехода мы покинем снежную зону Нагорья, и сможем двигаться быстрее. Тем паче – на лошадях. Горы и холмы с нашего пути никто, разумеется, не уберет, но там есть вполне приличные, по утверждению монаха, дороги к Кайласу. И чем мы ближе будем подбираться к этой священной горе, тем лучше будут эти дороги: они нахожены многими тысячами ног паломников.

- Господа, вам не кажется, что мы «заболели» типично русской «болезнью интеллигентов»? – крякнул Климов. – Я имею в виду нерешительность и способность заболтать любое дело. Предлагаю просто проголосовать. Причем дадим право голоса и нашему Арюунэрэлу – черт возьми, он такой же участник экспедиции, как и все мы!

Возражений не последовало. Тогда Ганс, взявший на себя роль председательствующего, откашлялся и вопросил:

- Кто за путь в монастырь, откуда нам рано или поздно все равно придется двигаться по следам «странников»? Арюунэрэл, ты понимаешь, о чем мы тут говорим?

- Да, господин, - по-русски ответил тот. – Кайлас, господин.

- Хорошо, тогда кто еще за путь на юг? – и первым поднял руку, оглядывая товарищей.

Поднялась рука Климова. Доктор сердито повернулся к Ивеличу:

- Марк, какого черта?

- Наверное, вы все правы, господа, - вздохнул Ивелич. – А я стал старой развалиной, которая, собираясь в экспедицию, не отдавала себе отчет, что мне уже не 30 лет. Я тоже за Кайлас, господа!

- Стало быть, решено, - резюмировал Ландсберг. – Завтра утром мы отправим наших проводников обратно в свой «скворечник» и самостоятельно двинемся на юг.

РЕТРОСПЕКТИВА -18 В долине карликов

Приближаясь к небольшой группе работающих в поле людей, Ландсберг мимоходом отметил, что карликов среди них нет. Крестьяне, побросав нехитрые орудия труда, сбились в кучу и показывали друг другу на приближающегося к ним человека с большой собакой. Взгляды и жесты были опасливые и настороженные, и только тут Ганс сообразил, что спешит к людям закутанным в два одеяла. Крякнув, он поспешно «раскуклился», а заодно пристегнул к ошейнику пса освободившийся ремень.

Умерив шаги и переведя дыхание, он постарался придать лицу как можно дружелюбное выражение, и подойдя к людям, слегка поклонился и поприветствовал их на тибетском наречии.

Крестьяне переглянулись с выражением крайнего удивления на лицах: нежданный гость говорил на их языке! Люди закивали в ответ, настороженность на их лицах сменило любопытство. Вперед выступил сморщенный старичок и улыбнулся показав беззубые десны:

- Приветствуем и тебя, человек из-за гор! Скажи, как ты нашел нашу долину? Или ты просто заблудился в горах и вышел к нам случайно?

- Нет, я искал эту долину. Это ведь деревня Янсы, если не ошибаюсь?

В ответ послышался хор удивленных возгласов: человек из-за гор знал название деревни и шел сюда специально! Это было поразительно.

- Да, наша деревня называется Янсы, незнакомец. Но как все же ты нашел нас? – допытывался старик. – Ни я, ни мои родители не помнят, когда сюда в последний раз приходили чужие. Люди за горами забыли дорогу сюда, или вовсе не знают ее. Кто ты, человек из-за гор?

Прислушиваясь к речи старика, Ландсберг отметил, что что говор обитателей Янсы несколько отличается от тибетского языка, на котором общаются люди с Нагорья. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: затерянные в труднодоступной долине, здешние обитатели говорили на языке своих предков.

- Меня зовут Ганс. Я странник, и пришел в вашу страну с далекого севера.

- Странник? Человек, у которого нет своего дома и своей деревни?

Ландсберг внутренне поморщился: ну как объяснить этим детям природы, кто такие путешественники и зачем они бросают свои дома и странствуют по свету? Он вздохнул:

- У меня есть свой дом и своя деревня. А странствую по свету я затем, чтобы посмотреть, как живут другие люди. Вы позволите мне немного пожить в вашей деревне и поближе познакомиться с вами? Кстати, я голоден! Или жители Янсы настолько не любят чужаков, что не предложат мне чашку цампы и глоток чая?

Старик спохватился.

- Конечно, мы накормим тебя и свою собаку и покажем свою деревню. Меня зовут Бяньба, и я помощник старосты нашей деревни. Пойдем с нами, Ханьс! Ты ведь сможешь заплатить за ему и крышу над головой? Наша деревня очень бедна, и того, что дает нам наша земля, едва хватает для нас самих.

Повернувшись, старик велел одному из крестьян бежать в деревню и предупредить старосту о том, что к ним пришел человек из-за гор. Сделав приглашающий жест он поковылял в сторону деревни. Остальные крестьяне, окружив Ганса, пошли следом. Они без стеснения щупали одежду Ландсберга, трогали его винтовку. Как ни странно,

наибольший восторг у крестьян вызвала обувь Ганса – крепкие высокие кожаные ботинки с блестящими крючками и шнурками, сделанными из бычьих жил.

Вот как, подивился про себя Ганс. Традиционное тибетское гостеприимство здесь, оказывается густо замешано на товарно-денежных отношениях!

- Конечно, я заплачу вам, - вслух произнес он. – Но скажи мне, человек, родившийся в субботу[1], зачем вам деньги, если вы не общаетесь с миром за горами? И какие именно деньги вам нужны? Китайские или индийские?

- Разумеется, китайские монеты, - кивнул старик, и Ганс про себя отметил, что тот проигнорировал другой вопрос, про потребность в деньгах вообще.

Встретила Ландсберга вся деревня. У крайнего дома столпились женщины, мужчины и вездесущая ребятня. Ганс снова сделал себе пометку в голове: ни одного карлика!

Что за чертовщина, - подумал он. Куда подевались все карлики? Провидец утверждал, что маленьких людей в деревне Янсы примерно одна треть. Неужели они переселились отсюда в какое-то другое место?

Его так и подмывало задать вопрос про карликов, однако он решил сначала поближе познакомиться с деревенскими обитателями и получить хотя бы минимальный «вотум доверия».

Старостой деревни оказался старик еще более почтенного возраста, чем Бяньба. Видимо, он успел как следует подготовиться к визиту человека из-за гор и надел на себя всю одежду, которая была под рукой. Знаком власти старосты служил, очевидно, посох с костяным набалдашником, да еще невесть как попавшие в затерянную долину очки. Одного стекла в очках не было вовсе, а второе покрывала такая густая сеть трещин, царапин и грязи, что пользоваться подобной оптикой было весьма затруднительно.

Староста с достоинством поклонился гостю и представился: Чжан-вандю. Имя подтверждало предположение Ландсберга о том, что население деревни было помесью тибетцев и ханьцев[2]. Первым делом староста осведомился, надолго ли пришел в деревню человек из-за гор, и есть ли у него деньги, чтобы платить за еду и ночлег. Словно мотивируя такую бесцеремонность, староста принялся жаловаться на бедность местных жителей и при этом обронил фразу, насторожившую Ганса:

- Да-да, наша деревня очень бедна. К тому же, мы вынуждены помогать проклятым потомкам небесных «дзоппа». А что поделаешь? – доверительно разглагольствовал староста. – В жилах этих карликов и наших жилах течет одна кровь.

- Карлики? Но я не вижу среди вас ни одного человека маленького роста, - закинул удочку Ландсберг.

- Раньше они жили вместе с нами, - пояснил Чжан-вандю. – И долго это считалось у нас обычным: ведь и в семьях жителей Янсы иногда рождаются дети, которые в 5-6 лет перестают расти и остаются карликами. Но что же мы стоим здесь, на улице? Ты Ханьс, наверняка устал и проголодался, тебе надо отдохнуть.

Староста оглянулся и приказал одному из мужчин:

- Веди человека из-за гор в свой дом, Читя[3]. Он будет жить у тебя. Ханьс, когда ты поешь и отдохнешь, приходи в мой дом, - староста небрежно показал рукой на свой дом, который, вопреки ожиданиям Ландсберга, оказался ничем не отличающимся от других. –А когда ты придешь, то расскажешь о своих странствиях по свету и сможешь задать вопросы.

---

[1] Бяньба – по-тибетски означает субботу. Обитатели Тибетского нагорья часто дают детям имена, связанные с днем рождения или природными субстанциями.

[2] Национальность Хань - наиболее многочисленная этническая группа, как в Китае, так и по всему миру.

[3] Имя Читя в переводе означает «собачий помет». Так в Тибете называют и мужчин, и женщин, в чьих семьях рождается мало детей, или же они умирают.

Человека с именем Читя, судя по выражению его лица, не слишком обрадовался постояльцу. Но делать нечего, решение старосты тут не обсуждается. Поклонившись Гансу, он сделал приглашающий жест рукой и побрел по короткой улице.

- Почему у тебя такое скверное имя? – поинтересовался Ландсберг. – О чем думали твои родители, когда давали тебе твое имя?

Читя уныло пожал плечами:

- Я не знаю, о чем они думали, пришелец. Помню, что у меня было несколько братьев и сестер, но все они умерли от какой-то болезни. И меня, последнего ребенка в семье, назвали так – видимо, думали, что тоже умру. Заходи, чужестранец. Твоя собака будет жить с тобой, или ты привяжешь ее во дворе? Если с тобой, то за нее тоже придется заплатить – таков у нас обычай.

Все дома в деревне оказались на один манер: сложенные из плоских камней без всяких признаков крепящего раствора. Низкий первый этаж был практически пустым, если не считать нескольких куч овощей. Его перекрывали несколько скверно обтесанных балок, а в качестве настила использовались тонкие стволы каких-то деревьев, застеленные хворостом. Все это хлипкое убожество покрывали домотканые ковры. На втором этаже, в отгороженном такими же коврами углу и жила семья – сам Читя, его жена и трое ребятишек. Когда Ландсберг по кривой лестнице забрался на жилой этаж, все сооружение затряслось, сучья под коврами угрожающе трещали.

- По-моему, на Тибете нередки землетрясения, - заметил хозяину Ганс. – Разве в вашей долине их не бывает?

- Да, иной раз боги гневаются, и земля трясется под их шагами, - согласился Читя.

- И эти ваши дома выдерживают «гневную поступь богов»? – недоверчиво поинтересовался Ганс.

- Нет, чужестранец, они рассыпаются, - простодушно ответил хозяин. – Но когда боги перестают топать, мы складываем свои дома заново.

- Теперь понятно, почему первые этажи ваших домов пусты и там никто не живет, - кивнул Ландсберг. – Ладно, Читя, скажи мне – сколько я тебе должен за постой и еду?

- Смотря сколько ты собираешься прожить здесь, - оживился хозяин. – В день ты будешь платить мне… пять мао.

- Пять мао? – поразился Ганс.

- Но это же за ночлег, еду и за твою собаку, - робко напомнил Читя, подумав, что чужестранец возмущен дороговизной «сервиса».

Однако Ландсберг был поражен скудностью запрошенной суммы. В Синине он заплатил 4 ляна, или таэля[1] за один сытный обед. Еще два таэля хозяин харчевни содрал с него за блохастый коврик с подушками в комнате для сна.

- Я сам и моя собака едим много, - решительно заявил Ганс. – Нам нужно мясо. У тебя есть мясо?

Хозяин уныло покачал головой:

- В деревне очень мало домашнего скота, и забивают его редко. Если ты предпочитаешь мясо, то его надо покупать у карликов. Но это страшно дорого, чужеземец! За одного теленка карлики спросят не меньше 20 -25 лянов!

Ганс сбросил на пол дорожный мешок и достал из него кошель с разной валютой. У него были и китайские ляны, и индийские рупии, и юани Внутренней Монголии. Он отсчитал тридцать серебряных монет и протянул хозяину:

- Держи! Сегодня же сходи к карликам и купи теленка. Вели его забить и положить на лед, если таковой у вас имеется. Если нет – принеси несколько фунтов свежатинки, а

[1] До начала XX века основной денежной единицей в Китае был серебряный лян, или таэль, равный 10 мао и 100 фыням.

остальное карлики пусть закоптят. Оставшиеся пять лянов – тебе, за пять дней моего постоя. Ты доволен?

Читя принял монеты обеими руками и благоговейно поднес их к лицу, словно намеревался умыться серебром.

- Да, чужестранец, я очень доволен. Но… Если ты скажешь старосте, сколько мне заплатил, он отберет у меня половину, если не две трети…

- Понял, - кивнул Ганс. – Я никому ничего не скажу. И ты смотри, не болтай! Но помни, Читя: я заплатил тебе очень щедро. И поэтому ты окажешь мне дополнительные услуги.

Тот радостно закивал, не спрашивая про характер услуг.

Вознаградив себя за бессонную ночь на перевале несколькими часами сна, Ландсберг обнаружил, что его хозяин еще не вернулся. Поэтому пришлось ужинать тем, что предложила ему хозяйка - сыром из ячьего молока, чашкой пережаренной муки и горячей лепешкой. Вздохнув, Ганс спустился по шаткой лестнице на хозяйственный этаж, привязал пса и пошел с визитом к старосте, втайне надеясь, что тот наверняка предложит ему что-нибудь более основательное. С собой он захватил лишь гипсовый слепок следа ночного «гостя», который с легкостью свернул шею его лошади. Вспомнив алчный взгляд хозяина, которым он поедал объемистый кошель с деньгами, Ландсберг положил свой мешок возле пса, приказав ему охранять.

Однако Чжан-вандю «угостил» гостя лишь массой вопросов, по большей частью наивных. Когда вопросы старосты иссякли, Ганс принялся выяснять то, что интересовало его.

- Чжан-вандю, у вас в деревне есть какая-нибудь лавка? Есть торговцы?

Ответ был отрицательный.

- Ты говорил мне, что деревня живет обособленно от остального мира. К вам никто не приходит, и вам, выходит, просто некуда тратить деньги. Тогда зачем ты спрашивал про оплату за постой?

Староста пожал плечами:

- К нам и вправду никто никогда не ходит. Но женщины деревни прядут пряжу, делают ковры. И несколько раз в году мы посылаем людей за горы, в окрестные большие деревни, чтобы они поменяли пряжу и ковры на самое необходимое для нас. В основном – на инструменты для возделывания полей. Если у нас будут деньги, мы сможем купить за горами лишнюю лопату или тяпку.

Староста не сводил глаз со слепка, завернутого в тряпицу. Ландсберг усмехнулся: наверняка старик рассчитывает, что гость явился к нему с подарком.

- Чжан-вандю, за два или три дневных перехода до перевала ночью кто-то напал на одну из моих лошадей и убил ее, свернул шею. А вторая лошадь и собака были настолько испуганы, что мне едва удалось их успокоить. Когда настал день, я обнаружил рядом с убитой лошадью странный след – такого я прежде никогда не видел. Я сделал слепок с этого следа, чтобы спросить у знающих людей – кто это был?

Развернув тряпицу, он показал гипсовый отпечаток старосте. Тот испуганно отодвинулся подальше.

- Это был дикий человек, Ханьс. Тебе очень повезло, что он напал только на лошадь и не тронул тебя.

- Дикий человек?

- Да, Ханьс, в горах Тибета кое-где живут дикие люди. Они огромного роста, не носят одежду и все заросли длинной рыжей шерстью. Люди в деревнях за горами рассказывают, что иногда дикари поселяются рядом с их деревнями, нападают на их скот и портят их поля. Если их рассердить, они нападают и на человека и съедают его. Несколько раз мои люди,

посланные с пряжей и коврами, видели дикарей. А трое вообще не вернулись к своим семьям. Напрасно ты принес отпечаток следа дикого человека в нашу деревню, Ханьс! Это может приманить диких людей к нашу долину. Лучше разбей его.

- Ну уж нет! Я отнесу отпечаток в большой мир и покажу его ученым людям, - Ландсберг завернул слепок в тряпицу и сменил тему разговора. - Скажи мне, почему в вашей долине люди обычного роста и карлики живут в разных деревнях? Ведь ты упоминал, что вы с ними одной крови, не так ли?

- Да, сколько помнят наши старики, карлики всегда жили вместе с нами. Но потом два лета подряд наши поля были уничтожены падающими с неба кусками льда вместо дождя. А двум нашим старейшинам приснился один и тот же вещий сон: боги сказали им, что виноваты во всем злые карлики. Жители нашей деревни собрались и решили, что те должны жить отдельно.

- Не понимаю, - потряс головой Ландсберг. – Ты же сам говорил про то, что помогать им жители Янсы не прекратили. Да и как не помогать, если карлики – ваши родственники. Зачем же вы их выгнали?

- Такова была воля богов, - неопределенно отозвался староста.

- А почему ты назвал их проклятыми потомками «дзоппа»?

- Ты чужой в наших краях, Ханьс, - закряхтел староста, которому явно не нравились вопросы про взаимоотношения с карликами. – И тебе трудно понять нас…

Ландсберг решил немного приоткрыть карты:

- Вот что, Чжан-вандю. Я хоть и пришлый в вашей долине, однако знаю про карликов гораздо больше, чем ты думаешь. Все в вашей деревне являются потомками Сынов неба, «дзоппа». Много тысяч лет назад они спустились с неба на своих гремящих лодках и приказали местным жителям дать им женщин для продления рода. Да, «дзоппа» жили очень долго, гораздо дольше, чем люди – но они не были бессмертными. Поэтому они хотели оставить потомство, которому можно было передать свои великие знания. Со временем все Сыны небу умерли, а их потомство продолжало жить в этой деревне. Иногда у женщин, вместо обычных детей, рождались маленькие «дзоппа», и люди ненавидели их, потому что помнили, что поначалу Сыны неба истребляли их. Человечков с большими головами и длинными пальцами убивали – но ведь для их матерей это были их дети! Они пытались прятать их в дальних пещерах, и если удавалось сохранить им жизнь несколько лет, деревня принимала выросших «дзоппа». Потом их все равно выгоняли из Янсы, и «дзоппа» шли куда глаза глядят. Иногда их убивали жители других деревень, иногда они находили приют в монастырях Нагорья. Они никогда не возвращались, Чжан-вандю! Разве не так все было? И разве это правильно – убивать своих детей только потому, что они не похожи на остальных?

По мере рассказа Ганса глаза старика заполнял ужас. Когда Ландсберг замолчал, староста едва вымолвил:

- Откуда ты знаешь все это, человек из-за гор? Может, ты демон или великий колдун? Тогда тебе надо уйти от нас: мы хотим жить так же, как жили всегда.

- Я не демон, староста. А знаю всё это я от своего маленького друга, которого называю Провидцем. Он «дзоппа», который когда-то родился в вашей деревне и которого вы выгнали из долины. После долгих странствий он нашел приют в моем доме и стал моим другом.

- И ты пришел к нам, чтобы отомстить за него и других «дзоппа»?

- Зачем мне мстить? – усмехнулся Ландсберг. – Я живу своей жизнью, и вы живите своей. Так, как хотите.

Староста задумался, и после некоторого молчания недоверчиво спросил:

- Но зачем ты тогда пришел к нам? Историю деревни Янсы ты знаешь… Может, тебе нужны другие «дзоппа»? Но клянусь: они давно не рождались в нашей долине!

- Откуда тебе знать, Чжан-вандю? Ведь женщины, у которых рождаются «дзоппа», скрывают это и прячут своих малышей, чтобы тех не убили младенцами.

- Я бы знал это, - упорствовал старик. – Последний «дзоппа» в нашей долине родился у Читя, в доме которого ты нашел приют. Женщина испугалась и рассказала о нем своим соседкам, а те – мужьям. Она не стала его прятать, и мы убили его по нашим обычаям, с надеждой на то, что после смерти его душа возродится в новом, людском обличии… И ты не ответил на мой вопрос, Ханьс: зачем ты пришел к нам?

- Я хочу найти могилы Сынов неба, староста.

- Никто в деревне не знает, где они, - быстро сказал старик. – А если бы мы и знали, то не стали бы никому их показывать. Нельзя тревожить дух Сынов неба, ибо это принесет в деревню беду. Ты, наверное, и вправду демон! И хочешь оживить умерших «дзоппа», чтобы воспользоваться их силой!

- Я не демон, - повторил со вздохом Ганс. – Подумай сам: если бы я был демоном, я бы превратился сейчас в нечто страшное, чтобы выпытать тайну могильника «дзоппа». И ты рассказал бы мне все, Чжан-вандю!

- Но я ничего не знаю! – взвизгнул старик. – Клянусь тебе! И никто не знает…

Помолчав, он осторожно поинтересовался:

- Может, тебе поведал эту тайну тот «дзоппа», который живет в твоем доме? Как его зовут, Ханьс? И кто его родители?

- Нет, мой друг Провидец тоже ничего не знает о могилах своих небесных предков, - решил схитрить Ландсберг. – А его родители, полагаю, давно умерли. Вот сколько лет тебе, Чжан-вандю? Ты ведь самый старый житель Янсы?

- Да, иначе я не был бы старостой. Мне э…

Староста принялся что-то высчитывать на пальцах и бормотать про себя.

- Мне семь десятков лет и еще три года, Ханьс. Но зачем тебе знать?

- Затем, что моему другу Арюунэрэлу 90 лет, и выглядит он гораздо моложе тебя. У него гладкое лицо без морщин, он быстро ходит и не задыхается. Вряд ли его родители живы, староста – «дзоппа» ведь рождаются от обычных людей?

- Да, ты прав, - задумался старик. – Но все равно, заклинаю тебя: не ищи этот проклятый могильник!

- Посмотрим, - неопределенно пробормотал Ганс. – Сначала я хотел бы сходить в деревню, где живут одни карлики.

- Зачем они тебе? Они тоже ничего не знают, - запротестовал староста.

- Да я и не собираюсь их расспрашивать, - рассмеялся Ганс. – Просто Читя сказал, что у них есть мясо, и я хочу его купить. Ваша цампа у меня уже поперек горла, Чжан-вандю!

* * *

Возвращаться в дом Читя Ландсбергу пришлось едва не наощупь: все огни в деревне были погашены. Уже миновав нужный дом, Ганс услышал тихое поскуливание пса и вернулся. Собака встретила его радостно, едва не сбила с ног и облизала все лицо.

- Ну-ну, хватит, - бормотал Ландсберг, ища в темноте свой мешок. – Ты и так доказал, что гораздо приветливее, чем местные жители… Ага, вот и мешок!

Он вынул из него электрический фонарик с последней драгоценной батареей, которая уже изрядно «подсела». Эту батарею Ганс берег на тот случай, если ему посчастливится найти вход в пещеру с могильниками «дзоппа». Однако найти в темноте лестницу и не свалиться с неогороженного жилого этажа было тоже весьма актуальным. Подсвечивая фонариком, он взобрался наверх и побрел в отведенный ему угол.

- Это ты, Ханьс? – послышался в темноте голос хозяина.

- Ну, а кто же еще? – огрызнулся Лндсберг. – Читя, почему в деревне не горит ни один очаг? Я едва нашел твой дом, черт возьми!

- Мы никогда не зажигаем огни после захода солнца. В долине мало дров, и нам приходится беречь топливо.

- Понятно. Значит, вот почему, вскарабкавшись на перевал, я напрасно обшаривал вашу богоспасаемую деревню биноклем и уже решил, что ошибся и выбрал не ту тропу. Ты принес мясо, Читя?

- Да, Ханьс. Но если ты не ешь его сырым, то придется подождать утра. Нам нельзя зажигать огни после наступления темноты, - повторил Читя.

- Черт бы побрал ваши дурацкие обычаи вместе с экономией, - пробормотал Ганс, укладываясь на трясущееся под ним ложе. – Читя! Скажи своей жене, чтобы завтра она, ради всех святых, встала пораньше и сварила густую похлебку. Мясо я пожарю сам. А потом ты проводишь меня в деревню карликов.

- Зачем тебе туда ходить, Ханьс? – заныл голос в темноте. – Ведь я уже принес мясо!

- Хорошо, я найду дорогу к карликам сам. Но ты вернешь мне три ляна, которые получил от меня за дополнительные услуги.

- Ладно, я отведу тебя к карликам, - немедленно отозвался хозяин. – Но надо будет спросить позволения у старосты.

- Не ыолнуйся, я уже спросил у него, - отрезал Ганс.

* * *

К карликам Ландсберг решил идти налегке, даже без винтовки. Хватит и револьвера, решил он. Зачехлив «маузер», он присоединил его к охраняемому псом имуществу, и тут обратил внимание на валяющуюся возле привязи длинную тонкую палку. Палка была перегрызена пополам. Ганс поднял меньшую часть палки, на конце которой виднелся сучок, задумчиво покрутил его в руках. Учитывая дефицит топлива для печей в Янсы, трудно было представить бесхозный кусок ценной древесины. Не составило большого труда догадаться, что кто-то, опасаясь приблизиться к привязанной большой собаке, пытался зацепить крючком мешок Ландсберга и подтащить к себе. Но пес перехватил палку и перегрыз ее. Так-так-так…

- Эй, Читя, нам пора! – окликнул Ганс замешкавшегося хозяина.

Тот, наконец, спустился со спального этажа и направился к Ландсбергу. Собака глухо заворчала, шерсть на ее загривке поднялась дыбом. Ганс бросил псу солидный кусок мяса из похлебки, потрепал по голове:

- Молодец, ты настоящий охранник, пес без имени!

Путь к деревеньке карликов занял около получаса. По дороге Ганс ни словом не обмолвился о своей находке, и задавал лишь вопросы о погоде в долине, видах на урожай. Читя отвечал односложно: по всему было видно, что прогулка ему не по душе.

Наконец, тропа в густом кустарнике сделала поворот и перед ними открылась искомая деревня. Она была точной копией Янсы –такие же дома из плоских камней, окруженные клочками возделанной земли. А вот и сами карлики.

Ковыляя на своих коротеньких ножках, они окружили путников. Все как один маленькие люди держали в руках палки, которые помогали им при ходьбе по неровной земле. На лицах было выражение настороженности при виде незнакомого человека.

Ландсберг учтиво поприветствовал людей, назвал свое имя и сообщил, что специально проделал долгий путь, чтобы поглядеть на столь необычную деревню. Карлики угрюмо молчали. Ганс поблагодарил за мясо и поинтересовался, кто именно из маленьких людей пожертвовал иноземцу своего теленка.

Его спутнику такой поворот разговора явно не понравился, и он потянул Ганса дальше, обещая показать некое озеро. Однако Ландсберг сбросил руку провожатого со своего локтя и повторил свой вопрос в несколько иной интерпретации:

- Так кто из вас продал этому человеку теленка для меня?

- Это я, - наконец, откликнулся один из карликов. – Это был мой единственный теленок, человек из-за гор!

- Прости, но разве тебя кто-то вынуждал продавать его? Мне сказали, что в вашей деревне много скота. Или ты недоволен ценой, которую тебе предложили?

- Предложили? – угрюмо фыркнул карлик. – Твой посланец сказал, что злой человек из-за гор послал его за мясом, и если я не отдам теленка за два ляна, ты рассердишься еще больше. И что большие люди из Янсы больше не будут помогать нам. Что мне оставалось делать?

- Произошла ошибка, мой друг! – Ландсберг бросил на потупившегося Читю обещающий взгляд. - Как тебя зовут? Дава? Ну, вот что, человек по имени Луна: сколько ты хочешь получить за своего теленка? Не меньше 15 лянов? Возьми свои 15 лянов и не держи на меня зла. Я пришел в вашу долину с миром!

Он высыпал в ладони человечка пригоршню серебряных монет и повернулся к Читя:

- Пошли, друг мой! Мне нужно кое-что сказать тебе…

Загребая землю плетеными из коры сандалиями, Читя, понурившись, побрел за Ландсбергом. За поворотом тропы Ганс взял своего хозяина за воротник и нешутейно встряхнул:

- Ах ты, поганец! Недаром тебя назвали Собачьим дерьмом! Видимо, твои родители догадывались, что ничего стоящего из тебя не вырастет!

- Прости меня, Ханьс! – Читя повалился Ландсбергу в ноги. – Когда я увидел, сколько у тебя монет, я словно обезумел! Во всей деревне не собрать и половины того, что у тебя в кошеле…

Он продолжал жаловаться на свою бедность, алчность старосты, обложившего своих соплеменников данью, скудость клочка земли, котором росли овощи.

- Именно поэтому ты ночью хотел вытащить длинной палкой мешок, который охраняла моя собака? Хотел ограбить путника, нашедшего приют в твоем доме? Твое счастье, что ремень, которым я привязал своего пса, оказался крепким. Если бы собака сорвалась с привязи, она перегрызла бы тебе глотку, несчастный вор!

- Клянусь, я хотел взять только еще пять или шесть монет, Ханьс! – простодушно признался Читя. - Будь у меня деньги, я бы с женой сбежал из Янсы и поселились бы за горами. Купили бы хорошую землю, пару быков для ее обработки…

- Замолчи! Что же мне с тобой делать, Читя? – призадумался Ганс. – Если я скажу людям, что ты обманул карликов и пытался обокрасть своего гостя, тебя выгонят из деревни, а то и побьют камнями, как принято в Тибете. Если промолчу, ты обрадуешься своей безнаказанности и продолжишь жить с черной душой.

- Прости меня, Ханьс! – завыл в голос Читя. – Я сделаю все, что ты пожелаешь – только не говори людям о моем прегрешении!

- Ладно, черт с тобой… Я никому не стану рассказывать о твоем позоре. Пошли обратно в Янсы. К карликам выберусь в другой раз, один.

* * *

Забравшись на свою скрипучую лежанку, Ландсберг снова достал клочок бумаги, на котором Арюунэрэл нацарапал план долины, которую покинул более семидесяти лет назад. Чтобы найти могильник «дзоппа», нужно было выйти на южную сторону деревни и найти точку, с которой между окружающих долину гор был видел далекий пик горной цепи,

на котором снег не таял даже летом. Дальше нужно было идти в сторону этого пика до ручья, а потом вверх по течению этого ручья до старой акации…

Ландсберг выругался: вот примета так примета! Люди в Янсы жаловались на нехватку топлива в своей долине, и ту акацию они наверняка давным-давно срубили и сожгли в своих очагах. Так… Что там у Провидца дальше?

Примерно через тысячу шагов на юго-запад долина кончится, и путь преградят скалы. «Эти скалы темно-серого цвета, - рассказывал Провидец. – Чтобы найти вход в могильник, нужно отыскать скалу с рыжим боком. Если подойти к ней вплотную, то будет виден проход вперед и вверх. Заберись как можно выше, и ты увидишь нагромождение огромных валунов, напоминающее по форме пирамиду. Камни скатились с гор при землетрясении, но древние Сыны неба собрали их в одну кучу: ведь они могли двигать и сами горы. Под этой «пирамидой» – вход в могильник моих далеких предков.»

Ландсберг снова выругался: сколько землетрясений сотрясло Тибетское нагорье за последние 70 лет? Та пирамида давно, поди, рассыпалась. Или ее засыпали горные оползни.

Кроме того, не следовало сбрасывать со счетов жителей Янсы. Староста явно дал понять, что не хочет, чтобы пришелец искал могильник племени «дзоппа» и беспокоил дух давно умерших предков. За человеком из-за гор наверняка будут присматривать, и если поймут, что он ищет могильник, то наверняка попытаются помешать. И что тогда?

Ландсберг закурил сигару и перекатился на спину, бездумно глядя в потолок и следя, как колечки сигарного дыма исчезают под потолком.

Вообще-то тибетцы – народ довольно мирный, размышлял он. Однако обитатели долины представляют собой смесь тибетцев и ханьцев. Плюс многовековая изоляция от остального мира, в результате которой неизбежно кровосмешение и браки между родственниками. Провидец упоминал, что число жителей деревни Янсы в его время не превышало 80. Сколько их нынче, с учетом разделения деревни? Судя по количеству домов, немногим больше. Но спросить будет нелишним. Не меняя позы, Ганс позвал:

- Эй, Читя, иди-ка сюда!

Тихий разговор за ковровой занавесью прекратился, помост затрясся под шагами хозяина:

- Ты звал меня, Ханьс?

- Да. Я хотел спросить, сколько человек живет в вашей деревне и деревне в карликов?

Ответом было молчание. Выждав пару минут, Ландсберг повернулся на бок, не выпуская из зубов сигару. И тут же рывком сел на своем ложе, столкнувшись взглядом с хозяином. На его лице был написан откровенный ужас.

- Читя, что это с тобой?

Тот несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, попятился, споткнулся обо что-то и упал, отчего весь помост затрясся.

Ганс вскочил и направился было к хозяину, чтобы помочь ему встать, но тот проворно отполз от него с тем же выражением ужаса.

- Читя, что случилось?

- Не трогай меня, демон! Прошу тебя, не трогай!

- Что ты болтаешь? Какой я тебе демон?!

- Человек, который дышит дымом… Демон! Демон!

Ландсбер вынул сигару изо рта, как можно дружелюбнее улыбнулся:

- Успокойся, Читя! Это просто сигара. Табак, понимаешь? Разве у вас в деревне никто не курит трубку?

Тот отчаянно помотал головой:

- Табак? Трубка? Тот, кто дышит дымом, не человек, а демон!

- Тьфу! Да это просто сигара! Смотри, вот я погасил ее. Раз – нет дыма!

* * *

Ландсбергу потребовалось добрых полчаса, чтобы мало-мало успокоить хозяина. Однако окончательно Читя своему гостю так, видимо, и не поверил. Он уполз в свой закуток, долго шептался о чем-то с женой, а за два часа до заката выглянул из-за занавески и, запинаясь, объявил Гансу, что завтра он с женой и детьми будет вынужден покинуть дом по срочному делу и оставить гостя одного.

Ландсберг усмехнулся и подумал, что сама судьба обращает его промахи в пользу: теперь по деревне пойдут слухи о демонской натуре гостя из-за гор, и вряд ли кто осмелится следить за пришельцем и его поисками могильника.

* * *

Взошедшее на следующий день солнце застало Ганса на южной окраине деревеньки. Пса он решил на сей раз взять с собой, а дорожный мешок оставил в доме. Поверх него он водрузил гипсовый слепок ноги дикого человека, от души надеясь, что такой «тотем» отобьет охоту у любого желающего пошарить в пожитках «демона». Впрочем, кошель Ганс прихватил с собой.

Заснеженный пик далекой вершины обнаружился после часового блуждания вдоль южной «околицы» Янсы. Определив с помощью компаса нужное направление, Ландсберг зашагал по высокой траве к краю долины.

Ага, вот и ручей. Солнце припекало довольно основательно, и Ганс умылся в ручье и осторожно попробовал воду – она показалась ему изумительно вкусной. Напившись, он пошел по руслу ручья, используя каждый пригорок для того, чтобы обозреть в бинокль окрестности. Ни старой акации, ни «провожатых» из деревни на горизонте не наблюдалось.

Он чуть было не прошел нужное место. Присев отдохнуть, Ганс в который уже раз взялся за бинокль и… обнаружил старый пень – все, что осталось от когда-то высокой акации. Позабыв об отдыхе, он направился к пню, и, встав на него, принялся внимательно оглядывать в бинокль скалы перед собой. Одна из них, как и говорил Провидец, немного отличалась цветом горной породы, и Ганс без колебаний направился к ней.

Однако вскоре от приподнятого настроения Ганса не осталось и следа. Подойдя к скале с «рыжим» боком, Ландсберг обнаружил такие же красноватые вкрапления и в других скалах. Какую же, черт побери, имел в виду Арюунэрэл?! Спотыкаясь и оскальзываясь на каменистых осыпях, Ганс несколько раз предпринимал попытки забраться повыше – но никаких проходов между скал не было и в помине.

Псу давно уже надоели бессмысленные в его понимании эволюции хозяина, и он, плотно закусив парой беспечных пищух, дремал на пригорке, лишь приоткрывая щелки глаз, когда Ландсберг разражался очередной порцией англо-китайской брани.

Потратив часа три на бесплодные поиски, Ганс устало плюхнулся рядом с собакой, сунул в рот полоску вяленого мяса и принялся меланхолично жевать, глядя на громоздящуюся перед ним стену скал недобрыми глазами. Проделать этот чертов путь от Индии до северо-запада Нагорья и не найти то, ради чего и было предпринято это путешествие?

Он снова взялся за бинокль, медленно ведя линзами по нагромождению камней. Солнце, меж тем, давно перевалило за полдень, и Ганс подумал о том, что пора бы подумать и о возвращении в деревню. Завтра он придет прямо сюда, без петляний по ручью и поиску давно спиленных акаций – и начнет искать проход в скалах заново.

Если бы не заходящее солнце, Ландсберг не заметил бы на рыжей боковине скалы хаотичного, на первый взгляд, расположения нескольких десятков ровных неглубоких

отверстий. Он еще раз провел по скале биноклем: отверстия были слишком ровными и одинаковыми по глубине. А вот по размеру они чуть отличались – к чему бы это?

Ландсберг оторвался от бинокля и потряс головой. Снова приник к оптике. Углубления, несомненно, сделаны рукой человека! Или… Или не человека? В сильные линзы он заметил то, что пропустил с самого начала: от третьего отверстия слева к вершине скалы уходила явно пунктирная линия! А там, где она кончалась, чья-то рука выбила еще целую уйму отверстий.

Ландсберг вскочил на ноги и стал лихорадочно собираться в обратный путь. Сборы, собственно, говоря, были недолгими – подобрать винтовку, фляжку с водой, мешочек со съестными припасами. Свистнув псу, он быстро направился в сторону деревни Янсы, ругательски ругая сам себя за то, что не захватил нынче с собой портативную фотокамеру, «детективную коробку[1] Кодака». Завтра он непременно захватит ее с собой, и, прежде чем продолжить поиски входа в могильник «дзоппа», сфотографирует эти «дырки» в скале. И завтра он непременно найдет этот могильник!

За время путешествия по Тибету Ганс несколько раз подвергал свой багаж тщательной ревизии, всякий раз вынужденно уменьшая его объем. Последний раз большую половину багажа он оставил под камнями после гибели вьючной лошади, перед восхождением на перевал, ведущий к деревне карликов. Именно там он закопал солидный том «Звездного атласа», который много раз листал на ночевках, сверяя рисунки в атласе с реальным звездным небом Тибета. Лишь в последний момент, руководствуясь каким-то наитием, Ганс выдрал из тяжеленного тома схему планет Солнечной системы. Сейчас он готов был поклясться, что «дырки» в скале – копия этой системы! А раз так – стало быть, могильник за этой скалой…

Вспоминая об этом, он все время ускорял шаги: ему не терпелось поскорее добраться до своего дорожного мешка.

Часть пятая

ПРОЛОГ **Странный взрыв в Петербурге**

В комнате охраны затрещал телефон, и дежурный чин Дворцовой охраны снял слуховой рожок.

- Курьер из Петербурга к его величеству! Докладывает чиновник для поручений Зарайский, пост нумер четыре.

Постом № 4 был вокзал Фридберга, ставший с лета до осени 1911[2] года местом особого контроля охраны русского императора Николая II, прибывшего вместе со своим семейством в Бад-Наухем великого герцогства Гессенского[3] с визитом.

- Понял, Зарайский. Личность курьера известна?

- Так точно, ваш-бродь! Из «старичков». Прикажете выдать курьеру мотоциклет?

- Выдавай. Нежелательных гостей с поездом не прибыло?

---

[1] Американский банковский клерк Дж. Истмэн в 1886 году сконструировал и запатентовал камеру-ящик для стандартной роликовой катушки, рассчитанной на сорок восемь негативов размером 4 на 5 дюймов. Двумя годами позже он разработал превосходную для того времени любительскую камеру и породил слово, которое с тех пор стало синонимом слова «камера» — «кодак». Камера «Кодак» была небольшим ящиком (отсюда и название «детективная камера»), немногим более 6 дюймов в длину, 3,5 дюйма в ширину и менее 4 дюймов в высоту.

[2] На самом деле, означенный визит императора в Гессен имел место ровно годом раньше – вольность автора.

[3] Герцогство Гессенское существовало в 1806–1918 гг.

- Никак нет, ваш-бродь! Лично всех приезжих проверил. И из Вержболово[1] никаких сигналов насчет «гостей» не было.

- Смотри, Зарайский! Бди! Даю отбой.

Повесив рожок, специальный агент Дворцовой охраны застегнул сюртук и пошел с докладом о курьере полковнику Герарди, возглавлявшему Дворцовую охрану уже шестой год. Полковник прибыл в Гессен за два месяца до царского визита, и за это время успел основательно проработать все вопросы, относящиеся к безопасности государя и царского семейства. К своему делу Герарди относился свехпедантично, и требовал от подчиненных и чинов прусской полиции докладывать о любой мелочи, так или иначе связанной с государем.

Нынешний визит Николая в Гессен носил неофициальный характер: герцог Эрнст Людвиг приходился русской императрице родным братом, поэтому и поездка протекала в сердечной, домашней обстановке. Романовы находились во владениях герцога Гессенского с конца августа и задержались в гостях до исхода октября. Это была самая продолжительная поездка царской семьи за границу. Великие княжны и наследник цесаревич Алексей сопровождали своих родителей. Заграничный вояж носил частный характер — врачи предписали императрице Александре Федоровне пройти курс лечения на знаменитом курорте Бад-Наухем, славящимся своими целебными источниками.

Царская семья с неизлечимо больным цесаревичем Алексеем практически все время жила в Царском Селе, которое раньше служило летней императорской резиденцией. Но каждый год в начале весны император с семейством отправлялся в путешествие - сначала в Крым, потом в Финляндию и в охотничьи угодья в Польше, а затем снова в Крым. В Царскосельский Александровский дворец монаршее семейство возвращалось обычно поздней осенью. Официальным предлогом для этих поездок являлась необходимость увезти болезненную императрицу и детей из сырого петербургского климата. Но и для самого императора зарубежные турне были спасительным бегством от государственных дел и мрачной российской действительности последних лет.

Придворные замечали, что накануне таких поездок у императора повышалось настроение. И фраза государя «Мне так жалко вас, что вы остаетесь в этом болоте», означала не только сырой петербургский климат. Уезжая за рубеж, Николай старался хоть на время избавиться от повседневной кровавой действительности, разгула анархизма и революционной вседозволенности. Царь не мог не видеть, что «николаевскую» Россию охватила эпидемия террора. С 1901 по 1911 г. жертвами террористических актов стали около 17 тысяч человек. В 1907 году каждый день от рук террористов погибали в среднем до 18 человек – причем погибали не только министры, жандармы и тюремщики, но и самые мелкие чиновники, и даже заводские мастеровые - в общем, все, кто вызывал у революционеров подозрения в сотрудничестве с царским режимом. Зачастую террор переплетался с банальной уголовщиной - деньги на революцию добывались при помощи профессиональных воров и налетчиков, жертвой теракта мог оказаться любой человек "буржуазной" внешности, ездящий в вагоне первого класса, обедающий в ресторане и просто надевающий "белые перчатки"."Безмотивные" анархисты боролись с "буржуазией" и вовсе просто: они бросали бомбы в поезда, кафе, магазины.

Террор нанес существенный урон российской государственности. Чиновники были парализованы страхом за свою жизнь. Для многих молодых людей террор стал образом жизни, причем на него шли не только из-за политических убеждений, но и от скуки или из ложного романтизма. Террор стал средством самоутверждения…

---

[1] Станция на российско-прусской границе, где пассажиры из России переходили в европейские вагоны на более узкой железнодорожной колее. Во время выезда Николая на границу пограничную стражу в Вержболово усиливали опытными агентами «охранки», знавшими большую часть революционеров и анархистов в лицо.

Нервы императора и императрицы подвергались тяжкому испытанию еще и потому, что им приходилось тщательно скрывать трагедию с наследником. По дворцовому этикету болезни членов императорской семьи никогда не обсуждались вне ее пределов. В случае с Алексеем «утечку информации» нельзя было допускать ни в коем случае. В государстве царь и наследник должны быть всегда здоровы…

Как и его отец, Николай, будучи на отдыхе или в заграничной поездке, никогда не занимался государственными делами. Будь его воля – он с большим удовольствием запретил бы и визиты курьеров с докладами и аналитическими записками министров. Однако, это было бы уже чересчур: император обязан держать руку на пульсе своей державы всегда и везде.

Осенью 1911 г. царская чета вняла рекомендациям врачей и выехала в Германию. В тихом курортном Бад-Наухеме они на короткое время снова ощутили себя почти счастливыми. Там их никто не знал и не докучал срочными делами и просьбами. Они были вместе, и они были свободны. Император в скромном костюме и котелке, как у немецкого буржуа, с наслаждением бродил по улочкам города, а императрица с прислугой или фрейлиной ходила по местным магазинам. Как всякая женщина, она получала удовольствие от примерки обновок, разглядывания украшений, выбора духов и прочих маленьких дамских радостей, которые в России были ей недоступны в силу ее особого статуса.

Для Николая II его семьи из императорского гаража во Фридберг по железной дороге доставили новый «Мерседес» и представительский лимузин «Делоне-Белльвилль». Эти автомобили царская семья использовала для прогулок близ Фридберга, а для дальних поездок государь садился в автомобиль своего шурина, герцога Гессенского.

Жизнь протекала в размеренном ритме. Как и в Царском Селе, 9 часов утра пили кофе, в час дня завтракали, после чего Аликс шла принимать ванны. Тем временем государь совершал пешие и автомобильные прогулки, знакомясь с достопримечательностями.

Процедуры Аликс принимала без особого удовольствия: местные медицинские светила все до одного оказались евреями, пользоваться услугами которых супруге русского государя было невместно. Тем более, что Николай не делал для Аликс тайны из статистической отчетности, предоставляемой ему силовыми ведомствами. И сия статистика была безжалостной. По данным полиции, в начале XX века евреи насчитывали всего 7 миллионов человек из почти 130-миллионного населения всей Российской империи. В то же время среди членов революционных партий удельный вес представителей еврейской национальности составлял почти 50 процентов.

Поэтому процедурами государыни был озабочен Лейб-медик Боткин и местный доктор-немец, не имевший большой практики и, к тому же, совершенно потерянный от ранга своей пациентки.

* * *

Приняв сообщение от дежурного агента об очередном курьере из России, Герарди распорядился доставить портфель с бумагами в его кабинет. Нет, он не собирался читать царскую почту, но портфели и саквояжи курьеров открывал самолично. Мало ли на что могут решиться изобретательные «эсдэки» и анархисты: подложат бомбу, или пересыплют пакеты какой-нибудь химической дрянью, способной уморить императора.

Ничего лишнего в портфеле у курьера не оказалось, и начальник охраны отправил курьера отдыхать после долгого пути в дежурную комнату. Николая в замке не было: он совершал традиционную прогулку по окрестностям. Была велика вероятность того, что, ознакомившись с вестями из России, он пожелает или дать монаршее указание по

представленным докладам, или ответить на какое-либо из писем. Тем более, что один из конвертов был запечатан личной печатью императрицы-матери.

Вскоре автомобильный клаксон возвестил о возвращении Николая. Встречая его на парадном крыльце предоставленного герцогом замка, Герарди не мог не отметить, что отдых за пределами России пошел государю на пользу. Он был весел, оживлен. На его слегка желтоватое лицо вновь вернулись краски.

Почты из России было немного, однако практически вся она оказалась предугаданного начальником Дворцовой охраны свойства. Николай вскрывал конверты, бегло просматривал содержимое, морщился и брался за следующее письмо. Пакет из министерства внутренних дел, как и ожидалось, оказался самым объемным. Аналитическую записку министра дополняли копии циркуляров, донесений из Петербурга и провинции.

Совершенно секретно

Циркуляр департамента полиции

начальникам районных охранных отделений

о задержании членов боевых групп Б.В.Савинкова И Г.А.Ривкинда

В дополнение к циркуляру от 24 минувшего мая за № 130156 Департамент Полиции сообщает, что по вновь полученным сведениям кроме организованной Савинковым боевой группы (Чернов, Колосов, Бердо-Долинин, Карпович, Коморский и неизвестный) в Париже организована вторая группа боевиков из бывших максималистов, решивших для использования момента стать под начало Савинкова. Во главе этой второй группы стоят: 1) мещанин Гирш Абрамов Ривкинд (революционная кличка “Николай Иванович”, принимавший видное участие в Кронштадтском и Московском восстаниях; приметы его - 27 лет, низкого роста, брюнет, небольшие усы и борода, на левой стороне лица следы золотухи и 2) мещанин Липа - Хаим Хононов Моисеев Кац (бежавший 2-го октября 1908 года из С. Петербургской Военной Тюрьмы. Членами группы состоят: некто “ Илья”, крестьянин Федор Дороженко (участник ограбления в Фонарном переулке), некто “Эмма” (из Екатеринослава, акушерка) 25 лет, Дора Эльяшева Козак, 32 лет, среднего роста, хромая, а также Янкель-Михель Захаров Котович (он же Пахтер), Орлянский мещанин, Бельского уезда Гродненской губернии.

Подписал: за Директора Виссарионов

Скрепил: за заведующего отделом Рукавичников

Верно: помощник Делопроизводителя Целицо

Покорнейше доношу, что эпицентром протестной активности в г. Пензе становится духовная семинария. Согласно рапорту пензенского полицмейстера, 6 октября с.г. воспитанники Пензенской Духовной семинарии Милов и Архангельский подали петицию о. ректору семинарии и затем заявили ему вместе с собравшимися в саду при семинарии воспитанниками из других классов о нежелании учиться впредь до разрешения их петиции Святейшим Синодом… Воспитанники семинарии до сего времени не учатся, а толпами ходят по улицам города и без всякой надобности врываются в здание семинарии и там безобразничают.

- И эти туда же, - вздохнул император. – Будущие пастыри душ человеческих…

Посмотрев всю почту, Николай позвонил, вызывая флигель-адъютанта.

- Соблаговолите передать курьеру, что он может возвращаться в Петербург, как только я запрошу уточнения по интересующему меня вопросу. Это займет примерно полчаса, не более.

- Слушаюсь, государь…

- Да, и вот еще… Позови-ка мне полковника Герарди, хочу кое-что у него спросить.

- Сей момент, государь…

Через несколько минут начальник Дворцовой полиции уже почтительно стучал в дверь кабинета Николая.

- Заходи, Борис Андреевич. Прошу присесть. Ну, скажи-ка мне, не слишком обременительно охранять в Гессене мою персону?

- Никак нет, ваше величество! Немцы – народ тихий, богобоязненный. Не то, что…

- Понятно. Борис Андреевич, у меня вопросец назрел. Ты человек военный, в жандармский корпус из артиллерии, кажется попал?

- Точно так, ваше величество.

Николай, быстро перебрав стопку бумаг, протянул начальнику охраны одно из донесений:

- Погляди-ка, Борис Андреевич, сию бумаженцию. Странный взрыв в Прачечном корпусе Патриотического института, торцом выходящий на Большой проспект. На Васильевском острове – знаешь, конечно?

- Разумеется, государь!

- Департамент полиции сообщает, что третьего дня весь угол Прачечного корпуса был весь разворочен произошедшим взрывом. Причем характер повреждений таков, как будто стреляли артиллерийским снарядом. Проведено расследование – никто из жителей столицы не слышал характерного колебания воздуха, обычно возникающего при летящем снаряде. В месте попадания не обнаружено ничего постороннего – ни осколков снаряда, ни остатков взрывной начинки, ни проводов. Может ли быть такое?

Герарди дважды перечитал донесение, еле заметно пожал плечами:

- Трудно судить, ваше величество. Тем более отсюда, не видя характера повреждений. Как следует из сего донесения, специалисты-баллистики утверждают, что повреждения здания - артиллерийского свойства. Но ничего не сообщается о наличии осколков – странно! Может, сыщики плохо искали? Они ведь, простите за прямоту, ваше величество, специалисты по революционной, кустарного образца взрывчатке. Была бы обычная бомба – полиция быстро бы разобралась… Нет, ничего определенного сказать не могу, государь!

- Тогда вот что, Борис Андреевич. Ты этот Прачечный корпус возьми на заметку, и по возвращению в Петербург сам инспекцию организуй. Не хватало мне еще, чтобы всякие савинковы артиллерией обзавелись! Мы через недельку обратно в Россию собираемся, - вздохнул император. – Всё хорошее имеет свойство быстро заканчиваться, не правда ли?

- Если у вашего величества больше нет никаких приказаний…

- Конечно, конечно. Иди, Борис Андреевич.

Проводив ладную фигуру Герарди взглядом, Николай придвинул к себе лист бумаги и быстро написал короткое письмо генералу Герасимову[1]. Запечатав конверт личной печатью, император положил письмо на край стола, в жиденькую стопку исходящих, и отправился искать супругу.

Полковник, передавая курьеру царское послание, конечно же, обратил внимание на то, кому было адресовано письмо. Сердце кольнула тоненькая иголка служебной ревности: к чему государь, по сути дела, поручил следствие по взрыву на Васильевском острове именно ему – и тут же написал старому сыскному волчаре Герасимову – наверняка поручил учредить проверку тому же происшествию?

Однако запрос императора генерал-майору касался не странного взрыва на Васильевском острове. Николай интересовался – нет ли каких новостей с Тибета?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На подходе к Кайласу

Монахи из монастыря-«скворечника» сказали правду: через два пеших перехода лыжи путникам пришлось снять: снежный покров сменился тускло-рыжей землей. На третий день пути члены экспедиции уже шагали по зеленому травяному ковру, а после четвертой ночевки чуть в стороне от дороги к Кайласу замаячили десятка два типично тибетских домой селения, о котором упоминали монахи.

[1] Начальник Петербургского Охранного отделения полковник А.В.Герасимов в октябре 1909 году был снят с должности, произведён в генерал-майоры и назначен генералом для поручений при министре внутренних дел по должности шефа жандармов, получал отдельные ревизионные поручения.

В селении удалось купить несколько меланхоличных слюнявых быков и двухколесную повозку типа арбы. Колеса у арбы вихлялись и, судя по всему, могли отвалиться в любую минуту. На все претензии по поводу покупки хозяин арбы разводил руками: другой нету, мол.

- Хорошо, другой нет. А кузнец, или другой какой мастер в вашей богоспасаемой деревне есть? – допытывался Ивелич. – Нету? Мистер Ландсберг, переведите этому чурбану, что без помощи кузнеца его «таратайка» рассыплется в самое ближайшее время. Пусть ищет!

- Оставь его, Марк! – пробурчал Климов, присев возле колеса. – Сейчас я попробую привести нашу повозку в божеский вид. Ландсберг, попросите у хозяина только пригоршню густого ячьего масла.

В багаже у доктора оказались не только медикаменты и набор хирургических инструментов. Порывшись в одном из мешков, Климов достал оттуда довольно приличный слесарный набор. И через полчаса, остервенело колотя по колесам, выправил оси. Молча сложил инструмент и первый запрыгнул в повозку. Ивелич и Ландсберг переглянулись: после посещения монастыря-«скворечника» доктор заметно помрачнел и стал малоразговорчив. На правах старого друга Ивелич несколько раз пытался выяснить у Климова причины его «мерихлюндии», но внятного ответа так и не добился.

Сложили поклажу на повозку, запрыгнули на нее сами. Быки после серии проклятий и «поощрений» длинным бичом, наконец, тронулись.

Кайлас со своей сверкающей льдами вершиной неумолимо приближался. Как ни медленно тащились старые быки, к вечеру Ландсберг в бинокль уже смог рассмотреть черные пики скал, окружающих священную гору. Когда красный диск солнца наполовину спрятался за цепью гор, путники решили, что пора становиться на ночлег.

Вместе с быками и повозкой в селении экспедиции удалось разжиться не только достаточным запасом хвороста и осточертевшими вялеными полосками ячьего мяса, но и несколькими фунтами свежатины. Прикинув оставшуюся часть пути, последнее присоленое мясо решили «приговорить»: по всем расчетам, возле священной горы должно было быть людское жилье. А там, где есть люди, будет и пища.

Плотно поужинав и закурив, путники устроились поудобнее у потрескивающего костра, глядя на мерцающие огоньки низкого пламени. И тут, наконец, доктора Климова «прорвало».

- Мистер Ландсберг, а вы знали, что вашего Провидца едва не уговорили бросить нас и остаться в монастыре?

Ганс выпустил несколько облачков дыма, мгновенно унесенных ветром, и покосился на доктора.

- У Арюунэрэла от меня нет тайн, господин Климов. Разумеется, он сразу доложил мне, что и ректор, и настоятель монастыря предприняли его нешуточную обработку.

- И вы не пресекли эту обработку?

- О чем вы говорите, доктор? Как бы я смог это сделать? –хмыкнул Ганс. - Устроить скандал ринпоче? Или запереть Провидца в каком-нибудь местном карцере? Он слишком верен мне, чтобы сменить старого друга на все монастыри Тибета!

- Верность – штука хорошая, - согласился Климов. – Но когда за дело берется опытный медиум, верность может быть похоронена где-нибудь в подсознании пациента.

- Ринпоче подверг моего Арюунэрэла гипнотическому внушению? – впервые удивился Ландсберг. – Признаться, я не вдавался в подробности его обработки. Да и сам Провидец не слишком разговорчив, как вы, наверное, успели заметить…

Ганс повернулся к Провидцу, который меланхолично щелкал четками и спросил его по-тибетски:

- Арюунэрэл, друг мой! Ринпоче монастыря пытался воздействовать на твое сознание? Это правда?

- Правда, мой господин. Но я умею противодействовать тому, что в Европе называют гипнозом. И не поддался.

- А что этому ламе вообще было от тебя надо, друг мой?

- Он хотел попытаться пробудить мою наследственную память, господин. Его интересовали великие знания моих далеких предков.

- Но ты же много раз говорил мне, что твоя наследственная память спит! Да она и не может пробудиться – сколько веков прошло с тех пор, как умер последний настоящий «дзоппа»!

- Я не обманывал тебя, господин. Я и сам был уверен в том, что ничего не могу знать про своих далеких предков.

Ландсберг приподнялся на локтях:

- «Был»… Ты говоришь – был уверен. А сейчас?

- Сейчас я уже не так уверен, господин. Ринпоче, наверное, сдвинул в моем сознании какой-то камешек, тот толкнул другой. Кто знает: может, еще один толчок, и сдвинутые «камни» превратятся в лавину. Лавина съедет с горы и откроет то, что веками скрывалось. Может быть, откроет, - поправился Провидец.

Ивелич кашлянул:

- Мистер Ладсберг, вы, наверное, забыли, что остальные члены команды не понимают по-тибетски? Или это настолько личный разговор, что нам о его деталях знать необязательно?

- Простите, господа! Я и действительно настолько поражен, что забыл о том, что мы – одна команда.

Ганс тут же озвучил по-английски то, что узнал от Провидца. Друзья переглянулись и несколько мгновений переваривали неожиданную новость.

- Насколько я понял, опытный медиум может разбудить наследственную память вашего Провидца, мистер Ганс, - начал Ивелич. – Но что это может нам дать? Здесь, в Тибете? Да и где тут взять медиума? В другом монастыре, или, может, обратиться к самому Далай-ламе?

- Марк, а почему ты не берешь в расчет меня? – задиристо бросил Климов. – До профессора Бехтерева мне, конечно, далеко. Но кое-какая практика в гипнозе у меня есть, уверяю! И главное тут – доверие пациента и его непротивление медиуму. У ринпоче в монастыре не получилось потому, что он для Провидца был чужим. Он не мог ему довериться, и поэтому поставил в своем сознании мощный барьер противодействия. Я могу попробовать, в конце концов – разумеется, если мистер Ландсберг не против. И, конечно, если он убедит своего давнего друга подчиниться моей воле…

- Где вы были раньше со своим предложением, доктор? – грубовато проворчал Ландсберг. – Например, в Петербурге? Кто знает – может, нам не пришлось бы лазить по чертовым скалам и искать местных колдунов, от которых можно ожидать чего угодно…

- Если бы вы скромно не молчали об истинном происхождении вашего Провидца, я, может быть, догадался бы и пораньше, - парировал Климов. – Я, конечно, знал, видел, что Арюунэрэл – не совсем обычный homo sapiens. Но о его внеземных предках вы рассказали нам только здесь, в Тибете.

- Господа, не надо ссориться! – вмешался Ивелич. – Тем более сейчас, когда мы добрались почти до порога тибетских тайн. Илья, не ершись! С чего бы мистеру Ландсбергу было откровенничать о своем друге в Петербурге? Сейчас, конечно, иное дело: путешествие, смею надеяться, нас сблизило. Не так ли, мистер?

- Несомненно, - подтвердил Ганс. – Доктор, я прошу прощения за невольную резкость тона.

Вместо ответа тот протянул Ландсбергу руку, и тот стиснул ее в рукопожатии.

- Так как, мистер? – тут же продолжил Климов. – Вы позволите сей медицинский эксперимент?

- Я не против, - пожал плечами Ганс. – Остается спросить у самого Арюунэрэла… Провидец, ты как? Согласен, чтобы доктор «покопался» в твоей большой голове?

- Согласен, господин.

- Имей в виду, Арюунэрэл: очень важно не только согласие, но и степень твоего доверия ко мне, - вставил Климов. – Ты уверен, что не станешь внутренне сопротивляться?

- Вы друг моего господина, - поклонился Провидец. - Можете быть спокойным: я помогу вам, сколько смогу. Признаться, мне тоже хочется, чтобы смутные образы в моей голове или рассеялись, или обрели четкость и ясность.

- Тогда не будем откладывать! – Климов вскочил на ноги, взялся за свой докторский саквояж, нерешительно покосился на Ганса. – Мистер Ландсберг, вы не станете возражать, если я дам Провидцу хорошую дозу опия? Он способствует, помимо прочего, расслаблению и подавлению воли пациента. Признаться, у меня давно не было подобной практики, и я боюсь, что взяв на себя такое дело… Кроме того, меня смущает… Гм… Меня смущает то, что Арюунэрэл не совсем… человек. Как отреагирует его организм на опий?

- Во всяком случае, обычная человеческая еда для него привычна, доктор. А дальше смотрите сами…

До крайности заинтересованные результатами «полевого» эксперимента доктора, друзья приготовили для Провидца удобное ложе в одной из палаток, подбросили в костер хвороста и приготовились ждать. Климов запретил всяческие громкие разговоры. Перекрестившись – что делал крайне редко – он вошел в палатку и плотно задернул полог.

* * *

Из палатки Климов вышел через полтора часа. Он устало плюхнулся у костра, привычно сунул в рот папиросу, закурил. Сделав несколько затяжек, доктор словно спохватился, достал из своего саквояжа фляжку с коньяком, оглянулся. Ивелич с готовностью протянул ему не одну, а три кружки:

- Мы тут с мистером Ландсбергом тоже изрядно переволновались, -пояснил он. –Ну, не молчи же, Илья! Получилось?

-Да, доктор, скажите хоть что-нибудь! – поддержал Ганс. - Надеюсь, вы не уморили моего Арюунэрэла?

- Сейчас он спит, - выпив коньяку, доктор тут же закурил новую папиросу. – И будет спать до утра. Вы спрашиваете – получилось ли? Не знаю, право: увидим завтра. Пока же могу сказать одно: я потрясен тем, что услышал от пациента в ответ на мои вопросы. Если до сей поры я, признаться, несколько сомневался, что рядом с нами потомок инопланетян, то теперь сомнений нет.

Ландсберг досадливо прищелкнул языком:

- Эх, надо было вооружить вас диском «дзоппа», доктор! Помните, господа, что я рассказывал вам про затерянную долину карликов? Что мне удалось найти вход в могильник «дзоппа»[1] и своими глазами увидеть несколько сотен мумий людей, похожих на моего Провидца?

- Такое трудно забыть, мистер, - хмыкнул Ивелич.

---

[1] На самом деле могильник «дзоппа» был обнаружен гораздо позже, в 1937-1938 годах. Экспедиция китайского археолога Чи Пу Тэя обнаружила в горах Байян-Кара-Ула труднодоступную пещеру, а в ней - массовое захоронение странных малорослых существ с непропорционально большими головами. Всего было найдено 716 мумифицированных останков, а у ног каждого существа лежал диск диаметром 30 см и толщиной около сантиметра.

- И еще я рассказывал вам, что у ног каждой мумии лежал диск неизвестного мне металла. Хочу напомнить, что я взял на себя грех потревожить мертвых и унес один из дисков. Позже, в Европе, я показывал его нескольким ученым. Они определили его как кобальт, однако сами же усомнились в этом, поскольку этот полуметалл не поддается ковке[1]. Меня умоляли продать диск во имя науки, но я оставил его у себя. Позже я показал загадочный диск Арюунэрэлу, и тот подтвердил, что в детстве видел подобные в могильнике «дзоппа». Однако прочитать нанесенные на него письмена, разумеется, не смог.

- И вы захватили его в нынешнюю экспедицию? – привстал с места Климов.

- Представьте себе! – порывшись в одном из дорожных мешков, Ганс извлек тщательно завернутый диск и пустил его по рукам.

- Похож на граммофонный, -пробормотал Ивелич, рассматривая раритет. - Даже звуковая дорожка от центрального отверстия имеется.

- Звуковая? – хмыкнул Ландсберг. – Если у почтенного доктора имеется лупа, вы сможете рассмотреть выбитые на спирали таинственные значки. Это и есть послание «дзоппа» к потомкам. Послание, которое, увы, никто не смог прочесть.[2] Если доктор сумел вернуть Провидцу память предков, то может статься, что он сможет прочесть эти письмена.

- Невероятно, - пробормотал Климов, вернув диск и откидываясь на спину. – Просто невероятно: звездные пришельцы, которые умели двигать горы тогда, когда Европа ходила в звериных шкурах. Знаете, это просто не укладывается в голове, господа!

- Примерно такие ощущения у меня вызвали выбитая на скале, за которой я нашел могильник, схему планет Солнечной системы, - признался Ганс. – К третьей от Солнца планете, нашей Земле, если изволите помнить мои рассказы, шла пунктирная линия, начало которой было в созвездии Пса, как мне позже растолковали.

- Да, вы же говорили, что сфотографировали эти знаки на скале, - припомнил Климов. – Боже мой… Если к моему пациенту вернется наследственная память, имена участников нашей экспедиции останутся в веках!

- Кстати о пациенте, - напомнил Ганс. – А что вы у него спрашивали?

- Тибетским языком я не владею, - напомнил доктор. – Спрашивал я по-английски. Провидец же переходил на английский только иногда, и то только моих настоятельных просьб. Признаться, я даже терялся, о чем его спрашивать. Ах, да! Я спросил, есть ли способ лечения людей от гемофилии – памятуя о Наследнике цесаревиче Алексее. Представьте себе, что он ответил утвердительно!

- Поразительно! – пробормотал Ландсберг. – Я никогда не замечал у Арюунэрэла склонностей к врачеванию! А еще?

Доктор покосился на друзей, кашлянул:

- А еще я спросил – только не смейтесь, господа! – сможет ли он помочь нам, если колдуны, к которым мы столь храбро и безрассудно направляемся, задумают причинить экспедиции зло.

---

[1] Происхождение названия кобальта происходит от названия минерала «кобольда», который люди находили в Саксонии еще с древних времен. Кобальтом рудокопы называли злой дух, обитавший, по их мнению, в минерале. Кобальт использовался в качестве добавок к стеклу, придавая им синие оттенки. Кобальт как химический элемент был открыт в 1735 году шведским химиком Г.Брандтом. О полученном полуметалле «кобольде» он сообщил в своей работе "Диссертация по полуметаллам". Таковыми он считал металлы, похожие на известные, но которые не поддавались ковке. Тогда же ученый Г. Брандт сумел выделить из этого минерала неизвестный ранее металл, который и назвал кобальтом.

[2] Только в 1962 году профессор Пекинского университета Цум Умнуй, на протяжении 20 лет бившийся над загадочными символами, сумел-таки раскрыть тайну каменных дисков, расшифровав древние письмена. Появление книги, описывающей результаты работы профессора и его коллег, произвело настоящую сенсацию. Содержание их оказалось столь шокирующим, что Пекинская академия наук наложила запрет на любые публикации об этом, а профессору пришлось доказывать собственную психическую полноценность. Труд имел название: «Древние тексты, повествующие о космическом корабле, прилетевшем на Землю 12 тысяч лет назад».

- И что же? – живо поинтересовался Ивелич, которому давно было не по себе от возможного контакта с колдунами и магами Тибета.

- Ответ был утвердительный. Более того, Провидец сообщил, что поможет найти их.

- Вот это меня тоже беспокоило, - признался Ландсберг. – Из своего первого путешествия по Тибету и общению с ламами я сделал вывод, что местные колдуны не сидят на ветках деревьев, как обезьяны в Индии. И не предлагают каждому встречному своих услуг. Их надо искать, а, найдя, убеждать взять в обучение. Деньги, как сами понимаете, их не интересуют. А их «цена» за обучение может заставить содрогнуться даже человека без воображения.

- Например? – тут же насторожился Ивелич. – Надеюсь, они не потребуют взамен за свою науку наши бессмертные души?!

- Поживем – увидим, - уклонился от деталей Ганс. – Давайте спать, господа! Завтра утром мы увидим, надеюсь, нового Провидца. И если хотя бы десятая часть его россказней о своих предках и их могуществе окажется правдой, о колдунах мы можем не беспокоиться…

* * *

Несмотря на призыв лечь спать и не мучиться сомнениями до утра, сам Ландсберг так и не смог сомкнуть глаз до самого рассвета. Не желая беспокоить своего Провидца после сеанса гипноза - а в глубине души просто побаиваясь его в новом качестве, он лег у костра, завернувшись в ячью шкуру. Ивелич и Климов забрались в свою палатку, но, судя по пробивающемуся оттуда тусклому свету керосиновой лампы, тоже не спали.

Едва бездонное небо над Нагорьем посветлело, трое друзей собрались у костра и молча стали дожидаться пробуждения и появления Арюунэрэла, беспрерывно куря и поглядывая на часы.

Провидец не заставил себя долго ждать. Он выбрался из палатки, привычно сложил на груди ладони и поклонился – сперва Ландсбергу, потом доктору.

- С добрым утром, господин! И вам доброго утра, господин.

Ивелича он поприветствовал кивком и раздвинул губы в улыбке.

Друзья молча переглянулись. Привычным был только поклон, остальное было для Провидца внове – и чистый английский, и произнесенное приветствие Климову. Самым потрясающим было то, что Арюунэрэл предстал перед людьми без привычного платка на нижней половине лица, скрывающего удлиненный подбородок без признаков мужской растительности. Свой колпак, впрочем, он не снял.

После короткого молчания Климов задал «докторский» вопрос:

- Ну-с, как мы себя чувствуем?

- Вы – не знаю, господин. А я хорошо, благодарю вас!

- Я гляжу, у те… у вас исчезли проблемы с английский языком? – помедлив, поинтересовался Климов.

- И с английским, и с русским, господин, - снова поклонился Провидец, тут же перейдя на русский язык. – Я и сам затрудняюсь объяснить – почему, но факт есть факт. Прошу тебя, обращайся ко мне по-прежнему, на «ты». Я ведь только слуга, господин. Да и тебе привычнее.

Друзья снова переглянулись: раньше Арюунэрэл не отличался многословием.

- Хорошо, - согласился Климов. – А ты помнишь вчерашний сеанс гипноза?

- Разумеется, господин. Я изо всех сил помогал тебе поначалу, но потом уснул и ничего не помню.

- Совсем ничего? – кашлянул Ландсберг. – Ты согласился на гипноз, чтобы доктор попытался помочь вернуть тебе память предков.

- Да, господин, - новый поклон – уже в сторону Ганса.

- И что же? Ты что-нибудь вспомнил?

- Не знаю, господин. Мое сознание словно раздвоилось. Одно мое «я» стоит сейчас перед вами, а другое словно наблюдает со стороны. Это необычно, и раньше я не испытывал такого.

- Хорошо, - не стал настаивать Ганс. – А ты помнишь, как я показывал тебе диск «дзоппа» из пещеры? Не хочешь ли взглянуть на него еще раз?

Провидец бережно принял диск двумя руками, присел на корточки. Подтянув длинные рукава своего одеяния и обнажив длинные тонкие пальцы, он пробежался ими по спиралям диска. Раз, другой, третий… Потом вернул диск Ландсбергу и начал было вставать, однако тот с улыбкой удержал его:

- Ты сиди, сиди, Арюунэрэл! Не тянись, как солдат перед капралом. В конце концов, ты самый старший в нашей компании. Итак?

- Я понимаю все, что записано на этом диске, господин. Но для тебя это не новость: здесь древняя история о появлении на Нагорье Сынов неба, и я уже рассказывал ее тебе. На диске, конечно, всё изложено подробнее, и, если хочешь, я прочту все вслух.

- Пока не надо, Провидец. Как-нибудь потом, на досуге. Значит, после сеанса ты освоил два разговорных языка и сумел прочитать древние письмена твоих предков. А ты помнишь, о чем спрашивал тебя доктор, пока ты находился в гипнотическом трансе? И что ты ему отвечал?

- Будет лучше, если господин доктор повторит свои вопросы, - с извиняющей улыбкой проговорил Провидец.

- Ты поможешь нам найти колдунов, которые обитают в этой местности?

- Конечно, господин. Любых колдунов, или тех, которые учили старца Никитина и его странников»?

- Гм… лучше, конечно, вторых. Если они согласятся говорить с нами и рассказать, чему они научили этих сектантов…

- Они согласятся, господин! – невозмутимо поклонился Провидец. – И они не причинят никому из нас зла, уверяю! Даже если очень захотят.

- А еще я спрашивал, не поможешь ли ты найти в Тибете целителя, который излечит наследника престола в России? – вставил Климов

- Я и сам в состоянии помочь бедному мальчугану, господин, - очередной поклон. – И не напоминайте мне о том, что я никогда не практиковал целительство. Это действительно так, но сейчас я знаю, как ему помочь.

- Интересно, как именно? Какие-нибудь местные травы, корешки? – высказал профессиональный интерес доктор.

- Травы, необходимые для лечения, растут и в России. Однако травяные ванны из местных трав подействуют эффективнее, господин доктор. Но это только часть курса лечения, господа! Прежде чем лечить человека, необходимо очистить его материальное и астральное тело от всяческой скверны. Самое безболезненное для ребенка очищение – через массаж определенных точек на его материальном теле. У китайских лекарей это называется акупрессурой. Ее можно проводить и пальцами, но лучше раздобыть тибетский жезл. Помните, господа, жезл Никитина, переделанный им в транслятор? И, конечно, пища: в древнем Китае говорили, что всё лекарство – еда, а вся еда – лекарство.

- Очень, очень интересно, - потер ладошки Климов. – А как…

- Все это очень интересно, согласен! – вмешался Ландсберг, опасаясь начала длительной медицинской дискуссии. – Но Наследник цесаревич далеко, а у нас пока хватает дел и тут. Доктор, у вас еще будет время поговорить со своим новоиспеченным коллегой. Мы здесь пробудем не менее 6-8 месяцев, как и этот проходимец Никитин с

собратьями – прими, Господи, его душу! Лама в монастыре уверял, что это минимальное время для обучения основам каланчакры, если я правильно назвал это слово…

- Если добрые господа позволят, - мягко ворвался в паузу Провидец. – Если позволят, то я полагаю, что смогу сократить срок обучения медитации и управления своей телесной оболочкой до 30 -40 дней.

Ивелич, Ландсберг и Климов в очередной раз переглянулись: Арюунэрэл поражал их все больше и больше. Улучив минуту, когда доктор, не утерпев, опять затеял с Провидцем ученую беседу, Ганс шепнул Ивеличу:

- Сеанс нашего почтенного доктора совершил чудо, ваше сиятельство! По-моему, у нас появился новый глава экспедиции!

- Похоже на то, - кивнул Ивелич. – И, признаться, меня это немножко беспокоит. Не то, чтобы я дорожил ролью лидера – Боже упаси! Я боюсь за свой рассудок: всю жизнь, до Тибета, я полагал себя материалистом до мозга костей. А тут, на Нагорье… Тут я становлюсь мистиком, господин Ландсберг. Скажи мне кто-нибудь пять лет назад о посещении старушки-планеты инопланетянами – я поднял бы этого человека на смех. А теперь я сплю с пришельцем из другого мира в одной палатке – подумать только! И совершенно не удивлюсь, если завтра к нашей экспедиции присоединится настоящий леший или русалка, черт побери! Слушайте, мистер, а вы уверены, что вашему Провидцу 90 лет? Поглядите, как он стремительно двигается, таскает в повозку тяжелые мешки, наклоняется и разгибается…

- Он всегда был весьма подвижен и выглядел моложе истинного возраста. Но я относил сие на счет тибетского долгожительства. А теперь прямо и не знаю… Его звездные предки жили по 500-700 лет – если судить по его же рассказам. Если в Провидце проснулась древняя память, то почему бы не проснуться и другим способностям?

Пока они беседовали, Арюунэрэл и вправду проявил чудеса расторопности. Он живо пригнал к стоянке стреноженных на ночь быков, запряг их в повозку, уложил туда имущество экспедиции и, взял быков в повод, сделал приглашающий жест: прошу, мол, занять место в «карете»! Друзья не заставили себя ждать, и колесница тронулась.

Хорошо накатанная дорога петляла меж невысоких холмов, покрытых редкой растительностью. Сколько хватало глаз, слева эти холмы тянулись до самого горизонта. По правую руку, на фоне огораживающей равнину горной цепи с заснеженными вершинами, холмы постепенно становились выше. На них трава и кусты, словно обессилев в своем стремлении забраться выше, оставляли округлые вершины «лысыми». А впереди, смещаясь то в одну сторону, то в другую, сверкала ледяная вершина Кайласа.

На безлюдной до сей поры дороге стали попадаться люди. В основном это были пешие паломники, бредущие на юг. Скрип колес и грохот катящейся повозки заставлял их оборачиваться и уступать дорогу. А внешность бодро шагающего впереди коротышки – открывать рты и пятиться еще дальше.

Восседающие на дорожных мешках Ивелич, Ландсберг и Климов приветствовали паломников, приподнимая шляпы с широкими полями. Но те не обращали на редких в этих краях европейцев никакого внимания – оно было приковано только к Провидцу. Ландсберг несколько раз окликал его, предлагая тоже устроиться на повозке, но малыш лишь учтиво прикладывал руку к груди, благодаря за заботу, и продолжал тянуть быков вперед и вперед.

- У него, похоже, какой-то моторчик внутри! – перекрывая скрип и грохот повозки, прокричал Климов спутникам. – Черт побери, хотел бы иметь в его возрасте такую прыть!

- Завидуете, доктор? – отозвался Ганс. – А вот мне сегодняшнее открытое лицо Провидца внушает некоторое сомнение. Видели, с каким страхом глядят на нашего «предводителя» паломники? Ей-богу, лучше бы он не снимал своего платка с лица: молва

о разгуливающем по Нагорью «дзоппа», уверен, обгонит нас. И может доставить новые проблемы. Может, сказать ему?

- Я бы не стал, - покачал головой Климов. – Представьте себя на его месте: сколько лет прятать свое лицо под «намордником», пусть и шелковым – и, наконец, решиться открыть его.

Когда солнце слегка перевалило зенит, Арюунэрэл остановил быков и подошел к повозке с неизменным поклоном:

- В это время господам угодно обычно устраивать короткий привал. Если вы не возражаете, я сверну с дороги направо. За этим холмом есть небольшое озеро, привлекающее к себе много дичи. Я уверен, что скудная и весьма однообразная тибетская кухня давно надоела господам…

- Провидец прав, господа! – Ландсберг бодро соскочил с повозки, прихватив винтовку. – Если позволите, я выдвинусь вперед и подстрелю что-нибудь нам на обед. А вы подождите минут десять и сворачивайте за мной: шум и грохот нашей колесницы способен распугать всю дичь вплоть до Кайласа.

- Пусть господин не беспокоится насчет этого, - поклонился Провидец. – Здешняя дичь совершенно не боится людей и производимого ими шума. Паломникам нельзя отнимать жизнь у кого бы то ни было на пути к святым местам. Но я все равно сделаю так, как ты просишь, и придержу быков четверть часа.

Ганс кивнул и двинулся по траве в указанном направлении, однако через несколько шагов остановился и подозрительно уставился на своего маленького друга:

- Послушай, а откуда ты знаешь про озеро, Арюунэрэл? Ты ведь никогда не бывал в этих краях, не так ли?

- Я просто знаю, хотя и не очень понимаю – откуда…

- А-а, понятно, понятно! Доктор, вы ведь тоже изрядный стрелок – не хотите ли составить мне компанию? А вы, ваше сиятельство? Разве у вас не вытряхнула мозги тряска?

Возражений не последовало, и друзья, мигом сообразив, что сингапурец хочет о чем-то поговорить без Провидца, разобрали оружие, соскочили с повозки и последовали за Гансом. Однако тот начинать разговор не спешил, и был погружен в какие-то размышления.

Обогнув холм, путники увидели блеснувшую под полуденным солнцем гладь небольшого озера. Его берега оказались покрытыми густой растительностью, в которой паслись десятки антилоп, ланей и прочей живности. Стаи птиц летали над озером, пернатые сидели на воде, бродили по мелководью.

- Ну, господа, что вы желаете нынче на обед? – словно очнулся от размышлений Ганс и повел стволом винтовки. – Могу предложить дикую местную овцу, антилопу, тибетскую белогубую лань…

- Я бы предпочел овцу, - заявил Ивелич, кивая на небольшой овечий гурт, пасущийся под надзором рогатого барана метрах в двухстах от охотников. – Если вы, конечно, уверены, что это не домашняя живность. Для «дикарей» они слишком беспечны. Но мне показалось, мистер Ганс, что вы позвали нас не только для того, чтобы обсудить нынешнее меню…

Вместо ответа Ландсберг сделал жест, призывающий к молчанию Подняв ствол, он придержал дыхание и выстрелил. Одна из овец тут же ткнулась мордой в траву, остальные животные, вместо того, чтобы прыснуть в разные стороны, лишь удивленно воззрились на охотников.

- Даже неинтересно охотиться, - резюмировал Ганс, доставая из кармана куртки блокнот и карандаш. – Минутку, господа!

Он принялся что-то торопливо черкать в блокноте, и, закончив, вырвал лист и протянул спутникам:

Я хотел поговорить о Провидце, но тут же вспомнил, что он и раньше отличался поразительной прозорливостью. А уж теперь и вовсе. Поговорим в другой раз, хорошо?

- Как скажете, - пробурчал Ивелич. – Но мне это кажется бесполезной предосторожностью. Если наш общий друг стал обладать телепатическими способностями, то ему все равно – говорят о нем или пишут. Я где-то слышал, что мысли человека более материальны, нежели его произнесенные вслух слова. Так кто будет свежевать дичь? Кинем жребий? Или сразу поручим это дело доктору? Не все же тебе, Илья, людей потрошить – возьмись, для разнообразия, за дикую овцу!

Не успел Климов парировать ехидство, как послышался нарастающий шум приближающейся повозки. Провидец проворно семенил на коротких ножках далеко впереди быков, а те послушно тянулись следом, без возницы и его понуканий.

- Если господа позволят, я сам освежую добытую дичь, - с традиционным поклоном предложил Арюунэрэл. – Вот только ножа у меня нет.

- Возьми мой, дружище! – Ганс отстегнул от пояса охотничий нож и протянул Провидцу вместе с ножнами. – Никогда не знал, что ты и свежевать дичь умеешь. Ну, а мы тогда разведем пока костер. Арюунэрэл, как ты заставил этих чертовых ленивых быков бежать за тобой, словно собачонок?

- Не знаю, господин, - дал уже ставший привычным ответ Провидец, поспешая к убитой овце.

* * *

К вечеру повозка с путешественниками остановилась у подножия высокого холма, под склоном, полностью лишенным растительности. Лишь кое где на уступах, вцепившись корнями в щели, росли ели и лиственницы с удивительными ветвями, искривленными и вытянутыми в одну сторону.

- Вот мы и приехали, господа, - доложил Провидец, показывая рукой куда-то наверх.

Задрав головы путники с удивлением осматривали крутой склон, поначалу не поняв, что имеет в виду Арюунэрэл.

- Во-он то дерево, господа, - еще раз указал он. – Смотрите не на вершину холма, а на его подножие. Там растет всокое дерево. Видите домик в ветвях?

Присмотревшись, путники увидели, наконец, что на дереве был сколочен полускрытый зеленью помост, а на нем «прилеплено» что-то вроде большого ящика. Вооружившись биноклями, Ивелич и Ландсберг увидели, что из «ящика» выходит короткая труба, из которой вьется дымок.

- Ты хочешь сказать, что там кто-то живет? – недоверчиво поинтересовался Климов, шаря глазами по крутому склону под «ящиком». – Но это сооружение не больше собачьей будки, черт возьми! И как этот «кто-то», хотел бы я знать, забирается в свой «скворечник»? Туда даже тропинки не вырублено, а по каменной осыпи не заберется и ящерица! О дереве я уж молчу…

- Там живет тот, кто нам нужен, - терпеливо повторил Провидец. – Колдун, у которого учились русские бородачи. Это своего рода отшельник, которому вполне хватает и такого маленького жилища. Для подъема и спуска используется веревка – раз ее не видно, значит, колдун дома.

- Та-ак! – протянул Ивелич. – Стало быть, нам нужно разбить тут лагерь и дожидаться, пока этот отшельник изволит спуститься вниз?

- Ждать можно очень долго, господин. Если у колдуна нынче нет учеников, то он занимается медитациями, и кто знает, когда закончит.

- Даже ты не знаешь? – не утерпев, поддел Климов.

- Даже я, - серьезно кивнул карлик. – Кода человек медитирует, он окружает свою телесную оболочку энергетической субстанцией, непроницаемой для всяческих помех.

- И что же нам делать?

- Надо как-то привлечь его внимание. Тогда он выйдет из прострации, выглянет из своего домика, увидит нас и спустит веревку…

- Спустит веревку? – ужаснулся Ивелич. – Уж не для того ли, чтобы мы поднялись к нему?! Да эта будка свалится вниз, если на нее присядет отдохнуть пара ворон! Пусть спускается он сам!

- Тибетские обычаи требуют, чтобы первый шаг сделал гость. Я полагаю, господа, что вполне достаточно, если поднимутся двое – я и кто-нибудь из вас. Вот только как привлечь его внимание?

- Только и всего? – Ивелич фыркнул, поднял винтовку, прицелился. – Сейчас я и внимание привлеку, и «лестницу», если повезет, обеспечу. Только, чур, наверх я не полезу!

Громыхнул выстрел, и камень, лежащий на небольшой приступке у «скворечника», покачнулся и полетел вниз. До земли он не долетел, а повис на веревке, к которой был привязан.

- Господин очень метко стреляет, - восхитился Провидец и ухватился за камень, попробовал крепость веревки. – Кто со мной, господа?

Ландсберг вздохнул:

- Если ты уверен в веревке, то полезу я, Арюунэрэл!

Перебирая веревку руками, Провидец буквально побежал по крутому склону вверх. Ганс последовал за ним – но гораздо медленнее. Глядя вслед, Ивелич снова вздохнул:

- Он врет, что ему 90 лет! Я и в свои двадцать, в Хивинском походе, так шустро с «кошкой» по стенам крепостей не лазил!

РЕТРОСПЕКТИВА – 19 Могильник «дзоппа»

В деревню Янсы Гансу удалось вернуться засветло. Дом был пуст – испуганный Читя увел семью подальше от «демона». Однако оставить опасного гостя без провизии хозяин не решился: Ганс нашел закупленное по его просьбе мясо в котле с соленой водой, а на печке – запас жареной муки и масла.

Решив, что запрет на разведение огня в деревне после захода солнца к нему не относится, Ландсберг устроил костер прямо во дворе дома, нанизал несколько кусков мяса на прутики и принялся готовить охотничий ужин. Пес улегся рядом, не сводя горящих глаз с истекающего жиром мяса.

Дорожный мешок, оставленный «под охраной» гипсового слепка, казался нетронутым. Порывшись в нем, Ганс нашел выдранный из атласа лист со схемой Солнечной системы, вгляделся в рисунок. Да, так и есть: третья по расстоянию от Солнца планета – Земля. Именно от третьей планеты в наскальном рисунке пунктирная линия уходила куда-то далеко от Солнечной системы, в скопление точек, изображающих наверняка какие-о звезды. Какие – Ландсберг, разумеется, не мог определить, и на время решил выбросить звездные загадки из головы. На «большой земле» ученые астрономы наверняка разберутся – надо только сфотографировать ту скалу.

Гораздо больше Ганса беспокоил груда камней от сошедшей с гор лавины. Он был уверен: именно под огромной массой камней и грязи находится вход в заветную пещеру «дзоппа». Но как до него добраться? Разобрать завал в одиночку – нечего и думать, на это уйдут месяцы. Небольшой запас динамита после гибели вьючной лошади остался далеко за перевалом, до него по меньшей мере день перехода. Да и будь у него взрывчатка, использовать ее возле входа в могильник, с риском окончательно похоронить его, было бы безумием.

Оставался один выход: привлечь к разбору завалов местных жителей. Не карликов, разумеется, а взрослых сильных мужчин. Сколько таких в деревне? Если исключить женщин, стариков и детей – десятка два. С такой командой завал можно разобрать за несколько дней, прикинул Ландсберг – но только проклятый ворюга Читя наверняка разнес по деревне слух о «демонстве» своего постояльца. Люди в деревне и без этого считают могильник крайне опасным местом, и без приказа старосты вряд ли удастся их уговорить приблизиться к нему. Значит, остается только староста. Его согласия можно добиться либо звонкими монетами, либо напугав как следует. Для начала попробую «пряник», решил Ландсберг. А потом поглядим…

Разделив ужин с псом, он решил лечь спать пораньше, чтобы рано утром застать старосту дома. Привязав пса у затухающего костра, Ландсберг забрался на второй этаж хлипкого дома и постарался устроиться поудобнее.

Однако выспаться ему не удалось. Ночью его разбудило глухое рычание пса – лаять пастушья собака, видимо, просто не умела. Подняв голову, Ганс прислушался, и вскоре уловил чье-то перешептывание снаружи, а потом и скрежет камня о камень. Дом ощутимо подрагивал и поскрипывал.

Памятуя о скрипучем настиле из хвороста, Ландсберг пополз на голоса по коврам, замирая от каждого треска помоста под собой. Дом трясся все сильнее, и когда Ганс смог выглянуть из-за полога наружу, то увидел только смутные тени. Костер во дворе почти погас, и только ветерок иногда заставлял тлеющие угли на мгновения вспыхивать язычками пламени. Впрочем, не составляло большого труда догадаться, чем заняты ночные тени: они вытаскивали камни из основания дома, намереваясь обрушить его и похоронить под обломками «демона».

Ганс стремительно пополз к противоположному от «диверсантов» краю помоста, сполз на животе вниз, повис на руках. Уговаривая себя, что внизу нет ничего такого, от чего можно поломать ноги, он мягко спрыгнул за землю, и очутился по колено в груде овощей.

Выбравшись из овощного плена, он, пригибаясь, добрался до веревки, с которой рвалась, придушенно хрипя, собака. Ганс отвязал пса как раз в тот момент, когда дом, сложенный из камней без признаков строительного раствора, отчаянно заскрипел, начал клониться и, наконец, с грохотом рухнул, подняв тучу пыли.

Ландсберг разжал пальцы, удерживающие пса за шерсть на загривке, и, от души надеясь, что собака не загрызет никого насмерть, а лишь покусает «диверсантов» за ноги, тихо скомандовал:

- Ату их, пес! Ату!

Пес молча рванулся в темноту, и тут же послышались крики боли и испуга, топот ног.

Пастушьи собаки Тибета приучены собирать разбредающийся скот, покусывая коров или баранов за ноги. Посмеиваясь, Ландсберг свистнул по-особенному, приказывая псу гнать местную «скотину» к «пастуху», а сам тем временем подбросил в костер остаток хвороста.

Не прошло и нескольких минут, как пес пригнал к костру четверых «диверсантов», подбадривая отстающих легкими укусами за икры. «Диверсанты» поджимали ноги, и тихо подвывали от боли и страха.

- Так-так, Читя! – узнал Ганс хозяина дома. – А ну-ка, подойти поближе! Остальным стоять на месте, иначе я прикажу псу перегрызть вам глотки! Пес, охранять!

Загребая ногами пыль, Читя нехотя приблизился к костру и, понурившись, встал перед Ландсбергом.

- Значит, ты дома своего не пожалел, лишь бы похоронить под его обломками «демона»? – грозно осведомился Ганс. – А если бы я не убился при падении, то ты со своими товарищами разбил бы мне голову камнями?

- Что ты, что ты, Ханьс! – забормотал тот. – Староста сказал, что если под демоном разрушить дом, ты улетишь за горы.

- Стало быть, это Чжан-Вандю приказал вам убить меня? Хороши же в вашей деревне законы тибетского гостеприимства! А-а, Бяньба, человек-«суббота», и ты тут! Вы хоть понимаете, дурачье, что демоны бессмертны?

Мужчины, понурившись, молчали.

- Не знаю, что мешает мне прямо сейчас превратить вас в грязных крыс, роющихся на помойках? – решил довести воспитательную миссию до конца Ландсберг. – Эй, Читя, поищи-ка на развалинах мой мешок! Сейчас я дуну на вас магическим порошком, и вы все разбежитесь по помойкам.

«Диверсанты» разом рухнули на колени, умоляя грозного «демона» пощадить их.

Выждав несколько минут, Ганс смилостивился:

- Черт с вами, поганцы! Идите по своим домам, к вашим женам и ребятишкам! Я пощажу вас только потому, что не хочу оставлять их без кормильцев. А ты, Бяньба, ступай к старосте и скажи, что утром я приду к нему для разговора. И пусть никто из вашей деревни не вздумает убегать из дома и прятаться: я сейчас же приделаю своему псу крылья и прикажу ему до рассвета летать над деревней и поражать огнем тех, кто захочет скрыться. Пес, ко мне! А вы все – пошли вон! Увидимся утром, когда я придумаю для вашей проклятой деревни наказание!

«Диверсантам» не понадобилось повторять приказание, и они молниеносно разбежались. Ландсберг ласково потрепал пса по холке.

- Молодец, пес! Надо бы придумать тебе имя, а то как-то нехорошо получается. Ты меня спасаешь, а я не знаю, кого мне благодарить.

* * *

Проклевав носом до рассвета, утром Ландсберг, захватив пса, отправился к дому старосты. Тот, как выяснилось, тоже провел бессонную ночь, развешивая по наружным стенам дома пентаграммы для защиты от демонов. При виде Ганса он униженно поклонился и рухнул на колени, прося простить его за опрометчивый приказ своим односельчанам. Нагнав на старика страху, тот сделал вид, что смягчился.

- Я прощу и тебя, Чжан-Вандю, и всю деревню при одном условии. Все взрослые мужчины отправятся нынче со мной к южным скалам и будут разбирать каменный завал, который преграждаем мне дорогу к могильнику «дзоппа». Я мог бы, конечно, развести у того завала магический костер, дым от которого заставит камни подняться в воздух, но тогда вы останетесь без наказания. Понял, старик?

Кланяясь, староста поспешил уверить страшного гостя, что все понял. Через самое короткое время он соберет всех взрослых мужчин и прикажет им помогать Ханьсу.

- А как же быть со злыми духами, обитающими в могильнике «дзоппа»? – опасливо поинтересовался староста. – Тебя-то они не тронут, а что будет с нами?

- Пусть это не беспокоит ни тебя, ни людей в деревне, старик! Все люди во время работы будут под моей защитой. Да, и пусть они захватят с собой еды на несколько дней, - вспомнил Ландсберг. – Завал за один день не уберешь. Не забудь распорядиться насчет лопат, крепких веревок и прочной древесины: большие валуны придется подкапывать,

чтобы они скатились вниз. Ночевать люди будут там же, чтобы не терять времени на отлучки домой. Чем быстрее они уберут камни с моего пути, тем быстрее я уйду из вашей деревни. Понял, Чжан-Ваньдю?

* * *

Восемь дней два десятка мужчин, не покладая рук и со страхом поглядывая на «демона» и его страшного «летучего» пса, трудились над расчисткой завала. Больших кусков горной породы, к счастью, оказалось не так уж и много, и работа спорилась. На девятый день Ландсберг, беспрестанно инспектируя ход работ, приметил открывшийся черный зев пещеры. На прикрывающей вход огромной плите были выбиты непонятные таинственные письмена. Ландсберг приказал прекратить работы и возвращаться в деревню. Дважды повторять ему не пришлось: несмотря на усталость, люди Янсы брызнули от страшных скал едва не бегом.

Поплевав на руки, окончательную зачистку входа в могильник Ганс произвел сам. Но, как он не старался, пролезть под плиту можно было только ползком. Экономя последнюю, «подсевшую» батарейку электрического фонаря, Ландсберг заготовил десятка полтора факелов, пропитанных ячьим маслом. Сунув один из факелов в черную дыру, он убедился, что ползти придется не более 10 – 12 футов. Далее пол пещеры уходил вниз, и там можно было двигаться в полный рост.

Стараясь не думать о том, что громадная плита, потревоженная обвалом, может в любой момент опуститься и заживо замуровать его в пещере, Ландсберг лег на камни и пополз внутрь могильника, волоча за собой факелы и мешок с небольшим запасом еды и воды. Пес, поначалу категорически отказавшийся лезть в узкий ход, в конце концов вдохновился примером хозяина, и, поскуливая, пополз следом.

Когда пол пещеры стал спускаться вниз, Ганс зажег факел и в его трепещущем свете огляделся. Вода и ядовитые газы – главные враги всех рудокопов мира, вспомнил он.

Все, что ниже поверхности земли, со временем неизбежно заполняется водой. Она льется с неба в виде осадков и просачивается в пещеры и шахты. Чем глубже углубляется человек в тело земли, тем большее количество подпочвенных ручьев и каверн с водой он встречает. Старые же пещеры опасны еще и тем, что, шагая по ровной поверхности, можно неожиданно провалиться в подземное озеро или узкую щель, прорытую водой в течение сотен и тысяч лет.

В подземных ходах может скапливаться ядовитый или взрывоопасный газ из глубин земли. А уж углекислый газ – наверняка! Последний коварен тем, что исследователь глубин или рудокоп замечает его повышенную концентрацию слишком поздно. Недаром в старину рудокопы брали под землю канареек или щеглов: пока птичка весело прыгала по жердочке в маленькой клетке рядом с фонарем или факелом – можно было работать спокойно. Но вот птаха стала скучной, нахохлилась или вовсе упала в клетке кверху лапками – тревога! Немедленно вон из шахты, скорее наверх!

Ни канарейки, ни щегла у Ганса с собой не было. Да и откуда взять их здесь, в Тибете? Он покосился на прижавшегося к ноге пса – тот был, в общем-то, спокоен, только настороженно вглядывался в темноту, а ноздри и уши беспрестанно шевелились, ловя малейший признак опасности. Ландсберг поглубже вдохнул воздух, шагнул к ближайшей стене, плавно переходящей в свод, провел рукой по гладкой, словно отполированной кем-то поверхности. Ладонь осталась абсолютно сухой. Сухим казался и воздух в пещере, что было по меньшей мере удивительным. Неужели древние строители предусмотрели и защиту своего сооружения от воды? Впрочем, тела «дзоппа» не могли бы сохраниться в душной и сырой атмосфере в течение длительного времени: ведь Провидец утверждал, что мумии прекрасно сохранились, только немного усохли.

Но мумий пока не было видно, и, поколебавшись, Ландсберг двинулся вперед.

Через три-четыре десятка футов коридор плавно повернул направо и вдруг кончился. Перед Ландсбергом был огромный зал, наполненный непроглядной темнотой и звенящей тишиной. Он запалил еще один факел и поднял его повыше, пытаясь определить границы подземной пещеры – противоположной стены он так и не увидел. Зато увидел другое – абсолютно ровный пол разделяли ровные ряды невысоких каменных перегородок странной формы. Их торцы напоминали заглавную букву «Т» - только поставленную с «ног» на «голову». По периметру пещеры вправо и влево уходили каменные «сиденья» с вырезанными округлыми углублениями в горизонтальной и вертикальной плоскостях, напоминавшие продольные сиденья в вагоне или трамвае. Крайние «сиденья» были пустыми, а вот дальше строгая геометрия прямых углов оказалась нарушенной. В углублениях явно виднелись силуэты «пассажиров».

Облизнув пересохшие губы, Ландсберг шагнул к правому «сиденью», миновал с десяток пустых углублений, и, наконец, увидел ЭТО! В неглубоких нишах, вырезанных в камне, сидел ряд неподвижных мумий.

Ганс перевел дыхание, покосился на пса: тот, по-прежнему прижимался к левой ноге хозяина, но был спокоен.

Тихо, словно опасаясь побеспокоить мертвых, Ландсберг положил горящие факелы на пол могильника и достал заветный фонарь. Дрожащий палец еле нащупал кнопку и сдвинул ее вперед. Яркий луч света вспыхнул и уперся в лицо мумии, и он вскрикнул от удивления, едва не выронив фонарь и невольно шагнув назад.

Шок Ландсберга был вполне объясним: он словно увидел своего Провидца, его удлиненный череп и паукообразные длинные пальцы рук, сплетенные на животе.

Пес, напуганный неожиданным движением хозяина, тихо заскулил, ткнулся мокрым носом в ладонь Ганса. Обернувшись, тот увидел, что перевернутые «Т» были тоже сиденьями для мумий. Сколько же из тут?

Провидец утверждал, что в могильнике покоятся тела более чем семи сотен умерших «дзоппа». Черт возьми, неужели у мальчишки хватило в свое время духа обойти все ряды и пересчитать покойников?! Ландсберг и не собирался повторять его «подвиг», его неудержимо тянуло выбежать отсюда вон, на яркое солнце. Он уже сделал несколько шагов в сторону коридора, по которому пришел сюда, но остановился, уговаривая сам себя, что нужно увидеть и запомнить как можно больше: вряд ли когда-нибудь он вернется в эту жуткую пещеру.

Сердце Ландсберга билось где-то в горле, и ему понадобилось несколько минут для того, чтобы немного прийти в себя. Он гладил шерсть пса, единственного живого, кроме него самого, существа в этом царстве мертвых. Это успокоило Ганса, он снова включил фонарь и медленно двинулся вперед, только теперь обратив внимание на то, что не у всех мумий руки были свободными. У некоторых мертвые пальцы покоились на каких-то предметах, лежащих на коленях. Предметы были разными, но чаще всего встречались сплюснутые шары, нечто вроде цилиндров с торчащими из них штырями и короткие «дубинки» с чуть изогнутым и утолщенным одним концом.

Диски! Провидец утверждал, что у ног всех мумий должны быть диски «дзоппа»! Ганс поспешно опустил фонарь и провел его лучом вдоль ряда мумий. Да, Арюунэрэл был прав: к ногам каждой мумии был прислонен диск, похожий на граммофонную пластинку. Сходство увеличивало центральное отверстие в каждом диске. Вот только толщина была гораздо большей, чем у музыкальных пластинок.

Ландсберг попытался поднять один диск, ожидая, что он как-то закреплен на ноге мумии или окажется тяжелым. Но предмет оказался неожиданно легким и не был никак закреплен. Приблизив фонарь к диску, Ганс обнаружил, что одна сторона у него

отполирована, а на другой от центра к краям шла спиралевидная тонкая двойная канавка. Это усиливало сходство с граммофонной пластинкой.

Мысленно извинившись перед покойным «дзоппа», Ландсберг сунул один диск в свой походный мешок. Это будет доказательством того, что он побывал в таинственном могильнике.

Ганс обошел зал по кругу, но ничего примечательного более не обнаружил – разве что несколько непонятных каменных панно над головами мумий. Некоторые из панно оказались покрытыми рядами непонятных значков, похожих на иероглифы, на других были изображены незнакомые Ландсбергу созвездия. Фотокамера у Ганса была с собой, а вот запас магния кончился – стало быть, фотоснимки не сделать.

А, может, оно и к лучшему, подумал он. Жечь магний в этом царстве мертвых показалось ему кощунственным. Ганс подумал: а не захватить ли с собой один-два непонятных предмета, покоящихся на коленях мумий? Но на всех предметах лежали мертвые руки, и трогать их Ландсберг не решился. Он решил пройти между рядами сидений, надеясь на то, что где-нибудь наткнется на сдвинутые руки покойников: на Нагорье были часты землетрясения, вдруг повезет?

Между третьим и четвертым рядом ему действительно повезло: спинку сиденья рассекала глубокая трещина, наверняка образованная подземными конвульсиями земли. И руки двух мумий, окаменевшие много лет назад, висели над коленями, не касаясь их. Опустив тускнеющий луч фонаря вниз, Ландсберг обнаружил откатившиеся немного в сторону от ног мумий сплюснутый шар и короткую «дубинку», похожую на старинный дуэльный пистолет – только без скобы, курка и фитильного замка. Ганс поспешно сунул добычу в мешок и направился к выходу из пещеры.

Солнце давно перевалило зенит, и Ландсберг, выбравшись с псом наружу, обессиленно зажмурился под его яркими лучами, наслаждаясь светом, теплом и незамысловатыми трелями каких-то птиц в жидкой рощице неподалеку. Собака тоже явно повеселела и принялась увлеченно охотиться за крупной стрекозой, перепархивающей с камня на камень.

При солнечном свете Ландсберг еще раз внимательно осмотрел унесенные из могильника предметы. Диск был явно металлическим, а на его бороздках-спиралях острые глаза Ганса узрели едва видимые знаки. Лупы у него не было, но Ганс почему-то был убежден, что эти значки вырезаны (выдолблены?) тем же древним мастером, который создал в могильнике «дзоппа» панно с письменами.

Сплюснутый шар был идеально гладким, за исключением пары небольших углублений с одной стороны и тремя парами с другой. Ландсберг примерил шар к рукам и предположил, что он был изготовлен под более длинные пальцы. А вот утолщенная часть «дубинки» весьма удобно пришлась ему по руке. Однако предназначение того и другого было по-прежнему непонятным. Засунув трофеи в мешок, Ганс растянулся на солнышке, дожидаясь, пока его диск спустится пониже и сделает наскальное изображение Солнечной системы на скале более рельефным. Сделав несколько снимков, он свистнул псу и направился в сторону деревни Янсы.

Ее единственная улица при появлении Ганса мгновенно опустела, и он ощутил мимолетные угрызения совести за то, что больше недели заставил два десятка мужчин бросить привычные работы в полях и ворочать камни. Однако, вспомнив коварное покушение на его жизнь, он легко эти угрызения отогнал.

Читя с женой и двумя соседями уже почти разобрали мешанину из камней и прутьев, бывшую их домом и явно собирались возводить его заново. При приближении Ганса все поспешно опустились на колени и склонили головы.

- Читя, я переночую у тебя во дворе, а завтра мы с тобой сходим к карликам за оставшимся мясом. Надеюсь, оно успело за это время хорошенько провялиться, - распорядился Ландсберг.

- Ханьс, а как же мой дом? – проскулил тот. – Мы потратим на дорогу к карликам и обратно много времени, и я не успею поработать здесь…

- Замолчи, несчастный! Можно подумать, что это я развалил твой дом, - одернул хозяина Ландсберг. – Сам виноват! Впрочем, вот тебе пять таэлей. Найми побольше мужчин, пусть они помогут тебе.

Отмахнувшись от бесконечных поклонов, Ганс потребовал дать ему пару ковров, и с максимально возможными удобствами расположился на них. Пес улегся неподалеку, время от времени открывая желтые глаза и приподнимая верхнюю губу, словно предостерегая Читю от вторичного покушения на своего хозяина.

* * *

Карлики встретили Лансберга как старого доброго знакомого: очевидно, Человечек-Луна, Дава, не скрыл от собратьев щедрость и справедливость человека из-за гор. Косо поглядывая на Читю, Дава пригласил Ландсберга в свой дом, угостил традиционными тибетскими блюдами.

Ганс сидел в окружении карликов и все время ловил себя на мысли, что вокруг него дети со взрослыми и старческими лицами. И вопросы, которые они задавали человеку из-за гор, были столь же наивны, но Ландсберг терпеливо отвечал по несколько раз на одни и те же вопросы, которые задавали разные маленькие люди.

К концу трапезы Ганс решил перехватить инициативу и спросил:

- Дава, почему между маленькими и большими людьми в вашей долине плохие отношения? Разве большие не помогают вам обрабатывать землю?

Дава покосился на Читю. Но тот, нахлебавшись горячего тибетского пива, откровенно клевал носом. Убедившись, что тот не слышит, карлик зашептал:

- Когда большие люди выгнали нас из Янсы, они отобрали у нас все железные орудия для обработки земли. Мы вынуждены копать землю и рыхлить ее палками. Да, они предлагают нам свою помощь, но требуют за это плату.

- Чем же вы можете платить, Дава? Маленькие люди не ходят за горы, чтобы продать ткани и ковры.

- Ты прав, Ханьс. У нас коротенькие ноги, и нам не под силу дальние переходы, особенно через горы. И мы вынуждены платить большим людям теми же коврами и тканями, которые ткут наши женщины. Если бы у нас были настоящие лопаты и кетмени из железа, мы сами могли бы обрабатывать свои клочки земли и не отдавать за это все, что у нас есть.

- Понятно, - нахмурился Ландсберг и бесцеремонно растолкал сонного Читю. – Эй, ты! Быстро ступай в деревню и скажи старосте, что маленьким людям нужны железные лопаты и мотыги. Принесешь их сюда немедленно. А если нет, то ты знаешь, что будет, когда я начинаю сердится! Да не ковыляй так – отправляйся бегом.

- Но железный инструмент стоит дорого, Ханьс, - заныл тот. – Мы сами покупаем его за горами.

- Я заплачу вам, - пообещал Ландсберг, доставая сигару. – Ступай быстрее, не то я начну дышать дымом, от которого твои глаза вытекут на землю. Я буду ждать тебя здесь.

Когда Читя поспешно удалился, карлики осмелели. Он не скрывали радости, и спрашивали у Ландсберга, кто именно из богов послал его к ним?

- Ты из рода больших людей Ханьс. Почему же ты не смеешься над нашими короткими ножками и относишься к нам лучше, чем наши родичи из Янсы?

- Я не делю людей на больших и маленьких, Дава. Я сужу о людях по их поступкам и отношениям ко мне, - Ландсберг достал из кармана портмоне и вынул из него фотографию, на которой он был снят вместе с Провидцем у себя в сингапурском доме. – Смотрите, люди: ваш собрат живет у меня в доме, и я называю его своим другом.

Фотография пошла по рукам. В доме воцарилась гробовая тишина, и Ландсберг подумал, что совершил ошибку, показав им изображение «дзоппа».

- Но это же настоящий потомок Сынов неба, Ханьс, - нарушил долгое молчание Дава. – Как вы с ним встретились?

- Арюунэрэл родом из вашей же деревни, люди. Он чудом уцелел, сумел перебраться через горы и несколько лет жил в монастыре. Потом он служил у великого китайского императора, и, наконец, судьба занесла его в далекий город у моря. Я взял его к себе как Провидца, а потом мы подружились.

- Арюунэрэл? Арюунэрэл? – карлики стали переглядываться, перешёптываться, а потом вытолкнули вперед пожилую женщину. – Это старшая сестра Арюунэрэла, ее зовут Нарангэрэл[1]. Она родилась такой, как все люди, только перестала расти после 6 лет. Она давно оплакала своего младшего брата. Слышишь, Нарангэрэл? Твой брат жив и живет у этого человека далеко за морем.

Женщина кивала, по ее морщинистым щекам текли слезы.

- Я ухожу из вашей долины сегодня, и когда доберусь до своего дома, то обязательно расскажу ему о тебе, Солнечный свет, - пообещал Ганс.

Карлики опять стали шептаться, потом Дава присел рядом с Ландсбергом.

- Мы тоже будем рассказывать о тебе своим детям, Ханьс! Никогда и никто из больших людей не был так добр к нам, как ты. И мы хотим подарить тебе наш самый дорогой и сильный амулет…

- Не надо, - затряс головой Ганс. – Как я могу лишить вас такого сильного оберега?

- Надо, - настаивал Дава. – К тому же, забрав этот амулет, ты сделаешь нам хорошо. Он слишком сильный для маленьких людей, Ханьс.

Он сделал знак одну из своих гостей, и тот торопливо засеменил прочь, опираясь на палочку. Через небольшое время он вернулся, неся в руке большую корзинку. Корзинка была торжественно водружена на колени Лансберга, Дава снял с нее крышку и вынул нечто, укутанное в домотканую тряпицу.

Таинственным нечто оказался человеческий череп, тщательно обработанный умащенный какими-то благовониями. Череп был явно старым – об этом говорил коричневый цвет костей. Поразительным было то, что на верхней части лобной кости виднелись небольшие рога. Зловещий вид амулету придавали вставленные в пустые глазницы круглые агатовые «глаза Неба» - насколько успел узнать о Тибете Ландсберг, каждая из таких поделок сама по себе была амулетом.

Неизвестный мастер закрепил на своем месте нижнюю челюсть. Присмотревшись к оскалу, Ганс заметил, что зубы отличаются от человеческих наличием в челюстях двух пар клыков, напоминающих по размеру тигриные.

Рожки и клыки можно было посчитать искусной подделкой тибетских мастеров – если бы не местные легенды о древних «рогачах». Вспомнив обещание тибетских проводников добыть для него рогатый череп, Ганс поднял на Даву глаза:

- Откуда у тебя этот череп?

- Он всегда был у нашей общины. Ему много тысяч лет, и никто точно не знает – чей это череп, Ханьс. Старики говорят, что «рогачи» появились в Тибете откуда-то с севера. Они были очень могущественными и могли мгновенно перемещаться из одного места в другое.

---

[1] В переводе с тибетского наречия имя переводится как Солнечный свет.

Они охотились на наших предков. Но потом с небес спустились на своих грохочущих лодках «дзоппа» и уничтожили «рогачей», от них остались только черепа. Старики утверждали, что рога этого черепа – это Ключ к Дверям.

- Каким Дверям? – подивился Ганс.

- Не знаю, - признался Дава. – Об этом знали только наши предки, «дзоппа», которые поселили нас в этой долине. Возьми его, Ханьс! Пусть он принесет тебе удачу и охраняет в твоих странствиях!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Эхо взрыва на Васильевском острове

Вернувшись с царской семьей из Гессенского герцогства, начальник Дворцовой полиции полковник Борис Андреевич Герарди быстро провел ревизию свой беспокойной службы. Помимо мелких недочетов, обычных для всякого личного состава, оставленного без начальственного присмотра, ничего серьезного в Царском Селе не произошло. Да, собственно говоря, ничего и не ожидалось. Единственную головную боль для Герарди представляли взрослые дети ближнего к государю окружения, учившиеся в столичных и заграничных университетах. Вращаясь в студенческой среде, они не раз становились объектами обхаживания революционно настроенной молодежи. Их пытались вовлечь в различные тайные общества, а то и просто использовали для получения нужной информации о планируемых перемещениях государя.

Разумеется, за студентами-«особняками» из высшего общества был учрежден особый полицейский надзор. За несколько лет Дворцовая полиция сумела организовать дело так, что рядом с каждым из них был свой человечек Герарди – не камердинер или кухарка, так молодая и красивая содержанка из особого женского подразделения полиции.

Пора было браться на поручение императора, данное им в Гессене: собрать исчерпывающую информацию о странном взрыве в Прачечном корпусе Патриотического женского института. Поразмыслив, полковник пришел к выводу, что сие поручение не так просто, как показалось сначала. Главной препоной был межведомственный вопрос.

За спокойствие в столице отвечало Охранное отделение, подведомственное Департаменту полиции и петербургскому генерал-губернатору. Идти в Институт с новой инспекцией означало выразить недоверие не только «охранке», но и министру внутренних дел империи. Как следовало из донесения об этом инциденте, на четверть разрушенный Прачечный корпус был самым тщательным образом – и, вероятно, не один раз – осмотрен и сыщиками, и привлеченными военными специалистами.

Дорогу начальнику Дворцовой полиции, разумеется, тут никто не заступит. И помогут, и спецов выделят, но при этом непременно сочтут, что он, Борис Андреевич, просто выслуживается перед царем. Или, того хуже, вообразят, что своих дел у Герарди мало. Пойдут доносы, намеки при личных аудиенциях… И рухнет тогда налаженное многолетними усилиями полуофициальное сотрудничество с чинами Охранного отделения, Департамента столичной полиции и министерством внутренних дел.

Да и то спросить: насколько искренней и действенной будет помощь «на сторону», ежели в недрах самого МВД и его структур царит страшное порой ведомственное «подсиживание»? Это было хорошо известно Борису Андреевичу из негласных, но вполне заслуживающих доверия источников.

Надо признать, размышлял Герарди, что крупные провалы в работе тайной политической полиции начали преследовать Столыпина в первый же год назначения его на пост министра внутренних дел. Казалось, после подавления восстания рабочих в Москве в декабре 1905 года должно было наступить «успокоение» умов и смягчение политических нравов. Однако этого не произошло. Революционное движение в империи продолжало

набирать обороты, участились террористические акты. В недоброй памяти 1906 году терроризм, казалось, достиг апогея: было совершено 4742 покушения на должностных и частных лиц. В результате 738 чиновников погибли, а 972 были ранены.

А чего стоило только одна «своя игра» Рачковского - чиновника для особых поручений при министре внутренних дел? Ни для кого из сановников не было секретом то, что Рачковский, мягко говоря, недолюбливал своего прямого начальника и не считал Столыпина способным к активной борьбе с революцией по причине «излишней либеральности».

Напряжение в отношениях министра и Рачковского достигло своего апогея в 1906 году, когда лично курируемый Рачковским агент Азеф сообщил, что группа боевиков-эсеров готовит покушение на Столыпина. Детали, сообщенные агентом, не оставляли сомнений в реальности покушения, которое предполагалось осуществить в августе, на Аптекарском острове, где министр имел обыкновение вести прием посетителей.

Доложить бы Рачковскому о сенсационно-тревожном сигнале шефу, предотвратить бы эту акцию. И в конечном итоге - заслужить славу и награды. Но расчетливый интриган рассудил иначе: надо ли ему предотвращать сие покушение в сложившихся условиях? Акция эсеров, осуществись она, наверняка избавит Столыпина от «либеральщины», сделать его злейшим врагом и революционеров, и либералов. Разумеетс, если он останется жив. Решив делать именно так, Рачковский просто скрыл от министра донос агента, втихую (и не слишком кардинально) усилил охрану шефа, и принялся с нетерпением ждать.

…В тот день министр внутренних дел Столыпин вел прием посетителей у себя на даче, что на Аптекарской набережной в Петербурге. В три с четвертью пополудни к даче подъехали карета и лакированное ландо, запряженное вороным рысаком. Из кареты вышли и быстро направились к дому три человека – двое в форме жандармских офицеров, третий во фраке. Один из жандармов, с большим портфелем в руках, мимоходом бросил швейцару, что министр надобен по крайне важному государственному делу. Швейцар, однако, службу знал и попытался заступить визитерам дорогу. Не смущаясь жандармских мундиров, он объяснил, что запись на прием к министру прекращена. «Фрачник» с силой оттолкнул швейцара, и троица почти бегом направилась к кабинету Столыпина. Наперерез им бросился агент Петербургского охранного отделения Горбатенков, следом подоспел второй агент «охранки» Мерзликин. В завязавшейся потасовке портфель с бомбой упал на пол, и тут же прогремел мощный взрыв. Словно эхо, в поджидавшем ландо от взрывной волны тут же сдетонировали две бомбы подельников. Первый же взрыв полностью разрушил часть дачи, было убито 24 и ранено 25 человек, в том числе малолетние сын и дочь Столыпина. Ландо и его пассажиры были разорваны на куски…

Следствие по делу о взрыве на Аптекарском острове позволило выявить вовремя поступивший донос Азефа и непринятие мер по нему со стороны Рачковского, однако тому удалось удачно выкрутиться.

Известно было Герарди и еще об одной «игре» Рачковского, достоверно знавшего о другом готовящемся покушении.

Удачное подавление московского бунта вызвали ненависть его организаторов к генерал-губернатору Москвы адмиралу Дубасову. На тайной сходке террористы приговорили адмирала к смерти, а в феврале 1906 года в Департамент полиции поступили сведения о готовящемся на него покушении. Проверку материала Столыпин поручил тому же Рачковскому. А тот, руководствуясь своими замыслами, повел расследование по ложному следу. В апреле 1906 года в Москве в проезжавшую коляску Дубасова была брошена бомба – погиб его адъютант, в минуту смертельной опасности заслонивший адмирала своим телом. 2 декабря того же года, в годовщину декабрьского вооруженного мятежа, покушение на Дубасова повторилось уже в Петербурге, в Таврическом саду. Когда

адмирал совершал там свою прогулку, боевики «летучего отряда» произвели по нему 13 выстрелов, бросили ему под ноги бомбу. Дубасов, однако, отделался опять ранениями.

Герарди припомнил, как Николай II на одном из докладов Столыпина в конце 1906 года высказался весьма прямо:

— А ведь министерство внутренних дел, Петр Аркадьевич, работает из рук вон плохо. Высших сановников империи революционеры щелкают как куропаток.

Но нет ничего тайного, что когда-либо становится явным, размышлял Герарди. Одно время Рачковский был вполне успешным заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции, но в 1902 году был уволен со службы прежним министром внутренних дел, Плеве. Известна его записка на имя императора, в которой Рачковский обвиняется в многочисленных должностных злоупотреблениях.

Однако через два года Плеве был убит бомбой террориста, и после этого Рачковский при содействии столичного генерал-губернатора Трепова вернулся на службу в Департамент полиции. А вскоре по рекомендации старца Григория Распутина интригана назначили вице-директором департамента.

Еще через пять лет стало известно, что организатором убийства Плеве был агент полиции Азеф, много лет сотрудничавший с Рачковским. Этот факт говорил о многом, но Столыпин не рискнул увольнять ставленника Распутина, имевшего огромное влияние на императора и всю его семью, однако вынудил того признаться в «необращении внимания» на доносы о готовящихся покушениях и отправил в отставку.

* * *

Решение пришло к начальнику Дворцовой полиции хмурым ноябрьским утром, через два дня после возвращения царского семейства: в книге записи посетителей Николая значилось имя генерал-майора Герасимова. Из примечания следовало: «доклад по запросу Е.И.В». Герарди мгновенно вспомнил единственное письмо государя, отправленное им в Петербург две недели назад. Написанное Николаем сразу после разговора с ним, оно наверняка касалось того же самого взрыва! С Герасимовым, еще недавно носившим полковничьи погоны, Герарди был хорошо знаком. Это был шанс!

Аудиенция Герасимову была назначена на полдень, и Борис Андреевич решил разыграть нечаянную встречу после ее завершения. В 12 с половиной часов он заглянул в приемную императора, где работали флигель-адъютанты и ожидали приема два министра. Перебросившись с адъютантами несколькими дежурными фразами, глава Дворцовой полиции узнал, что Герасимов явился на аудиенцию не один, а с начальником армейской разведки Лавровым. Это было неожиданно, однако, немного поразмыслив, Герарди решил планов не менять.

* * *

Между тем, разговор в рабочем кабинете Николая шел отнюдь не о взрыве на Васильевском острове.

До обозначенной провидцем Авелем и британским экстрасенсом Кайро роковой даты гибели русского императора оставалось семь лет. Отправленная волею государя год назад, экспедиция в Тибет была даже не последней надеждой Николая – скорее, ее тенью. Если он на что-то и надеялся, так это на то, что в анналах древней тибетской медицины найдется способ облегчить страдания Наследника цесаревича Алексея.

Отправившиеся в Страну Снегов граф Марк Ивелич, непризнанный официальной российской медициной доктор Илья Климов, британский подданный Ганс Ландсберг и его прислуга, карлик с труднопроизносимым именем, не могли, разумеется назвать точную дату своего возвращения. И лишь обещали – если будет такая возможность – давать о себе знать.

Герасимов, принимавший самое деятельное участие в организации необычной экспедиции в Тибет, привлек к ее подготовке главу Разведочного отделения Генерального штаба ротмистр Лаврова. Деталями участия в секретной миссии ротмистра Николай не интересовался, полагая мелочную опеку невместной для российского императора. И поэтому, услышав от дежурного флигель-адъютанта о прибытии вместе с генералом сопровождающего его ротмистра из Генштаба, удивленно поднял брови. Адъютант поспешил пояснить:

- Видимо, у ротмистра Лаврова есть дополнение к докладу его высокопревосходительства.

- Ну, что ж… Проси их, Дрентельн!

Адъютант бесшумно выскользнул из кабинета, придержал двери и пропустил к императору посетителей.

- Здравствуй, здравствуй, Александр Васильевич! – кивнул в ответ на приветствие офицеров Николай, подчеркнуто не замечая ротмистра. –Ну, как тебе после суматохи Охранного отделения служится на генеральской должности в министерстве?

- Благодарю, ваше величество – но работы хватает и в министерстве. У его высокопревосходительства Столыпина жирком не обрастешь, - с едва заметной ноткой фамильярности ответствовал Герасимов.

- Не обрастешь, говоришь? – дернул щекой Николай, не сводя пристального взгляда с Лаврова. – Господин генерал, давая тебе в прошлом году секретное поручение, я, признаться, не ожидал, что о нем будут осведомлены и в Генеральном штабе…

- Прошу прощения, ваше величество, но без деятельной помощи ротмистра Лаврова, возглавляющего Разведочное отделение, сия миссия вряд ли была бы осуществлена так, как было задумано – без сучка и задоринки!

Николай кивнул. Взгляд его, упертый в Лаврова, потерял настороженность.

- Ну, что ж, господа, коли так – прошу садиться – помолчав, император закурил папиросу и небрежно двинул серебряную коробочку к офицерам. – Курите, господа, если желаете. Курите и рассказывайте – хотя, как я понимаю, будь у вас с Тибета новости, вы бы предоставили их мне без напоминаний.

Офицеры дружно отказались от царских папирос. Герасимов бросил быстрый взгляд на Лаврова и еле заметно кивнул. Тот, кашлянув, поднялся с места:

- Если ваше величество позволит, я изложу видение ситуации с точки зрения военной разведки!

Николай сделал нетерпеливый жест, означающий повеление говорить сидя:

- Садитесь, ротмистр. И говорите, коли явились…

- Увы, государь, вы правы: информацией о пребывании в Тибете нашей экспедиции мы не располагаем, - начал Лавров. – Запрашивать о ней русского резидента в Кульдже признано нецелесообразным, поскольку тамошнее консульство не было поставлено в известность об этой экспедиции. Как вы наверняка изволите помнить, государь, предыдущая экспедиция калмыков-буддистов Вседонского войска, направленная в Тибет обычным путем, через Кульджу, быстро попала в поле зрения британской агентуры, кишмя кишащей в Тибете. И едва не была сорвана происками британцев. Именно поэтому был предложен более трудный путь проникновения нынешней экспедиции в Тибет – через Гоби. Эта предохранительная мера позволила нашей четверке избежать внимания английской спецслужбы, но одновременно сделала невозможным отслеживание ее передвижения по Тибетскому нагорью и для нас.

- А что же Доржиев?

- Доржиев в Лхасе, ваше величество, - перехватил нить беседы Герасимов. - Он также не поставлен в известность о нашей экспедиции. Кроме того, экспедиции категорически не

рекомендовано появляться в тибетской столице. Единственный телеграфный провод в Тибет проложен англичанами, а сам аппарат установлен отнюдь не в резиденции Далай-ламы.

Николай бросил взгляд на часы и поднялся с места. Тут же вскочили и офицеры, поняв, что аудиенция закончена.

- Что ж, господа офицеры… Остается только пожалеть, что у России, в отличие от Британской короны, в Тибете нет своих агентов. Стало быть, нам остается только ждать. Ждать и надеяться, - вздохнул Николай. – Можете быть свободными, господа!

* * *

-Ваше высокоблагородие! Господин генерал! - окликнул Герасимова, покидавшего приемную, начальник Дворцовой полиции.

Герасимов оглянулся и широко улыбнулся:

- Борис Андреевич! Сколько лет, как говорится, сколько зим! – шагнул он навстречу Герарди. – Что же это вы так официальничаете со старым приятелем, батенька? Помнится, раньше без чинов и титулов обходились, а?

Собеседники пожали друг другу руки.

- Блеск ваших новых эполетов разум затмил, - пошутил Герарди. – Однако, коли генерал позволяет вольничать, извольте! Здравия желаю, Александр Васильевич!

- И вам здравствовать, Борис Андреевич! Никак у вашей службы вопросы ко мне появились, а? Кстати – вы знакомы с ротмистром? Рекомендую: Лавров Владимир Николаевич!

- Знаком – не знаком, но много наслышан, - Герарди протянул Лаврову руку, стиснул в рукопожатии и немного задержал, склонив по-птичьи голову чуть набок и заглядывая в глаза. – Позвольте угадать, господа? Государь вызвал вас «на ковер» по поводу таинственного взрыва на Васильевском острове? Ежели так, то я злоумышленникам не завидую: от старого сыскного «волчары» с контрразведкой долго не побегаешь!

- Изволите иметь в виду происшествие в Женском Патриотическом институте, полковник? – прищурился Герасимов. – Прелюбопытнейший случай, конечно. Я по поручению своего шефа интересовался, было дело… Но вы не угадали, Борис Андреевич! Головомойку от государя можно и не за перепуг институток получить, хе-хе.

- Видать, в отставку мне пора, - с нарочитым сожалением и сокрушением в голосе покрутил головой Герарди. – Ну, да ладно! Господа офицеры, погоды сегодня не ахти, конечно, - но, может, вы составите компанию по парку прогуляться? Совет от вас надобен.

Герасимов и Лавров быстро переглянулись.

- Отчего ж не помочь хорошему человеку! – усмехнулся Герасимов. – Сей момент, вот только возбмем в гардеробе, и будем в полном вашем распоряжении, Борис Андреевич!

- Шинели нам на лестницу вынесут, Александр Васильевич, я уж, простите, распорядился. Прошу, господа!

Некоторое время офицеры молча шагали по засыпанным листвой дорожкам парка, невольно морщась при порывах ветра, бросавшего в лица морось. Молчание нарушил Герасимов:

- А с чего бы вам, любезный Борис Андреевич, при вашей-то беспокойной службе, еще и взрывом сим злополучным интересоваться? Или его величество планировал визит нанести «патриоткам» после возвращения с вод?

- Если и планировал, то сие мне не известно, Александр Васильевич. А вот интерес к сему незаурядному взрыву государь еще в Гессене проявить изволил. Да и я, признаться, немного обеспокоен: уж не обзавелись ли наши бунтари новейшей артиллерией? Коли так, то мне и меры соответствующие принимать надобно, как полагаете, господа?

- Ну, насчет артиллерии у «эсдэков» и прочих «максималистов» - это вы, батенька, того… Чересчур, полковник! Да вы и сами отчет соответствующий, поди, читали, нет?

- Разумеется, Александр Васильевич, - кивнул Герарди. – Читать-то читал, но, признаться сей взрыв больше вопросов ставит, нежели ответов. А вы как полагаете, ротмистр?

- Меня в Петербурге в тот день не было, - дипломатично отозвался Лавров.

- Понятно, - холодно кивнул начальник Дворцовой полиции и снова повернулся к Герасимову. - А прокатиться на Васильевский остров не желаете, господа? Чтоб своими глазами, так сказать, поглядеть? Насколько я понял, место злодеяния до сих пор находится под охраной полиции, ремонтные и восстановительные работы, несмотря на все слезные мольбы патронессы Патриотического института, отложены до особого распоряжения генерал-губернатора. Не сию минуту, разумеется, - заторопился Герарди. – Команду бы прежде собрать. Специалистов по баллистике, и сыскарей, Александр Васильевич, а?

- Были, были там уже спецы самые разные, полковник, - отозвался Герасимов. – Не проблема собрать – проблема фон Коттена, моего преемника[1] на посту «Охранного отделения», не обидеть!

- Обидчив?

- С первого взгляда – душа нараспашку. Но попробуй усомнись в профессиональной компетенции! – Герасимов неожиданно остановился, заглянул в глаза начальнику Дворцовой полиции. – Погоди-ка, брат Герарди! Нешто «объективки» на нынешнего главу «охранки» не имеешь? Хитришь, брат!

- Хитрю, - согласился Герарди. – Так как насчет нового осмотра? Государь мне приказал разузнать все досконально.

- Верю, верю, брат! – усмехнулся генерал. – Но хитрость твою и здесь усматриваю: сам не желаешь людей недоверием, да перепроверками обижать – старого Герасимова подставляешь, нет? Не возражай, не возражай, полковник! Понимаю и целиком разделяю твои мысли. Но давай сделаем так: Михаилу Фридриховичу ничего говорить не станем, и его действующих сыскарей для вторичного обревизования привлекать не будем. Почему? Да потому что он и так лучших на Прачечный корпус бросил. Не станут они заново носом землю рыть, поверь!

- Тогда как же?..

- Попробую я разыскать старого своего знакомца. Под Москвой он нынче, в своем именьице, курочками да коровками занимается после отставки. Но к старому делу интерес не потерял, знаю! И должен заинтересоваться. На тщеславие надавлю. Мыслю: примчится сразу в Петербург, чтобы вставить «фитиль» новой «сыскной поросли» - старики, они все такие! Надо будет – других «отставников» привлечет.

- Уж не Медникова ли, Евстратия Палыча, имеете в виду, господин генерал? – догадался Герарди.

- Его, Борис Андреевич, его, - усмехнулся Герасимов. – А экспертов-баллистов нам ротмистр Лавров обеспечит. Не так ли, Владимир Николаевич?

- Точно так, господин генерал! И, с вашего позволения, не петербургских тоже. Своих старых, из Тифлиса вызову. Столичным генералам да полковникам – прошу прощения, господа – оперативное чутье и забота о карьере – вещи порой несовместимые.

---

[1] Не совсем точно. После перевода в МВД с повышением в чине до генерал-майора полковника Герасимова его кресло в «охранке» ненадолго занял полковник Карпов. Вступив на новую стезю, он расследовал ряд особо опасных государственных преступлений. В работе широко использовал агентурную сеть. И уже 8 декабря того же года был подорван на конспиративной квартире своим же агентом. Тогда начальником Охранного отделения и был высочайше утвержден М.Ф. фон Коттен. Губернатор Москвы, где фон Коттен два года прослужил начальником Охранного отделения, считал его "блестящим руководителем", который воспитывал у своих подчиненных преданность к работе и "корпоративистский дух», но полагал, что он "использовал порой рискованные методы".

- Спасибо, господа! – Герарди был искренне тронут пониманием его проблемы, но все ж споткнулся. – Однако время много уйдет, господа! Пока ваши люди приедут… А ежели государь спросит меня о поручении раньше?

- Так и объяснишь, полковник: поспешишь в таком деле – людей насмешишь. Уж трое-то суток государь, поди, простит?

- Трое – простит! Спасибо, господа, - еще раз поблагодарил Герарди. – Так, может, вам мотор из царского гаража организовать, господа офицеры? Чего вы на поезде, да потом на перекладных до службы добираться будете?

- Благодарствую, полковник. Не откажусь, - понимающе улыбнулся Герасимов. – Мы в вокзале подождем мотор, ладненько? А ты иди пока, распорядись.

Отдав честь, Герарди повернулся и быстро зашагал по аллее. Проводив его взглядом, офицеры медленно двинулись в сторону главных ворот Царского Села. Молчание нарушил Лавров:

- Что-то быстро вы согласились Дворцовой полиции помогать, Александр Васильич. Или мне показалось?

- Дикая мысль в старой головенке мелькнула, ротмистр… Или нынешняя беседа с государем толчок дала – даже не знаю, право… Уж не связан ли этот взрыв с другим моим старым «другом» из прошлого? С сектантом этим, Никитиным? Тот ведь тоже, паршивец, никаких следов оставлять после своих козней не любил, помнишь?

- Как не помнить, господин генерал! Такое не забывается. Только ведь главарь «странников» вроде как утоп при последнем рандеву с нашей четверкой?

- Если точнее, то нет свидетелей, которые бы его видели после того инцидента. Но и трупа тоже нет, ротмистр! Не помню – говорил тебе, или нет – аккурат вечером того дня, как баржа с камнями стараниями Никитина на мост налетела, видел бродяжка один, как из-под помоста на реке «черт» вылез. Бородатый и в балахоне каком-то. Бродяжке в участке никто не поверил, конечно. Да и не были ориентирован личный состав на розыск живого «черта» - труп искали. Мне только через неделю доложили, когда словесное описание Никитина по околоткам пущено было. Кинулись тогда того бродяжку искать – да куда там!

- Если принять ваше предположение о причастности Никитина к взрыву как рабочую версию, господин генерал, то сразу вопросец напрашивается: почему объектом посягательства избран Патриотический институт? Причем даже не жилые или учебные помещения, где жертв от подобного взрыва было бы много, а Прачечный корпус? Ночью там даже сторожа, поди, не было – чего дамские лифчики с панталонами охранять?

- Хороший вопрос, ротмистр. Наповал бьете, - усмехнулся Герасимов. – Давай-ка подождем, пока Медников из Белокаменной прибудет, а? Он со «странниками» вплотную дело имел, и в результате контакта с ними даже под наблюдение психиатра попал. Ненадолго, правда – но к оперативной работе так и не был более допущен. Со странностями в голове мужичок стал, да… Обиделся, конечно, когда в отставку отправляли. А что было с ним делать, ротмистр? У меня в «охранке» работа живая была, не для задумчивых…

- А вот, кажется, и наш мотор, Александр Васильич. С Герарди на подножке. И последнее спрошу, пока он не подъехал: вы про Медникова изволили вспомнить из-за того самого?

- Да, Лавров. У него свой счетец к Никитину. И изумительная интуиция у старика, ротмистр: как говорится, всякую нечисть за семь верст в грозу с градом чует!

* * *

Четверо опытных артиллеристов, имеющих большой практический навык в своем деле, самым добросовестным образом исследовали пострадавший от взрыва угол

Прачечного корпуса более пяти часов. Делали соскобы подозрительных пятен на устоявших стенах и полуразрушенных перекрытиях, ворочали обломки, искали осколки взрывного снаряда с помощью мощных магнитов. Рылись в мусоре в поисках обрывков электрических проводов, посредством которых можно было бы взорвать адскую машинку – ну, это уж так, попутно.

Герарди, Герасимов и Лавров, конспирации ради одетые в статское, поначалу тоже пытались что-то искать, однако раздраженные тифлисцы ясно дали понять «штафиркам»-чиновникам о неуместности их «путания под ногами», и генерал с полковником и ротмистром перешли, чтобы не мешать, в уцелевшую часть здания. Комендант, бойкий старичок в мундире надворного советника, принес господам «инспекторам» чертежи всех корпусов Патриотического женского заведения, долго и с воодушевлением рассказывал о его истории и поил чаем.

Что касается старого сыскаря Евстратия Медникова, то он привел на ревизию двух своих старых приятелей по службе в «охранке», ныне отставных. Сыскные на развороченный угол корпуса глянули мельком, ноги по обломкам ломать не пожелали и сосредоточили свое внимание на осмотре близлежащих окрестностей.

Сам Медников подошел к пролому в стене, поглазел на сосредоточенно роющихся в обломках офицеров. Один из них, сквернословя, снимал с круглого куска магнита налипшие дамские шпильки. Евстратий, будучи старовером, ругани на дух не переносил. Осуждающе покачав головой, он перевел глаза вниз, двинул носком ботинка кучу мелкого мусора. Что-то в нем привлеко его внимание старого сыщика. Наклонившись, он поднял находку, покрутил в пальцах – это был явно обломок рога. Медников не мог ошибиться: молочная ферма в Подмосковье была у него еще во время службы – и благодаря ей – в охранке. Но откуда бы в прачечной рогам взяться?

- Послушайте, любезный – как вас там? – окликнул его один из офицеров. – Что вы сейчас подняли? Не металл?

- Не-а, ваш-бродь, - покачал головой Медников. – На кость коровью похоже…

- Ничего удивительного: судя по планам здания, у обслуги тут кухонька своя была. А вы шли бы по своим делам, любезный, - проворчал офицер. – Отвлекаете только.

- Ага, ухожу, ваш-бродь…

Рассеянно подкидывая на ладони странный обломок, Медников оглянулся.

Прачечный корпус стоял в отдалении от учебных и спальных корпусов Института и был отделен от них садом. В десятке саженей от здания, за высоким каменным забором, глухо шумела речка Карповка.

Кухонька, говорит его благородие, рассеянно думал Медников. Полагает, что кто-то суп ел и выплеснул остатки. Только кто из рогов-то щи или борщец варит, скажите на милость? Опять же – обломан рог: скорее, уж бык чесался, да и обломил кончик. Но вряд ли по территории женского заведения коровы бродят – дикость сие!

Он внимательно разглядывал находку. Обломок рога, который Медниов поперву принял за коровий, был странен: у тех кончики острые, а этот с закруглением на конце. И старый – весь, кроме неровного облома, покрыт темной коркой. Опять же – пазухе внутри рога быть полагается, а ее нету. Ладно, опосля разберемся, решил сыщик. Сунув находку в карман, он направился на визуальный осмотр места происшествия.

Через пару часов Медников разыскал начальство и спросил дозволения «похитить ненадолго» коменданта Института. Надворного советника он попросил захватить план территории.

На улице Медников подвел старичка к забору и спросил, указывая на тянущиеся к зданию канавы с арочным перекрытием из кирпича: что есть сие?

Комендант охотно пояснил:

- Патриотическому институту нашему без малого сто лет, в минувшем веке он был основан-с, господин хороший. А поскольку Прачечный корпус имеет вполне определенное назначение, то нуждается в обеспечении водой для стирки белья воспитанниц. В прежние времена по верхнему отводу вода из Карповки самотеком шла в подвал здания, откуда забиралась по потребности прачками. Нижний канал – вот этот-с, у разрушенной ныне части здания, был предназначен для сброса грязной воды в ту же Карповку – только ниже по течению, разумеется. Ну, сейчас-то, господин хороший – простите старика, не ведаю, как вас звать-величать – для закачки и сброса воды насосы имеются. Установлены они в подвальном помещении, вход в которое, увы, ныне засыпан.

- Понятно, - перебил Медников. – А что за калитка железные в заборе? И для чего пристроенное к забору сооружение?

Комендант скупо улыбнулся:

- Ну, как же, господин хороший, нешто непонятно? Патриотический институт – заведение сугубо женское. Мужскому сословию сюда хода нет, разве что преподаватели различных дисциплин для воспитанниц допускаются. И то – строго в возрасте, предпочтение старичкам всегда отдавалось. Но и без молодого мужского сословия никак в хозяйстве не обойтись, верно? Рабочие, садовники, ассенизаторы в тую калиточку и проникали-с. В первую очередь – для чистки водоводов, кои раньше представляли собой открытые желоба. Чего в них из речки, из Карповки то есть, не приплывало – хе-хе-хе! А годов этак десятка три, как трубы заместо желоба проложили, так калиточка без надобности оказалось. Как и ход в закрытую канаву, начинающийся в будке. Нынче, как изволите видеть, железо в дверях ржой поросло, а будка заколоченная стоит. У меня и ключей-то от сих дверей давно нету – без надобности они.

- А коров тут никто не держал, ваш-бродь?

Комендант аж отпрыгнул, поглядел на собеседника дико:

- Вы это о чем, сударь?

- Да я так спросил, - Медников улыбнулся и шаркнул ножкой. – Не смею вас задерживать более, господин комендант! Вы ступайте себе, а я еще маленько тут поброжу, огляжусь.

- Как вам будет угодно-с! Только умоляю и прошу: в парк не углубляйтесь, господин хороший! А ежели нужда заставит – мне шумните, я сопровожу-с. Мне так патронесса института, госпожа Ливен, наказала. Не пойдете в парк? Ну и славно, ну и славно: одной печалью меньше-с!

Избавившись от назойливого и словоохотливого старика, Медников подошел к заколоченной будке вплотную, попытался заглянуть в заросшее грязью и наполовину заколоченное досками окошко. Особое внимание уделил дверным петлям и замкам в двери будочной и в калитке. Свистнул приятелю-«отставнику». Тот, подойдя, без труда открыл отмычкой и будку, и калитку.

Первыми рапорт представившимся «статским штафиркам» сдали артиллеристы: ничего не найдено. Ни единой шрапнельной пули, ни единого осколка. Следов взрывчатки тоже нет.

- Стало быть, попадание в здание артиллерийского снаряда исключено? – подвел итог генерал.

- Точно так, ваше высокоблагородие! Следов террористической акции тоже нет, - развели руками специалисты.

- Тогда что же это было? – раздраженно осведомился полковник Герарди.

- Понятия не имеем, господин полковник. Да и характер разброса обломков странный, впервые такое наблюдаем-с. Так выворотить угол из здания, в принципе, мог бронебойный снаряд. Сначала таковой снаряд пробивает в стене отверстие, а потом

взрывается внутри. При этом взрывная волна ищет выход и разбрасывает обломки снаружи…

- Знаю! – перебил Герарди. – Знаю, сам из артиллеристов, господа офицеры. Правда, последний раз на полигонах и стрельбищах был лет десять назад. Может, с тех пор какие-то новые системы огня появились? Нет?

Артиллеристы дружно затрясли головами.

- Такое впечатление, что по зданию ударил гигантский молоток, - смущаясь, высказал идею один из тифлисцев. – Мы с братом, когда малыми были, так баловались. Батюшка как-то подарил нам на Рождество наборы деталей для сооружения игрушечных соборов. Брат первым построил свой, и ну меня дразнить. Я со злости молоток схватил и ударил по его игрушке… Смешно, конечно, ваше высокоблагородие – но очень похоже! Все обломки внутри…

- Внутри, - повторил Лавров. – Да, господа офицеры, сие было бы смешно, коли не выглядело столь печально… Что ж, раз так – не смею более задерживать. Извозчики у входа дожидаются, прошу следовать в штаб для отметки в путевых листах и получения прогонных и дорожных сумм. Спасибо за службу, господа!

Проводив офицеров, Лавров вернулся к Герасимову:

- Ну, а ваши «волчары сыскные» что-нибудь нашли, господин генерал?

- Медников обнаружил следы пребывания возле Прачечного корпуса возможных свидетелей, кои могли быть в непосредственной близости от взрыва. Однако сейчас их на месте нет. Евстратий планирует устроить засаду и доложить, ежели что, завтра утром.

- Туман сплошной, Александр Васильевич, - пожаловался начальник Дворцовой полиции. – «Возможные свидетели», коих на месте нет. На каком месте? «Могли быть» - стало быть, могли и не быть? Нельзя ли поконкретнее?

- Калиткой в ограде, по утверждению коменданта, сто лет как не пользуются. Как и будкой у ограды. Все заколочено, гниль и ржавчина. Однако Евстратий углядел, что петли и навесы дверей хорошо смазаны. Есть следы масла и на замках. В самой будке свежие следы пребывания людей – всякие огрызки, стаканы со следами вина, заправленные керосиновые лампы и керосинки для обогрева. Он полагает, что тут живут бродяги. Днем по городу шастают, пропитание ищут, а ночью потихоньку через калитку сюда забираются для ночлега. А что? Уголок заброшенный, никаких полицейских облав, как в ночлежках. Тишь да гладь. В общем, утром он мне доложит.

* * *

- Так что отправил я Медникова обратно в Москву, к своим курам да коровам, - протелефонировал на следующий день Герасимов в Царское Село. – Его предположение подтвердилось: бродяги в Институте себе ночлежку бесплатную устроили. Той ночью вода в Неве и всем каналам с речками поднялась, крысы от нее в будку к ним и полезли. Вот бродяжки и не спали, от крысиного нашествия оборону держали, хе-хе… А тут и грохнуло. Взрыва, как такового, клянутся, не было – только грохот от разрушения здания. Словно само по себе рассыпаться стало. Бродяги с перепугу дёру дали, с неделю в своей берлоге не появлялись, полиции опасались. А потом вернулись. Тут их Евстратий и укараулил. Вот такие дела, Борис Андреевич!

- Что же мне государю докладывать? – уныло вопросил тот.

- Это уже не моя, слава Богу, печаль! – хохотнул Герасимов. – Нечистый пошутковал, не иначе, Борис Андреевич. Это, полагаю, больше по части нашего старца[1]. Ты бы к нему обратился, полковник! Он у государя в большом авторитете, пусть и разъяснит ему. Хе-хе…

[1] Имелся в виду Григорий Распутин.

- Вам смешно, господин генерал, - вздохнул Герарди. – А мне как-то не до смеха… Во всяком случае, спасибо за содействие. Даю отбой.

РЕТРОСПЕКТИВА -20 Смертельная дорога в горах

Когда Ландсберг покинул около полудня Янсы и в сопровождении пса зашагал по тропе к перевалу, староста Чжан-ваньду позвал к себе нескольких мужчин.

- Демон уходит из нашей деревни. Это очень хорошо. Но он не должен никому рассказать о нашей долине и наших карликах. Это будет очень плохо… Читя! Ты не смог исполнить мое повеление, и должен исправить свою оплошность. Демон наверняка будет ночевать на перевале. Воспользуйся этим, обгони его по боковой тропе и сделай с помощниками так, чтобы завтра демона и его летучую собаку накрыла лавина…

* * *

Ландсберг и вправду рассчитывал заночевать на гребне перевала, с тем, чтобы начать трудный спуск на завтрашнем рассвете. Кроме изрядно потяжелевшего в Янсы дорожного мешка, он нес две вязанки сухого хвороста, которым его снабдили карлики. Однако настроение у Ганса было отнюдь не праздничным. Спускаться с тяжелой поклажей по узкой горной тропе, не будучи профессиональным альпинистом, было смертельно опасно. Кроме того, ему предстоял длительный пеший переход до Синина. Он знал только приблизительное направление, и главным на первом этапе было добраться до монастыря: оттуда к Синину вела нахоженная дорога. Будь у него лошадь, он мог бы забрать спрятанную в камнях часть поклажи, которая никак не помешает ему в дороге, но увы: одну лошадь растерзал невесть кто, а вторую он сам отпустил на вольный выпас перед подъемом на перевал.

С этими невеселыми мыслями он и уснул, добравшись до гребня уже затемно.

Проснувшись на рассвете от пронизывающего холода, от которого не спасли ни одеяла, ни теплый плед, подаренный на прощанье карликами, Ганс раздул тлеющие угли костра, добавил хвороста и плотно позавтракал вяленым мясом, разделив его с псом. С тяжким вздохом навьючил на себя кладь, вооружился крепким посохом и начал спуск.

Тропа показалась ему уже, нежели при подъеме. Она вилась вдоль практически вертикального склона горы. Прижимаясь одним плечом к этому склону, Ганс старался не заглядывать в глубокую пропасть, в которую скатывалась потревоженные им мелкие камешки. Пес тоже старался не рисковать, и на наиболее крутых участках тропы просто садился, и помогая передними лапами, съезжал по ним на несколько футов.

Напряжение при спуске давало о себе знать дрожью в коленях, и Ландсберг, проклиная свою затею с путешествием по Тибету вообще и поход на родину Арюунэрэла в частности, ждал более или менее широкого участка, чтобы передохнуть и отдышаться.

Наконец, он добрался до небольшой площадки шириной почти три фута под нависшим над ним «козырьком» скалы. Сбросив поклажу, Ганс с наслаждением растянулся на голых камнях. Пес, тяжело дыша и вывалив язык набок, немедленно устроился рядом.

В горах, наверное, никогда не бывает абсолютной тишины, размышлял с закрытыми глазами Ландсберг. Вот и сейчас он слушает унылые посвисты ветра, тяжелое дыхание собаки, далекое журчание невидимого горного ручья где-то внизу. А какая мертвая тишина была в «пантеоне» Сынов неба! Вспоминая детали своей недавней экспедиции в могильник «дзоппа», Ганс, не открывая глаз, невольно поёжился. И сразу обратил внимание, что что-то вокруг изменилось.

Он открыл глаза и покосился на пса: тот с настороженным видом, склонив лобастую голову набок, смотрел куда-то вперед и наверх. Ганс поднял глаза, но ничего не увидел из-за «козырька» над головой.

Между тем, собака поднялась на ноги и сделала несколько шагов вперед, по-прежнему задрав голову вверх. Ландсберг подтянул поближе винтовку, загнал патрон в казенник. Щелчок затвора совпал с тихим шорохом струйки мелких камней, скользнувшей откуда-то сверху. Подхватив винтовку, Ганс, в отличие от пса, попятился назад, вышел из-под прикрытия нависшей над тропой скалы – и снова ничего не увидел. Чтобы заглянуть повыше, надо было встать на самый край тропы, над обрывом. Но рисковать он не хотел: если придется стрелять, отдача может вывести его из равновесия и сбросить вниз.

Тем временем пес продолжал осторожно красться вперед и скрылся за поворотом тропы. Прижимаясь к скале, Ландсберг напряженно ждал неизвестно чего: струйка камней могла посыпаться вниз из-под лап медведя или снежного барса – его предупреждали, что тут водятся и эти хищники. Его мог выслеживать и человек, может быть, даже дикий.

По-прежнему прижимаясь к скале, Ганс вдруг почувствовал ее дрожь, и тут же до него донесся грохот катящихся сверху камней. Не видя пока лавины, Ландсберг инстинктивно бросился под защиту каменного козырька, отчаянно зовя пса. В этот момент сверху посыпались огромные обломки скального грунта, а за ними – сплошной ревущий каменный поток. А потом он увидел собаку, ползущую к нему. Псу, видимо, досталось: морда у него была в крови. И полз он, потеряв ориентацию, по самому краю тропы, взвизгивая при каждом попадании в него камней.

Бросив винтовку, Ландсберг рванулся к собаке. Не обращая внимания на удары камней по голове и плечам, он подхватил собаку на руки и понес ее под защиту «козырька».

Сколько он пролежал, полуоглушенный, рядом с собакой – он потом так и не мог вспомнить.

Наконец, лавина иссякла, сверху с сухим шорохом сбегали последние струйки песка и мелких камней. Помотав головой, Ганс отряхнулся от пыли, встал на колени и принялся осматривать и ощупывать пса. Хребет вроде не перебит, кровь на морде – от сорванного острым обломком камня лоскута кожи между ухом и глазом. Теперь лапы: ощупывая их, Ганс наблюдал за реакцией пса. Вроде кости лап тоже целы, но на левом бедре вздулся большой желвак, прикосновение к которому всякий раз вызывало жалобное повизгивание собаки.

- Потерпи, пес, потерпи! – Ландсберг подполз к дорожному мешку, вытащил из бокового кармана аптечку, несколько мгновений тупо глядел внутрь коробки из бычьей кожи, соображая, что именно сейчас нужнее всего.

Может, попробовать мазь из перетертых тибетских трав? Именно такой лечил разбитое при падении с лошади колено один из проводников на пути в Синин. Но то был человек – поймет ли пастуший пес его добрые намерения?

- Сейчас будет немного больно, пес! Но ты же умница, ты же понимаешь, что я хочу помочь тебе, верно? – приговаривая так, он устроил голову собаки у себя на коленях, протер ладони спиртом, зачерпнул мазь и наложил ее на рану на голове.

Пес дернулся, зарычал, оскалил нешуточные клыки.

– А ну, тише, скотина неблагодарная! – прикрикнул Ганс и подставил к клыкам свободную ладонь. – На, кусай!

Пес немедленно ухватил ладонь зубами, но челюсти сжал не сильно, не переставая при этом глухо рычать, словно предупреждая: смотри! Сделаешь больно - останешься без руки!

- Ах ты, негодяй! – проворчал Ганс. – Как же я одной рукой управляться-то буду?

Он сидел рядом с собакой, гладя ее и уговаривая потерпеть, словно ребенка. Наконец, пес вытолкнул языком руку хозяина из пасти и лизнул ее. То ли мазь подействовала, то ли он понял добрые намерения хозяина? Ганс поспешно наложил поверх мази кусок своего платка и принялся бинтовать собачью голову. Потом втёр мазь в желвак

на задней ноге и устало прислонился к скале. Пес потянулся, понюхал мазь, лизнул ее и затряс головой.

- Что, невкусно? – хмыкнул Ландсберг. – То-то, брат! Ты полежи, а я погляжу, что у меня с плечом.

Расстегнув куртку, Ганс с трудом стянул ее: плечо отчаянно болело, да и приподнять левую руку он смог лишь до плеча. Рукав теплой рубашки, чтобы не мучиться, он просто отрезал ножом и присвистнул, увидев, что верх рукава весь пропитан кровью. Дотянувшись пальцами правой руки до левого плеча, он обнаружил длинную рваную рану. Наложив на нее остатки мази, он не стал одеваться: о том, чтобы сегодня идти дальше, не могло быть и речи.

Подвесив больную руку на остатки бинта, Ландсберг разложил хворост для костра, однако зажигать его пока не стал: солнце едва перевалило зенит. Расстелил одеяло и улегся под самой скалой, подальше от обрыва. Положив под руку винтовку, он бросил в рот шарик опия, разжевал его.

- Давай отдыхать, пес, - буркнул он. – Кто-то едва не отправил нас с тобой на тот свет, и это требует осмысления…

Уже засыпая, он почувствовал на больном плече горячее дыхание собаки. Фыркая, пес слизал с раны на плече хозяина ненужную, по его разумению, гадость, и принялся зализывать повреждение. Ганс не сопротивлялся: ему доводилось слышать о целебных свойствах собачьей слюны. Вот только шершавый язык пса… Ничего, можно и потерпеть.

Ландсберг проснулся от холода. Солнце почти скрылось за горной цепью. Он разжег костер, поставил на огонь котелок с водой, бросил пару пригоршней жареной муки, насыпал полосок вяленого мяса. Не слишком вкусно, зато сытно. Попробовал двигать рукой – плечо по-прежнему пронизывала острая боль.

Варево на Тибетском нагорье закипает по причине разреженного воздуха быстрее, чем на равнине, и ждать Гансу особо не пришлось. Через силу съев половину котелка, он подставил остатки псу. Однако тот отказался есть, сколько Ганс его ни уговаривал.

- Нет аппетита, пес? Ну, тогда будем ждать, пока он появится.

Ландсберг сдвинул костер немного в сторону, и улегся на нагретые камни. Подбросив в огонь хвороста, он принял еще одну дозу опия и закрыл глаза.

* * *

Спуститься с перевала Ландсбергу удалось только на четвертый день после схода лавины. Рана на правой руке опухла, и лямки дорожного мешка пришлось закрепить на правом плече. После первой ночевки пес отказался вставать, и двинулся за хозяином только после того, как тот скрылся за поворотом тропы. Он ковылял на трех лапах, и через каждые несколько футов пути садился. Ганс был в отчаянии и понимал, что им обоим требуется несколько дней отдыха. Но топливо для костра неумолимо уменьшалось с каждой стоянкой, и альтернативы попытке побыстрее спуститься вниз просто не было.

Всякий раз, останавливаясь, человек и пес лечили друг друга: Ганс массировал собаке внушающий тревогу желвак на задней лапе, а потом подставлял псу свою рану, чтобы тот зализывал ее. После третьей ночевки в горах Ландсберг заметил, что пес уже пытается опираться на больную ногу, да и садиться для отдыха стал пореже. Его же опухоль начала спускаться от плеча вниз и уже дошла до пальцев, ставших похожими на сосиски.

Последний хворост сгорел вечером третьего дня. Его оставалось так мало, что похлебка в котелке не успела закипеть. Укладываясь спать, Ландсберг потрепал пса по загривку:

- Если до конца завтрашнего дня мы не сумеем спуститься на равнину, то тебе, пес, придется хоронить меня. Или съесть своего хозяина, чтобы поддержать свои силы…

Ночь Ганс провел без сна, прислушиваясь к пульсирующей боли в больной руке и дрожа от холода. У него начинался жар, и он серьезно подумывал над тем, чтобы оставить мешок с одеялами, добытыми в могильнике «дзоппа» трофеями и черепом-амулетом.

Пес, в отличие от хозяина, явно шел на поправку. За ночь он опустошил котелок с остывшей похлебкой, и двинулся вниз по тропе на всех четырех лапах. А если и садился, то не для отдыха, а для того, чтобы попытаться содрать с головы бинты. Ландсберг же механически переставлял ноги, волоча мешок. Винтовку пришлось повесить на шею. Он не замечал, что тропа уже стала более широкой и пологой, что пропасти больше нет, и он шагает по ложбине между невысоких желто-коричневых холмов без малейших признаков растительности.

Но вот еще один поворот – и перед ним открылась долгожданная равнина с высокой травой и редким кустарником. Пес убежал вперед и скрылся в густом разнотравье. Доковыляв до большого валуна, Ландсберг бессильно опустился на него, вяло поднес к глазам бинокль, повел им по сторонам. Ага, вот и каменный «курган», под которым он спрятал палатку, седло и другую поклажу перед подъемом…

Высматривая подходящее для костра дерево, он вдруг заметил примерно в полумиле от него какое-то движение. Поморгав и встряхнув головой, чтобы разогнать пелену перед глазами, он снова приник к биноклю.

Лошадь! Это была лошадь, которую он отпустил. Однако радость тут же сменилась отчаянием: вряд ли полудикая скотина позволит себя поймать. И вряд ли у него хватит сил, чтобы набрать тонких веток кустарника для костра…

Из травяных зарослей выскочил пес, изо рта у него свисала зеленая слюна. Подбежав к хозяину, он уселся напротив и заскулил, словно подбадривая Ганса.

- Ты молодец, пес: нашел для своего лечения какие-то травы, - Ландсберг раздвинул потрескавшиеся губы в улыбке. – А я тебе, наверное, уже не попутчик. Разве что ты сумеешь найти и пригнать сюда лошадь.

В отчаянии он из последних сил обхватил собаку, поставил ее на валун рядом с собой и показал рукой в сторону лошади:

- Лошадь, пес! Приведи ее ко мне! Видишь лошадь? Ищи, - и он столкнул собаку с камня.

Пес явно не понял хозяина. Он неуверенно завилял хвостом, сел на землю. Дождавшись, пока перед глазами спадет муть пелены, Ландсберг повторил попытку, пресекая попытки собаки лизнуть его щеку или руку. Пес явно не видел едва заметную темную спину лошади седи буйной зелени плоскогорья и не понимал, что от него хотят. В отчаянии Ганс уложил на валун мешок, велел охранять, а сам отошел на несколько шагов, стараясь попасть на линию между головой собаки и пасущейся лошадью. И случилось чудо: пес, следя за хозяином, вдруг явно увидел вдали какое-то движение. Он весь напрягся, заскулил. Ландсберг снова вытянул руку:

- Лошадь! Ищи лошадь, пес! Приведи ее сюда!

Собака спрыгнула с камня и целенаправленно побежала в нужную сторону. Когда она исчезла среди поросли, Ландсберг обессиленно опустился на землю и потерял сознание.

Очнулся он от громкого рычания. Он с трудом разлепил глаза, приподнялся на локте: в нескольких шагах от него пес, упираясь в землю всеми лапами и вцепившись зубами в недоуздок, тянул к нему сопротивляющуюся лошадь. Та ржала, дергала головой и норовила вырваться и убежать.

- Пес, пес, какой же ты хороший! – Ландсберг пополз к лошади на четвереньках, но та испугалась еще больше, встала на дыбы и едва не вырвала упряжь из зубов собаки.

Поняв свою оплошность, Ганс заставил себя встать на ноги, приняв привычный для лошади вид. Посвистел, почмокал, медленно направился к ней, успокаивая голосом. Лошадь насторожила уши, вспоминая знакомый голос. Она все еще тянула недоуздок, но больше для порядка, словно возмущалась собачьей бесцеремонностью.

Улучив момент, Ландсберг упал прямо на недоуздок, вцепился в него здоровой рукой, благодаря судьбу за то, что, опуская лошадь, он расседлал ее, но недоуздок все же оставил.

На то, чтобы подвести лошадь к тайнику в камнях и оседлать ее, Гансу потребовалось около двух часов. У него кружилась голова, несколько раз он на мгновение терял сознание, но упряжь держал мертвой хваткой. Чтобы навьючить лошадь, пришлось привязывать к мешкам веревки, и, перекинув их через седло, тянуть изо всех сил. А чтобы взобраться на лошадь, пришлось подводить ее к большому камню.

- Мне нужно к людям… К людям – иначе я умру, - бормотал он, отчаянно боясь соскользнуть с седла и упасть. – Мне нельзя падать, я же Ландсберг! Ландсберги никогда не падали… только когда были убиты. А я живой!

Чтобы не потерять сознание, он шевелил левой рукой, и отчаянная боль простреливала все его тело. Он понукал лошадь, торопясь к монастырю – там ему помогут. Наступили короткие сумерки, потом в небе вспыхнули невероятно яркие звезды. Пес бежал рядом с лошадью, часто поднимал голову, и звезды отражались в его глазах.

Уже под утро он приметил здоровенный валун, и направил лошадь к нему. Слезая с лошади на валун, Ландсберг пошатнулся, но каким-то чудом не свалился. Поднес к глазам бинокль – и увидел вдали мерцающий огонек. Монастырь! Сесть верхом он уже не смог, плюхнулся животом поперек седла и погнал лошадь вперед.

Через час он потерял сознание и соскользнул с лошади. Пес долго скулил, облизывал его лицо, пытался тянуть зубами за одежду. Потом завыл, и, продолжая выть, тяжелыми скачками помчался к монастырю. Он рычал, скулил, бросался на запертые резные двери всем телом, пока несколько перепуганных монахов не выглянули наружу.

Увидев на пороге рослую собаку, голова которой была замотана чем-то белым, монахи, творя заклинания от демонов, попытались закрыть двери, но не тут-то было! Пес вовремя разгадал маневр, и, кинувшись на дверь всем телом, проскочил внутрь. Монахи в ужасе отступали, но «демон» и не думал бросаться на них, впиваться в горло и сосать кровь. Усевшись у входа, он поднял голову и завыл. В неверном свете факелов монахи разглядели, что белые тряпки на голове пса – грязные, наполовину размотанные белые ленты, которыми обычно пользуются для лечения европейцы. Заклинания защиты от демонов на собаку не действовали: она и не думала таять в воздухе или превращаться в кого-то еще.

Немного взбодрившись, монахи попытались прогнать пса из священной обители, но он, уворачиваясь от пинков, хватал их зубами за полы одежды и тянул куда-то наружу.

Случай был неординарный, и монахи разбудили ламу, главу монастырской школы. Омце посчитал, что его разума для решения проблемы с неизвестно откуда взявшимся псом маловато, и неохотно отправился за настоятелем монастыря. Прервав свои медитации, тот вышел из своей кельи, прикрикнул на монахов, и долго разглядывал пастушью собаку. Потом римпоче велел распахнуть двери, и пес немедленно выскочил наружу, но тут же снова уселся на землю и завыл. Римпоче вышел вслед за ним, запрокинул голову к небу и широко раскинул руки. Постояв так, он распорядился:

- Идите за собакой, братья. Она зовет нас к человеку, с которым случилась беда…

Монахи зажгли факелы и двинулись за собакой. Увидев, что его, наконец, поняли, пес помчался вперед. Впрочем, он тут же вернулся и принялся тянуть монахов за полы халатов, словно умоляя ускорить шаги.

Собака уводила монахов все дальше и дальше от монастыря, и те начали роптать. Кто-то предположил, что невесть откуда взявшийся пес – все же очень сильный демон, на которого обычные заклинания не действуют. Высказывались осторожные предположения, что римпоче мог и ошибиться, что никакого нуждающегося в помощи человека нет, а пес – колдун в собачьем обличье.

Наконец, кто-то разглядел в темноте, немного рассеянной светом звезд, силуэт лошади. Монахи ускорили шаги, и вскоре увидели человека, лежащего на земле под огромным валуном. Человек был без сознания, однако вокруг его правой руки был обмотан конец веревки. Другой конец был привязан к поводьям вьючной лошади.

Монахи, творя молитвы, осторожно подняли раненого европейца, положили его поперек седла и торжественно двинулись обратно к монастырю.

Занеся внутрь европейца, монахи вновь попытались прогнать проскользнувшего следом пса, но тот так страшно рычал и скалил зубы, что римпоче решил, что правил без исключений не бывает.

- Собака спасла этого человека, братья. Видимо, ей не чужды некоторый разум и благодарность. Видите повязку на ее голове? Видимо, этот европеец лечил свою собаку, и она посчитала своим долгом отплатить хозяину добром. Пусть она остается вместе с европейцем.

Он распорядился раздеть человека и осмотрел его раздувшуюся от плеча багровую руку. Поняв, что молитв и заклинаний для лечения такой раны будет недостаточно, он велел двум монахам отправляться за лекарем в ближайшее селение.

- Отправляйтесь все спать, братья, - велел он. – Я побуду с незнакомцем и попытаюсь определить – кто он и как сюда попал.

Оставшись с европейцем и его собакой наедине, римпоче уселся на подушки принялся медитировать. Потом он встал и, поколебавшись, развязал дорожный мешок ночного гостя, по-прежнему пребывающего в беспаматстве.

Обнаружив в мешке рогатый череп с «живыми» глазами, римпоче с несвойственным настоятелю проворством отскочил к дверям. Немного поразмышляв, он решился взять череп в руки и внимательно его осмотрел. На остальное имущество Ландсберга он не обратил внимание.

Выйдя из помещения для гостей, куда определили больного, он распорядился найти ламу, который знал английский язык:

- Больной бредит, у него жар. Пусть у его изголовья останется человек с ингизским языком, и пусть он запоминает все, что скажет в бреду пришелец.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Новые знания

- Он что – серьезно полагает, что я смогу научиться этим диким танцам? – мрачно осведомился Ивелич, кивая на беснующихся на поляне учеников колдуна.- Но это же просто смешно, господа! Потомственный дворянин с графским титулом лихо отплясывает на костях, ха! Видели бы меня в этот момент петербургские знакомые!

Друзья сидели на скатанных по-солдатски одеялах на небольшом холмике, наблюдая за продолжающимся второй час действом.

- Всякому ученику нужно тренироваться в ритмическом танце, рисуя ногами на земле геометрические фигуры, - с неуловимой насмешкой в голосе наставительно отозвался Ландсберг. – Вашей светлости надо научиться вертеться на одной ноге в обе стороны, и при этом постукивать в такт по земле пяткой и подпрыгивать. Наконец, ученик

должен уметь манипулировать особым способом различными предметами культа и играть на тамбурине и на «канглинге», ритуальном духовом музыкальном инструменте Тибета.

- Канлинге? – подозрительно покосился на собеседника Ивелич. – япрямо страшно спрашивать – что сие означает?

- Инстумент обычно изготавливается из берцовой человеческой кости, оправляемой в серебро. Видите два отверстия, расположенные в его расширяющейся части? Они называются «лошадиные ноздри». Канлинг используется при совершении обряда «тшед».

- Да вы с вашим Аюунэрэлом просто смеетесь надо мной! – взорвался, наконец, Ивелич. – Дуть в трубу из человеческой кости, дико брыкаясь при этом… Я христианин, если вы не позабыли об этом!

- Мы все тоже христиане, Марк, - отозвался доктор Климов. – Если, конечно, не считать Провидца. И нам не больше твоего нравится это шаманство под ярким солнцем. Но что поделаешь – таковы местные правила этой «игры», призванной постичь искусство очищения.

- А что это за обряд «тшед»? – подозрительно осведомился Ивелич. – Надеюсь, для его прохождения мне не придется выходить с кистенем на гнусный разбойничий промысел и добыть себе ваш проклятый канлинг, убив для этого какого-нибудь несчастного паломника на дороге?

- Успокойтесь, ваша светлость! Человека, из тела которого была извлечена эта кость, убили давным-давно. А, может, он помер естественной смертью. Обряд «тшед», практикуемый в тибетском буддизме, заключается в предложении своего тела в пищу духам и демонам по образцу шаманского переживания смерти-воскресения, - невозмутимо пояснил Ландсберг. - Его цель - преодоление иллюзии своего «я» и дуализма сансары и нирваны[1]. Кстати говоря, подчинение демонов, перевоспитание их в покорных слуг, а в случае непокорности обезвреживание или уничтожение входит и в функции официального ламаизма.

Ивелич громко застонал и обхватил голову руками:

- Друзья, даже если вы убедите меня заняться всей этой гнусью, я физически не смогу выплясывать так, как эти молодые безумцы в рубищах! Мне ведь уже за пятьдесят, и у меня нет балетной практики!

- Марк, ты просто черный эгоист! – заметил Климов. – Я всего-то на пару лет младше, и тоже не могу так дрыгаться в силу возрастных изменений. Вот мистер Ганс в лучшем положении: он всю жизнь ежедневно тратил по паре часов на китайскую гимнастику. Попробовал – и понял, что сможет. Это для нас с тобой Провидец в рейд по озерам отправился – за травами и водой какой-то особенной.

Ивелич кисло поглядел на друзей:

- В Арюунэрэла я с некоторых пор безусловно верю, господа. И благословляю минуту, когда тебе, Илья, пришла в голову мысль покопаться в его мозгах. Очень обидно, конечно, что сия мысль пришла тебе в голову только здесь, а не в Петербурге! Вполне допускаю и то, что такие старые сатиры, как мы с тобой, нажевавшись его трав, сможем уподобиться вот этим, - он мотнул головой в сторону непрекращающейся пляски учеников колдуна. - Но не кажется ли вам, друзья, что мы несколько уходим в сторону от главной цели нашей миссии в Тибет?

Он начал загибать пальцы:

---

[1] Дуализм - это сосуществование двух различных, не тождественных друг другу принципов. Сансара означает перерождение, но у нее гораздо больше смыслов, чем только этот. Она подразумевает теорию переселения душ и «круговерть жизни». Нирвана – досл. затухание, угасание. Согласно всем школам буддизма, это конечная цель человеческого существования, осуществление которой равнозначно окончательному уничтожению страдания, исчерпанности притоков сознания.

- Его императорское величество благословил нас на сей поход с целью узнать, чему именно научились здесь «странники» - раз. И не просто узнать, а найти способ противостоять им. Им и всем тем, кто своим безрассудством подталкивает Россию в пучину хаоса революции – два. Попытаться разыскать средство для излечения Наследника цесаревича – три. И, наконец, не высказанная вслух мольба о том, чтобы найти способ «похоронить» достаточно мощные пророчества о гибели царского семейства…

- Ну и что? – бесцеремонно перебил его доктор. – Ну и что, Марк? Куда это мы ушли? В какую «не ту» сторону? Два перечисленных тобой пункта нами, считай, выполнено. Умение овладевать сознанием людских масс должно прийти после того, как мы очистим свою духовную оболочку и научимся концентрировать волю для выполнения поставленной цели. А выполнение четвертого вполне может проистекать из предыдущих.

- Тем не менее, его светлость в чем-то прав, господин доктор, - со вздохом заметил Ландсберг. – Мы должны непременно пройти через все нынешние тернии – я верю, что сможем! Провидец, в конце концов, поможет, он же обещал! Но давайте не будем забывать: то, что кажется вполне естественным и допустимым здесь, в Тибете, совсем иначе будет восприниматься в чиновном Санкт-Петербурге. Мне как-то трудно, извините, представить его величество Николая II, скачущего по Царскому Селу в драном рубище и с человеческой костью в руках. Или его министров в роли заклинателей демонов… Вы представляете реакцию общества, когда оно узнает о подобном «времяпрепровождении» императора? Представляете вой и российской, и мировой прессы? Да это прямая предпосылка к всероссийскому бунту, господа!

- И одним-двумя днями тут не обойтись, - многозначительно вставил Ивелич. – Помните, что говорил Провидец, господа? Научиться повелевать людскими массами – дело долгое. Его величество и его министры должны будут бросить все свои государственные дела, бросить Россию без руля и ветрил на неопределенное время… Да предложи мы императору подобный способ медитаций, он сочтет нас просто безумцами. В лучшем случае – безумцами! Мне отчего-то кажется, что предложение поплясать с человеческой костью смертельно оскорбит его, и мы закончим свои дни в Петропавловской крепости. А твое предположение, Илья, что выполнение четвертого пункта может проистекать из трех предыдущих – не более, чем теоретическое умствование.

На пригорке воцарилось мрачное молчание. Его прервал Ландсберг:

- Вот что, господа… Мне кажется, нам нужно дождаться возвращения Провидца. И рассказать ему всё, включая и страшные пророчества о гибели русского царя и монархии вообще. Вряд ли он справится с проклятьями – с древними и не очень - но наверняка подскажет, что для этого надо сделать. И череп с рогами, господа! Как вы знаете, я привез его из первого своего тибетского путешествия. И захватил его, сам не знаю для чего, в нынешнюю экспедицию. Я показывал этот дар карликов Арюунэрэлу еще в Сингапуре, но он отреагировал на рогатый череп довольно индифферентно. Однако память предков вернулась к нему только нынче. Я хочу снова показать ему череп – возможно, теперь он что-нибудь скажет нам про «рогачей».

- Возможно, - согласился Климов. – Кстати говоря, когда вы, мистер, показали сей череп нам с Марком, еще в Петербурге, эти рожки мне кое-что напомнили. Но что именно – не мог вспомнить. В памяти только Рим остался. Я ведь никогда не любил сидеть на одном месте, объездил всю Европу. И в Риме неоднократно доводилось бывать. Вот я и отправился в Публичную библиотеку, полистал альбомы и каталоги – и сразу нашел то, что нужно! Даже выписки кое-какие сделал - только в суете сборов забыл вам об этом рассказать.

- Что именно, Илья? – повернулся к нему Ивелич.

-Слушайте, господа! Я в первом же альбоме наткнулся на изображение статуи знаменитого Микеланджело «Моисей», законченной великим скульптором в 1542 г. и хранящейся в Риме, - быстро заговорил Климов. – Вот ты, Илья, человек верующий, Библию почитаешь и Моисея знать должен, верно? Так вот: знатоки поражаются сходством римского Моисея с древнегреческим богом Паном, изображенным на другой античной скульптуре в Лувре. Верите ли, господа? И у Моисея, и у Пана на голове рога! Подобные скульптуры Моисея есть в Кафедральном соборе в Зальцбурге, в Анжерском соборе во Франции, в Рослинской часовне в Шотландии. Что скажете, господа?

Ландсберг покосился на собеседника и предположил:

- Дурачество гения? Богохульство?

Климов отрицательно помотал головой:

- Вряд ли великие мастера могли позволить себе богохульство, коль скоро творили преимущественно по заказам святой церкви? И случайностью это не могло быть. И Микеланджело, и другие скульпторы должны были при работе над своими творениями пользоваться общим источником – иначе средневековое общество могло не понять их, мягко выражаясь. Отправили бы на костер и не посмотрели на гениальность, согласны?

- Логично вроде, - согласилсяИвелич. – Тогда как же…

- Ученые-богословы, найдя и прочитав объяснения представителей различных религиозных конфессий и историков искусства на сей счет, пришли к одному выводу. По их единодушному мнению, ошибка была допущена в латинском переводе Библии, выполненным блаженным Иеронимом, прекрасным знатоком греческого, латыни и иврита. Сделанный им перевод Библии стал во времено «оно» нормативным латинским текстом. Он представляет собой уточненное и исправленное издание более старых переводов Ветхого Завета на древнегреческий язык.

Ивелич и Ландсберг многозначительно переглянулись, но оставили историко-филологический изыски доктора без комментариев. А тот продолжал:

- Спорным является то место в Библии, где рассказывается, как «рогатый» Моисей спускается с горы Синай, -Климов прикрыл глаза и процитировал. - «Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, и не знал Моисей, что чело его стало рогато оттого, что Бог говорил с ним».

- Что-то я не припоминаю упоминания в Библии рогатого Моисея, - неуверенно возразил Ивелич. – Я не богослов, разумеется, но рога, они известно у кого – у дьявола!

- Да погоди ты! Современное издание Библии – исправленный перевод! А в том варианте в этом месте употреблено древнееврейское слово «qrn». Сие слово «qrn» можно прочитать по-разному, в частности: qeren – «рог», qeren – «луч», qaran – сиял, излучал, лучился. В семитской традиции гласные не пишутся, понял? И если Иероним перевел «qrn» как «рогатый», то в новейших переводах Библии говорится не о рогах, а о "лучах света". Таким образом, слово "рог" было заменено на слово "луч" - и получился Моисей не "рогатый", а " лучезарный ". Слушай: «Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, и не знал Моисей, что лицо его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним».

- Вот так-то оно правильнее, - с облегчением вздохнул Ивелич. – Только я все равно понять не могу, Илья: ты начал с рогатого черепа, а толкуешь про Моисея. Где тут связь?

Климов развел руками: связи он и сам не видел.

- В общем, ждем Арюунэрэла, - резюмировал Ландсберг.

* * *

Провидец вернулся через неделю, и был радостно встречен друзьями, начавшими уже беспокоиться за него. Сдержанно поблагодарив за беспокойство о нем, он коротко рассказал о своих успехах и неудачах. Арюунэрэл легко разжился нужным набором трав у

монахов монастыря, расположенного у священного озера Манасаровар, воды которого считаются самыми чистыми в мире. Нашел он и нужные ему высокогорные озера, расположенные вокруг Кайласа, в глубинах которых содержится особенные воды: одну из них монахи называют дикой, а другую твердой. Сумел он и отыскать в одном из монастырей мастера, взявшегося изготовить лечебный жезл.

- Труднее было отыскать людей, способных добыть из глубин эту воду, - рассказал он. – Сам я, к сожалению, не могу нырять так глубоко, как требуется: слой «дикой» воды, к примеру, содержится на глубине примерно 100 футов, а до «твердой» воды – 75-80 футов. Нанятые мной для этого местные жители попытались обмануть меня. Не потому, что им жалко самой воды, а, как вы понимаете, господа, из-за моей внешности.

- Да-да, твоя внешность, - озабоченно кивнул Ивелич. – Честно говоря, Арюунэрэл, нас больше всего беспокоила именно твоя непохожесть на суеверных тибетцев. Мы боялись, что…

- Что меня могут побить камнями или палками? – раздвинул тот губы в улыбке. – Да, в двух деревнях жители, испуганные и возмущенные свободным перемещением «дзоппа», хотели это сделать. Но мысли людей материальны, мои господа. Почувствовав опасность, я вовремя обернулся, сконцентрировался и смог подавить их кровожадные инстинкты. Мне в спину попал только один камень: его бросил совсем маленький мальчик, присутствия которого я не почувствовал.

- А почему ты назвал эти воды так странно? – вмешался доктор Климов. – «Дикая» и «твердая»? Не хочешь ли ты сказать, что принесенная тобой вода и впрямь такова?

- Разумеется, нет, мой господин, - поклонился Провидец. - У этих вод другая плотность, нежели в самих озерах, только и всего. И разные свойства.

Вежливо уклонившись от более обстоятельных пояснений, Провидец объявил, что немного устал с дороги и попросил разрешения отдохнуть.

- Нынче вечером я приготовлю нужную травяную смесь, и уже завтра, господа, вы сможете присоединиться к ученикам колдуна, - пообещал Арюунэрэл, пятясь к предложенной ему палатке.

Трое друзей вернулись к костру и расположились вокруг него, многозначительно поглядывая друг на друга. Первым не выдержал Ландсберг:

- Бросьте играть в «молчанку», господа! Мой Провидец и не скрывает, что способен читать мысли на расстоянии. Что вас беспокоит? Говорите открыто!

- Это «пойло», которым нас собираются угостить, - пробурчал доктор. – Оно что, способно вернуть гибкость нашим мышцам и подвижность суставам? Если это так, то этот молодчик, вернувшись в «большой мир», быстро сколотит приличное состояние на своем «ноу хау»[1].

- Поглядим, - хмыкнул Ганс. – А мне вот гораздо интереснее, почему Провидец обошелся тибетским наименованием своей добычи, и не сказал прямо, что имеется в виду «живая» и «мертвая» вода? Я слышал об этих озерах и свойствах воды еще во время первого путешествия по Тибету.

- Наверное, опасался, что мы поднимем его на смех, - фыркнул Ивелич. – «Живая» и «мертвая» вода, ха! Что ты думаешь по этому поводу, Илья?

- Не знаю, Марк. Попав на Тибет, я вообще убедился, что многие мои прежние убеждения и медицинский опыт подверглись серьезному колебанию.

* * *

[1] Ноу-хау (от англ. know how — знать как), или секрет производства. Это сведения любого характера (изобретения, оригинальные технологии, знания, умения и т. п.), которые охраняются режимом коммерческой тайны и могут быть предметом купли-продажи. Вообще-то этот термин появился в американской судебной практике только в 1916 году – четырьмя годами позже времени описываемых событий.

…Вытянувшись на мягких шкурах в палатке, Арюунэрэл без труда «слышал» эту короткую дискуссию. Ему самому не слишком нравилось то, что он должен был сделать с людьми, к которым он испытывал несвойственное ранее чувство привязанности. Однако иного выхода просто не было. Провидец лежал с открытыми глазами до тех пор, пока на долину не опустилась ночь. Когда он почувствовал, что Ивелич и Климов уснули, а у костра на дежурстве остался один Ландсберг, он выбрался из палатки.

Обернувшись на шорох, Ганс удивленно поднял брови:

- Я думал, ты спишь, Арюунэрэл.

- Нет, мой господин, - тот отвесил обычный поклон. – У меня есть просьба: я хотел бы еще раз взглянуть на раритеты, которые ты вместе с диском «дзоппа» нашел в могильнике. Тогда, несколько лет назад, я не смог ответить на твой вопрос – что это? Может, я смогу определить сейчас?

- Ну, если не хочешь потерпеть до утра, изволь! – Ландсберг без усилий поднялся, достал из повозки нужный дорожный мешок, порылся в нем и вынул два предмета из могильника «дзоппа». – Вот они, Провидец. Кстати, я хотел бы еще раз показать тебе череп «рогача». Может, теперь, когда к тебе вернулась память предков, мы сможешь увидеть в нем что-то новенькое?

- Вряд ли, мой господин. Я уже рассказывал тебе про «рогачей». Но память возвращается ко мне постепенно, и, возможно, позже мне удастся проникнуть в тайны черепа глубже.

- Ну, что ж, - не стал настаивать Ландсберг. – Вот эти раритеты, которые принадлежали твоим предкам.

- Благодарю тебя, мой господин, - Арюунэрэл присел напротив Ганса, освободил раритеты от мешковины, взял длинными пальцами сплюснутый шар из неизвестного науке, как установил Ландсберг, материала.

Несмотря на свой немалый объем, шар был чрезвычайно легким. Покрутив его в руках, Провидец поднял на Ганса глаза:

- Это прибор из Небесных лодок Сынов неба, - сказал он. – С его помощью мои предки могли ориентироваться в пространстве между звездами.

В его ладонях шар вдруг раскрылся, его внутренняя поверхность осветилась зеленоватым сиянием.

- Он работает? – поразился Ландсберг, вскакивая и заглядывая Провидцу через плечо. – Но ведь прошло много тысячелетий с тех пор, как им пользовались в последний раз! Поразительно!

- Прибор работает на энергии, которую люди откроют только через несколько десятилетий, - пояснил Провидец. – И, боюсь, что со временем вы пожалеете о своем открытии…

Арюунэрэл сделал неуловимое движение пальцами, и створки шара захлопнулись, превратив его в безжизненную «игрушку».

- Пожалеем, ты говоришь? Провидец, значит, ты можешь реально заглядывать в будущее?

- Да, мой господин, - кивнул тот. – Иначе зачем бы ты взял меня к себе в дом? Я же Провидец!

- Ну, я имел в виду немного другое, - смутился Ганс.

- Я понимаю тебя. Ты хотел поговорить со мной о будущем Великого белого царя, которому предсказана гибель?

- Я до сих пор не могу привыкнуть, что теперь от тебя ничего не скроешь, - вздохнул Ландсберг. – Да, мы с друзьями хотели поговорить с тобой и об этом. Можешь ли ты помочь русскому царю?

Провидец завернул шар в мешковину и взялся за другой сверток, извлек из него предмет, поразительно похожий на старинный дуэльный пистолет – разве что без курка, фитильного замка и деревянного ложа. Отверстия в «стволе» тоже не было.

- Тот, навигационный прибор, нам не пригодится, - заметил Провидец. – А вот этот вполне может.

- А что это такое, Арюунэрэл? Кстати, ты не ответил на мой вопрос!

- Извини мой господин! Просто я несколько взволнован, держа в руках то, что когда-то принадлежало моим предкам. И я гляжу на это их глазами… Ты спросил про Великого белого царя с Севера? Я не могу ответить на твой вопрос – по крайней мере, тут, в Тибете. Может быть, я смогу ответить, если вернусь с тобой в Северную столицу Белого царя…

- Что означает твое «если вернусь»? – нахмурился Ландсберг. – Надеюсь, ты не собираешься меня покинуть?

- Никогда, мой господин! – склонился в поклоне Провидец. – Ты спрашивал, что я сейчас держу в руках? Смотри!

Он вытянул руку с «пистолетом» в сторону холма, чуть повел «дулом», из которого вырвался тонкий синий луч. Ночную тишину взорвал далекий грохот, вершина холма просела и стала осыпаться к подножию десятками каменных «водопадов».

- Это оружие «дзоппа», - догадался Ландсберг. – Но ты перебудил всю долину, Провидец!

Из палаток выглянули заспанные физиономии Ивелича и Климова.

- Что за шум, господа? Что происходит? – поинтересовался Ивелич.

- Это Провидец решил продемонстрировать возможности боевого оружия своих предков, - отозвался Ландсберг. – Черт возьми, я провез эту штуку через десяток границ, и никто даже не заподозрил ничего такого: раритет с Тибета, и все! А можно, я попробую, Арюунэрэл?

Он протянул к «пистолету», но Провидец только покачал головой:

- Может быть, позже, мой господин. А пока прости меня. И вы простите, господа!

Сверкнули три короткие синие вспышки, и три тела рухнули на землю.

- Надеюсь, я правильно установил мощность «ладзера», - пробормотал Провидец, бросая «пистолет» и с тревогой приникнув к телу Ганса. Прислушавшись, он с довольным видом кивнул. – Память предков – великая вещь! Я не ошибся!

РЕТРОСПЕКТИВА -21 Ганс в монастыре

Ландсберг очнулся от чьего-то горячего дыхания на лице. Открыл глаза – и тут же пес, сторoживший каждое его движение, с повизгиванием немедленно вылизал ему щеки и лоб. Ганс поморгал и нахмурился, оглядывая помещение с низким потолком. Куда и как он попал? Мысли разбегались, сосредоточиться никак не удавалось.

Между тем пес, поставив передние лапы на большую квадратную подушку, на которой лежал его хозяин, продолжал энергично высказывать радость от его пробуждения. Ландсберг, поднял правую руку, погладил пса по лобастой голове и тут же его пальцы наткнулись на голую проплешину между ухом и глазом собаки. Память мгновенно вернулась: Ганс явственно вспомнил, как он с собакой попал под камнепад во время обратного пути из деревни Янсы. Он покосился на свою левую руку и обнаружил, что она от плеча до пальцев обмотана повязкой из полосок серой ткани с нанесенными на них иероглифами. От повязки исходил терпкий запах каких-то трав.

Ганс попробовал приподнять руку: он хорошо помнил, что глубокая рана у плеча причиняла ему невыносимую боль, а рука почти не действовала. Однако сегодня рука

слушалась, а ноющая боль лишь отдаленно напоминала о прежних страданиях. Он скосил глаза на левое плечо и едва не подпрыгнул от неожиданности: там зияла открытая рана, заткнутая пучком какой-то зелени! Он машинально прикоснулся пальцами к краю раны и снова удивился: во-первых, она была практически безболезненной. А, во-вторых, Ганс хорошо помнил, что рана у него была в другом месте, на задней стороне предплечья! Что за чертовщина?

Он снова коснулся рукой раны на голове пса – она зажила и была покрыта чуть бугристой темной кожей. Чудеса, да и только! Когда успела зажить та рана?

Его размышления прервал шорох в изголовье, и тут же в нос ударил тяжелых запах немытого тела. Источник вони тут же появился у него перед глазами – это был молодой монах с четками в руках. Ландсберг тут же припомнил: тибетцы никогда не моются, чего ж тут удивительного?

Монах, заглянув Гансу в глаза, застенчиво улыбнулся и произнес несколько слов. Ганс не сразу вспомнил, что слышит тибетское наречие, и лишь сосредоточившись, понял общий смысл сказанного. Монах выразил радость от того, что чужеземец, наконец, пришел в себя и сообщил, что немедленно позовет ламу.

- А ты? Ты разве не лама? – тщательно подбирая слова, спросил Ганс. – Я полагал, что нахожусь в монастыре…

- Да, ты в монастыре Карданг, чужеземец. Но я не лама, а трапа, ученик. Я еще не прошел посвящения. Сейчас я приведу ламу.

- Погоди… Сколько времени я здесь?

- Чуть больше одной луны, - бросил трапа уже в дверях.

Господи всемогущий – я был без памяти больше месяца, сообразил Ганс. Вот почему моя рука и рана на голове пса зажили! Но откуда тогда взялась другая рана?

Дверь чуть скрипнула, и на пороге появился новый человек в красно-оранжевых одеждах. Он опустился перед ложем Ганса на колени и тут же откинулся назад, приняв традиционную позу буддистов. Это лама, сообразил Ландсберг. Впрочем, от него воняет также, как и от послушника, черт побери!

Тщательно подбирая слова, лама заговорил по-английски.

- Приветствую тебя, чужеземец. Я лама Трипа. А как нам называть тебя?

- Ганс, - представился Ландсберг, подумав, что имени вполне достаточно.

- Ганс? Очень хорошо. Ты англичанин, Ганс?

- Боже упаси, - помотал головой Ландсберг. – Мои предки были немцами, но несколько поколений Ландсбергов, включая меня, всю жизнь прожили в британском владении, в Сингапуре. Некоторые из них брали в жены китаянок, что наверняка заметно по моему лицу, Трипа.

Улыбка на лице ламы стала чуть пошире, чему Ганс ничуть не удивился: в Тибете не любили англичан.

- Значит, ты не англичанин, а немец с примесью китайской крови? – уточнил с ноткой сомнения в голосе лама. - Это очень хорошо, Ганс. А как ты попал в Страну Снегов?

- Я путешественник. Я много слышал о вашей стране от своего друга, и решил, что нужно непременно побывать здесь, - Ландсберг решил, что открывать все карты первому попавшемуся ламе пока рано.

- Значит, ты странник?

- Да. А где вы нашли меня? Признаться, я плохо чувствовал себя после того, как попал под лавину в горах. Кстати, спасибо за приют и лечение, Трипа.

- Двери нашего монастыря всегда открыты для путников, Ганс. Что же касается лечения, то свою благодарность ты можешь высказать лекарю из деревни. Он провел у твоего ложа почти месяц. Честно говоря, поначалу мы не верили в твое выздоровление, и

уже предупредили могильщика из деревни, чтобы тот был готов устроить тебе Небесные похороны.

- Небесные похороны?! – Ландсберг тут же припомнил рассказы проводников про похоронные обычаи тибетцев, скармливающих тела усопших стервятникам, и невольно содрогнулся. – Да, я непременно отблагодарю лекаря! Но ты не сказал, Трипа, как вы нашли меня?

- Мы тебя и не искали, Ганс. Нас привел к твоему бездыханному телу твой пес. Он устроил в монастыре такой переполох! Он ломился в двери, рычал и хватал зубами трапов за одежду, куда-то тянул. Поначалу мы приняли твою собаку за демона. Даже наш настоятель прервал свои медитации, и он первым понял, что собака зовет нас к своему хозяину на помощь.

- Вот кому первому надо сказать спасибо, оказывается, - Ландсберг от души обнял пса, потрепал его по загривку. – А я до сих так и дал тебе имени, пес!

Лама помолчал, пощелкал костяшками четок. А потом спросил нарочито-безучастным тоном:

- А откуда ты узнал про деревню карликов, Ганс? Далеко не все жители Тибета знают о ней… Кто подсказал тебе дорогу туда и зачем ты вообще туда ходил?

- Деревня карликов? Впервые о такой слышу, - попробовал схитрить Ландсберг.

- Некрасиво платить ложью за радушие, с которым ты был принят в монастыре Карданг, Ганс, - вздохнул лама. – Как и другие люди, которые находятся между жизнью и смертью, ты много бредил вслух. Ты говорил о деревне карликов, упрекал людей по имени Чжан-ваньду и Читя в коварстве, вспоминал звенящую тишину могильника «дзоппа». Мы слушали тебя больше месяца, Ганс. И знаем - от тебя же - почти все о твоих странствиях. Мне повторить свои вопросы? Или ты не собираешься отвечать на них? Тогда я промолчу, и мы будем говорить о других вещах…

- Прости, Трипа. Все дело в том, что в деревне карликов Янсы очень боятся, что о них узнают в большом мире. Тогда туда хлынут многие любопытные и корыстные люди, и их собственный хрупкий мир будет разрушен – вот почему я пытался солгать.

- Это больше похоже на правду, - серьезно кивнул Трипа. – Но ты не ответил на мои вопросы…

- О деревне карликов я узнал от своего друга, Провидца. Он сам родом из этой деревне, и рассказал, как найти дорогу в долину. Он же рассказал мне красивую легенду о происхождении жителей долины, и я пожелал узнать – насколько она правдива, - Ганс сделал паузу и решил ответить «ударом на удар». - Между прочим, мой друг в юности несколько лет жил и в этом монастыре, Трипа. Но это было так давно, что тебя, наверное, и на свете не было: 70 лет назад. Он считает себя потомком Сынов неба, и рассказывал, что настоятель Карданга много раз пытался разбудить его память, чтобы овладеть великими тайнами народа «дзоппа». Сколько лет нынешнему римпоче Карданга, Трипа?

Удар был силён. У Трипы от изумления приоткрылся рот - впрочем, он тут же взял себя в руки и отвел глаза.

- Об этом тебе лучше спросить его самого, Ганс. Впрочем, сначала тебе надо окончательно поправиться.

- Да, кстати о моей поправке, Трипа: что за открытая рана на моем плече? Ее не было, когда я направлялся сюда. И почему она заткнута пучком травы, словно дыра в заборе?

- Насколько я знаю, лекарь определил, что твой плечевой сустав поврежден от удара. Ему пришлось рассечь мышцы, чтобы иметь доступ к суставу и лечить его травами.

- А когда лекарь придет ко мне снова? – поспешно спросил Ганс, заметив, что лама собрался уходить.

- Он один на несколько деревень, Ганс. Он дал нашим людям указания по твоему лечению и обещал заглянуть, когда освободится. Не хочешь ли ты поесть, Ганс? Наши монахи, пока ты был в беспамятстве, выпаивали тебя ячьим молоком. Но теперь ты очнулся, и в состоянии поесть что-нибудь другое. Хочешь цампы?

Ландсберг содрогнулся:

- За несколько месяцев странствий по Тибету я наелся ее на всю жизнь, Трипа. Нельзя ли получить хоть половину цыпленка, или, на худой конец, немного вареной баранины?

- Среди монастырских припасов нет мяса, Ганс: тем, кто следует священным канонам Будды, запрещено отнимать жизнь у кого бы то ни было.

- Не хочешь ли ты сказать, что монахи и ламы вообще не едят мяса, Трипа? А вот мой друг утверждал, что едят!

- Это бывает редко, Ганс. И только в тех случаях, когда люди из деревни приносят мясо в монастырь. Но мы называем его по-другому…

Ландсберг хмыкнул:

- Мне доводилось бывать в стране Японии, где тамошние монахи-отшельники, исповедующие буддизм, ловят и едят диких свиней. Но при этом утверждают, что это не свиньи, а ямакудзира, то есть горный кит. Таким образом они получает возможность есть необходимое каждому человеку мясо, как если бы это были морские рыбы.

- Я пошлю человека в деревню, чтобы он принес тебе то, что ты просишь, - поспешно ушел от скользкой темы лама. И уже в дверях, на выходе обернулся. – А как зовут твоего друга? Того, кто, как ты говоришь, родом из Янсы и жил в нашем монастыре?

- Арюунэрэл.

Лама несколько раз повторил имя, чтобы запомнить, и скрылся за дверью. Развеселившийся Ландсберг подозвал пса и потрепал его загривок:

- Ты тоже питался здесь одной цампой, пес? Ничего, друг! Будь я проклят, если не вырву у этих ханжей для нас мясную диету! Погоди-ка, пес… А не назвать ли тебя Другом? Только не по-английски, а на твоем родном наречии: Панг Яу! Нравится тебе такое имя, пес?

Пес тихо заскулил и снова лизнул нос и щеку Ганса.

* * *

Вместе с едой Гансу каждый раз приносили маленькую плошку с растертыми в кашицу листьями каких-то растений. Кашица была безвкусной, и Ганс проглатывал ее как лекарство, не замечая, что после этих растений он впадал в сонное оцепенение. В отведенную ему комнату заходили какие-то люди – он глядел сквозь них, не отвечая на вопросы, ничем не интересуясь. Оцепенение проходило ближе к вечеру, но до конца стряхнуть с себя одурь Ландсбергу не удавалось: на ужин он получал ту же миску с травяной кашицей и спал до тех пор, пока утром его не будил дежурный монах.

По прошествии трех недель «сон-трава» из его рациона исчезла, и вместо нее ему дали утром какой-то настой. Выпив противную жидкость, Ландсберг словно проснулся после долгого сна. Он почувствовал, как в нем закипает энергия. Вспомнив про «хирургическую» рану на плече, он скинул покрывало, под которым его держали совсем голым, и увидел, что плечо зашито тонкими бурыми жилами. Покрутил рукой – боли почти не было.

Монах заглянул в пустую чашу из-под настоя, схватился за голову:

- Зачем ты выпил всё снадобье? Его нужно было пить по глотку, в течение всего дня! Я же тебе говорил…

- Говорил? Ты ничего мне не говорил.

Внезапно Ландсберг встрепенулся, рывком сел на своем «лежбище» и повернулся к монаху:

- А где мой пес? Где Панг Яу?

- Собака в деревне, чужеземец. Сначала ее привязали во дворе, но она постоянно выла и мешала трапам и ламам медитировать. Омце приказал отдать ее на время в деревню…

Подождав, пока голова от перемены позы перестанет кружиться, Ганс медленно встал, держась одной рукой за стену. Монах всполошился:

- Тебе нельзя быстро вставать, чужестранец! Ты долго лежал, и надо проявлять благоразумие…

Добравшись до монаха, Ландсберг сгрёб его за ворот, тряхнул:

- Благоразумие, говоришь? Слушай, ты, Читя…

- Я не Читя, - взвизгнул монах. – Мое имя…

- Заткнись, Читя! Собачье говно! Иди, передай своему омце, чтобы собаку немедленно мне вернули!

Когда перепуганный вспышкой ярости Ганса монах вылетел за дверь, Ландсберг доковылял до низенького столика, на котором лежали его дорожный мешок и винтовка.

Когда пухлый лама-омце, сановито пыхтя, зашел в помещение, дуло винтовки уперлось ему в переносицу:

- Мне нужна моя собака. Прикажи немедленно привести ее! И если с ней что-нибудь случилось…

- Вот как ты платишь монастырю за проявленную о тебе заботу, - забормотал ректор монастырской школы, пятясь назад.

- Замолчи, подонок! Ты меня понял? – передернув затвор, Ганс на мгновение отвел винтовку от головы ламы и нажал курок.

Грохот выстрела в тесном помещении оглушил обоих. Отдача кинула Ландсберга назад, и он едва удержался на ногах. Омце же повалился на колени:

- Не убивай меня, чужеземец! Я сейчас же пошлю за твоей собакой…

Он проворно выполз за дверь, захлопнул ее, и уже из коридора прокричал:

- Ты совершил ошибку, чужеземец! Ты едва не убил меня – а я-то хотел со свей почтительностью напомнить римпоче, чтобы он нашел время принять и выслушать тебя.

Вместо ответа Ландсберг снова выстрелил в дверь, и топот ног в коридоре возвестил, что ректор бежал.

Ландсберг встряхнул головой. Бешенство, охватившее его, постепенно проходило.

- Боже всемогущий, что это со мной было? – прошептал он. – Я чуть не убил человека. Лама прав: я по-свински отплатил за все, что монастырь сделал для меня…

Он бессильно опустился на твердые подушки, обхватил голову руками.

Вскоре в коридоре послышался шум и голоса. Дверь распахнулась, и в помещение зашел незнакомый Ландсбергу лама. Он был стар, но шел бодро, сверля глазами Ганса. Сообразив, что перед ним настоятель монастыря, Ландсберг встал, склонился в поклоне:

- Я глубоко сожалею о случившемся, - проговорил он. – Я сам не понимаю, что со мной случилось.

- Ты не виноват, Ганс, - пророкотал на чистом английском языке римпоче. – Наказан будет монах, который дал тебе слишком большую порцию сильного средства для бодрости. Ты расстроился из-за своей собаки? Сейчас ее приведут. А пока я приглашаю тебя выпить по чашечке китайского чая.

Круто повернувшись, римпоче вышел. Ошеломленный столь неожиданной для него развязкой, Ганс моргал глазами, пока не сообразил, что стоит перед задержавшейся свитой римпоче совсем голым. Он поспешно плюхнулся на подушки, прикрылся покрывалом.

- Сейчас тебе принесут твою одежду, чужестранец, - промямлил ректор, стараясь не глядеть на Ганса.

- Прошу простить меня, благочестивый омце! – поклонился ему Ландсберг, не вставая с места.

Пока Ландсберг натягивал на себя свою походную одежду, омце деликатно смотрел в сторону. Потом сделал приглашающий жест:

- Пойдем, римпоче ждет тебя, чужестранец.

Римпоче действительно ждал гостя в своей комнатке без единого окна. Он сидел за европейским столом, на невесть откуда взявшемся тут венском стуле. Второй стул был предназначен для гостя. Едва Ганс уселся, как в помещение проскользнул лама с подносом, на котором стоял пузатый чайник и две миниатюрные чашки, не больше половины куриного яйца. Прислужник наполнил чашки, поклонился и исчез.

- Садись, Ганс. Сегодня я угощу тебя чаем, о котором в Европе наверняка не знают. Он называется Те Гуанинь, что в переводе обозначает «Богиня милосердия»… Впрочем, ты ведь знаешь китайский язык.

- Да, благочестивый римпоче…

- Этот чай нельзя отнести ни к зеленому, ни к черному чаю, он находится где-то между ними. Он способен заставлять организм вырабатывать большое количество гормонов радости. Попробуй, Ганс!

Ландсберг поднес к губам чашку, сделал, как и римпоче, маленький глоток. Он не заметил во вкусе чая ничего особенного, но вслух говорить об этом, разумеется, не стал.

- Существует легенда о том, как появился чай Те Гуанинь. Она рассказывает о чаеводе, который жил в древнем Китае. Он поклонялся Богине Милосердия, и каждый день преподносил ее изображению свежезаваренный чай. Однажды ему приснился сон, в котором он увидел необычное чайное дерево, растущее в горах недалеко от его дома. На следующий день чаевод отправился в горы, и наткнулся на то самое дерево из его сна. Он выкопал это дерево, чтобы посадить его в своем дворе, вырастить чай и поделиться им с другими людьми. Когда пришло время, чаевод собрал чай. Когда он его заварил, чай оказался тяжелым: его листья тонули, не держась в воде. Тогда чаевод дал имя этому чаю – Железная Богиня Милосердия.

Помолчав, римпоче сделал еще один глоток и добавил:

- Этот чай растет только на двух горных склонах в провинции Фуцзянь, которая расположена на юго-востоке Китая… Давай, я подолью тебе свежую порцию, Ганс.

Благоговейно выпив вторую чашечку, римпоче отставил ее и пристально поглядел на Ганса:

- Я хочу поговорить с тобой о твоем друге Арюунэрэле и твоем визите в деревню Янсы, что за Пятипальцевой горой. Настоятелем монастыря был тогда не я, а мой предшественник. Но упоминание об Арюунэрэле сохранилась в нашей монастырской книге. Прежний настоятель действительно хотел овладеть тайными знания «дзоппа» и пытался пробудить в их далеком потомке память предков. К сожалению, ему это не удалось, и Арюунэрэл ушел из монастыря. Я знаю, что какое-то время он был придворным Провидцем китайского императора, а потом исчез. Теперь я знаю, что он живет в твоем доме. Скажи мне, Ганс, удалось ли тебе пробудить в нем память предков?

- Нет, римпоче. Да я и не пытался, - признался Лансберг.

- И тебя никогда не смущал необычный вид твоего нового друга?

- Поначалу я взял его в дом из жалости: мальчишки и взрослые мужчины преследовали Арюунэрэла, стоило ему выйти на улицу. Они показывали на него пальцами, смеялись. Некоторые бросали в него камнями. Позже он рассказал, что ему, покинувшему монастырь, чудом удалось добраться до Пекина живым. Он боялся заходить в деревни за пропитанием, потому что люди пытались убить «дзоппа». Вот в них-то память предков была жива, римпоче…

- Темные люди злы, Ганс… Значит, ты решил добраться до могильника не потому, что он рассказал тебе о великих тайных силах своих предков? – римпоче вперил в Ландсберга испытующий взгляд. – Тогда почему? Ты добирался до долины карликов через Индию и Непал, проделал трудный и опасный путь с юга Тибета почти до самого севера Нагорья – ради чего?

- Я верил своему Провидцу, своими глазами видел, насколько он отличается от людей. И одновременно сомневался в том, что его предки прилетели на землю с другой планеты. И захотел увидеть могильник своими глазами – должен же человек знать, кто живет в его доме, с кем он делит радости и горе, кому доверяет свою жизнь.

В комнату, стукнув в дверь, проник давешний прислужник. Он что-то шепнул настоятелю в ухо, и тот нахмурился. Жестом отослав прислужника, он снова повернулся к Ландсбергу:

- Мои люди не смогли привести твою собаку, Ганс. В деревне им сказали, что твой пес много дней отказывается от пищи. Он перегрызал самые прочные веревки, пока его не посадили на цепь. Он явно тоскует по своему хозяину… Пес действительно так дорог тебе?

- Это мой верный товарищ, римпоче. Он много раз спасал меня от смерти, предупреждал об опасности. С твоего позволения, я сам пойду за Панг Яу в деревню, благочестивый римпоче!

- Панг Яу? Друг? – настоятель помолчал, потом поднялся с места и негромко хлопнул в ладоши. – Хоть деревня и недалеко, но ты еще слаб после болезни, Ганс. Я велю приготовить для тебя носилки. Да и сам, пожалуй, составлю тебе компанию: я давно не покидал помещения для медитаций и не видел солнца. Мне будет полезно прогуляться. Нашу беседу мы продолжим по дороге…

За воротами монастыря восемь трапов «впряглись» в пару носилок, украшенных балдахинами. Настоятель распорядился, чтобы носильщики шли рядом. Едва процессия тронулась, он стал задавать Ландсбергу новые вопросы:

- Этот череп, Ганс. Ты нашел его в пещере, где похоронены «дзоппа»? Тебе подарили его карлики? Хм… Видимо, они были очень благодарны тебе, раз расстались с таким мощным оберегом. А ты не спрашивал – откуда у них это рогатый череп?

- Они и сами не знают, римпоче. Череп переходил от стариков к молодым очень много лет. Поначалу я думал, что рожки и страшные клыки вставил в обычный череп некий искусный мастер. Но потом вспомнил рассказы Провидца и других людей в Тибете о Сынах неба и Рогатых пришельцах. Конечно, я покажу череп ученым людям – если мне удастся вернуться в большой мир. Может, они определят – действительно ли череп существа, умершего много тысяч лет назад, по-прежнему сохраняет какую-то силу? И еще карлики уверяют, что рогатый череп – это ключ. Но к какому замку он подходит, что способен открыть – они не знали.

- Ключ, ты говоришь? – римпоче задумался. – Я знаю все древние предания о «дзоппа» и «рогачах». Первые спустились с небес, вторые явились неизвестно откуда. То и другое племя пришельцев были очень могущественны. Сыны неба могли двигать и разрушать горы, «рогачи» могли перемещаться в пространстве с немыслимой скоростью. Я знаю о войне между пришельцами – «дзоппа» вышли из нее победителями, изменив на Тибетском нагорье состав воздуха, и «рогачи» вымерли, как древние животные. Но про то,

что в рогах пришельцев сокрыт некий ключ – я никогда не слышал, Ганс. И даже не представляю себе «дверь», которую можно отпереть этим «ключом». Я подумаю об этом, Ганс. Возможно, мысленно пообщаюсь с другими продвинутыми ламами Нагорья.

Носильщики шли ровно, подбирая шаги так, чтобы носилки не раскачивались. Они почти обошли холм, за которым на фоне ярко голубого неба показались признаки человеческого жилья. Как у всякой буддийской деревени, у «околицы» этой стоял ряд тарчо[1]. Ветер трепал флажки на этих «мачтах», «произносил» священные фразы и наполнял, как считают тибетцы, воздух добром. Ландсберг подумал, что идея распространения духовной ауры красива, и сами тарчо тоже очень красивы. Они словно тянутся к небу, а свист ветра в них бодрит путешественника.

Римпоче кашлянул, и Ландсберг поспешно повернулся к нему.

- Ганс, а ты не мог бы оставить череп «рогача» в дар монастырю Карданг? Это ведь частичка прошлого Тибета. Зачем он людям в большом мире? Возможно, мне удастся разгадать его тайну, Ганс… Твое имя будет записано в монастырской книге, и многие поколения лам и монахов будут призывать на тебя наше благословение и пожелание удачи во всех твоих делах. К тому же, у тебя останутся другие таинственные предметы, которые ты захватил из могильника…

- Мне очень трудно отказывать тебе, благочестивый римпоче, - медленно, подбирая слова, заговорил Ландсберг. – Тем более, после того, как твой монастырь спас меня от смерти. Но я принадлежу к большому миру, и у нас не принято передаривать то, что дано от чистого сердца. К тому же, у меня, Ландсберга, есть только одно слово. Если я даю его, то держу до конца, как и все мои предки. Я обещал карликам, что сохраню их дар, и…

- Достаточно, Ганс, - прервал его настоятель. Если его и оскорбил отказ, то виду он не подал. – Достаточно. Я понял тебя. Вот мы и пришли, Ганс.

Он указал на высыпавших встречать настоятеля монастыря жителей деревни:

- Видишь низенького человека с налобной повязкой? Это лекарь, который лечил тебя много дней.

- Хорошо, римпоче, - Ганс соскользнул с носилок и направился к лекарю, поклонился и улыбнулся. – Спасибо тебе, лекарь. Ты вернул меня с того света и не дал стервятникам попробовать моей плоти.

- С того света? – не понял тот. – Кода человек умирает, его бессмертный дух ищет другую телесную оболочку и продолжает жить, чужеземец.

Он пустился было в пространные рассуждения о сущности буддистского учения о круговороте жизни, но Ландсберг его не слушал. Носилки с римпоче продолжали медленно двигаться между бесчисленных шестов с трепетавшими флажками, и он поспешил следом.

Бежавшие впереди носилок люди указали на нужный дом. Зайдя за низкую каменную ограду, Ландсберг сразу увидел своего пса. Окруженный стаей деревенских собак, то и дело кусавших чужака, он лишь вяло скалил зубы. Даже через свалявшуюся шерсть просвечивали его ребра, а на теле виднелись многочисленные следы укусов.

Кровь снова бросилась Ладсбергу в голову. Он выхватил из своих носилок винтовку. Загремели выстрелы, и несколько деревенских псов с предсмертным воем покатились по каменистой земле. Люди бросились врассыпную. Их примеру едва не последовали и носильщики, которых удержал на месте лишь властный окрик римпоче.

- Достаточно, Ганс! Ты перепугал всю деревню, и лишил людей их собак. Нападая на твоего пса, они лишь следовали своему инстинкту.

---

[1] Тарчо – это одно из тибетских обыкновений. Представляет собой длинный шест с прибитым к нему хлопковым флажком, на котором начертаны священные фразы.

- Прости, благочестивый римпоче, - пробормотал, остывая от приступа бешенства, Ландсберг. – Я не знаю, что со мной творится нынче…

- Виноват не ты, а бездельник-трапа, плохо исполнивший распоряжение лекаря и давший тебе полную чашу питья, - прервал его настоятель. – Мы уже говорили об этом. Поспеши же к своему Панг Яу! Разве ты не видишь, как он смотрит на тебя?

Ганс бросился к псу, упал рядом на колени, обнял за шею. Пес едва стоял на ногах от слабости и бесчисленных нападок деревенских собак. Он лишь, не переставая, скулил и прижимался к своему потерянному было хозяину.

- Дайте псу мяса, - распорядился римпоче. – Теперь, я думаю, к нему вернется аппетит!

Хозяин дома тут же вынес полную миску вареного ячьего мяса, и Ландсберг мельком подумал, что настоятель предусмотрел все. А он отказал ему в такой, в сущности, безделице, как старый череп.

Пес вяло лизнул мясо и лег рядом с миской. Недолго думая, Ландсберг освободил Друга от цепи и улегся рядом, взял в зубы кусок мяса, подавая пример. Уяснив для себя, что теперь хозяин никуда не уйдет, Панг Яу тоже начал есть.

- У меня в деревне есть кое-какие дела, Ганс, - в глазах настоятеля прыгали смешинки. – А ты можешь возвращаться в монастырь, носилки в твоем распоряжении.

- Спасибо, римпоче. Прошу еще раз простить меня за несдержанность. Я даже не помню, когда и как захватил свою винтовку…

- Это я распорядился положить ее в твои носилки, - прервал настоятель. – Я знал, что твоя внутренняя сущность потребует выхода. Твои предки, крестоносцы, тоже легко приходили в бешенство, Ганс!

- Откуда ты знаешь про крестоносцев? – растерянно пробормотал тот.

- Из твоего бредового бормотания, - усмехнулся римпоче. – Ты кричал: «Ландсберги, вперед! Крестоносцы никогда не отступают!» В моей библиотеке есть и европейские книги, Ганс. Мне стало интересно, и я прочел про крестоносцев.

- Твоя мудрость неисчерпаема, римпоче, - поклонился Ландсберг. – пошли домой Панг Яу!

Так они и двинулись: пес, шаги которого становились все увереннее, трусил впереди. За ним – Ганс, а замыкали шествие пустые носилки.

На окраине деревни пес, окончательно придя в себя, высмотрел в подворотне одного из своих обидчиков и бросился в бой. Рычащий клубок покатился по камням. Ганс строго окликнул Панг Яу, и тот тут же бросил потрепанного противника и вернулся к хозяину.

Не пройдя и пятисот шагов в направлении монастыря, Ландсбер почувствовал, что колени у него стали как ватные. И еще раз оценил мудрость римпоче, настоявшего на том, чтобы монахи с носилками не отходили далеко от больного, провалявшегося более двух месяцев. Подозвав носильщиков, Ландсберг взгромоздился на помост с балдахином и сотню-другую ярдов блаженствовал, полулежа и растирая ослабевшие колени. Потом снова соскочил с носилок, решив, что не имеет права расслабляться.

* * *

Третий месяц в монастыре пролетел незаметно. Ландсбергу была предоставлена полная свобода – делай что хочу! По утрам он присоединялся к монахам, разучивающим священные тексты, потом отдыхал в монастырском саду. Когда дневная жара спадала, Ганс в сопровождении пса отправлялся на прогулку по окрестностям монастыря, с каждым днем увеличивая пройденное пешком расстояние. Вечера были посвящены общению с настоятелем. Они пили чай из крошечных чашек – вскоре Ганс признался самому себе, что оценил вкус чая из провинции Фуцзянь. Настоятель, чувствуя себя с гостем легко и

свободно, с неподдельным интересом расспрашивал Ландсберга о странах, в которых тот побывал, о чужих обычаях и нравах. Рогатый череп был, вопреки опасениям Ганса, закрытой темой: настоятель ни разу не повторил своей просьбы подарить череп монастырю.

И только когда Ландсберг почувствовал, что силы к нему вернулись, и он готов к возвращению домой, настоятель напомнил ему о черепе – но не в том ключе, которого тот опасался.

- Если ты помнишь, Ганс, я хотел навести справки – так говорят у вас в Европе, кажется? – о «рогачах». Так вот, я несколько раз общался с настоятелями и продвинутыми ламами из других монастырей. Узнал я, признаться немного – но кто знает, может, и эта крупица поможет тебе в будущем.

- Я внимательно слушаю, римпоче, - склонил голову Ландсберг.

- Как я уже говорил тебе, древние «рогачи» умели мгновенно исчезать и появляться в другом месте или даже в другой стране. Во всяком случае, расстояние в сотни пиал чая[1] для рогатых были пустяками. Так вот, некий ученый лама из Лхасы высказал предположение, что хорошо сохранившийся череп «рогача» обладает теми же свойствами. Еще он говорил о том, что где-то среди Черных Зеркал, окружающих священную гору Кайлас, есть небольшое плато, именуемое у местных жителей картой мироздания. Открыта эта карта далеко не всем. Но если забраться на одну из этих скал и пожевать свежие листья растения Кох, то человек может увидеть эту карту мира. Более того: отметив на ней нужное место, можно мгновенно перенестись туда.

- Хм! – с сомнением в голосе кашлянул Ландсберг. – Подобное растение, настолько я знаю, привозят из Южной Америки. Его называют Кока. Сок этих листьев может вызвать у человека галлюцинации. Если в Тибете есть такие же растения, то, пожевав их, можно представить себе все, что угодно. И для этого не надо забираться ни на какие скалы. И причем тут «рогачи» с их способностями?

Настоятель покачал головой:

- Черные Скалы, называемые Зеркалами, способны изменять время – это совершенно точно. Они могут либо замедлять его, либо ускорять так, что человек, попавший между двумя такими «ускорителями», может состариться через несколько дней. Известно и то, что пространство и время каким-то образом взаимосвязаны. Не спрашивай меня – как: я не смогу ответить на твой вопрос, Ганс, ибо сам не знаю ответа. Но мне почему-то кажется, что «дверь», которую способен открыть этот «ключ»-череп, находится где-то там. Может быть, ученые люди в большом мире, в который ты возвращаешься, смогут разгадать эту загадку?

Помолчав, римпоче добавил:

- Если бы к немногим оставшимся в живых «дзоппа» вернулась память предков, они наверняка разгадали бы эту загадку быстрее всех ученых из твоего мира, Ганс.

* * *

Прощаясь с Гансом Ландсбергом, настоятель монастыря Карданг дал ему опытных проводников, которые взялись доставить заморского гостя до Синина. И даже дальше – если ожидающие там проводники не дождутся чужеземца и уйдут. В дальний путь отправился, разумеется, и пес по имени Панг Яу – Друг…

---

[1] В древних китайских книгах говорится, что тибетцы живут чаем. Не имея его, они страдают до такой степени, что могут заболеть. Видимо, поэтому в Тибете до XX века сохранилась народная мера расстояния в горах (не по прямой горизонтальной поверхности, как в долинах, а по извилистой линии и по вертикали) , выражаемая не в единицах длины, а в пиалах тибетского чая. Например, две большие пиалы тибетского чая равны 6 км горного пути, а три равны примерно восьми километрам пути.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Возвращение

Ландсберг открыл глаза и увидел над собой бездонное небо. Прислушался – ветер знакомо уныло посвистывал в ветвях низких кустарников. Пошевелил пальцами рук и определил, что лежит одетый на ячьей шкуре. Не поворачивая головы, попытался восстановить в памяти последнее, что запомнил перед провалом в Никуда.

Арюунэрэл попросил показать ему то, что он во время первого путешествия в Тибет прихватил из могильника «дзоппа». Провидец узнал некий навигационный прибор своих предков и сообщил, что тот вряд ли им пригодится. А потом он взял в руки «палку-дуэльный пистолет». Сначала он срезал им верхушку холма, а потом, извинившись, повернул оружие в сторону своих спутников… Он убил всех – в том числе и его, Ганса. Но зачем?

И почему я снова жив? Я ясно помню, что сначала луч из «дубинки» поразил Ивелича, потом Климова… Потом «дубина» повернулась в мою сторону, вспоминал Ганс. И – все. Я ничего не почувствовал – ни удара, ни боли. Я не видел даже самой вспышки и не знаю, была ли она? Зачем Арюунэрэл сделал Это? Неужели вместе с памятью далеких предков к нему вернулась их ненависть к людям, мешавшим небесным пришельцам?

- Это не так, мой дорогой господин, - послышался рядом знакомый голос. – Как ты мог подумать, что я способен убить тебя и твоих друзей?

Хотя голос был знаком и принадлежал Арюунэрэлу, Ландсберг все же уловил нем какие-то новые нотки. Он повернул голову и увидел Провидца, стоящего у его ложа на коленях. Приподнялся на локтях – и увидел лежащих неподалеку Ивелича и Климова. Ганс нахмурился и снова попытался заглянуть в глаза Провидца. Спрашивать он ничего не стал – мгновенно сообразив, что тот легко читает мысли.

- Да, я обрел способность проникать в сознание людей, - поклонился Провидец. – И полагаю, что тебе это неприятно, но прошу принять это как неизбежность. Я не могу отключить свою способность, господин. Я мог бы хитрить и делать вид, что ничего не читаю в твоей голове – но это означало бы обман. А обманывать я никого не желаю. Ты можешь не произносить вслух ничего, а спрашивать то, что тебя интересует, мысленно. Я пойму и отвечу. Но если тебе удобнее произносить слова вслух, то делай так, как тебе лучше.

- Хорошо, Аюунэрэл. Почему ты уб… сделал это с нами?

- Тебя я просто усыпил, чтобы избежать многочисленных вопросов и несогласия с моими намерениями. В этом случае я выполнил бы твое повеление и не стал бы делать то, что нужно, мой господин. И всем было бы плохо, поверь!

- Допустим, меня ты *просто усыпил*. А Ивелич и Климов? Их ты усыпил *не просто так?*

- Да. В науке черных магов Тибета, к которым мы пришли за знаниями, есть свои законы. Например, для управления своим духом ученик должен освоить что-то воде ритмических танцев. Но твои друзья не молоды, и физически не могут сделать свои члены гибкими и послушными, как у других юных учеников колдуна. Кроме того, у них очень сильно внутренне сопротивление непривычной культуре Тибета. И ты должен понять, господин, что через этот урок нельзя «перепрыгнуть» и двигаться дальше. В тибетской магии крайне важна последовательность обучения обрядов – впрочем, она важна для постижения любой науки. Во всем вашем мире юные особи людей двигаются от простого к сложному, не так ли, мой господин? Ребенка нельзя научить астрономии, не обучив ранее элементарной арифметике и другим наукам. Его нельзя поставить за штурвал твоей яхты и поручить управлять кораблем.

- И ты…

- Да, мой господин, - кивнул Провидец. – Я выключил их сознание древним «ладзером», а потом частично включил его с помощью «мертвой» воды и соответствующих трав. Они могли двигаться, дышать, есть пищу, а самое главное – постигать магические обряды черной магии, причем в ускоренном времени. Я счастлив, мой господин, что мне удалось сократить процесс постижения с 6 -8 земных месяцев до 40 дней. Сейчас сюда придет колдун, и он подтвердит все, что я сказал.

- Я верю тебе, Провидец. Стало быть, теперь мои друзья умеют?..

- Очень многое. В том числе – не только управлять своим духом и телом, но и подчинять себе сознание других людей, проникать в тайны близкого будущего, терпеть, если нужно, лишения, которые просто убьют непосвященных.

- А меня? Почему ты не сделал так, чтобы и я постиг все это, Провидец? Разве это лишнее для меня?

- Зачем тебе всё это, господин? Подумай сам! В вашем мире говорят: многие знания – многие беды. Мы с тобой вернемся в Сингапур, или поедем в любое другое место, в какое ты пожелаешь. Ты найдешь себе спутницу жизни, у тебя появятся дети, и ты будешь счастлив. А я буду рядом с тобой и тоже буду счастлив тем, что тебе хорошо. Поверь, мой господин: очень тяжело жить тем, кто слышит от людей одно, а их мысли – другое. Если бы я мог, я бы «выключил» это свое умение, поверь!

Ландсберг сел, обхватив руками колени. Он размышлял о том, что рядом с ним – совсем другой Арюунэрэл. Из жалкого, забитого карлика, которого злые люди норовили побить камнями, Провидец превратился в мощное существо, мягко диктующее своему прежнему господину, как тому надо жить. Повелевающего другими людьми, но не упивающегося своими возможностями.

И еще Ландсберг вдруг понял, какие новые нотки появились в голосе прежнего Провидца. Ганс готов был поклясться, что это глубоко скрытые тоска и сознание своего одиночества в мире людей… Он искоса поглядел на Аюунэрэла, и тот откликнулся:

- Ты прав, мой господин: я одинок в твоем мире… Но еще хуже мне от того, что через… в положенный срок я потеряю тебя, твою семью, которую уже считаю и своей тоже. Прости, мой господин: не в моих силах дать тебе такой же срок жизни, который положен мне. Может, когда-нибудь меня постигнет и такое озарение – но… Полагаю, что память предков, которую вернул мне доктор Климов, исчерпана тем, что уже есть.

- Ты знаешь, когда я умру? Почему же ты не назвал время моей кончины?

- Живи и наслаждайся каждым днем своей жизни, господин! Знание даты своего конца не принесет тебе радости. Единственное, что я могу тебе обещать – это то, что умрешь ты не разбитым и беспомощным, не страдающим болезнями.

- Твое одиночество, Арюунэрэл, - пробормотал Ландсберг. – Но ведь в долине карликов рождались и другие «дзоппа». - Неужели все они погибли?

- Я не чувствую их присутствия, господин, - склонил голову Провидец. – Я думал об этом, и пришел к единственно возможному выводу, господин. Наверняка прямые потомки «дзоппа» остались где-то в твоем мире, а не чувствую я их потому, что в них не пробудилась память предков. Мы не сможем найти друг друга в твоем мире…

- Почему ты по-прежнему называешь меня своим господином, Арюунэрэл? Ты умнее и могущественнее меня. Почему бы не называть меня Гансом?

- И ты, и доктор Климов – в меньшей степени, конечно – мои божества, мои господа до конца своих дней. Но если ты хочешь, я буду звать тебя Гансом, мой господин…

- Как пожелаешь, Провидец. Я просто хотел сказать, что давно уже считаю себя не твоим господином, а другом. И произошло это гораздо раньше, чем к тебе вернулась память предков. Впрочем, хватит об этом. Давай поговорим о другом, Арюунэрэл, -

вздохнул Ландсберг. – Например, о том, так ты поддерживал мои силы во время долгого сна? Ведь человек, спит он или бодрствует, должен получать пищу, не так ли?

- Я не кормил тебя насильно, мой господин Ганс. Твой сон не был сном в твоем привычном представлении. Не знаю, поймешь ли ты мои объяснения…

- И не надо, - приподнявшись, Ганс обнял Провидца за плечи. – Достаточно того, что все мы живы и здоровы. И теперь надо подумать о том, как мы будем возвращаться, какой путь мы изберем для путешествия в Россию. Снова через Гоби? Или через Непал и Индию? А, может, мы двинемся путем путешественника Пржевальского и многих паломников? Через Гималаи, Зайсан и южные степи?

- Как прикажешь, господин. Однако существует еще один путь на твою новую родину, в Россию. Он гораздо короче тех, что ты упомянул, господин Ганс. Но и рискованнее, должен предупредить. Даже я не знаю – удастся ли нам уйти с Тибета прямо в Петербург этим путем.

- Ты, которому подвластно знание будущего, не знаешь? – недоверчиво переспросил Ландсберг. – Тебе, которому известна дата моей смерти, неведомо это? Извини, но в такое трудно поверить.

- Придется поверить. Это не путь «дзоппа». Мои предки не обладали способностью мгновенно переноситься из одной точки пространства в другую. Это умели делать наши старинные враги, «рогачи». У тебя есть череп одного из них, мой господин Ганс. А я знаю место, откуда «рогачи» совершали свои мгновенные перемещения. В их время таких мест было множество – но за сотни и тысячи лет на Нагорье многое изменилось. Это совсем недалеко отсюда, у Черных Зеркал Кайласа.

- Так вот о чем говорил настоятель монастыря Карданг! – пробормотал Ландсберг, качая в изумлении головой. – Я рассказывал ему о тебе – это было во время моего первого путешествия в Тибет. Можно подумать, что он знал, что когда-нибудь в тебе проснется память предков и ты сумеешь в полной мере использовать ее… Поразительно! Однако, Провидец, не пора ли тебе будить наших друзей? Или им предстоит продолжение обучения?

- Нет, они прошли полный цикл. Я хотел разбудить всех вас одновременно, но потом подумал, что сначала надо подготовить к переменам тебя, мой господин!

Встав с колен, Провидец направился к телам Ивелича и Климова. Ганс последовал за ним, и, склонившись над друзьями, пощупал их пульс, а потом в тревоге приложил ухо к груди того и другого.

- Арюунэрэл, но ведь они даже не дышат! И я не услышал биения их сердец. Они выглядят совсем как мертвые – сумеешь ли ты оживить их?

- Не беспокойся, мой господин. Сейчас ты сам все увидишь, - Провидец тщательно растирал в плошке какую-то траву и добавлял в нее воду из тыквенной «бутылочки». – Наверное, мне лучше оставить вас на какое-то время? Мне кажется, что ваши друзья не очень будут рады, когда узнают о моей бесцеремонности и вмешательстве в их жизнь.

Подумав, Ландсберг кивнул:

- Ты прав, Арюунэрэл. Позволь мне подготовить их к произошедшим с ними изменениям. Но ведь ты все равно будешь знать, что они скажут, не так ли?

- К сожалению, да, мой господин…

* * *

Первым зашевелился доктор Климов. Он с трудом сел, с недоумением разглядывая свои руки и ноги. Поднял глаза на Ландсберга, длинно и со вкусом выругался:

- Что это со мной, мистер Ганс? У меня ощущение человека, которого долго катали между мельничными жерновами, черт возьми! Или мутузили… Который час, мистер? Мои часы куда-то подевались.

- Лучше спросите, какой нынче месяц, доктор, - мрачно посоветовал Ландсберг.

- Месяц? Это что – шутка? Я отлично помню, что нынче 24 мая, мистер. Хотя… погодите! – доктор схватился за подбородок. – Последнее, что я помню – был вечер. Мы с Марком уже забрались в палатку, а вы с Провидцем о чем-то толковали у костра… Потом – грохот – будто что-то взорвалось… Естественно, что мы выглянули на шум, и тут… Черт возьми, ваш Арюунэрэл размахивал какой-то короткой палкой. Он указал ею на вас, потом на меня и Ивелича… И все! Мистер, почему на небе солнце? Почему я не в палатке, а на шкуре? Почему босиком? – схватив себя за лодыжку, Климов осмотрел ступни ног. – Эге, да тут мозоли, как у старого верблюда! Откуда они у меня? Марк!

- Отстань от меня, Илья! – со стоном пробормотал Ивелич. – У меня болит каждая косточка…

- Ага! – доктор бесцеремонно схватил друга за ноги и повернул его подошвы к себе. – Так и есть, мистер! Такие же мозоли, причем старые, будь я проклят! Ну, рассказывайте, мистер! Не молчите же! Это наверняка ваш с Провидцем заговор… Что за эксперимент он провел над нами? И где он сам, черт побери? Напакостил и в кусты?

Ландсберг вздохнул:

- Ну, хорошо, я расскажу все, что знаю. Но прошу учесть, что я пробудился за четверть часа до вас – это во-первых. Во-вторых, хоть Арюунэрэла тут нет, прошу учесть, что он – не без вашего участия, доктор, - ядовито напомнил он. – Не без вашего участия овладел памятью и способностями своих предков и будет знать все, что тут будет сказано. Поэтому попрошу быть сдержаннее – не хватало нам перед возвращением домой поссориться! Итак, слушайте!

Стараясь быть по возможности кратким, Ландсберг пересказал Климову и Ивеличу все, что только что узнал от Провидца.

Когда он закончил, на биваке воцарилось недолгое молчание.

- Стало быть, нынче 5 июля, - мрачно констатировал Ивелич. – Спасибо Провидцу, конечно: он сэкономил нам по меньшей мере полгода времени. И избавил меня от сознания того, что я скачу по лужайке, потрясая человеческими костями. Слава Создателю, что это не осталось в моей памяти! Но зачем это нужно было делать за нашими спинами? Не хочу говорить за Илью – но лично я с радостью бы согласился бы побыть месяц «живым мертвецом» и научиться всем здешним гадостям во сне. А ты, Илья?

- Ты не поверишь, Марк, но сейчас я думаю о том, что по крайней мере пару месяцев буду вынужден обходиться без ботинок. Да и какая обувь налезет на эти, с позволения сказать, «ножки»? Вашему Провидцу, мистер, придется добывать нам с Марком местные лапти…

- Лучше костыли, - охнул Ивелич, попытавшись встать на ноги и тут же рухнув на шкуру. – Да, все это хорошо, мистер Ландсберг – но позволю себе заметить, что не чувствую в себе никаких изменений. Мы с Ильей действительно умеем всё, о чем вы говорили?

- Давайте проверим, - предложил Ганс. – Насколько я помню, с этого холма хорошо видна дорога, по которой в сторону Лхасы бесконечно бредут паломники. Давайте я помогу вам встать, ваше сиятельство. Сейчас мы заберемся на холм, и вы мысленно отдадите приказ первой попавшейся ватаге богомольцев повернуться и идти в обратном направлении. Согласны? Ваша дворянская честь не пострадает от такого эксперимента?

Ивелич выругался – совсем не по-великосветски – принял протянутую руку и с оханьем и руганью стал карабкаться по пологому склону.

* * *

Ландсберг опустил бинокль и передал его доктору Климову:

- Поглядите сами, доктор. По-моему, это то самое место, о котором говорил мне настоятель монастыря Карданг. Обратите внимание на труп у подножья второй слева

скалы: стервятники его не тронули. Человек умер черт знает когда – и не растерзан птицами. Удивительно, не правда ли? На нем сохранилась даже одежда – и это не тибетские «хламиды. Он европеец, даю голову на отсечение!

Климов некоторое время внимательно изучал через мощные линзы открывшееся путникам плато между скалами.

- Похоже, вы правы, мистер. Да и сама поверхность плато какая-то странная. Она будто и не каменная… Готов поклясться, что она из какого-то металла. Отсюда плохо видно, надо бы забраться повыше, - доктор выругался. – Вас я наслушался, или вашего Провидца – но мне кажется, что поверхность плато представляет переплетение каких-то полос. Кстати: а почему молчит Арюунэрэл? Мы ведь пришли сюда по его указаниям…

- Я не хотел подсказывать вам свои выводы и впечатления, мои господа – вот поэтому и молчал, - тут же откликнулся Провидец. – Птицы не залетают сюда по очевидной причине: они чувствуют опасность. Да, я тоже думаю, что это и есть Карта мироздания.

- И что нам теперь делать? – сердито осведомился Ивелич. – Может, мне с Ильей стоит поплясать между этими скалами, потрясая человеческими костями, чтобы «карта» каким-то образом «проявилась»? А что? Практика у нас есть…

- Обряд «гюид» тут не поможет, господин, - серьезно ответил Арюунэрэл, у которого чувство юмора отсутствовало напрочь. – Я думаю, что кому-то из вас следует забраться на ту скалу – видите, ближе к ее вершине есть каменный уступ, напоминающий европейский стул? Забраться и пожевать листья растения «Кох». Возможно, тогда и откроется «карта».

- Возможно? – ядовито переспросил Ивелич. – Но ты не уверен в этом, не так ли?

- Не уверен, господин, - поклонился Провидец. – Это тайна не моего племени.

- Можно сжевать все содержимое твоей корзинки и увидеть перед собой все, что угодно – чертей, демонов, Ноев ковчег, спасающийся от Всемирного потопа – только не то, что нам нужно, - поддакнул Климов. – Ну, хорошо, допустим твою версию, Провидец. Но почему бы не забраться всем нам? Площадка на скале довольно большая. И у троих шансов увидеть «карту» больше, чем у одного.

- Надо лезть одному, - упрямо повторил Арюунэрэл. – Остальные будут искать полую скалу, пещеру, из которой возможно перемещение в пространстве.

- А ты, друг мой, чем займешься? – поинтересовался Ландсберг.

- Я с черепом «рогача» буду ждать под скалой с дозорным, мой господин. Как только ты или кто-то еще увидит на «карте» Петербург, нужно усилием мысли приблизиться к «карте» и выбрать в городе место для точки перемещения. Такое, чтобы не повредить жителям города. Дозорный укажет мне это место, и я отмечу его черепом Рогача.

- Вот как? Стало быть, если мы увидим «карту», нужно еще и отыскать там безопасное для нас и других место? – нахмурился Ганс. – А не проще ли наметить, в таком случае, какие-нибудь окрестности Петербурга?

- Пустынное место не подойдет для точки перемещения, - заявил Провидец. – Не спрашивай, господин, откуда я это знаю. Мне и самому неведомо.

- Погоди, погоди, Арюунэрэл, - перебил его Ландсберг. – Стало быть, ты собираешься дождаться, пока дозорный не увидит нежную нам точку и зайти на это плато, чтобы отметить место? Но ты же сам говорил, что это крайне нездоровое занятие: сконцентрированная между каменными «зеркалами» энергия убьет человека! Или он состарится так быстро, что помрет через несколько дней. Разве не так?

- Да, мой господин.

- Но я не хочу, чтобы ты так рисковал, друг мой! – запротестовал Ганс.

- Другой возможности отметить нужное место рогом нет, господин Ганс. К тому же, то, что смертельно для людей, может не подействовать на «дзоппа».

- Господа, надо что-то делать! – озаботился Ивелич. – Похоже, на скалу придется карабкаться мне: Илья плохо знает северную столицу, а мистер Ландсберг и вовсе не знаком с ней. Помогите мне забраться на этот «насест», а сами ищите пещеру. Или давайте откажемся от заманчивой идеи мгновенного перемещения, и будем выбираться с Тибета как все люди. Пешком.

- Не все, мой господин! – возразил Арюунэрэл. – Колдун, у которого учились бородатые «странники», сказал мне, что они ушли через это место. Мне кажется, что человеческие останки под той скалой – это погибший «корректировщик» старца Никитина. У него борода, и одет он не так, как были одеты большинство людей в Петербурге. Ты прав, мой господин: надо решаться!

- Ты рассмотрел бороду и детали одежды без бинокля? – поразился Климов. – В таком случае, у тебя зрение, как у орла. Я, например, не увидел бороду и в бинокль.

- Мы слишком много говорим, господа! Давай свою корзинку, Сусанин, - скомандовал Ивелич. – Кто поможет мне забраться на скалу? Мистер Ганс? Отлично. Пока я буду галлюцинировать на том насесте, поищите пещеру, друзья!

- Он назвал меня Сусаниным, мой господин, - обратился Арюунэрэл к Климову, когда Ивелич и Ландсберг начали взбираться на скалу. – Но так звали русского человека, который завел врагов в лесную глушь, на погибель. А я всеми силами помогаю вам вернуться домой.

- Всем ты хорош, Провидец, - вздохнул доктор. – Единственное, чего тебе не хватает, так это умения пошутить в трудной ситуации.

* * *

Полую скалу с небольшой пещерой под низкими сводами Ландсберг и Климов нашли довольно быстро. Они повыбрасывали из нее множество костей каких-то животных, даже подмели пол и вернулись к подножию скалы, на которой виднелась фигура Ивелича. Под скалой, дожидаясь сигнала сверху, замер в неподвижности карлик-Провидец.

- Ну что так, наверху? Марк не свалится оттуда, переевши твоих листьев?

- Я не допущу этого, господин. Пока он ничего не видит – кроме того, что плато действительно состоит из переплетенных полос какого-то металла.

- Послушай, друг мой, а не воспользоваться ли нам для поиска «карты» и изображения на ней тем навигационным прибором твоих предков? – выдал идею Ганс. – Он ведь в рабочем состоянии, кажется?

- Да, он функционирует. Но у того прибора другое назначение: он может указать путь меж звездами, но не на земле, господин. Надо ждать, - Провидец словно прислушался, воспринял немой вопрос Ландсберга и покачал огромным черепом. – Сколько ждать? Не знаю, мой господин. Несколько интервалов вашего времени, несколько дней, или недель…

- Значит, надо ставить палатки, - резюмировал Климов. – Местность тут не самая приятная для бивака, но что делать?

Но поставить палатку они не успели: сверху раздались невнятные крики, умноженные эхом и разреженным воздухом нагорья. Арюунэрэл, склонив голову набок, «перевел»:

- Он видит очертания материков и полон восторга…

- Ну, еще бы! – саркастически заметил Климов. – Мне доводилось бывать в опиекурильнях Шанхая – там полно любителей зелья, которые блаженствуют от своих видений. Но насколько реально то, что видит Марк? Может, эти материки – плод его воображения?

- Не думаю, мой господин, - отозвался Провидец. – Сейчас он, следуя моим наставлениям, концентрирует свое сознание на Европе и пытается приблизить изображение… Говорит, что ясно видит Италию и может различить там города…

- Италия для Марка любимое место отдыха, - сердито буркнул Климов. – Передай ему, если можешь, чтобы он «передвинул» изображение на северо-восток, к России.

Помолчав, Арюунэрэл встрепенулся:

- Он все лучше и лучше может управлять своим сознанием. Он нашел на карте Петербург и приближает видение… Видит улицы, отдельные строения… Колеблется, не зная, какую точку возврата выбрать…

- Да скажи ты ему, чтобы он побыстрее определялся, пока действие «коха» не закончилось, - взмолился Климов, возбужденно сверкая глазами и вытирая пробивший его пот.

- Васильевский остров, если я правильно понял господина Ивелича, - тихо комментировал Провидец. – Он видит парк с женским учебным заведением…

Климов фыркнул:

- Вот еще дамский угодник выискался!

- Там есть отдельно стоящее здание, в котором людей вечером и ночью не бывает. Это техническое сооружение для стирки одежды. Он остановился на нем, мои господа!

Провидец встал, взял в руки рогатый череп, повернулся к Ландсбергу:

- Я должен идти на плато, чтобы отметить выбранную Ивеличем точку и отметить ее, мой господин. Прошу тебя: если со мной что-нибудь, случится, не спеши мне на помощь. Ни в коем случае не заходи между скал! Если я не успею отметить нужное место, вам придется возвращаться на свою родину кружным и долгим путем.

- Погоди, мой друг! Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось! – энергично запротестовал Ганс. – Не ходи туда! Черт с ним, со временем! Вернемся через Гоби или через Индию – я не могу тебя потерять, Арюунэрэл!

- Мы все сделали свой выбор, мой господин, - Провидец поспешно отступал от Ганса, пытающегося ухватить его за руку. – Дальше тебе нельзя. Возможно, мои опасения напрасны, и время бессильно перед «дзоппа» - я просто не знаю. Но на всякий случай я прощаюсь с тобой, мой господин и единственный друг во всем бесконечном мире…

- Погоди! Ты же говорил о том, что переживешь меня и страдал от этого, Арюунэрэл! Подойди, я хочу обнять тебя! – Ландсберг не замечал катящихся по его щекам слез.

- Неправда, мой друг и господин, - покачал вытянутой головой Провидец. – Ты, верно, забыл, что твои мысли открыты для меня. Ты хочешь задержать, не пустить меня на плато. Я ухожу с надеждой на возвращение!

Повернувшись, Арюунэрэл засеменил на своих коротеньких ножках через безжизненное плато.

- Глядите, мистер Ганс, там нет даже обычных для Тибета песка и пыли, -откашлялся Климов. – Он идет словно по паркету… Черт! В глаза что-то попало! Наверное, нам и вправду надо было возвращаться в Россию обычным путем, без всей этой опасной и ненадежной чертовщины, замешанной на колдовстве.

Ландсберг не отвечал. Приникнув к линзам бинокля, он напряженно следил за передвижением по таинственному плато Арюунэрэла. Климов попробовал было отыскать второй бинокль среди сваленной в кучу походной клади – не нашел, ругнулся и снова встал рядом с Гансом.

- Я почти ничего не вижу, - пожаловался он. – От нагретой поверхности поднимаются потоки восходящего горячего воздуха, и Провидец как в дымке. Вам не трудно, мистер, сообщать мне об эволюциях Арюунэрэла?

- Он движется прямо через центральную часть плато… Поравнялся со скалой, на которой засел наш наблюдатель, остановился… Смотрит наверх… Снова пошел – теперь не по прямой… Мистер, а вы не можете связаться телепатически с его сиятельством? Он не

уснул там, на своей скале? Вы же вместе проходили, так сказать, практику, и Провидец уверял, что это вам доступно!

Климов выругался:

- А что я, по-вашему пробую сделать последние пять минут?! У меня ничего не получается! Для духовной связи необходимо полное сосредоточение и отрешение от окружающего – кой дьявол! Какое тут сосредоточение и отрешение? Я мысленно весь там, с Провидцем. Да и Марк, если вы не забыли, наелся дурманящих листьев, словно безумный орангутан. Он «не отвечает» на все мои «вызовы», если использовать телефонную терминологию. Мне страшно подумать о том, как он, одурманенный, будет спускаться…

- Я помогу ему, - сквозь зубы проскрипел Ландсберг, не отрываясь от бинокля. – Только дайте Провидцу закончить дело. Я так и жду, что он свалится от всех этих временных полей и нагрузок. Господи, если ты есть – помоги ему вернуться! Ага! Встал на колени…

- Встал или упал? Что там происходит? Имейте совесть, мистер, дайте мне бинокль! В конце концов, я медик! И смогу заметить, если с Арюунэрэлом неладно, раньше вас.

Ландсберг неохотно расстался с биноклем. Климов немедленно поднес его к глазам, покрутил колесико настройки:

- Вот, ясно вижу Провидца. Он стоит на коленях, в руках у него… Да, это тот самый проклятый череп! Господи, Боже мой… Скажи мне год назад, что я, член двух десятков медицинских сообществ Европы и Америки, буду принимать деятельное участие в колдовских обрядах – плюнул бы в лицо. Он словно колеблется перед каким-то действом, мистер!

- Ивелич тоже встал на своем «насесте», машет руками, - сообщил Ганс. – Указывает на что-то. Ну, с Арюунэрэлом он наверняка общается. Видимо, идет некая «тонкая настройка»…

- Погодите, Ганс! Провидец обеими руками поднял череп над головой… Бьет им в землю!

- Бьет в землю?

- Ну, в камень, или что там у него под ногами, - Климов начал топтаться на месте, словно застоявшийся конь. – Встает и… Да, он возвращается, Ганс! Он возвращается! Не знаю, получилось у него что-то или нет, но он почти бежит обратно… Слава Создателю, с ним, похоже, все в порядке!

- Не сглазьте, доктор, - проворчал Ландсберг. - Арюунэрэл, помнится, что-то говорил насчет того, что мощная энергия Черных Зеркал действует не сразу. Дайте-ка бинокль!

- Одну минуту… Он замедляет ход, останавливается… Черт, черт, черт! Нет, снова двинулся, но теперь гораздо медленнее. Ну же, мальчик мой, давай!

- Отдайте бинокль, доктор! – Ландсберг практически вырвал у Климова бинокль и приставил к глазам. – У меня такое впечатление, что он задыхается, мистер Климов. Или тащит неподъемный груз. Никогда не видел его таким… Проклятая энергетика трижды проклятых Зеркал! Ему надо помочь…

Он сделал движение, чтобы побежать навстречу Провидцу, но Климов вцепился в его руку мертвой хваткой.

- Руки прочь, сэр! – рванулся Ландсберг.

- Не пущу! – пыхтел доктор. - Вы спятили, Ганс?! Вы уже ничем не поможете бедняге, а сами получите энергетический удар. Он идет, идет сюда! Я вижу и без бинокля – он совсем близко. И машет нам рукой – он запрещает нам вступать в опасную зону.

Тем временем Арюунэрэл, словно желая подбодрить болеющих за него друзей, снова прибавил ход. Ландсберг перестал рваться из рук доктора, и бессильно пустился на камни. Бинокль был уже не нужен: Провидец семенил изо всех сил, и был в нескольких десятках шагов.

Очутившись за опасной чертой, которую сам и обозначил цепочкой камней, Провидец попал в крепкие объятия Ландсберга и Климова. Его теребили, осматривали, щупали, снова обнимали.

- Я тронут, мои добрые господа! Весьма и весьма тронут вашей заботой, - глухо бубнил Провидец, сжатый мощными объятиями Ганса. – Я сделал все, что нужно: ударил рогом в точку, указанную мне господином Ивеличем. Разве что немного перестарался, дорогой господин Ганс: рог обломился. Простите меня…

- Да черт с ним, Арюунэрэл! С этим рогом и со всеми рогами на Тибетском плато! Ты вернулся – и это главное.

- Позвольте, мистер Ландсберг! – доктор оттеснил Ганса. – Сейчас я осмотрю пациента, насколько это возможно. Дайте медику заняться своим делом, черт побери! Лучше помогите Марку слезть со своего наблюдательного поста, пока он, одуревший от «коха», не спрыгнул оттуда сам.

- Это будет нетрудно, мистер: я вбил у площадки альпинистский «костыль» и привязал к нему веревку. Сейчас я поднимусь и спущу сюда вашего Марка, в целости и сохранности, - проворчал Ландсберг. – Но предупреждаю: если он еще «пьян» от снадобья, мне придется стукнуть его по голове и спускать как куль!

* * *

Когда Ландсберг с Марком Ивеличем подошли к друзьям, озабоченный доктор развел руками:

- Арюунэрэл утверждает, что с ним все в порядке, и не дает мне в полной мере провести анамнез[1] пациента. Все время рвется осмотреть найденную нами пещеру: беспокоится, подходит ли она для предстоящего финала?

- Арюунэрэл, друг мой! – Ганс присел перед карликом на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне. Взял его лицо в ладони. – друг мой, мы не сдвинемся с места, пока ты не расскажешь, как себя чувствуешь. Черт возьми, мы с доктором видели, как ты остановился, словно обессилев. А потом некоторое время шел еле-еле. Рассказывай!

- Нам нельзя терять времени, господин. Я не знаю, когда может начаться перемещение, и нужно поспешить в полость Скалы Времени, чтобы не опоздать, - попробовал уйти от прямого ответа не умеющий врать и хитрить Провидец. Но, почувствовав непреклонность Ландсберга и всей компании, смирился. – Ну, хорошо. Как только я вступил в опасную зону, я ощутил сопротивление. Так бывает с человеком, идущим по глубокой воде. Я не видел никаких изображений на поверхности Карты Мироздания, и целиком полагался на указания господина Ивелича. Ударил рогом там в гладкую поверхность – она действительно похожа на переплетение металлических полос. От удара на поверхности не осталось и следа, но сама поверхность как будто спружинила…

- Я спрашиваю не об этом, Арюунэрэл! – рявкнул Ганс. – А о твоем самочувствии.

- Не сердись, мой господин. Сопротивление я ощутил и на обратном пути к вам, но идти мне было гораздо труднее. Так, как бывает после длительного пешего перехода или подъема на вершину горы. А когда я увидел и почувствовал ваше беспокойство и намерение пойти навстречу, я побежал изо всех сил. Вот и все, мой господин.

- Скажи мне, Арюунэрэл: в тебе что-то изменилось? Это-то ты должен знать…

- Да, мой господин. Внутри меня что-то произошло. Но что именно – я не понимаю: раньше я не испытывал ничего подобного. А теперь поспешим к пещере, мои господа.

- Никаких вещей с собой брать не нужно: они так и останутся в пещере после вашего исчезновения, - инструктировал друзей на ходу Провидец. - На одежде не должно быть

---

[1] Ана́мнез - от греческого слова «воспоминание — совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путём расспроса самого обследуемого, или знающих его лиц.

никакого металла: все пуговицы следует оборвать. И не спрашивайте меня – откуда я это знаю. Просто знаю – и все.

- Погоди-ка, Арюунэрэл! – подозрительно поглядел на Провидца Климов. – Ты сказал: «после вашего исчезновения». Не *нашего*, а *вашего*. Что ты хочешь этим сказать? Что ты остаешься тут?

- Нет-нет, тут я не останусь! – поспешил заверить Провидец. – Так, пещера подходит: выбранная вами скала находится во взаимодействии с другими Зеркалами Времени. Теперь нужно собрать камни, чтобы заложить ход в пещеру после того, как объекты перемещения окажутся внутри. Помогите мне, господа!

Через четверть часа возле входа в пещеру высилась груда камней.

- Забирайтесь внутрь, господа, - командовал Провидец. – Я буду подавать вам камни, а вы закладывайте вход как можно плотнее.

- А ты? – тут же переспросил Ландсберг. – А-а, ты перелезешь внутрь, когда дыра станет совсем небольшой?

- Поторопитесь, господа! – словно не слыша, карлик стал подтаскивать камни.

Друзья принялись за работу. Когда под сводом осталась совсем небольшая дыра, Ландсберг скомандовал:

- Арюунэрэл, теперь просто перекинь сюда десятка два камней и забирайся сам…

Карлик исполнил сказанное. Потом над возведенной стенкой появилось его лицо. Провидец передал Гансу корзинку с травами и несколько фляжек с водой.

- Это на тот случай, если придется ждать долго, - пояснил он. – Там черепок с маслом, чтобы сделать светильник. Пучок трав, перевязанный желтой ниткой, отбивает чувство голода. Если ожидание будет слишком долгим, пожуйте листья с красной ниткой…

- Погоди, Арюунэрэл! – перебил его Ландсберг. – Залезай сам и растолкуешь все на месте.

- Нет, господин Ганс, нам пора расстаться, - покачал тот головой. – Прощайте, мои дорогие друзья! Наши пути расходятся…

- Но ты же сказал, что не останешься здесь! – закричал Ландсберг и попытался свалить только что возведенную стену. – Что за черт?!

Стена осталась непоколебимой, словно камни прилипли друг к другу, или были уложены на раствор.

- Ты не сможешь разобрать стену, мой господин: они держатся силой энергии времени. И я не обманул тебя: здесь я не останусь. Уйду отсюда и попробую добраться до долины карликов.

- Но почему, друг мой? – Ганс вскарабкался по камням до оставшегося отверстия, и лицо его оказалось рядом с лицом Карлика. – Я не хочу с тобой расставаться! Помнишь – мы говорили о том, как славно будем жить вместе в моем и твоем доме?

- Не плачь, мой господин. Мне осталось жить совсем немного времени, и я не хочу, чтобы ты пережил мою смерть. Энергетическое поле на плато времени оказалось слишком сильным. Может, оно и к лучшему: ведь я одинок в вашем мире. Прощайте и вы, мои друзья! Вы сделали одинокому «дзоппа» много доброго, и я буду благодарен вам до конца моего жизненного цикла.

- Значит, ты так?! – взъярился Ландсберг. -Хорошо же! Мы не будем заделывать вход до конца, и перемещения не произойдет. И мы погибнем тут от голода и жажды.

- Не погибнете, мой господин Ганс. Прощай. Как говорят люди – долгие проводы – долгие слезы.

Лицо карлика исчезло. Потом стена начала расти: Провидец, пыхтя, подносил камни и закладывал ими оставшуюся дыру. В отчаянии Ландсберг пытался сталкивать камни, но они, встав на место, уже не поддавались. Дыра под потолком становилась все меньше и,

наконец, в пещере стало совсем темно. В заложенном проходе осталось лишь несколько мелких отверстий. Ландсберг пробовал кричать сквозь них, звал Арюунэрэла – но то не откликался.

Друзья подавленно молчали. Да и что им было сказать?

Немного погодя Ивелич нашарил в темноте корзинку, достал оттуда светильник и картонку со спичками. Занялся тусклый огонек.

- Он знал все наперед, - нарушил молчание Ландсберг. – Знал и молчал, потому что никогда не умел врать…

- И мы все знали, чем рискует Провидец, входя в зону действия Зеркал Времени, - откликнулся Климов. – Правда, была надежда, что на «дзоппа» это воздействие может не оказать влияния. Он внушил нам эту надежду.

- Погодите, друзья! Я что-то слышу! – поднял руку Ивелич.

Несколько мгновений он прислушивался, потом опустил руку:

- Это был телепатический сигнал от Арюунэрэла. Он попрощался с нами еще раз и уходит. Черт бы побрал нашу затею! Надо было возвращаться обычным путем…

- Он сам хотел этого, потому что был одинок, - подал голос Климов. – Представьте себя на его месте, господа. Как бы вы чувствовали себя, перенесясь в другую страну и очутившись среди чужих существ? Вместе с памятью звездных предков к нему вернулось неизбывное одиночество, и он нашел способ решить проблему и для себя, и для нас.

- Может, вы и правы, доктор, - вздохнул Ландсберг. – Но легче от этого не становится. Дайте-ка мне корзинку. Вы как хотите, господа, а я сейчас наемся «сон-травы» и впаду в беспамятство, чтобы не думать все время об Арюунэрэле и сохранить остатки рассудка.

- Не ешьте все, оставьте немного и для меня, мистер, - попросил Климов. – Знаете ли, я ведь тоже сильно привязался к нему. И вдобавок именно я вернул ему память предков.

- Надеюсь, в корзинке останется немного снадобья и для меня, - проворчал Ивелич.

Вскоре в пещере стало совсем тихо. Померкли и пятнышки света на каменной стене: на Тибетском нагорье наступила ночь…

ЭПИЛОГ

Реконструкция

Сообщив начальнику Дворцовой полиции Герарди о нулевых результатах повторного обследования Прачечного корпуса Женского Патриотического института сыщиками-ветеранами, генерал Герасимов упомянул и об отъезде из Северной столицы знаменитого некогда «сыскаря» Евстратия Медникова.

Медников, однако, с отбытием в свое подмосковное поместье, к курам и коровам, отнюдь не спешил.

Чистя сюртук в номере гостиницы второго разряда, он обнаружил в кармане позабытую было находку у развалин Прачечного корпуса. Хотел было выбросить обломок странной кости в корзину – но из-за въевшейся привычки обращать внимание на любую мелочь, передумал и завернул находку в салфетку. Вынул из кармана старую, еще времен сыскной службы, записную книжку, водрузил на нос очки и долго искал среди записей имя прежнего петербургского знакомого. Хоть и не ровней был сыскарю старый знакомец – но должок за ним числился, выручил его как-то Евстратий из некрупной, но достаточно скверной неприятности. Ага, вот и он - Отто Сергеевич Херманн, Судебно-Медицинское бюро Департамента полиции, с пометочкой: из обрусевших немцев.

Евстратий вышел из гостиницы, подозвал извозчика и велел везти его на Гороховую. Обошел внушительное здание, со двора спустился по лестнице в подвальное помещение.

Крутя носом от едкого формалина и сладковатого запаха человеческой плоти, толкнулся в знакомую дверь.

* * *

- Тэк-тэк-тэк, любопытно, любопытно! – выхватил из рук Медникова обломок рога, эксперт вооружился лупой, направил на находку свет сильной лампы и долго крутил ее в прожженных химикатами пальцах. – Где ты это взял, Евстратий?

- На месте происшествия, - кратко ответствовал тот.

- Это понятно, что происшествия. Но какого именно? – отложив в сторону лупу и сдернув с переносицы пенсне, допытывался Херманн. – Не по археологической части сие происшествие часом, друг любезный? Ну, сие есть дисциплина, изучающая по вещественным источникам историческое прошлое человечества, если кратко. Археологи курганы раскапывают, места древних стоянок человека.

Медников, услыхав про раскопки могил, двоеперстно перекрестился, покачал головой:

- Нет, в Петербурге найдена сия вещица.

- Не в музее часом?

- Боже упаси, Отто Сергеевич! А что?

- А то! Могу я кусочек твоей находки отпилить для физического исследования и анализа?

- Да хоть половину, ваш-бродь. Только просветите, не дайте дураком помереть: что это такое? Я-то нынче, как изволите знать, не при сыскных делах, старое начальство в помощь из Москвы по старой памяти вызвало. Ну, вот и нашел… Я, грешник, поначалу подумал, что кусок коровьего рога, потом дотумкал: непохоже. Вот и пришел к вам…

- Я сейчас! Ты не уходи никуда, Евстратий

Сорвавшись с места, эксперт убежал в соседнее помещение, где трудился судебный штадт-физик. Вернувшись без обломка, эксперт уселся напротив старого сыщика, закурил.

- Озадачил ты меня, Евстатий! Я, видишь ли, приватно весьма интересуюсь проблемами археологии, и даже состою членом Палеонтологического общества при Министерстве двора[1] его величества, коему подведомственна и Императорская Археологическая комиссия, - с гордостью сообщил Херманн. – Так что ты, Евстратий, пришел туда, куда нужно.

- Так ведь мы с вами, ваш-бродь, давно знакомы, вот и пришел. Вы бы мне попросту сказали, что это? - Медников, зная привычку эксперта долго витийствовать, попытался перевести беседу в практическое русло. - У меня от ученых сообщений в глазах мутнеет, Отто Сергеевич.

- «Попросту»? Боюсь, не получится попросту, Евстратий. Но попробую. Во-первых, твоей находке не меньше пяти тысяч лет. Точнее физик скажет – я на глазок определил, по слою окаменелости на верхушке рога. И не коровья это принадлежность, тут ты прав.

- Тогда чья же?

- Пока не знаю. Но артефакт занятный, очень и очень занятный! Как ты сам, наверное, увидел, сломан он неровно. И на длинном краю облома видны окаменевшие остатки эпителия – то бишь ороговевшей кожи. Стало быть, существо, носившее сие «украшение», имело рожки небольшие, вот такие, - эксперт показал пальцами. – Дюйма два, максимум. Самое же любопытное то, что само место облома выглядит более свежим, чем сам кончик рога: на нем нет и признаков окаменелости! Понял, в чем странность?

---

[1] Созданная в России в 1859 году императорская археологическая комиссия поначалу входила в МВД, но очень скоро перешла в состав Министерства императорского двора. Комиссия имела очень высокий социальный статус.

- Не-а, ваш-бродь! – потряс головой Медников. – Я ж говорю: мне попроще надо объяснять.

- Ф-фу, вот беда мне с тобой, - шумно выдохнул эксперт. – Ну, это выглядит противоречиво, понимаешь? Одно противоречит другому, Евстратий. Выехал ты, предположим, в прежние времена на убийство. На трупе ножевые раны, а ножа в помещении нет, только топор окровавленный, скажем. Противоречие, ясное дело! Так и тут: после гибели живого существа минеральное вещество кости начинает выщелачиваться и постепенно замещается другими, уже неорганическими соединениями. Утрачивая свой первоначальный состав, насыщаясь новыми элементами, кость медленно превращается в окаменелость. Сломай такую кость – на изломе тоже будут следы окаменения. А тут их нету! Понял теперь?

- Понял. Нестыковочка выходит, - кивнул Медников и упрямо набычился. – Так чей же рог все-таки?

Вторично застонав, эксперт сорвался с места, распахнул дверцы шкафа, порылся там и вывалил на стол перед Медниковым с десяток книг.

- Вот слушай, Евстратий. Удивительные черепа недавно[1] обнаружены в пустыне Гоби. Потрясённые археологи просто глазам своим не верили: на нескольких, явно человеческих черепах, были самые настоящие рога! Бельгийский учёный Фридрих Мейснер вначале предположил, что рога каким-то образом врезаны в череп, что речь идет о трансплантации, но исследования показали, что это естественное образование: они сформировались и росли при жизни этого существа.

- Стало быть, диавол и вправду на земле грешной шуткует иногда? – Медников снова обмахнулся крестом.

- Дьявол – не дьявол, но… Должен тебе заметить, Евстратий, что в человеческой культуре рога всегда служили непременным атрибутом магических ритуалов древности. Жрецы, вожди, шаманы практически всегда украшали ими свои головные уборы. Иногда рога являлись признаком демонических сил, но чаще свидетельствовали об исключительном социальном статусе, его удачливости и силе… Приведу тебе только один пример: Александр Великий, объявив себя сыном Зевса, приказал, чтобы на всех монетах с его изображением его чело было украшено рожками.

- Стало быть, я вам обломанный рог Александра-полководца предоставил? – хмыкнул Медников.

- А ты не ёрничай, господин отставной сыщик! – начал закипать эксперт. - Вот отчеты известного путешественника, господина Пржевальского. Он четырежды побывал в Тибете. И пишет о многих удивительных вещах, Евстратий! В том числе и о преданиях тибетцев, в которых фигурируют рогатые люди. Тамошние аборигены убеждены, что они спустились с небес. «Рогачи» были очень могущественными, но другие «гости» с небес оказались еще сильнее, и прогнали тех. Пржевальского уверяли что в нескольких монастырях Тибета хранятся черепа «рогачей», которые, по убеждению лам, обладают чудодейственной силой. Ему даже обещали уступить один такой череп – но увы, обманули.

Херманн аккуратно собрал все книги, отнес в шкаф и направился в смежную комнату. Некоторое время Медников прислушивался к торопливой скороговорке двух экспертов, улавливая только отдельные восклицания. Наконец, Херманн вернулся, сел напротив старого сыщика, взял его за руки:

- Евстратий, ты сказал, что готов отдать мне эту вещь. Что она тебе не нужна, а требуются тебе только ответы на вопросы. Ты получил их?

---

[1] Вольность автора. Рогатые черепа были обнаружены на Тибетском нагорье гораздо позже. Их происхождение так и не установлено до сих пор…

Медников кивнул, попытался высвободить руки, но эксперт вцепился в них мертвой хваткой, замотал головой.

- Ты хочешь уйти, Евстратий? Но… Но ты не имеешь права! Ты должен, ты просто обязан сказать мне, где ты ЭТО нашел? Мне нужен целый череп, мил-человек! Это же сенсация! Наш штадт-физик уверяет, что твоему обломку не менее 15-20 тысяч лет! Я выберусь, наконец, их этого гнусного подвала. Перестану потрошить утопленников и проводить никому не нужные гистологические исследования. Я займусь настоящим делом, проведу детальное исследование находки, подам заявку на организацию научной экспедиции к месту находки артефакта. Мое имя будет опубликовано в археологических журналах. И тебя не забуду, Евстратий!

Медникову, наконец, удалось высвободить руки из мертвой хватки взволнованного энтузиаста. Он встал, одернул сюртук:

- А теперь меня послушайте, ваш-бродь. Рог обломатый я вам оставлю, коль обещал. Но не насовсем, раз такое дело. Исследуйте его на здоровье, в журналы-газетки пишите. Но место находки я без дозволения своего бывшего начальника назвать не могу! Вызвал он меня из Москвы по срочному и секретному делу, а я доверие его обмануть не могу. Дозволит генерал Герасимов назвать – милости прошу. Но мнится мне, что не случайно сей обломок на месте происшествия оказался. Искали там не то, врать не буду. Но ежели вы насчет «рогачей» правы, ваш-бродь, то вполне возможно, что сей предмет - улика, имеющую отношение к… Впрочем, сказать не могу, извиняйте.

Херманн снова попытался поймать своего гостя за руки, но тот спрятал их за спину.

- Да ты пойми, мил-человек, что важна не только сама находка! Существуют разные методы для определения возраста органических останков: пробы на содержание в них радиоактивных элементов, изучение состава почвы и горных пород в месте, где они были обнаружены, биологический анализ найденной рядом с ними органической материи — например зерен, которые служили древним людям пищей, и так далее. Место мне знать надобно, Медников!

- Ступайте в министерство, к генералу Герасимову, Отто Сергеевич. Сочтет он полезным для его дела вашу милость к расследованию привлечь – ради Бога! И сам назовет место, и я могу показать. А без него – никак, извиняйте!

- Да мне к твоему генералу дальше швейцара не пройти, Евстратий! Кто я для него? Так, мелочь пузатая, докторишка-потрошитель трупов из Судебно- Медицинского бюро, - уныло вздохнул Херманн. - Тогда ты уж, Медников, когда с докладом к его высокопревосходительству пойдешь, словечко замолви за меня, а?

- Замолвлю, ваш-бродь. Только вы прежде кратенько заключение свое по поводу находки изложите, письменно. Так и так, мол: представленному обломку рога столько-то тыщ лет, что противоречит состоянию костной ткани на месте излома. И предположение про «рогачей». Пишите, ваш-бродь, я обожду пока…

* * *

Дверь на антресолях старого рабочего кабинета императора приоткрылась, и, шурша подолом длинного закрытого платья, к супругу по лестнице спустилась Александра Федоровна. Заслышав ее легкие шаги и шуршание, Николай поднял голову от бумаг, над которыми всегда работал до прихода и доклада министров. Легко соскочил с места, с искренней улыбкой сделал несколько шагов навстречу:

- Аликс, милая… Но ты не предупреждала о своем намерении зайти, - император галантно поцеловал холодную руку супруги, хотя они расстались чуть более часа назад, после завтрака. – Или Алексей снова?..

- Нет-нет, Ники, с Алексеем нынче все в порядке, - поспешила заверить Николая императрица. – Просто я узнала у дежурных адъютантов, что министр внутренних дел, чья

аудиенция стоит у тебя первой, нынче не придет. И поспешили ангажировать у тебя, Ники, это время для своего «доклада». Надеюсь, не менее весомого, чем у Плеве.

- Слушаю тебя, майн либе, - император подвел супругу к козетке, усадил и устроился напротив, на стуле, всем своим видом выказывая почтительное внимание.

- Как ты знаешь, Ники, несколько лет назад я приняла высочайшее покровительство над Женским Патриотическим институтом. Но до сей поры никогда не злоупотребляла своим положением и не обращалась к тебе с какими-либо вопросами, касающимися призрения сего заведения.

- Совершенно верно, милая Аликс. Но нынче ты, по всей вероятности, столкнулась с проблемой, требующей моего вмешательства? – с улыбкой предположил Николай.

- Да, милый. Посетившая сегодня меня начальница Патриотического института пожаловалась на препятствия, чинимые подведомственному ею учебному заведению властями города и чинами министерства внутренних дел.

- Вот как? – искренне удивился Николай. – Какие же могут у властей быть претензии к скромным институткам?

- Дело не в претензиях, Ники. Ты, конечно, знаешь, что половина Прачечного корпуса, обустроенного в комплексе института, разрушена революционерами при закладке ими бомбы. Приказом градоначальства корпус закрыт до окончания полного расследования этого гнусного происшествия. Но прошел уже месяц, и госпожа Ливен, начальница Института, уверяет, что никакого расследования давно не ведется. И нет дозволения приступить к ремонтным работам. Между тем, госпожа Ливен постоянно вынуждена изыскивать возможности для стирки белья и одежды институток на стороне. Не говоря уже о непредусмотренных бюджетом дополнительных расходах, сторонняя стирка причиняет Институту множество неудобств…

- Я тебя понял, милая Аликс, - мягко прервал император, слегка раздосадованный тем, что вместо решения государственных проблем он должен озаботиться и стиркой дамских лифчиков и панталон. – Следов злоумышления, как мне докладывали, на Прачечном корпусе не обнаружено. Правда, там…

- Что там, Ники?

- Да нет, милая, ничего важного, - уклонился от ответа император. – Я нынче же отдам приказание градоначальнику прекратить волокиту и бессмысленное ожидание неизвестно чего и немедленно приступить к ремонту столь нужного твоим институткам бытового корпуса. И если у тебя нет ко мне более никаких других срочных вопросов, то я желал бы продолжить работу над документами. Прости, дорогая, их так много!

- Это ты прости меня, милый Ники, - императрица встала и направилась к лестнице, которая позволяла ей напрямую общаться с монаршим супругом. – И побереги, по возможности, себя, Ники! Ты столько времени отдаешь работе…

Проводив супругу, Николай снова уселся за бумаги, однако напоминание о таинственном происшествии в патриотическом Институте мешало ему сосредоточиться. Он не стал рассказывать Аликс о дополнительном следствии, учиненном по его приказу начальником Дворцовой полиции и оказавшемся безрезультатным. Умолчал он и о втором визите по делу о взрыве генерала Герасимова, бывшего начальника Охранного отделения. Тот проявил ненужную, по мнению Николая инициативу, и привлек к расследованию старых сыщиков-отставников.

Припоминая детали недавней испрошенной генералом внеочередной аудиенции, Николай раздраженно фыркнул и отбросил перо. Надо же! Герасимов с самым таинственным видом сообщил о найденном на месте непонятного взрыва обломке кости, кою эксперты полицейского ведомства сочли принадлежащей некоему рогатому

человекообразному существу, обитавшему 15-20 тысяч лет назад. И пытался приплести к странной находке проваленное им же, Герасимовым, «дело сектантов-странников».

Тогда Николай прямо спросил Герасимова: ежели, по его разумению, к взрыву причастны «странники» старца Никитина, то при чем тут столь древняя кость? 15 тысяч лет назад и самих «странников» в помине не было, а по нынешней Европе бродили дикие племена в звериных шкурах и с дубинками наперевес.

- Уж не хочешь ли ты, Александр Васильевич, уверить меня, что богопротивный старец Никитин оживил с помощью тайных знаний, полученных в Тибете, ископаемое рогатое существо? И науськал этого «рогача» боднуть Прачечный корпус так, что половина кирпичного здания рассыпалась? И почему, в таком случае, объектом злоумышления выбран не царский дворец, обиталище «антихриста», не охранное отделение с «антихристовыми слугами», а прачечная с лифчиками, панталонами и прочими предметами дамского обихода?

Герасимов тогда насмешку и раздражение императора почувствовал, поджал губы, извинился и удалился. Обиделся? Ну и пусть его! Не станет в другой раз отвлекать императора всякой ерундой!

Другое дело – сегодняшнее беспокойство Аликс о воспитанницах Патриотического Института, подумал Николай. Хоть и мелкое в масштабах империи, но практическое дело…

Подумавши так, он вдавил пальцем кнопку электрического звонка в приемную и распорядился немедленно появившемуся в дверях флигель-адъютанту:

- Протелефонируй в канцелярию градоначальника, Дрентельн: я желаю нынче же, часа, скажем, в три пополудни, видеть у себя его высокопревосходительство господина Драчевского. И пусть Даниил Васильевич захватит бумаги по восстановлению разрушенного Прачечного корпуса Париотического Института.

- Будет исполнено, ваше величество!

* * *

Драчевский вышел от императора с красным лицом, и тут же осведомился у дежурных флигель-адъютантов: у себя ли его превосходительство полковник Герарди?

- А как же-с! Начальнику Дворцовой полиции надлежит во всякое время быть поблизости от его величества, господин градоначальник, - охотно отозвался один из адъютантов, и, понизив голос, по-свойски поинтересовался. – Головомойка-с?

Драчевский только махнул рукой и поспешил в апартаменты Герарди.

- Борис Адреевич, помоги за-ради Бога! Ты, я слышал, каким-то боком причастен к расследованию происшествия на Васильевском острове. И распорядился в свое время, со ссылкой на государя, никаких работ на Прачечном корпусе не производить – до завершения расследования.

- Было дело, - согласился Герарди. – Но предпринятое расследование ничего не дало, хотя само повреждение здания до сих пор не разъяснено. Чем могу служить, Даниил Васильевич?

- Его величество изволил сегодня вызвать и счел необходимым выговорить за притеснения, чинимые институткам. Короче говоря, мне дадено два месяца на исправление и реконструкцию Прачечного корпуса.

- Ну, а я-то при чем? – позволил себе усмехнуться полковник. – Прикажешь дать тебе нижних чинов дворцовой охраны для разборки завала?

- Тебе смешно! – вздохнул Драчевский, вытирая лоб платком. – А мне каково? На сем объекте обрушения таковы, что только на разборку поврежденной части корпуса понадобится не менее двух-трех месяцев. А я через 60 дней уже отрапортовать должен о завершении всех работ.

- Прости, Даниил Васильевич, я все же не понимаю пока, чем могу помочь? Изволь говорить яснее.

- Так ведь ты из артиллерии в Царское Село пришел? Из нее, «царицы полей»! А я слыхал где-то, что существует практика быстрого обрушения поврежденных зданий посредством взрывов. Направленных, что ли? Помоги, а?

- Знаю, слыхал и читал в немецких журналах про методику направленного взрыва при сносе зданий, - кивнул Герарди. - Только ты не по адресу обратился, Даниил Васильевич: если сие в России кому и по зубам, так только саперам. Тебе в военное министерство надо «стучаться».

- Достучусь ли? – скривился Драчевский. – Сам знаешь, как ваш брат, военная косточка, на просьбы статских реагирует!

- А ты не дрейфь, - обнадежил полковник. – Это повеление государя, и никак иначе. Действуй, Даниил Васильевич! Если какая заминка выйдет – телефонируй! Подскажу, кому надо, чтобы поменьше гоношились.

* * *

Как и предсказывал начальник Дворцовой охраны, упоминание личного приказания императора сняло все возражения и сомнения Главного штаба Военного министерства. Уже к вечеру дня обращения Драчевского к военному министру градоначальнику перезвонил командир Саперного Лейб-Гвардии батальона, расквартированного в Петербурге. Это был генерал-майор Добровольский. Договорились встретиться на месте саперной акции, в кабинете начальницы Патриотического Института госпожи Ливен.

Она уточнила количество офицеров батальона, которым необходимо было ознакомиться с объектом подрыва, и, положив трубку, немедленно собрала весь наличный состав классных дам и воспитательниц Института. Всем им категорически было приказано отменить учебные занятия и проследить за тем, чтобы институтки не покидали спальных корпусов до особого распоряжения.

Барышни-институтки, жившие в Институте практически на казарменном положении, вслух ужасались визиту бравых офицеров-гвардейцев, но, вернувшись в спальни, принялись живо обсуждать все мыслимые и немыслимые возможности глянуть на визитеров хоть одним глазком. Швейцаров и престарелых сторожей отзывали в укромные уголки, называли душками и милыми «иван иванычами», строили старикам глазки и совали им в карманы денежные купюры. Несколько сторожей дрогнули, и пообещали после прибытия офицеров сопроводить десяток наиболее отчаянных барышень в чердачные помещения: только оттуда просматривалась часть институтского парка и Прачечный корпус.

Восемь офицеров-саперов во главе с командиром прибыли в Институт минута в минуту. В вестибюле главного корпуса их встретили начальница и градоначальник. Категорически попросив господ офицеров не бродить по аллеям парка, тем более под окнами спальных корпусов, госпожа Ливен отрядила для сопровождения гостей наиболее доверенных швейцаров и вернулась к себе в кабинет.

Гвардейцы, по всей вероятности, рассчитывали на более теплый прием, и были весьма разочарованы пустотой аллей в парке. Делать, однако, было нечего, и хмурые саперы проследовали к полуразрушенному корпусу. Там барышни были позабыты, и офицеры принялись сверять чертежи здания с фактической картиной разрушения, делать пометки в блокнотах и негромко переговариваться.

- Как странно, милостивый государь, что вы соизволили обратиться к саперам именно нынче, - заметил Добровольский градоначальнику. – Мои офицеры только неделю назад вернулись из Германии, куда ездили по обмену практическим опытом применения методы направленных взрывов в городских условия.

- Вот как? Надеюсь, господин генерал, ваше замечание не означает, что предполагаемые подрывы будут иметь непредсказуемый характер?

- Не волнуйтесь, господин градоначальник! Все офицеры, отобранные мной для нынешнего дела, имеют отличный послужной список и опыт работы в боевых условиях. Мои орлы так ловко подрывали ворота в крепостях Туркестана, что сами стены оставались целехонькими. Направленный взрыв тем и отличается от бомб революционеров, что его волна идет строго в нужном, заранее выбранном направлении. Так будет и здесь: я гарантирую, что от заложенных зарядов кирпичи по сторонам не разлетятся. Часть здания сложится, как карточный домик, и рухнет вниз. Разве что пыль столбом поднимется, - пожал плечами Добровольский. – Но с этой неизбежности надо смириться.

Помолчав, генерал поинтересовался:

- А что тут, собственно, произошло? Вам, как градоначальнику, должны были доложить…

- А черт его знает! – раздраженно махнул рукой Драчевский. – Две комиссии тут все перерыли – и артиллеристы, и сыскные из «охранки» - и ничего определенного. Ни следов взрывчатки, ни осколков бомб – ничего!

- Гм… Странно, ничего не скажешь. Никогда не видел разрушений подобного характера. Впрочем, видел: когда железнодорожный состав сошел с рельсов, и локомотив врезался в пристанционный склад. Тут, разумеется, что-то иное – но похоже…

Через пару часов разметка размещения зарядов в стенах была закончена, и офицеры вернулись в главный корпус, чтобы предупредить начальницу о том, что утром завтрашнего дня в Институт прибудут не только саперы со специальными бурами и запасом взрывчатки, но и потребное количество полицейских чинов для круглосуточной охраны «заминированного» объекта. Напомнив начальнице про запертую калитку в ограде за Прачечным корпусом, генерал предложил, во избежание волнений институток, отпереть их для свободного доступа саперов и полиции.

- У Прачечного корпуса, согласно чертежам, имеется и подвальное помещение с единственной лестницей в южном торце здания. Мои люди не смогли осмотреть его по причине обрушения этой части здания. Вы уверены, госпожа Ливен, что там никто не мог остаться после злополучного взрыва? Вам не поступали донесения о пропаже персонала прачечной? Нет? Отлично!

- И вообще, дорогая госпожа Ливен, в той части забора понадобятся ворота для проезда ломовиков, - добавил Драчевский. – Завтра с утра я распоряжусь направить в Институт пару ватаг рабочих для пролома стены и обустройства запирающихся ворот.

Госпожа Ливен только закатила глаза и взялась пальцами за виски.

Утром следующего дня на набережную Карповки прибыло несколько пролеток с офицерами батальона и ломовик под охраной конных жандармов. Однако, к калитке в тыльной части ограды подъехать новоприбывшие не смогли: вся набережная впадающей в Неву речки была заставлена экипажами любопытных, съехавшихся поглазеть на необычное «представление». Здесь же сновали туда и сюда репортеры петербургских газет. При виде военного «каравана» к нему бросились газетчики и фотографы со своими треногами.

- Эт-то еще что за дьявольщина? – процедил генерал Добровольский, замерший на подножке экипажа.

Отмахиваясь от газетчиков, он высмотрел в толпе градоначальника с несколькими чиновниками канцелярии и, раздвигая толпу, двинулся к нему. Подходы к градоначальнику охраняло несколько дюжих городовых. Вид у Драчевского был настолько расстроенный, что командир Саперного батальона не стал допытываться – кто именно допустил утечку информации о готовящемся мероприятии.

- Я бы на вашем месте, милостивый государь, вызвал сюда дополнительные полицейские силы, - холодно посоветовал генерал. - Это, мне кажется, в ваших же интересах: мои-то саперы будут работать за забором, а вот ваши ломовики за строительным мусором при сложившейся ситуации долгонько не смогут подъехать. Уверяю: зеваки не разойдутся и после подрыва, будут глазеть на развалины.

* * *

Набережную Карповки удалось расчистить от зевак и газетчиков только к полудню, когда саперу уже успели пробурить в намеченных местах несколько десятков шпуров для закладки зарядов. Передовые ватаги рабочих успели к этому времени проделать в стене пролом и прилаживали к нему привезенные воротины.

К четырем часам пополудни командир саперного подразделения доложил Добровольскому о готовности к подрыву: заряды с электродетонаторами заложены, провода выведены на безопасное расстояние, динамомашина для подачи электрического импульса к динамиту дважды проверена.

Генерал кивнул, растоптал папиросу и направился к градоначальнику, сидевшему в экипаже в окружении статских и полицейских чиновников.

- У нас все готово, милостивый государь, - сообщил он. – Полагал бы нелишним направить в здание десяток полицейских для окончательной проверки: не приведи, господи, если мальчишки или газетчики в суматохе пробрались в Прачечный корпус.

Драчевский кивнул и отдал распоряжение одному из чиновников, и тот мелкой рысью помчался к полицейскому начальству. Между тем генерал сделал градоначальнику знак и, отведя его в сторонку, вполголоса изложил свою озабоченность:

- Господин Драчевский, меня все же беспокоит подвальное помещение, оставшееся без осмотра. Мы поверили на слово госпоже Ливен, что там никого не может быть. И исходили из соображений логической допустимости: если кто и остался под завалами, то за месяц с лишним этот человек либо дал бы о себе знать, либо его хватились бы. Но… чем черт не шутит, как говорится, господин градоначальник. Может, было бы разумным отложить взрывные работы и попытаться проникнуть в подвал для его осмотра?

- Христос с вами, генерал! – плачущим голосом отозвался Драчевский. – Вы, должно, без ножа меня зарезать хотите! Третий день пошел с момента отдачи государем категорического распоряжения, а на развалинах, кроме ваших саперов, и конь не валялся. Взрывайте, господин командир! Никого там нету, и быть не может!

- Что ж… Как говорят: наше дело – прокукарекать, а там хоть не рассветай, - пожал плечами Добровольский и кинул в рот очередную папиросу. – В таком случае, господин градоначальник, попрошу вас и ваших людей переместиться к полицейскому кордону в начале улицы. Будем подрывать сразу после возвращения из здания городовых…

Через полчаса прогремела серия взрывов, и над парком взвилась туча ворон и голубей. Поврежденная часть Прачечного корпуса просела и словно провалилась, подняв целое облако пыли.

Инженерная служба градоначальства, осмотрев развалины и уцелевшую половину здания, признали работу саперов ювелирной. Получив распоряжение немедля приступать к работам, десятники побежали к колонне ломовиков. В новые ворота Института потекла толпа рабочих с кирками, ломами и лопатами.

Ближе к ночи подвезли и установили прожектора с завода «Руссо-Балт». Работы по разборке развалин и вывозу мусора было велено вести круглосуточно. Для экономии времени ломовики сгружали строительный мусор на огромные баржи, подогнанные к слиянию Карповки с Невой, и «конвейер» работал споро и бесперебойно.

К утру следующего дня груда обломков и битого кирпича стала заметно ниже, а через сутки рабочие добрались до подвального помещения Прачечного корпуса. А еще

через час в прорабскую, наспех оборудованную в уцелевшей части здания, прибежал перепуганный десятник.

- Так что, господа анжинеры, робяты мои в подвале под перекрытием покойников обнаружили. Троих, то исть…

Ругнувшись, «анжинеры» похватали электрические фонари и направились к месту страшной находки. Десятник, то и дело забегая вперед, торопливо вводил начальство в курс дела:

- Бродяги, должно: морды заросшие, небритые. Забрались, должно, давно, еще до первого взрыва, прости мя, Господи! А когда рвануло, оне в углу были – там балки перекрытия одним боком на фундаменте удержались. Вот оне, покойники, словно под крышей и оказались. А когда саперы тут динамит рвали, часть стены на ихний «шалаш» из балок и упала.

- Как же ты морды небритые разглядел, коли так?

- А у них, ваш-бродь, только ноги кирпичами битыми засыпало. Морды наружу торчать, стало быть…

Бродяг, соблюдая ненужную покойникам бережливость, вытащили наружу, уложили на землю и накрыли брезентом. Послали, как водится, за полицией. Прорабы, отойдя в сторонку, зашептались:

- Побей меня Бог, Василий Дмитрич, если это бродяги. Морды хоть и заросшие, а руки не корявые, белые. И одёжка целая, не рванина.

- Точно! А у старшего, который седой, из-под ворота цепь золотая с крестом нательным – золотые.

- А еще, Дмитрич, духа покойницкого от них нету. И руки-ноги легко разогнулись, когда под брезент их прятали. Покойники – они коченеют, а эти – совсем свежие. Надо бы начальство наше предупредить, Дмитрич!

- Зачем? Какое начальство?

- Контору градоначальника, Дмитрич! Я своими ушами слышал, как сапер-генерал нашего Драчевского просил повременить и дать время на осмотр подвала. А тот уперся – и ни в какую! Взрывай, мол, и все тут! Вот и взорвали…

- Да, непростое тут дело, видать, - выругался прораб. – Давай-ка, брат, дуй в ближайшую аптеку, где телефон имеется. И телефонируй Лобачеву, главному по архитектуре: он тут вчера тоже крутился. Если что – он сам до Драчевского дозвонится.

Часом позже на развалины примчались две пролетки из ближайшей полицейской части с дежурными сыщиками и доктором. Быстро осмотрев трупы и обшарив карманы покойников, тот аккуратно разложил на холстинке свои находки – два паспорта, один из которых был украшен британским львом, «визитницу с докторскими карточками, дорогую сигаретницу с тонкими египетскими папиросами и кожаный портсигар с сигарами, упомянутый прорабом золотой крест на цепочке.

- Что скажете про время смерти, доктор? - поинтересовался старший сыщик.

Доктор пожал плечами:

- Совсем свежие покойники, я бы так сказал. Ни характерного запаха разложения, ни признаков окоченения, ни трупных пятен… С другой стороны – из свежих ран, нанесенных, надо полагать, обломками кирпичей, нет кровотечения. В судебно-медицинское Бюро отправлять покойников надо, я тут – пас! Вам-то легче, господа сыщики: личности покойных устанавливать не надо. Тут вам и паспорта, и визитные карточки…

- Да, а еще бы подсказал кто, как граф Ивелич, доктор Климов и британский подданный Ландсберг в этом подвале очутились, - мрачно заметил сыщик. – Ладно, труповозку вызвать надобно – пусть в Бюро разбираются с причинами и временем смерти.

* * *

По причине позднего времени докторов-патологоанатомов в судебно-медицинском Бюро не оказалось, и покойников принял дежурный санитар Морошкин. Он сноровисто уложил тела на каталки, срезал с них всю одежду, привязал к большим пальцам ног бирки и накрыл серыми простынями. Покойники, действительно, были совсем «свежими», и на ледник Морошкин их отправлять не стал, рассудив, что до утра они без проблем долежат и на прозекторских столах.

Покончив с делами, Морошкин отправился в свою каморку, и до подвоза нового покойника – утонувшего в реке по пьяному делу мещанина – мирно продремал.

Раздев и уложив нового покойника на стол, он отправился было досыпать – но остановился как вкопанный: у стола с тремя покойниками откуда-то натекла большая кровавая лужа.

- Что за черт? – пробормотал санитар. – Ноги у энтих господ были перебиты, но не кровянили.

Потоптавшись, он приподнял с лица ближайшего покойника угол простыни – и молча попятился, пока не наткнулся на стенку. Из-под простыни на него глядел вполне живой глаз. Глаз моргнул, и санитар с диким криком вылетел из прозекторской…